Ур. д. № 113 9.

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПРАВО

ПОСОБІЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ

В. Ѳ. ДЕРЮЖИНСКАГО

ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1903

Предлагаемое «пособіе» не заключаетъ въ себѣ полнаго курса того предмета преподаванія, которому въ системѣ нашихъ юридическихъ факультетовъ присвоено наименованіе полицейскаго права. Въ книгу не введены нѣкоторые изъ вопросовъ, относимыхъ обыкновенно къ области этого предмета. Вслѣдствіе этого книга получила характеръ не вполнѣ законченнаго труда, а въ самомъ распредѣленіи матеріала и изложеніи не могла быть проведена стройная система.

Представляя собою очерки отдѣльныхъ отраслей и вопросовъ внутренняго управленія, всѣ входящія въ составъ книги части объединены, однако, извѣстными основными идеями и общею задачею освѣтить разсматриваемыя отрасли управленія въ соотношеніи ихъ съ условіями и интересами культурнаго развитія. Надѣясь съ теченіемъ времени дать болѣе законченную разработку ученія о внутреннемъ управленіи, авторъ рѣшается думать, что и въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ этотъ окажется небезполезнымъ въ качествѣ пособія для изучающихъ государственныя науки. Въ интересахъ желающихъ пополнить сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія, въ каждомъ отдѣлѣ приводятся указанія на литературу вопросовъ, могущія ориентировать, на первыхъ порахъ, приступающаго къ болѣе подробному ихъ изученію.

Февраль 1903 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВСТУПЛЕНІЕ 1

Понятіе управленія и отрасли его.—Возникновеніе полицейскаго права.—Понятіе «полиціи» и «полицейскаго» государства. — Деламаръ, Юсти, Зонненфельсъ. — Кризисъ въ развитіи полицейскаго права. — Правовое государство. — Л. фонъ-Штейнъ и ученіе объ управленіи.—Содержаніе полицейскаго права.

I. ПОЛИЦІЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВО ПЕРЕДВИЖЕНІЯ. 21

Личная свобода. — Право передвиженія и его ограниченія.—Свобода передвиженія въ Англіи.—Актъ объ осѣдлости. — Отношеніе къ иностранцамъ. — Ограниченія права передвиженія въ дореволюціонной Франціи.—Паспортная система въ эпоху революціи. — Современное законодательство.—Мѣры въ отношеніи къ иностранцамъ.—Право передвиженія въ Германіи.—Легитимаціонная система.

Право передвиженія въ Россіи.—Проѣзжія грамоты и Уложеніе 1649 г.—Развитіе паспортной системы при Петрѣ Великомъ.—Паспортные сборы.—Развитіе вопроса о реформѣ паспортнаго законодательства.—Коммисія 1869 г.—Положеніе о видахъ на жительство (1894 г.).—Важнѣйшія постановленія его.—Виды паспортныхъ документовъ.—Отмѣна паспорт-

Стр.

ныхъ сборовъ (1897 г.).—Заграничные паспорты. Въѣздъ иностранцевъ въ Россію. 36

II. ПОЛИЦІЯ СОЮЗОВЪ И СОБРАНІЙ. 57

Союзы и ихъ значеніе.—Отношеніе государства къ союзамъ и собраніямъ. 57

Публичные митинги и союзы въ Англіи.—Роль митинговъ въ государственной жизни.—Развитіе митинговъ и союзовъ въ XIX вѣкѣ.—Ограниченія въ отношеніи къ союзамъ и митингамъ. 60

Очеркъ развитія французскаго законодательства о союзахъ и собраніяхъ.—Уголовный кодексъ 1810 г. и законъ 1834 г.—Вторая республика и вторая Имперія (декретъ 1852 г. и законъ 1868 г.).—Законъ 1881 года о публичныхъ собраніяхъ.—Законъ 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ и религіозныхъ конгрегаціяхъ. 68

Развитіе законодательства о союзахъ и собраніяхъ въ Германіи 82

Образованіе союзовъ по русскому законодательству.—«Противозаконныя сообщества».—Наблюденіе за собраніями. 86

III. ПОЛИЦІЯ ПЕЧАТИ 89

Пресса и государство.—Система предупредительныхъ мѣръ и система репрессивная 89

Возникновеніе предварительной цензуры.—Книгопечатаніе и духовенство.—Первые опыты цензуры..—Буллы 1501 и 1515 гг.—Index librorum prohibitorum.—Цензура и свѣтская власть. 91

Очеркъ исторіи полиціи печати въ Англіи.—Генрихъ VIII.—Елизавета.—Звѣздная палата и ея декреты (1585 и 1637 гг.).—Цензура и суровыя мѣры полиціи печати.—Отмѣна предварительной цензуры (1695 г.).—Значеніе ея.—Законы о лайбелѣ и судопроизводство по дѣламъ печати.—Функціи присяжныхъ.—Фоксовъ Актъ (1792 г.) и упроченіе свободы печати.—Штемпельный сборъ, залоги, налогъ на объявленія и налогъ на бумагу.—Отмѣна ихъ. 98

Стр.

Очеркъ исторіи полиціи печати во Франціи.—Предварительная цензура и Парижскій университетъ.—Королевскіе цензоры.—Регламентъ 1723 г.—Полиція печати въ XVIII ст.—Свобода печати и эпоха революціи.—Полиція печати при Наполеонѣ I.—Эпоха реставраціи (законы 1819 г.).—Іюльская монархія и революція 1848 г.—Декретъ 1852 г.—Административная система полиціи печати.—Законъ 1868 г.—Третья республика и законъ 1881 г. о свободѣ печати. . . 116

Законодательство о печати въ Германіи.—Эпоха предварительной цензуры.—Законъ о печати 1874 г. 141

Историческій очеркъ законодательства о печати въ Россіи.—Первые зачатки полиціи печати при Петрѣ Великомъ.—Начало вольныхъ типографій (1771 г. и 1783.).—Дѣятельность Н. И. Новикова.—Судъ надъ А. Н. Радищевымъ.—Организація цензуры въ 1796 г.—Полиція печати при Павлѣ I.—Эпоха Александра I.—Первый цензурный уставъ 1804 г.—Уставъ 1826 г.; его особенности; суровость его постановленій.—Уставъ 1828 г.—Спеціальныя цензуры.—Эпоха «цензурнаго террора».—Реформы Александра II.—Расширеніе гласности.—А. В. Головнинъ и пересмотръ законодательства о печати.—Временныя правила 12 мая 1862 г.—Законъ 6 апрѣля 1865 г.—Дѣйствующее законодательство и временныя мѣры 1882 г.—Административныя мѣры и ихъ примѣненіе.—Правила въ руководство цензурѣ.—Типографіи и пр.—Духовная цензура. 143

IV. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЯ МѢРЫ ПОЛИЦІИ БЕЗОПАСНОСТИ. 186

Мотивы чрезвычайныхъ мѣръ.—Существенныя особенности этихъ мѣръ.—Главные типы чрезвычайныхъ мѣръ. 186

Англійское и французское законодательства о безпорядкахъ.—Riot Act.—Отвѣтственность за убытки.—Французскіе законы 1831 и 1848 гг. 190

Осадное положеніе во Франціи и въ Германіи.—Мотивы объявленія осаднаго положенія.—Порядокъ его объявленія.—Послѣдствія его.—Снятіе осаднаго положенія . . . 192

Стр.

Чрезвычайныя мѣры въ Англіи. — Процедура Habeas Corpus и ея значеніе.—Сущность пріостановки дѣйствія Habeas Corpus Акта.—Анализъ ея послѣдствій.—Актъ объ амнистіи и значеніе этого института.—Предѣлы амнистіи.—Основныя черты различія между пріостановкою Habeas Corpus Акта и осяднымъ положеніемъ.—Примѣненіе пріостановки и другія чрезвычайныя мѣры. 200

Чрезвычайныя мѣры въ Россіи.—Обычныя полномочія администраціи по охраненію порядка.—Призывъ войскъ, его порядокъ.—Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. — Усиленная охрана. — Чрезвычайная охрана. — Административная высылка.—Полицейскій надзоръ. 217

V. САНИТАРНАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПОЛИЦІЯ. . . 229

Государственное значеніе санитарныхъ мѣръ. — Развитіе санитаріи. — Санитарныя мѣры въ Англіи и ихъ результаты. — Санитарное дѣло въ Германіи и во Франціи. — Развитіе санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.—Древнее время.—Московская Русь.—Привлеченіе иностранныхъ врачей.—Первыя аптеки.—Аптекарскій приказъ. — Первые русскіе врачи.—Медицинская часть при Петрѣ Великомъ.—Современная организація санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.—Врачебныя отдѣленія.—Земскія учрежденія.—Городскія общественныя управленія.—Успѣхи земской медицины.—Неудовлетворительность санитарныхъ условій. — Необходимость улучшенія ихъ 229

VI. ПОЛИЦІЯ НРАВОВЪ. 257

Общественная нравственность и государство.—Характеръ и предѣлы воздѣйствія государства. — Органы полиціи нравовъ и ея главные объекты. 257

Пьянство и борьба съ нимъ. Пьянство, какъ общественное бѣдствіе. — Вліяніе пьянства. — Борьба съ пьянствомъ. — Общества трезвости въ Америкѣ и въ Англіи. — Готебургская система. — Возникновеніе ея, существенныя черты ея и значеніе.—Международныя общества трезвости.—

Стр.

Ограниченіе торговли спиртными напитками.—Запретительная система въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки.—Надзоръ за очисткою спиртныхъ напитковъ.—Леченіе пьянства. — Мѣры противъ пьянства въ Россіи. — Пьянство въ древней Руси.—Пьянство и фискальные интересы.—Откупа.—Акцизная система. — Мѣры ограниченія пьянства. — Законъ 1885 года. — Казенная продажа вина. — Задачи и основанія реформы.—Попечительства о народной трезвости и ихъ задачи. — Недостатки организаціи попечительствъ. — Дѣятельность ихъ. 260

Мѣры по отношенію къ проституціи.—Историческія данныя о развитіи проституціи.—Мѣры Людовика IX Св. и Маріи Терезіи.—Терпимость со стороны государства.—Мѣры по отношенію къ проституціи. — Санитарная опасность ея.—Регламентація ея въ Россіи. Врачебно-полицейскій надзоръ въ С.-Петербургѣ.—Съѣздъ сифилидологовъ въ 1897 г. и его заключенія. — Аболиціонизмъ, его развитіе и сущность.—Торговля женщинами въ цѣляхъ разврата и мѣры противъ нея. — Лондонскій конгрессъ 1899 г. — Парижская конференція 1902 г. и ея постановленія. 308

VII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ 339

Учебныя заведенія.

Общеобразовательныя учебныя заведенія.

Начальныя школы. — Ихъ развитіе. — Школы министерства народнаго просвѣщенія и школы духовнаго вѣдомства.—Прочіе виды начальныхъ школъ.—Данныя о современной постановкѣ начальнаго образованія (число школъ и учащихся; показатели образованія; средства на содержаніе школъ; успѣхи начальнаго образованія въ послѣднее время) 342

Среднія учебныя заведенія.—Гимназія, ихъ развитіе.—Системы средняго образованія.—Классическія гимназіи и прогимназіи.—Реальныя училища. 355

Высшія учебныя заведенія.—Университеты, ихъ развитіе.—Уставы 1804 г., 1835 г., 1863 г. и 1884 г.—Прочія высшія учебныя заведенія. Лицеи и Институты. 359

Стр.

Женскія учебныя заведенія. — Низшія, среднія и высшія женскія учебныя заведенія.—Гимназіи и институты.—Высшіе женскіе курсы.—Женскій медицинскій институтъ 367

Духовныя учебныя заведенія. — Духовныя училища. — Духовныя семинаріи.—Духовныя академіи. — Женскія духовно-учебныя заведенія. 373

Спеціальныя учебныя заведенія.—I. Техническія и ремесленныя.—II. Земледѣльческія, лѣсныя и сельскохозяйственныя.—III. Межевыя и топографическія.—IV. Коммерческія.—V. Медицинскія.—VI. Художественныя и музыкальныя.—VII. Военныя и морскія. 377

Ученыя учрежденія.

Академія наукъ.—Ученыя общества.—Съѣзды ученыхъ.—Публичныя библіотеки.—Музеи. 387

VIII. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНІЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. 392

Очеркъ развитія призрѣнія бѣдныхъ.—Право на помощь.—Роль государства въ области призрѣнія бѣдныхъ.—Частная благотворительность. — Мѣры государства. — Эпоха репрессивно-полицейскихъ мѣръ.—Зарожденіе общественнаго призрѣнія въ Англіи и во Франціи —Основныя черты современнаго положенія общественнаго призрѣнія.—Обязательное и факультативное призрѣніе. 392

Эльберфельдская система.—Ея сущность, организація и результаты.—Рабочія колоніи и продовольственныя станціи въ Германіи.—Ихъ цѣль, устройство и значеніе.—Объединеніе частной благотворительности и ея взаимодѣйствіе съ общественнымъ призрѣніемъ.—Charity Organisation Society—Office central des oeuvres charitables —Der deutscher Verein für Armenpflege. 405

Историческій очеркъ призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи.—Древній періодъ.—Указъ царя Ѳеодора Алексѣевича.—Эпоха Петра Великаго.—Регламенты Главному Магистрату и Духовной Коллегіи.—Мѣры противъ нищенства.—Эпоха Екатерины II.—Воспитательные дома.—Приказы общественнаго

Стр.

призрѣнія.—Ихъ задачи, организація и дѣятельность.—Земство и общественное призрѣніе.—Пересмотръ законодательства объ общественномъ призрѣніи.—Призрѣніе бѣдныхъ у крестьянъ.—Современное состояніе его, его нужды.—Городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.—Организація ихъ и дѣятельность; значеніе попечительствъ 423

Развитіе частной благотворительности въ Россіи.—Благотворительныя вѣдомства.—Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи.—Попечительство о слѣпыхъ. — Императорское Человѣколюбивое Общество.—Россійское Общество Краснаго Креста.—Попечительство о домахъ трудолюбія 469

IX. ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. 479

Понятіе фабричнаго законодательства.—Развитіе фабрично-заводской промышленности въ Россіи.—Эпоха Петра Великаго.—Преемники Петра. — Работныя регулы 1741 г.—Эпоха Екатерины II.—Начало XIX вѣка.—Законъ 1835 г.—Позднѣйшія отдѣльныя мѣропріятія.—Начало развитія мѣръ охраны труда.—Законы 1882, 1884, 1885, 1886, 1897 и 1899 гг. 479

Порядокъ и условія найма рабочихъ. — Заключеніе договора, его прекращеніе и расторженіе.—Регулированіе взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ.—Правила внутренняго распорядка.—Денежныя взысканія съ рабочихъ и нормы, ихъ регулирующія 488

Рабочее время.—Работа малолѣтнихъ, подростковъ, женщинъ, взрослыхъ рабочихъ.—Продолжительность работы.—Ночная работа.—Сверхурочныя работы. 494

Фабричная инспекція. — Ея обязанности. — Губернскія и Главное присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ.—Школьное обученіе малолѣтнихъ.—Врачебная помощь рабочимъ 496

ВСТУПЛЕНІЕ.

Понятіе управленія и отрасли его. — Возникновеніе полицейскаго права. — Понятіе «полиціи» и «полицейскаго» государства. — Деламаръ, Юсти, Зонненфельсъ. — Кризисъ въ развитіи полицейскаго права. — Правовое государство. — Л. фонъ-Штейнъ и ученіе объ управленіи. — Содержаніе полицейскаго права.

Полицейское право принадлежитъ къ кругу наукъ о государствѣ и предметомъ своимъ имѣетъ изученіе такъ называемаго внутренняго управленія.

Терминомъ „управленіе“ обозначается совокупность различныхъ проявленій дѣятельности государства, направленной къ осуществленію задачъ, присущихъ ему, какъ правомѣрному и культурному союзу.

Соотвѣтственно съ различными задачами государства, управленіе распадается на рядъ отдѣльныхъ отраслей, группировка которыхъ можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ. Во 1-хъ, финансовое управленіе, на которомъ лежатъ заботы по изысканію матеріальныхъ средствъ и употребленію ихъ на государственныя цѣли. Во 2-хъ, управленіе внѣшними дѣлами, вытекающее изъ необходимости для каждаго государства установить извѣстныя отношенія къ другимъ государствамъ и озаботиться ихъ регулированіемъ. Въ 3-хъ, военное управленіе, къ области котораго относятся заботы по обезпеченію государства вооруженными силами съ цѣлью охраненія принадлежащей ему территоріи и защиты населенія отъ опасностей, могущихъ угрожать ему извнѣ. Въ 4-хъ, организація правосудія и судебное управленіе, задачами котораго являются обезпеченіе за населеніемъ законномѣрныхъ способовъ защиты гражданскихъ

правъ и установленіе цѣлесообразной репрессіи уголовныхъ нарушеній. Наконецъ, въ 5-хъ, внутреннее управленіе въ собственномъ смыслѣ, на долю котораго выпадаетъ оказаніе населенію всевозможнаго содѣйствія къ развитію его культурныхъ интересовъ и удовлетворенію многосложныхъ потребностей его матеріальнаго и духовнаго существованія.

Таковы тѣ отдѣльные элементы, изъ которыхъ составляется полная система ученія объ управленіи. Но многія изъ указанныхъ отраслей управленія уже давно являются предметомъ самостоятельныхъ научныхъ системъ. Такъ, управленіе дѣлами внѣшней политики изучается спеціальной отраслью юриспруденціи—международнымъ правомъ; финансовое управленіе также имѣетъ для своей разработки особую научную систему — финансовое право или науку о финансахъ; ученіе объ организаціи вооруженныхъ силъ и о военномъ управленіи мало-по-малу спеціализируется въ особое военное право; наконецъ, организація правосудія и дѣятельность относящихся сюда учрежденій изучаются спеціальными науками о судоустройствѣ и судопроизводствѣ гражданскомъ и уголовномъ. Вслѣдствіе этого, подъ „ученіемъ объ управленіи“ обыкновенно разумѣютъ науку, предметомъ которой является разработка вопросовъ собственно внутренняго управленія, т. е. той области его, которая задачею своею имѣетъ культурное развитіе народа, обезпеченіе наиболѣе благопріятныхъ условій возможно полнаго удовлетворенія потребностей его духовнаго и матеріальнаго существованія.

Таково, въ краткихъ словахъ, содержаніе той научной системы, которая, подъ названіемъ „ученія объ управленіи“ (Verwaltungslehre) или „административнаго права“ (Verwaltungsrecht), заняла выдающееся мѣсто въ современной схемѣ юридическаго и политическаго образованія, замѣнивъ собою прежнюю систему „полицейскаго права“ (Polizeirecht) или „науки о полиціи“ (Polizeiwissenschaft). Соотношеніе между старою и новою системами выясняется изъ обозрѣнія важнѣйшихъ моментовъ развитія „полицейскаго права“.

Полицейское право возникло въ Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка. По крайней мѣрѣ, къ этому времени относится появленіе тѣхъ систематическихъ ученыхъ работъ,

въ которыхъ впервые сдѣланы были попытки научнаго изслѣдованія и освѣщенія вопросовъ, составившихъ предметъ изученія полицейскаго права. Мы имѣемъ въ виду важнѣйшія сочиненія Іоганна Генриха фонъ-Юсти и Іосифа Зонненфельса—двухъ писателей, признаваемыхъ основателями науки полиціи и полицейскаго права. Но писатели эти могли выполнить свою работу лишь благодаря тому, что она была до извѣстной степени подготовлена. Ихъ главная заслуга состоитъ въ томъ, что они дали болѣе или менѣе цѣльную и законченную систему того обширнаго научнаго матеріала, который накоплялся, разработывался и освѣщался уже задолго до нихъ. Этотъ матеріалъ дала прежде всего сама жизнь, жизнь общества и государства, интересы которыхъ и породили потребность въ особой дисциплинѣ для изученія и научной разработки ихъ.

XVI и XVII вѣка являются однимъ изъ самыхъ критическихъ періодовъ въ развитіи западно-европейскихъ континентальныхъ государствъ (въ особенности Франціи и Германіи). Это—періодъ въ высшей степени интересный и важный, періодъ перехода отъ средневѣковаго государства къ новому. Феодализмъ окончательно отживаетъ свое время, сословныя различія, лежавшія въ основѣ общественной и государственной организаціи, мало-по-малу исчезаютъ, отдѣльныя общины и городскіе союзы утрачиваютъ характеръ самоуправляющихся, самостоятельно живущихъ корпорацій. Взамѣнъ безчисленнаго количества маленькихъ союзовъ и государствъ создается мало-по-малу государство единое по крови, по интересамъ и, въ значительной степени, по правамъ его населенія. Верховная власть, до тѣхъ поръ дробившаяся и находившаяся въ рукахъ многихъ отдѣльныхъ лицъ и корпорацій, мало-по-малу сосредоточивается въ одномъ центрѣ, въ одномъ лицѣ, нераздѣльно соединяющемъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной государственной власти. Средневѣковая корпоративная и сословная монархія развивается въ новую форму единаго и абсолютнаго королевства.

По отношенію къ внутренней жизни государства новая форма его выразилась, главнымъ образомъ, въ тѣхъ явленіяхъ, которыя въ совокупности своей обозначаются терми-

номъ „административная централизація“. Къ XVI и XVII вѣкамъ относятся наиболѣе энергическія попытки центральной власти создать сильную организацію различныхъ отраслей внутренняго управленія. Во Франціи это было время административныхъ эдиктовъ и ордонансовъ Франциска I и Генриха IV, за которыми слѣдовала рѣшающая эпоха министерства Ришельё и царствованія Людовика XIV — эпоха окончательнаго насажденія административной централизаціи. Въ Германіи, или, вѣрнѣе, въ тѣхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, на которыя дробилась она въ то время, XVI и XVII вѣка могутъ быть названы вѣками „полицейскихъ регламентовъ“ по преимуществу. Въ основѣ ихъ лежало стремленіе регламентировать всевозможныя стороны народной жизни путемъ созданія цѣлой системы учрежденій, призванныхъ проводить въ жизнь законодательныя предписанія. Какъ на образецъ этихъ законодательныхъ памятниковъ, можно указать на имперскіе полицейскіе регламенты (Reichspolizeiordnungen) 1548 и 1577 гг. Въ нихъ встрѣчаются рядомъ самыя разнообразныя постановленія: о солдатахъ и матросахъ; о торговлѣ евреевъ; объ адвокатахъ и лицахъ, занимающихся извознымъ промысломъ; объ ярмаркахъ и книжной цензурѣ; о бродягахъ и цыганахъ; о преслѣдованіи роскоши въ одеждѣ и напиткахъ и т. д., и т. д., — однимъ словомъ о всемъ томъ, что входило въ то время въ составъ широкаго понятія „полиціи“.

Терминъ этотъ греческаго происхожденія отъ слова πολιτεία (отъ πόλις—городъ), означавшаго городское, государственное устройство. Въ такомъ первоначальномъ смыслѣ терминъ этотъ перешелъ въ латинскій языкъ, подъ формой politia, и въ такомъ значеніи употреблялся средневѣковыми писателями. Но съ конца XIV вѣка его начали употреблять, сначала во Франціи, а затѣмъ и въ Германіи, въ нѣсколько иномъ смыслѣ; подъ французскимъ терминомъ police, policité [1]

[1] Эти термины, какъ кажется, впервые находятъ себѣ примѣненіе въ законодательствѣ Карла VI 1399 г.: «pour le bien et utilité de la chose publique et de la policité de la dicte ville»; въ 1415 г.: «pour garder le bien publique... en très bonne police».

и нѣмецкимъ polizei [1] стали мало-по-малу разумѣть совокупность различныхъ элементовъ общественнаго порядка, общественное благополучіе, а также и правительственную дѣятельность, направленную къ обезпеченію его. Онъ обнималъ собою всю совокупность дѣлъ свѣтскаго управленія—res politicae, въ отличіе отъ res ecclesiasticae, дѣлъ церковныхъ. Сначала терминъ „полиція“ въ этомъ широкомъ смыслѣ вошелъ въ употребленіе въ оффиціальномъ языкѣ законодательства и администраціи, а затѣмъ проникъ и въ научную литературу, представители которой примѣнили его и къ характеристикѣ направленія, въ теченіе долгаго времени господствовавшаго въ исторіи различныхъ государствъ.

Изъ всѣхъ указанныхъ эдиктовъ и ордонансовъ, полицейскихъ регламентовъ и указовъ мало-по-малу составилось колоссальное по своимъ размѣрамъ законодательство, посредствомъ котораго правительства стремились направлять и регламентировать самыя разнообразныя стороны народной жизни. Потребность разобраться въ этомъ матеріалѣ, необходимость изученія его, уже просто, какъ фактора, играющаго такую важную роль, вызвала въ XVII вѣкѣ къ существованію обширную литературу сборниковъ, этюдовъ и трактатовъ, съ цѣлью разъяснить и систематизировать разбросанныя законодательныя предписанія. Многочисленныя явленія этой литературы характеризуютъ собою первый, такъ сказать, подготовительный періодъ въ исторіи полицейскаго права. Наиболѣе крупнымъ событіемъ этого періода было появленіе въ началѣ XVIII вѣка 4-хъ—томнаго трактата о полиціи Деламара [2]. Авторъ этого трактата, занимавшій видный постъ въ полицейской администраціи Парижа, нерѣдко получавшій отъ Людовика XIV важныя администра-

[1] Впервые въ указѣ 1492 г.: «zu bestenndigkeit guter polizey und regiments». См. E. Loening, Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts (Leipzig, 1884), ст. 5.

[2] Delamare, Traité de la police où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les réglements qui la conservent. — Paris, 1705 — 1739 четыре тома in folio.

тивныя порученія (по раскрытію злоупотребленій, по принятію мѣръ къ обезпеченію народнаго продовольствія и др.), задался цѣлью привести въ систему обширное законодательство своей страны по различнымъ отраслямъ внутренняго управленія, прослѣдить его исторію и провести параллель съ нѣкоторыми иностранными законодательствами. Задача его была выполнена прекрасно. Сочиненіе Деламара вполнѣ основательно считается классическимъ и до сихъ поръ не утратило своего важнаго значенія для исторіи французской администраціи. Будучи самъ практикомъ, обладая замѣчательной опытностью по многимъ отраслямъ управленія, Деламаръ не могъ не наложить особой печати практическаго характера и на свое произведеніе. Теоретическія воззрѣнія занимаютъ у него второстепенное мѣсто и, во всякомъ случаѣ, составляютъ болѣе слабую сторону его трактата. Тѣмъ не менѣе, значеніе его, даже въ области теоретической разработки вопросовъ управленія, чрезвычайно велико. Онъ былъ хорошо извѣстенъ первому нѣмецкому полицеисту Юсти и имѣлъ на него большое вліяніе. Деламаръ является самымъ крупнымъ предшественникомъ нѣмецкихъ полицеистовъ.

Съ половины XVIII вѣка въ Германіи начинаютъ все чаще появляться попытки философской обработки вопросовъ управленія; признается, наконецъ, возможнымъ создать для нея особую систему, спеціальную науку. Въ то время въ нѣмецкой философіи господствовало т. н. эвдемоническое направленіе, во главѣ котораго стоялъ извѣстный Христіанъ Вольфъ. Въ основѣ этого направленія лежало убѣжденіе, что по кореннымъ, прирожденнымъ человѣку правамъ всѣ люди одинаковы и что различіе ихъ по правамъ относится только къ ихъ пріобрѣтеннымъ, а не кореннымъ правамъ. Отсюда, изъ основныхъ человѣческихъ правъ, выводилось право каждаго стремиться къ усовершенствованію, при чемъ это понятіе было тѣсно связано съ понятіемъ благополучія, какъ основной цѣли государственной жизни. Сознавая недостаточность единичныхъ усилій къ достиженію этого благополучія, люди соединяются въ общественный союзъ, государство, цѣлью котораго и является, такимъ образомъ, обезпеченіе общественнаго благосостоянія и безопасности.

Эти философскія воззрѣнія на задачи государства и легли въ основу ученія о правительственной дѣятельности, которая считалась признанною путемъ вмѣшательства въ народную жизнь обезпечить осуществленіе этихъ задачъ. Раньше другихъ систематическое изложеніе этого ученія далъ Юсти, впервые употребившій и самый терминъ „наука полиціи“ (Polizeiwissenschaft) въ сочиненіи, вышедшемъ въ 1756 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Основныя начала науки полиціи, изложенныя въ раціональной системѣ, основанной на конечной цѣли государства“ [1]. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти основныя начала были подвергнуты авторомъ новой переработкѣ и изложены уже болѣе подробно въ большомъ двухтомномъ трактатѣ [2] подъ заглавіемъ: „Основанія могущества и благополучія государствъ, или подробное изложеніе науки полиціи въ ея совокупности.“ Затѣмъ, вскорѣ послѣ появленія этого трактата, вышло въ свѣтъ и сочиненіе Іосифа Зонненфельса („Основанія науки полиціи, промышленности и финансовъ“) [3], имя котораго неразрывно связано въ исторіи полицейскаго права съ именемъ Юсти.

Указанныя три сочиненія представляютъ собою наиболѣе важныя попытки построить самостоятельную систему науки полиціи.

Если всмотрѣться въ результаты ихъ, то по отношенію къ тремъ наиболѣе существеннымъ вопросамъ: о задачѣ науки, содержаніи ея и пріемахъ изученія, они могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ. Наука полиціи имѣетъ своею задачею изученіе государственной или правительственной дѣятельности, направленной къ обезпеченію общаго благосостоянія, какъ конечной цѣли государства. Отсюда содержаніе ея составляетъ совокупность государ-

---

[1] Iohann Heinrich Gottlobs von Justi: «Grundsätze der Policeywissenschaft in einen verkünftigen, auf der Endzweck der Policey gegründeten, Zusammenhange und zum Gebrauch Academischer Vorlesungen abgefasset». Göttingen, 1756.

[2] «Die Grundfeste der Macht und Glückseligkeit der Staaten, oder ausführliche Darstellung der gesammten Polizeiwissenschaft». I. II. Königsberg, 1760.

[3] I. Sonnenfels: «Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft». I.—III. Wien 1765. Выдержало семь изданій (7-ое изд. 1804 г.).

ственныхъ учрежденій и мѣръ, содѣйствующихъ развитію въ обществѣ условій безопасности и, одинаково, матеріальнаго и духовнаго его благосостоянія. По своей задачѣ и по своему содержанію, наука полиціи относится, такимъ образомъ, къ кругу наукъ политическихъ и входящіе въ область ея предметы изучаетъ съ точки зрѣнія политической, т. е. съ точки зрѣнія цѣлесообразности устройства государственныхъ учрежденій и ихъ дѣятельности.

Сочиненія Юсти и Зонненфельса оказали большое вліяніе на современное имъ общество. Они выдержали каждое по нѣскольку изданій и, между прочимъ, еще въ царствованіе Екатерины II были переведены на русскій языкъ [1]. Подъ ихъ вліяніемъ наука полиціи сдѣлалась предметомъ усиленной разработки среди нѣмецкихъ ученыхъ и вскорѣ вошла въ кругъ преподаванія юридическихъ факультетовъ. При всемъ томъ, въ ея развитіи на первыхъ же порахъ наступилъ серьезный и продолжительный кризисъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи обнаружилось чрезвычайное и въ высшей степени характерное разнообразіе въ пониманіи основныхъ вопросовъ науки полиціи или, какъ ее стали называть иначе, полицейскаго права. Изъ всей массы писателей полицеистовъ трудно найти хотя бы двухъ вполнѣ согласныхъ между собою по столь существеннымъ вопросамъ, какъ: задачи науки, опредѣленіе круга явленій, подлежащихъ ея изученію, характера ея и пріемовъ изслѣдованія. Чуть не каждый писатель понималъ ее по своему. Одни болѣе или менѣе тѣсно примыкали къ ученіямъ Юсти и Зонненфельса и считали науку полиціи наукой политической; другіе признавали ее наукой юридической и стремились выработать особую систему юридическихъ нормъ подъ общимъ названіемъ полицейскаго права; третьи пытались согласить обѣ точки зрѣнія — политическую и юридическую и создать параллельно двѣ научныя системы: философскую систему

[1] Второе сочиненіе Юстя было переведено въ 1772 г. И. Богаевскимъ подъ заглавіемъ: «Основаніе силы и благосостоянія царствъ, или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до государственнаго благочинія». Спб. 1772—1778 (изд. въ 3-хъ томахъ). Сочиненіе І. Зонненфельса переведено въ 1787 г. Матвѣемъ Гавриловымъ подъ заглавіемъ: «Начальныя основанія полиціи или благочинія». Москва, 1787 г.

науки полиціи и особую систему полицейскаго права; были, наконецъ, и такіе писатели, которые вполнѣ отрицали даже самую возможность существованія особой науки полицейскаго права.

Причины этого явленія кроются, главнымъ образомъ, въ двухъ весьма важныхъ фактахъ, имѣвшихъ мѣсто во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка: во 1-хъ, въ появленіи особой науки—политической экономіи и, во 2-хъ, въ приближеніи новой фазы въ развитіи европейскихъ государствъ, когда такъ называемое полицейское государство уступило свое мѣсто государству правовому.

Изученіе произведеній школы физіократовъ, а главное, появленіе въ 1776 году безсмертнаго творенія Ад. Смита вызвало къ существованію особую науку, которая ставила своею задачею изученіе явленій хозяйственной, экономической жизни и раскрытіе законовъ этихъ явленій. Колоссальный и повсемѣстный успѣхъ ученія Смита и его ближайшихъ послѣдователей, усиленная разработка новой отрасли знанія—политической экономіи—въ литературѣ и и на университетскихъ каѳедрахъ,—все это привело къ тому, что наука полиціи увидѣла значительную часть предметовъ ея изученія какъ бы оторванной, перешедшей въ другія руки. Въ самомъ дѣлѣ, большинство вопросовъ, связанныхъ съ условіями развитія матеріальнаго благосостоянія (а оно, какъ указано, составляло одинъ изъ главныхъ предметовъ изученія науки полиціи, отошло въ область политической экономіи. Наука полиціи, такимъ образомъ, какъ бы теряла, по крайней мѣрѣ, на половину смыслъ своего существованія, въ качествѣ особой отрасли знанія. Это обстоятельство послужило первой серьезной причиной нѣкотораго разочарованія въ средѣ полицеистовъ и дало особенно сильный толчекъ къ возникновенію безконечныхъ разногласій по вопросамъ о задачахъ и предметахъ изученія полицейскаго права.

Съ другой стороны, въ жизни европейскихъ государствъ въ концѣ XVIII ст. начинаетъ созрѣвать и получаетъ первыя проявленія новая фаза въ ихъ развитіи. Продолжительный опытъ показалъ, что правительственная опека надъ различными сторонами народной жизни далеко не приводитъ къ

тѣмъ благодѣтельнымъ результатамъ, на которые привыкли разсчитывать сторонники полицейской регламентаціи. Повсюду сталъ ощущаться гнетъ этой опеки, повсемѣстно стали появляться признаки желанія выйти изъ нея. Мало-по-малу и сами правительства перестали смотрѣть на полицейскую регламентацію, какъ на необходимое средство и наилучшій путь къ достиженію общаго благополучія; въ ней, наоборотъ, стали видѣть источникъ многихъ бѣдствій и преграду къ свободному развитію силъ и способностей народа. Не отвѣчая болѣе потребностямъ времени, теорія полицейскаго государства постепенно уступаетъ свое мѣсто теоріи такъ называемаго правового государства. Въ основу ея, вмѣсто прежней регламентаціи, легла идея свободы, которая должна была перестроить весь государственный механизмъ и коренным образомъ измѣнить воззрѣнія на задачи и характеръ правительственной дѣятельности. Появившись въ концѣ XVIII ст., теорія правового государства въ короткое время успѣла пріобрѣсти господствующее положеніе какъ въ сферѣ правительственной дѣятельности, такъ и въ литературѣ политическихъ наукъ.

Естественно, что прежде всего и сильнѣе всего она должна была отразиться на полицейскомъ правѣ. И дѣйствительно, уже съ конца XVIII ст. вопросъ о предѣлахъ полицейскаго вмѣшательства государства, характеръ правительственной дѣятельности въ разныхъ отрасляхъ управленія привлекаетъ къ себѣ преимущественное вниманіе полицеистовъ, являясь источникомъ нескончаемыхъ споровъ и вѣчнаго среди нихъ разногласія.

Итакъ, съ одной стороны, появленіе и успѣшная и плодотворная разработка политической экономіи, въ значительной степени лишившей полицейское право его самостоятельнаго значенія; съ другой, радикальная перемѣна въ пониманіи задачъ, предѣловъ и характера полицейской дѣятельности государства,—таковы двѣ существеннѣйшія причины того кризиса, который выпалъ на долю полицейскаго права вскорѣ же послѣ первыхъ опытовъ создать изъ него самостоятельную науку. При такихъ условіяхъ неудивительно, что самому существованію ея стала грозить серьезная опасность, не замедлившая вызвать попытки къ разрѣшенію кризиса.

Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ и интересныхъ опытовъ въ этомъ направленіи является попытка извѣстнаго Роберта фонъ Моля примирить самостоятельное существованіе науки полиціи съ требованіями теоріи правового государства. Хотя эту попытку и нельзя признать удачной и вполнѣ плодотворной, однако трехтомное сочиненіе Моля „Наука полиціи на началахъ правового государства“ [1] представляетъ собою въ высшей степени солидное, не утратившее и понынѣ своего значенія, явленіе въ прошлой исторіи полицейскаго права. Оно въ значительной степени подготовило почву для новаго плодотворнаго движенія, результатомъ котораго была коренная реформа въ системѣ науки.

Однимъ изъ главныхъ и наиболѣе авторитетныхъ выразителей этого движенія справедливо считается извѣстный Лоренцъ фонъ Штейнъ (умершій въ сентябрѣ 1890 года). Ему принадлежитъ иниціатива господствующаго теперь направленія, которое переработало прежнюю систему науки полиціи и полицейскаго права въ такъ называемое ученіе объ управленіи.

Успѣхъ попытки Штейна объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ отлично понялъ невозможность дальнѣйшаго существованія полицейскаго права въ томъ видѣ, въ какомъ оно было создано полицеистами XVIII вѣка, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ умѣло воспользовался нѣкоторыми работами болѣе раннихъ писателей въ области ученія объ управленіи (Verwaltungslehre).

Подъ этимъ названіемъ въ половинѣ текущаго столѣтія началъ обработываться нѣмецкими учеными тотъ отдѣлъ государственной науки, который первоначально изучался въ связи съ общимъ ученіемъ о государствѣ, соединявшимъ въ себѣ какъ изслѣдованіе вопросовъ, связанныхъ съ его устройствомъ, такъ и анализъ вопросовъ управленія. Но затѣмъ, вслѣдствіе все большаго и большаго расширенія круга явленій, входящихъ въ область государственной науки,

---

[1] Robert von Mohl: «Die Polizeiwissenschaft von den Grundsätzen des Rechtstaates». Три тома. Это сочиненіе выдержало три изданія: 1-е (въ 2-хъ т.) въ 1832 г., 2-ое (въ 3-хъ т.) въ 1844 г. и 3-е (значительно переработанное) въ 1866 году.

стала нарождаться потребность въ выдѣленіи ученій о государственномъ устройствѣ и государственномъ управленіи въ особыя научныя отрасли. Мало-по-малу въ литературѣ стали появляться сочиненія, трактовавшія эти ученія отдѣльно одно отъ другого [1]. При этомъ за послѣднія десятилѣтія особенное вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ было обращено на разработку вопросовъ управленія.

Въ этомъ отношеніи наука поспѣшила отозваться на потребности, выдвинутыя самою жизнью.

Если вглядѣться въ политическую исторію Германіи въ теченіе XIX ст., то легко замѣтить, что въ началѣ его преобладающими, наиболѣе жгучими вопросами являлись вопросы государственнаго устройства, вопросы о томъ: какъ лучше гарантировать гражданскія и политическія права, сознаніе которыхъ быстро разливалось въ массахъ и вскорѣ сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ. Народившаяся потребность въ политическихъ реформахъ и поставленные жизнью запросы естественно наталкивали научную мысль на разработку именно тѣхъ отдѣловъ ученія о государствѣ, которые могли выяснить новыя потребности и указать пути ихъ удовлетворенія. И вотъ на этой почвѣ совершается оживленная работа мысли надъ вопросами о формахъ правленія и сравнительномъ ихъ преимуществѣ, о правахъ гражданъ и способахъ наилучшаго обезпеченія ихъ путемъ той или иной организаціи государственныхъ учрежденій.

Въ результатѣ этой работы явилась богатая, и количественно и качественно, литература вопросовъ государственнаго устройства, литература, оказавшая благотворное вліяніе на успѣхи политическаго развитія общества. Но съ удовлетвореніемъ потребности въ политической реформѣ, выразившейся въ созданіи конституціоннаго образа правленія на началахъ народнаго представительства, вопросы организаціи государственныхъ учрежденій отошли на второй планъ; свое преобладающее мѣсто они уступили многочисленнымъ предметамъ управленія, которые стали при-

[1] Интересно, что первая попытка въ этомъ родѣ, насколько намъ извѣстно, принадлежитъ Роберту фонъ-Молю въ его сочиненіи: «Das Staatsrecht des Königreiches Würtemberg» (1-ое изд. 1829, 2-ое изд. 1840).

влекать къ себѣ все большее и большее вниманіе какъ практиковъ, такъ и теоретиковъ. Если не считать кратковременнаго періода Штейновскихъ реформъ въ первой четверти XIX ст., то едва ли въ исторіи Германіи найдется эпоха, столь богатая внутренними административными реформами, какою являются послѣднія десятилѣтія. Организація мѣстнаго управленія и административной юстиціи, школьное дѣло и призрѣніе бѣдныхъ, мѣры къ улучшенію быта рабочихъ, желѣзнодорожное хозяйство и многія другія отрасли внутренняго управленія подверглись за это время кореннымъ и болѣе или менѣе плодотворнымъ преобразованіямъ. Явившееся еще ранѣе сознаніе цѣлесообразности выдѣленія ученія объ управленіи изъ общей системы государственной науки стало укореняться все болѣе и болѣе, вызвавъ рядъ попытокъ построенія полныхъ научныхъ системъ его.

Наиболѣе замѣчательная изъ этихъ попытокъ принадлежитъ, какъ сказано, вѣнскому профессору Лоренцу фонъ Штейну, который въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій своей жизни издалъ рядъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ цѣльную систему ученія объ управленіи. Исходнымъ пунктомъ, точкой отправленія для всей системы Штейна является слѣдующая мысль, весьма ясно выраженная имъ въ его „Руководствѣ“ [1]: „Чѣмъ далѣе подвигается впередъ современное просвѣщеніе, тѣмъ яснѣе становится положеніе, что центръ тяжести дальнѣйшаго развитія лежитъ въ управленіи. Этимъ я не хочу сказать, чтобы вопросы государственнаго устройства утратили свое значеніе, а то, что при посредствѣ государственнаго устройства мы дошли до управленія. Одна изъ величайшихъ задачъ ближайшаго будущаго, — продолжаетъ Штейнъ, — состоитъ въ томъ, чтобы не только создать это управленіе, но и сдѣлать его, съ его принципами и во всѣхъ его отрасляхъ, вѣчно живою частью общественной жизни. Между тѣмъ какъ до сихъ поръ требовалось, чтобы всякій

[1] Lorenz von Stein: «Handbuch der Verwaltungslehre». Zweite Auflage, Stuttgart, 1876 (Idee der Verwaltungslehre, стр. 1, а также: Vorrede zur ersten Auflage. XII).

гражданинъ имѣлъ ясное представленіе объ устройствѣ своего государства, въ будущемъ мы станемъ говорить, что истинное право на участіе въ общественной жизни лежитъ, по крайней мѣрѣ, въ столь же основательномъ и ясномъ пониманіи управленія, его основныхъ началъ, задачъ и его системы". Въ другомъ мѣстѣ Штейнъ высказываетъ увѣренность въ томъ, что „настанетъ время, когда публичное право въ университетскомъ преподаваніи займетъ такое же мѣсто, какое въ жизни нѣмецкаго народа занимаютъ мало-по-малу общественные интересы, и когда образованіе будетъ считаться оконченнымъ не прежде того, какъ вмѣстѣ съ изученіемъ Пандектовъ Трибоніана будетъ пріобрѣтено и точное знаніе управленія, его организма, его исторіи и его великихъ задачъ".

Въ своихъ многочисленныхъ работахъ Штейнъ сдѣлалъ опытъ построенія законченной системы ученія о внутреннемъ управленіи въ его разнообразныхъ отрасляхъ. Ближайшее ознакомленіе съ этою системою выясняетъ близкую преемственную связь между нею и старою системою „науки полиціи". Отъ нея она унаслѣдовала главное, а именно содержаніе: въ существенныхъ своихъ чертахъ обѣ системы охватываютъ тотъ же кругъ явленій. Что же касается до важнѣйшихъ особенностей новой системы, то онѣ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Первою, но далеко не самою важною изъ нихъ, является различіе въ названіи, обусловленное тѣмъ, что прежній терминъ „полиція" устарѣлъ, или, вѣрнѣе, утратилъ первоначальное свое значеніе. Прежде подъ полиціей разумѣли всю внутреннюю политику государства; но, съ теченіемъ времени, это понятіе стало суживаться, и съ нимъ начали соединять представленіе не о всей дѣятельности государства въ области внутренняго управленія, а лишь объ отдѣльной отрасли его.

Во 2-хъ,—и это особенно важно,—въ системѣ полицейскаго права, какою она является въ трудахъ всѣхъ выдающихся полицеистовъ, начиная съ Юсти и кончая Молемъ, органомъ дѣятельности государства признается лишь правительство и правительственныя учрежденія. Ученіе же объ управленіи, впервые въ лицѣ Штейна, а затѣмъ и всѣхъ

его послѣдователей, наряду съ дѣятельностью правительства выдвинуло дѣятельность органовъ самоуправленія и отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ и указало на ту существенную роль, какая принадлежитъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ въ отношеніи къ различнымъ сторонамъ и интересамъ внутренняго управленія.

Въ 3-хъ, въ прошлыя эпохи развитія науки полиціи она покоилась всецѣло на точкѣ зрѣнія цѣлесообразности и почти игнорировала юридическую сторону. Въ ученіи же объ управленіи юридическій элементъ получаетъ подобающее ему положеніе, и наряду съ цѣлесообразностью принимаемыхъ въ области управленія мѣръ выдвигается точка зрѣнія ихъ правомѣрности, вслѣдствіе чего вся система науки значительно выигрываетъ въ своей полнотѣ и законченности.

Новое направленіе въ разработкѣ полицейскаго права быстро пріобрѣло себѣ многихъ адептовъ. Благодаря ихъ энергическимъ усиліямъ, „ученіе объ управленіи" въ короткій промежутокъ времени сдѣлало значительные успѣхи и вошло существеннымъ элементомъ въ преподаваніе нѣмецкихъ юридическихъ факультетовъ, окончательно вытѣснивъ изъ нихъ старую систему полицейскаго права, отъ которой однако оно, какъ сказано, унаслѣдовало почти все содержаніе свое.

Заканчивая этимъ краткій обзоръ развитія полицейскаго права въ Германіи, обратимся къ опредѣленію содержанія и задачъ его.

Содержаніе полицейскаго права составляетъ изученіе тѣхъ разнообразныхъ отраслей государственной и общественной дѣятельности, которыя направлены къ обезпеченію наиболѣе благопріятныхъ условій культурнаго развитія народа. Понятіе это обнимаетъ, съ одной стороны, возможно болѣе широкое и всестороннее развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ общества, а съ другой, возможно болѣе полное удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей матеріальнаго и духовнаго существованія отдѣльныхъ членовъ его. Обезпечить условія, благопріятныя развитію этихъ обоихъ видовъ общественнаго и индивидуальнаго благосостоянія,—такова та великая задача, которую государство призвано

осуществить соединенными усиліями правительства и общества, въ лицѣ какъ органовъ самоуправленія, такъ и отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ.

Сообразно съ этимъ, изученію полицейскаго права [1] подлежатъ три большія группы явленій. Во 1-хъ, всѣ тѣ отрасли государственной и общественной дѣятельности, которыя имѣютъ своимъ предметомъ различныя стороны хозяйственной жизни (таковы различные виды промышленности добывающей, обработывающей, торговой); во 2-хъ, тѣ отрасли государственной и общественной дѣятельности, которыя имѣютъ своею задачею содѣйствіе духовно-интеллектуальному развитію населенія (сюда относятся, главнымъ образомъ, заботы государства и общества о народномъ образованіи какъ элементарномъ и общемъ во всѣхъ его стадіяхъ, такъ и профессіональномъ); въ 3-ю группу явленій, изучаемыхъ полицейскимъ правомъ, входятъ тѣ стороны государственной и общественной дѣятельности, которыя по своему характеру не могутъ быть отнесены прямо ни къ одной изъ намѣченныхъ двухъ областей, но которыя, тѣмъ не менѣе, также необходимы въ интересахъ обезпеченія всесторонняго культурнаго развитія какъ цѣлаго общества, такъ и отдѣльныхъ членовъ его. Таковы, прежде всего, тѣ отдѣльныя отрасли государственной дѣятельности, задачи которыхъ состоятъ въ охраненіи общественнаго порядка и спокойствія, какъ важныхъ условій общежитія, которыя въ совокупности своей принято обозначать терминомъ „полиціи безопасности“, какъ-то: полиція передвиженія, полиція общественныхъ союзовъ и собраній, исключительныя мѣры полиціи безопасности

Къ этимъ отдѣламъ тѣсно примыкаютъ ученія о медицинской и санитарной полиціи и о мѣрахъ къ охраненію общественной нравственности (какъ, напр., борьба съ пьянствомъ, какъ соціальнымъ недугомъ, мѣры по отношенію къ проституціи и т. п.).

Къ третьей же группѣ явленій, изучаемыхъ полицейскимъ правомъ, слѣдуетъ отнести также и такъ называемую полицію печати, т. е. ученіе о тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыхъ находилась и должна находиться печать, какъ важный факторъ культурнаго развитія.

[1] Сохраненіе этого термина въ настоящемъ пособіи вызывается соображеніями исключительно формальнаго характера и прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ до сихъ поръ фигурируетъ въ номенклатурѣ предметовъ преподаванія на нашихъ юридическихъ факультетахъ.

Къ области полицейскаго права относится, далѣе, и ученіе о нѣкоторыхъ отрасляхъ, имѣющихъ важное значеніе одинаково и для матеріальнаго и для духовнаго развитія общества, каковы: пути сообщенія и средства сношенія (почта, телеграфъ) и, наконецъ, ученіе объ общественномъ призрѣніи бѣдныхъ, или о мѣрахъ, принимаемыхъ государствомъ и обществомъ къ матеріальному обезпеченію бѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе полицейскаго права. Благопріятныя условія развитія различныхъ сторонъ экономической жизни, содѣйствіе къ развитію духовно-интеллектуальныхъ интересовъ населенія, наконецъ, обезпеченіе цѣлаго ряда условій общественнаго спокойствія и безопасности,—вотъ три основныя группы, на которыя распадается подлежащій изученію полицейскаго права обширный матеріалъ. Главная задача этого изученія сводится къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ и средствъ, путемъ которыхъ государство и общество осуществляютъ свои задачи по отношенію къ указаннымъ сторонамъ и интересамъ культурнаго развитія населенія. Когда мы говоримъ „государство“, мы имѣемъ въ виду дѣятельность важнѣйшаго органа его, правительства, какъ совокупности различныхъ государственныхъ учрежденій, призванныхъ къ выполненію тѣхъ или иныхъ функцій управленія. Говоря объ „обществѣ“, мы разумѣемъ прежде всего развитые органы самоуправленія (въ Россіи—учрежденія земскаго и городского самоуправленія) и, затѣмъ, различные отдѣльные общественные союзы, не входящіе въ систему управленія, но, несмотря на это, играющіе весьма важную роль по отношенію къ многимъ его интересамъ (можно напр., указать хотя бы на ученыя общества, имѣющія большое значеніе въ дѣлѣ умственнаго развитія государства, или на благотворительныя общества, въ области призрѣнія бѣдныхъ, или, наконецъ, на такія общества, какъ „общество охраненія народнаго здравія“, могущее оказать большое вліяніе въ области санитарной полиціи).

Изъ предшествующаго изложенія становится яснымъ, какое мѣсто занимаетъ полицейское право въ циклѣ наукъ, входящихъ въ систему юридическаго преподаванія. Оно должно быть отнесено къ области наукъ государственныхъ, при чемъ особенно близко оно примыкаетъ къ наукѣ государственнаго права. Отношеніе между ними не безъ основанія сравниваютъ иногда съ отношеніемъ между анатоміей и физіологіей. Тогда какъ анатомія изучаетъ строеніе человѣческаго организма, изслѣдуетъ отдѣльные составные элементы его, физіологія имѣетъ предметомъ своего изученія жизнь этого организма, разнообразныя проявленія дѣятельности входящихъ въ составъ его элементовъ. Государственное право является какъ бы анатоміею государства: оно изучаетъ его структуру, организацію государственныхъ учрежденій. Полицейское право не касается вопросовъ государственнаго устройства, оно беретъ его, какъ величину данную, и различныя государственныя учрежденія изучаетъ не съ точки зрѣнія ихъ организаціи, а со стороны ихъ дѣятельности, поскольку она направлена къ достиженію извѣстныхъ задачъ государства.

Изъ предшествующаго очерка содержанія полицейскаго права легко усмотрѣть, что многія изъ явленій, изучаемыхъ имъ, трактуются и другими науками. Такъ, различные виды промышленности и другія стороны экономической жизни, которыя составляютъ значительную часть полицейскаго права, изучаются политической экономіей. Вопросы, связанные съ народнымъ образованіемъ, составляютъ предметъ изученія педагогіи, спеціальной науки о воспитаніи. Народное здравіе и медицинская помощь имѣютъ для своей разработки особыя науки—гигіену и цѣлый рядъ медицинскихъ наукъ.

Это явленіе можетъ представиться страннымъ; на первый взглядъ можетъ показаться, что, слѣдовательно, полицейское право не имѣетъ своего собственнаго объекта изученія, что содержаніе его набрано изъ другихъ отраслей знанія. Но это кажется страннымъ лишь на первый, поверхностный взглядъ.

Дѣло въ томъ, что одни и тѣ же явленія могутъ и должны быть изучаемы съ различныхъ сторонъ, различныхъ точекъ зрѣнія и съ различными цѣлями. Политическая экономія главною своею задачею имѣетъ изслѣдованіе явленій хозяйственной жизни съ цѣлью отысканія общихъ началъ, законовъ, управляющихъ этими явленіями. Условія и факторы производства матеріальныхъ благъ, цѣнностей; механизмъ обмѣна и система распредѣленія ихъ; наконецъ, законы потребленія этихъ цѣнностей—вотъ, въ немногихъ словахъ, предметъ изученія политической экономіи. Относящіяся сюда явленія она изслѣдуетъ съ чисто-экономической точки зрѣнія и принимаетъ во вниманіе значеніе ихъ, какъ факторовъ и проявленій исключительно экономической, хозяйственной жизни. Но экономическія явленія не представляются изолированными отъ другихъ сторонъ жизни; напротивъ, они тѣсно связаны, постоянно переплетаются со многими другими сторонами и интересами народной жизни. Напр., крупное фабричное производство есть, прежде всего, очень важное экономическое явленіе. Но, съ другой стороны, оно находится въ самой тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ интересовъ народной жизни. Фабрика есть средоточіе нерѣдко многихъ тысячъ рабочаго населенія разныхъ половъ, различныхъ возрастовъ. Отношенія между рабочими и предпринимателемъ, взаимныя отношенія между рабочими, условія ихъ совмѣстной жизни, возникающіе отсюда вопросы санитарные, нравственные, школьные — всѣ эти и многія другія стороны фабричнаго быта имѣютъ чрезвычайно важное значеніе; то или иное отношеніе къ нимъ можетъ сильно отозваться, благопріятно или вредно, на первостепенныхъ интересахъ общества. Указанные вопросы, хотя и вытекающіе изъ факта экономическихъ условій крупнаго производства, не подлежатъ однако изученію политической экономіи, такъ какъ непосредственнаго отношенія къ ея задачѣ они не имѣютъ. По свойству своему и значенію въ государственной жизни они должны быть отнесены къ области полицейскаго права.

Сказанное вполнѣ примѣняется и къ другимъ сторонамъ полицейскаго права. Школьное дѣло изучается педагогіей прежде всего, съ точки зрѣнія цѣлесообразности тѣхъ или другихъ педагогическихъ системъ. Полицейское же право интересуется народнымъ образованіемъ, главнымъ образомъ,

съ точки зрѣнія способовъ и мѣръ, могущихъ обезпечить возможно широкое распространеніе его въ массахъ, и потому преимущественное вниманіе направляетъ на организацію воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, на мѣры къ ихъ размноженію и лучшей администраціи ихъ и т. д. При этомъ, конечно, полицейское право должно принимать къ руководству различные выводы и положенія педагогической науки точно такъ же, какъ въ вопросахъ экономическихъ оно, при изученіи правительственныхъ и общественныхъ мѣропріятій, должно постоянно имѣть въ виду требованія и выводы экономической науки.—То же самое и въ области народнаго здравія: основываясь на данныхъ и выводахъ общественной гигіены и медицины, полицейское право изыскиваетъ наиболѣе цѣлесообразные способы обезпеченія здоровыхъ условій жизни и организаціи медицинской помощи.

Таковы, въ общихъ чертахъ, предметъ и содержаніе курса полицейскаго права. При изложеніи его наибольшее вниманіе будетъ обращено на изученіе относящихся къ области полицейскаго права явленій нашей жизни, русскаго государства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ указывать и на постановку того или другого вопроса въ исторіи и современной дѣйствительности важнѣйшихъ государствъ западной Европы, а именно: Германіи, Франціи и Англіи. Этотъ пріемъ въ отношеніи къ полицейскому праву долженъ быть признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, такъ какъ относящіеся къ его области вопросы могутъ получить надлежащее освѣщеніе и разъясненіе лишь при сравнительномъ обзорѣ ихъ историческаго прошлаго въ различныхъ государствахъ.

I. ПОЛИЦІЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВО ПЕРЕДВИЖЕНІЯ [1].

Личная свобода. — Право передвиженія и его ограниченія. — Свобода передвиженія въ Англіи.—Актъ объ осѣдлости.—Отношеніе къ иностранцамъ.—Ограниченія права передвиженія въ до-революціонной Франціи.—Паспортная система въ эпоху революціи.—Современное законодательство.—Мѣры въ отношеніи къ иностранцамъ.—Право передвиженія въ Германіи. — Легитимаціонная система.

Право передвиженія въ Россіи. — Проѣзжія грамоты и Уложеніе 1649 г.— Развитіе паспортной системы при Петрѣ Великомъ. — Паспортные сборы. — Развитіе вопроса о реформѣ паспортнаго законодательства. — Коммиссія 1869 г. —Положеніе о видахъ на жительство (1894 г.). — Важнѣйшія постановленія его. — Виды паспортныхъ документовъ. — Отмѣна паспортныхъ сборовъ (1897 г.). — Заграничные паспорты. — Въѣздъ иностранцевъ въ Россію.

Право свободнаго передвиженія принадлежитъ къ числу тѣхъ правъ, которыми особенно дорожитъ человѣкъ. Оно представляетъ собою наиболѣе простое и наиболѣе рельефное проявленіе личной свободы — священнаго права каждаго человѣка свободно распоряжаться своею личностью. Нужно ли говорить о значеніи этого права какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для цѣлаго общества? Оно лежитъ въ

[1] G. Meyer. Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechtes. 2 Aufl. Lpzg. 1893. T. I. — E. Loening. Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Lpzg. 1884. — M. v. Seydel. Die Sicherheitspolizei (въ 3-мъ томѣ Schönberg's Handbuch der Politischen Oekonomie, 4. Aufl. Tüb. 1898) —M. Hauriou. Précis de droit administratif. 4-e édition. P. 1901.—H. Berthélemy. Traité élémentaire de droit administratif. 2-e édit. P. 1902.—А. Д. Градовскій. Начала русскаго государственнаго права. Собраніе сочиненій, т. 7-й, Спб. 1901. — Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за сессію 1893—1894 г. Т. I.

основѣ индивидуальной человѣческой дѣятельности, безъ него эта послѣдняя немыслима. Но въ то же время оно является однимъ изъ главныхъ условій устойчивости общественнаго и государственнаго порядка. Оно есть важный залогъ мирнаго, безмятежнаго и успѣшнаго развитія всѣхъ жизненныхъ интересовъ. Неувѣренность въ прочности этого права есть сильный и опасный врагъ всякаго развитія какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго. Неприкосновенность личной свободы есть, такъ сказать, всеобщая и вѣчная потребность. Но если личная свобода и, въ частности, право свободнаго передвиженія всегда имѣло большое значеніе, то въ наше время оно представляется особенно цѣннымъ. Такимъ его дѣлаютъ различныя условія современной общественной жизни: сильное развитіе гражданскаго оборота, многосложныя промышленныя и торговыя сношенія, наконецъ, разнообразныя проявленія духовнаго и интеллектуальнаго общенія. Отсюда понятно повсемѣстное стремленіе обезпечить это право возможно болѣе прочными гарантіями. Во всѣхъ государствахъ личная свобода, способы ея обезпеченія и установленіе строгаго порядка лишенія свободы составляютъ предметъ особыхъ заботъ законодательства.

Но разсмотрѣніе вопросовъ о наилучшихъ способахъ обезпеченія личной свободы не входитъ въ область полицейскаго права. Это одинъ изъ основныхъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ системѣ государственнаго права; полицейскому же праву приходится изучать этотъ вопросъ съ другой стороны, съ другой точки зрѣнія.

Предполагая извѣстнымъ значеніе личной свободы, необходимость ея обезпеченія и наилучшіе способы къ тому, полицейское право разсматриваетъ ее съ точки зрѣнія тѣхъ ограниченій, которыя могутъ быть полагаемы праву личной свободы, въ особенности праву передвиженія, въ цѣляхъ обезпеченія различныхъ интересовъ государственнаго и общественнаго порядка.

Существуютъ многія причины, по которымъ государство не можетъ относиться безучастно къ различнымъ проявленіямъ права свободнаго передвиженія. Извѣстный контроль надъ нимъ представляется необходимымъ. Его нерѣдко требуютъ, напр., интересы отправленія правосудія: для вы-

зова въ судъ, для взысканія долга, для разныхъ другихъ актовъ гражданскаго и уголовнаго процессовъ необходимо имѣть возможность знать мѣстонахожденіе лицъ, прикосновенныхъ къ тому или другому дѣлу; необходимо это также и въ интересахъ контроля за исполненіемъ со стороны гражданъ лежащихъ на нихъ обязанностей и повинностей (податныхъ тягостей или воинской повинности); наконецъ, нерѣдко бываетъ необходимо констатировать самоличность извѣстнаго лица, для чего, конечно, нужно имѣть возможность сдѣлать это.

Итакъ, необходимость извѣстнаго контроля надъ свободой передвиженія несомнѣнна. Но является вопросъ, какъ организовать этотъ контроль, какъ установить предѣлы, далѣе которыхъ онъ не долженъ идти? Правильное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ существенное значеніе. Обезпечивая посредствомъ этого контроля различные интересы общественнаго спокойствія и безопасности, государство, съ другой стороны, никоимъ образомъ не должно безъ нужды стѣснять самую свободу передвиженія, которая такъ необходима для развитія индивидуальнаго и общественнаго. Отсюда ясно, гдѣ слѣдуетъ искать правильное рѣшеніе поставленнаго вопроса: оно лежитъ въ соглашеніи, примиреніи двоякаго рода интересовъ—свободы передвиженія и различныхъ потребностей государственной жизни, вызывающихъ необходимость контроля за нею. Прошлая исторія различныхъ государствъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ различные періоды развитія вопросъ этотъ находилъ и различное рѣшеніе, что зависѣло отъ тѣхъ или другихъ особенностей государственнаго строя въ ту или другую эпоху. Удовлетворительное сочетаніе, соглашеніе указанныхъ двухъ интересовъ есть дѣло новаго времени, результатъ болѣе правильнаго пониманія различныхъ потребностей жизни современныхъ государствъ.

Въ **Англіи** гораздо раньше, чѣмъ въ континентальныхъ государствахъ, былъ признанъ и обезпеченъ принципъ свободнаго передвиженія. Въ этой странѣ, благодаря особенностямъ ея политическаго развитія, ранѣе другихъ былъ поставленъ и удачно разрѣшенъ основной вопросъ о га-

рантіяхъ личной свободы. Magna Charta Libertatum 1215 года, Habeas Corpus Act 1679 г. и нѣкоторыя второстепенныя законодательныя мѣры вполнѣ обезпечили личную свободу англичанъ отъ всякаго рода произвольныхъ стѣсненій. Въ числѣ проявленій этой свободы получило прочную гарантію и право свободнаго передвиженія. Оно никогда не встрѣчало тѣхъ стѣсненій, какія на континентѣ повсемѣстно развивались въ сложную паспортную систему. Каждый англичанинъ и прежде могъ и въ настоящее время можетъ безпрепятственно перемѣнять мѣсто своего пребыванія.

Таково общее правило, которое однако допускаетъ нѣкоторыя отступленія. Наиболѣе существенное изъ нихъ относится къ системѣ законодательства о призрѣніи бѣдныхъ, какою она представляется, начиная съ конца XVI вѣка. Возложенная на приходъ (законодательствомъ королевы Елизаветы) обязанность кормить бѣдныхъ членовъ его вызвала важное ограниченіе въ свободѣ перехода изъ одной мѣстности въ другую. Приходы начали допускать въ свою среду лишь тѣхъ лицъ, которыя не простирали къ нимъ требованій о пособіи и призрѣніи. Какъ скоро такое требованіе заявлялось, пришелецъ могъ быть лишенъ свободы и выселенъ въ мѣсто первоначальнаго своего жительства. Взаимныя права приходовъ и новыхъ поселенцевъ были впервые регулированы актомъ объ осѣдлости (Act of Settlement 1662 г.), изданнымъ въ царствованіе Карла II. Этотъ законъ устанавливаетъ, что, кромѣ рожденія, осѣдлость, принадлежность къ извѣстному обществу пріобрѣтается также и непосредственно самымъ фактомъ пребыванія на новомъ мѣстѣ въ теченіе 40 дней, если притомъ поселенецъ владѣетъ или пользуется имуществомъ, съ доходомъ не менѣе 10 фунт. стерл. (теперь это около 100 руб.), или нанимаетъ помѣщеніе цѣною не ниже 10 фунт. ст. въ годъ. Въ такомъ случаѣ онъ становился членомъ прихода и вступалъ со дня водворенія во всѣ политическія и общественныя права свободнаго англичанина. Но если онъ не удовлетворялъ требуемому цензу, то въ теченіе первыхъ 40 дней онъ могъ быть арестованъ и выселенъ по простому заявленію попечителя о бѣдныхъ. что такой-то вновь прибывшій не имѣетъ средствъ пропитанія и можетъ пасть на

попеченіе прихода. Въ такомъ случаѣ мировой судья обязанъ дать немедленно приказъ объ удаленіи, и поселенецъ препровождался по этапу на счетъ общества въ тотъ приходъ, къ которому онъ былъ приписанъ по рожденію или первоначальному мѣсту жительства. Позднѣйшее законодательство (особенно XIX-го вѣка) значительно смягчило строгость права осѣдлости, но въ существенныхъ своихъ чертахъ оно дѣйствуетъ и въ настоящее время, ожидая необходимыхъ дальнѣйшихъ преобразованій.

Помимо этого ограниченія, связаннаго съ системой призрѣнія бѣдныхъ, англичане пользуются широкимъ правомъ перемѣны мѣстожительства и свободнаго передвиженія внутри страны безъ всякихъ паспортовъ. Что касается до переѣздовъ за предѣлы государства, то они также свободны отъ ограниченій; паспорты заграничные, правда, выдаются, но лишь вслѣдствіе того, что въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ они требуются отъ иностранцевъ. Въ прежнее время впрочемъ свобода путешествій за границу подлежала значительнымъ ограниченіямъ. Королевской власти и до сихъ поръ принадлежитъ de jure право воспретить (посредствомъ особаго приказа „writ ne exeat regno“) каждому изъ подданныхъ выѣздъ изъ страны и путешествіе безъ особаго позволенія. Теперь это право представляетъ собою мертвую букву, оно никогда не практикуется на дѣлѣ. Но, напр., въ XVI вѣкѣ королева Елизавета строго воспрещала своимъ лордамъ выѣзжать изъ Англіи безъ ея особаго дозволенія. Въ то время заграничныя поѣздки встрѣчали затрудненіе еще въ высокой цѣнѣ паспортовъ, minimum которой доходилъ до 6 фунт. стерл.; въ настоящее же время заграничный паспортъ стоитъ всего два шиллинга (около 1 руб.).

Говоря о правѣ передвиженія въ какомъ-либо государствѣ, необходимо посмотрѣть также и на положеніе иностранцевъ въ этомъ отношеніи. Англійское законодательство и правительство всегда отличались гуманнымъ отношеніемъ къ иностранцамъ. Имѣвшіе мѣсто въ теченіе XIV-го, XV-го и XVI-го вѣковъ случаи изгнанія иностранцевъ и нѣкоторыя другія стѣснительныя для нихъ мѣры (какъ, напр., особый налогъ на нихъ, „alien tax“) имѣли исключительный характеръ и были вызываемы какими либо случайными

причинами [1]. Вообще же иностранцы всегда пользовались особымъ покровительствомъ закона и правительства. Еще Magna Charta обезпечивала иностраннымъ купцамъ свободный пріѣздъ въ Англію и выѣздъ изъ нея въ мирное время; „въ случаѣ же войны“, говоритъ статья 41-я Великой Хартіи, „иностранные купцы задерживаются, пока будетъ видно, какое обращеніе встрѣчаютъ англійскіе купцы въ непріятельской странѣ“. Въ позднѣйшіе періоды исторіи, каковы бы ни были направленіе политики и международныя отношенія Англіи, иностранцы вообще пользовались такою же личною свободою, какъ и сами англичане. Англія всегда была вѣрнымъ убѣжищемъ для лицъ всѣхъ сословій и состояній, искавшихъ въ ней спасенія отъ преслѣдованій. Она давала убѣжище фламандскимъ выходцамъ, гонимымъ преслѣдованіями герцога Альбы; протестантамъ, бѣжавшимъ отъ преслѣдованій Людовика XIV; наконецъ, католикамъ дворянскаго и духовнаго званія, искавшимъ спасенія отъ гильотины революціонной Франціи. Нѣкоторыя отступленія отъ этой политики по отношенію къ иностранцамъ были сдѣланы лишь въ концѣ XVIII ст.: подъ вліяніемъ событій французской революціи, изъ опасенія, что бѣжавшіе въ Англію крайніе революціонеры не вызвали безпорядковъ въ странѣ, было признано нужнымъ прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ надзора за иностранцами и даже къ изгнанію ихъ.

[1] Такъ, напр., въ 1404 г. парламентъ потребовалъ удаленія иностранцевъ отъ королевскаго двора, во избѣжаніе неблагопріятнаго вліянія ихъ на политику короля. Общины — говоритъ Стёбсъ — потребовали удаленія всѣхъ иностранцевъ отъ ближайшаго присутствія при королѣ или королевѣ: изъ среды лордовъ была назначена коммисія для выработки необходимыхъ статей закона, — коммисія, представившая три предложенія: всѣ приверженцы незаконнаго папы подлежатъ изгнанію изъ страны; всѣ нѣмцы (germans) и правовѣрные иностранцы подлежатъ отдачѣ въ мѣстныя гарнизонныя стражи и не должны быть въ тягость государству; всѣ французы, бретонцы, наварцы, ломбардцы и италіанцы подлежатъ удаленію отъ двора, за исключеніемъ лишь въ пользу двухъ дочерей королевы, съ одною женщиною и двумя мужчинами въ качествѣ прислуги. Генрихъ обнаружилъ такую уступчивость, что общины смягчили свою строгость и разрѣшили королевѣ удержать еще десять друзей и слугъ (W. Stubbs, Constitutional History of England, т. III, стр. 46).

Франція. Въ до-революціонной Франціи, при существованіи крѣпостного права и феодальной системы, право свободнаго передвиженія терпѣло значительныя ограниченія. Они составляли необходимую принадлежность того режима, въ основѣ котораго лежала прикрѣпленность человѣка къ извѣстному мѣсту. Значительнымъ препятствіемъ къ свободной перемѣнѣ мѣстожительства являлись также корпоративная исключительность и различные фискальные интересы. Въ эпоху наибольшаго развитія феодализма, повсемѣстно среди сельскаго населенія обнаружилось стремленіе избавиться отъ тяжкихъ условій деревенской жизни, въ которой гнетъ феодализма чувствовался особенно рѣзко. Это вызвало усиленное движеніе населенія изъ селъ въ города, которые пользовались значительными привилегіями и въ которыхъ налоговое бремя было не такъ велико. Въ интересахъ фиска, государство прибѣгало къ различнымъ мѣрамъ предупрежденія этого движенія. Такъ, крестьянъ, переселившихся въ города, обязывали платить важнѣйшій налогъ—taille—въ теченіе десяти лѣтъ въ мѣстѣ первоначальнаго ихъ жительства. О своемъ отбытіи они должны были заявлять властямъ. По прибытіи на новое мѣсто, они обязаны были записаться въ городской ратушѣ. Но прежде чѣмъ окончательно водвориться, новымъ поселенцамъ приходилось нерѣдко испытать рядъ стѣсненій со стороны самого городского общества. Въ нѣкоторыхъ городахъ право гражданства давалось не иначе, какъ послѣ настоятельныхъ просьбъ, иногда даже съ колѣнопреклоненіемъ; другіе допускали въ свою среду лишь послѣ предварительнаго искуса въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ органы городского управленія рѣшали о принятіи или отверженіи новаго члена; въ третьихъ для полученія права осѣдлости необходимо было дать извѣстную присягу, быть внесеннымъ въ списки городского населенія и доказать свою состоятельность въ уплатѣ податей.

Существованіе контроля какъ надъ путешествующими внутри страны, такъ и надъ отправляющимися за предѣлы ея, относится еще къ началу XV-го столѣтія. Въ 1407 году изданъ указъ (въ слѣдующемъ столѣтіи распространенный на всѣ вообще города), по которому содержатели гостинницъ

въ Парижѣ должны ежедневно представлять въ городское управленіе свѣдѣнія объ останавливающихся у нихъ лицахъ. Почти одновременно съ этимъ иностранцамъ воспрещено было нанимать отдѣльные дома: они обязаны были помѣщаться въ гостинницахъ (Hotelleries). Въ предупрежденіе различныхъ опасностей для мира и спокойствія воспрещено было выѣзжать изъ предѣловъ королевства безъ особаго на то дозволенія. Филиппъ Красивый (это, правда, было во время войны) секвестровалъ имущества тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые отсутствовали изъ Франціи безъ его разрѣшенія. При Людовикѣ XIV (въ 1672 г.) издано было формальное запрещеніе выѣзжать за границу безъ паспорта. Въ его же царствованіе воспрещено было иностранцамъ въѣзжать въ королевство или проѣзжать черезъ него безъ паспорта и безъ извѣщенія о томъ короля [1]. Переселеніе въ какое-нибудь иностранное государство считалось преступленіемъ, строго наказуемымъ. Родители, соглашавшіеся на бракъ своихъ дѣтей за предѣлами Франціи, присуждались: мужчины—къ работамъ на галерахъ, женщины—къ ссылкѣ и конфискаціи имуществъ.

Хотя, какъ было указано, Франція знала паспорты уже при старомъ порядкѣ, однако паспортная система въ организованномъ видѣ появилась въ ней лишь послѣ революціи 1789 года. Учредительное Собраніе впервые установило паспорты, въ видѣ временной мѣры, тотчасъ послѣ внезапнаго отъѣзда Людовика XVI по направленію къ границѣ. Но послѣ возвращенія его и принесенія имъ присяги конституціи 3 сентября 1791 года, собраніе отмѣнило паспорты и постановило, что впредь не будетъ дѣлаемо никакихъ стѣсненій праву каждаго француза свободно переѣзжать въ

[1] Въ XVII вѣкѣ, по словамъ Бабо (La ville sous l'ancien régime, стр. 10), въ различныхъ городахъ, особенно пограничныхъ, нерѣдко бывали случаи изгнанія иностранцевъ городскими властями. Такъ, изъ Макона и Булоня были изгнаны всѣ иностранцы, поселившіеся тамъ безъ особаго дозволенія; то же случилось и въ Шармѣ, откуда они были изгнаны въ 24 часа. Въ Рубэ отъ нихъ требовали удостовѣренія въ состоятельности изъ мѣста ихъ родины въ тѣхъ видахъ, чтобы ихъ присутствіе не могло сдѣлаться тягостнымъ для городского общества.

предѣлахъ страны и выѣзжать изъ нея. Постановленіе это имѣло своимъ основаніемъ одну изъ статей конституціи, гарантировавшую въ числѣ другихъ „естественныхъ и гражданскихъ правъ“ и право свободнаго передвиженія [1]. Но не прошло и полугода со времени опубликованія этой конституціи, какъ новое Законодательное Собраніе особымъ декретомъ снова установило внутренніе паспорты. „Спасеніе государства“—таковъ мотивъ декрета—„требуетъ самаго бдительнаго надзора, а потому всякій, желающій путешествовать по королевству, обязанъ до тѣхъ поръ, пока это предписаніе не будетъ отмѣнено, запастись паспортомъ“. Такимъ образомъ, законодательство о паспортахъ опять-таки имѣло временный характеръ: „Національное Собраніе, будучи вынуждено снова прибѣгнуть на время къ мѣрамъ общественной безопасности, объявляетъ, что оно озаботится отмѣнить настоящій декретъ тотчасъ же, какъ исчезнутъ вызвавшія его обстоятельства, и общественная безопасность будетъ достаточно упрочена“. Этотъ временный характеръ отличаетъ и всѣ дальнѣйшія узаконенія по тому же предмету, пока наконецъ Наполеоновскій декретъ 18 сентября 1807 года не сдѣлалъ паспортной системы учрежденіемъ постояннымъ.

Въ результатѣ отдѣльныхъ законоположеній о передвиженіи, изданныхъ въ разное время, установилась паспортная система, въ основѣ которой до сихъ поръ лежитъ декретъ 10 вандемьера IV-го года (октября 1795 г.), по которому „никто не можетъ оставить территорію своего кантона, ни путешествовать, не будучи снабженъ паспортомъ“. Французское законодательство различаетъ паспорты внутренніе и заграничные. Въ Парижѣ и тѣ и другіе выдаются префектомъ полиціи; въ остальныхъ мѣстностяхъ внутренніе паспорты выдаются мэромъ, а заграничные—супрефектомъ. Съ выдачей паспортовъ соединенъ и фискальный интересъ: они являются предметомъ обложенія. За внутренній паспортъ взимается два франка (около 80 коп.), за заграничный—10 франковъ. Заграничные паспорты должны быть, кромѣ того, визи-

[1] Титулъ I, § 2: «La constitution garantit... la liberté à tout homme d'aller, de rester, de partir, sans pouvoir être arrêté ou détenu que selon les formes arrêtées par la constitution».

рованы дипломатическими представителями тѣхъ государствъ, куда намѣрены отправиться ихъ обладатели, что также сопряжено съ нѣкоторыми расходами. Лицамъ, которыя представятъ свидѣтельство о бѣдности (отъ полицейскаго комиссара), выдаются безплатные паспорты, дающіе, сверхъ того, право на такъ называемое дорожное пособіе—secours de route, въ размѣрѣ 15 сантимовъ на каждое льё (4 версты). Паспортъ заключаетъ въ себѣ указаніе имени, фамиліи, возраста, мѣстожительства, профессіи и описаніе примѣтъ. Паспортъ имѣетъ, какъ общее правило, личный характеръ; въ видѣ исключенія, разрѣшается помѣщать въ одномъ паспортѣ мужа и жену и дѣтей не свыше 15-тилѣтняго возвраста, а также двухъ сестеръ или двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ значительно моложе и находится подъ наблюденіемъ другого. Предъявленія паспорта могутъ требовать всѣ представители общественной власти. Въ такомъ случаѣ, когда мэръ или префектъ не знаютъ лица, испрашивающаго себѣ паспортъ, они обязаны потребовать удостовѣренія двухъ извѣстныхъ и жительствующихъ въ данной мѣстности лицъ, имена которыхъ также помѣчаются на паспортѣ [1].

Одинаковое съ паспортами (для переѣздовъ внутри страны) значеніе имѣютъ также: 1) подорожные листы (feuilles de route) для военныхъ; 2) дипломы, выдаваемые дозволенными обществами взаимнаго вспомоществованія (societés des secours mutuels) членамъ ихъ.

Что касается до пребыванія во Франціи и переѣздовъ по ней иностранцевъ, то свобода ихъ ограничивается двумя существеннѣйшими условіями.

---

[1] Въ нѣкоторыхъ случаямъ паспорты не должны быть выдаваемы, а именно: 1) несовершеннолѣтнимъ и замужнимъ женщинамъ, безъ согласія опекуновъ, попечителей и мужей; 2) находящимся на службѣ солдатамъ, которые должны запасаться особыми подорожными листами (feuilles de route); 3) лицамъ, находящимся подъ надзоромъ полиціи или подъ слѣдствіемъ по дѣламъ, могущимъ повлечь за собою уголовное наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ свободы. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ паспорты должны быть выдаваемы, хотя законъ и не указываетъ способовъ понужденія къ тому должностныхъ лицъ, которыя пожелали бы отказать въ выдачѣ паспорта.

Во-первыхъ, каждый иностранецъ долженъ имѣть паспортъ отъ своего правительства. Однако въ послѣднія десятилѣтія это условіе начало мало-по-малу утрачивать свое значеніе. Такъ, въ 1860 г. французское правительство разрѣшило англійскимъ подданнымъ путешествовать по Франціи безъ особыхъ паспортовъ англійскаго правительства, подъ условіемъ такой же свободы и для французовъ, отправляющихся въ Англію; подобныя же соглашенія заключены и съ нѣкоторыми другими государствами.

Въ настоящее время, въ силу декрета 2 октября 1888 г., отъ иностранцевъ, желающихъ поселиться во Франціи, требуется заявленіе объ этомъ въ мэрію (въ Парижѣ—въ полицейскую префектуру). Въ связи съ этимъ стоитъ требованіе закона 8 августа 1893 г. по отношенію къ иностранцамъ-рабочимъ, желающимъ заняться профессіональнымъ трудомъ: они должны сдѣлать въ мэрію соотвѣтственное заявленіе, при чемъ росписка въ принятіи такого заявленія служитъ удостовѣреніемъ, которое каждый французъ, принимающій къ себѣ на работу иностранцевъ, непремѣнно долженъ требовать отъ нихъ.

Есть еще одно болѣе существенное условіе, подъ которымъ Франція даетъ гостепріимство иностранцамъ. Оно состоитъ въ правѣ министра внутреннихъ дѣлъ удалять иностранцевъ изъ предѣловъ французской территоріи, препровождая ихъ до границы. Въ проявленіи этого права министръ руководствуется единственно соображеніями и интересами общественнаго порядка и спокойствія. „Очень часто“, говоритъ Вивьенъ по этому поводу (Etudes administratives, т. II, стр. 125), „иностранцы принимали участіе въ безпорядкахъ, нарушавшихъ общестенное спокойствіе; не представляя одинаковыхъ съ туземцами гарантій матеріальныхъ, личныхъ и нравственныхъ, они не могутъ претендовать и на тѣ права, которыя соединяются съ званіемъ француза“, Въ этихъ видахъ, въ различныя эпохи правительству предоставлялось право изгонять ихъ изъ предѣловъ территоріи. Въ теченіе долгаго времени право это имѣло исключительный и временный характеръ. Законъ 3 декабря 1849 года сдѣлалъ его опредѣленнымъ и постояннымъ. Этотъ законъ

дѣйствуетъ и въ настоящее время; впрочемъ, примѣняется онъ довольно рѣдко [1].

Подобныя указаннымъ нормы относительно удаленія иностранцевъ знаютъ и другія законодательства, напр. Итальянское (законъ 30 іюня 1889 г.), бельгійское (законъ 6 февраля 1885 г.).

Въ заключеніе изложенія французскаго законодательства о правѣ передвиженія, слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время на практикѣ внутреннie паспорты требуются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, они почти совершенно вышли изъ употребленія и сохраняются, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ преслѣдованія бродяжничества. Вообще же для доказательства личности, если къ тому представляется надобность, можетъ служить любой документъ, который даетъ возможность удостовѣриться въ тождествѣ даннаго лица (въ основѣ современной французской практики лежитъ принципъ такъ называемой легитимаціи).

Германія. Хотя въ старой Германской Имперіи, въ XVI вѣкѣ, законъ и признавалъ за каждымъ имперскимъ подданнымъ право свободнаго передвиженія, перемѣны мѣстожительства и перехода изъ одной территоріи въ другую, — однако это право имѣло болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе. Оно встрѣчало значительныя ограниченія, частью въ крѣпостномъ правѣ и въ различіяхъ законодательства отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ Германіи, частью же въ правѣ общинъ отказывать постороннимъ лицамъ въ поселеніи. Въ вопросѣ о переходѣ изъ одной территоріи въ другую отдѣльныя государства,

[1] Принадлежащее министру внутреннихъ дѣлъ право удалять иностранцевъ изъ предѣловъ французской территоріи не слѣдуетъ смѣшивать съ выдачей ихъ въ томъ случаѣ, когда того требуютъ правительства тѣхъ странъ, къ которымъ они принадлежатъ. Выдача иностранцевъ (extradition) производится по особымъ нормамъ и принципамъ, изученіе которыхъ относится къ области государственнаго и Международнаго права. Въ современныхъ государствахъ выдача производится лишь по отношенію къ лицамъ, совершившимъ какія-либо общія преступленія; обязательною она является только по отношенію къ тѣмъ правительствамъ, съ которыми заключены особые трактаты о выдачѣ (traités d'extradition).

особенно большія, смотрѣли другъ на друга, какъ на государства иностранныя, и ограничивали право перехода согласіемъ на выселеніе и налоговымъ обложеніемъ. При образованіи Германскаго Союза въ 1815 г. было положено начало устраненію прежнихъ стѣсненій. Впослѣдствіи отдѣльныя государства, какъ напр. Саксонія (въ 1834 г.), Пруссія (въ 1842 г.) стали придерживаться принципа свободнаго передвиженія и допускали ограниченіе его лишь въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ. Наконецъ, конституція Германской Имперіи (Verfassung des deutschen Reichs, ст. 3) всякаго нѣмца въ каждомъ союзномъ государствѣ въ отношеніи къ праву поселенія уравняла съ туземцами. Въ основѣ дѣйствующаго законодательства о поселеніи лежитъ законъ о свободномъ передвиженіи (Freizügigkeitsgesetz) 1-го ноября 1867 г. Изданный еще при существованіи Сѣверо-Германскаго Союза, онъ послѣ объединенія Германіи былъ распространенъ на всѣ государства, вошедшія въ составъ Имперіи. По этому закону каждый имперскій подданный имѣетъ право пребывать, короткое или продолжительное время, въ любой мѣстности въ предѣлахъ Имперіи, пользуясь всею полнотою гражданскихъ правъ, въ томъ числѣ и правомъ пріобрѣтенія всякаго рода недвижимой собственности. Право свободной перемѣны мѣстожительства можетъ быть ограничиваемо лишь закономъ опредѣленныхъ случаяхъ: государственными учрежденіями въ общихъ государственныхъ интересахъ и общинными учрежденіями въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда того требуетъ обезпеченіе призрѣнія бѣдныхъ.

Что касается законодательства относительно передвиженія внутри государства, то, какъ средство контроля за нимъ, и въ Германіи встрѣчается паспортная система. Впервые паспорты появились тамъ въ эпоху, слѣдовавшую за окончаніемъ тритцатилѣтней войны (т. е. въ половинѣ XVII в.). Но они въ теченіе долгаго періода времени не имѣли общаго и обязательнаго характера. Они требовались лишь въ извѣстныхъ случаяхъ и отъ нѣкоторыхъ категорій лицъ. Такъ напр., по правиламъ цеховыхъ статутовъ подмастерья, прежде чѣмъ получить званіе мастера, должны были въ теченіе извѣстнаго времени путе-

ществовать съ цѣлью изученія и усвоенія различныхъ пріемовъ своего мастерства; въ этихъ путешествіяхъ они обязаны были имѣть при себѣ особые виды и свидѣтельства [1], въ противномъ случаѣ съ ними поступали, какъ съ бродягами. Точно также и евреи во время своихъ переѣздовъ обязаны были имѣть особые паспорты. Во время повальныхъ болѣзней паспорты требовались отъ всѣхъ лицъ, прибывавшихъ изъ зараженной мѣстности. Таковы наиболѣе важные случаи, въ которыхъ наличность паспортовъ была обязательна. Вообще же для переѣздовъ внутри страны не требовалось никакихъ документовъ.

Такъ было до конца XVIII столѣтія, когда Германія заимствовала изъ Франціи выработанную тамъ паспортную систему. Вскорѣ же послѣ ея введенія, а именно въ началѣ текущаго столѣтія, повсемѣстно стали раздаваться жалобы на непривычныя и обременительныя стѣсненія, являвшіяся результатомъ этой системы. Каждый путешественникъ долженъ былъ быть снабженъ паспортомъ (Wanderbuch), который онъ повсюду обязанъ былъ представлять полиціи для просмотра и засвидѣтельствованія. Въ случаѣ болѣе продолжительнаго пребыванія требовалось врученіе паспорта мѣстнымъ полицейскимъ органамъ, а вмѣсто него выдавался особый видъ на жительство (Aufenthaltskarte). Способы примѣненія паспортнаго законодательства нерѣдко еще болѣе увеличивали стѣсненія: отказы въ выдачѣ паспортовъ, проволочки и т. под., налагали тяжкія оковы на свободу передвиженія. Многочисленныя пошлины, которыя нужно было платить за выдачу паспортовъ, за ихъ засвидѣтельствованіе и пр., ложились тяжелымъ бременемъ, особенно на небогатые классы населенія. Мало-по-малу самые ревностные сторонники полицейской регламентаціи начали признавать неудобства паспортной системы. Практика показала, что она далеко не окупаетъ сопряженныхъ съ нею стѣсненій, тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ она нерѣдко не достигала своихъ основныхъ цѣлей—контроля за передвиженіемъ опасныхъ членовъ общества, какъ-то бродягъ и пр. Въ 1841 году Пруссія вошла

[1] Для нихъ были созданы такъ называемыя Wanderbücher, которыя служили имъ одновременно и паспортами, и рабочими книжками.

въ переговоры съ нѣкоторыми союзными нѣмецкими государствами съ цѣлью облегченія паспортныхъ стѣсненій. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, а именно въ 1850 году почти всѣ нѣмецкія государства (въ томъ числѣ и Австрія) заключили между собою спеціальную конвенцію (Passconvention). Въ силу этого договора, вмѣсто паспортовъ были введены такъ называемыя пасскарты (Passkarten); онѣ выдавались срокомъ на одинъ годъ, при чемъ ихъ не нужно было свидѣтельствовать. Эти карты являлись, главнымъ образомъ, средствомъ удостовѣренія личности въ случаяхъ, когда это представлялось необходимымъ. Въ 1865 году былъ сдѣланъ новый шагъ въ томъ же направленіи: заключено было между Баваріей, Виртембергомъ, Саксоніей и Ганноверомъ новое соглашеніе на началахъ полнаго уничтоженія всякихъ паспортныхъ стѣсненій. Къ этому соглашенію примкнули и нѣкоторыя другія нѣмецкія государства, а въ 1867 г. изданъ для всего Сѣверо-Германскаго Союза уже упомянутый выше законъ о полной свободѣ передвиженія. Послѣ объединенія дѣйствіе его распространено на всю нынѣшнюю Германскую Имперію. Законъ этотъ установляетъ общее положеніе, по которому ни отъ имперскихъ подданныхъ, ни отъ иностранцевъ не требуется никакихъ документовъ ни для выѣзда изъ Имперіи, ни для въѣзда въ нее, ни для временныхъ переѣздовъ, ни для постояннаго пребыванія въ предѣлахъ ея. Уничтожая паспортную систему, законодательство замѣнило ее такъ назыв. системой легитимаціи (Legitimationspflicht). Сущность ея заключается въ обязанности, возлагаемой на всѣхъ, находящихся въ предѣлахъ Имперіи (какъ подданныхъ, такъ и иностранцахъ), на оффиціальные запросы предъявлять достаточныя доказательства самоличности, съ сообщеніемъ свѣдѣній объ имени, общественномъ положеніи, мѣстожительствѣ, подданствѣ и т. д. Сверхъ того, за имперскою властью оставлено право издавать въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряженія о временномъ введеніи паспортовъ или для всей Имперіи, или для какой-нибудь отдѣльной мѣстности, или же для поѣздокъ въ извѣстныя иностранныя государства. Эти случаи могутъ имѣть мѣсто, если что-либо угрожаетъ безопасности Имперіи или какого-нибудь союзнаго государства, или обще-

ственному порядку и спокойствію, вслѣдствіе ли войны, внутреннихъ волненій или другихъ важныхъ причинъ.

Изъ представленнаго краткаго обзора прошлой исторіи и современнаго законодательства трехъ важнѣйшихъ государствъ западной Европы по вопросу о правѣ передвиженія и контроля за нимъ видно, что въ теченіе долгаго періода времени эти государства практиковали систему усиленнаго строгаго надзора за передвиженіемъ населенія. Въ этихъ цѣляхъ во Франціи, а затѣмъ и въ Германіи было выработано сложное паспортное законодательство, подвергшее значительнымъ ограниченіямъ право передвиженія. Долгій опытъ привелъ оба государства къ убѣжденію въ неудовлетворительности паспортной системы и необходимости уничтоженія ея, что и сдѣлано—въ Германіи посредствомъ радикальной реформы самаго законодательства, а во Франціи—путемъ обращенія его въ мертвую букву. Но, упраздняя паспортную систему, эти государства ничуть не отказались отъ преслѣдованія той цѣли, которой она должна была служить—обезпеченія и охраненія общественнаго спокойствія и безопасности. Они только нашли, послѣ продолжительнаго опыта, другое средство къ достиженію этой цѣли, средство болѣе цѣлесообразное, такъ какъ оно обезпечиваетъ самое важное условіе, наличность котораго необходима для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса: они нашли способъ примирить полную свободу передвиженія съ интересами общественнаго спокойствія и безопасности, безъ всякаго ущерба для этихъ обоихъ элементовъ. Это средство заключается въ системѣ легитимаціи, которая является господствующею какъ въ современной Германіи, такъ и во Франціи и въ Англіи, гдѣ она установилась ранѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, благодаря особенностямъ ея политическаго строя.

Россія. Исторія русскаго законодательства о правѣ передвиженія распадается на два большіе періода. Границею между ними является царствованіе Петра Великаго.

Въ до-петровской Руси весьма рѣзко выступаетъ различіе въ отношеніи государства къ передвиженію коренного населенія и пріѣзжихъ иностранцевъ. Тогда какъ русскіе подданные пользовались правомъ безпрепятственнаго перехода и переѣзда по всей Россіи, для иностранцевъ это право было ограничено. По отношенію къ нимъ развился мало-помалу институтъ „проѣзжихъ грамотъ“, напоминающій позднѣйшіе паспорты. Наиболѣе раннія извѣстія о „проѣзжихъ“ встрѣчаются въ Новгородѣ еще въ концѣ XIII ст.: тамъ онѣ выдавались иностранцамъ для спокойнаго возвращенія въ ихъ отечество. Съ конца XV-го вѣка уже вполнѣ образуется установленіе проѣзжихъ, по которымъ иноземцы въѣзжали въ Россію, а русскіе подданные отправлялись за границу. Мотивами ихъ установленія являлись отчасти политическія соображенія (чтобы иностранцы не провѣдали русскихъ дѣлъ), отчасти же религіозныя опасенія (чтобы они не внесли въ русскую жизнь ереси и не совратили русскихъ людей изъ православія). Эти соображенія заставляли правительство обязывать проѣзжими и русскихъ, отправлявшихся въ чужеземныя государства. Въ теченіе XVII вѣка безъ особенныхъ жалованныхъ грамотъ, за красною печатью, иностранцы не могли входить внутрь Россіи, а тѣмъ менѣе разъѣзжать по ея городамъ и даже ярмаркамъ. Что касается до права поѣздокъ русскихъ подданныхъ за границу, то по этому предмету находится рядъ въ высшей степени любопытныхъ постановленій въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича (гл. 6-я, шесть статей). Всѣхъ, отправляющихся за границу, Уложеніе обязываетъ имѣть „проѣзжія грамоты“. Неисполнившимъ этого требованія законъ угрожаетъ строгими наказаніями: смертною казнью, если по возвращеніи отлучившагося „безъ проѣзжія грамоты самовольствомъ“ будетъ доказано слѣдствіемъ, что „онъ впрямь ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжія грамоты для измѣны, или для инаго какова лихого дѣла“ (ст. 3); если же будетъ обнаружено, что онъ ѣздилъ не съ коварными замыслами, „для торговаго промыслу, а не для измѣны“, въ такомъ случаѣ Уложеніе повелѣваетъ „ему за то учинити наказаніе, бити кнутомъ, чтобы на то смотря инымъ неповадно было такъ дѣлати“ (ст. 4). Но, угрожая строгими наказаніями за самовольныя отлучки безъ проѣзжихъ грамотъ, Уложеніе, съ другой стороны, принимаетъ мѣры и къ обезпеченію интересовъ отъѣзжающихъ за границу. Оно обязываетъ воеводъ выдавать проѣзжія „безъ всякаго задержанія“

(въ Москвѣ отъѣзжающіе за границу должны были „бити челомъ“ самому Государю). Если же „которые воеводы проѣзжихъ грамотъ кому вскорѣ давати не учнутъ, и тѣмъ учинятъ кому простой и убытки, и сыщется про то допряма, и воеводамъ за то быти отъ Государя въ великой опалѣ. А что они кому учинятъ убытка, и то на нихъ доправити вдвое, и отдати челобитчикомъ“ (ст. 2). Пограничнымъ обывателямъ Уложеніе дозволяетъ ѣздить въ Литовскую и въ Нѣмецкую сторону „безъ проѣзжихъ—для того, что они съ Литовскими и съ Нѣмецкими порубежными людьми живутъ смежно“.

Что касается передвиженія русскихъ подданныхъ въ предѣлахъ Россіи, то оно до начала XVIII-го вѣка не подвергалось, вообще, никакимъ ограниченіямъ. Какъ въ древнѣйшія времена, такъ и въ позднѣйшія, общины не могли останавливать движеніе своихъ членовъ: ни выходъ изъ общины, ни вступленіе въ нее не были обставлены ограниченіями. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для предупрежденія дѣйствій безнравственныхъ или преступныхъ со стороны лицъ, неизвѣстныхъ міру, община могла требовать отъ входившихъ въ ея черту, чтобы они указали поручителей — своихъ „знатковъ и знакомцевъ“. Въ концѣ XVII вѣка начинаетъ практиковаться въ Москвѣ также и записываніе въ книги земскаго приказа: въ 1686 году цари Іоаннъ и Петръ утвердили докладъ стрѣлецкаго приказа, по которому установлено взимать штрафъ съ того, у кого объявятся люди безъ записки, въ 1-й разъ—въ 25 руб. за каждаго пришлаго, во 2-й—въ 50, а въ 3-й разъ—въ 100 руб. Исключеніе изъ общаго правила свободнаго проѣзда дѣлалось въ XVII ст. лишь относительно лицъ духовнаго вѣдомства, которыя не могли отлучаться безъ дозволенія епархіальныхъ архіереевъ, и относительно крестьянъ, которыхъ, съ развитіемъ крѣпостного права, нельзя было ни принимать, ни держать „безъявочно“ и „безъ отпускныхъ“.

При Петрѣ Великомъ право свободнаго передвиженія подверглось значительнымъ ограниченіямъ, вылившимся впослѣдствіи въ сложную паспортную систему. Развитію законодательства о паспортахъ сильно содѣйствовали, съ одной стороны, установленіе подушной подати и рекрутства, съ другой—все большее и большее увеличеніе числа бѣглыхъ, уходившихъ отъ рекрутчины и налоговыхъ тягостей, разбойниковъ и т. под. лицъ, съ которыми государство вынуждено было бороться. Паспорты служили средствомъ контроля надъ путешествующими, путемъ котораго правительство стремилось открыть гуляющихъ и подозрительныхъ людей и приписать ихъ къ тяглу. Каждому изъ воеводъ предписано было (въ 1719 г.) „смотрѣть, чтобы въ его провинціи никакіе гулящіе люди не обрѣтались, а увѣчныхъ высылать въ тѣ города и села, кто откуда скажется, а неувѣчныхъ въ службу или въ работу, куда будетъ требоватися, отсылать; такожъ гулящихъ людей безъ проѣзжихъ писемъ не пропускать“. Лица, не имѣющія при себѣ „пашпорта или проѣзжева или прохожева письма“, должны быть признаваемы „за недобрыхъ или за прямыхъ воровъ“ (указъ изъ военной коллегіи, 30-го октября 1719 г., о поимкѣ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ). Въ этомъ же указѣ повелѣно было, „чтобы никто никуда безъ проѣзжихъ или прохожихъ писемъ изъ города въ городъ и изъ села въ село не ѣздилъ и не ходилъ; но каждый бы имѣлъ отъ начальниковъ своихъ пашпортъ или пропускное письмо какъ о томъ Его Царскаго Величества особливые указы повелѣваютъ“. Въ 1724 году былъ изданъ рядъ новыхъ законоположеній о паспортахъ, изложенныхъ въ особомъ указѣ подъ названіемъ „Плакатъ“. Этотъ указъ касается различныхъ предметовъ: рядомъ съ постановленіями о паспортахъ онъ говоритъ „о сборѣ подушныхъ денегъ, о повинностяхъ земскихъ обывателей въ пользу квартирующихъ войскъ и о наблюденіи полковымъ начальствомъ благочинія и порядка въ селеніяхъ, войсками занимаемыхъ“. Уже изъ этого простого перечня видно, что мѣры о паспортахъ стояли въ тѣсной связи съ новыми финансовыми мѣрами государства и его полицейскими потребностями. Правительству необходимо было установить контроль надъ плательщиками. Въ виду этого было повелѣно, чтобы тяглые люди не отлучались изъ мѣстъ своего жительства безъ дозволенія начальства и безъ опредѣленныхъ видовъ. Плакатъ различаетъ, во 1-хъ, покормежныя письма и, во 2-хъ, пропускныя письма. Покормежныя выдавались крестьянамъ,

отправлявшимся на работы въ своемъ уѣздѣ. Если же крестьянинъ желалъ отправиться въ другой уѣздъ, то долженъ былъ получить отъ своего начальства пропускное письмо, съ которымъ онъ являлся къ земскому комиссару и получалъ отъ него новое письмо. Срокъ такихъ отпусковъ не могъ превышать трехъ лѣтъ. На паспортѣ велѣно было писать примѣты его обладателя, ему присвоенъ былъ индивидуальный характеръ и лишь съ теченіемъ времени разрѣшено было вписывать въ одинъ паспортъ жену при мужѣ и малолѣтнихъ дѣтей. Первоначально паспортная система касалась, главнымъ образомъ, податныхъ классовъ населенія, но впослѣдствіи ей были подчинены, хотя и не въ одинаковой степени, всѣ вообще подданные.

Изъ дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ относительно паспортной системы необходимо указать на установленіе паспортныхъ сборовъ или пошлинъ. Первоначально паспорты не служили у насъ источникомъ государственнаго дохода. Плакатъ 1724 г. устанавливалъ, правда, сборъ съ каждаго „пропускного письма“ въ 2 коп., но этотъ сборъ имѣлъ цѣлью только возмѣщеніе расходовъ на бумагу и на записи паспорта въ книгу земскаго комиссара. Впервые фискальное значеніе паспортъ получилъ въ 1763 году, когда установлено было взиманіе денежныхъ сборовъ съ паспортовъ годовыхъ и болѣе краткосрочныхъ въ размѣрѣ 10 коп., съ двухгодовыхъ—50 коп. и съ трехгодовыхъ — по 1 руб. Съ теченіемъ времени, размѣры этихъ сборовъ были повышены; такъ, въ началѣ XIX вѣка сборы за паспорты доходили: для мѣщанъ и крестьянъ за годовой—до 6 руб., за трехгодовой — до 30 руб. и за пятилѣтній — до 70 руб. (ассигнаціями). Въ 1825 и 1829 гг. сборы эти были значительно понижены: такъ, за годовой паспортъ взималось 1 р. 45 коп., за двухгодовой — 2 р. 90 коп. и за трехгодовой — 4 р. 35 коп. Въ этихъ размѣрахъ сборы съ паспортовъ взимались до реформы паспортнаго законодательства въ 1894 году.

Крупные недостатки нашей паспортной системы и крайняя стѣснительность паспортовъ для народа, высказавшаяся немедленно по ихъ учрежденіи, вызвали цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ, состоявшихъ преимущественно во

временныхъ льготахъ по выборкѣ паспортовъ или въ упрощеніи и облегченіи установленнаго по этому предмету порядка. Мѣры эти приносили свою долю пользы, но нисколько не затрогивали общихъ началъ паспортной системы, которая, въ существенныхъ своихъ основаніяхъ, сохранилась у насъ до новѣйшаго времени въ объемѣ и духѣ узаконеній XVIII вѣка. Такъ, дѣйствовавшій еще въ 1894 г. уставъ о паспортахъ, въ 1 ст., содержалъ безусловное, заимствованное изъ указа 30 октября 1719 г., правило, что „никто не можетъ отлучаться отъ мѣста постояннаго своего жительства безъ узаконеннаго вида или паспорта“, а по статьѣ 194 того же устава „всѣ отлучающіеся, по установленнымъ билетамъ и паспортамъ, изъ одной губерніи въ другую должны предъявлять оные: во время пути—на учрежденныхъ въ городахъ заставахъ и шлагбаумахъ, а по прибытіи на мѣсто отпуска, въ городахъ—городскимъ полиціямъ, въ уѣздахъ же—уѣздной, волостной или сельской полиціи“. Съ другой стороны, въ законѣ сохранялись весьма строгія наказанія за нарушеніе паспортныхъ правилъ. Ст. 317 устава признавала бѣглыми всѣхъ тѣхъ, которые отлучались безъ узаконеннаго вида или далѣе срока, на который онъ выданъ, или за предѣлы раіона, означеннаго въ паспортѣ. За каждаго пойманнаго бѣглеца, на основаніи ст. 331, выдавалось изъ казны особое денежное вознагражденіе. Лица, не имѣющія узаконенныхъ видовъ, ловились и задерживались полиціею, при чемъ, если докажутъ свое званіе, то отправлялись въ общество по этапу, а буде не имѣли никакихъ средствъ доказать настоящее свое званіе или состояніе, то съ ними поступали, какъ съ бродягами.

Вопросъ о необходимости болѣе крупныхъ измѣненій въ паспортномъ уставѣ былъ поставленъ въ 1847 г. Бывшій министръ государственныхъ имуществъ гр. Киселевъ выразилъ предположеніе о необходимости измѣнить постановленія названнаго устава, касающіяся отлучекъ поселянъ изъ мѣстъ ихъ жительства, „какъ стѣснительныя для самихъ крестьянъ и сельской промышленности“. Съ этимъ соглашался и самъ Императоръ Николай I, высказавшій, между прочимъ, слѣдующую мысль: „нельзя ли бы было замѣнить всѣ нынѣ существующіе виды и проч. паспортами двухъ

родовъ: полугодовыми и годовыми на выѣздъ изъ своего уѣзда".

Этому предположенію, какъ и предположеніямъ гр. Киселева, суждено было получить осуществленіе лишь въ новомъ (1894 г.) положеніи о видахъ на жительство. Въ 1847 же году предположенія гр. Киселева вызвали возраженія со стороны представителей разныхъ центральныхъ вѣдомствъ, а въ 1849 г. Государственный Совѣтъ, подъ вліяніемъ броженія въ народѣ, рѣшилъ отложить обсужденіе предложенныхъ измѣненій въ паспортномъ уставѣ до общаго пересмотра послѣдняго. Вопросъ объ этомъ общемъ пересмотрѣ паспортнаго устава былъ возбужденъ въ 1859 г. и съ тѣхъ поръ, можно сказать, не сходилъ съ очереди вплоть до самаго послѣдняго времени.

Изъ всѣхъ учреждавшихся паспортныхъ комиссій наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе II-я комиссія, образованная въ 1869 г. изъ представителей разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Сольскаго. „Комиссія эта, какъ говорится въ правительственномъ изданіи (Полож. о вид. на жит. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ оно основано; изданіе государственной канцеляріи, СПБ. 1894 г.), подвергнувъ дѣло самому тщательному и всестороннему изученію, собрала множество матеріаловъ первостепенной важности". Комиссіей былъ опрошенъ, между прочимъ, цѣлый рядъ экспертовъ по полицейской части, съ цѣлью выяснить значеніе паспорта въ полицейскомъ отношеніи. Показанія этихъ экспертовъ, въ числѣ которыхъ находились: начальникъ петербургской сыскной полиціи Путилинъ, бывшій градоначальникъ С.-Петербурга генералъ-адъютантъ Треповъ, управлявшій адресной экспедиціей въ томъ же городѣ полковникъ Фроловъ и многіе другіе,—почти повторяютъ другъ друга, благодаря чему комиссія пришла къ слѣдующему единогласному заключенію: „По соображеніи вышеизложенныхъ, спеціалистами по полицейской части заявленныхъ мнѣній, паспортная комиссія, съ своей стороны, не могла не притти къ заключенію, что содержащееся въ дѣйствующемъ паспортномъ уставѣ общее воспрещеніе отлучаться съ мѣста своего постояннаго жительства безъ узаконеннаго вида не представляется необходимымъ для охране-

нія общественнаго порядка и безопасности, а потому въ отношеніи лицъ, для которыхъ виды имѣютъ значеніе исключительно полицейское (т. е. лицъ, не принадлежащихъ къ податнымъ обществамъ), можетъ, безъ дѣйствительныхъ неудобствъ, быть нынѣ же отмѣнено, съ предоставленіемъ каждому доказывать свою самоличность по требованію полиціи, какъ узаконеннымъ видомъ, такъ и иными способами. Равнымъ образомъ, не оказывается надобности сохранять узаконенія о явкѣ и прописке видовъ, такъ какъ эти узаконенія самими представителями полиціи не признаются ведущими къ цѣли, и притомъ, сколько извѣстно, и нынѣ, за исключеніемъ столицъ и немногихъ мѣстностей, не строго примѣняются".

Съ цѣлью выяснить податное значеніе паспортовъ, комиссіей были опрошены управляющіе казенными палатами, губернаторы и эксперты по крестьянскимъ дѣламъ, которые и выяснили, что „крестьяне отлучаются преимущественно для отработки недоимокъ и что преграждать возможность отлучаться недоимщикамъ значило бы не облегчать, а затруднять поступленіе сборовъ; что мѣра невыдачи паспортовъ недоимщикамъ, по непонятному заблужденію, доселѣ считающаяся дѣйствительнымъ противъ недоимокъ средствомъ, вела всегда только къ разоренію и къ затяжкѣ недоимки въ тѣхъ, къ счастью, рѣдкихъ случаяхъ, когда прилагалась въ нѣсколько обширныхъ размѣрахъ". Но, несмотря на подобнаго рода отзывы, комиссія пришла къ заключенію, что установленіе новыхъ паспортныхъ правилъ для податныхъ сословій не можетъ получить окончательной обработки впредь до преобразованія податной части, а также рекрутской повинности. Въ 1885 г., вскорѣ послѣ отмѣны подушной подати, была образована особая „подготовительная комиссія", которой и порученъ былъ пересмотръ устава о паспортахъ. Выводы, къ которымъ пришла эта комиссія, рѣзко отличаются отъ заключеній II-ой паспортной комиссіи. Обсуждая вопросъ о полицейскомъ значеніи паспортовъ, подготовительная коммиссія признала, что „при существующемъ складѣ нашей общественной жизни, при существующемъ у насъ полицейскомъ устройствѣ, паспортъ представляется необходимымъ какъ по цѣлямъ полицейскимъ, такъ

и въ интересахъ самого населенія. Въ полицейскомъ отношеніи—паспорты и прописка ихъ представляются важными въ дѣлѣ наблюденія за передвиженіемъ населенія; въ интересахъ же населенія—желательно сохраненіе паспортовъ, какъ документовъ, признаваемыхъ безспорными, въ видахъ обезпеченія обывателей отъ могущихъ быть недоразумѣній и даже ни на чемъ не основанныхъ придирокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость въ удостовѣреніи личности." Что же касается податного значенія паспортовъ, то комиссія пришла къ заключенію, что „отбываніе повинностей какъ государственныхъ, такъ земскихъ и общественныхъ, не можетъ служить препятствіемъ свободному передвиженію крестьянъ и мѣщанъ и что какъ тѣ, такъ и другіе, нимало не разрывая своей связи съ обществомъ и безъ вреда для податныхъ интересовъ, могли бы пользоваться тѣмъ же правомъ свободныхъ отлучекъ, какъ и лица всѣхъ другихъ сословій."

Составленный подготовительной комиссіей проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе учрежденной въ концѣ 1886 г. при министерствѣ финансовъ общей паспортной комиссіи, въ которой и подвергся нѣкоторымъ довольно существеннымъ измѣненіямъ. Но по многимъ наиболѣе важнымъ вопросамъ комиссія не пришла къ единогласному заключенію, вслѣдствіе чего работы и этой комиссіи не привели къ положительнымъ результатамъ.

Между тѣмъ несовершенства паспортнаго устава давали себя знать все болѣе и болѣе, почему Государственный Совѣтъ въ 1891 г., по поводу одного дѣла, возникшаго на почвѣ помянутаго устава и поступившаго въ Совѣтъ изъ Сената, поручилъ министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, внести въ возможно скоромъ времени на законодательное разсмотрѣніе предположенія объ измѣненіи устава о паспортахъ. Министры исполнили это порученіе, положивъ въ основу составленнаго проекта тѣ выводы, къ которымъ единогласно пришла общая паспортная комиссія. 9 марта 1893 г. проектъ былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ и 3 іюня 1894 г. утвержденъ подъ названіемъ „Положенія о видахъ на жительство".

Изложенный очеркъ исторіи новаго закона показываетъ,

что дѣятельность всѣхъ „паспортныхъ" комиссій не приводила къ положительнымъ результатамъ. Причину этого явленія усматриваютъ въ сложности предстоявшей реформы, такъ какъ паспорты въ Россіи, помимо полицейскихъ цѣлей, преслѣдовали также податныя и фискальныя цѣли. Отказаться отъ выполненія паспортомъ какой-либо изъ этихъ цѣлей правительство не рѣшалось, несмотря на опытъ европейскихъ государствъ и на заключенія нѣкоторыхъ паспортныхъ комиссій. Подъ вліяніемъ этого исторически сложившагося взгляда на значеніе паспортовъ, Государственный Совѣтъ и при обсужденіи настоящаго положенія высказался, что „о совершенномъ упраздненіи паспорта или узаконеннаго вида въ Россіи не можетъ быть пока еще и рѣчи. Равнымъ образомъ, лишать паспортъ того значенія, которое онъ, въ теченіе почти двухвѣкового своего существованія, пріобрѣлъ у насъ въ податномъ и фискальномъ отношеніяхъ, было бы затруднительно. При этихъ условіяхъ задача паспортной реформы должна заключаться въ томъ, чтобы, не нарушая въ корнѣ присвоеннаго паспорту значенія, ослабить, по возможности, не вызываемыя необходимостью стѣсненія паспортнаго устава и предоставить населенію всѣ возможныя облегченія въ его отлучкахъ изъ мѣста жительства".

Новое положеніе введено въ дѣйствіе съ 1-го января 1895 г. во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго [1]. При этомъ были оставлены въ силѣ слѣдующія узаконенія о паспортахъ: 1) лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной и морской службѣ, а равно

[1] Закономъ 10 іюня 1902 г. «Положеніе о видахъ на жительство» 1894 г. распространено и на губерніи Царства Польскаго, съ нѣкоторыми отступленіями, обусловленными мѣстными особенностями. Важнѣйшее изъ нихъ заключается въ томъ, что въ губерніяхъ Царства Польскаго паспортныя мѣры лишены податнаго характера. При существующей въ этомъ краѣ системѣ обложенія и раскладки казенныхъ и общественныхъ сборовъ, по которой платежною единицею является каждая отдѣльная собственность, безъ круговой поруки обществъ, отлучки владѣльцевъ подлежащихъ сбору имуществъ и предпріятій не вліяютъ на правильность податныхъ поступленій, и потому паспортные документы никакого значенія въ фискальномъ отношеніи имѣть не будутъ. Въ виду этого на губерніи Царства Польскаго не распространяются соотвѣтственныя статьи «Положенія» (главнымъ образомъ ст. 43—58).

лицъ войскового сословія казачьихъ войскъ; 2) иностранныхъ подданныхъ, проживающихъ въ Имперіи; 3) лицъ, отбывающихъ за границу и оттуда возвращающихся; 4) финляндскихъ обывателей; 5) лицъ римско-католическаго духовенства; 6) инородцевъ; 7) лицъ, нанимающихся на золотые промыслы; 8) скопцовъ; 9) лицъ, состоящихъ подъ полицейскимъ надзоромъ, учреждаемымъ по распоряженію административныхъ властей и 10) ссыльно-поселенцевъ, водворенныхъ въ Сибири и другихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ.

„Видъ на жительство" — гласитъ 1-я статья закона,— „служитъ удостовѣреніемъ личности, а равно права на отлучку изъ мѣста постояннаго жительства въ тѣхъ случаяхъ, когда это право должно быть удостовѣрено". Мѣстомъ постояннаго жительства новый законъ, подобно старому, считаетъ: 1) для дворянъ, чиновниковъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и разночинцевъ — мѣсто, гдѣ кто по службѣ, или занятіямъ, или промысламъ, или недвижимому имуществу имѣетъ осѣдлость, либо домашнее обзаведеніе; 2) для мѣщанъ и ремесленниковъ—городъ, посадъ или мѣстечко, къ мѣщанскому или ремесленному обществу которыхъ они причислены; 3) для сельскихъ обывателей—сельское общество или волость, къ коимъ они приписаны (ст. 2). Только что приведенныя постановленія отличаются отъ соотвѣтствующихъ постановленій устава о паспортахъ лишь иной редакціей; но уже слѣдующія двѣ статьи вносятъ въ наше законодательство о паспортахъ нѣчто новое, а именно: въ силу этихъ статей, никто не обязанъ имѣть видъ на жительство въ мѣстѣ постояннаго своего жительства, а равно при отлучкахъ въ предѣлахъ того уѣзда, гдѣ находится это мѣсто постояннаго жительства отлучающагося, а также за предѣлами сего уѣзда не далѣе пятидесяти верстъ отъ названнаго мѣста, если отлучки продолжаются не долѣе шести мѣсяцевъ; отъ лицъ же, нанимающихся на сельскія работы, не требуется видовъ на жительство не только въ означенныхъ мѣстностяхъ, но и въ предѣлахъ волостей, смежныхъ съ тѣмъ уѣздомъ, въ которомъ находится мѣсто постояннаго жительства сихъ лицъ, хотя бы отлучки ихъ изъ этого мѣста и продолжались болѣе шести мѣсяцевъ. Только что приведенныя облегченія къ передвиженію населенія, которыя, какъ было выше упомянуто, проектировалъ отчасти Императоръ Николай I, безспорно полезны; къ сожалѣнію, немаловажныя изъятія изъ этихъ правилъ достаточно парализуютъ ихъ значеніе. Такъ, приведенныя постановленія не распространяются: на цѣлый рядъ городовъ, въ которыхъ содержатели меблированныхъ комнатъ обязаны записывать въ особую книгу паспорты своихъ постояльцевъ (см. 210 ст. уст. о пасп.); на мѣстности, въ которыхъ введено въ дѣйствіе положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія; наконецъ, на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ, на которые распространяется дѣйствіе правилъ о надзорѣ за заведеніями фабрично-заводской промышленности (уст. пром. ст. 47), рабочіе, по требованію фабричной инспекціи или мѣстной полиціи, обязаны имѣть виды на жительство, хотя бы эти фабрики, заводы и мануфактуры и находились въ мѣстѣ постояннаго жительства означенныхъ рабочихъ.

Допуская возможность обходиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ какого бы то ни было вида на жительство, новый законъ, въ отличіе отъ стараго, не считаетъ и неимѣнія его за уголовный проступокъ. По старому паспортному уставу, виновные въ совершеніи этого проступка препровождались въ качествѣ бѣглыхъ этапнымъ порядкомъ въ мѣсто постояннаго ихъ жительства, гдѣ и подвергались уголовной отвѣтственности. Такими „бѣглыми" могли оказаться не только лица, случайно потерявшія паспортъ, но и всѣ тѣ, „которые отлучились отъ своихъ обществъ безъ надлежащаго на то дозволенія далѣе срока и мѣста, какія для временныхъ отлучекъ закономъ или въ данныхъ имъ видахъ опредѣлены". Такихъ лицъ предписывалось полиціи и частнымъ лицамъ ловить и задерживать, при чемъ за каждаго пойманнаго выдавалось особое денежное вознагражденіе (ст. 317—343 уст. о пасп. изд. 1890 г.). Совершенно безцѣльная строгость этихъ постановленій, отзывавшаяся, главнымъ образомъ, на массѣ крестьянскаго населенія, нынѣ устранена.

Въ статьяхъ 26—28 разсматриваемаго положенія значится нижеслѣдующее: „При обнаруженіи лица, отлучившагося или проживающаго безъ установленнаго вида, тамъ,

гдѣ онъ требуется, или же съ видомъ просроченнымъ, либо ненадлежащимъ, полиція, если лицо сіе докажетъ свою самоличность, выдаетъ ему свидѣтельство на срокъ, достаточный для полученія вида на жительство, и, во всякомъ случаѣ, не долѣе, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ. Въ случаѣ истеченія срока выданнаго свидѣтельства, владѣлецъ онаго снабжается полиціею особымъ удостовѣреніемъ, для отбытія въ семидневный срокъ въ мѣсто постояннаго жительства. И лишь лицо, не отбывшее туда въ указанный срокъ, высылается въ оное мѣрами полиціи: причемъ высылка эта производится соотвѣтственно званію или состоянію высылаемаго, на основаніи особой инструкціи, утвержденной министромъ внутреннихъ дѣлъ". Постановленія устава о паспортахъ примѣняются, такимъ образомъ, къ лицамъ, оказавшимся безъ всякаго вида на жительство, лишь въ томъ случаѣ, если они не въ состояніи доказать какимъ-либо образомъ свою самоличность (ст. 30). По поводу этого остатка старины Государственный Совѣтъ высказалъ совершенно понятное желаніе, „чтобы законы о преслѣдованіи бѣглыхъ и бродягъ были подвергнуты пересмотру въ видахъ ближайшаго ихъ согласованія съ дѣйствительною потребностью и основаніями новыхъ постановленій о правѣ перехода и переѣзда".

Изъ другихъ „общихъ положеній" новаго положенія заслуживаютъ вниманія статьи 10 и 19, въ силу которыхъ: 1) сыновья и мужескаго пола родственники, пріемыши и лица, состоящіе подъ опекою, по достиженіи всѣми ими 18 лѣтъ, и 2) незамужнія дочери, родственницы и пріемыши женскаго пола, а равно дѣвицы, состоящія подъ опекою, по достиженіи всѣми ими 21 года, включаются въ видъ получателя, при которомъ жили, не иначе, какъ съ ихъ согласія (ст. 10). „Неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ, хотя бы и совершеннолѣтнимъ, виды на жительство выдаются и возобновляются не иначе, какъ съ согласія хозяина крестьянскаго двора. Въ случаѣ отказа съ его стороны, виды на жительство могутъ быть выдаваемы означеннымъ лицамъ по распоряженію земскаго начальника, мирового посредника, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чиновника, либо коммисара по крестьянскимъ дѣламъ или замѣняющихъ ихъ

должностныхъ лицъ, по принадлежности. Распоряженія сего рода обжалованію не подлежатъ" (ст. 19). Съ изданіемъ приведенныхъ постановленій паспорты перестаютъ служить орудіемъ родительской власти, какимъ служили до сихъ поръ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить постановленіе 22 статьи. До настоящаго времени лицамъ, состоявшимъ на основаніи 48, 49 и 51 ст. улож. о нак. подъ надзоромъ полиціи или обществъ, выдавались паспорты, въ которыхъ дѣлалась отмѣтка о ихъ судимости съ обозначеніемъ существа судебнаго приговора и тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ владѣлецъ вида не имѣлъ права появляться; кромѣ того, на паспортъ налагался особый знакъ о судимости. Сохраненіе всѣхъ упомянутыхъ отмѣтокъ до изданія разсматриваемаго узаконенія не было ограничено какимъ-либо срокомъ. Теперь же наложеніе краснаго знака отмѣнено, а „волчьи паспорты", — какъ окрестилъ народъ виды, на которыхъ сдѣланы отмѣтки о судимости, — замѣняются по окончаніи надзора новыми, безъ отмѣтокъ о судимости, „если на исключеніе таковыхъ отмѣтокъ послѣдуетъ разрѣшеніе губернскаго начальства".

Наконецъ статья 31 положенія точно опредѣляетъ порядокъ принесенія жалобъ на дѣйствія и распоряженія по дѣламъ, касающимся видовъ на жительство.

Кромѣ общихъ положеній новаго закона, въ немъ содержатся спеціальныя постановленія, относящіяся только до извѣстныхъ классовъ народонаселенія. Всѣ эти классы разсматриваемое положеніе подраздѣляетъ на двѣ большія группы. Для первой группы, въ которую входятъ неслужащіе дворяне, лица, уволенныя отъ государственной службы, офицерскіе чины запаса, чиновники запаса, почетные граждане, купцы и разночинцы, — для всѣхъ этихъ классовъ видами на жительство служатъ безсрочныя паспортныя книжки, обложенныя сборомъ въ доходъ казны (ст. 33). Аттестаты объ окончаніи курса въ учебныхъ заведеніяхъ и т. п. документы, замѣнявшіе до сихъ поръ паспорты, должны были быть замѣнены къ 1 января 1897 г. упомянутыми книжками.

Болѣе крупнымъ и многочисленнымъ измѣненіямъ

подвергались постановленія устава о паспортахъ, касающіяся другой группы населенія—мѣщанъ, ремесленниковъ и сельскихъ обывателей. Для этихъ классовъ видами на жительство служатъ: паспортныя книжки, паспорты и безплатные виды на отлучку (ст. 39). Паспортныя книжки выдаются на пять лѣтъ, тогда какъ нынѣ упраздненные „плакатные“ паспорты выдавались лишь на три года. Получить паспортную книжку можетъ всякій исправный и полноправный членъ Общества (ст. 41—42). Мѣщанамъ и ремесленникамъ, за коими числятся недоимки по общественнымъ сборамъ, паспортныя книжки выдаются не иначе, какъ съ согласія ихъ обществъ (ст. 43). Сельскіе обыватели, за коими числятся недоимки по тѣмъ изъ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ, поступленіе которыхъ обезпечивается круговою порукою подлежащихъ сельскихъ обществъ, могутъ получать паспортныя книжки лишь съ согласія обществъ, къ коимъ они приписаны (ст. 44). Этой статьей власти крестьянскихъ обществъ надъ своими членами поставленъ нѣкоторый предѣлъ, хотя, съ другой стороны, власть эта новымъ закономъ нѣсколько усилена, такъ какъ, съ отмѣной 1-го пункта 129 ст. положенія о выкупѣ, отлучки недоимщиковъ поставлены въ исключительную зависимость отъ согласія общества, вмѣшиваться и контролировать которое полиція не имѣетъ права.

При выдачѣ паспортной книжки, установленіе, ее выдающее, обозначаетъ въ книжкѣ годовой размѣръ вышеупомянутыхъ сборовъ, причитающихся по послѣдней раскладкѣ съ лица, получающаго книжку. Эту „сумму годовыхъ сборовъ“ владѣльцы паспортной книжки обязаны ежегодно уплачивать: сельскіе обыватели—или въ подлежащія по мѣсту ихъ приписки установленія, или въ казначейства, находящіяся въ мѣстахъ ихъ временнаго пребыванія; мѣщане же и ремесленники—исключительно въ подлежащія по мѣсту ихъ приписки общественныя установленія. Если сумма сборовъ, уплаченныхъ отлучившимся за время пользованія книжкою, окажется несоотвѣтствующею суммѣ дѣйствительно причитавшихся съ него по раскладкѣ за означенное время платежей, то, по истеченіи срока книжки, а равно при утратѣ владѣльцемъ книжки права пользоваться ею,—недоплаченныя отлучившимся суммы уплачиваются имъ обществу, а произведенныя переплаты принимаются въ зачетъ причитающихся съ него платежей, по раскладкѣ общества, на будущее время (ст. 45—48). Если, при предъявленіи паспортной книжки въ полицію, окажется, что владѣльцемъ книжки указанные въ ней сборы не уплачены въ установленный срокъ, то полиція отбираетъ отъ него книжку; послѣдняя можетъ быть отобрана также и въ томъ случаѣ, если отлучившійся оставитъ безъ всякаго призрѣнія членовъ семьи или воспитателей, нуждающихся въ средствахъ къ жизни и не могущихъ снискивать себѣ пропитаніе своимъ трудомъ. Отъ сельскихъ обывателей отобраніе полиціей паспортныхъ книжекъ допускается сверхъ того: а) по требованію хозяина двора, къ которому отлучившійся принадлежитъ, и б) въ случаѣ избранія отлучившагося на одну изъ должностей, означенныхъ въ ст. 112 общаго положенія о крестьянахъ. Для отобранія паспортной книжки въ послѣднихъ трехъ случахъ требуется приговоръ подлежащаго общества. Приговоръ объ отобраніи паспортной книжки отъ мѣщанъ и ремесленниковъ утверждается губернскимъ правленіемъ, а въ градоначальствахъ—градоначальниками. Приговоръ объ отобраніи паспортной книжки отъ сельскихъ обывателей представляется земскому начальнику, мировому посреднику, непремѣнному члену уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія или чиновнику, либо комиссару по крестьянскимъ дѣламъ, по принадлежности. Должностныя лица сіи, разсмотрѣвъ приговоръ по существу, если удостовѣрятся въ его правильности, дѣлаютъ на приговорѣ отмѣтку о непмѣніи препятствій къ приведенію онаго въ исполненіе. Въ противномъ случаѣ, приговоръ представляется, вмѣстѣ съ заключеніемъ означенныхъ должностныхъ лицъ, въ уѣздный съѣздъ, въ съѣздъ мировыхъ посредниковъ, въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и въ другія учрежденія, по принадлежности (ст. 56). Учрежденія сіи, разсмотрѣвъ дѣло по существу, или утверждаютъ приговоръ общества, или отмѣняютъ его. О приведеніи въ исполненіе приговора объ отобраніи паспортной книжки названныя должностныя лица и учрежденія сообщаютъ подлежащимъ полицейскимъ установленіямъ

по мѣсту пребыванія отлучившагося, съ препровожденіемъ копіи приговора (ст. 54—56).

Что касается паспортовъ, то они выдаются на одинъ годъ, на шесть и на три мѣсяца; при этомъ, мѣщане, ремесленники и сельскіе обыватели могутъ получать паспорты независимо отъ лежащихъ на нихъ недоимокъ по какимъ-либо сборамъ. Лица сіи не могутъ, однако, возобновлять паспорты безъ согласія общества, если не уплатятъ всѣхъ, по указаннымъ въ статьяхъ 43 — 44 сборамъ, недоимокъ, числящихся на нихъ по 1 января того года, въ которомъ заявлено ими ходатайство о возобновленіи паспортовъ (ст. 59—60). Паспорты, срокъ коихъ истекъ, отсрочиваются полиціею по желанію владѣльцевъ, въ мѣстахъ временнаго ихъ пребыванія (ст. 61).

Къ числу симпатичныхъ нововведеній новаго закона слѣдуетъ отнести и выдачу безплатныхъ билетовъ на отлучки срокомъ до одного года; билеты эти выдаются пострадавшимъ отъ неурожая, пожаровъ, наводненій и т. п. бѣдствій переселяющимся, съ надлежащаго разрѣшенія, на казенныя земли, не достигшимъ восемнадцатилѣтняго возраста и нѣкоторымъ другимъ категоріямъ лицъ, перечисленнымъ въ статьяхъ 63 — 64. Наконецъ, 65 статья предусматриваетъ выдачу безсрочныхъ безплатныхъ билетовъ.

Заключительныя статьи (66—73) положенія содержатъ въ себѣ постановленія о сборахъ съ паспортовъ.

Размѣръ этихъ сборовъ былъ нѣсколько пониженъ (за годовой—до 1 руб., вмѣсто 1 руб. 45 коп.) и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые установленъ былъ денежный сборъ за паспорты съ лицъ привилегированныхъ сословій: паспортныя книжки, выдаваемыя имъ, были обложены сборомъ въ 1 руб. въ годъ, при чемъ этотъ сборъ долженъ былъ оплачиваться паспортными марками.

Не прошло однако и трехъ лѣтъ со времени изданія закона 1894 года, какъ въ отношеніи къ сборамъ за паспорты была произведена коренная реформа: закономъ 7 апрѣля 1897 г. отмѣнены сборы, взимаемые въ казну съ видовъ на жительство какъ краткосрочныхъ, такъ и долгосрочныхъ. Этимъ закономъ положенъ конецъ фискальному значенію

внутреннихъ паспортовъ, на уничтоженіе котораго давно уже въ нашей печати указывалось, какъ на мѣру крайне необходимую. Какъ средство извлеченія государственнаго дохода, паспортный сборъ не имѣлъ особеннаго значенія: въ 1895 г. доходъ по этой статьѣ бюджета составилъ 4,[1] милліона руб., т. е. весьма ничтожную часть поступленій при милліардномъ бюджетѣ. Между тѣмъ для необезпеченныхъ классовъ населенія паспортные сборы, при всей ихъ сравнительной незначительности, являлись нерѣдко тяжелымъ бременемъ, тѣмъ болѣе, что уплата этихъ сборовъ производилась обыкновенно именно тогда, когда положеніе плательщика особенно затруднительно. Въ мотивахъ къ закону 1897 года вполнѣ основательно указаны слѣдующія соображенія:

„Отправляясь на заработки, простолюдинъ вынужденъ дѣлать различныя затраты: ему необходимо запастись деньгами на дорогу и на прожитіе до пріисканія работы, оставить своей семьѣ средства на пропитаніе и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обезпечить уплату слѣдующихъ съ него сборовъ. При такихъ условіяхъ взысканіе даже невысокой относительно пошлины, въ размѣрѣ отъ 15-ти коп. до 1-го руб., какъ это установлено Положеніемъ 3-го іюня 1894 г., не можетъ не почитаться для него чувствительнымъ. Между тѣмъ заработанныя на сторонѣ деньги иногда служатъ, при тѣснотѣ земельныхъ надѣловъ сельскаго населенія и при незначительности доходности послѣднихъ, главнѣйшимъ средствомъ къ существованію и къ уплатѣ причитающихся съ этого населенія разнаго рода сборовъ. Уплата паспортныхъ сборовъ является тѣмъ болѣе ощутительною для нашихъ рабочихъ, что, отправляясь на заработки, они отнюдь не могутъ быть увѣрены въ возможности отыскать подходящую работу“.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить еще одной особенности нашихъ современныхъ условій, дѣлающей паспортный сборъ обременительнымъ и несправедливымъ для значительной части населенія. Дѣло въ томъ, что въ отступленіе отъ коренного положенія о необязательности видовъ въ мѣстѣ постояннаго жительства, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи выборка видовъ на жительство, ихъ прописка

и, слѣдовательно, уплата паспортныхъ пошлинъ обязательна не только для пришлаго, но даже и для мѣстнаго населенія. Въ силу ст. 3 Пол. 3-го іюня 1894 г. постановленіе о томъ, что никто не обязанъ имѣть вида на жительство въ мѣстѣ постояннаго своего жительства, не распространяется на мѣстности, находящіяся подъ усиленною охраною. Взиманіе паспортныхъ пошлинъ съ этой части населенія едва ли можетъ быть чѣмъ-нибудь оправдано.

Оканчивая этимъ разсмотрѣніе законодательства о паспортахъ для передвиженія внутри имперіи, переходимъ къ краткому обзору законоположеній о заграничныхъ паспортахъ и выдачѣ паспортовъ иностранцамъ, прибывающимъ въ Россію. Каждый, намѣревающійся отбыть за границу, кто бы и какого бы званія ни былъ, обязанъ подать о томъ прошеніе губернатору и представить при немъ отъ полиціи свидѣтельство, удостовѣряющее, что никакого законнаго препятствія къ отъѣзду его нѣтъ. При отсутствіи этихъ законныхъ препятствій, губернаторы разрѣшаютъ выдачу паспортовъ безъ замедленія. По общему правилу, заграничные паспорты могутъ быть выдаваемы русскимъ подданнымъ только по достиженіи ими 20-лѣтняго возраста. Многочисленныя изъятія изъ этого правила касаются обоюдныхъ на границахъ помѣщиковъ, купцовъ, ихъ приказчиковъ, шкиперовъ, вольныхъ матросовъ, молодыхъ людей изъ купеческихъ семействъ (которымъ, по достиженіи 17-тилѣтняго возраста, разрѣшается отправляться на шесть лѣтъ за границу для практическихъ занятій въ иностранныхъ купеческихъ конторахъ), лицъ, отправляющихся для излеченія болѣзни, полученія наслѣдства и т. д. Существуютъ особыя мѣры контроля за отбытіемъ воинской повинности. Заграничные паспорты выдаются на извѣстный срокъ, „съ возвратомъ“; паспорты для выѣзда безъ возврата выдаются всѣмъ иностранцамъ, оставляющимъ Россію. Срокъ дозволеннаго пребыванія всѣхъ вообще русскихъ подданныхъ за границею, съ узаконеннымъ паспортомъ, назначается пятилѣтній. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ допускаются отсрочки (для художниковъ, для коммерсантовъ и, въ частности, купцовъ, торгующихъ на востокѣ, и т. д.). Заграничные паспорты подлежатъ двоякаго рода сборамъ: 1) за напечатаніе для нихъ бланке-

товъ [1] и 2) сбора, обращаемаго въ составъ инвалиднаго капитала. Первый взимается при выдачѣ паспортовъ, въ размѣрѣ 50 коп. за каждый; второй взимается или при выдачѣ паспорта, или при возвращеніи изъ-за границы, по разсчету десяти [2] рублей за каждые шесть мѣсяцевъ или 20 руб. за годъ и т. д., смотря по времени пребыванія за границей. Именнымъ указомъ Правительствующему Сенату 28 іюля 1900 г. установленъ былъ временный дополнительный сборъ съ заграничныхъ паспортовъ (по 5 руб. въ полугодіе) для подкрѣпленія средствъ Россійскаго Общества Краснаго Креста, по усиленной дѣятельности его „по обезпеченію быстрой помощью и должнымъ уходомъ больныхъ и раненыхъ въ рядахъ дѣйствующихъ на Дальнемъ Востокѣ войскъ“. Сборъ этотъ, хотя и былъ установленъ временно и для опредѣленной цѣли, не отмѣненъ однако и за минованіемъ обстоятельствъ, его вызвавшихъ.—Пограничныя таможни обязаны строжайше наблюдать, чтобы всѣ выѣзжающіе за границу имѣли установленные паспорты. „Безъ паспорта“, говоритъ законъ, „никто, ни по какой причинѣ, ниже ради богомолья, изъ предѣловъ Имперіи выпускаемъ быть не долженъ, и, всякаго такового, по задержаніи, надлежитъ отсылать на прежнее его жилище“.

Что касается иностранцевъ, прибывающихъ въ Россію, то они пропускаются какъ по паспортамъ, выдаваемымъ россійскими миссіями и консульствами въ иностранныхъ государствахъ, такъ и по національнымъ паспортамъ и вандербухамъ (дорожныя книжки), засвидѣтельствованнымъ русскими миссіями и консульствами. Каждый иностранецъ, пріѣхавшій въ Россію съ законнымъ паспортомъ, долженъ

---

[1] Заграничные паспорты выдаются въ формѣ книжки съ двумя талонами, изъ коихъ одинъ отрѣзывается на таможнѣ, при выѣздѣ пассажира заграницу, а другой при возвращеніи его оттуда. Въ каждомъ паспортѣ означаются имя, фамилія и званіе предъявителя, кѣмъ паспортъ выданъ, время выдачи и нумеръ; въ приложеніи къ книжкѣ печатаются дѣйствующія о заграничныхъ паспортахъ правила. Паспорты пишутся на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

[2] Съ 1887 г. (Прежде, съ 1856 г. по 1887 г взималось по 5-ти руб. за полгода).

явиться въ первомъ лежащемъ на пути [1] губернскомъ городѣ къ мѣстному губернатору и, представя ему свой паспортъ, получить взамѣнъ его паспортъ для жительства и переѣздовъ въ Россіи. При предъявленіи иностранцемъ заграничнаго паспорта для полученія русскаго паспорта, отъ него отбираются обычныя показанія о его личности, продолжительности его пребыванія, цѣли его и т. д. Паспорты на жительство и переѣзды въ Имперіи выдаются иностранцамъ срокомъ на одинъ годъ и облагаются установленнымъ гербовымъ сборомъ; по наступленіи срока, иностранецъ обязанъ испросить новый паспортъ у начальника [2] той губерніи, въ предѣлахъ которой онъ будетъ находиться при истеченіи этого срока. Значительныя облегченія дѣлаетъ законъ для пограничныхъ жителей, имѣющихъ надобность въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Эти облегченія касаются одинаково какъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію, такъ и пограничныхъ русскихъ подданныхъ для ихъ кратковременныхъ отлучекъ за границу.

[1] Ѣдущіе въ почтовыхъ каретахъ и по желѣзнымъ дорогамъ освобождаются отъ обязанности предъявлять свои паспорты въ лежащихъ на пути губернскихъ городахъ, а могутъ отправляться со своими паспортами до тѣхъ пунктовъ, до которыхъ взяты ими мѣста въ каретахъ и вагонахъ.

[2] Въ Петербургѣ паспорты иностранцамъ выдаются за подписью градоначальника, въ Москвѣ—генералъ-губернатора, изъ канцелярій ихъ.

II. ПОЛИЦІЯ СОЮЗОВЪ И СОБРАНІЙ [1].

Союзы и ихъ значеніе. — Отношеніе государства къ союзамъ и собраніямъ.

Публичные митинги и союзы въ Англіи. — Роль митинговъ въ государственной жизни. — Развитіе митинговъ и союзовъ въ XIX вѣкѣ. — Ограниченія въ отношеніи къ союзамъ и митингамъ.

Очеркъ развитія французскаго законодательства о союзахъ и собраніяхъ. — Уголовный кодексъ 1810 г. и законъ 1834 г. — Вторая республика и вторая Имперія (декретъ 1852 г. и законъ 1868 г.). — Законъ 1881 года о публичныхъ собраніяхъ. — Законъ 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ и религіозныхъ конгрегаціяхъ.

Развитіе законодательства о союзахъ и собраніяхъ въ Германіи.

Образованіе союзовъ по русскому законодательству. — «Противозаконныя сообщества». — Наблюденіе за собраніями.

Подъ союзомъ или ассоціаціей разумѣется вообще всякое добровольное и разсчитанное на продолжительное существованіе соединеніе извѣстнаго количества лицъ, имѣющихъ въ виду преслѣдованіе какой-нибудь цѣли посред-

[1] Кромѣ указанныхъ выше (стр. 21) работъ Meyer, Loening, Seydel, Berthélemy, Hauriou—А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Пер. съ англ. подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Спб. 1891 г.—J. B. Blagg. The Law as to Public Meetings. Lond. 1888. — E. Ball. Das Vereins-und Versammlungsrecht in Deutschland. 1894. — P. Caspar. Das preussische Versammlungs-und Vereinsrecht. Ber. 1894.—E. Loening. Vereins-und Versammlungsfreiheit (въ VI томѣ Handwörterbuch der Staatswissenschaften). — G.-D. Weil. Le droit d'association et le droit de réunion devant les chambres et les tribunaux. Par. 1893.—Французскій законъ 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ и религіозныхъ конгрегаціяхъ («Журналъ Министерства Юстиціи» 1901 г., октябрь, стр. 270 — 296). — К. Д. Анциферовъ. Къ ученію о тайныхъ обществахъ по русскому законодательству (въ «Сборникѣ статей и замѣтокъ по уголовному праву и судопроизводству». Спб. 1898).

ствомъ общихъ совмѣстныхъ усилій. Жизнь выработала самые разнообразные типы такихъ союзовъ, значительно различающіеся между собою какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своей организаціи. Союзы и общества для веденія различныхъ промышленныхъ предпріятій; ассоціаціи, устраиваемыя въ интересахъ взаимной помощи; благотворительныя, ученыя, литературныя и художественныя общества; ассоціаціи политическія—таковы наиболѣе распространенные въ современныхъ государствахъ типы союзовъ. Организація ихъ, устройство и пріемы дѣятельности ихъ представляютъ нерѣдко весьма существенныя различія. Въ однихъ союзахъ (особенно тамъ, гдѣ замѣшанъ матеріальный интересъ) вступленіе въ ихъ составъ совершается въ силу извѣстнаго договора, налагающаго на каждаго вступающаго опредѣленныя обязательства; въ другихъ можетъ быть достаточнымъ простое изъявленіе желанія или согласія. Въ однихъ дѣло ведется небольшимъ количествомъ довѣренныхъ лицъ, такъ что всѣ члены союза собираются лишь изрѣдка; въ другихъ, наоборотъ, собранія имѣютъ мѣсто часто, черезъ короткіе промежутки времени. Въ однихъ—собранія происходятъ публично; другіе не допускаютъ присутствія постороннихъ лицъ и т. д.

Существованіе различнаго рода союзовъ и ассоціацій—явленіе не новое. Они составляютъ естественную принадлежность общежитія, неизбѣжное проявленіе всякой сколько-нибудь развитой общественной жизни. Ихъ знали уже древнія государства, Греція и Римъ; еще болѣе развились они въ средневѣковой Европѣ; наконецъ, грандіозное развитіе получили они въ новое время, подъ вліяніемъ тѣхъ благопріятныхъ условій, какія обезпечиваетъ за ними все болѣе и болѣе осложняющаяся общественная жизнь. Исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что значеніе различнаго рода промышленныхъ, ученыхъ, литературныхъ и политическихъ союзовъ было велико и, въ общемъ, благодѣтельно. Они являлись и являются однимъ изъ важныхъ факторовъ прогресса. Секретъ ихъ значенія кроется въ той силѣ, какую представляетъ собою комбинація отдѣльныхъ силъ, направленная къ какой-нибудь общей цѣли. Она обезпечиваетъ скорѣйшее и важнѣйшее осуществленіе того, что можетъ

быть не по силамъ отдѣльнымъ лицамъ, недостижимо для разрозненныхъ усилій ихъ.

По отношенію къ союзамъ изученію полицейскаго права подлежитъ вопросъ о томъ, какъ должно относиться къ нимъ государство? Можетъ оно представить имъ полную свободу существованія, или же ихъ устройство и дѣятельность должны подлежать контролю его въ той или другой формѣ? Смотря по тѣмъ цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ, союзы являются могущественнымъ орудіемъ въ дѣлѣ развитія и удовлетворенія различныхъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей населенія. Стѣсняя ихъ образованіе и дѣятельность, государство рискуетъ парализовать значеніе важнаго фактора прогресса, поставить преграду осуществленію различныхъ задачъ культурнаго развитія общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, политикой стѣсненій государство подвергаетъ себя опасности въ томъ отношеніи, что присущая каждому обществу потребность въ соединеніи отдѣльныхъ силъ для совмѣстной дѣятельности въ общихъ интересахъ, находя на пути своего удовлетворенія препятствія, можетъ развиваться тайно и искать себѣ удовлетворенія въ формѣ тайныхъ обществъ, существованіе которыхъ всегда и всюду представлялось источникомъ бѣдствій для общества и государства. Но если чрезмѣрныя стѣсненія могутъ приводить къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, то, съ другой стороны, можетъ быть опаснымъ и вреднымъ и полное отсутствіе всякаго контроля за дѣятельностью союзовъ. Якобинскіе клубы въ эпоху французской революціи—лучшій примѣръ тѣхъ крайне печальныхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ привести ничѣмъ неограниченная свобода союзовъ.

Таковы тѣ основныя соображенія, которыя должны быть приняты во вниманіе при опредѣленіи отношенія государства къ союзамъ. Не стѣсняя ихъ образованія и дѣятельности, государство не можетъ и не должно отказываться отъ извѣстнаго контроля за ними, контроля, который обезпечивалъ бы возможность предупрежденія и преслѣдованія опасныхъ для общественнаго порядка проявленій ихъ дѣятельности. Опредѣленіе границъ этого контроля не всегда и не вездѣ одинаково. Это зависитъ отъ общихъ политическихъ условій, въ какихъ находится въ тотъ или въ другой періодъ

своего развитія то или другое государство. Изъ многоразличныхъ типовъ союзовъ наибольшее вниманіе возбуждаютъ ассоціаціи и общества политическія. Ихъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду публично-правовое законодательство, имъ же будетъ посвящено преимущественное вниманіе въ дальнѣйшемъ изложеніи. Что касается союзовъ, имѣющихъ своею задачею интересы экономическіе (промышленные союзы, акціонерныя компаніи, торговыя товарищества и т. п.), то они регулируются нормами частнаго права, къ области котораго и относится ихъ изученіе.

Въ тѣсной связи съ законодательствомъ о союзахъ находятся законоположенія объ общественныхъ или народныхъ собраніяхъ. Нерѣдко они регулируются однѣми и тѣми же нормами. Это и понятно, такъ какъ мотивы допущенія свободы собраній и основанія къ ея ограниченіямъ тѣ же, что и въ области союзовъ.

Англія. Въ Англіи нѣтъ положительнаго закона, который нормировалъ бы свободу собраній и союзовъ. Право составлять союзы, ассоціаціи и право устраивать публичныя собранія, митинги, не имѣетъ характера особаго самостоятельнаго права (какъ это мы видимъ, напр., во Франціи, Бельгіи, Италіи и др.), а есть не что иное, какъ одно изъ проявленій личной свободы. „Въ Англіи“,—говоритъ проф. А. Дайси [1], — „нѣтъ особаго закона, который дозволялъ бы А, В и С сойтись на открытомъ воздухѣ или въ иномъ какомъ-нибудь мѣстѣ для какой-либо законной цѣли, но право А итти, куда онъ хочетъ, лишь бы только онъ не совершилъ какого-либо преступленія, и право сказать В что ему угодно, лишь бы только его слова не были клеветою или возмущеніемъ, право В сдѣлать то же самое по отношенію къ А и существованіе такихъ же правъ у С, D, Е и F и т. д. ad infinitum, приводитъ къ тому послѣдствію, что А, В, С, D, тысяча и десятки тысячъ другихъ лицъ могутъ (какъ общее правило) сходиться въ любомъ мѣстѣ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣетъ право быть законнымъ обра-

[1] A. Dicey, Lectures introductory to the Study of the Law of the Constitution. Lond. 1886 (стр. 285). Русскій переводъ, стр. 206.

зомъ и для законныхъ цѣлей..... Другими словами — А, В, С, D и десятки тысячъ такихъ же лицъ имѣютъ право составить публичный митингъ“. Но предметъ митинга можетъ быть противозаконный, какъ, напр., заговоръ противъ королевской власти: въ такомъ случаѣ и самое собраніе становится противозаконнымъ. Далѣе, способъ веденія митинга, образъ дѣйствій собравшихся можетъ угрожать нарушеніемъ порядка, общественнаго спокойствія: въ такомъ случаѣ опять-таки митингъ будетъ противозаконнымъ. Въ этихъ случаяхъ лица, входящія въ составъ собранія, подлежатъ опредѣленной закономъ отвѣтственности въ порядкѣ уголовнаго преслѣдованія. — Сказанное о собраніяхъ относится также и къ союзамъ. Свобода ихъ образованія и дѣятельности основывается на личной свободѣ: ограниченія ея лежатъ въ уголовномъ законодательствѣ.

Впервые [1] въ англійской политической жизни союзы и собранія появились во второй половинѣ XVIII-го вѣка въ эпоху общественнаго возбужденія (1768—1770), вызваннаго незаконнымъ отверженіемъ Палатою Общинъ вполнѣ законнаго избранія одного изъ ея членовъ — Уилькса. Это возбужденіе выразилось въ различныхъ формахъ, но наиболѣе замѣчательною особенностью его являются публичные митинги, которые съ этого времени начали принимать характеръ политическаго учрежденія. Въ семнадцати графствахъ были устроены митинги съ цѣлью протеста противъ дѣйствій Палаты Общинъ. Это была новая фаза въ развитіи общественнаго мнѣнія. Къ эпохѣ этого возбужденія относится также и образованіе первой политической ассоціаціи — „Общества для поддержанія билля о правахъ“ (Society for supporting the Bill of Rights).

Впослѣдствіи, особенно когда поставленъ былъ вопросъ о парламентской реформѣ, публичные митинги и ассоціаціи получили еще большее значеніе въ государственной жизни. Въ общихъ чертахъ роль публичныхъ митин-

[1] Подробный обзоръ исторіи публичныхъ митинговъ въ Англіи, въ связи съ характеристикою политическихъ и общественныхъ движеній, даетъ сочиненіе — Генри Джефсона, Платформа, ея возникновеніе и развитіе (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи. Перев. съ англ. подъ ред. проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Два тома. Спб. 1901.

говъ въ системѣ англійскихъ политическихъ учрежденій представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Митинги являются прежде всего выразителями нуждъ и интересовъ народа, который при посредствѣ ихъ заявляетъ о томъ, что̀ въ данное время тяготитъ, безпокоитъ или волнуетъ его. Если населеніе или извѣстная доля его ощущаетъ вредныя послѣдствія какихъ-либо законоположеній, или если какія-нибудь особенныя обстоятельства пагубно отражаются на его положеніи, или если въ-общественномъ сознаніи созрѣваетъ потребность выдвинуть какой-нибудь новый вопросъ,— собираются митинги, на которыхъ и заявляются эти нужды, интересы и потребности. Они такимъ образомъ становятся извѣстными и обществу, и правительству, которое вслѣдствіе этого получаетъ возможность имѣть всегда отчетливое представленіе о нуждахъ населенія и сообразно съ ними дѣйствовать не ощупью, а вполнѣ сознательно направлять свою дѣятельность въ ту или иную сторону. Эта функція публичныхъ митинговъ тѣсно связана съ основными задачами дѣятельности народныхъ представителей, засѣдающихъ въ Парламентѣ: митинги даютъ матеріалъ и опору для предложеній, вносимыхъ ими въ законодательное собраніе, служатъ важнымъ аргументомъ и хорошей иллюстраціей своевременности или настоятельности тѣхъ или другихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ Парламентѣ. Еще большее значеніе имѣютъ, — въ особенности имѣли въ разные періоды XIX стол., — митинги, организуемые въ тѣхъ кругахъ населенія, которые или вовсе не представлены, или представлены слабѣе другихъ въ законодательномъ собраніи; въ такихъ случаяхъ митинги служатъ главнымъ орудіемъ мирной и закономѣрной борьбы такихъ слоевъ населенія за свои права.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ значеніемъ публичныхъ митинговъ находится другое, не менѣе важное: не ограничиваясь заявленіемъ о своихъ нуждахъ, населеніе на такихъ собраніяхъ подвергаетъ эти нужды подробному обсужденію. И эта роль ихъ нимало не уменьшается отъ того, что дѣятельное обсужденіе текущихъ вопросовъ совершается и другими путями, — особенно въ печати. Въ этомъ отношеніи оба указанные органа общественнаго мнѣнія,—пресса

и митинги—взаимно другъ друга дополняютъ, другъ другу помогаютъ. Иногда печать выдвигаетъ на очередь вопросы, которые затѣмъ даютъ поводъ къ оживленнымъ проявленіямъ общественнаго движенія въ формѣ митинговъ; иногда же митингамъ принадлежитъ иниціатива въ возбужденіи вопросовъ, которые становятся темою дѣятельнаго обсужденія на столбцахъ и страницахъ періодической и непериодической печати. Въ дѣлѣ выясненія и дебатированія различныхъ вопросовъ на сторонѣ митинговъ нерѣдко оказывается значительное преимущество передъ печатью въ томъ отношеніи, что они являются болѣе непосредственнымъ и болѣе внушительнымъ выраженіемъ взглядовъ и желаній населенія. Особенно рельефно выступаетъ это преимущество въ тѣхъ случаяхъ, когда митинги служатъ ареною для выясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ руководителями и видными дѣятелями общественныхъ группъ или политическихъ партій, когда ораторами передъ многолюднымъ собраніемъ выступаютъ Гладстонъ и Морлей, или Сольсбери и Чемберленъ, выясняющіе справедливость, своевременность и общественную пользу того или другого рѣшенія какого-нибудь важнаго вопроса.

Можно отмѣтить еще одно существенное значеніе публичныхъ митинговъ въ Англіи. Они служатъ тамъ органомъ контроля страны надъ управленіемъ какъ внѣшними, такъ и внутренними дѣлами. Облекая своего представителя въ Парламентѣ обширными полномочіями участія въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, населеніе подвергаетъ его предварительному испытанію, которое и совершается, главнымъ образомъ, при посредствѣ публичныхъ митинговъ: избиратели подаютъ свои голоса въ пользу того изъ кандидатовъ, программа котораго полнѣе и вѣрнѣе выражаетъ ихъ интересы и стремленія, на котораго они спокойнѣе могутъ возложить защиту этихъ интересовъ. Ввѣривъ ее своему представителю, избиратели и впослѣдствіи зорко слѣдятъ за его дѣятельностью въ Парламентѣ; по крайней мѣрѣ однажды въ годъ каждый членъ Палаты Общинъ считаетъ своимъ долгомъ отдать избирателямъ отчетъ въ своемъ образѣ дѣйствій, что и совершается опять-таки на публичныхъ митингахъ. Контролируя своихъ представителей и

вліяя на нихъ, населеніе этимъ самымъ осуществляетъ постоянный надзоръ надъ дѣйствіями Парламента, а слѣдовательно и всей правительственной системы, сила которой покоится на довѣріи страны; въ оцѣнкѣ же степени этого довѣрія весьма большую роль играютъ именно публичные митинги.

При такихъ условіяхъ понятно, что публичные митинги и, наряду съ ними, всевозможныя ассоціаціи и союзы являются важнымъ политическимъ институтомъ, значеніе котораго отчетливо выступаетъ въ исторіи Англіи, начиная съ половины XVIII ст. Изъ многихъ поучительныхъ примѣровъ достаточно указать хотя нѣкоторые.

Такъ, въ ряду союзовъ, игравшихъ видную роль, обращаетъ на себя вниманіе, еще въ эпоху XVIII ст., основанная въ 1787 г. ассоціація съ цѣлью уничтоженія торговли невольниками. Это общество соединило въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ классовъ, безъ различія политическихъ и религіозныхъ направленій. Во главѣ его стали наиболѣе выдающіеся по уму и образованію дѣятели того времени. Пропаганда великой гуманной идеи велась безъ всякихъ насилій, путемъ убѣжденія, путемъ ея разъясненія и распространенія сознанія необходимости реформы при посредствѣ печати, публичныхъ рѣчей и парламентскихъ петицій. Черезъ двадцать лѣтъ благородная цѣль была достигнута: торговля невольниками была отмѣнена законодательнымъ путемъ (въ 1807 году).

Исторія Англіи въ XIX вѣкѣ представляетъ длинный рядъ чрезвычайно важныхъ политическихъ и общественныхъ реформъ. Проведеніе ихъ въ жизнь есть въ значительной степени дѣло ассоціацій и публичныхъ митинговъ. Парламентская реформа 1832 года, имѣвшая столь благодѣтельныя послѣдствія для политическаго развитія Англіи, надолго была бы отсрочена, если бы не энергическая дѣятельность многочисленныхъ союзовъ, выяснившихъ необходимость этой реформы, сдѣлавшихъ сознаніе ея достояніемъ общественнаго мнѣнія и тѣмъ подготовившихъ ея осуществленіе законодательнымъ путемъ. То же слѣдуетъ сказать и о послѣдующихъ двухъ парламентскихъ реформахъ 1867 и 1884 гг.

Далѣе, всѣмъ конечно извѣстна исторія отмѣны въ 1846 году хлѣбныхъ законовъ, имѣвшей огромное значеніе для экономической политики не одной только Англіи, но и многихъ другихъ государствъ. Когда въ 1838 году была образована Лига съ цѣлью отмѣны хлѣбныхъ законовъ (Anti-Corn-Law League), обѣ палаты Парламента, выдающіеся государственные дѣятели всѣхъ партій, лэндлорды и фермеры упорно стояли за запретительныя пошлины на хлѣбъ; купцы, мануфактуристы и большинство городского населенія въ общемъ были совершенно равнодушны къ дѣлу свободной торговли. Ассоціація дѣятельно принялась за распространеніе своихъ идей, употребляя съ этой цѣлью всѣ бывшія въ ея распоряженіи средства. Появилась масса періодическихъ изданій, памфлетовъ и брошюръ, проникнутыхъ началами свободной торговли. Устраивались повсемѣстно публичные митинги, на которыхъ эти начала развивались и разъяснялись въ живой рѣчи. И черезъ нѣсколько лѣтъ мирная, спокойная, прибѣгавшая лишь къ законнымъ средствамъ агитація Лиги, во главѣ которой стояли извѣстные Кобденъ и Брайтъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: въ 1846 году хлѣбные законы были отмѣнены парламентскимъ актомъ.

Къ числу знаменательныхъ реформъ, осуществленію которыхъ сильно содѣйствовали союзы и собранія, надо отнести также и эманципацію католиковъ (въ 1829 году) уравнявшую ихъ въ отношеніи политическихъ правъ съ членами англиканской церкви.

Но, наряду съ указанными фактами, англійская политическая жизнь минувшаго столѣтія представляетъ нѣсколько примѣровъ противоположнаго характера. Таковы дѣятельность нѣкоторыхъ демократическихъ обществъ въ эпоху французской революціи, затѣмъ нѣсколько разъ возобновлявшаяся (въ 1830—31, 1840, 1843, 1848 гг.) въ Ирландіи агитація въ пользу отдѣленія ея отъ Англіи, наконецъ, движеніе среди рабочихъ классовъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, извѣстное подъ названіемъ „Чартизма“ (Chartism, 1837—1848 гг.). Всѣ эти движенія сопровождались крайними проявленіями возбужденія, нерѣдко принимавшаго революціонный характеръ и представлявшаго

серьезную опасность для общественнаго спокойствія и государственнаго порядка. Эти крайнія проявленія вызывали рѣзкій отпоръ какъ со стороны правительства, такъ и со стороны самого общества. Они послужили поводомъ къ цѣлому ряду законодательныхъ ограниченій свободы союзовъ и собраній. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли временный характеръ, другія остаются въ силѣ и по настоящее время.

Большая часть относящихся сюда законоположеній изданы въ царствованіе Георга III; они были вызваны различными проявленіями крайней радикальной партіи, дѣйствовавшей въ значительной степени подъ вліяніемъ французской революціи. Таковы статуты 1797 и 1799 гг., дополненные и видоизмѣненные въ послѣдующіе годы царствованія Георга III, а также отчасти и въ царствованіе королевы Викторіи. Въ силу этихъ законоположеній [1] признаются противозаконными союзами (unlawful combinations) всѣ общества, члены которыхъ примутъ на себя клятвенное обязательство (an oath or engagement) участвовать въ какомъ-либо мятежномъ предпріятіи, или не обнаруживать какого-либо противозаконнаго общества, или не давать показаній о комъ-либо изъ членовъ такого союза и т. п. Противозаконными признаются, далѣе, всѣ тѣ общества, въ которыхъ будутъ члены, имена коихъ не будутъ извѣстны всему составу общества, а также и тѣ общества, которыя имѣютъ развѣтвленія и путемъ особыхъ комиссій или делегацій вступаютъ въ сношенія съ другими обществами. Лица, дѣлающіяся членами такихъ противозаконныхъ обществъ или содѣйствующія имъ, поощряющія или поддерживающія ихъ, подлежатъ уголовному преслѣдованію, результатомъ котораго можетъ быть тюремное заключеніе на срокъ не свыше двухъ лѣтъ или такъ называемая penal servitude [2] на срокъ не болѣе семи и не менѣе пяти лѣтъ. Принужденіе, насиліе въ принятіи клятвенныхъ обязательствъ, о которыхъ было

[1] I. Stephen. New Commentaries on the Laws of England. Lond. 1874. Томъ IV, стр. 197 и слѣд.

[2] Водвореніе въ какой-либо опредѣленной мѣстности, при чемъ обвиненный можетъ быть подвергаемъ различнаго рода принудительнымъ работамъ (Stephen, IV, стр. 449 и сл.).

упомянуто, не можетъ служить оправданіемъ, если въ четырехъ-дневный промежутокъ времени послѣ того данное лицо не сообщитъ обо всемъ случившемся мировому судьѣ или ближайшему своему начальнику, если это лицо принадлежитъ къ войску или флоту. Подъ указанныя запрещенія не подходятъ дозволенныя масонскія ложи, общества, созданныя на началахъ дѣйствующихъ законовъ, собранія квакеровъ, а также собранія религіознаго, научнаго или благотворительнаго характера. Съ другой стороны, постановленія о клятвенныхъ обязательствахъ не распространяются ни на какія заявленія, разъ только они одобрены двумя мировыми судьями.

Таковы существеннѣйшія черты немногосложнаго англійскаго законодательства о союзахъ.

Что касается общественныхъ собраній, или публичныхъ митинговъ, то въ этомъ отношеніи требованія англійскаго права отличаются значительною неопредѣленностью. Въ Англіи нѣтъ спеціальнаго законодательства о митингахъ, которое предписывало бы опредѣленныя условія для ихъ устройства. Какъ выше сказано, право устраивать публичные митинги составляетъ тамъ одно изъ проявленій основного права индивидуальной, личной свободы. Предѣлы пользованія этимъ правомъ устанавливаются не особымъ законодательствомъ, а общимъ принципомъ отвѣтственности предъ судомъ каждаго отдѣльнаго лица и любой группы лицъ за ихъ дѣйствія. Поэтому границы этого права слѣдуетъ искать въ судебной практикѣ, въ судебныхъ процедентахъ. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ лишь наиболѣе существенныя положенія въ этомъ отношеніи, главнымъ образомъ, по вопросу о законности или незаконности собраній (митинговъ). Незаконнымъ митинговъ по англійскому праву считается „собраніе лицъ, которыя имѣютъ намѣреніе произвести нарушеніе общественнаго спокойствія, или дѣйствительно производятъ его, или же побуждаютъ другихъ основательно опасаться такого нарушенія“. Это дѣйствительное или предполагаемое нарушеніе спокойствія есть, такъ сказать, существенный признакъ или „свойство“, заключающееся въ терминѣ „незаконное собраніе“. На основѣ этого признака можно составить болѣе точное опредѣленіе „незаконнаго

собранія". „Оно можетъ быть опредѣлено, какъ собраніе трехъ или болѣе человѣкъ, которые 1) собираются, чтобы нарушить, или, собравшись, нарушаютъ общественное спокойствіе; или 2) собираются съ цѣлью совершить открытой силою преступленіе; или 3) собираются для какой нибудь общей цѣли (безъ различія, будетъ ли она законна или нѣтъ) такъ, что даютъ спокойнымъ людямъ основательныя причины бояться нарушенія спокойствія, или, наконецъ, 4) собираются съ явною цѣлью вызвать недовольство въ подданныхъ, презрѣніе къ установленнымъ законамъ, конституціи и правительству государства, съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе противозаконный заговоръ или приготовиться къ его исполненію" (Дайси, русс. пер. с. 350).

Внимательный анализъ приведенныхъ положеній англійскаго права приводитъ къ тому убѣжденію,—которое всецѣло оправдывается практикой,—что они являются весьма дѣйствительной гарантіей противъ злоупотребленія свободою союзовъ и собраній. Но, съ другой стороны, они ни мало не стѣсняютъ образованія и дѣятельности ихъ: до тѣхъ поръ, пока они дѣйствуютъ, не нарушая законовъ, они пользуются полною свободой.

Франція.—Въ декларацiи правъ человѣка и гражданина нѣтъ упоминанія о свободѣ союзовъ и собраній [1]. Право устраивать собранія получаетъ признаніе впервые въ декретѣ 14 декабря 1789 г. объ устройствѣ муниципалитетовъ. Въ силу 62 ст. этого декрета, „граждане имѣютъ право собираться, мирно и безъ оружія, въ частныя собранія для составленія обращеній и петицій, подлежащихъ представленію въ муниципальный совѣтъ, или управленіямъ департамента и округа, или въ законодательный корпусъ, или королю,—подъ условіемъ извѣщенія муниципальныхъ властей о времени и мѣстѣ этихъ собраній, при чемъ послѣднія для представленія этихъ обращеній и петицій могутъ избирать депутацiи въ числѣ не болѣе 10 человѣкъ". О свободѣ

[1] Ее однако можно вывести изъ постановленія ст. 11 декларацiи: «Свободное сообщеніе мыслей и взглядовъ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка».

собраній—и также союзовъ—находимъ категорическое упоминаніе въ законѣ, изданномъ въ концѣ 1790 года (онъ былъ изданъ по поводу частнаго случая, но заключаетъ въ себѣ норму общаго характера): „граждане имѣютъ право собираться мирнымъ образомъ и составлять изъ себя свободныя общества, подъ условіемъ соблюденія общихъ законовъ". Наконецъ, конституція 3 сентября 1791 г. гарантируетъ „за гражданами свободу собираться мирно и безъ оружія, съ условіемъ соблюденія полицейскихъ законовъ (en satisfaisant aux lois de police)". Но никакого „полицейскаго закона" по этому предмету не было издано, и фактически свобода собраній ничѣмъ не была ограничена.

Союзы и собранія начали быстро размножаться и по мѣрѣ развитія революціоннаго движенія пріобрѣтать все болѣе и болѣе аггрессивный характеръ. Учредительное Собраніе нашло нужнымъ подвергнуть ихъ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Такъ, уже законами 1791 г. (въ маѣ и сентябрѣ) оно воспретило обществамъ представлять коллективныя петиціи, публиковать свои обсужденія, присвоивать себѣ политическое существованіе, призывать къ себѣ (mander à leur barre) должностныхъ лицъ или даже простыхъ гражданъ и вообще затруднять дѣйствія установленныхъ властей; нарушителямъ этихъ требованій законъ угрожаетъ исключеніемъ на два года изъ списковъ полноправныхъ гражданъ, съ лишеніемъ права въ теченіе этого времени отправлять какія бы то ни было общественныя функціи.

Въ 1793 году, какъ извѣстно, наступила страшная эпоха террора, безграничнаго произвола крайнихъ демагоговъ. Умѣренные элементы Законодательнаго Собранія, стремившіеся сдержать въ границахъ законности и порядка потокъ революціоннаго движенія, были побѣждены и должны были уступить руководящую роль крайнему направленію партіи якобинцевъ. Управленіе государствомъ,—если только можно приложить этотъ терминъ къ тому режиму, подъ которымъ жила въ то время Франція,—перешло въ руки безконечнаго ряда обществъ и клубовъ, во главѣ которыхъ находился извѣстный Club des Jacobins. Они сдѣлались фактически органами правительства, повсемѣстно они слѣдили за дѣятельностью должностныхъ лицъ, донося комитету обще-

ственнаго спасенія о всѣхъ тѣхъ, гражданскія чувства которыхъ (le civisme) представлялись сомнительными. Этимъ обществамъ приходилось нерѣдко встрѣчать рѣзкій отпоръ со стороны мѣстныхъ властей. Въ виду этого и былъ изданъ драконовскій декретъ 25 іюля 1793 года, установившій строжайшія наказанія (десять лѣтъ каторожной работы) для тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя осмѣлятся воспрепятствовать собраніямъ или закрывать народныя общества.

Но уже въ томъ же 1793 году началась реакція противъ безграничной свободы, которая была предоставлена союзамъ и проявила себя въ цѣломъ рядѣ бозпорядковъ. Законъ 30 октября (9 brumaire an II) запрещаетъ клубы и общества женщинъ и, съ другой стороны, дѣлаетъ засѣданія всякаго рода обществъ публичными. Декретъ 1794 года (25 вандемьера года III) установилъ еще большія ограниченія. Онъ запрещаетъ всякаго рода соединенія, федераціи, а также и коллективныя сношенія между обществами. Онъ возстановляетъ также запрещеніе подавать коллективныя петиціи. Этотъ декретъ не уничтожилъ, однако, свободы ассоціацій; всякое общество имѣетъ право собираться, но лишь подъ условіемъ изолированности. Главная цѣль этого закона состояла въ томъ, чтобы прекратить федерацію различныхъ обществъ, которыя угрожали обратиться въ сложную и опасную организацію въ разныхъ частяхъ Франціи. Декретъ обязываетъ бюро каждаго общества немедленно же составить подробный списокъ всѣхъ членовъ и представить экземпляръ его мѣстной власти. Этотъ законъ является оружіемъ, которымъ Національный Конвентъ имѣлъ въ виду сломить якобинскую партію, стремившуюся выставить противъ Конвента новую силу, при посредствѣ безконечно ряда аффиліацій, которыя якобинскій клубъ разсѣялъ по всей территоріи.—Въ томъ же году якобинскій клубъ былъ закрытъ.

Конституція 1795 года (5 фруктид. год. III) заключаетъ въ себѣ рядъ постановленій о союзахъ, которыя воспроизводятъ существенныя черты прежнихъ ограничительныхъ законовъ. Не могутъ быть образуемы корпораціи и союзы, противные общественному порядку, причемъ никакое собраніе гражданъ не можетъ присвоивать себѣ названіе „народнаго“ (société populaire). Ни одно общество, занимающееся вопросами политическими, не можетъ ни сноситься съ другими, ни соединяться (s'affilier) съ ними; на публичныхъ засѣданіяхъ не должно быть проводимо различіе между членами общества и посѣтителями (sociétaires et assistants); членамъ воспрещается носить какіе-либо внѣшніе знаки того общества, къ которому они принадлежатъ. Въ силу того положенія, которымъ конституція воспрещаетъ всякія общества, противныя общественному порядку, на другой же день по обнародованіи конституціи изданъ былъ декретъ о закрытіи клубовъ и такъ назыв. sociétés populaires. Изложенныя ограниченія имѣли въ виду, главнымъ образомъ, политическіе союзы; общества же, служащія цѣлямъ научнымъ, литературнымъ и художественнымъ, пользовались полною свободой.

Консульская и императорская конституціи ничего не говорятъ о союзахъ, и новое законодательство по этому предмету появилось лишь въ 1810 году. Въ этомъ году былъ изданъ уголовный кодексъ (Code pénal), который въ рядѣ статей (291—294) устанавливаетъ слѣдующій режимъ. Правительственное дозволеніе необходимо для всѣхъ союзовъ, которые состоятъ не менѣе, чѣмъ изъ 20 лицъ, и имѣютъ цѣлью собираться ежедневно или въ опредѣленные дни для занятія предметами религіозными, литературными, политическими или другими. Общество обязано подчиниться условіямъ, какія найдетъ нужнымъ установить для него государственная власть. Общество, образованное безъ дозволенія или нарушившее установленныя для него условія, подлежитъ закрытію, а его руководители или администраторы подвергаются, сверхъ того, штрафу.

Уголовный кодексъ говоритъ лишь объ ассоціаціяхъ; что же касается собственно собраній (réunions), то они продолжали регулироваться принципомъ свободы [1].

[1] Полагали, что свобода собраній покоится на принципахъ 1789 г. и на указанномъ выше постановленіи конституціи 1791 г. и что издававшіеся въ разное время ограничительные декреты имѣли лишь временный характеръ. Правительство, замѣчаетъ по этому поводу проф. Бертелеми, не отвергая этой аргументаціи, указывало, что внесенное въ текстъ закона 1791 г. постановленіе («en satisfaisant aux lois de police») даетъ ему право

Постановленія кодекса объ ассоціаціяхъ были изложены въ такой формѣ, которая открывала возможность легкаго отступленія отъ закона. Многія общества, не разсчитывавшія получить правительственное разрѣшеніе, дробились на мелкія группы, каждая съ числомъ членовъ менѣе установленной нормы (20-ти), чтобы такимъ образомъ избѣжать примѣненія къ себѣ постановленій уголовнаго кодекса. Въ первые же годы іюльской монархіи одно революціонное общество (Société de Droits de l'homme) быстрыми успѣхами своего развитія обратило на себя серьезное вниманіе правительства, которое и выработало особыя нормы, съ цѣлью устранить возможность отступленія отъ закона. Законъ 10-го апрѣля 1834 г. распространилъ постановленія уголовнаго кодекса и на тѣ ассоціаціи, которыя представляются раздѣленными на мелкія группы, въ совокупности своей превышающія установленную норму. Съ другой стороны, уголовный кодексъ въ своихъ карательныхъ постановленіяхъ предусматривалъ ассоціаціи, собранія которыхъ происходятъ ежедневно или въ опредѣленные дни. Этимъ обстоятельствомъ также пользовались для отступленія отъ закона, путемъ устройства собраній въ неправильные періоды и въ неуказываемые заранѣе дни. Поэтому законъ 1834 года требуетъ правительственнаго разрѣшенія и для тѣхъ ассоціацій, которыя имѣютъ свои собранія и не въ опредѣленные дни. Этотъ законъ увеличиваетъ также размѣръ отвѣтственности за неисполненіе его требованій и распространяетъ ее не только на руководителей и администраторовъ ассоціаціи, но и вообще на членовъ ея. Наконецъ, по этому закону „данное правительствомъ разрѣшеніе можетъ быть во всякое время взято обратно", такъ что ассоціаціи могли быть упраздняемы дискреціонною властью правительства, безъ указанія мотивовъ и безъ права обжалованія такихъ распоряженій.

воспретить, полицейскимъ распоряженіемъ, любое публичное собраніе. Этимъ правомъ воспользовался Гизо для противодѣйствія кампаніи «національныхъ банкетовъ», предпринятой въ 1848 г. оппозиціей. Это, какъ извѣстно, послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ революціи, низвергшей Людовика-Филиппа. См. Berthélemy, стр. 281—282.

Послѣ февральской революціи конституція 1848 года провозгласила свободнымъ право гражданъ составлять союзы и собираться „мирнымъ образомъ и безъ оружія". Предѣломъ этой свободы конституція объявляетъ „права или свободу другихъ и общественную безопасность". Вскорѣ, однако, эта свобода была значительно ограничена, сначала предоставленнымъ правительству законами 1849, 1850 и 1851 годовъ правомъ „воспрещать клубы и другія общественныя собранія, которыя по характеру своему способны компрометировать общественную безопасность", а затѣмъ спеціальнымъ декретомъ 25-го марта 1852 года, возстановившимъ прежнія ограниченія. Вотъ существеннѣйшія черты новаго законодательства, имѣвшія примѣненіе одинаково какъ къ союзамъ, такъ и къ собраніямъ. Во 1-хъ, всякіе политическіе союзы, какъ тайные, такъ и открыто существующіе, а также клубы и публичныя политическія собранія подлежатъ безусловному воспрещенію; во 2-хъ, всякіе союзы и публичныя собранія, число членовъ которыхъ свыше 20-ти, каковы бы ни были ихъ предметы и задачи (религіозныя, экономическія, научныя, литературныя и даже избирательныя), должны необходимо получить предварительное разрѣшеніе правительства; въ 3-хъ, свободными отъ него являются лишь союзы и собранія, число членовъ которыхъ не превышаетъ 20-ти.

Во второй половинѣ царствованія Наполеона III былъ предпринятъ рядъ реформъ въ либеральномъ духѣ. Между прочимъ онѣ коснулись и занимающаго насъ предмета. Законъ 6-го іюня 1868 г. въ значительной степени устраняетъ тѣ стѣснительныя условія, въ которыхъ находились собранія. Въ силу этого закона, въ нѣкоторыхъ случаяхъ собранія могутъ имѣть мѣсто безъ предварительнаго разрѣшенія правительства. Необходимость этого разрѣшенія сохраняется только для тѣхъ собраній, которыя имѣютъ своимъ предметомъ обсужденіе политическихъ или религіозныхъ вопросовъ. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются лишь собранія избирательныя, которыя могутъ имѣть мѣсто безъ предварительнаго разрѣшенія въ періодъ времени, слѣдующій за обнародованіемъ декрета о созывѣ избирательной коллегіи и до пятаго дня по окончаніи вы-

боровъ. Что касается до всѣхъ прочихъ собраній, имѣющихъ своимъ предметомъ вопросы научные, литературные, художественные, промышленные и пр., то они могутъ имѣть мѣсто безъ предварительнаго разрѣшенія. Отъ нихъ требуется лишь заблаговременное заявленіе (не менѣе, какъ за три дня), съ обозначеніемъ времени и мѣста собранія, а также и предмета его, за подписью семи лицъ, имѣющихъ жительство въ той общинѣ, гдѣ предполагается собраніе. Собраніе должно происходить непремѣнно въ закрытомъ помѣщеніи и имѣть бюро (изъ предсѣдателя и двухъ ассистентовъ), на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за порядкомъ.

Законъ 1868 года имѣетъ въ виду лишь собранія—réunions publiques; что же касается до союзовъ, ассоціацій, то они продолжали регулироваться постановленіями уголовнаго кодекса (ст. 291—294) и закона 1834 года до изданія спеціальнаго закона 1 іюля 1901 года объ ассоціаціяхъ. Право же устройства собраній регулируется въ настоящее время закономъ 30 іюня 1881 года (La loi sur les réunions publiques).

Сущность этого закона выражена слѣдующимъ образомъ въ докладѣ, который сопровождалъ внесеніе его въ законодательное собраніе: „новый законъ даетъ гражданамъ возможность собираться, когда они хотятъ, гдѣ они хотятъ, и обсуждать все то, что они пожелаютъ. Сохраняемыя закономъ формальности представляютъ собою не преграды, а гарантіи какъ для самихъ гражданъ, такъ и для правительства".

По этому закону, общественныя собранія, каковъ бы ни былъ предметъ ихъ, не подлежатъ болѣе предварительному разрѣшенію правительства. Законъ ограничивается лишь требованіемъ заблаговременнаго заявленія, за 24 часа до начала собранія, со стороны двухъ лицъ, изъ которыхъ одно должно имѣть мѣстожительство въ данной общинѣ. Это заявленіе представляется въ Парижѣ—префекту полиціи, въ департаментахъ и округахъ—префекту и супрефекту, а въ прочихъ мѣстахъ—мэру общины. Въ представленіи этихъ заявленій выдается росписка. Суточный срокъ представленія заявленія сокращается до двухъ часовъ для собраній избирательныхъ.

Въ заявленіи должна быть указана цѣль собранія:—имѣетъ ли оно своимъ предметомъ публичное чтеніе (conférence), или публичное обсужденіе какого-нибудь вопроса, или же избирательныя цѣли. Собранія не могутъ имѣть мѣста на улицахъ или дорогахъ (sur la voie publique); но, съ другой стороны, не требуется, какъ это было ранѣе (по зак. 1868 г.), чтобы оно непремѣнно происходило въ закрытомъ помѣщеніи. Такимъ образомъ, они могутъ имѣть мѣсто и на открытомъ воздухѣ, однимъ словомъ, въ любомъ мѣстѣ, лишь бы оно не составляло voie publique. Здѣсь законъ имѣетъ въ виду предупрежденіе безпорядковъ, могущихъ произойти отъ стѣсненія уличнаго движенія. Собранія не могутъ происходить позднѣе 11 часовъ вечера, за исключеніемъ лишь тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ не означенъ болѣе поздній часъ для закрытія публичныхъ мѣстъ (кафе, ресторановъ и т. п.).

Каждое собраніе должно имѣть избираемое имъ бюро, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ лицъ. На обязанности его лежитъ соблюденіе порядка, предотвращеніе нарушенія законовъ, сохраненіе за собраніемъ характера его, указаннаго въ заявленіи, а также воспрещеніе произносить рѣчи, противныя общественному порядку и добрымъ нравамъ или представляющія собою возбужденіе къ совершенію какого-либо преступленія.

Правительственные органы (префектъ, супрефектъ или мэръ) могутъ командировать для присутствованія въ собраніи должностное лицо административное или судебное. Оно имѣетъ право закрыть собраніе, но лишь въ двухъ случаяхъ: во 1) если того требуетъ бюро; во 2) въ случаѣ насилій (collisions et voies de fait).

Особая статья (ст. 7) гласитъ, что „клубы остаются запрещенными". Эта статья вызвала въ литературѣ административнаго права много возраженій и нелишенныхъ справедливости критическихъ замѣчаній по поводу неудачнаго редактированія ея. Если подъ клубами разумѣть ассоціаціи, то законъ 1881 года, говорящій лишь о собраніяхъ, непримѣнимъ къ нимъ. Если же клубы представляютъ собою послѣдовательную серію публичныхъ собраній, то они, конечно, могутъ имѣть мѣсто, разъ только будутъ соблюдаемы уста-

новленныя закономъ 1881 г. требованія. Эта статья является страннымъ, съ кодификаціонной точки зрѣнія, переживаніемъ тѣхъ опасеній, какія породили въ умахъ цѣлаго ряда поколѣній революціонные клубы, особенно временъ террора и Конвента. Указанное запрещеніе не имѣетъ въ виду тѣхъ общественныхъ собраній частнаго характера, которыя обыкновенно носятъ это названіе, заимствованное изъ англійскаго языка и получившее право гражданства между прочимъ и у насъ. Во Франціи, впрочемъ, это названіе въ такомъ примѣненіи употребляется очень рѣдко: то, что мы понимаемъ подъ словомъ „клубъ", носитъ тамъ названіе cercle.

Таковы основныя черты современнаго французскаго законодательства о собраніяхъ. Что же касается союзовъ, ассоціацій, то они въ настоящее время регулируются закономъ 1 іюля 1901 года, существенно измѣнившимъ тотъ режимъ, которому до сихъ поръ подлежали всякаго рода союзы, преслѣдующіе не-матеріальныя задачи — политическія, моральныя, благотворительныя, научныя, литературныя, художественныя и т. п. (общества и товарищества промышленныя, торговыя и иныя, преслѣдующія какія-либо матеріальныя выгоды, регулируются особыми законодательными нормами, которыя ни въ чемъ не измѣняются новымъ закономъ объ ассоціаціяхъ).

По опредѣленію ст. 1, „ассоціація есть соглашеніе двухъ или нѣсколькихъ лицъ, по которому они отдаютъ свои познанія или свои силы на постоянное служеніе какой-либо цѣли, не имѣющей въ виду извлеченія выгодъ".

Всякаго рода ассоціаціи могутъ быть образуемы свободно, лишь бы только не имѣлось въ виду что либо недозволенное, противное законамъ и добрымъ нравамъ, или направленное къ причиненію ущерба цѣлости національной территоріи или республиканской формѣ правленія" (ст. 3).

Новый законъ различаетъ три вида ассоціацій: 1) ассоціаціи негласныя, 2) ассоціаціи заявленныя и 3) ассоціаціи, признанныя общественно-полезными.

Ассоціаціи негласныя учреждаются простымъ соглашеніемъ участвующихъ въ нихъ лицъ, при чемъ не требуется предварительнаго заявленія. Такія ассоціаціи закономъ не признаются юридическими лицами: онѣ не пользуются юридическими правами (вчинять судебные иски и отвѣчать по нимъ и т. п.).

Объ ассоціаціи, желающей пользоваться юридическими правами, должно быть представлено предварительное заявленіе (déclaration préalable) въ префектуру того департамента или въ су-префектуру того округа, въ которомъ будетъ находиться управленіе ассоціаціи. Въ заявленіи должны быть указаны названіе и задача ассоціаціи, мѣсто нахожденія ея учрежденій, а также имена, профессіи и мѣста жительства тѣхъ лицъ, на которыхъ въ какомъ-либо качествѣ возлагается завѣдываніе или управленіе ассоціаціею. При заявленіи долженъ быть представленъ уставъ ассоціаціи въ двухъ экземплярахъ. Ассоціаціи обязаны, подъ угрозою штрафа (отъ 16 фр. до 200 фр.), доводить до свѣдѣнія, въ трехмѣсячный срокъ, о всѣхъ перемѣнахъ въ ихъ управленіи, а также о всѣхъ измѣненіяхъ, вносимыхъ въ ихъ уставы.

Заявленныя ассоціаціи, становясь юридическими лицами, могутъ, безъ какого-либо спеціальнаго разрѣшенія, вчинять иски и отвѣчать по нимъ, а также пріобрѣтать, владѣть и управлять, помимо пособій отъ государства, департаментовъ и коммунъ: 1) взносами своихъ членовъ или суммами, уплачиваемыми единовременно взамѣнъ этихъ взносовъ, при чемъ суммы эти не могутъ превышать 500 фр.; 2) помѣщеніемъ для администраціи ассоціаціи и для собраній членовъ послѣдней; 3) недвижимостями вполнѣ необходимыми (strictement nécessaires) для осуществленія задачи, которую ставятъ себѣ ассоціаціи.

Ассоціаціи могутъ пріобрѣсти болѣе широкія права путемъ признанія ихъ „общественно-полезными" (d'utilité publique) въ силу декретовъ, издаваемыхъ въ формѣ административныхъ регламентовъ.

Важнѣйшимъ преимуществомъ такихъ ассоціацій является право получать дары и легаты на условіяхъ, предусматриваемыхъ ст. 910 гражданскаго кодекса и закономъ 4 февраля 1901 г. [1] Не разрѣшается принимать дары дви-

[1] Ст. 910 гражданскаго кодекса обусловливаетъ полученіе дара или легата особымъ разрѣшеніемъ (décret d'autorisation). Законъ 4 февраля 1901 г. устанавливаетъ необходимость разрѣшенія префекта для принятія даровъ

жимые или недвижимые подъ условіемъ сохраненія за дарителями пожизненнаго пользованія.

Ассоціаціи, признанныя общественно-полезными, могутъ совершать всѣ акты гражданскаго оборота, не воспрещаемые ихъ уставами, но онѣ не могутъ имѣть въ своемъ владѣніи или пріобрѣтать какія-либо недвижимости кромѣ необходимыхъ для цѣлей, ими преслѣдуемыхъ. Всѣ цѣнности ассоціаціи должны быть помѣщены въ именныхъ бумагахъ.

Для закрытія ассоціаціи законъ устанавливаетъ судебный порядокъ: о закрытіи ея постановляется рѣшеніе гражданскаго суда, либо по прошенію всякаго заинтересованнаго лица, либо по представленію прокурорскаго надзора. Закрытіе ассоціаціи можетъ послѣдовать, во 1-хъ, въ томъ случаѣ, если она имѣетъ въ виду что-либо недозволенное, противное законамъ или добрымъ нравамъ, или если она имѣетъ своею цѣлью причиненіе ущерба цѣлости національной территоріи или республиканской формѣ правленія, во 2-хъ, въ случаѣ нарушенія постановленій закона о своевременномъ сообщеніи измѣненій въ управленіи или въ уставѣ ассоціаціи. Исполненіе соотвѣтственныхъ рѣшеній гражданскаго суда обезпечивается уголовною санкціею: по статьѣ 8, § 2, учредители, директора или администраторы ассоціаціи, которая послѣ судебнаго рѣшенія о ея закрытіи будетъ продолжать или незаконно возобновитъ свое существованіе, подвергаются уплатѣ штрафа въ размѣрѣ отъ 16 фр. до 5.000 фр. и тюремному заключенію отъ 6 дней до одного года. Такому же наказанію подвергаются всѣ тѣ лица, которыя будутъ содѣйствовать собранію членовъ упраздненной ассоціаціи путемъ предоставленія въ ея распоряженіе помѣщенія, которымъ они располагаютъ.

Административная власть можетъ закрыть ассоціацію лишь въ одномъ случаѣ: ассоціаціи, въ составѣ которыхъ большинство — иностранцы, а также тѣ, въ которыхъ завѣдующими являются иностранцы или которыя имѣютъ свое

и легатовъ въ формѣ движимости безъ ограниченія суммы, а въ формѣ недвижимости—цѣнностью до 3.000 фр. Для принятія недвижимости цѣнностью свыше 3.000 фр. необходимъ декретъ.

управленіе за границею, если онѣ въ дѣятельности своей нарушаютъ нормальныя условія обмѣна цѣнностей или товаровъ, или угрожаютъ внутренней или внѣшней безопасности государства, въ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 75 — 101 уголовнаго кодекса, могутъ быть закрыты декретомъ президента республики, прошедшимъ черезъ совѣтъ министровъ. Учредители, директора или завѣдующіе ассоціаціей, которая послѣ декрета о ея закрытіи будетъ продолжать или незаконно возобновитъ свое существованіе, подвергаются наказаніямъ, установленнымъ ст. 8, § 2 (см. выше).

Въ случаѣ закрытія ассоціаціи, имущества ея переходятъ согласно постановленіямъ устава или, при отсутствіи такихъ постановленій, по правиламъ, установленнымъ на общемъ собраніи членовъ ассоціаціи.

Отдѣльное мѣсто въ законѣ 1901 г. занимаютъ постановленія о религіозныхъ конгрегаціяхъ. Подъ этимъ терминомъ во французскомъ правѣ разумѣются ассоціаціи людей, соединяющихся для совмѣстной религіозной жизни, либо въ видахъ болѣе строгаго соблюденія ученія церкви, либо для распространенія религіозныхъ доктринъ посредствомъ примѣра, обученія или проповѣди.

Въ постановленіяхъ закона 1901 года о религіозныхъ конгрегаціяхъ подробно регулируются порядокъ обязательнаго для всѣхъ такихъ союзовъ разрѣшенія, которое будетъ даваться каждый разъ спеціальнымъ закономъ, далѣе порядокъ и условія дѣятельности конгрегацій, установляются имущественныя права ихъ, наконецъ правила ликвидаціи имуществъ, принадлежащихъ упраздненнымъ конгрегаціямъ. Въ основѣ важнѣйшихъ изъ постановленій новаго закона о конгрегаціяхъ лежатъ принципы, которые уже давно были выработаны французскимъ законодательствомъ, но которые въ своемъ осуществленіи на практикѣ нерѣдко встрѣчали затрудненія и прямое или косвенное противодѣйствіе со стороны конгрегацій. Положенія закона I іюля 1901 г. (и особенно правила, устанавливаемыя декретами 16 августа), имѣютъ въ виду создать болѣе дѣйствительныя мѣры контроля надъ образованіемъ и дѣятельностью религіозныхъ конгрегацій и предупредить возможность возникновенія не-

дозволенныхъ конгрегацій и скопленія въ ихъ рукахъ, въ большихъ размѣрахъ, недвижимой собственности, которая, дѣлаясь неотчуждаемымъ достояніемъ ихъ, извлекается изъ гражданскаго оборота [1].

Важнѣйшія изъ постановленій о религіозныхъ конгрегаціяхъ заключаются въ слѣдующемъ.

Никакая религіозная конгрегація не можетъ быть образована безъ разрѣшенія, даваемаго особымъ закономъ, въ которомъ должны быть опредѣлены условія ея функціонированія [2].

Конгрегація не можетъ создать ни одного новаго учрежденія иначе, какъ на основаніи декрета государственнаго совѣта.

Конгрегаціи, получившія разрѣшеніе, пользуются правами юридическихъ лицъ (подобно ассоціаціямъ, признаннымъ общественно-полезными). Каждая конгрегація ведетъ опись своихъ приходовъ и расходовъ и ежегодно составляетъ финансовый отчетъ за истекшій годъ и инвентарную опись своихъ имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ. Въ мѣстѣ управленія конгрегаціи долженъ находиться полный списокъ ея членовъ, съ указаніемъ ихъ родовыхъ именъ, а также именъ, которыми они обозначаются въ конгрегаціи, ихъ національности, возраста и мѣста рожденія. Эти отчеты, описи и списки должны быть, по всякому требованію префекта, представляемы ему или его уполномоченному для обозрѣнія на мѣстѣ. Представители или директора конгрегаціи, которыми будутъ сдѣланы ложныя заявленія или которые откажутся исполнить указанное требованіе префекта, подвергаются уплатѣ штрафа въ размѣрѣ отъ 16 фр. до 5.000 фр. и тюремному заключенію отъ 6 дней до одного года.

---

[1] По даннымъ послѣдняго времени, общая цѣнность недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ 1.517 конгрегаціямъ, составляетъ 1 милліардъ 33 милліона франковъ. Изъ этой суммы 431 милліонъ принадлежатъ 744 конгрегаціямъ непризнаннымъ (non reconnues). Послѣднихъ конгрегацій при дѣйствіи новаго закона не можетъ быть вовсе.

[2] По указанію проф. Бертелеми, это положеніе является повтореніемъ предписаній законовъ, изданныхъ въ 1790 г., въ XII г. и въ 1817 г. Berthélemy, стр. 311.

Упраздненіе конгрегаціи или закрытіе какого-либо учрежденія можетъ послѣдовать по декрету совѣта министровъ [1].

Одною изъ главныхъ задачъ при изданіи закона 1 іюля 1901 г. было обезпечить закрытіе, упраздненіе неразрѣшенныхъ конгрегацій, такъ какъ имѣлось въ виду положить конецъ терпимости, подъ покровомъ которой размножались эти союзы, въ сущности запрещенные [2].

Конгрегація, образованная безъ разрѣшенія, объявляется противозаконною. Входящія въ составъ ея лица подвергаются уплатѣ штрафа въ размѣрѣ отъ 16 фр. до 5.000 фр. и тюремному заключенію отъ 6 дней до одного года; учредители или администраторы такой конгрегаціи подвергаются тому же наказанію въ двойномъ размѣрѣ.

Ликвидація имуществъ, принадлежащихъ упраздненнымъ конгрегаціямъ, производится судебнымъ порядкомъ по правиламъ, установленнымъ въ законѣ 1901 года.

Таковы постановленія закона 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ. Отмѣняя ст. 291—294 уголовнаго кодекса и законъ 10 апрѣля 1834 г., новый законъ составляетъ значительный шагъ впередъ въ отношеніи ко всякаго рода свѣтскимъ союзамъ, освобождая ихъ отъ разрѣшенія правительственной власти и даже отъ предварительнаго объ образованіи ихъ заявленія въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ въ виду пользоваться правами юридическихъ лицъ. Во французской литературѣ съ этимъ новымъ порядкомъ связываются ожиданія широкаго развитія общественной иниціативы.—Постановленія о религіозныхъ конгрегаціяхъ, и въ

---

[1] Декретъ этотъ есть актъ дискреціонный. Онъ можетъ быть обжалованъ лишь по нарушенію требуемыхъ формъ. Berthélemy, стр. 312.

[2] Въ виду того значенія, какое конгрегаціи всегда имѣли въ области школьнаго дѣла, весьма важною является статья 14-ая закона 1901 г., въ силу которой никто не можетъ быть допущенъ къ управленію учебнымъ заведеніемъ, какого бы рода оно ни было, ни непосредственно, ни черезъ подставное лицо, если онъ принадлежитъ къ неполучившей разрѣшенія религіозной конгрегаціи. Виновные въ нарушеніи этого постановленія подвергаются уплатѣ штрафа отъ 16 фр. до 5.000 фр. и тюремному заключенію отъ 6 дней до одного года. Въ обвинительномъ приговорѣ можетъ быть, сверхъ того, постановлено о закрытіи учрежденія.

особенности ихъ рѣшительное примѣненіе на практикѣ, вызвали энергическіе протесты въ нѣкоторыхъ слояхъ французскаго общества, недовольныхъ тѣми ограниченіями, которыя установлены для конгрегацій. Цѣлесообразность и правомѣрность этихъ ограниченій едва-ли однако могутъ вызывать серьезныя сомнѣнія, если принять во вниманіе безспорно принадлежащее государству право противодѣйствовать развитію учрежденій, не соотвѣтствующихъ его потребностямъ и интересамъ. А такими именно учрежденіями являлись нѣкоторыя религіозныя конгрегаціи, въ дѣятельности своей нерѣдко уклонявшіяся отъ прямыхъ задачъ своихъ. Что же касается другихъ конгрегацій, то новый законъ не дѣлаетъ ихъ существованія невозможнымъ, а только ставитъ ихъ въ болѣе опредѣленныя условія и подчиняетъ ихъ контролю, въ обезпеченіе общегосударственныхъ интересовъ.

Германія. Въ средніе вѣка въ Германіи признавалась въ принципѣ свобода союзовъ и собраній. Еще имперское законодательство XVI вѣка ограничивалось воспрещеніемъ лишь тѣхъ обществъ, которыя преслѣдуютъ явно противозаконныя и недозволенныя цѣли (указъ 1555-го года). Впервые политическія ограниченія свободы союзовъ появились подъ вліяніемъ римскаго права, многія положенія котораго путемъ такъ называемой рецепціи получили характеръ дѣйствующаго законодательства. Подъ сильнымъ вліяніемъ юристовъ, разрабатывавшихъ римское право, сложилась теорія, по которой считались непозволительными, незаконными всѣ союзы, не имѣющіе прямого разрѣшенія на существованіе. Дальнѣйшія ограниченія свободы союзовъ и собраній появились въ теченіе XVII и XVIII столѣтій, съ развитіемъ полицейскаго государства. Кодексъ прусскаго общаго провинціальнаго права 1794 года (Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten) предоставилъ правительству право воспрещать всякіе союзы посредствомъ административныхъ распоряженій; законодательнымъ же порядкомъ были воспрещены тѣ союзы, цѣли которыхъ направлены противъ общаго спокойствія, безопасности и порядка (gemeinen Ruhe, Sicherheit und Ordnung), а также и всѣ тайныя общества.

Нѣсколько позднѣе (эдиктомъ 1798 г.), подъ впечатлѣніемъ событій французской революціи, это воспрещеніе было распространено на всѣ политическіе союзы. Эта мѣра была возобновлена и впослѣдствіи, послѣ образованія Сѣверо-Германскаго Союза: закономъ 1832 года были безусловно воспрещены союзы съ политическими тенденціями, а для всякаго рода общественныхъ собраній и народныхъ празднествъ (Volksversammlungen und Volksfeste) сдѣлано обязательнымъ предварительное правительственное разрѣшеніе. Что же касается союзовъ, преслѣдующихъ хозяйственныя, интеллектуальныя и общежительныя цѣли, то образованіе ихъ въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ допускалось безъ полицейскаго дозволенія.

Таковы основныя черты законодательства, дѣйствовавшаго до 1848 года, когда впервые въ Германіи былъ признанъ законодательнымъ путемъ принципъ свободы союзовъ и собраній. Онъ получилъ признаніе какъ въ „основныхъ правахъ“ нѣмецкаго народа (Reichsverfassung 1849 года), такъ и въ конституціяхъ отдѣльныхъ государствъ. Эти послѣднія признали въ принципѣ право подданныхъ собираться и образовывать союзы безъ предварительнаго дозволенія правительства; особые законы должны были установить ограниченія свободы союзовъ и собраній и опредѣлить полномочія властей по отношенію къ тѣмъ и другимъ. Образцомъ для этого законодательства послужилъ французскій законъ 1848 года, который былъ примѣняемъ во Франціи лишь въ теченіе короткаго промежутка времени.

Конституція Германской Имперіи, 1870 года, включила въ кругъ компетенціи имперскаго законодательства и право союзовъ и собраній. Но до сихъ поръ общаго имперскаго законодательства о нихъ нѣтъ, и порядокъ ихъ образованія и дѣятельности регулируется въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ отдѣльными законоположеніями, представляющими нѣкоторыя различія. Мы сдѣлаемъ краткій обзоръ ихъ по отношенію къ союзамъ и собраніямъ, при чемъ укажемъ нѣкоторыя наиболѣе существенныя различія въ законодательствахъ отдѣльныхъ государствъ.

Какъ общее правило, образованіе союзовъ въ Германіи свободно, для этого не требуется предварительнаго разрѣ-

шенія со стороны правительства. Тѣмъ не менѣе, союзы подлежатъ нѣкоторымъ законодательнымъ ограниченіямъ и въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть даже воспрещаемы правительственными органами.

Существеннѣйшія законодательныя ограниченія, имѣющія въ виду союзы и общества политическія и общія всѣмъ нѣмецкимъ государствамъ, сводятся къ слѣдующему. Администраторы, распорядители этихъ союзовъ обязаны, въ теченіе трехдневнаго срока, представить мѣстнымъ полицейскимъ властямъ статуты (уставъ) союза и ихъ измѣненія, а также списокъ членовъ его или, по крайней мѣрѣ, членовъ бюро (Vorstandsmitglieder). Союзы не должны принимать въ число своихъ членовъ женщинъ, воспитанниковъ учебныхъ заведеній, несовершеннолѣтнихъ или неправоспособныхъ лицъ, а также военныхъ. Союзамъ не разрѣшается соединяться въ одну общую организацію съ другими союзами того же рода. Неисполненіе этихъ предписаній карается штрафомъ. Союзы не-политическіе, вообще, свободны отъ полицейскихъ ограниченій, хотя въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр., въ Баваріи) отъ организованныхъ союзовъ, кромѣ тѣхъ, „которые подпадаютъ подъ понятіе гражданско-правовыхъ и торговыхъ обществъ“, требуется предварительное заявленіе, которое должно быть представлено мѣстнымъ полицейскимъ органамъ.

Какъ указано, въ извѣстныхъ случаяхъ правительственные органы могутъ воспрещать союзы. Въ этомъ отношеніи наиболѣе существенны различія законодательствъ отдѣльныхъ государствъ. Мотивами воспрещенія союзовъ,—которое принадлежитъ обыкновенно полицейскимъ учрежденіямъ,—являются интересы общественной безопасности. Въ Пруссіи полицейскія учрежденія имѣютъ полномочіе лишь на предварительное закрытіе союзовъ; окончательное же воспрещеніе можетъ имѣть мѣсто лишь въ силу судебнаго рѣшенія.—Баденское законодательство даетъ полицейскимъ учрежденіямъ право требовать—въ видахъ общественнаго спокойствія—свѣдѣній о существующихъ союзахъ, но не установляетъ для послѣднихъ никакой обязанности предварительнаго извѣщенія. Министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ воспрещать союзы, которые противны государственнымъ законамъ или нравственности, или угрожаютъ государству или общественной безопасности.—Въ королевствѣ Вюртембергскомъ право запрещенія не выражено законодательнымъ образомъ, но оно допускается само собою въ тѣхъ случаяхъ, когда какой либо союзъ преслѣдуетъ противозаконныя цѣли или отказывается отъ представленія своихъ статутовъ.

Свобода собраній въ Германіи впервые была признана законодательствомъ 1848 года. Статья 8-ая Основныхъ правъ (Grundrechten) гласитъ: „нѣмцы имѣютъ право собираться мирнымъ образомъ и безъ оружія, при чемъ не требуется для этого особаго дозволенія. Народныя собранія подъ открытымъ небомъ могутъ быть воспрещаемы въ случаѣ, если общественному порядку и спокойствію угрожаетъ опасность“. Эти положенія лежатъ въ основѣ дѣйствующаго и въ настоящее время законодательства о собраніяхъ.

Собранія распадаются на публичныя и не-публичныя. Подъ послѣдними разумѣются тѣ, въ которыя допускаются лишь извѣстныя, опредѣленныя лица, какъ напр. члены какого-нибудь союза или же лица, спеціально приглашенныя или введенныя. Публичныя собранія—тѣ, въ которыхъ могутъ присутствовать всѣ желающіе.

Законодательныя ограниченія права собраній состоятъ въ слѣдующемъ. Присутствующіе на нихъ не должны быть вооруженными (имѣть при себѣ оружіе). Въ собраніяхъ, въ которыхъ обсужденію подлежатъ различные политическіе вопросы, не могутъ присутствовать военные. О такихъ политическихъ собраніяхъ необходимо доводить до свѣдѣнія мѣстныхъ полицейскихъ органовъ не позднѣе, какъ за 24 часа до ихъ открытія[1]. Полицейскимъ учрежденіямъ предоставлено право имѣть на собраніяхъ своего представителя. Онъ имѣетъ право распустить собраніе въ случаѣ возможности нарушенія имъ законовъ; онъ обязанъ сдѣлать это, если собраніе принимаетъ безпорядочный характеръ. Распущеніе выражается въ приказѣ разойтись. Такъ какъ

[1] Этого заявленія не нужно по отношенію къ собраніямъ организованныхъ союзовъ, въ уставахъ которыхъ предусмотрѣны время и мѣсто собранія.

о наличности достаточныхъ къ тому основаній судитъ только само присутствующее должностное лицо, то и приказъ долженъ быть исполненъ безусловно. Неповиновеніе влечетъ за собою штрафъ. Въ случаѣ надобности, исполненіе приказа можетъ быть вынуждено употребленіемъ военной силы. Собранія подъ открытымъ небомъ нуждаются въ предварительномъ разрѣшеніи полиціи и могутъ быть воспрещены ею, если они угрожаютъ общественной безопасности. Они не могутъ быть допускаемы въ предѣлахъ извѣстнаго разстоянія отъ резиденціи монарха и законодательныхъ палатъ въ періодъ ихъ сессій.

Россія. У насъ нѣтъ того явленія, которое въ западноевропейскихъ государствахъ служитъ главнымъ предметомъ полиціи союзовъ и собраній. По условіямъ государственнаго строя Россіи, въ ней нѣтъ ни политическихъ союзовъ, ни народныхъ собраній или публичныхъ митинговъ, которые, главнымъ образомъ, имѣются въ виду разсмотрѣнными нами законодательствами. Что же касается всякаго рода другихъ союзовъ и обществъ (промышленныхъ, ученыхъ, благотворительныхъ и т. под.), то въ основѣ законодательства о нихъ лежитъ необходимость предварительнаго разрѣшенія на ихъ образованіе со стороны правительственныхъ органовъ [1]. Учредители всякаго общества для полученія этого разрѣшенія должны представить на разсмотрѣніе и утвержденіе правительства свой уставъ, въ которомъ должны быть подробно указаны какъ цѣль общества, такъ и его организація и порядокъ дѣятельности. Всякія измѣненія въ уставѣ также должны подлежать разсмотрѣнію и утвержденію правительственныхъ органовъ.

Особенное вниманіе наше законодательство обращаетъ на „противозаконныя сообщества“, которыя подлежатъ запрещенію, „подъ опасеніемъ суда и отвѣтственности по всей строгости законовъ“; въ этихъ видахъ „всѣмъ начальствомъ

[1] Запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства (ст. 116 уст. о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, изд. 1890 года).

и полиціи поставляется въ обязанность неупустительно наблюдать, чтобы нигдѣ и ни подъ какимъ предлогомъ таковыхъ сообществъ не учреждалось“. Противозаконными сообществами наше законодательство признаетъ: 1) „всѣ тайныя общества, съ какою бы цѣлью они ни были учреждены; 2) всѣ преслѣдующія вредную цѣль сборища, собранія, сходбища, товарищества, кружки, артели и проч., подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, образовавшіеся или дѣйствующіе по соглашенію между собою нѣсколькихъ лицъ; 3) всѣ тѣ общества, которыя, по исходатайствованіи надлежащаго на оныя разрѣшенія, уклонятся отъ цѣли ихъ учрежденія, или станутъ прикрывать благовидными дѣйствіями такое направленіе, которое въ какомъ-либо отношеніи вредно для государственнаго благоустройства или общественной нравственности, и 4) всѣ тѣ сообщества, которыя воспрещены обнародованнымъ въ установленномъ порядкѣ положеніемъ Комитета Министровъ“ (ст. 118 устава о предупр. и пресѣч. преступленій, изд. 1890). Въ уложеніи о наказаніяхъ (разд. IV, гл. 6) предусматриваются и иные виды „противозаконныхъ сообществъ“, подлежащихъ уголовному преслѣдованію. Ближайшее изученіе мѣръ въ отношеніи ихъ относится къ области особенной части уголовнаго права.

Что касается собственно собраній, то по отношенію къ нимъ въ законодательствѣ нашемъ устанавливаются различныя полицейскія ограничительныя мѣры. Въ видѣ общаго положенія, „запрещаются сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ“ (ст. 111, изд. 1890 г.). „Когда соберется народъ въ шумномъ и безпорядочномъ скопищѣ, то полиція должна заставить толпу разойтись по домамъ, а въ случаѣ нужды и при недостаточности полицейскихъ средствъ, могутъ быть призваны войска“ (ст. 113).

Въ связи съ этимъ стоитъ рядъ мѣръ о предупрежденіи и пресѣченіи безпорядковъ при публичныхъ собраніяхъ, увеселеніяхъ и забавахъ. Какъ общее правило, „полиція обязана имѣть прилежный надзоръ, чтобы во время публичныхъ собраній, шествій, празднествъ и разъѣздовъ въ публичныхъ мѣстахъ, безпорядковъ не происходило, и для сего, въ потребныхъ случаяхъ, она требуетъ содѣйствія

войскъ“ (ст. 128). На основѣ этого общаго положенія въ соотвѣтственныхъ статьяхъ уст. о предупр. и пресѣч. преступленій изложены подробныя мѣры къ охраненію благочинія при „домашнихъ“ и „общенародныхъ“ (т. е. общественныхъ, публичныхъ) забавахъ, увеселеніяхъ и представленіяхъ (ст. 134—148).

III. ПОЛИЦІЯ ПЕЧАТИ [1].

Пресса и государство. — Система предупредительныхъ мѣръ и система репрессивная.

Возникновеніе предварительной цензуры. — Книгопечатаніе и духовенство. — Первые опыты цензуры. — Буллы 1501 и 1515 гг. — Index librorum prohibitorum. — Цензура и свѣтская власть.

Очеркъ исторіи полиціи печати въ Англіи.—Генрихъ VIII.—Елизавета. — Звѣздная палата и ея декреты (1585 и 1637 гг.). — Цензура и суровыя мѣры полиціи печати. — Отмѣна предварительной цензуры (1695 г.).— Значеніе ея. — Законы о лайбелѣ и судопроизводство по дѣламъ печати. — Функціи присяжныхъ. — Фоксовъ Актъ (1792 г.) и упроченіе свободы печати. — Штемпельный сборъ, залоги, налогъ на объявленія и налогъ на бумагу. — Отмѣна ихъ.

Очеркъ исторіи полиціи печати во Франціи.—Предварительная цензура и Парижскій университетъ. — Королевскіе цензоры. — Регламентъ 1723 г. — Полиція печати въ XVIII ст. — Свобода печати и эпоха революціи. — Полиція печати при Наполеонѣ I. — Эпоха реставраціи (законы

[1] Кромѣ указанныхъ выше (стр. 21) Meyer, Loening, Seydel, Berthélemy — P. Kloeppel. Das Reichspressrecht. Lpzg. 1894. — Lorenz von Stein. Die Verwaltungslehre VI (1868): Die allgemeine Bildung und die Presse. — Barbier. Traité général de la police de la presse et du délit des publications, 2 vol. Par. 1887. — G. Le Poittevin. Traité de la presse. Par 1902. — H. Avenel. Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours. Par. 1900. — Fisher and Strahan. The Law of the Press. Lond. 1891. — Sir J. F. Stephen. A History of the Criminal Law of England (Lond. 1883), томъ II, стр. 298—395. — А. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Пер. съ англ. Спб. 1891. — И. Я. Фойницкій. Моменты въ исторіи законодательства о печати (въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», т. II и въ книгѣ «На досугѣ», Спб. 1900). — М. И. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи. Т. I: Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I (Спб. 1883). — А. М. Скабичевскій. Очерки по исторіи русской цензуры. Спб. 1892. — Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. Спб. 1862. — Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г. Спб. 1862. — Уставъ о цензурѣ и печати (съ разъясненіями, изд. В. П. Ширкова, Спб. 1900).

1819 г.). — Іюльская монархія и революція 1848 г. — Декретъ 1852 г. — Административная система полиціи печати. — Законъ 1868 г. — Третья республика и законъ 1881 г. о свободѣ печати.

Законодательство о печати въ Германіи.—Эпоха предварительной цензуры. — Законъ о печати 1874 г.

Историческій очеркъ законодательства о печати въ Россіи.—Первые зачатки полиціи печати при Петрѣ Великомъ. — Начало вольныхъ типографій (1771 г. и 1783 г.). — Дѣятельность Н. И. Новикова. — Судъ надъ А. Н. Радищевымъ. — Организація цензуры въ 1796 г. — Полиція печати при Павлѣ I. — Эпоха Александра I. — Первый цензурный уставъ 1804 г.— Уставъ 1826 г.; его особенности; суровость его постановленій. — Уставъ 1828 г. — Спеціальныя цензуры. — Эпоха «цензурнаго террора». — Реформы Александра II. — Расширеніе гласности. — А. В. Головнинъ и пересмотръ законодательства о печати. — Временныя правила 12 мая 1862 г. — Законъ 6 апрѣля 1865 г. — Дѣйствующее законодательство и временныя мѣры 1882 г. — Административныя мѣры и ихъ примѣненіе. — Правила въ руководство цензурѣ. — Типографіи и пр. — Духовная цензура.

Подъ общимъ терминомъ „печать“, „пресса“ разумѣется совокупность различныхъ способовъ выраженія мысли, дѣлающихъ произведенія ея доступными одновременно большому количеству людей. Являясь главнымъ факторомъ просвѣщенія и могущественнымъ орудіемъ прогресса во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, печать можетъ осуществлять свое назначеніе лишь при наличности благопріятныхъ условій, которыя гарантировали бы ея свободное развитіе. Установленіе этихъ условій есть одна изъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣйшихъ задачъ государственнаго управленія. Трудность ея вызывается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на-ряду съ обезпеченіемъ свободы печати государству надлежитъ имѣть въ виду возможность злоупотребленій свободою. Сообразно съ различными видами такихъ злоупотребленій, государству необходимо создать систему соотвѣтственныхъ мѣръ, которыя, съ одной стороны, могли бы предупреждать ихъ, съ другой—устанавливали бы отвѣтственность за эти злоупотребленія. Совокупность такихъ мѣръ и обозначаютъ терминомъ „полиція печати“, разумѣя слово „полиція“ въ широкомъ смыслѣ.

Прошлая исторія и современная дѣйствительность раскрываютъ самыя разнообразныя комбинаціи условій, въ какихъ печати приходилось и приходится развиваться. При

всемъ своемъ разнообразіи, мѣры государства по отношенію къ печати могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ типамъ. Это, во 1-хъ, система предупредительныхъ мѣръ, въ основѣ которой лежитъ институтъ предварительной цензуры, и во 2-хъ, система репрессивная, въ основу которой полагаются не предупредительныя мѣры, а судебное преслѣдованіе возникающихъ въ области печати или при ея посредствѣ преступленій и правонарушеній. Съ каждой изъ этихъ системъ ознакомитъ обзоръ тѣхъ условій, въ какихъ находилась печать въ различныхъ государствахъ въ различные періоды ихъ исторіи.

Возникновеніе предварительной цензуры.

Первыя попытки установить предварительную цензуру для произведеній печати явились вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія. Это изобрѣтеніе, великое значеніе котораго па первыхъ же порахъ не подлежало никакому сомнѣнію, стало быстро распространяться. Выгоды и преимущества новаго способа выраженія мысли, облегчавшаго и упрощавшаго ея распространеніе, благодаря возможности въ короткое время воспроизвести большое количество экземпляровъ и вслѣдствіе этого удешевить ихъ стоимость, были очевидны и возбуждали восторгъ и удивленіе въ людяхъ того времени, имѣвшихъ до тѣхъ поръ въ своемъ распоряженіи лишь рукописную литературу. Несмотря на то, что она, подъ вліяніемъ давно уже начавшагося оживленія мысли, получила сильное развитіе, и производство рукописей приняло огромные размѣры, сдѣлалось даже промысломъ, занимавшимъ не малое количество рукъ, несмотря на это, цѣна манускриптовъ была все-таки очень высока. Они были доступны лишь богатымъ людямъ, къ тому же и количество экземпляровъ по необходимости было весьма ограничено.

Около 1450 года типографское искусство возникло въ Майнцѣ и оттуда стало распространяться по умственнымъ центрамъ западной Европы: въ 1467 г. оно появляется въ Римѣ, въ 1469 г.—въ Венеціи, въ 1470 г.—въ Парижѣ. Къ концу XV-го вѣка въ разныхъ странахъ насчитываютъ уже болѣе 200 городовъ, имѣющихъ свои типографіи.

Если принять во вниманіе, что средніе вѣка вообще и въ особенности XV и XVI столѣтія были эпохой оживленія религіозной мысли по преимуществу, что къ этой эпохѣ относятся ожесточенные богословскіе споры и распри, привлекавшіе къ себѣ вниманіе образованныхъ людей того времени, что тогдашняя литература и наука носили теологическій характеръ,—если принять все это во вниманіе, то неудивительнымъ представится тотъ фактъ, что первыя попытки вмѣшательства въ область печати съ цѣлью ограничить свободное выраженіе мысли были предприняты органами церковной власти.

Одинъ изъ наиболѣе раннихъ опытовъ устройства предварительной цензуры имѣлъ мѣсто въ Кёльнѣ. Органомъ ея являлся мѣстный университетъ, какъ свидѣтельствуютъ помѣтки [1] на книгахъ, напечатанныхъ въ Кёльнѣ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XV столѣтія (главнымъ образомъ въ 1479—1483 гг., а одна въ 1475 г.).

Въ 1486 году установлена была цензура тамъ, гдѣ зародилось самое искусство книгопечатанія, въ Майнцѣ. Въ этомъ году Бертольдъ, архіепископъ Майнцкій, издалъ приказъ, воспрещавшій печатать переводы на нѣмецкій языкъ, особенно богословскихъ книгъ, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія ихъ духовными властями [2]). Эта

[1] Цензурныя помѣтки дѣлались въ слѣдующей формѣ: Admissum (или temptatum или examinatum admissumque) ac approbatum ab alma Universitate studii civitatis Coloniensis, de consensu et voluntate spectabilis et egregii viri pro tempore rectoris ejusdem. Fr. H. Reusch. Der Index der verbotener Bücher. I Band. (Bonn, 1883), стр. 56.—Kloeppel, стр. 15.

[2] Вотъ какъ мотивировано это воспрещеніе во вступленіи къ приказу: «При тѣхъ удобствахъ, какія божественное искусство книгопечатанія дало для пріобрѣтенія знаній, нашлись нѣкоторыя лица, злоупотребляющія этимъ изобрѣтеніемъ, употребляющія во вредъ человѣческому роду то, что предназначено къ его просвѣщенію. Въ самомъ дѣлѣ, книги о религіозныхъ обязанностяхъ и доктринахъ переводятся съ латинскаго языка на нѣмецкій и распространяются въ народѣ къ безчестію самой религіи, а нѣкоторые даже возымѣли дерзость сдѣлать на обыкновенномъ языкѣ невѣрные переводы церковныхъ каноновъ, составляющихъ область науки столь трудной, что она одна можетъ занять всю жизнь самаго ученаго мужа. Возможно ли думать, что нашъ нѣмецкій языкъ можетъ выразить то, что великіе авторы писали на греческомъ и латинскомъ языкахъ о глубочайшихъ тайнахъ вѣры христіанской и о наукѣ вообще? Конечно, это невозможно, а потому эти

мѣра имѣла лишь мѣстное значеніе, такъ какъ дѣйствіе ея распространялось лишь въ предѣлахъ Майнцкаго діоцеза. Весьма возможно, что и въ другихъ мѣстностяхъ представители духовной власти принимали подобныя же мѣры.

Въ началѣ XVI вѣка встрѣчаемъ мѣропріятіе болѣе общаго характера. Это—булла папы Александра VI-го (изд. въ 1501 году), которая установила правильную духовную цензуру въ четырехъ нѣмецкихъ провинціяхъ: Кёльна, Майнца, Трира и Магдебурга. Поводомъ къ изданію этой буллы послужило напечатаніе въ разныхъ мѣстностяхъ, а особенно въ названныхъ областяхъ „многихъ книгъ и трактатовъ, заключающихъ въ себѣ различныя ложныя и пагубныя доктрины, даже противныя святой христіанской вѣрѣ“. „Желая безъ дальнѣйшаго промедленія остановить это гнусное зло“, папа счелъ нужнымъ воспретить, подъ страхомъ отлученія отъ церкви и денежныхъ штрафовъ, печатаніе какихъ-либо сочиненій безъ особаго на каждый разъ формальнаго дозволенія со стороны органовъ церковной власти.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1515 г.) издана была папою Львомъ X новая булла, повелѣвающая, въ силу постановленія Латеранскаго собора, установить цензуру и въ другихъ мѣстностяхъ. „Отнынѣ и впредь на вѣчныя времена,—гласила эта булла „Inter sollicitudines,—никто не смѣетъ ни

люди вынуждены изобрѣтать новыя слова или употреблять старыя въ извращенномъ смыслѣ,—вещь опасная, особенно когда дѣло идетъ о Священномъ Писаніи. Ибо кто можетъ повѣрить, чтобы необразованные мужи или женщины, въ руки которыхъ попадутъ эти переводы, могли найти истинный смыслъ Евангелія или посланій апостола Павла? Еще менѣе способны они разобраться въ вопросахъ, которые даже среди католическихъ писателей вызываютъ разногласіе. И такъ какъ это искусство изобрѣтено въ городѣ Майнцѣ, и мы по истинѣ можемъ сказать, съ Божественною помощью, и такъ какъ мы обязаны сохранить его во всей его славѣ, мы строго воспрещаемъ всѣмъ и каждому переводить на нѣмецкій языкъ или переведя распространять какія бы то ни было книги по какому бы то ни было вопросу, написанныя на языкахъ греческомъ, латинскомъ и другихъ иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти переводы до ихъ напечатанія и до поступленія въ продажу были одобрены четырьмя нами назначенными докторами, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, конфискаціи книгъ и штрафа, въ размѣрѣ ста золотыхъ флориновъ, въ пользу нашей казны». (H. Hallam, Histoire de la littérature de l'Europe pendant les XV, XVI et XVII siècles, trad. de l'anglais. Paris 1839. Томъ I, стр. 253—254).

въ Римѣ, ни въ какихъ-либо другихъ городахъ и діоцезахъ напечатать или поручить напечатать какую-либо книгу или какое-либо сочиненіе иначе какъ по тщательномъ разсмотрѣніи и по собственноручномъ подписаніи одобренія въ Римѣ нашего викарія и магистра священнаго двора, въ другихъ городахъ и діоцезахъ епископа или иного, свѣдущаго въ соотвѣтственной наукѣ и епископомъ на то уполномоченнаго лица и инквизитора того города или діоцеза, въ которомъ книга будетъ печататься, каковое одобреніе надлежитъ давать, подъ угрозою отлученія, безплатно и безъ замедленія". Нарушителямъ этого предписанія грозитъ, сверхъ отобранія книгъ и ихъ публичнаго сожженія, а также уплаты ста дукатовъ въ папскую казну и закрытія типографіи на одинъ годъ, отлученіе отъ церкви; въ случаѣ же упорства епископомъ или викаріемъ на виновныхъ могутъ быть наложены такія наказанія, „чтобы другіе не осмѣливались поступать по ихъ примѣру" [1].

Таковы первые опыты учрежденія цензуры надъ произведеніями печати. Иниціатива ихъ принадлежала представителямъ духовной власти, которые чувствовали себя особенно заинтересованными въ томъ, чтобы установить контроль надъ произведеніями мысли. Критическое направленіе ея, преимущественно въ области религіозныхъ вопросовъ, все болѣе и болѣе усиливалось и получило, наконецъ свое величественное выраженіе въ движеніи реформаціи. Стремленіе остановить это движеніе, а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ оно разросталось, подавить его, побуждало католицизмъ къ изысканію всевозможныхъ къ тому средствъ; въ числѣ ихъ далеко не послѣднее значеніе придавалось предупредительнымъ и карательнымъ мѣрамъ по отношенію къ печати. Мало-по-малу въ короткій, сравнительно, періодъ времени предварительная цензура сдѣлалась явленіемъ повсемѣстнымъ въ западно-европейскихъ государствахъ.

Кромѣ цензуры католическое духовенство прибѣгало нерѣдко еще къ другому средству борьбы съ печатью, а именно къ изданію каталоговъ или списковъ запрещенныхъ книгъ—Index librorum prohibitorum. Случаи осужденія книгъ,

[1] Reusch, I, стр. 55—56.

признававшихся еретическими, имѣли мѣсто уже въ первые вѣка по установленіи христіанской церкви (при Константинѣ Вел. осужденію и сожженію подвергнуты были сочиненія Арія). Этотъ пріемъ еще болѣе развился въ средніе вѣка, когда весьма нерѣдки были случаи осужденія отдѣльныхъ сочиненій (напр. въ XII вѣкѣ сочиненія Абеляра). Въ 1415 г. Констанцскій соборъ опредѣлилъ воспретить чтеніе сочиненій Виклефа и Гуса. Съ развитіемъ реформаціоннаго движенія мѣры преслѣдованія еретическихъ книгъ становятся еще болѣе частыми и энергичными.

Первый „каталогъ" запрещенныхъ книгъ былъ изданъ въ 1546 году богословскимъ факультетомъ Лувенскаго университета, по распоряженію Карла V. Повелѣніемъ его въ 1550 году былъ изданъ новый каталогъ, оказавшій значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе этой мѣры борьбы съ печатью. Подобные же каталоги издавались и въ другихъ мѣстностяхъ.

Первымъ отъ имени папы опубликованнымъ каталогомъ запрещенныхъ книгъ является „Index", изготовленный инквизиціею и изданный папою Павломъ IV въ Римѣ въ 1559 году [1]). Въ немъ книги распредѣлены въ алфавитномъ порядкѣ на три разряда: къ первому отнесены писатели, сочиненія которыхъ, какъ уже изданныя, такъ и тѣ, которыя будутъ ими написаны, подвергнуты безусловному запрещенію, хотя бы даже въ нихъ ничего не говорилось противъ религіи или о религіи; ко второму разряду отнесены писатели, нѣкоторыя изъ сочиненій которыхъ подвергались запрещенію по причинѣ заключающихся въ нихъ еретическихъ ученій (между прочимъ книги объ астрологіи, о ворожбѣ и т. п.); къ третьему разряду отнесены книги анонимныя, содержащія въ себѣ вредныя ученія.

Для составленія и пополненія „индексовъ" папою Піемъ V создано было въ 1571 г. особое учрежденіе—Sancta Congregatio Indicis. При посредствѣ его папская курія осуществляла свое наблюденіе за печатью въ послѣдующіе вѣка. Учрежденіе

[1] Полное названіе его — Index auctorum et librorum, qui tanquam haeretici aut suspecti aut perniciosi ab Officio S. Romanae Inquisitionis reprobantur et in universa Christiana Republica interdicuntur. — Reusch, I, стр. 258.

это существуетъ и въ настоящее время. Послѣдній „Index“ былъ изданъ въ 1897 году, при чемъ папа Левъ XIII нашелъ нужнымъ составить и опубликовать новый регламентъ о воспрещеніи и цензурѣ книгъ — Constitutio apostolica de prohibitione et censura librorum [1].

Въ связи съ указанными средствами борьбы съ печатью нерѣдко практиковалось публичное сожженіе сочиненій, а иногда вмѣстѣ съ ними и авторовъ, признанныхъ вредными. Исторія разныхъ государствъ занесла на свои страницы не малое количество такихъ фактовъ. Это было излюбленное средство, къ которому прибѣгали одинаково какъ ревностные католики, такъ и приверженцы протестантизма: въ Англіи, напр., при Генрихѣ VIII жгли послѣдовательно книги того и другого направленія, — то было время еще неустановившихся воззрѣній; при Эдуардѣ VI сожженію подлежали католическія сочиненія; при Маріи, наоборотъ, пылали костры сожигаемыхъ протестантскихъ сочиненій.

Свѣтская власть стала принимать дѣятельное участіе въ полиціи печати уже значительно позднѣе духовной. Еще въ 1513 году (т. е. черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ изданія буллы Александра VI) французскій король Людовикъ XII издаетъ декларацію, въ которой очень наглядно выступаетъ самое дружелюбное отношеніе къ печати. Въ этой декларації король освобождаетъ отъ уплаты вводившагося тогда налога цѣлую категорію лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дѣлу книгопечатанія. Изъятіе это мотивируется „соображеніемъ того великаго блага, которое принесло нашему королевству искусство печатанія, изобрѣтеніе котораго представляется скорѣе божественнымъ, чѣмъ человѣческимъ“; благодаря ему, продолжаетъ декларація, „наша святая католическая вѣра сильно возвысилась и окрѣпла, правосудіе лучше понимается и отправляется и божественная служба совершается съ большимъ тщаніемъ и великолѣпіемъ; благо-

[1] Латинскій текстъ и французскій переводъ его напечатаны въ брошюрѣ: Index. Constitutions de Sa Sainteté Léon XIII (1897) et de Benoit XIV (1753) relatives à l'examen et à l'interdiction des livres. Par. 1897.

даря ему, на пользу всѣхъ и каждаго выражено и распространено много хорошихъ и благотворныхъ ученій, благодаря чему наше королевство превосходитъ всѣ другія, и иныя неисчислимыя блага проистекали и проистекаютъ отъ него каждодневно, во славу Бога и къ возвеличенію нашей католической вѣры“.

Первый законодательный актъ свѣтской власти въ области полиціи печати мы встрѣчаемъ въ Германіи въ 1521 году, когда былъ изданъ направленный противъ Лютера Вормскій эдиктъ. Глава 36-я этого эдикта санкціонируетъ изданныя по отношенію къ печати распоряженія духовныхъ властей. Вскорѣ послѣ того Имперскій указъ, изданный въ Нюренбергѣ въ 1524 г., возложилъ на свѣтскихъ князей и ихъ правительства обязанность наблюдать за книгопечатаніемъ, а черезъ пять лѣтъ послѣ этого (Имперскими указами въ Шпейрѣ въ 1529 г. и въ Аугсбургѣ въ 1530 г.) установлена правильная цензура. Въ Англіи наиболѣе раннее предписаніе королевской власти о цензурѣ относится къ 1530 году, во Франціи—къ 1538 году.

Послѣ этихъ замѣчаній о появленіи цензуры въ западноевропейскихъ государствахъ, обратимся къ болѣе подробному обзору исторіи полиціи печати, главнымъ образомъ, въ двухъ странахъ—въ Англіи и во Франціи. Англія представляетъ особенный интересъ въ виду того, что тамъ ранѣе всѣхъ другихъ государствъ развилась свободная печать и установились тѣ основы, на которыхъ зиждется господствующее въ настоящее время законодательство о печати. Прослѣдить же судьбу тѣхъ разнообразныхъ системъ и мѣръ, которыя практиковались по отношенію къ печати во Франціи въ различные періоды ея исторіи важно потому, что нигдѣ полиція печати не являлась предметомъ столь усиленныхъ заботъ законодательства и администраціи. Ознакомленіе съ ея исторіей въ этой странѣ можетъ дать довольно полное представленіе о совокупности тѣхъ мѣръ, которыя въ разное время и при различныхъ условіяхъ государственной жизни составляютъ систему полиціи печати. Знакомство съ исторіей французскаго законодательства о печати необходимо для насъ еще и потому, что оно не разъ являлось образцомъ для русскихъ законовъ о печати. Въ виду этого, для разъ-

ясненія многихъ условій, въ которыхъ находилась и находится наша печать, далеко не безполезно будетъ обратиться къ тому источнику, откуда они заимствованы.

Очеркъ исторіи полиціи печати въ Англіи.

Въ то время, когда въ Англіи появилось и стало распространяться книгопечатаніе, католицизмъ былъ еще въ полной силѣ. И здѣсь, какъ это было во всѣхъ католическихъ странахъ, духовенство сосредоточило въ своихъ рукахъ наблюденіе за печатью и преслѣдованіе тѣхъ произведеній, въ которыхъ замѣчалось уклоненіе отъ истинныхъ началъ католицизма. Оно нашло себѣ энергичную поддержку и въ королевской власти. При Генрихѣ VIII изданы были, начиная съ 1526 года, девять списковъ книгъ, объявлявшихся запрещенными. Въ видѣ примѣра можетъ служить опубликованный въ 1529 году списокъ 85 „книгъ лютерской секты, которыя приверженцами этой секты привезены были въ Лондонъ; въ числѣ ихъ названы 22 сочиненія Лютера, 11 сочиненій Цвингли и т. д. [1].

Въ 1530 году издано было первое королевское распоряженіе о предварительномъ разсмотрѣніи книгъ: королевская прокламація, составленная по совѣщаніи съ примасомъ, теологами обоихъ университетовъ и другими лицами, объявляя запрещенными всѣ напечатанныя за-границею англійскія книги и предписывая въ 14-дневный срокъ доставить ихъ епископамъ, повелѣвала, чтобы новыя англійскія книги, касающіяся Священнаго Писанія, печатались съ одобренія епископа и не-анонимно [2].

Преобладающую роль въ области полиціи печати духовенство сохраняло до царствованія королевы Елизаветы, когда дѣятельнымъ органомъ ея становится государство—свѣтская власть, принявшая на себя заботы по наблюденію за печатью и осуществленію тѣхъ задачъ, которыя первоначально составляли почти исключительно предметъ заботъ церкви. Духовенство, однако, не было вполнѣ устранено отъ

[1] Reusch, т. I, стр. 91.
[2] Ibidem, стр. 88—89.

этого дѣла: утративъ свою преобладающую роль, оно все же являлось весьма дѣятельнымъ помощникомъ государства.

Уже въ первый годъ царствованія Елизаветы (въ 1559 г.) королевскимъ совѣтомъ (Privy Council) былъ изданъ указъ, по которому никто не можетъ напечатать какую либо книгу или брошюру безъ предварительнаго разрѣшенія королевскаго совѣта или епископа. Мало-по-малу какъ цензура, такъ и вообще вся совокупность мѣропріятій по отношенію къ печати были сосредоточены въ рукахъ Звѣздной Палаты. Такъ назывался комитетъ королевскаго совѣта, надѣленный чрезвычайно обширными полномочіями и являвшійся въ теченіе цѣлаго вѣка страшнымъ орудіемъ деспотизма въ рукахъ Тюдоровъ и Стюартовъ. Имя Звѣздной Палаты сдѣлалось для англичанъ синонимомъ всякаго рода насилій и произвола, воспоминаніе о которыхъ неразрывно связано съ исторіей этого учрежденія. Во второй половинѣ XVI вѣка неограниченныя полномочія его, главнымъ образомъ, въ сферѣ судебнаго преслѣдованія, были расширены на новую область—полицію печати. Въ 1585 году Звѣздная Палата издаетъ первый подробный ордонансъ съ цѣлью урегулировать печать, подчинивъ строгому режиму какъ произведенія печати со стороны ихъ содержанія, такъ и самый промыселъ книгопечатанія и книжной торговли. Изданіе этого ордонанса мотивируется, въ предисловіи къ нему, тѣми „безобразіями и злоупотребленіями со стороны безпорядочныхъ лицъ, занимающихся искусствомъ печатанія и книжнаго промысла“, которыя все болѣе и болѣе увеличиваются, несмотря на принятыя мѣры, что и приписывается недостаточности наказаній, примѣнявшихся до тѣхъ поръ. Ордонансъ 1585 г. воспрещаетъ печатать что-либо безъ предварительнаго разсмотрѣнія и дозволенія Архіепископа Кентерберійскаго или Лондонскаго Епископа; для напечатанія же произведеній, имѣющихъ отношеніе къ законодательству, необходимо разрѣшеніе Главныхъ Судей (входившихъ также въ составъ Звѣздной Палаты). Всякому, уличенному въ продажѣ книгъ, напечатанныхъ безъ соблюденія требованій этого ордонанса, угрожаетъ тюремное заключеніе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Очевидно, съ цѣлью облегчить надзоръ за печатью и поставить преграду ея развитію, число типографій было ограни-

чено: кромѣ находящихся въ Лондонѣ, разрѣшались только двѣ—въ университетскихъ городахъ, Оксфордѣ и Кембриджѣ, по одной въ каждомъ. Каждый содержатель типографіи обязанъ объявить о количествѣ имѣющихся у него станковъ „Компаніи типографовъ (Stationer's Company). Эта компанія была учреждена за нѣсколько времени передъ тѣмъ и получила отъ правительства монополію печатнаго дѣла, сдѣлавшись вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельнымъ органомъ его по наблюденію за печатью. Въ случаѣ неисполненія этого требованія ему грозитъ уничтоженіе его станковъ и тюремное заключеніе въ продолженіе одного года. Ни одна типографія не можетъ быть открыта вновь до тѣхъ поръ, пока чрезмѣрное количество ихъ не будетъ уменьшено и не дойдетъ до того числа, какое будетъ признано архіепископомъ Кентерберійскимъ и епископомъ Лондонскимъ достаточнымъ; если же понадобится увеличить число занимающихся книгопечатаніемъ, то Компанія типографовъ должна указать лицъ, пригодныхъ для этого, при чемъ эти лица, сверхъ того, должны быть одобрены представителями духовной власти. Помимо всего этого, ордонансъ уполномочиваетъ указанную компанію производить обыски въ домахъ и магазинахъ содержателей типографій и книгопродавцевъ, забирать всѣ книги, напечатанныя въ противность требованіямъ этого ордонанса, уничтожать типографскіе станки, арестовывать виновныхъ и препровождать ихъ въ королевскій совѣтъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны—предварительная цензура, съ другой стороны—всевозможныя мѣры, направленныя къ стѣсненію самаго промысла книгопечатанія, установленіе строгаго надзора и наложеніе тяжкихъ наказаній за малѣйшее уклоненіе отъ предписанныхъ требованій—таковы тѣ условія, въ которыя была поставлена англійская печать въ концѣ XVI-го вѣка. Между тѣмъ какъ въ царствованіе католички Маріи преслѣдовалось и сжигалось все то, что носило въ себѣ духъ критики католицизма, при Елизаветѣ, наоборотъ, безпощадному преслѣдованію подлежало все благосклонное католицизму. Лишь однимъ изъ многихъ является примѣръ Джона Стеббса, которому отсѣкли правую руку по обвиненію его въ государственной измѣнѣ, выразившейся въ изданіи сочиненія, написаннаго въ духѣ пуританизма, котораго онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ. Разсказываютъ, что въ томъ моментъ, какъ у него отсѣчена была правая рука, бывшая орудіемъ „измѣны", онъ съ помощью лѣвой снялъ шляпу и воскликнулъ громогласно: „God, save the Queen" (Боже, храни королеву).

Преслѣдованіе доктринъ пуританизма составляло въ то время главный предметъ заботъ правительства въ области. Противъ появленія новыхъ произведеній достаточной гарантіей была установленная цензура. Съ цѣлью же изъятія изъ обращенія вышедшихъ ранѣе книгъ также принимались мѣры, образецъ которыхъ представляетъ собою королевская прокламація 1589 года. Она повелѣваетъ всѣмъ, имѣющимъ у себя какія-либо сочиненія, написанныя противъ существующаго управленія англійской церкви или противъ ея обрядовъ и церемоній, немедленно представить ихъ епархіальному епископу. Тотъ, у кого находили такого рода книги, подлежалъ строгимъ уголовнымъ карамъ. Въ этомъ, между прочимъ, историки видятъ одну изъ причинъ, почему сохранилось такъ мало пуританскихъ памфлетовъ.

Ближайшая за царствованіемъ Елизаветы эпоха Стюартовъ была столь же мало благопріятна развитію печати. Строгости по отношенію къ ней не уменьшились, а наоборотъ, еще усилились. „Ни въ чемъ такъ рѣзко не выразилось тираническое направленіе первыхъ двухъ Стюартовъ", говоритъ историкъ Мей, „какъ въ ихъ варварскомъ преслѣдованіи авторовъ, издателей и ввозителей запрещенныхъ книгъ; ничто, съ другой стороны, не свидѣтельствуетъ столь знаменательно о любви къ свободѣ, какъ то геройское мужество и твердость, съ которыми переносились эти преслѣдованія". Рядомъ съ религіозными вопросами, на почвѣ которыхъ прежде почти исключительно сосредоточивалась борьба съ печатью, теперь столь же, если не болѣе усердное вниманіе было обращено и на вопросы политическаго характера. Въ то время Англія переживала критическій моментъ, когда рѣшалась дальнѣйшая судьба ея политическаго развитія, когда долженъ былъ окончательно опредѣлиться характеръ ея государственнаго строя. Въ борьбѣ за политическую свободу, которой угрожала серьезная опасность, однимъ изъ могущественныхъ орудій явилась печать, которая, подъ

вліяніемъ потребностей времени, выработала новыя формы. Обширные трактаты, тяжелые фоліанты, являвшіеся до тѣхъ поръ господствующимъ типомъ литературныхъ произведеній, представляли собою значительныя неудобства для цѣлей начинавшейся борьбы политическихъ идей. Форма эта была неудобна какъ для самихъ авторовъ, такъ и для публики. Она не даетъ двухъ существенныхъ условій, при которыхъ только и возможно распространить печатное слово—небольшой размѣръ и дешевизна. И вотъ, рядомъ съ обширными трактатами, появляются мелкія произведенія, брошюры; мало-по-малу начинаетъ зарождаться и періодическая пресса (появленіе первой газеты, еженедѣльной, The Weekly Newes—относится къ 1622 году).

Полиція печати по прежнему находилась въ рукахъ Звѣздной Палаты, которая въ эпоху первыхъ Стюартовъ дошла до высшей степени злоупотребленія своими обширными полномочіями. Обычными орудіями преслѣдованія ея были: тюрьма, позорный столбъ, клеймленіе, изувѣченіе и другія наказанія, примѣнявшіяся съ чрезвычайною жестокостью. Въ 1637 г., по внушенію архіепископа Лоуда, были преданы суду Звѣздной Палаты трое писателей, издавшихъ нѣсколько памфлетовъ по религіознымъ вопросамъ въ духѣ пуританизма. Всѣ трое были осуждены и подвергнуты четыремъ видамъ наказаній: штрафу въ размѣрѣ 5000 фунт. ст. каждый, выставленію къ позорному столбу, отрѣзанію ушей и пожизненному тюремному заключенію въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, въ которыхъ они были на вѣки удалены отъ прочаго міра. А одному изъ осужденныхъ, сверхъ того, на щекахъ были выжжены съ помощью раскаленнаго желѣза буквы S L (Seditiosus Libeller—возмутительный клеветникъ). Этотъ приговоръ и жестокое исполненіе его произвели сильное впечатлѣніе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ протестовъ. На улицахъ появились листки, изображавшіе архіепископа въ видѣ „начальника арміи дьявола въ его войнѣ со святыми“, копія съ декрета Звѣздной Палаты была прибита къ доскѣ, углы ея были срѣзаны, какъ отрѣзаны были уши у жертвъ Лоуда, вокругъ имени его былъ сдѣланъ большой чернильный знакъ, въ объясненіе котораго особая надпись гласила: „человѣкъ, выставляющій къ

деревянному позорному столбу святыхъ, стоитъ здѣсь у позорнаго столба изъ чернилъ“ [1].

Подъ вліяніемъ этихъ событій рѣшено было усилить строгость мѣръ по отношенію къ печати, установить болѣе правильную систему предварительной цензуры, увеличить надзоръ за типографіями и принять мѣры противъ развитія тайнаго книгопечатанія. Въ этихъ видахъ и былъ изданъ въ 1637 году декретъ Звѣздной Палаты о книгопечатаніи Decree of Starre Chamber concerning Printing). Этотъ декретъ, являющійся самымъ замѣчательнымъ документомъ въ исторіи полиціи печати въ Англіи, представляетъ собою подробное развитіе началъ, положенныхъ въ основу изданнаго при Елизаветѣ ордонанса. Мы разсмотримъ наиболѣе существенныя постановленія 33-хъ статей его примѣнительно къ тремъ важнѣйшимъ сторонамъ полиціи печати: организаціи предварительной цензуры, регламентаціи промысла книгопечатанія и, наконецъ, мѣрамъ по отношенію къ тайному книгопечатанію и привозу книгъ изъ-за границы.

Прежде всего декретъ объявляетъ въ общей формѣ воспрещеніе печатать, ввозить, продавать или имѣть у себя какія-либо „возмутительные, схизматическіе или соблазнительные“ книги или памфлеты, заключающіе въ себѣ „злословіе по отношенію къ религіи, церкви или правительству, или по отношенію къ правителямъ церкви или государства, или какой-либо корпораціи, или же къ частному лицу и лицамъ“. Виновнымъ въ этомъ угрожаетъ: во 1-хъ, отобраніе всѣхъ такихъ книгъ и памфлетовъ, во 2-хъ, такое „строгое наказаніе, въ видѣ штрафа, тюремнаго заключенія или какого-либо иного тѣлеснаго наказанія“, какое, смотря по обстоятельствамъ, Звѣздная Палата или Судъ Верховной Коммисіи (исключительный трибуналъ, вѣдавшій, главнымъ образомъ, религіозныя дѣла) найдутъ нужнымъ назначить“. Никто не можетъ напечатать какую-либо книгу или памфлетъ прежде, чѣмъ эта книга или памфлетъ, а также и всякаго рода предисловія, посвященія и т. д. не будутъ, во 1-хъ, разсмотрѣны и разрѣшены назначенными для

[1] Gardiner, History of England (1603—1642). Томъ VIII, стр. 224—234.

этого лицами, во 2-хъ, занесены въ реестровыя книги Компаніи типографовъ.

По отношенію къ организаціи предварительной цензуры былъ примѣненъ принципъ спеціализаціи: обязанности разсмотрѣнія печатаемыхъ произведеній распредѣлены между различными лицами, смотря по ихъ содержанію. Книги юридическаго содержанія (касающіяся общаго права—Common Laws of this Realm) подлежатъ одобренію лордовъ верховныхъ судей или кого-либо по ихъ назначенію; книги по исторіи Англіи, а также и по современнымъ государственнымъ вопросамъ разсматриваются главными государственными секретарями (министрами) или кѣмъ-либо по ихъ назначенію; книги по геральдикѣ, о почетныхъ титулахъ и т. п. будутъ разсматриваться оберъ-гофмаршаломъ (Earle Marschall) или кѣмъ-либо по его назначенію; наконецъ, всѣ остальныя книги, содержаніемъ своимъ касающіяся богословія, естествознанія, философіи, поэзіи и т. д., подлежатъ разсмотрѣнію и одобренію архіепископа Кентерберійскаго или епископа Лондонскаго, или кого-либо по ихъ назначенію, или же, наконецъ, канцлера или вице-канцлера обоихъ университетовъ. По отношенію къ этимъ послѣднимъ декретъ оговариваетъ, что ихъ разсмотрѣнію подлежатъ только книги, печатаемыя въ предѣлахъ обоихъ университетовъ, при чемъ они не должны касаться книгъ юридическаго и политическаго содержанія.

Рукописи должны быть представляемы въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ отдается въ распоряженіе собственника рукописи, а другой остается у цензора, въ видѣ гарантіи отъ позднѣйшихъ передѣлокъ и измѣненій. На обоихъ экземплярахъ цензоръ долженъ собственноручно засвидѣтельствовать, что въ такой-то книгѣ „нѣтъ ничего противнаго христіанской религіи, догматамъ и дисциплинѣ англійской церкви, или государству и правительству, ни добродѣтельной жизни или добрымъ нравамъ“, смотря по содержанію книги. Это одобреніе должно быть напечатано въ началѣ книги съ присовокупленіемъ имени цензора.

На каждомъ произведеніи печати (книгахъ, брошюрахъ, картахъ, портретахъ и т. под.) должны быть напечатаны имена типографа, издателя, а также автора и заказчика.

По отношенію къ типографіямъ декретъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія мѣры. Число типографій остается ограниченнымъ 20-ю въ Лондонѣ и по одной въ обоихъ университетскихъ городахъ (Оксфордѣ и Кембриджѣ). Собственниками типографій въ Лондонѣ являются члены „Компаніи типографовъ“, имена которыхъ перечислены въ самомъ декретѣ. Если кто-либо изъ нихъ, вслѣдствіе смерти или по иной причинѣ, вынужденъ оставить занятіе книгопечатаніемъ, то освобождающаяся вакансія замѣщается по усмотрѣнію архіепископа Кентерберійскаго или епископа Лондонскаго, которые по этому предмету должны войти въ соглашеніе съ шестью другими членами Верховной Коммисіи (High Commissioners).

Въ цѣляхъ „лучшаго открытія тайнаго печатанія недозволенныхъ произведеній“ директору и надзирателямъ (Master and Wardens) Компаніи или двумъ собственникамъ типографамъ, по назначенію архіепископа Кентерберійскаго или епископа Лондонскаго, дается „право и власть, взявъ себѣ помощь, какую они признаютъ необходимою, обыскивать дома и лавки (въ какое время они признаютъ нужнымъ), особенно же типографскія заведенія, смотрѣть, что печатается, и требовать цензурнаго дозволенія (license), чтобы видѣть, разрѣшено ли это или нѣтъ, и если нѣтъ, то забирать напечатанное вмѣстѣ съ виновными лицами и представлять ихъ для дальнѣйшихъ распоряженій архіепископу Кентерберійскому или епископу Лондонскому“.

Означеннымъ досмотрщикамъ (searchers) дозволяется также—„если при обыскѣ они найдутъ какую-либо книгу или книги, или часть книги или книгъ, которыя по ихъ предположенію заключаютъ въ себѣ вещи, противныя доктринѣ и дисциплинѣ англійской церкви, или государству, или правительству—забирать, при этомъ подозрѣніи, такія книги и представлять ихъ для дальнѣйшихъ распоряженій указаннымъ лицамъ.

Всѣ книги, привозимыя изъ-за границы, задерживаются на таможнѣ и подлежатъ предварительному разсмотрѣнію архіепископа Кентерберійскаго, епископа Лондонскаго или кого-либо по ихъ назначенію.

Черезъ четыре года послѣ изданія этого декрета поста-

новленіемъ парламента, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Долгаго, Звѣздная Палата была упразднена (въ іюлѣ 1641 года), а вмѣстѣ съ нею утратили силу и всѣ изданные ею въ разное время ордонансы и декреты. Печать освободилась отъ давившихъ ее оковъ и стала быстро развиваться, принимая дѣятельное участіе въ открывшейся борьбѣ между королемъ и парламентомъ [1]. Но это продолжалось недолго, и вскорѣ тотъ же самый Парламентъ, который упразднилъ Звѣздную Палату, принимаетъ цѣлый рядъ мѣропріятій въ смыслѣ ограниченія свободы печати. Въ 1643 году была возстановлена предварительная цензура [2], а въ послѣдующіе годы и многія другія изъ практиковавшихся Звѣздною Палатою мѣръ по отношенію къ печати. Въ 1653 году издается предписаніе, въ силу котораго ни одно политическое извѣстіе или сообщеніе не можетъ быть опубликовано безъ разрѣшенія государственнаго секретаря. Въ 1654 и 1656 годахъ усилено наблюденіе за политическою печатью. Въ эти годы Кромвелевской республики всѣ эти мѣры имѣли цѣли совершенно обратныя тѣмъ, какія преслѣдовались раньше: прежніе гонители обмѣнялись ролями съ гонимыми.

Послѣ реставраціи Стюартовъ печать подверглась новымъ стѣсненіямъ. На этотъ разъ они были облечены въ законную форму: въ 1662 году былъ изданъ парламентскій статутъ, изданіе котораго мотивировано тѣмъ, что, благодаря „общей распущенности послѣднихъ временъ, многія злонамѣренныя лица осмѣлились печатать и распространять книги еретическія и мятежнаго содержанія“. Этотъ статутъ почти цѣликомъ воспроизводитъ содержаніе уже разсмотрѣннаго выше декрета Звѣздной Палаты, изданнаго въ 1637 году. Возстановляя предварительную цензуру, онъ, какъ и прежде, ввѣряетъ обязанности ея различнымъ лицамъ (канцлеру, главнымъ судьямъ, министрамъ и т. д.), смотря по содер-

[1] Въ двадцатилѣтній промежутокъ времени между 1640 г. и реставраціею Стюартовъ появилось до 30.000 политическихъ памфлетовъ и газетъ. Они собраны и переплетены въ 2.000 томовъ, хранящихся въ Британскомъ Музеѣ. Maу. II, 241.

[2] Эта мѣра послужила знаменитому Мильтону основаніемъ выступить съ горячею защитою свободы печати въ памфлетѣ, изданномъ въ 1644 г.: «Areopagitica. For the Liberty of Unlicenced Printing».

жанію предназначающихся къ печати произведеній. Число типографій по-прежнему ограничивается 20-ю; Лондонъ, Оксфордъ, Кембриджъ и, кромѣ того, Іоркъ—четыре города, въ которыхъ разрѣшено книгопечатаніе. Этотъ статутъ примѣнялся съ чрезвычайною жестокостью. Авторы и издатели вредныхъ сочиненій, не говоря уже о тюремномъ заключеніи и огромныхъ штрафахъ, нерѣдко были подвергаемы смертной казни чрезъ повѣшеніе, четвертованію и другимъ мучительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, сочиненія же ихъ сжигались палачомъ.

Статутъ этотъ, извѣстный подъ именемъ Licensing Act, представлялъ собою временную мѣру: онъ былъ изданъ на три года. Но вскорѣ же дѣйствіе его было возстановлено; онъ былъ дважды продленъ до 1679 года. Въ слѣдующемъ году въ оффиціальномъ изданіи („London Gazette“) было объявлено о томъ, что королевскіе судьи признали единогласно, что „король можетъ воспретить печатаніе и распространеніе всѣхъ новыхъ книгъ и вообще всякихъ произведеній печати, не получившихъ предварительнаго разрѣшенія королевской власти“, и что по этому предмету изготовляется королевскій указъ. Появившись въ томъ же 1680 году, онъ вызвалъ горячія нападенія на него въ Парламентѣ. Въ 1685 году прежніе законы о цензурѣ были возстановлены на семь лѣтъ; затѣмъ въ 1692 году еще разъ на два года. Въ 1694 году истекъ срокъ дѣйствія послѣдняго Licensing Act'а, продленіе котораго на новый срокъ встрѣтило на этотъ разъ сильную оппозицію и было отвергнуто Парламентомъ. Съ тѣхъ поръ Англія не знаетъ предварительной цензуры.

Любопытно, что отмѣна цензуры прошла совершенно незамѣченною среди событій сравнительно неважныхъ, сосредоточивавшихъ на себѣ общественное вниманіе того времени. Въ числѣ другихъ текущихъ дѣлъ въ сессію 1694—1695 г. Парламенту предстояло рѣшить вопросъ о продленіи дѣйствія нѣсколькихъ временныхъ статутовъ, среди которыхъ былъ и актъ о цензурѣ. Палата общинъ высказалась противъ его продленія на новый срокъ. Палата лордовъ не согласилась съ этимъ и въ представленный на ея разсмотрѣніе билль внесла поправку, признавъ необхо-

димымъ, рядомъ съ другими временными мѣрами, продлить и дѣйствіе акта о цензурѣ. Общины отвергли эту поправку и назначили изъ среды себя комиссію, которая изготовила для представленія верхней палатѣ записку, излагающую соображенія, побудившія нижнюю палату отвергнуть Licensing Act. „Эта записка“, говоритъ лордъ Маколей, одинъ изъ первыхъ историковъ, обратившихъ на нее должное вниманіе, „показываетъ, какъ далеки были члены палаты общинъ отъ сознанія того, что они дѣлаютъ, какую революцію совершаютъ они, какую силу вызываютъ къ существованію. Всѣ возраженія ихъ противъ статута относятся къ вопросамъ второстепеннымъ. О великомъ принципіальномъ вопросѣ, составляетъ ли свобода печати благодѣяніе для общества или зло, не сказано ни слова. Licensing Act осуждается не потому, чтобы онъ представлялся негоднымъ по существу своему, а потому, что онъ влечетъ за собою рядъ мелкихъ неудобствъ и затрудненій, торговыя стѣсненія, вмѣшательство въ личную свободу. Онъ объявляется вреднымъ потому, что даетъ возможность компаніи привилегированныхъ типографовъ (Company of Stationers) вымогать деньги у издателей, потому, что онъ уполномочиваетъ правительственныхъ агентовъ производить домовые обыски на основаніи такъ называемыхъ general warrats (т. е. общихъ, безъ обозначенія лицъ, предписаній), потому, что онъ ограничиваетъ иностранную книжную торговлю однимъ лондонскимъ портомъ, потому, что онъ такъ долго задерживаетъ на таможнѣ цѣнные тюки съ книгами, что онѣ, наконецъ, портятся отъ сырости. Общины жалуются, далѣе, на неопредѣленность платежей, которые можетъ требовать цензоръ; на то, наконецъ, что актъ подъ угрозой отвѣтственности воспрещаетъ таможеннымъ чиновникамъ открывать пришедшій изъ-за границы ящикъ съ книгами иначе, какъ въ присутствіи одного изъ цензоровъ. „Какимъ же образомъ, спрашиваетъ записка, чиновникъ можетъ знать, что въ данномъ ящикѣ книги, прежде чѣмъ онъ откроетъ его?“ Вотъ аргументы, выдвинутые общинами противъ акта о цензурѣ (редакцію изложенной записки приписываютъ знаменитому философу Джону Локку). При вторичномъ разсмотрѣніи билля, палата лордовъ не протестовала противъ рѣшенія нижней палаты

и вопросъ о продленіи акта о цензурѣ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Съ отмѣною цензуры одно за другимъ стали возникать новыя періодическія изданія; сильное развитіе получили также брошюры и памфлеты. Но не только въ количественномъ, матеріальномъ отношеніи оказались благіе результаты исчезновенія цензуры. Послѣдствіемъ его явилось повышеніе нравственнаго уровня печати. Маколей, говоря объ отмѣнѣ цензуры, имѣвшей мѣсто въ срединѣ царствованія Вильгельма III, между прочимъ обращаетъ вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что нападки на короля и его правительство во вторую половину его царствованія были гораздо менѣе рѣзки и злобны, чѣмъ въ первую половину его. Причину этого онъ видитъ въ томъ, что печать, несвободная въ первую половину царствованія Вильгельма III, во вторую стала свободною. Пока существовала цензура, ни одно произведеніе, порицающее—хотя бы въ самыхъ умѣренныхъ и приличныхъ выраженіяхъ—образъ дѣйствій какой-либо отрасли управленія, не могло появиться въ печати съ одобреніемъ цензора. Печатать же такое произведеніе безъ разрѣшенія цензуры было противозаконно. Такимъ образомъ, наиболѣе почтенные и умѣренные представители оппозиціи, не будучи въ состояніи оглашать свои взгляды законнымъ путемъ и не считая себя въ правѣ или не рѣшаясь прибѣгать къ способу незаконному, уступили мѣсто другимъ, предоставивъ критику дѣйствій администраціи или упорнымъ фанатикамъ своихъ идей, или грубымъ и невѣжественнымъ наемнымъ писакамъ. Въ результатѣ, люди честные, умѣренные и здравомыслящіе являлись лишь рѣдкими исключеніями среди писавшихъ противъ правительства. „Да и привычка писать противъ правительства“, замѣчаетъ Маколей, „сама по себѣ имѣетъ вредное вліяніе. Ибо у того, кто привыкъ писать противъ правительства, входитъ въ привычку нарушеніе закона; а привычка нарушать хотя и безсмысленный законъ способна развивать въ людяхъ полнѣйшее беззаконіе. Какъ бы ни былъ нелѣпъ таможенный тарифъ, контрабандистъ есть все-таки мошенникъ“.

Эмансипація печати произвела благотворную перемѣну:

„лучшіе и даровитые люди въ рядахъ оппозиціи, говоритъ Маколей, принялись за дѣло, которое до того времени было предоставлено людямъ безпринципнымъ или горячимъ головамъ. Брошюры противъ правительства стали писаться стилемъ, никого не шокирующимъ, и даже произведенія болѣе горячаго класса недовольныхъ стали значительно менѣе рѣзкими, чѣмъ въ дни цензуры". Нравственный уровень печати поднялся, и это, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ взглядовъ большого количества образованныхъ людей, передъ которыми выступало и хорошее, и дурное, и которые были свободны выбирать между тѣмъ и другимъ.

Но, несмотря на уничтоженіе предварительной цензуры, англійской печати пришлось пережить еще долгій періодъ разнаго рода стѣсненій, прежде чѣмъ окончательно установились современныя условія ея свободы на началахъ репрессивной системы. Правда, принципіально, теоретически свобода ея была признана уже самымъ фактомъ упраздненія цензуры: каждый могъ предпринять любое изданіе безъ всякаго на то разрѣшенія, каждый былъ свободенъ печатать, что ему угодно. Но на практикѣ эта свобода подлежала значительнымъ ограниченіемъ, которыя нерѣдко совершенно парализовали ее. Ограниченія эти имѣли характеръ репрессивный и состояли, главнымъ образомъ, въ различныхъ мѣрахъ преслѣдованія, которыя, вслѣдствіе своей неопредѣленности, давали широкій просторъ произволу и нерѣдко ставили печать въ условія, въ высшей степени стѣснительныя.

Наиболѣе стѣснительнымъ для печати условіемъ являлись уголовные законы о пасквилѣ (такъ называемые laws of libel) и порядокъ судопроизводства по дѣламъ печати. Дѣло въ томъ, что понятіе пасквиля, libel, было въ высшей степени неопредѣленно, туманно, шатко и допускало чрезвычайно широкій произволъ въ толкованіи его. Даже такое компетентное лицо, такой знатокъ англійскаго права, какъ старшій Питтъ, говорилъ: „что касается до меня, то я никогда не могъ понять, что̀ такое пасквиль".

При такой непредѣленности этого понятія, враги печати пользовались имъ крайне широко и дѣлали изъ него

орудіе ея преслѣдованія. Жертвою этого преслѣдованія являлась, главнымъ образомъ, мелкая литература политическихъ памфлетовъ и брошюръ и, особенно, періодическая печать, получившая сильное развитіе съ начала XVIII вѣка. Быстро росло ея вліяніе среди различныхъ классовъ общества и она вскорѣ сдѣлалась однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій борьбы между партіями. Каждая изъ нихъ, видя все болѣе и болѣе растущее значеніе печати, старалась обезпечить за собою поддержку въ ней и имѣла своихъ писателей, служившихъ ея интересамъ. На почвѣ взаимной борьбы враждовавшихъ между собою партій и выросла та система преслѣдованій печати, которая господствовала въ теченіе всего XVIII столѣтія и выразилась въ длинномъ рядѣ уголовныхъ процессовъ, оканчивавшихся обыкновенно примѣненіемъ жестокихъ каръ. Пользуясь неопредѣленностью и шаткостью закона, господствующая партія преслѣдовала своихъ противниковъ путемъ обвиненія ихъ въ пасквилѣ.

Помимо неопредѣленности этого понятія, два обстоятельства являлись главными причинами того произвола и жестокости, съ которыми велись эти преслѣдованія. Во 1-хъ, присяжные не имѣли права рѣшать вопросъ о виновности лица, обвиняемого въ пасквилѣ, а должны были ограничиваться лишь констатированіемъ факта опубликованія его обвиняемымъ, рѣшеніе же вопроса о виновности принадлежало судьямъ. Во 2-хъ, лицо, обвиняемое въ клеветѣ, не имѣло права доказывать справедливость и достовѣрность тѣхъ фактовъ, которые опубликованы имъ и которые служили къ обвиненію его въ клеветѣ.

Таковы тѣ двѣ аномаліи, съ которыми въ теченіе долгаго времени боролись лучшіе юристы и политическіе дѣятели Англіи. И много усилій было приложено къ тому, чтобы устранить ихъ изъ англійскаго права. Наиболѣе вѣскіе доводы въ пользу расширенія компетенціи присяжныхъ развиты были Эрскиномъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ адвокатовъ Англіи. Ему пришлось выступить, въ качествѣ защитника, во многихъ важныхъ литературныхъ процессахъ въ реакціонный періодъ царствованія Георга III. Рѣчи его до сихъ поръ считаются образцами и авторитет-

ными комментаріями вопросовъ судопроизводства по дѣламъ печати. Особенно памятною является рѣчь Эрскина въ процессѣ Стокдэля: по отзыву лорда Кэмпбелля, это „лучшая рѣчь, когда-либо произнесенная съ адвокатской каѳедры и навсегда упрочившая свободу печати въ Англіи".

Сторонники доктрины, ограничивавшей функціи присяжныхъ, находили, что во всякомъ уголовномъ процессѣ о „лайбелѣ" судья долженъ ставить три вопроса: 1) дѣйствительно ли подсудимый опубликовалъ инкриминируемое произведеніе; 2) являются ли доказанными тѣ намеки и утвержденія, на которыхъ строится обвиненіе; 3) есть ли это лайбель, или нѣтъ и, слѣдовательно, виновенъ ли въ преступленіи подсудимый. Первые два вопроса подлежатъ рѣшенію присяжныхъ; послѣдній — судьи, какъ вопросъ права, а не факта. Далѣе признавалось, что разъ данныя слова и выраженія, взятыя помимо всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, будучи прочитаны судьею, признаются оскорбительными, они составляютъ преступленіе per se, и всѣ побочныя обстоятельства, хотя бы они и были доказаны, могутъ явиться, самое большее — смягчающимъ обстоятельствомъ, до котораго присяжнымъ нѣтъ дѣла. На эти соображенія Эрскинъ возражалъ, что о виновности подсудимаго нельзя судить по отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, выбраннымъ изъ произведенія и занесеннымъ въ обвинительный актъ, что эти слова не могутъ быть признаваемы оскорбительными до тѣхъ поръ, пока не выяснятся всѣ побочныя обстоятельства и общій смыслъ и значеніе инкриминируемаго произведенія. Если они основательны, добросовѣстны и приличны, подсудимый долженъ быть оправданъ. Лайбель, какъ рядъ оскорбительныхъ выраженій, по мнѣнію Эрскина, не можетъ, какъ и рана на тѣлѣ, быть признаваемъ преступленіемъ per se, пока не будутъ выяснены всѣ обстоятельства, показывающія намѣреніе. Рана на тѣлѣ можетъ явиться вслѣдствіе самозащиты или желанія предупредить какое-либо другое преступленіе: точно также и слова, смотря по ихъ объекту и намѣренію, времени, мѣсту, обычаямъ и другимъ обстоятельствамъ, могутъ быть признаны соотвѣтственными и достойными уваженія. Выясненіе и оцѣнка обстоятельствъ, сопровождающихъ нанесеніе раны

и произнесеніе извѣстныхъ словъ, не могутъ быть признаваемы вопросами права, которые выдаетъ судья. Это — вопросы, подлежащіе разрѣшенію присяжныхъ, которымъ должно принадлежать рѣшеніе вопроса не только о фактѣ опубликованія обвиняемымъ инкриминируемаго произведенія, но и вопросъ о томъ, есть ли это—преступленіе и виновно ли въ немъ лицо, опубликовавшее данное произведеніе.

Эти доводы наконецъ восторжествовали и были положены въ основаніе Libel Act'a 1792 г., проведеніе котораго въ парламентѣ составляетъ заслугу Фокса (по имени его этотъ актъ часто называется Fox's Act). Законъ этотъ окончательно установилъ за присяжными право рѣшать вопросы не только о фактѣ опубликованія инкриминируемаго произведенія, но и объ общемъ смыслѣ его и намѣреніи подсудимаго, а слѣдовательно и общій вопросъ о виновности.

Изданіемъ акта 1792 г. закончился процессъ развитія свободы печати, упрочившейся не съ отмѣною цензуры въ концѣ XVII вѣка, какъ это нерѣдко утверждаютъ, а столѣтіемъ позднѣе, когда дано было правильное рѣшеніе вопроса о компетенціи присяжныхъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ печати. Какое важное значеніе придается въ Англіи именно роли суда присяжныхъ въ этой области, видно изъ слѣдующаго положенія, высказаннаго главнымъ судьею лордомъ Кеніономъ при разсмотрѣніи одного литературнаго процесса. „Сущность вопроса о свободѣ печати, говорилъ онъ, очень проста, если отбросить отъ нея всевозможныя словесныя украшенія, и всякій здравомыслящій человѣкъ легко поймете ее. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что каждый можетъ огласить въ печати все, чего двѣнадцать его согражданъ не считаютъ предосудительнымъ, и съ другой стороны— что подлежитъ наказанію всякій, оглашающій то, что въ глазахъ присяжныхъ является предосудительнымъ".

Что касается до второго изъ указанныхъ недостатковъ англійскаго права, то онъ былъ устраненъ еще позднѣе, уже въ царствованіе королевы Викторіи. Въ 1843 году изданъ, по предложенію лорда Кемпбелля, актъ „въ цѣляхъ болѣе дѣйствительнаго обезпеченія свободы печати и въ видахъ лучшаго предупрежденія злоупотребленій въ пользованіи этой свободой". Въ силу этого акта, лицо, обвиняемое въ

клеветѣ, можетъ въ защиту свою представить доказательство справедливости тѣхъ обстоятельствъ, которыя составляютъ предметъ обвиненія, а также и того, что эти обстоятельства опубликованы имъ въ интересахъ общественной пользы. Если ему удастся убѣдить присяжныхъ въ этомъ, онъ получаетъ оправдательный вердиктъ; въ противномъ же случаѣ, онъ подлежитъ установленнымъ наказаніямъ.

Въ теченіе долгаго времени въ Англіи практиковались нѣкоторыя второстепенныя ограничительныя мѣры, затруднявшія развитіе прессы, особенно періодической печати; таковы — штемпельный сборъ, залоги и налогъ на объявленія.

Штемпельный сборъ (Stamp duty), которому подлежали періодическія изданія, былъ установленъ впервые въ царствованіе королевы Анны въ 1712 году. Позднѣе размѣръ его былъ увеличенъ до 4-хъ пенсовъ съ каждаго нумера и экземпляра газеты, такъ что сборъ этотъ представлялъ собою очень тяжкій налогъ. Цѣлью его было отчасти доставить казнѣ лишній источникъ дохода, отчасти же парализовать развитіе дешевой періодической прессы. Между тѣмъ, по мѣрѣ успѣховъ общественнаго и политическаго развитія, потребность въ общедоступныхъ повременныхъ изданіяхъ чувствовалась все болѣе и болѣе и вызвала къ существованію обширную литературу въ видѣ разныхъ мелкихъ изданій и брошюръ, въ которыхъ печатались сообщенія и разсужденія о политическихъ вопросахъ. Они до извѣстной степени замѣняли собою періодическія изданія и получили широкое распространеніе среди менѣе состоятельныхъ классовъ населенія. Чтобы положить предѣлъ развитію этой, неоплачиваемой штемпельнымъ сборомъ, литературы, въ 1820 году парламентскій актъ распространилъ штемпельный сборъ и на брошюры и, вообще, на всѣ мелкія изданія, не превышающія объемомъ своимъ двухъ печатныхъ листовъ, или продаваемыя не дороже 6 пенсовъ за экземпляръ. Но потребность въ дешевыхъ и общедоступныхъ изданіяхъ была черезчуръ велика: несмотря на принятыя мѣры и строгость преслѣдованія за ихъ нарушеніе, контрабандныя изданія, т. е. такія, которыя выпускались безъ уплаты штемпельнаго сбора, получали все большее и большее развитіе. Особенно

сильное распространеніе контрабандная печать получила въ эпоху первой парламентской реформы (1832 года), когда появилось множество дешевыхъ и неоплаченныхъ штемпельнымъ сборомъ газетъ, предназначенныхъ для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Несмотря на усиленныя преслѣдованія, сопровождавшіяся уголовными наказаніями и тяжелыми штрафами (въ пятилѣтній промежутокъ между 1831 и 1835 гг. было 728 случаевъ такого рода преслѣдованій и около 500 случаевъ тюремнаго заключенія), явленіе это продолжало упорно развиваться. Въ концѣ концовъ законодательство было вынуждено уступить народившейся потребности, и въ 1836 году размѣръ штемпельнаго сбора былъ пониженъ до одного пенса, а въ 1855 г. этотъ сборъ былъ окончательно отмѣненъ.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху реакціоннаго направленія, вызваннаго событіями французской революціи, былъ установленъ рядъ полицейскахъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью, съ одной стороны, увеличить контроль за періодической прессой, съ другой—поставить новую преграду ея развитію. Въ силу акта 1798 года, издатели газетъ обязаны были представить залогъ въ размѣрѣ 400 фунт. ст. (въ нѣкоторыхъ случаяхъ—300 ф. ст.); мотивомъ къ этому выставлена была необходимость гарантировать уплату денежныхъ штрафовъ, вознагражденія за убытки и другія издержки по могущимъ возникнуть процессамъ. Въ 1820 году внесеніе залоговъ, въ размѣрѣ 300 фун. (въ нѣкоторыхъ случаяхъ—200 ф. ст.) было установлено и для издателей брошюръ и вообще мелкихъ изданій, не свыше двухъ печатныхъ листовъ. Издатель газеты обязанъ былъ, далѣе, подъ страхомъ штрафа въ размѣрѣ 50 ф. ст. за каждый просроченный день, представить въ главное штемпельное управленіе письменное объявленіе, заключающее въ себѣ точное названіе газеты, указаніе типографіи, гдѣ она печатается и выдается, а также имена, званія и мѣста жительства типографщика, редактора и издателя. Въ концѣ каждаго нумера, подъ страхомъ штрафа въ размѣрѣ 20 ф. ст., должны быть указаны имя, фамилія, званіе и адресъ типографщика и издателя, мѣсто изданія и дата выпуска. Указаніе типографіи и представленіе одного экземпляра въ теченіе закономъ опредѣленнаго

срока предписывается подъ страхомъ штрафа въ размѣрѣ 100 ф. ст. Залоги были отмѣнены въ 1869 году.

Налогъ на объявленія былъ установленъ въ 1714 г., одновременно со штемпельнымъ сборомъ; каждое объявленіе печатаемое въ газетахъ, облагалось сборомъ въ 1 шиллингъ. Въ 1757 году размѣръ этого сбора былъ удвоенъ, а въ 1804 г. налогъ на объявленія опредѣленъ былъ въ 3½ шиллинга съ каждаго. Въ 1833 г. размѣръ его пониженъ до 1½ шил., а въ 1853 г. состоялась отмѣна этого налога.

Значительнымъ тормозомъ въ развитіи періодической печати и, особенно, дешевой прессы являлся налогъ на бумагу, который былъ отмѣненъ лишь въ 1861 году, благодаря настояніямъ Гладстона.

Съ отмѣною указанныхъ ограничительныхъ мѣръ въ Англіи установилась въ чистомъ видѣ репрессивная система, въ основѣ которой лежитъ свобода печати, въ предѣлахъ, указываемыхъ общими началами гражданской и уголовной отвѣтственности за преступленія и проступки, совершаемые путемъ печати. Изъ числа предупредительныхъ мѣръ сохраняются лишь тѣ, которыя имѣютъ своею цѣлью обезпечить возможность судебнаго преслѣдованія въ случаѣ совершенія путемъ печати какого-либо преступленія. Таковы постановленія объ обязанности издателей обозначать на всѣхъ произведеніяхъ печати (какъ на книгахъ, такъ и на періодическихъ изданіяхъ) имя и мѣстожительство типографа, а также объ обязанности содержателей типографій сохранять письменныя свѣдѣнія объ именахъ и мѣстожительствѣ ихъ заказчиковъ.

Очеркъ исторіи полиціи печати во Франціи.

Въ предшествующемъ изложеніи упомянуто о декларациіи Людовика XII (въ 1513 г.), предоставлявшей нѣкоторыя привилегіи лицамъ, занимающимся промысломъ книгопечатанія, въ виду тѣхъ благъ, которыя приноситъ это „божественное“ искусство. Но вскорѣ отношеніе правительства къ печати измѣнилось. Сознаніе пользы отъ нея какъ бы стушевалось, въ ней стали видѣть опасное орудіе вреда для общества. Произведенія печати начали все болѣе и болѣе

являться предметомъ усиленнаго надзора и строгихъ преслѣдованій. Это произошло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ реформаціи. Новыя религіозныя доктрины быстро распространялись, не замедливъ проникнуть и во Францію. Здѣсь онѣ встрѣтили рѣзкій отпоръ: представители ихъ стали жертвою самыхъ ужасныхъ преслѣдованій. Изыскивая различныя мѣры борьбы съ новымъ ученіемъ, нѣкоторые ожесточенные враги его пришли даже къ мысли о необходимости уничтожить во Франціи книгопечатаніе. Въ этомъ смыслѣ въ 1533 году представлена была Франциску I петиція, авторы которой старались доказать вредъ „еретическихъ книгъ“ и убѣдить его, что „если онъ хочетъ спасти потрясаемую со всѣхъ сторонъ религію, то безусловно необходимо, путемъ изданія строгаго эдикта, уничтожить навсегда во Франціи искусство книгопечатанія, благодаря которому ежедневно является масса книгъ, столь пагубныхъ для нея“. Отъ рѣшимости послѣдовать этому совѣту король былъ удержанъ доводами людей болѣе спокойныхъ и благоразумныхъ, доказывавшихъ, что и „сохранивъ это столь драгоцѣнное искусство, онъ можетъ принять дѣйствительныя мѣры къ устраненію злоупотребленій, составляющихъ предметъ вполнѣ основательныхъ жалобъ“.

Важнѣйшею изъ этихъ мѣръ является предварительная цензура, которая принадлежала въ то время Парижскому Университету. Это учрежденіе въ теченіе долгаго періода времени сосредоточивало въ своихъ рукахъ главный надзоръ за книгопечатаніемъ и книжной торговлей.

Происхожденіе правъ Университета въ этомъ отношеніи слѣдуетъ искать еще задолго до изобрѣтенія книгопечатанія. Какъ извѣстно, потребности умственной жизни уже въ XI и XII вв. вызвали къ существованію рукописную литературу. Сочиненія классическихъ и современныхъ писателей распространялись въ манускриптахъ, изготовленіе которыхъ мало-по-малу приняло большіе размѣры, получивъ характеръ настоящаго промысла. Все болѣе и болѣе развивавшееся производство рукописей, въ связи съ усиленіемъ спроса на нихъ, породило мало-по-малу новый промыслъ—торговлю ими, явились книгопродавцы, существованіе которыхъ въ Парижѣ уже въ началѣ XIII-го вѣка предста-

вляется несомнѣннымъ. Университетъ былъ главнымъ, даже единственнымъ средоточіемъ умственной жизни того времени, а потому вполнѣ естественно, что близъ него пріютились книгопродавцы, одною изъ главныхъ задачъ которыхъ было снабжать учащихся въ Университетѣ необходимыми руководствами.

Уже въ концѣ XIII вѣка королевскій ордонансъ (Филиппа Смѣлаго, въ 1275 г.), ставитъ книгопродавцевъ въ зависимость отъ Университета, а ихъ дѣятельность—подъ ближайшій контроль его. На основаніи предоставленной ему власти, Университетъ въ теченіе XIII и XIV вв. издаетъ рядъ статутовъ, которые регулируютъ отношенія книгопродавцевъ къ Университету, излагаютъ ихъ обязанности и вообще регламентируютъ дѣло книжной торговли. Въ ряду постановленій этихъ статутовъ особенно любопытными являются мѣры, установившія своего рода предварительную цензуру. Дѣло въ томъ, что нерѣдко переписчиками были люди недостаточно образованные, вслѣдствіе чего рукописи бывали переполнены массою ошибокъ, а иногда и существенныхъ искаженій текста. Въ интересахъ устраненія этого зла, Университетъ уже въ 1323 году воспрещаетъ книгопродавцамъ пускать въ обращеніе экземпляры, не провѣренные и не исправленные предварительно университетскими властями. Кромѣ того, ректору предоставляется объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобы, если кто-либо найдетъ искаженные экземпляры, эти послѣдніе приносились къ ректору для соотвѣтственнаго исправленія или уничтоженія ихъ и для наказанія книгопродавца, у котораго они оказались. Благодаря этимъ мѣрамъ, а также въ силу позднѣйшихъ статутовъ, установился общій порядокъ, по которому рукописи могутъ поступать въ обращеніе не иначе, какъ послѣ предварительнаго просмотра, исправленія и одобренія ихъ соотвѣтственнымъ факультетомъ Университета.

Право предварительнаго просмотра рукописей, принадлежавшее Университету въ теченіе ряда столѣтій, впослѣдствіи, когда начались преслѣдованія печати, превратилось въ право предварительной цензуры. Въ половинѣ XVI-го вѣка Парижскій Университетъ издаетъ регламентъ, воспрещающій всѣмъ типографамъ Франціи издавать книги

иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго увѣдомленія ректора и декановъ факультета; ректоръ избираетъ изъ состава каждаго факультета двухъ преподавателей, на которыхъ и возлагается обязанность просмотра и цензурованія новыхъ книгъ, каждаго по предметамъ его спеціальности.

Дѣятельную роль въ области полиціи печати [1]) Парижскій Университетъ сохранялъ до начала XVII-го вѣка, когда предварительная цензура была передана въ руки правительственныхъ органовъ. Въ 1624 году королевскій указъ предоставляетъ Университету лишь право просмотра книгъ богословскаго содержанія, назначая для этого четырехъ докторовъ богословскаго факультета и возлагая на нихъ отвѣтственность за одобреніе. Цензура остальныхъ произведеній печати была поручаема особымъ лицамъ. Назначеніе ихъ было предоставлено (ордон. 1629 г., Code Michaud) канцлеру, который поручаетъ просмотръ новыхъ произведеній въ рукописяхъ лицамъ, по его мнѣнію, наиболѣе компетентнымъ, смотря по предмету и содержанію книги. Эти лица не были, однако, постоянными цензорами: они исполняли, такъ сказать, порученія канцеляра, дававшаго ихъ каждый разъ въ видѣ спеціальнаго приказа.

Учрежденіе же постоянныхъ цензоровъ, правильнаго института „censeurs royaux“ относится лишь къ началу XVIII-го вѣка (въ 1714 г.). Несмотря, однако, на принятыя мѣры, нерѣдко появлялись печатныя произведенія безъ дозволенія, вслѣдствіе чего мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ зако-

---

[1] Вотъ перечень важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ, относящихся къ этой области: 1) декларація Генриха II (1547 г.), обязывающая въ началѣ каждой книги выставлять имена и мѣстожительства автора и типографа; 2) ордонансъ Карла IX (1566 г.), извѣстный въ исторіи подъ названіемъ Ordonnance de Moulins, воспрещающій печатаніе книгъ безъ предварительнаго разрѣшенія и особыхъ lettres de privilege за государственною печатью; 3) ордонансъ Карла IX (1571 г.), повелѣвающій, сверхъ прежнихъ предписаній, выставлять на произведеніяхъ печати сертификатъ лицъ, просматривавшихъ ихъ; 4) ордонансъ Генриха III (1587 г.), предоставляющій ректору Университета право осмотра книжныхъ лавокъ и изъятія изъ продажи книгъ вредныхъ (mauvais livres), преимущественно въ религіозномъ отношеніи, которыя должны быть передаваемы синдику богословскаго факультета.

нодательныхъ предписаній, возобновлявшихъ воспрещеніе издавать книги безъ одобренія цензуры. Въ 1723 году былъ изданъ весьма подробный регламентъ (Réglement pour la librairie et imprimerie de Paris), представляющій собою цѣлый кодексъ законоположеній о книжной торговлѣ и книгопечатаніи. Малѣйшія подробности названныхъ профессій предусмотрѣны и регламентированы этимъ кодексомъ, сохранявшимъ свое дѣйствіе въ теченіе всего XVIII-го вѣка. Между прочимъ, рядъ статей этого регламента воспроизводитъ прежнія постановленія о печати. Ни одно произведеніе печати не можетъ быть издано и распространяемо иначе, какъ по полученіи предварительнаго дозволенія, съ приложеніемъ большой печати (lettres scellées du grand sceau); дозволеніе же это можетъ быть выдано лишь по представленіи канцлеру рукописнаго или печатнаго экземпляра и по одобреніи королевскими цензорами. Это требованіе было обязательно и для мелкой прессы (такъ назыв. feuilles volantes et fugitives), а также для брошюръ, объемомъ не свыше 2-хъ печатныхъ листовъ, съ тою разницей, что здѣсь требовалось дозволеніе отъ высшаго полицейскаго начальства (lieutenant-général de police), которое избирало особыхъ компетентныхъ лицъ для просмотра этихъ произведеній. Въ составѣ подлежащаго вѣдѣнію канцлера управленія находилось особое Bureau pour les affaires de librairie, директоръ котораго имѣлъ по отношенію ко всѣмъ произведеніямъ печати самыя неограничныя полномочія. Онъ былъ главнымъ руководителемъ предварительной цензуры какъ отдѣльныхъ книгъ, такъ и періодическихъ изданій [1].

Не останавливаясь на разсмотрѣніи отдѣльныхъ узаконеній о печати, весьма многочисленныхъ въ теченіе XVIII столѣтія, отмѣтимъ наиболѣе характерныя черты,

[1] По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1742 году, число «королевскихъ цензоровъ» доходило въ то время до 78. По каждой отрасли существовало опредѣленное число цензоровъ: изъ 78 цензоровъ, дѣйствовавшихъ въ 1742 г., для цензуры богословскихъ сочиненій было 10 лицъ, для юридическихъ книгъ — также 10, и т. д.; наибольшее число цензоровъ было для изящной словесности (belles-lettres) — 35 чел. Въ 1774 году общее число цензоровъ доходитъ до 119, изъ которыхъ около половины (53 ч.) занимались цензурой произведеній изящной словесности.

изъ которыхъ слагалась въ то время система полиціи печати. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать общія воспрещенія печатать и распространять произведенія печати, признававшіяся вредными по тѣмъ или другимъ соображеніямъ. То это воспрещеніе касается произведеній, „противныхъ религіи и папскимъ буллamъ, уваженію къ папѣ, епископамъ и королевской власти“, а также сочиненій „клонящихся къ нарушенію государственнаго спокойствія или къ порчѣ нравовъ подданныхъ“ (декларація 1728 г.); то запрещается составлять, издавать и распространять произведенія, касающіяся „споровъ о взаимныхъ отношеніяхъ между духовной и свѣтской властью“ (указъ королевскаго совѣта 1731 г.). За нарушеніе этихъ и другихъ предписаній угрожаютъ строгія наказанія, въ видѣ изгнанія изъ предѣловъ королевства, осужденія на галеры и т. под. А одна изъ декларацій половины XVIII ст. (1757 года) объявляетъ смертную казнь „всѣмъ, кто будетъ уличенъ въ составленіи и печатаніи сочиненій, заключающихъ въ себѣ нападки на религію или клонящихся къ возбужденію умовъ, оскорбленію королевской власти и колебанію порядка и спокойствія государства“. Иногда воспрещенію подвергались даже книги, получившія требуемое дозволеніе. Такъ было, напр., съ знаменитою Энциклопедіей Дидро и д'Аламбера. Уже послѣ того, какъ появились первые два тома ея, былъ изданъ указъ королевскаго совѣта (Arrêt du Conseil), воспретившій какъ новое изданіе и перепечатку этого произведенія, такъ и продажу оставшихся экземпляровъ; указъ угрожаетъ издателямъ штрафомъ въ 1000 ливровъ, а типографамъ и книгопродавцамъ воспрещеніемъ заниматься этими промыслами. Въ періодъ времени между 1711 и 1775 г.г. насчитываютъ 364 воспрещенія различныхъ произведеній печати. До 1752 года наибольшее число запрещеній падаетъ на книги богословскаго содержанія. Въ слѣдующемъ періодѣ книги философскаго содержанія составляютъ наибольшій контингентъ запрещенія. Наконецъ, съ 1770 года всего чаще преслѣдуются книги политическаго содержанія.

Руководимая въ своей дѣятельности началами полицейской регламентаціи, королевская власть не ограничивалась контролемъ за внутреннимъ содержаніемъ произве-

деній печати, но иногда вмѣшивалась и въ чисто внѣшнія условія печатнаго дѣла. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ указъ королевскаго совѣта 1725 года. Онъ требуетъ, чтобы дозволеніе печатать новыя или переиздавать уже напечатанныя ранѣе книги выдавалось не иначе, какъ по представленіи образца бумаги и шрифта (épreuve du papier et des caractères), которыми проситель желаетъ пользоваться; онъ обязанъ представить два напечатанные экземпляра листа, которые должны быть одобрены министромъ юстиціи: одинъ изъ нихъ прикрѣпляется къ выдаваемому разрѣшенію, другой представляется въ синдикальную палату, гдѣ сказанное разрѣшеніе регистрируется съ тѣмъ, чтобы служить образцомъ, съ которымъ сличается все изданіе въ присутствіи представителя отъ министра юстиціи: всѣ экземпляры, несогласные съ образцами, арестуются и конфискуются, а виновный подвергается, сверхъ того, штрафу въ размѣрѣ 1000 ливровъ. Тотъ же указъ обязываетъ типографовъ и книгопродавцевъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы издаваемыя ими книги были „безусловно безъ ошибокъ (absolument correctes), подъ страхомъ: a) конфискаціи тѣхъ, по отношенію къ которымъ очевидна небрежность корректуры, и b) отнятія разрѣшенія и привилегій у тѣхъ, кто окажется виновнымъ въ такомъ проступкѣ [1].

Въ заключеніе очерка полиціи печати въ до-революціонной Франціи нельзя не отмѣтить еще одной черты ея, а именно ограниченія числа типографій въ интересахъ большой легкости контроля за печатью. Впервые эта мѣра предпринята была по отношенію къ Парижу въ 1686 году, когда число типографій тамъ было ограничено 36-ю. Въ началѣ XVIII-го столѣтія (въ 1704 г.) эта мѣра была распространена на все королевство: въ 210 городахъ, имѣвшихъ свои типографіи, число ихъ было ограничено 278-ю (впослѣдствіи,

[1] Во избѣжаніе злоупотребленія довѣріемъ публики, этотъ указъ разрѣшаетъ открытіе подписокъ лишь для значительныхъ сочиненій (ouvrages considérables), которыя не могутъ быть напечатаны безъ этой помощи, и, притомъ, лишь съ согласія министра юстиціи, если эти сочиненія, въ цѣломъ, будутъ одобрены цензоромъ; это дозволеніе облекается въ письменную форму за подписью и печатается на особомъ листкѣ (prospectus), въ которомъ обозначаются условія изданія, порядокъ выхода и т. д.

въ 1739 г.: эта мѣра была пересмотрѣна, число типографій въ тѣхъ же 210 городахъ ограничено было 250-ю). Ограниченіе числа типографій опредѣленнымъ количествомъ просуществовало до 1792 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ первая революція разрушила основы стараго порядка, Франціи пришлось пережить длинный рядъ политическихъ переворотовъ, изъ которыхъ каждый сопровождался болѣе или менѣе значительной ломкой ея политическихъ и общественныхъ учрежденій. Менѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе, Франція находилась поперемѣнно подъ режимомъ одиннадцати конституцій, представляющихъ собою значительное разнообразіе въ степени устойчивости: продолжительность ихъ существованія колеблется между нѣсколькими мѣсяцами и 32-мя годами (нынѣшняя, третья республика). Эта безпрестанная смѣна режимовъ рѣзко отражалась, между прочимъ, и на положеніи печати, значеніе которой представлялось для нихъ всѣхъ одинаково весьма существеннымъ. Сообразно съ характеромъ того или другого режима измѣнялось и положеніе печати: временами она находилась въ условіяхъ полной свободы отъ всякихъ предупредительно-полицейскихъ мѣръ, временами же считали нужнымъ возстановлять въ полной силѣ систему предварительной цензуры и другія предупредительныя мѣры. Въ результатѣ всего этого, за періодъ отъ первой революціи и до настоящаго времени, накопилось огромное, по своимъ размѣрамъ, собраніе законодательныхъ и административныхъ распоряженій по дѣламъ о печати.

Съ первыхъ же дней революціи произнесенъ былъ приговоръ прежней предупредительной системѣ печати и объявлена была полная свобода ея. „Декларація правъ человѣка и гражданина“ (26 августа 1789 г.) въ слѣдующихъ выраженіяхъ формулируетъ ее: „свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ правъ человѣка; а потому каждый гражданинъ можетъ свободно говорить, писать и печатать, лишь подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленіе этою свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ (ст. 11). Воспроизводя эту статью декларації, конституція 1791 года въ числѣ другихъ „правъ естественныхъ и гражданскихъ“ гарантируетъ и „свободу

всякаго говорить, писать, печатать и публиковать свои мысли безъ того, чтобы онѣ подлежали какой-либо цензурѣ или надзору до ихъ опубликованія".

Установивъ эту общую гарантію свободы печати, конституція 1791 года опредѣляетъ и границы этой свободы, перечисляя въ одной изъ статей тѣ случаи, въ которыхъ должно быть возбуждаемо судебное преслѣдованіе. Возбужденіе къ неповиновенію закону, оскорбленію установленныхъ властей, сопротивленію дѣйствіямъ ихъ, возбужденіе къ какимъ-либо дѣяніямъ, которыя законъ объявляетъ преступленіями, клевета по отношенію къ должностнымъ лицамъ, наконецъ, оскорбленіе частныхъ лицъ, — таковы тѣ преступленія печати, которыя влекутъ за собою судебное преслѣдованіе и соотвѣтственныя наказанія. Далѣе, постановлено было, что дѣла, возбуждаемыя по обвиненію въ преступленіяхъ, совершаемыхъ путемъ печати, подлежатъ вѣдѣнію суда присяжныхъ, рѣшенію которыхъ принадлежитъ какъ вопросъ о томъ, есть ли на-лицо преступленіе въ инкриминируемомъ произведеніи, такъ и вопросъ о виновности преслѣдуемаго.

Таковы основныя черты новой репрессивной системы, подъ дѣйствіемъ которой печать, свободная отъ прежнихъ стѣсненій, стала быстро развиваться: въ одномъ 1789 году появилось до 250 періодическихъ изданій, а въ слѣдующемъ году число ихъ возросло до 350-ти. Но недолго просуществовали указанныя условія, обезпечивавшія одинаково какъ свободу печати, такъ и разумный контроль за нею. Послѣдовавшій за упраздненіемъ монархіи разгулъ революціонныхъ страстей тяжело отразился на положеніи печати. По отношенію къ ней онъ выразился въ жестокомъ преслѣдованіи извѣстнаго направленія, съ существованіемъ котораго не могли примириться тѣ, въ чьихъ рукахъ находилась въ то время власть. Какъ на характерный примѣръ мѣропріятій якобинцевъ, укажу на декретъ Конвента (1793 года), въ силу котораго предаются суду исключительнаго трибунала и подлежатъ смертной казни авторы и издатели всякаго рода произведеній печати, высказывающихся за роспускъ народнаго представительства или въ пользу возстановленія королевской или иной власти, несогласной съ народнымъ

суверенитетомъ. Жертвой этого декрета погибъ на эшафотѣ не одинъ десятокъ журналистовъ и писателей.

Директорія, установленная конституціей 1795 года, проявила по отношенію къ печати не меньшую жестокость. Вопреки постановленіямъ конституціи (въ силу которыхъ никому не можетъ быть воспрещено высказывать словесно или печатно свои мысли, при чемъ отвѣтственность за опубликованное имѣетъ мѣсто лишь въ закономъ предусмотрѣнныхъ случаяхъ), Директорія предписала (въ 1797 году) разстрѣливать немедленно всякаго, кто сдѣлаетъ попытку къ возстановленію королевской власти; въ то же время были подвергнуты тюремному заключенію многіе писатели, обвиненные въ заговорѣ противъ республики. Вскорѣ послѣ этого были сосланы, безъ всякаго суда, сорокъ пять газетныхъ издателей и редакторовъ, а сорокъ двѣ газеты были закрыты. И все это дѣлалось въ то время, когда основные законы говорили о свободѣ печати.

Какъ извѣстно, въ 1799 году послѣ переворота 18 брюмера власть перешла въ руки Наполеона Бонапарта, сначала въ качествѣ перваго консула. Въ конституціи 1799 года, учредившей консулатъ, весьма искусно былъ обойденъ вопросъ о печати. Это умолчаніе было истолковано въ томъ смыслѣ, что регулированіе положенія печати принадлежитъ правительственной власти и не требуетъ участія законодательныхъ собраній, что судьба печати и ея дѣятелей можетъ рѣшаться путемъ административныхъ распоряженій. Соотвѣтственно съ этимъ толкованіемъ, 17 января 1800 года появился „консульскій указъ о газетахъ" (arrêt consulaire sur les journaux). Мотивируя его тѣмъ, что многія газеты являются лишь „орудіемъ въ рукахъ враговъ республики" и что правительство облечено народомъ обязанностями „заботиться объ его безопасности", консулы сочли нужнымъ закрыть шестьдесятъ газетъ изъ 73, издававшихся въ Парижѣ и Сенскомъ департаментѣ. На министра полиціи возложена была обязанность слѣдить, чтобы „не печаталось ни одной новой газеты какъ въ Сенскомъ, такъ и въ другихъ департаментахъ". Черезъ нѣсколько времени послѣ изданія этого указа, первый консулъ пригласилъ министра полиціи Фуше озаботиться, чтобы „редакторы газетъ были

неподкупной нравственности и патріотизма". Въ видахъ этого, было учреждено при министерствѣ полиціи особое бюро печати, которое и должно было посредствомъ полицейскихъ агентовъ слѣдить за газетами и книгами.

Этими мѣропріятіями открывается длинный рядъ декретовъ, указовъ и циркуляровъ, которые должны были регламентировать печать. Положеніе ея, однако, было въ высшей степени неопредѣленно. Правильно организованной цензуры не существовало вплоть до 1810 года, и наблюденіе за прессой, а также и постигавшія ее кары сосредоточивались почти исключительно въ рукахъ полиціи. Наполеонъ, особенно въ первое время, не былъ склоненъ возстановить цензуру, представленіе о которой слишкомъ тѣсно связывалось съ воспоминаніями о старомъ режимѣ. Но, съ другой стороны, онъ поставилъ своею задачею водворить строгій контроль надъ всѣмъ, что печаталось, въ особенности же въ области политики. Чтобы осуществить эту задачу, признано было наиболѣе удобнымъ предоставить широкій просторъ административнымъ мѣропріятіямъ сильнаго въ то время министерства полиціи. Что касается книгъ, брошюръ и вообще не-періодическихъ изданій, то въ первые годы консулата они продолжали еще пользоваться нѣкоторою свободою: книги печатались безъ предварительнаго просмотра и разрѣшенія полиціи. Но уже въ 1803 году была учреждена при министерствѣ юстиціи особая „комиссія для просмотра", въ которую, „въ видахъ обезпеченія свободы печати", книгопродавцы обязаны были представлять всѣ сочиненія, и затѣмъ уже эта комиссія разрѣшала продажу и свободное обращеніе ихъ.

18 мая 1804 года Бонапартъ сдѣлался императоромъ французовъ. Какъ бы въ видѣ уступки либеральнымъ элементамъ, но въ сущности съ цѣлью замаскировать произвольныя мѣры по отношенію къ печати, въ органическій сенатусконсультъ 18 мая (конституцію новой имперіи) были включены четыре статьи (64—67), долженствовавшія гарантировать свободу печати. Этими статьями создавалась „сенатская комиссія о свободѣ печати" изъ семи членовъ, избираемыхъ сенаторами изъ ихъ среды. Комиссіи этой ставилось въ обязанность „блюсти свободу печати". Къ ней

могутъ обращаться авторы, издатели и книгопродавцы съ жалобами „на стѣсненія къ напечатанію или свободному обращенію сочиненій". Если комиссія признаетъ, что стѣсненія не оправдываются „государственнымъ интересомъ", то она приглашаетъ министра, сдѣлавшаго эти стѣснительныя распоряженія, отмѣнить ихъ. Если послѣ трехъ послѣдовательныхъ приглашеній стѣсненія не прекращаются, комиссія чрезъ посредство президента Сената созываетъ общее собраніе его, которое, въ случаѣ надобности, и постановляетъ свое рѣшеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „есть серьезные признаки, что свобода печати нарушена" (Il y a de fortes présomptions que la liberté de la presse est violée). Но за все время существованія Имперіи Сенатъ ни разу не примѣнилъ указаннаго постановленія, и конечно не потому, чтобы не было случаевъ нарушенія свободы печати. Ничтожность изложенныхъ гарантій этой свободы выступитъ еще рельефнѣе, если принять во вниманіе оговорку того же сенатусконсульта, что „вѣдѣнію сенатской комиссіи не подлежатъ абонементныя и періодическія изданія". Періодическая печать была предоставлена безграничному произволу, безъ всякихъ „гарантій". Декретомъ 10 іюля 1804 года была сдѣлана первая попытка создать цензуру, хотя это слово все еще не было произнесено; при министерствѣ полиціи учреждено было особое „консультаціонное бюро", на которое и возложена была обязанность просматривать газеты, политическія и литературныя изданія, а также и театральныя пьесы.

Безпорядочность режима, въ которомъ находилась печать, неопредѣленность вѣдомства тѣхъ органовъ, которые слѣдили за прессой, породили потребность въ систематическомъ законѣ о печати, который и былъ изданъ 5-го февраля 1810 года. Этотъ декретъ создалъ систему, грозную и для журналистовъ, и для писателей, издателей и книгопродавцевъ. Ограниченіе числа типографій изъ опасенія, что, за недостаткомъ работы, онѣ станутъ печатать опасныя для правительства сочиненія; строгое и непрестанное наблюденіе за прессой, ввѣренное агентамъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи; право главноуправляющаго дѣлами о печати уничтожать типографскіе станки; конфискаціи; штрафы; тюремное заключеніе; аресты — вотъ тѣ элементы, изъ ко

торыхъ сложилась система, созданная или, вѣрнѣе, увѣнчанная декретомъ 1810 года. Вотъ главнѣйшія постановленія его.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается „главное управленіе дѣлами книгопечатанія и книжной торговли“ (direction générale de l'impimerie et de la librairie). Число типографій въ Парижѣ и департаментахъ ограничивалось, при чемъ столичныя могли имѣть четыре станка, провинціальныя—только два. Право на содержаніе типографіи выдается лишь тому, кто докажетъ „свою правоспособность, добрые нравы и преданность отечеству и суверену“. Воспрещается печатать все, что противно „обязанностямъ подданныхъ къ суверену и государственному интересу“. Содержатель типографіи долженъ сообщать префекту о каждой книгѣ, которую онъ намѣренъ печатать; префектъ же каждый разъ даетъ знать объ этомъ министру полиціи. Главноуправляющій можетъ, въ случаѣ если найдетъ нужнымъ, потребовать къ себѣ сочиненіе и отсрочить его напечатаніе. Въ такомъ случаѣ оно посылается одному изъ назначенныхъ верховною властью цензоровъ, и затѣмъ, сообразно его заключенію, главноуправляющій предлагаетъ автору сдѣлать нужныя сокращенія и измѣненія; въ случаѣ отказа автора сдѣлать ихъ, онъ запрещаетъ продажу сочиненія и уничтожаетъ уже отпечатанные экземпляры. Такимъ образомъ, декретъ 5-го февраля не установляетъ обязательной цензуры, а предоставляетъ рѣшать вопросъ о томъ, должна ли быть цензурована книга, доброй волѣ главноуправляющаго. — Другая статья, въ видѣ гарантіи авторовъ и содержателей типографій, предоставляетъ имъ право отдать сочиненіе, до его напечатанія, на предварительный просмотръ.—На свободную продажу каждаго изданія должно быть особое разрѣшеніе; если таковаго нѣтъ, сочиненіе подлежитъ изъятію изъ обращенія. Впрочемъ, той же участи могло подвергнуться и разрѣшенное сочиненіе, такъ какъ слѣдующая статья предоставляетъ министру полиціи право задерживать продажу и свободное обращеніе *всякаго* сочиненія, хотя бы авторъ или издатель и представили разрѣшеніе. И дѣйствительно, задержаніе полиціей сочиненій, прошедшихъ черезъ цензуру и получившихъ право свободнаго обращенія, было заурядnымъ явленіемъ. Такая судьба постигла, между прочимъ, извѣстное сочиненіе г-жи Сталь „De l'Allemagne“. Таковы существеннѣйшія черты той системы полиціи печати, которая господствовала въ эпоху первой Имперіи.

Послѣ паденія Наполеона I-го, французскій престолъ былъ возвращенъ династіи Бурбоновъ въ лицѣ Людовика XVIII-го и была выработана конституціонная форма правленія. Можно было думать, что печать получитъ теперь нормальныя условія существованія, что положеніе ея сдѣлается болѣе устойчивымъ. Конституціонная хартія 1814 года давала полное основаніе ожидать этого. Въ одной изъ своихъ статей она какъ бы устанавливаетъ принципъ свободы печати, подвергая ее ограниченіямъ лишь въ случаяхъ злоупотребленія ею. Но не прошло и полугода со времени опубликованія хартіи, какъ изданъ былъ законъ (21-го октября 1814 г.), постановленія котораго находятся въ прямомъ противорѣчіи съ объявленнымъ принципомъ. Вмѣсто репрессивной системы, законъ этотъ установилъ рядъ предупредительныхъ мѣръ. Онъ, во 1-хъ, требуетъ для всѣхъ періодическихъ изданій предварительнаго разрѣшенія правительства, во-2-хъ, подвергаетъ предварительной цензурѣ всѣ сочиненія, вообще всѣ изданія, объемомъ своимъ не превышающія 20 печатныхъ листовъ; въ 3-хъ, для занятія типографскимъ дѣломъ и книжной торговлей онъ ставитъ два условія—полученіе особаго патента и принесеніе присяги. Кромѣ того, содержатель типографіи обязанъ объявлять заблаговременно, что онъ предполагаетъ печатать, и не можетъ выпустить въ продажу ни одного изданія, прежде чѣмъ представитъ въ установленныя учрежденія извѣстное количество экземпляровъ. Нарушеніе этихъ предписаній, а также и требованія, чтобы на каждомъ изданіи было выставлено имя и мѣстожительство содержателя типографіи, карается значительнымъ штрафомъ (отъ одной до шести тысячъ фр.).

Въ ряду этихъ мѣръ, наиболѣе любопытно впервые проведенное здѣсь различіе между изданіями, превышающими 20 печатныхъ листовъ и недостигающими этого объема. Не трудно понять мотивы, положенные въ основу этого различія, а также почему одни изданія были освобождены отъ цензуры, а другія подвергнуты ей. Дѣло въ томъ, что произведенія небольшого объема не требуетъ какъ для со-

ставленія, такъ и для напечатанія такихъ усилій и затратъ, какія необходимы для написанія и изданія большихъ книгъ. Мелкія изданія, будучи дешевле, получаютъ болѣе легкій сбытъ и находятъ себѣ большій кругъ читателей, а потому на нихъ и обращено особенное вниманіе. Это различіе изъ Франціи было заимствовано многими другими законодательствами, въ томъ числѣ и нашими законами о печати 1865 года.

Въ 1815 году, какъ извѣстно, Наполеонъ бѣжалъ съ о. Эльбы и въ теченіе нѣкотораго времени занималъ французскій престолъ. Уступая духу времени и требованіямъ общества, онъ рѣшился положить въ основу своего управленія либеральные принципы. Въ теченіе стодневнаго періода его вторичнаго господства цензура была упразднена и печать пользовалась полной свободой.

Съ возвращеніемъ Людовика XVIII, печать была поставлена въ прежнія условія, съ тою лишь разницею, что была упразднена цензура непериодическихъ изданій, объемомъ хотя бы и менѣе 20 печатныхъ листовъ. Періодическая пресса подлежала прежнимъ ограниченіямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ была выработана цѣлая система печати, въ основу которой былъ положенъ принципъ репрессіи. Изъ трехъ законовъ о печати, изданныхъ въ 1819 году, два посвящены установленію точнаго понятія преступленій, совершаемыхъ путемъ печати, и порядку ихъ преслѣдованія; важнѣйшія изъ нихъ были предоставлены вѣдѣнію суда присяжныхъ, что являлось наиболѣе существенной гарантіей отъ произвола.

Но рядомъ съ репрессивными мѣрами были установлены и нѣкоторыя предупредительныя. Такою является, во-первыхъ, обязательное для періодическихъ изданій предварительное заявленіе (déclaration), которое должно быть представляемо правительственнымъ органамъ, съ указаніемъ имени и мѣста жительства, по крайней мѣрѣ, одного собственника или отвѣтственнаго редактора, а также и типографіи, въ которой будетъ печататься предполагаемое изданіе. Вмѣстѣ съ этой мѣрою, которая является вполнѣ разумною и нимало нестѣснительною, такъ какъ она представляетъ

собою лишь средство обезпеченія правосудія и отвѣтственности представителей печати, была примѣнена и другая, ставившая періодическую печать въ стѣснительныя условія: это—требованіе залога (cautionnement) отъ собственниковъ и отвѣтственныхъ издателей періодическихъ изданій. Размѣръ этого залога доходитъ до 10-ти тысячъ франковъ ренты или до 140 тыс. фр. капитала. Дѣйствительнымъ мотивомъ этой мѣры являлось желаніе устранить нѣкоторые элементы изъ области періодической прессы.

Но системѣ 1819 года не суждено было пустить корни. Въ слѣдующемъ же году правительство, подъ впечатлѣніемъ убійства герцога Беррійскаго, снова обратилось къ крутымъ мѣрамъ по отношенію къ печати: для періодическихъ изданій съ политическимъ характеромъ возстановлены требованіе правительственнаго разрѣшенія и предварительная цензура. Въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія французская печать находилась въ крайне неустойчивомъ положеніи: цензура нѣсколько разъ была отмѣняема и возстановляема, а одинъ изъ законовъ установилъ такъ называемое преслѣдованіе за „направленіе“. Этимъ закономъ (17 марта 1822 г.) создавался какъ бы новый видъ преступленія, совершаемаго путемъ печати—délit de tendance: если изъ цѣлаго ряда статей какого-либо періодическаго изданія усмотрѣно будетъ, что направленіе его по характеру своему представляется опаснымъ для общественнаго спокойствія, несогласнымъ съ должнымъ уваженіемъ къ государственной религіи и другимъ признаннымъ во Франціи вѣроисповѣданіямъ, къ королевской власти и устойчивости конституціонныхъ учрежденій и т. под., то подлежащія судебныя учрежденія постановляютъ рѣшеніе о пріостановкѣ изданія на извѣстное время (не свыше одного мѣсяца въ первый разъ и трехъ мѣсяцевъ во второй). Въ случаѣ повторенія, изданіе можетъ быть прекращено окончательно.

Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими причинами, попытка возстановить предварительную цензуру (закономъ 25 іюля 1830 года), незадолго передъ тѣмъ отмѣненную, привела къ такъ называемой іюльской революціи, свергнувшей послѣдняго короля династіи Бурбоновъ и передавшей французскій престолъ Людовику-Филиппу Орлеанскому.

Конституціонная хартія 1830 года возстановила свободу печати, при чемъ въ текстъ ея было внесено, между прочимъ, постановленіе о томъ, „что цензура не можетъ быть никогда возстановлена“ (La censure ne pourra jamais être retablie). Затѣмъ, въ послѣдующіе годы (1830, 1831, 1834 и 1835 гг.) былъ изданъ рядъ законовъ, установившихъ для печати систему, основныя черты которой сводятся къ слѣдующему. Система эта представляетъ собою соединеніе двоякаго рода мѣръ—предупредительныхъ и репрессивныхъ. Къ разряду мѣръ предупредительно-полицейскаго характера относятся: во 1-хъ, обязательное для всѣхъ періодическихъ изданій представленіе предварительнаго заявленія, которое должно заключать въ себѣ: названіе изданія и сроки выпуска, имена всѣхъ собственниковъ его, ихъ адресы и долю участія каждаго изъ нихъ; имена и мѣста жительства отвѣтственныхъ редакторовъ, а также доказательства того, что всѣ эти лица отвѣчаютъ условіямъ, требуемымъ закономъ [1]), наконецъ, указаніе типографіи, въ которой будетъ печататься изданіе. Во 2-хъ, представленіе денежнаго залога. Размѣръ его былъ пониженъ до 2400 франковъ годовой ренты. Впослѣдствіи законъ 1835 г. измѣнилъ какъ размѣръ залога, такъ и природу его: съ тѣхъ поръ онъ долженъ былъ вноситься не рентою, а капитальной суммой. Онъ вносится въ казначейство, которое и платитъ приходящіеся съ него проценты по особой таксѣ [2]). Рядомъ съ залогами установленъ былъ и штемпельный сборъ, которому подлежали всѣ періодическія изданія. Наконецъ, въ 3-хъ, къ разряду предупредительныхъ мѣръ относится еще необходимость предварительнаго разрѣшенія муниципальнаго управленія для производства разносной торговли періодическими изданіями.

Что касается второй категоріи мѣръ, репрессивныхъ,

---

[1] 980 ст. Code pénal: «mâle, majeur, sujet du roi, jouissant des droits civils».

[2] Для періодическихъ изданій, выходящихъ болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю, размѣръ залога опредѣленъ въ 100.000 фр. Этотъ максимальный размѣръ понижается по мѣрѣ сокращенія сроковъ выхода и уменьшенія количества населенія того города, гдѣ выходитъ изданіе. Свободны отъ внесенія залога изданія, посвященныя научнымъ и промышленнымъ цѣлямъ.

то изъ нихъ мы укажемъ слѣдующія. Преступленія печати распредѣлены на четыре группы: покушеніе на государственную безопасность, преступленія общаго права, преступленія, наказуемыя исправительнымъ порядкомъ, и нарушенія различныхъ требованій законовъ о печати. Важнѣйшія преступленія вѣдаются судомъ съ участіемъ присяжныхъ; менѣе важныя — судомъ безъ ихъ участія; наконецъ, остальныя подлежатъ суду исправительной полиціи.

Изложенная система полиціи печати просуществовала безъ измѣненія до февральской революціи 1848 года. Неограниченная свобода, которою пользовалась печать въ дни революціоннаго возбужденія, вызвала своими крайностями рядъ новыхъ ограничительныхъ мѣръ: возстановленіе залоговъ (размѣръ ихъ былъ пониженъ—24.000 франковъ составляли maximum для парижскихъ политическихъ изданій) и штемпельнаго сбора, а также нѣкоторыя новыя ограниченія разносной торговли; возстановлены далѣе прежнія постановленія о преслѣдованіи преступленій печати, но съ обратными цѣлями: тогда какъ прежде они были направлены къ защитѣ отъ нападокъ на монархическую форму правленія, теперь они должны были служить для отраженія нападокъ на республиканскія учрежденія. Въ 1850 г. была предпринята еще новая мѣра полиціи печати—требованіе авторской подписи подъ статьями политическаго, религіознаго и философскаго содержанія.

Какъ извѣстно, 2-го декабря 1851 года принцъ Бонапартъ, бывшій президентомъ второй республики, совершилъ государственный переворотъ, въ результатѣ котораго явилась Вторая Имперія съ Наполеономъ III во главѣ. Начавшаяся еще ранѣе реакція по отношенію къ печати теперь получила болѣе рѣзкое выраженіе. Главное вниманіе было обращено на періодическую печать, которую имѣлось въ виду поставить подъ дѣйствительный и строгій контроль администраціи. Въ этихъ видахъ было предложено возстановить предварительную цензуру. Но цензура являлась учрежденіемъ весьма непопулярнымъ въ глазахъ представителей самыхъ разнообразныхъ направленій, и правительство предпочло ей новую систему, выработанную извѣстнымъ дѣятелемъ вто-

рой Имперіи—Руэромъ (Rouher) [1]). Эта система, не прибѣгая къ цензурѣ, обезпечивала за администраціей возможность самаго бдительнаго контроля надъ періодической печатью. Имѣя въ основѣ различнаго рода административныя мѣры контроля и репрессіи, она носитъ названіе системы административной. Разсмотримъ существеннѣшіе элементы этой системы, какъ она изложена въ декретѣ 17 февраля 1852 года.

Всякое періодическое изданіе политическаго и общественно-экономическаго содержанія можетъ быть основано и издаваемо не иначе, какъ съ предварительнаго дозволенія правительства. Предварительное разрѣшеніе его должно быть испрашиваемо и въ случаѣ также всякаго рода перемѣнъ въ личномъ персоналѣ редакторовъ и собственниковъ изданія. Собственники періодическихъ изданій, посвященныхъ вопросамъ политическимъ и общественно-экономическимъ, обязаны внести въ казначейство наличными деньгами залогъ. Размѣръ его, доходящій до 50000 франковъ для изданій, выходящихъ болѣе трехъ разъ въ недѣлю въ Парижѣ

[1] Изобрѣтеніе системы административнаго воздѣйствія на періодическую печать приписывалось нѣкоторыми де-Персиньи. Между тѣмъ это авторство должно быть признано за Руэромъ, какъ выясняетъ Гранье де-Кассаньякъ въ «Souvenirs du second Empire». Новѣйшій историкъ французской печати Авенель (Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours, Par. 1900, p. 450) разсказываетъ слѣдующее: «Руэръ не сразу дошелъ до этого открытія. Сначала въ средѣ правительства имѣлось въ виду собрать, координировать и кодифицировать всѣ законы о печати, чтобы, путемъ согласованія и слитія во-едино отдѣльныхъ мѣръ, извлечь изъ этого хаоса соотвѣтственные пріемы направленія и обузданія журналистики. Эта кодификаціонная работа была возложена на Руэра. Попытку эту онъ считалъ безплодною, полагая, что способы, оказавшіеся въ прошломъ непригодными для обузданія печати, не могутъ явиться и въ будущемъ надежными орудіями. Однако, онъ представилъ принцу Людовику-Наполеону свою работу, сказавъ при этомъ: «вотъ, ваше высочество, работа, вами на меня возложенная. Позвольте мнѣ добавить къ этому совѣтъ — пробѣжавъ ее, бросьте ее въ печку». Въ послѣдовавшихъ затѣмъ подготовительныхъ совѣщаніяхъ Барошъ, человѣкъ практическій и рѣшительный, предложилъ установить цензуру въ отношеніи къ вопросамъ политическимъ. Руэръ выступилъ противъ этого предложенія и придумалъ комбинацію, при посредствѣ которой главные редакторы газетъ, за которыми сохранялась полная свобода говорить все, сами ставились въ положеніе цензоровъ своихъ изданій, подъ угрозою предостереженій, изъ которыхъ третье влекло за собою

и трехъ наиболѣе населенныхъ департаментахъ, постепенно понижается, смотря по уменьшенію сроковъ выхода и населенности городовъ, въ которыхъ изданія выходятъ (наименьшій размѣръ его—7500 фр. для изданій, выходящихъ менѣе трехъ разъ въ недѣлю въ городахъ съ населеніемъ менѣе 50 тысячъ жителей). Возвысивъ размѣръ залога, декретъ 1852 года возвышаетъ также и штемпельный сборъ, опредѣляя его въ 6 и 3 сантима, смотря по величинѣ листовъ: штемпельному сбору подлежатъ и не-періодическія изданія [1], объемомъ менѣе 10 печатныхъ листовъ.

Далѣе, декретъ 1852 года всѣ преступленія, совершаемыя путемъ печати, исключаетъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и передаетъ ихъ въ вѣдѣніе суда исправительной полиціи Кромѣ того, онъ создаетъ какъ бы новую категорію преступленій, налагая значительный штрафъ за сообщеніе или воспроизведеніе ложныхъ извѣстій; если же эти сообщенія дѣлаются завѣдомо недобросовѣстно и по характеру своему представляются опасными для общественнаго спокойствія

пріостановку. Такимъ путемъ ничто не подлежало цензурѣ, а между тѣмъ все находилось подъ зоркимъ наблюденіемъ самихъ же журналистовъ, ибо интересы безопасности изданія являлись тормозомъ, при посредствѣ котораго обуздывалась дерзость журналиста. Гранье де-Кассаньякъ разсказываетъ, что когда Руэръ, встрѣтивъ Бароша въ Государственномъ Совѣтѣ, предложилъ эту комбинацію, Барошъ съ восторгомъ принялъ ее и обнялъ ея автора. По словамъ Кассаньяка, черезъ нѣсколько дней по опубликованіи декрета 17 февраля 1852 г., знаменитый журналистъ, главный редакторъ Journal des Débats, Арманъ Бертенъ, обѣдалъ у графини Ле-Гонъ. Разговоръ коснулся новаго режима печати, и у Бертена спросили его мнѣнія по этому предмету. «О декретѣ, отвѣтилъ онъ, можно сказать все, что угодно, кромѣ одного, — что авторъ его глупъ. Этотъ декретъ заставляетъ меня наблюдать за уклоненіями моей собственной газеты и дѣлаетъ изъ меня даровано чиновника, призваннаго противодѣйствовать нападкамъ противъ конституціи и охранять порядокъ къ выгодѣ правительства. Могутъ возникнуть сомнѣнія по вопросу о томъ, окажется ли эта система дѣйствительною, но никакъ нельзя отрицать того, что она очень искусно задумана».

[1] Опять-таки политическаго и общественно-экономическаго содержанія. Впослѣдствіи (законами 28 марта 1852 г. и 2 мая 1861 г.) отъ уплаты штемпельнаго сбора были освобождены періодическія изданія, имѣющія исключительнымъ своимъ содержаніемъ литературу, науки, искусства и земледѣліе.

то они наказуются, помимо штрафа, еще тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до одного года. Декретъ категорически воспрещаетъ давать отчеты о засѣданіяхъ Законодательнаго Корпуса и Сената, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и Государственнаго Совѣта; воспрещается также печатать судебные отчеты о процессахъ по дѣламъ печати.

Въ изложенныхъ до сихъ поръ требованіяхъ декретъ 1852 года не представляетъ ничего особенно оригинальнаго: мы уже ранѣе видѣли практику предварительныхъ разрѣшеній, залоговъ, штемпельнаго сбора и т. д. Оригинальную сторону новой системы составляетъ рядъ постановленій о правительственныхъ сообщеніяхъ, предостереженіяхъ, пріостановкахъ и закрытіи періодическихъ изданій.

Каждый редакторъ обязанъ печатать во главѣ своего изданія всякіе оффиціальные документы, отношенія, свѣдѣнія, отвѣты и поправки, которыя будутъ доставлены въ редакцію кѣмъ-либо изъ представителей общественной власти. Печатаніе этихъ документовъ должно быть безвозмезднымъ. Это требованіе снабжаетъ администрацію весьма опаснымъ правомъ, которое, не будучи къ тому же ничѣмъ ограничено, могло являться источникомъ злоупотребленій. Далѣе, декретъ 1852 года предоставляетъ правительству право дѣлать такъ называемыя предостереженія (avertissements), при чемъ третье предостереженіе влечетъ за собою пріостановку изданія на срокъ не свыше двухъ мѣсяцевъ. Изданіе можетъ быть пріостановлено и въ томъ случаѣ, когда редакторъ его будетъ обвиненъ въ какомъ-либо преступленіи путемъ печати. Въ этомъ случаѣ правительство можетъ также предписать окончательное закрытіе изданія. Закрытіе изданія, кромѣ того, является необходимымъ послѣдствіемъ обвиненія редактора его за какое-либо преступленіе, отнесенное къ категоріи важнѣйшихъ (crime).

Прекращеніе изданія можетъ имѣть мѣсто и безъ наличности такихъ фактовъ, какъ судебное преслѣдованіе редактора; оно можетъ быть примѣнено въ видѣ мѣры общей безопасности (mesure de sûreté générale), т. е. по простому усмотрѣнію правительства. Въ такомъ случаѣ необходимъ лишь особый декретъ, который долженъ быть напечатанъ въ Bulletin des lois.

Такова, въ существеннѣйшихъ своихъ чертахъ, система полиціи печати въ эпоху Второй Имперіи. Она создала для печати, главнымъ образомъ періодической, крайне обременительныя условія, сдѣлавшія ее вполнѣ зависимой отъ администраціи. Ставя журналистовъ подъ угрозу предостереженій, пріостановокъ и закрытія ихъ изданій, авторы этой системы имѣли въ виду заставить ихъ цензуровать самихъ себя. Избавляя правительство отъ неудобствъ цензуры, они въ то же время старались обезпечить ея результаты. Эта цѣль дѣйствительно была достигнута этой системой, автору которой нельзя отказать въ большомъ остроуміи и изобрѣтательности.

Въ концѣ Второй Имперіи положеніе печати нѣсколько измѣнилось къ лучшему. Административный режимъ ея уступилъ свое мѣсто репрессивной системѣ. Закономъ 11 мая 1868 года предварительное разрѣшеніе было замѣнено уже извѣстнымъ намъ требованіемъ заблаговременнаго заявленія; упразднена была и система административныхъ предостереженій и пріостановокъ. Залоги были сохранены, но штемпельный сборъ пониженъ. Новое законодательство, какъ говорилъ мотивированный проектъ его, „прекращаетъ для газеты административную опеку и предоставляетъ ея судьбу лишь вѣдѣнію закона и судьи: законъ опредѣляетъ право, судья караетъ за его нарушеніе“.

Мы не будемъ останавливаться на рядѣ отдѣльныхъ законовъ, изданныхъ въ періодъ времени, слѣдующій за паденіемъ Второй Имперіи въ сентябрѣ 1870 года. Большая часть ихъ постановленій вошла въ законъ 29 іюля 1881 года, подъ дѣйствіемъ котораго французская печать находится въ настоящее время. Этотъ законъ представляетъ собою цѣлый кодексъ, собравшій воедино разбросанныя въ отдѣльныхъ законахъ постановленія и внесшій въ законодательство о печати ту цѣльность, настоятельная потребность въ которой уже давно давала себя чувствовать. Въ 1876 году особая коммисія Палаты Депутатовъ приступила къ выработкѣ органическаго закона о свободѣ печати. Черезъ четыре года (въ 1880 г.) эта коммисія представила Палатѣ обширный докладъ, послужившій предметомъ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, которыя вызвали рядъ измѣненій

въ изготовленномъ законопроектѣ. Составленный такимъ образомъ законъ былъ обнародованъ 29 іюля 1881 года.

Подобно предшествовавшимъ законамъ о печати, законъ 1881 года различаетъ произведенія печати періодическія и не-періодическія. Въ силу особаго своего характера, благодаря которому они способны оказывать болѣе сильное вліяніе на общество, періодическія изданія подвергнуты большимъ ограниченіямъ сравнительно съ не-періодическими.

Всякое произведеніе печати должно: во 1-хъ, носить указаніе имени и мѣстожительства содержателя типографіи, въ которой оно напечатано, и во 2-хъ, въ моментъ выпуска въ свѣтъ оно должно быть представлено въ двухъ экземплярахъ въ соотвѣтственныя учрежденія (въ Парижѣ—въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ провинціяхъ—въ префектуру, су-префектуру или мэрію). Экземпляры эти предназначаются для національныхъ коллекцій. При ихъ представленіи должно быть указано число напечатанныхъ экземпляровъ. Таковы тѣ два условія, которымъ подлежатъ не-періодическія произведенія печати.

Что касается періодическихъ изданій, то по отношенію къ нимъ новое законодательство также озаботилось уничтоженіемъ излишнихъ преградъ къ свободному изданію ихъ. Оно не только не требуетъ предварительнаго разрѣшенія для нихъ, но и освобождаетъ ихъ отъ штемпельнаго сбора и залоговъ. Ограниченія, которымъ законъ 1881 года подвергаетъ періодическую прессу, сводятся къ слѣдующему.

Во 1-хъ, всякое періодическое изданіе должно имѣть своего завѣдывающаго (gérant), на котораго прежде всего падаетъ отвѣтственность въ случаяхъ совершенія путемъ печати какого-либо преступленія. Вотъ необходимыя условія, которымъ должно отвѣчать это лицо: французское подданство, совершеннолѣтіе, пользованіе всею полнотою гражданскихъ правъ; женщины могутъ быть въ роли „gérant“. Прежнее законодательство (зак. 1849 г. и 1868 г.) объявляло несовмѣстимымъ званіе отвѣтственнаго редактора газеты съ званіемъ депутата и сенатора. Новый законъ уничтожаетъ эту несовмѣстимость.

Во 2-хъ, прежде чѣмъ какое-либо періодическое изданіе начнетъ выходить, должно быть представлено мѣстному

прокурору письменное заявленіе на гербовой бумагѣ съ обозначеніемъ названія изданія и порядка его выпуска, имени и мѣстожительства отвѣтственнаго редактора (gérant), наконецъ, типографіи, въ которой изданіе будетъ печататься. О всякой перемѣнѣ въ указанныхъ условіяхъ и порядкѣ изданія должно быть сообщаемо въ пятидневный срокъ. Прежде законъ устанавливалъ извѣстный промежутокъ времени (двѣ недѣли по закону 1868 года) между подачей заявленія и моментомъ выхода изданія въ свѣтъ. Новое законодательство молчитъ объ этомъ, вслѣдствіе чего выпускъ изданія можетъ послѣдовать непосредственно за представленіемъ заявленія.

Въ 3-хъ, въ моментъ выпуска каждаго нумера періодическаго изданія два экземпляра его должны быть представлены органамъ судебнаго вѣдомства (а тамъ, гдѣ нѣтъ лицъ прокурорскаго надзора, въ мэрію), и два—органамъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 4-хъ, всѣ экземпляры каждаго нумера періодическаго изданія должны имѣть подпись отвѣтственнаго редактора.

Таковы тѣ ограниченія предупредительнаго характера, которымъ подлежатъ періодическія изданія по современному французскому законодательству о печати. Единственная цѣль ихъ—обезпечить возможность судебнаго преслѣдованія въ случаяхъ совершенія путемъ печати какихъ-либо преступленій.

Разносная продажа всякихъ вообще произведеній печати освобождена отъ стѣснявшихъ ее ранѣе условій. Отъ лицъ, занимающихся этимъ промысломъ, требуется, подъ угрозою штрафа, лишь заблаговременное представленіе (въ префектуру, иногда въ мэрію) заявленія съ обозначеніемъ имени, профессіи, возраста, мѣста родины и мѣстожительства.

Установленная закономъ 1881 года свобода печати не является однако неограниченною. Обезпечивая ее отъ стѣсненій, законъ принялъ во вниманіе и другую сторону дѣла, а именно, возможность злоупотребленія этой свободой въ ущербъ интересамъ общественной и личной безопасности. Отказавшись отъ многихъ предупредительныхъ мѣръ, законъ кладетъ въ основу принципъ репрессіи на началахъ права и суда. Значительнѣйшая часть его постановленій (изъ 70 статей 48) заключаетъ въ себѣ подробную классификацію и

перечисленіе преступленій, совершаемыхъ путемъ печати, и регламентацію порядка судебнаго преслѣдованія ихъ. Постановленія закона 1881 года пополнены въ этомъ отношеніи позднѣйшими законами, изъ которыхъ важнѣйшими являются законы 12 декабря 1893 г. и 29 іюля 1894 г., вызванные пропагандою и апологіею анархическихъ идей.

По закону 1881 года, совершаемыя путемъ печати преступленія распадаются на четыре категоріи.

Къ первой относятся дѣйствія, представляющія собою возбужденіе къ совершенію различнаго рода преступленій (provocation aux crimes et délits), какъ, напр., убійства, грабежа и т. д.; къ этой же категоріи отнесены и всякаго рода мятежные крики и пѣсни въ общественныхъ мѣстахъ, а также и возбужденіе тѣмъ или инымъ путемъ войскъ къ уклоненію ихъ отъ своихъ обязанностей или къ неповиновенію властямъ.

Вторую категорію составляютъ преступленія противъ общественныхъ интересовъ (contre la chose publique). Сюда относятся: оскорбленіе президента республики, какъ главы государства; публикованіе или воспроизведеніе ложныхъ сообщеній, если оно дѣлается злонамѣренно и сопровождается нарушеніемъ общественнаго спокойствія; наконецъ, оскорбленіе общественной нравственности, куда отнесено, между прочимъ, распространеніе и выставленіе непристойныхъ гравюръ, картинъ, эмблемъ и т. п.

Третью категорію составляютъ преступленія противъ личности—диффамація и оскорбленіе частныхъ лицъ.

Наконецъ, четвертую группу составляютъ оскорбленія иностранныхъ государей и дипломатическихъ представителей иностранныхъ державъ.

Совершаемыя посредствомъ печати преступленія подлежатъ судебному преслѣдованію на общемъ основаніи. Большая часть ихъ вѣдается судомъ присяжныхъ; другія, наименѣе значительныя,—судами исправительной полиціи.

По даннымъ уголовной статистики за двадцать лѣтъ (1880—1900), опубликованнымъ осенью 1902 года, со времени изданія закона 1881 года суду присяжныхъ подлежали 797 дѣлъ этой категоріи, по которымъ были привлечены къ суду 1.345 обвиняемыхъ. По отдѣльнымъ годамъ эти числа

распредѣляются неравномѣрно. Почти четвертая часть общаго числа преслѣдованій за двадцать лѣтъ приходится на одинъ 1894 г., когда ихъ число доходило почти до 200. Это объясняется примѣненіемъ закона 12 декабря 1893 года объ анархистскихъ происках и агитаціи, установившаго новый видъ преступленія печати — апологію въ печати преступныхъ дѣйствій. Въ силу закона 29 іюля 1894 г., изданнаго послѣ убійства президента республики Карно, преступленія этой категоріи подлежатъ вѣдѣнію судовъ исправительныхъ, а не ассизовъ.—Въ общемъ, за указаннымъ отступленіемъ, суду присяжныхъ приходилось рѣшать дѣла по преступленіямъ печати, въ среднемъ, въ количествѣ 30 въ годъ, при чемъ подсудимыхъ было въ среднемъ 54 въ годъ.

Данныя статистики показываютъ, между прочимъ, что въ послѣдніе годы судъ присяжныхъ проявляетъ большую, чѣмъ прежде, суровость въ дѣлахъ репрессіи преступленій печати. Число оправдательныхъ приговоровъ, составлявшее 47% въ пятилѣтіе 1881—1885 гг., въ 1891—1900 падаетъ до 31%.

Современное французское законодательство о печати представляетъ собою типъ, къ которому болѣе или менѣе близко подходятъ всѣ остальныя западно-европейскія государства. Въ основѣ ихъ законодательствъ лежатъ два главные принципа: во 1-хъ, свобода печати отъ всякихъ стѣснительныхъ предупредительно-полицейскихъ ограниченій; во 2-хъ, судебное преслѣдованіе преступленій, совершаемыхъ путемъ печати.

Законодательство о печати въ Германіи.

Установленіе регулярной цензуры въ Германіи относится къ 1529—30 гг., хотя нѣкоторые имперскіе указы и ранѣе этого, именно въ 1521 и 1524 гг., возлагаютъ на свѣтскія правительства обязанность надзора за книгопечатаніемъ. Законодательство XVI и XVII вв. еще болѣе расширило предупредительныя мѣры по отношенію къ печати. Для лучшаго и болѣе правильнаго надзора за нею, Рудольфъ II учредилъ въ 1608 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ особое книжное коммисаріатство (Büchercommissariat), которое дол-

жно было наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе имперскихъ законовъ и полномочія котораго были еще болѣе расширены послѣдующими королевскими патентами XVIII вѣка. Какъ извѣстно, Германія распадалась въ то время на рядъ мелкихъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ владѣній. Правители ихъ примѣняли имперское законодательство о печати не вездѣ одинаково: иные съ большей, другіе съ меньшей строгостью. Такъ, напр., въ Бранденбургѣ правильная цензура, и то лишь для богословскихъ произведеній, была введена впервые только въ 1654 году; для всѣхъ же книгъ вообще она была установлена лишь въ 1749 году.

Во второй половинѣ XVII вѣка, подъ вліяніемъ идей свободной философіи, въ нѣкоторыхъ маленькихъ государствахъ (въ Голштиніи, Брауншвейгѣ, Саксенъ-Веймарѣ и др.) цензура была совершенно упразднена. Но затѣмъ, главнымъ образомъ, подъ впечатлѣніемъ событій французской революціи, стѣсненія печати снова усилились и сдѣлались повсемѣстными. Въ 1815 году союзный актъ объявилъ, что въ первой же сессіи союзнаго собранія будетъ выработано однообразное для всѣхъ государствъ союза законодательство о свободѣ печати. Это обѣщаніе не было исполнено; вмѣсто того въ 1819 году изданъ былъ законъ о печати, по которому всѣ періодическія изданія, а также и книги, объемъ которыхъ не достигалъ 20 печатныхъ листовъ, подлежали предварительной цензурѣ (составители этого закона, очевидно, находились подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго законодательства о печати 1814 года).

Въ періодъ времени, слѣдовавшій за революціоннымъ возбужденіемъ 1848 года, въ конституціонныхъ хартіяхъ большинства германскихъ государствъ былъ санкціонированъ принципъ свободы печати; онъ былъ положенъ въ основу отдѣльныхъ законовъ о печати, изданныхъ въ то время. Позднѣе Германскій Союзъ (въ положеніи 1854 года) снова подвергъ печать цѣлому ряду полицейскихъ ограниченій, хотя и не рѣшился возстановить цензуру. Впрочемъ, это положеніе не было введено въ Пруссіи, Баваріи и нѣкоторыхъ мелкихъ государствахъ. Въ 1870 году, послѣ франко-прусской войны, Сѣверо-Германскій союзъ превратился въ Германскую Имперію, при чемъ компетенція имперскаго

законодательства была распространена и на область печати. 7 мая 1874 года былъ изданъ имперскій законъ о печати, который для большинства германскихъ государствъ представляетъ значительный шагъ впередъ. Подъ режимомъ этого закона нѣмецкая печать находится и по настоящее время.

Созданное этимъ закономъ положеніе печати въ существенныхъ чертахъ представляется почти тождественнымъ съ изложенными современными условіями печати во Франціи. Нѣкоторыя ограниченія установленной закономъ 1874 года свободы печати явились въ такъ называемомъ „законѣ о соціалистахъ“ 1878 года. Онъ былъ изданъ вслѣдствіе крайнихъ проявленій соціалистической и анархической агитаціи, выразившейся, между прочимъ, въ двукратномъ покушеніи на жизнь императора Вильгельма. Заключающіяся въ немъ исключительныя мѣры должны были имѣть временный характеръ, при чемъ, по наступленіи срока дѣйствія этого закона, онъ дважды былъ продленъ, такъ что сохранялъ силу до 1890 г., когда императоръ Вильгельмъ II не призналъ нужнымъ предложить рейхстагу продлить дѣйствіе закона на новый срокъ. Въ числѣ этихъ исключительныхъ мѣръ находились, между прочимъ, и мѣры по отношенію къ печати. На мѣстныя полицейскія учрежденія возложена была обязанность воспрещать всякаго рода произведенія печати, въ которыхъ проявляются соціалистическія тенденціи, клонящіяся къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя и могущія угрожать общественному спокойствію. Воспрещеніе заграничныхъ изданій поставлено было въ зависимость отъ имперскаго канцлера, при чемъ его распоряженія были обязательны для всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ Имперіи.

Историческій очеркъ законодательства о печати въ Россіи.

Законодательство о печати въ Россіи не имѣетъ такой продолжительной исторіи, какъ разсмотрѣнныя законодательства западно-европейскихъ государствъ. Первыя зачатки полиціи печати въ Россіи встрѣчаются лишь въ началѣ XVIII вѣка. Объясняется это, главнымъ образомъ, болѣе

позднимъ появленіемъ и распространеніемъ у насъ самаго искусства книгопечатанія, въ связи съ болѣе низкимъ уровнемъ культурнаго развитія, сравнительно съ соотвѣтственными періодами исторіи западно-европейскихъ государствъ.

Впервые повидимому вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ типографіи былъ возбужденъ въ началѣ XVI вѣка. Сохранилось преданіе, что аѳонскій монахъ Максимъ Грекъ, призванный въ Россію для исправленія церковныхъ книгъ, совѣтовалъ великому князю Василію Іоанновичу ввести книгопечатаніе, указывая «на многую грубость и нерадѣніе переписующихъ». Позднѣе, въ 1548 году саксонцу Шмидту поручено было пригласить въ Россію разныхъ европейскихъ мастеровъ, въ томъ числѣ и типографщиковъ, но правительство Ливонскаго ордена не пропустило ихъ.

Первая типографія въ Москвѣ была устроена въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія: 1 марта 1564 года окончено было печатаніе первой въ Россіи книги «Дѣянія Апостольска и посланія соборная и святаго апостола Павла посланія». Первыми типографами у насъ были діаконъ Московскаго Никольскаго Гостунскаго собора Иванъ Ѳедоровъ и его товарищъ Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ. Въ 1565 году ими была напечатана книга «Часовникъ», но вскорѣ затѣмъ они вынуждены были бѣжать изъ Москвы изъ опасенія преслѣдованій со стороны черни, такъ какъ въ народѣ ихъ считали еретиками. Возобновленіе книгопечатанія въ Москвѣ послѣдовало лишь около 1587 года.

Въ теченіе XVII вѣка въ Московской типографіи печатались почти исключительно церковныя и богослужебныя книги, и государственной власти не было повода выступать съ мѣрами надзора надъ книгопечатаніемъ.

Одною изъ наиболѣе раннихъ законодательныхъ мѣръ по отношенію къ печати является Сенатскій указъ 1720 г. Этотъ указъ предписываетъ печатать церковныя книги лишь по объявленіи «объ оныхъ въ Духовной Коллегіи» (такъ первоначально назывался Святѣйшій Синодъ) и съ ея позволенія, «дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви Восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти». Поводомъ къ изданію этого указа послужило появленіе нѣкоторыхъ книгъ: одной — въ духѣ раскола, другой—заключающей въ себѣ «многую Люторскую противность», и третьей, въ которой Кіево-Печерскій монастырь названъ «Ставропигіею Вселенскаго Константинопольскаго Патріарха, чего бы печатать не надлежало, для того, что Кіево-Печерскій монастырь отъ многихъ лѣтъ учиненъ въ Ставропигіи Святѣйшихъ Россійскихъ Патріарховъ, а отъ Константинопольскаго уволенъ». Въ слѣдующемъ году въ Регламентѣ Духовной Коллегіи (1721 г.) установлена была общая мѣра относительно предварительнаго разсмотрѣнія богословскихъ книгъ: «Аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое бъ не печатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ. А коллегіумъ разсмотрѣть должно, нѣтъ ли каковаго въ письмѣ ономъ погрѣшенія, ученію православному противнаго».

До второй половины XVIII вѣка печатать книги можно было только въ казенныхъ типографіяхъ при мѣстахъ правительственныхъ. Первая частная типографія была устроена въ Петербургѣ въ 1771 году, когда иностранцу Гартунгу дана была привилегія на учрежденіе «вольной» типографіи, впрочемъ, для печатанія лишь на однихъ иностранныхъ языкахъ. Печатать русскія книги въ вольной, частной типографіи было запрещено, «дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было». Печатать въ вольной типографіи книги повелѣно было не иначе, какъ со свидѣтельствомъ Академіи Наукъ и съ дозволенія полиціи, чтобы не выходили въ свѣтъ книги, противныя христіанскому закону, правительству и добронравію. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1776 г.) разрѣшено было книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шнору учредить новую вольную типографію для печатанія книгъ и на русскомъ языкѣ,—«однакожъ, прибавляетъ указъ, такихъ, кои непредосудительны православной греко-восточной церкви, ни правительству, ниже добронравію». Въ концѣ указа говорится о предписаніи «главной полицей-мейстерской канцеляріи, дабы она съ своей стороны имѣла наблюденіе, чтобъ безъ вѣдома ея никакихъ объявленій въ помянутой типографіи въ печать издаваемо не было; а дабы и въ печатаемыхъ книгахъ ничего по вышеписанному первому пункту привиллегіи предосудительнаго вкрасться не могло, оное поручить въ особое надзираніе, въ разсужденіи

духовныхъ книгъ опредѣленному отъ Святѣйшаго Синода, а свѣтскихъ Академіи Наукъ».

Въ 1783 году, Именнымъ указомъ Сенату отъ 15 января, типографское дѣло объявлено свободнымъ: «всемилостивѣйше повелѣваемъ типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, и вслѣдствіе того позволяемъ, какъ въ обѣихъ столицахъ нашихъ, такъ и во всѣхъ городахъ Имперіи нашей, каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ управѣ благочинія того города, гдѣ онъ ту типографію имѣть хочетъ». Въ типографіяхъ предоставляется печатать книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, не исключая и восточныхъ, «съ наблюденіемъ, однакожъ, чтобъ ничего въ нихъ противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было, чего ради отъ управы благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать, и ежели что въ нихъ противное сему нашему предписанію явится, запрещать; а въ случаѣ самовольнаго напечатыванія таковыхъ соблазнительныхъ книгъ, не только книги конфисковать, но и о виновныхъ въ подобномъ самовольномъ изданіи недозволенныхъ книгъ сообщать, куда надлежитъ, дабы оные за преступленіе законно наказаны были».

Такимъ образомъ указъ этотъ ввѣряетъ предварительное разсмотрѣніе печатаемыхъ книгъ управѣ благочинія, не дѣлая при этомъ различія между свѣтскими и духовными книгами. Послѣднее обстоятельство породило недоразумѣніе въ практикѣ, какъ видно изъ доклада петербургскаго губернатора (18 апрѣля 1786 г.), который, упомянувъ о предписаніи указа 1783 года „отъ управы благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать“, испрашивалъ у Императрицы указанія по вопросу—„повелѣно ль будетъ впредь книги къ духовнымъ особамъ отсылать“? Императрица положила резолюцію: „книги, касательныя закона (очевидно, закона Божія, т. е. духовныя), посылать, а о прочихъ поступать по уставу благочинія“ [1].

[1] Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 16378.

Изданіе указа 1783 г. оживило книжное дѣло въ Россіи. Частныя типографіи стали быстро размножаться, предпринимая изданіе новыхъ книгъ. Особенную энергію въ дѣлѣ изданія оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій проявилъ въ Москвѣ извѣстный Н. И. Новиковъ. Еще въ 1779 году Новиковъ снялъ въ арендное содержаніе типографію Московскаго университета съ книжною при ней лавкою, а также изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“. Найдя типографію въ запущенномъ состояніи, Новиковъ энергично принялся за ея упорядоченіе и развитіе издательскаго дѣла. О его дѣятельности имѣется интересный отзывъ Карамзина. По словамъ его, „Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ университетскую типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріучить публику къ чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель, т. е. съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось „Московскихъ Вѣдомостей“ не болѣе 600 экземпляровъ; г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи и, наконецъ, выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно „Дѣтское Чтеніе“, которое новостью своего предмета и разнообразіемъ матеріи нравилось публикѣ. Число субскрибентовъ, — прибавляетъ Карамзинъ,—ежегодно умножалось и лѣтъ черезъ 10 дошло до 4.000“. Цифра подписчиковъ—по тому времени и по тогдашнему уровню нашего общественнаго развитія огромная (въ то время такое число подписчиковъ было незаурядным и въ болѣе развитой западно-европейской прессѣ: еще въ 1815 г. Лондонскій Times имѣлъ лишь 5.000 подписчиковъ).

Реакціонное направленіе конца царствованія Екатерины II выразилось, между прочимъ, въ подозрительномъ отношеніи къ широкой дѣятельности Новикова въ области книжнаго дѣла. Въ концѣ 1785 года Именнымъ Указомъ Главнокомандующему въ Москвѣ, графу Брюссу, повелѣно войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ Архіепископомъ „объ

опредѣленіи одного или двухъ изъ духовныхъ особъ, вмѣстѣ съ свѣтскими, для освидѣтельствованія книгъ, выходящихъ изъ Новиковой и другихъ вольныхъ типографій, гдѣ что-либо касается до вѣры, или дѣлъ духовныхъ, и для наблюденія, чтобы таковыя печатаны не были, въ коихъ какія-либо колобродства, нелѣпыя умствованія и расколъ скрываются". Указъ этотъ изданъ былъ „въ разсужденіе того, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги", вслѣдствіе чего и повелѣно было „книги его типографіи освидѣтельствовать и, что окажется, Намъ донести и Синодъ Нашъ увѣдомить"; самого же Новикова приказано „испытать въ законѣ Нашемъ".

Разслѣдованіе это не установило однако какихъ либо существенныхъ отступленій отъ закона въ дѣятельности Новикова. Обнаружено было, что за 1779—1785 г. въ университетской типографіи напечатано было очень значительное число изданій (356 названій и 55 оказались въ печати), но изъ нихъ только шесть [1] повелѣно было „въ продажу выпускать запретить, покуда ближайшее разсмотрѣніе и дальнѣйшее приказаніе послѣдуетъ, а прочія книги распечатать (онѣ всѣ были опечатаны) и продажу ихъ дозволить". Въ томъ же Указѣ повелѣно было „помянутому Новикову да и вообще содержателямъ вольныхъ типографій въ Москвѣ строжайше подтвердить, чтобы они остерегалися издавать книги, наполненныя подобными странными мудрованіями, или, лучше сказать, сущими заблужденіями, подъ опасеніемъ не только конфискованія тѣхъ книгъ, но и лишенія права содержать типографію и книжную лавку, а при томъ и законнаго взысканія" (Именной Указъ Главнокомандующему въ Москвѣ гр. Брюссу 27-го марта 1786 г.). [2].

[1] Вотъ заглавія шести запрещенныхъ книгъ: 1) О заблужденіи и истинѣ; 2) Апологія, или защищеніе вольныхъ каменьщиковъ; 3) Братское увѣщаніе; 4) Хризомандеръ, Аллегорическая и Сатирическая повѣсть; 5) Карманная книжка; 6) Парацельса Химическая Псалтырь (Полн. собр. зак. т. XXII, № 16362).

[2] Послѣ ряда новыхъ преслѣдованій Новиковъ въ 1792 г. былъ подвергнутъ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости, изъ которой онъ былъ освобожденъ при Павлѣ I. Послѣдніе годы жизни (онъ умеръ въ 1818 г.). Новиковъ провелъ въ деревнѣ, гдѣ продолжалъ свои любимыя литературныя занятія.

Къ концу царствованія Екатерины II относится еще одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ исторіи полиціи печати въ Россіи—преслѣдованіе Радищева за книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", которую онъ издалъ съ дозволенія управы благочинія, при чемъ однако добавилъ послѣ цензуры нѣсколько листовъ. Въ этой книгѣ Радищевъ касается различныхъ общественныхъ вопросовъ, предлагаетъ проектъ освобожденія крестьянъ, говоритъ противъ самовластія и злоупотребленій администраціи, высказывается противъ цензуры, возстаетъ противъ многихъ обычаевъ и пороковъ общества и т. д. Изложенныя въ книгѣ Радищева мысли представляли собою развитіе тѣхъ основныхъ принциповъ, которые вызывали прежде сочувствіе и поддержку Екатерины II. Но отношеніе ея къ нимъ значительно измѣнилось, и то, чему она прежде покровительствовала, теперь подвергалось преслѣдованію.

Радищевъ былъ обвиненъ „въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги, подъ названіемъ: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и непристовыми изображеніями противу сана и власти; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно". Радищевъ былъ приговоренъ Палатою уголовныхъ дѣлъ С.-Петербургской губерніи, а затѣмъ и Сенатомъ къ смертной казни; но Императрица, по случаю заключенія мира со Швеціею, замѣнила это наказаніе лишеніемъ чиновъ, ордена Св. Владиміра, дворянскаго достоинства и ссылкой въ Сибирь въ Илимскій острогъ „на десятилѣтнее безысходное пребываніе" [1].

[1] Въ началѣ царствованія Павла I Радищевъ былъ возвращенъ изъ Сибири и жилъ въ деревнѣ, а при Александрѣ I былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ работахъ законодательной коммиссіи. — Запрещеніе съ сочиненія Радищева снято было въ 1868 году.

Въ концѣ царствованія Екатерины II послѣдовала организація цензуры, какъ спеціальнаго учрежденія „въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ“ (16 сент. 1796 г.). Въ Петербургѣ, Москвѣ—подъ вѣдѣніемъ Сената, въ Ригѣ, Одессѣ и при Радзивилловской таможнѣ—подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ учреждены были цензурныя управленія, каждое изъ трехъ лицъ, одного духовнáго и двухъ свѣтскихъ [1]. Никакія книги не могутъ быть издаваемы „безъ осмотра отъ одной изъ ценсуръ“ и „одобренія, что въ таковыхъ сочиненіяхъ или переводахъ ничего Закону Божію, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго не находится“. Эти правила должны быть соблюдаемы и для привозимыхъ изъ-за границы книгъ, „подвергая сожженію тѣ изъ нихъ, кои найдутся противными“ указаннымъ требованіямъ. Частныя типографіи, „въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ“, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, „кои по особому дозволенію устроены“, повелѣно „упразднить, тѣмъ болѣе, что для печатанія полезныхъ и нужныхъ книгъ имѣется достаточное количество таковыхъ типографій, при разныхъ училищахъ устроенныхъ“ [2].

Верховное управленіе цензурой сосредоточено въ Сенатѣ, но книги, признаваемыя недозволенными и даже сомнительными, повелѣно (уже при Павлѣ I) представлять на одобреніе Императорскаго Совѣта. Черезъ нѣсколько времени учреждена была цензура въ Вильнѣ, назначены цензоры для западныхъ губерній, а также повелѣно устроить цензуру во всѣхъ портахъ для просмотра привозимыхъ на корабляхъ книгъ, газетъ и пр. [1]. Въ 1799 году учреждена въ Москвѣ при Донскомъ Ставропигіальномъ монастырѣ особая „Духовная цензура“ „для освидѣтельствованія, разсмотрѣнія и исправленія переводовъ, касающихся до Церкви и церковнаго ученія, а также и сочиненій, издаваемыхъ какъ учрежденіями Соборными, такъ и въ Духовныхъ Училищахъ и частными духовными людьми“. Мотивами къ учрежденію въ Москвѣ, какъ центральномъ мѣстѣ, особой духовной цензуры Синодъ выставляетъ, съ одной стороны, обремененность членовъ Синода многочисленными обязанностями по епархіальному управленію, съ другой—пространство Имперіи и возрастающіе успѣхи въ наукахъ, вслѣдствіе чего является необходимость особеннаго управленія для разсмотрѣнія издаваемыхъ сочиненій.

Къ кратковременному царствованію Павла относятся еще нѣкоторыя весьма крутыя мѣры по отношенію къ печати, принятыя въ теченіе одного 1800 года. Всѣ провинціальныя цензурныя управленія утратили всякое значеніе, лишены были рѣшающей роли: они были подчинены цензурѣ петербургской, безъ одобренія которой не могла явиться ни одна книга. Далѣе повелѣно было „запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія... равномѣрно и музыку“. Принятіе этой мѣры было мотивировано тѣмъ, что „чрезъ выво-

[1] Вскорѣ послѣ изданія этого закона Сенатскій указъ предписалъ что «Цензуры должны состоять изъ трехъ особъ — одной духовной, по избранію Синода, одной гражданской, по назначенію Сената, и одной ученой, по избранію Академіи Наукъ и Московскаго Университета».

[2] Какъ видно изъ доклада Сената 1797 г., цензуры были созданы только въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ; въ Одессѣ же и Радзивилловѣ Сенатъ призналъ это излишнимъ въ виду того, что Императоръ Павелъ повелѣлъ: 1) тарифъ и привозъ иностранныхъ книгъ въ исполненіи его впредь до указа остановить; 2) таможни и заставы упразднить. Въ 1798 г. дозволенъ привозъ иностранныхъ книгъ исключительно черезъ Радзивилловъ, для чего и была тамъ учреждена въ томъ же году цензура.

[1] Вотъ мотивы этой мѣры, какъ они изложены въ Именномъ Указѣ Сенату (17 мая 1798 г.): «Правительство, нынѣ во Франціи существующее, желая распространить безбожныя свои правила во всѣ устроенныя Государства, ищетъ развращать спокойныхъ обитателей оными сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тѣ сочиненія разными образами разсѣявать въ обществѣ, наполняя даже оными и газеты свои. Подтверждая нынѣ прежде сего составившіеся указы о сочиненіяхъ Французскихъ, подъ именемъ Монитера извѣстныхъ, да и другихъ такого рода издаваемыхъ вообще въ областяхъ, подъ обладаніемъ Французскимъ состоящихъ, видя также, что многіе газетчики отступаютъ отъ прямой цѣли, должности своей и ищутъ, по подущенію ли Французовъ, или же по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ, подражать имъ и что, къ сожалѣнію, Власти нѣкоторыя взираютъ на сіе спокойнымъ духомъ, за нужное признаемъ повелѣть Сенату Нашему», и т. д. (Полн. Собрн. Зак. т. XXV № 18524).

зимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія". Наконецъ, въ томъ же году всѣ частныя типографіи велѣно запечатать.

Послѣднія двѣ мѣры были отмѣнены вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра I (указъ 31 марта 1801 года). Отмѣняя запрещеніе относительно ввоза изъ-за границы книгъ и музыкальныхъ произведеній и разрѣшая вновь частныя типографіи, указъ этотъ выражаетъ сознаніе монархомъ „пользы вѣрноподданныхъ" и „желаніе доставить имъ всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ". По отношенію къ цензурному управленію возстановлено въ полной силѣ законодательство 1796 года. Но вскорѣ послѣ этого былъ изданъ (9 февр. 1802 г.) новый указъ, отмѣнившій принятыя въ 1796 г. мѣры, въ виду того, что вызвавшія ихъ „внѣшнія обстоятельства.... прешли и нынѣ уже не существуютъ" и что пятилѣтній опытъ доказалъ, что „средство сіе было и весьма недостаточно къ предполагаемой имъ цѣли". По этимъ соображеніямъ признано было „справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препонъ, по времени содѣлавшихся излишними и безполезными, возвратить ее въ прежнее ея (до 1796 г.) положеніе". Хотя цензурныя управленія и были уничтожены („цензуры всякаго рода въ городахъ и при портахъ учрежденныя, яко уже не нужныя, упразднить"), предварительное одобреніе книгъ къ печати признано, однако, необходимымъ и возложено на гражданскихъ губернаторовъ, которые должны были поручать его директорамъ народныхъ училищъ; въ типографіяхъ же, существующихъ при ученыхъ обществахъ, академіяхъ, университетахъ и казенныхъ мѣстахъ, цензура издаваемыхъ книгъ возложена на отвѣтственность этихъ учрежденій. Ввозъ въ Россію иностранныхъ книгъ объявленъ свободнымъ [1]; книгопродавцевъ, торгующихъ иностранными книгами, повелѣно лишь обязывать подпиской, „чтобъ не продавали книгъ, законамъ Божіимъ и гражданскимъ противныхъ и къ соблазну явному клонящихся, подъ опасеніемъ строгаго отвѣта и взысканія по законамъ".

[1] Въ томъ же году особый указъ подтвердилъ предписаніе о безпрепятственномъ ввозѣ книгъ, не запрещенныхъ указомъ 8 февраля въ виду жалобъ, что провозъ иностранныхъ книгъ въ нѣкоторыя мѣста Россіи нынѣ еще подверженъ многимъ затрудненіямъ.

Но не долго просуществовала цензура въ этомъ видѣ. По учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія, ему предоставлена была, между прочимъ, и цензура книгъ, которую оно поручило университетамъ въ тѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ они были учреждены. Въ Петербургѣ, до открытія тамъ университета, учрежденъ особый цензурный комитетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, для единообразнаго руководства всѣхъ цензоровъ, изданъ былъ 9-го іюля 1804 года первый Цензурный Уставъ. Сравнительно съ позднѣйшими цензурными уставами первый отличается значительною краткостью: въ немъ всего 47 статей. По этому уставу, при университетахъ учреждаются цензурные комитеты, изъ профессоровъ и магистровъ, находящіеся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ самихъ университетовъ. Издаваемыя различными правительственными учрежденіями книги цензуруются ихъ начальствами. Книги духовнаго содержанія разсматриваются духовной цензурой (для этой цѣли въ 1808 г. были учреждены спеціальные духовные цензурные комитеты). По сравненію съ позднѣйшими уставами Уставъ 1804 г. отличается осторожнымъ и бережнымъ отношеніемъ къ печати. „Сими постановленіями, — говорилъ гр. Завадовскій въ докладѣ Государю объ уставѣ,—ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать; но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной". Уставъ 1804 г. не заключаетъ въ себѣ подробныхъ указаній цензорамъ, правилъ, которыми они должны руководствоваться при разсмотрѣніи книгъ (что мы увидимъ въ позднѣйшихъ уставахъ). Онъ предписываетъ имъ лишь въ общихъ выраженіяхъ наблюдать, „чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго Закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина". Послѣднія слова указываютъ на новую заботу, впервые возложенную на цензурныя установленія. Разсмотрѣніе книгъ иностранныхъ поручено тѣмъ же комитетамъ, но представленіе ихъ въ цензуру не объявлено обязательнымъ, а предоставлено на волю книгопродавцевъ, если они для огражденія себя отъ отвѣтственности пожелаютъ получить разрѣшеніе сомнѣній о книгахъ.

Предписывая изложенныя ограниченія, уставъ 1804 г. стремится предупредить возможность злоупотребленія ими въ смыслѣ излишняго стѣсненія печати. Этимъ стремленіемъ проникнуты особенно двѣ статьи его, характерныя по своему содержанію: „Впрочемъ цензура“, говоритъ ст. 21-я, „въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать“. „Скромное и благоразумное изслѣдованіе“, гласитъ ст. 22-я, „всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія“.

Довольно существенное измѣненіе въ положеніе цензурнаго управленія внесено было съ учрежденіемъ министерства полиціи (1811 г.), которому предоставлены были обширныя полномочія въ этомъ дѣлѣ, хотя прежняя организація цензуры и сохранялась. Въ числѣ прочихъ обязанностей министерства полиціи, на него былъ возложенъ не только надзоръ за тѣмъ, чтобы въ публикѣ не обращались сочиненія запрещенныя и недозволенныя, но ему же предоставлено и право принимать мѣры въ отношеніи къ книгамъ, хотя бы и одобреннымъ предварительной цензурой. Министръ полиціи, если замѣтитъ, что въ книгахъ и сочиненіяхъ, изданныхъ съ одобренія цензуры, допущены мѣста и выраженія, „подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ“, обязанъ со своими замѣчаніями вносить ихъ на Высочайшее усмотрѣніе. Такимъ образомъ, министръ полиціи являлся какъ бы высшимъ органомъ, контролирующимъ дѣятельность цензурныхъ установленій.

Во вторую половину царствованія Александра I значительно усилилась строгость цензуры, въ чемъ отразилась общая перемѣна въ направленіи правительства, принявшемъ характеръ реакціонный. Вотъ нѣсколько эпизодовъ, дающихъ понятіе о цензурныхъ стѣсненіяхъ—эпизодовъ, приведенныхъ въ обзорѣ, составленномъ въ 1862 году и напечатанномъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія подъ заглавіемъ „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“.

Карамзину Высочайше дозволено было печатать свою исторію безъ цензуры. Печаталась она въ военной типографіи, но въ 1816 году бывшій дежурный генералъ А. А. Закревскій пріостановилъ печатаніе, требуя цензурнаго разрѣшенія. Карамзинъ же обратился по этому поводу съ жалобою къ министру народнаго просвѣщенія кн. Голицыну. „Академики и профессоры, писалъ онъ, не отдаютъ своихъ сочиненій въ публичную цензуру; государственный исторіографъ имѣетъ, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, что и какъ писать; надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, Государя и нравственности; но быть можетъ, что цензоры не позволятъ мнѣ, напримѣръ, говорить свободно о жестокости Царя Іоанна Васильевича. Въ такомъ случаѣ, что будетъ исторія?“ Желаніе Карамзина было удовлетворено.

Въ 1822 г. Жуковскій горько жаловался на цензора Бирукова и на петербургскій цензурный комитетъ вообще за запрещеніе его баллады „Смальгольмскій баронъ“. „Я очень равнодушно соглашаюсь,—писалъ онъ,—признать эту балладу незаслуживающею вниманія бездѣлкою; но слышать, что ее не печатаютъ, потому что она можетъ быть *вредна* для читателей, это совсѣмъ иное! Съ такимъ грозно-несправедливымъ приговоромъ я не могу и не долженъ соглашаться“. Министръ тоже не согласился съ этимъ приговоромъ, но совѣтовалъ однако Жуковскому измѣнить нѣкоторыя выраженія.

Въ 1823 г. Кн. Вяземскій жаловался въ Главное Правленіе училищъ на цензора Красовскаго за запрещеніе одной критической статьи его и, между прочимъ, выражалъ неудовольствіе по поводу тѣхъ измѣненій, которыя сдѣлалъ въ статьѣ цензоръ. „Въ тѣхъ мѣстахъ, кои под-

вергаются совершенному его (цензора Красовскаго) исключенію, не ясно ли видно, что г. цензоръ принимаетъ на себя въ отношеніи ко мнѣ обязанность рецензента и съ учительскою заботливостью наставляетъ меня искусству писать по своему, замѣняя слова мои своими и выкидывая выраженія, по мнѣнію его, видно некрасивыя или неправильныя. Да позволено мнѣ будетъ обратить вниманіе главнаго правленія училищъ на нѣкоторые тому примѣры. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто *завѣваетъ* г. Красовскій ставитъ *упрекаетъ*; въ другомъ не позволяетъ мнѣ сказать, что Карамзинъ *слѣдовалъ благоразумію*; въ третьемъ прибавляетъ къ словамъ *строгимъ приговоромъ — но справедливымъ*, и такимъ образомъ, предугадывая и насильствуя мое литературное мнѣніе, хочетъ, чтобы я волею или неволею почиталъ за справедливое въ словесности то, что онъ справедливымъ почитаетъ. Далѣе вмѣсто выраженія моего: *полемической тактики* ссужаетъ меня выраженіемъ *спорной тактики*, которое едва ли имѣетъ какой либо извѣстный смыслъ“ [1]. . . .

Ко второй половинѣ царствованія Александра I относится появленіе новаго требованія въ области цензуры, которое оказалось очень стѣснительнымъ для печати—требованія относительно предварительнаго просмотра статей, касающихся различныхъ частей государственнаго управленія, тѣми вѣдомствами, до которыхъ онѣ касались. Впервые это требованіе установлено было, повидимому, въ 1817 году, когда по поводу одной статьи объ откупахъ министръ народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ предписалъ цензурнымъ комитетамъ не пропускать „ничего, относящагося до правительства, не испросивъ прежде на то согласія отъ того министерства, о предметѣ котораго въ книжкѣ разсуждается“. Распоряженіе это впослѣдствіи часто подтверждалось, внесено было въ уставы 1826 и 1828 г. г. и надолго сдѣлалось однимъ изъ основныхъ правилъ цензуры, получившимъ наименованіе „множественности“ цензуры.

Въ 1824 году министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ адмиралъ Шишковъ, который еще въ 1815 году заявлялъ о недостаточности цензурнаго устава 1804 г. и необходимости измѣнить и дополнить его. Въ этомъ направленіи уже съ 1820 г. предприняты были подготовительныя работы, которыми и воспользовался Шишковъ. Его планамъ помогло реакціонное настроеніе, вызванное событіями, которыми ознаменовалось вступленіе на престолъ Николая I. 10-го іюня 1826 года утвержденъ былъ новый уставъ о цензурѣ, который характеризуется чрезвычайною суровостью и стремленіемъ не только удерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ свободное развитіе мысли, но и дать ей сообразное опредѣленнымъ цѣлямъ направленіе.

„Цѣль учрежденія цензуры,—гласитъ 1-я статья новаго устава,—состоитъ въ томъ, чтобы произведеніямъ словес-

[1] Цензоръ Красовскій извѣстенъ и болѣе причудливыми проявленіями по своей продолжительной цензорской дѣятельности. По словамъ составителя «Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ въ Россіи», — «личность эту достаточно опредѣляетъ слѣдующій, можно сказать безъ преувеличенія, цензурный куріозъ, повторяемый какъ преданіе между литераторами и сохраненный цензурными архивами». При разсмотрѣніи стиховъ «Стансы къ Элизѣ», которые малоизвѣстный поэтъ Олинъ заимствовалъ изъ Вальтеръ-Скотта, Красовскій обратилъ особое вниманіе на нѣкоторые стихи, сдѣлавъ по поводу ихъ свои замѣчанія. Напр.:

«Улыбку устъ твоихъ небесную ловить».

Замѣч. Крас.: «Слишкомъ сильно сказано: женщина недостойна того, чтобъ улыбку ея называть небесною».

«И молча на тебѣ покоить взоры».

Замѣч. Крас. «Тутъ есть какая-то двусмысленность».

«Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
«Дороже для меня вниманья всей вселенной».

Замѣч. Крас.: «Сильно сказано; къ тому же во вселенной есть и цари и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно».

«О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
«Безвѣстный, близъ тебя къ блаженству пріучаться».

Замѣч. Крас.: «Это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю, для того только, чтобъ быть всегда съ своею любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно только пріучаться близъ Евангелія, а не близъ женщины».

«О, какъ бы я желалъ всю жизнь тебѣ отдать»...

Замѣч. Крас.: «Что же останется Богу?»

Тотъ же Красовскій не пропустилъ статьи «О вредности грибовъ», мотивируя свое запрещеніе тѣмъ, что «грибы постная пища православныхъ и писать о вредности ихъ — значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе».

ности, наукъ и искусствъ . . . дать полезное или, по крайней мѣрѣ, безвредное для блага отечества направленіе".

Главное управленіе цензурою ввѣряется министру народнаго просвѣщенія. Въ пособіе ему въ разрѣшеніи важнѣйшихъ по цензурѣ дѣлъ и для высшаго руководства цензоровъ учрежденъ Верховный Цензурный Комитетъ, состоящій, кромѣ министра народнаго просвѣщенія, изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ. Составъ этотъ опредѣленъ сообразно съ „тремя главнѣйшими въ отношеніи къ цензурѣ попеченіями, а именно: а) о наукахъ и воспитаніи юношества, б) о правахъ и внутренней безопасности и в) о направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства". Какъ видно уже изъ этого, Уставъ 1826 г. ставитъ цензурѣ очень широкія цѣли, приписывая ей въ значительной степени педагогическую, воспитательную роль.

Для цензуры книгъ учреждены четыре Комитета: въ Петербургѣ, Москвѣ, Дерптѣ и Вильнѣ. Въ дѣятельности своей эти Комитеты руководствуются указаніями Верховнаго Цензурнаго Комитета, на обязанности котораго лежитъ общее направленіе цензуры и разрѣшеніе важнѣйшихъ обстоятельствъ, встрѣчающихся при разсматриваніи предполагаемыхъ къ изданію въ свѣтъ сочиненій. Верховный Комитетъ составляетъ ежегодно „наставленіе Цензорамъ, долженствующее содержать въ себѣ особыя указанія и руководства для точнѣйшаго исполненія нѣкоторыхъ статей Устава, смотря по обстоятельствамъ времени". Впрочемъ, и въ самомъ уставѣ значительная часть статей посвящена изложенію правилъ, которыми должны руководствоваться цензоры.

Въ этихъ правилахъ уставъ 1826 года идетъ далеко за предѣлы обычныхъ запрещеній пропускать къ печатанію что-либо противное религіи, существующей формѣ правленія, добрымъ нравамъ, чести и т. п. Цензору, между прочимъ, вмѣняется въ обязанность не пропускать такихъ произведеній, въ которыхъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, а при разсмотрѣніи каталоговъ имѣющихся въ продажѣ книгъ наблюдать, „чтобы приписываемыя имъ похвалы не противорѣчили справедливости, дабы любители чтенія не могли быть чрезъ то приводимы къ неоснова-

тельному желанію пріобрѣтать книги, не заслуживающія ихъ вниманія".—„Всѣ вообще отрывки изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, театральныхъ сочиненій и проч., не имѣющіе полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной или, по крайней мѣрѣ, безвредной цѣли, подвергаются запрещенію".—„Статьи подъ названіемъ критикъ и анти-критикъ должны быть основаны на безпристрастныхъ сужденіяхъ; и въ такомъ случаѣ, хотя бы содержали въ себѣ непріятныя, но справедливыя возраженія и нужныя для пользы языка и словесности обличенія въ погрѣшностяхъ, безпрепятственно одобряются къ напечатанію".—Запрещается пропускать къ напечатанію „всякія частныхъ людей предположенія о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія или измѣненія правъ и преимуществъ" разныхъ сословій и состояній; повелѣно не пропускать также „ничего неуважительнаго или обиднаго" для дружественныхъ державъ; но „само собою разумѣется", говоритъ одна изъ статей, „что скромнаго и пристойнаго разсужденія о предметахъ управленія иностранныхъ государствъ воспрещать не слѣдуетъ".—„Статьи, касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается".—При разсмотрѣніи произведеній словесности цензорамъ предписывается наблюдать „въ особенности, чтобы въ сочиненіяхъ сего рода сохранялась чистая нравственность и не замѣнялась бы однѣми красотами воображенія".—„Исторія не должна заключать въ себѣ произвольныхъ умствованій, которыя не принадлежатъ къ повѣствованію"; запрещены описанія бывшихъ въ разныхъ государствахъ возмущеній, если сочинитель „всѣхъ горестныхъ послѣдствій возмущенія не представляетъ въ спасительное поученіе современникамъ и потомкамъ".—„Кромѣ учебныхъ, логическихъ и философическихъ книгъ, необходимыхъ для юношества, прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными и пагубными мудрованіями новѣйшихъ временъ, вовсе печатаемы быть не должны".—Что касается до дидактическихъ умозрительныхъ сочиненій о правахъ и законахъ, заключающихъ въ себѣ теоріи о правѣ естественномъ, народномъ, гражданскомъ и уголов-

номъ, изложенныхъ въ видѣ метафизическихъ изысканій, то всякая вредная теорія, таковая, какъ, напр., о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, будто бы естественномъ, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога и тому подобныя, отнюдь не должны быть одобряемы къ напечатанію".—Въ сочиненіяхъ по медицинскимъ и естественнымъ наукамъ воспрещены „всѣ произвольныя и безполезныя отступленія, кои отвлекаютъ читателей и учащихся отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру. Примѣненія и переходы сіи обыкновенно доводятъ до заблужденія и нимало не способствуютъ къ основательному изученію естественныхъ и медицинскихъ наукъ". Особая статья прибавляетъ: „по отношенію къ медицинскимъ наукамъ въ особенности слѣдуетъ наблюдать, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыхъ изъ нихъ орудіями къ поколебанію или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ, достовѣрности священнѣйшихъ для человѣка истинъ, таковыхъ, какъ духовность души, внутреннюю его свободу и высшее опредѣленіе къ будущей жизни. А потому и поставляется въ обязанность цензоровъ, чтобы они тщательно отсѣкали въ разсматриваемыхъ ими сочиненіяхъ и переводахъ всякое къ тому покушеніе".

Отвѣтственность цензоровъ по соблюденію требованій устава чрезвычайно велика, но и эта отвѣтственность признается не вполнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ. Одна изъ статей устава гласитъ, что и по пропускѣ цензоромъ сочиненія, авторъ его можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію, „ибо гораздо виноватѣе тотъ, кто, занимаясь на свободѣ однимъ только сочиненіемъ своимъ, обдумываетъ въ тишинѣ кабинета что-либо вредное для общественной безопасности и нравовъ и потомъ издаетъ въ свѣтъ, нежели цензоръ, разсматривавшій сочиненіе его, по обязанности своей, на ряду со многими другими".

Право содержать типографію и литографію можетъ быть пріобрѣтено не иначе, какъ „по представленіи просителемъ достаточныхъ свидѣтельствъ о благонадежности". Свидѣтельства эти разсматриваются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, по сношеніи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и дается письменное позволеніе.

Право издавать въ свѣтъ повременное изданіе „можетъ быть предоставлено только человѣку добрыхъ нравовъ, извѣстному на поприщѣ отечественной словесности, доказавшему сочиненіями хорошій образъ мыслей и благонамѣренность свою и способному направлять общественное мнѣніе къ полезной цѣли". Соотвѣтственное ходатайство, съ надлежащими свѣдѣніями и приложеніями (между прочимъ „прежнихъ просителя печатныхъ сочиненій", „послужнаго списка и другихъ свидѣтельствъ, если онъ имѣетъ ихъ, о ревностномъ исполненіи обязанностей, понесенныхъ, въ разное время, по званію, какое онъ занималъ въ обществѣ"), подается въ мѣстный цензурный комитетъ. Послѣдній прежде, чѣмъ направить ходатайство къ высшей власти, удостовѣряется, что „предполагаемое къ изданію повременное сочиненіе, при точномъ соблюденіи предначертаннаго плана, не только не можетъ имѣть никакого вреднаго на нравы, или на общественное мнѣніе, дѣйствія, но и должно принести пользу по отношенію къ просвѣщенію или благонравію".

Наличность цензорскаго наблюденія за всѣмъ, что печаталось въ повременныхъ изданіяхъ, почиталась еще недостаточною гарантіею благонамѣренности ихъ, и въ уставѣ предусматривается запрещеніе повременнаго изданія по слѣдующему основанію: „если цензурный комитетъ, по немалому числу запрещенныхъ имъ статей, удостовѣрится, что издатель повременнаго сочиненія не имѣетъ хорошаго образа мыслей и намѣренъ давать своему изданію вредное для читателей направленіе, то, сдѣлавъ изъ таковыхъ статей выписку, представляетъ, чрезъ кого слѣдуетъ, министру народнаго просвѣщенія, съ мнѣніемъ, о воспрещеніи, уличенному такимъ образомъ въ неблагонамѣренности, писателю продолжать изданіе повременнаго своего сочиненія".

Таковы существенныя черты Устава о цензурѣ 1826 г. Онъ представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ исторіи цензурнаго законодательства вообще, а въ Россіи—кульминаціонный пунктъ въ развитіи стремленія обезпечить полицейское воздѣйствіе на печать. Онъ

создавалъ для печати условія крайне тягостныя, да и цензурныя органы ставилъ въ рѣшительную невозможность исполнять требованія закона, облекая ихъ не контрольными функціями надзора, а совершенно неумѣстными и неосуществимыми широкими дидактическими полномочіями. Практика вскорѣ же выяснила необходимость радикальнаго измѣненія цензурнаго устава. Ближайшій толчекъ ему былъ данъ рѣшеніемъ пересмотрѣть правила объ иностранной цензурѣ, которая до тѣхъ поръ не была соединена съ цензурою внутреннею и которую предположено было подчинить тому же вѣдомству, такъ чтобы она являлась отдѣленіемъ общей цензуры. Общему пересмотру устава содѣйствовало то обстоятельство, что въ 1827 году адмирала Шишкова, главнаго творца устава 1826 года, замѣнилъ кн. Ливенъ, не раздѣлявшій взглядовъ своего предшественника на цензуру. Въ томъ же году изготовленъ былъ новый проектъ цензурнаго устава, который и былъ утвержденъ 22 апрѣля 1828 г.

Въ основное начало цензурнаго законодательства новый уставъ внесъ существенное измѣненіе. Тогда какъ по уставу 1826 г. цензура призывалась къ тому, чтобы давать извѣстное направленіе печати, по уставу 1828 г. задачи цензуры выражены болѣе узкими и болѣе опредѣленными полномочіями. „Ей не поставляется уже въ обязанность,—гласятъ соображенія Государственнаго Совѣта,—давать какое либо направленіе словесности и общему мнѣнію: она долженствуетъ только запрещать изданіе или продажу тѣхъ произведеній словесности, наукъ и искусствъ, кои въ цѣломъ составѣ или въ частяхъ своихъ вредны въ отношеніи къ вѣрѣ, престолу, добрымъ нравамъ и личной чести гражданъ. Она представляется какъ бы таможнею, которая не производитъ сама добротныхъ товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные, и клеймитъ лишь тѣ, коихъ провозъ и употребленіе дозволены тарифомъ“. Такая постановка дѣла опредѣляетъ и иной характеръ обязанностей цензоровъ. „Они уже не поставлены судьями достоинства или пользы разсматриваемой книги. Они только отвѣтствуютъ на вопросъ: не вредна ли та книга,—и все ихъ дѣйствіе ограничивается простымъ рѣшительнымъ на сей

вопросъ отвѣтомъ. Проектъ новаго устава даетъ менѣе свободы собственному произволу цензоровъ и тѣмъ способствуетъ успѣхамъ истиннаго просвѣщенія, но въ то же время даетъ имъ возможность запретить всякую вредную книгу на основаніи положительнаго закона и не входя въ предосудительныя пренія съ писателями“...

Намѣреніе смягчить цензурныя стѣсненія опредѣленно сказывается въ самой редакціи нѣкоторыхъ статей, заключающихъ въ себѣ указаніе, чего не должны дѣлать цензоры и что на нихъ возлагалъ уставъ 1826 г. Такова напр. ст. 15: „цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости и неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры; она не можетъ входить въ сужденія о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, буде только оно невредно, и не должна поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію“.

На почвѣ новаго устава строгости цензуры значительно смягчились. Къ тому же и высшая инстанція на первыхъ порахъ нерѣдко проявляла благосклонное отношеніе къ печати и удовлетворяла литераторовъ, обращавшихся съ жалобой на цензоровъ и цензурные комитеты въ Главное управленіе цензуры, замѣнившее собою Верховный Цензурный Комитетъ 1826 года. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что во время управленія министерствомъ кн. Ливена разрѣшались безъ особенныхъ затрудненій новыя періодическія изданія.

Однако, этотъ періодъ смягченія цензурныхъ условій продолжался недолго. Положеніе печати стало осложняться различными дополненіями къ уставу въ видѣ многочисленныхъ административныхъ распоряженій, которыя отражали на себѣ все болѣе реакціонный характеръ эпохи. Развитіе реакціоннаго настроенія въ значительной степени вызывалось впечатлѣніями отъ событій, имѣвшихъ мѣсто на западѣ, главнымъ образомъ, іюльской революціи 1830 г. во Франціи и революціонными движеніями 1848 г. во многихъ государствахъ западной Европы.

Помимо усиленія цензурной строгости, особенно по

отношенію къ періодической печати, затруднено было полученіе права на изданіе новыхъ журналовъ и газетъ, для разрѣшенія которыхъ съ 1832 г. требовалось соизволеніе Высочайшей власти [1]. Съ другой стороны, крайне широкое развитіе получила множественность цензуръ. Различныя вѣдомства одно за другимъ получили право цензурнаго разсмотрѣнія произведеній, касающихся ихъ компетенціи. Вслѣдъ за министерствами военнымъ, финансовъ, Императорскаго двора, это право предоставлено было почтовому вѣдомству, главному управленію путей сообщенія, управленію военно-учебныхъ заведеній, Кавказскому комитету, II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, Археографической коммиссіи, главному попечителю дѣтскихъ пріютовъ, С.-Петербургскому оберъ-полицеймейстеру, управленію государственнаго коннозаводства. „Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдующихъ цензурою, — говоритъ въ своихъ запискахъ академикъ Никитенко, — ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года". Всѣ эти спеціальныя цензуры ни мало не избавляли отъ цензуры общей, и какое-нибудь изданіе, съ разнообразнымъ содержаніемъ, могло проходить послѣдовательно черезъ нѣсколько цензуръ.

Подъ вліяніемъ событій 1848 года, имѣвшихъ мѣсто въ западно-европейскихъ государствахъ, еще болѣе усилилась строгость цензурныхъ правилъ. Всѣ иностранныя книги, привозимыя въ Россію, были обложены пошлиною. Установлены новыя строгія формальности при осмотрѣ привозимыхъ книгъ; лица и учрежденія, которымъ дозволялось выписывать книги безъ цензуры, подвергнуты ограниченіямъ въ выпискѣ ихъ и пользованіи ими. Въ 1850 году преобразованъ составъ главнаго управленія цензуры. Цензорами повелѣно было назначать не университетскихъ профессоровъ, какъ это было по уставу 1828 г., а чиновниковъ, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведе-

[1] А въ 1836 г. министръ народнаго просвѣщенія въ предложеніи попечителю Московскаго учебнаго округа заявилъ: «представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время воспрещаются». Сборникъ постан. и распор. по цензурѣ. Стр. 227.

ніяхъ или инымъ способомъ пріобрѣвшихъ основательныя въ наукѣ свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы они, занимая должность цензора, не несли никакихъ другихъ обязанностей.

Въ 1848 году созданъ былъ особый комитетъ, на который первоначально возложена была обязанность „разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому журналу программы". Вскорѣ задачи комитета были расширены и онъ явился, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, органомъ „для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ книгопечатанія" (по выраженію составителя „Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ"). Подъ именемъ „Комитетъ 2 Апрѣля", это установленіе просуществовало до конца 1855 года и являлось главнымъ руководителемъ полиціи печати за это время, которое въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о цензурѣ" наименовано эпохою „цензурнаго террора".

Комитетъ этотъ проявлялъ самый дѣятельный надзоръ за печатью и цензурными учрежденіями, которымъ онъ нерѣдко давалъ указанія и внушенія. „Главнѣйшее вниманіе его обращено было на между-строчный смыслъ сочиненій, не столько на „видимую", какъ указывалъ уставъ 1828 года, сколько на предполагаемую цѣль автора". Комитетъ, а подъ его воздѣйствіемъ и общія цензурныя учрежденія стремились къ осуществленію той задачи, которую ставилъ уставъ 1826 г. — сообщенія литературѣ желательнаго направленія. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ [1] цензурная опека приняла самые широкіе размѣры.

[1] Составитель «Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ», указавъ на увеличившуюся въ это время строгость цензуры, прибавляетъ, что «она сдѣлалась до того подозрительною, что одинъ цензурный комитетъ вступилъ въ ходатайство о назначеніи въ его составъ музыканта для разсмотрѣнія нотъ, ибо, представлялъ онъ, необходимо бываетъ опредѣлить, «дѣйствительно ли представляемыя ноты содержатъ въ себѣ музыкальную пьесу, а не какое-либо безнравственное и вредное сочиненіе, написанное въ видѣ нотъ, знаками, составленными по извѣстному ключу». Одинъ цензоръ, имѣя, безъ сомнѣнія, въ виду выговоръ, сдѣланный за пропущеніе въ словарѣ непристойныхъ словъ, просматривая словарь Рейфа, подвергъ исключенію многія иностранныя слова, одни по причинѣ ихъ неблагопристойнаго смысла

По вступленіи на престолъ Императора Александра II положеніе печати значительно измѣнилось къ лучшему. Перемѣна сказалась прежде всего въ смягченіи суровостей цензурной практики. Въ печати не могло не отразиться общественное оживленіе, вызванное, съ одной стороны, обнаруженіемъ многихъ недочетовъ и злоупотребленій въ эпоху Восточной войны, и съ другой — рѣшеніемъ правительства предпринять рядъ реформъ въ различныхъ отрасляхъ управленія и суда. Особенно дѣятельное участіе приняла печать въ обсужденіи крестьянской реформы, важнѣйшія стороны которой были тщательно выяснены компетентными писателями. Допущенную свободу обсужденія правительство стремилось, однако, поставить въ извѣстныя рамки путемъ цѣлаго ряда распоряженій, свидѣтельствующихъ о томъ, что еще сильны были традиціонныя опасенія цензурнаго характера [1]. Въ 1859 г. послѣдовало въ Совѣтѣ Министровъ общее сужденіе по вопросу о гласности. При этомъ „найдено было, что оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о существующихъ безпорядкахъ

другія по причинѣ ихъ созвучія съ русскими неблагопристойными словами, третьи по разнымъ своимъ соображеніямъ; такъ, между прочимъ, замѣтивъ, что нѣмецкое слово Litanei было переведено словами «литія, молебенъ, скучный разсказъ», онъ вычеркнулъ послѣднее. Издатель словаря, жалуясь главному управленію, объяснялъ, «что хуже будетъ, если русскій ученикъ, встрѣтивъ на нѣмецкомъ языкѣ это слово въ смыслѣ «скучнаго разсказа», станетъ переводить его словами «литія, молебенъ».—«Истор. свѣд. о ценз.», стр. 72—73.

[1] Въ январѣ 1858 г. Высочайшимъ повелѣніемъ объявлены были особыя правила «для руководства внутренней цензуры при разсмотрѣніи и пропускѣ къ напечатанію статей, относящихся до предпринятаго нынѣ освобожденія крѣпостнаго состоянія: а) статей, гдѣ будутъ разбирать, осуждать и критиковать распоряженія правительства по этому дѣлу, къ напечатанію не допускать. б) Не позволять также печатать тѣхъ статей, преимущественно литературнаго содержанія, гдѣ въ формѣ разсказа, или какой-либо другой, помѣщаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ. в) Затѣмъ, всѣ сочиненія и статьи, чисто ученыя, теоретическія, историческія и статистическія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственные о теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, дозволять печатать, какъ отдѣльными книжками, такъ и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, съ тѣмъ только: а) чтобы при этомъ не было допускаемо разсужденій и толкованій о главныхъ началахъ, Высочайшими рескриптами предписанныхъ въ руководство Комитетамъ, по губерніямъ учрежденнымъ; б) чтобы при пропускѣ всѣхъ подобнаго рода статей и сочиненій въ точности соблюдались общія правила, цензурнымъ уставомъ предписанныя; в) чтобы обращено было особое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія, и г) статьи, писанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ» (Сборн. постан. и распор. по цензурѣ, стр. 422—423).—Черезъ нѣсколько дней новымъ Высочайшимъ повелѣніемъ опредѣлено было правила эти «распространить и на прочіе предметы современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій».

Для опредѣленія предѣловъ дозволенной свободы обсужденія характерно также слѣдующее распоряженіе (14 ноября 1857 г.) по цензурѣ «относительно появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ сужденій слишкомъ смѣлыхъ, касающихся вопросовъ государственныхъ и стремящихся къ нововведеніямъ»: «Цензоры обязаны съ неослабною прозорливостью вникать въ духъ сочиненій и, покровительствуя науку, не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ; конечно, не должно смѣшивать благородныя желанія улучшеній съ *тенденціями* къ политическимъ преобразованіямъ, но сіи послѣднія нерѣдко облекаются въ благовидныя наружныя формы. Оттого цензоры должны усугубить просвѣщенную строгость при разсмотрѣніи подобныхъ статей» (тамъ же, стр. 418).

[1] Историч. свѣд. о ценз. въ Россіи, стр. 111.

и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезнымъ въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ предоставляется правительству возможность получать свѣдѣнія независимо отъ оффиціальныхъ источниковъ, и нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній могутъ служить поводомъ къ повѣркѣ свѣдѣній оффиціальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ".

Вслѣдъ за измѣненіемъ характера цензурной практики естественно долженъ былъ выдвинуться и вопросъ объ измѣненіи законодательства о печати. Впервые еще въ 1857 году министру народнаго просвѣщенія Норову была объявлена Высочайшая воля о необходимости составить новый уставъ о цензурѣ. Это предположеніе однако не осуществилось и при преемникѣ Норова, Ковалевскомъ. Послѣднимъ, правда, былъ изготовленъ и даже внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ цензурнаго устава, но онъ былъ возвращенъ «по причинѣ болѣе обширныхъ, задуманныхъ въ то время по предмету этому, преобразованій» [1].

Оживленныя работы по реформѣ законодательства о печати начались со вступленія А. В. Головнина въ управленіе

министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ концѣ 1861 г. Прежде всего предприняты были работы по приведенію въ ясность цензурныхъ постановленій и цензурной практики, а затѣмъ приступлено къ пересмотру этихъ постановленій и составленію проекта «устава о книгопечатаніи», для чего учреждена была (въ мартѣ 1862 г.) особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Д. Оболенскаго. «Въ то же время,— говоритъ А. В. Головнинъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ [1], дабы узнать желанія и мысли самихъ литераторовъ о лучшемъ устройствѣ цензуры, многіе изъ этихъ лицъ приглашены были къ доставленію министерству народнаго просвѣщенія ихъ соображеній, которыя составили особую книжку, при чемъ разрѣшено было разсуждать въ періодическихъ изданіяхъ о лучшемъ устройствѣ цензуры». Проведены были отдѣльныя мѣры съ цѣлью доставить литературѣ возможныя льготы и облегченія, каковы: отмѣна спеціальныхъ цензуръ, которыя были особенно тягостны для петербургскихъ періодическихъ изданій; дозволеніе всѣмъ газетамъ и журналамъ печатать частныя объявленія; разрѣшеніе многимъ изъ нихъ получать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензуры; облегченія въ пересылкѣ газетъ и т. п. Цѣль всѣхъ этихъ мѣропріятій состояла, по словамъ того же документа, въ томъ, чтобы «идти къ большему простору печатнаго слова, при чемъ преступленія онаго карались бы судомъ (въ то время ожидалось проведеніе судебной реформы въ ближайшемъ будущемъ) и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры».

«Исполненіе этого плана,—продолжаетъ названный документъ,—начало уже ознаменовываться весьма благотворными результатами. Въ обсужденіи многихъ важныхъ вопросовъ общественнаго нашего устройства литература заговорила спокойнымъ, обдуманнымъ тономъ и многіе ея органы, вмѣсто того, чтобы упорствовать въ безплодной оппозиціи правительству, старались служить ему опорою. Конечно, существовали печальныя уклоненія отъ этого правила; иногда

[1] Отношеніе министра народнаго просвѣщенія министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 декабря 1863 г.

нѣкоторые писатели вдавались въ излишества и неумѣренность, но можно сказать утвердительно, что всякій разъ они встрѣчали себѣ отпоръ въ той же самой литературѣ. Къ несчастью, въ то самое время, какъ печать наша заявляла такъ успѣшно о достаточной зрѣлости своей для пользованія разумною свободою, произошли событія, не дозволившія расширить ея права. Извѣстныя прокламаціи—произведеніе тайныхъ типографій, дѣйствія заграничныхъ агитаторовъ и открывшіеся въ разныхъ мѣстахъ имперіи происки революціонной пропаганды, общей и въ частности польской, заставили обратить вниманіе на періодическую литературу, какъ на средство, которымъ старались воспользоваться злоумышленники и на которое они весьма много разсчитывали. Обстоятельства сіи усилили по необходимости строгость цензуры и отдалили предположенія о дарованіи литературѣ большаго простора. Въ то же время оказалось, что судебная реформа не можетъ вскорѣ осуществиться и что самый трудъ коммиссіи о книгопечатаніи не можетъ быть оконченъ къ тому сроку, какъ сначала предполагалось, и потому явилась необходимость въ изданіи временныхъ правилъ, которыя, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ министровъ, удостоились Высочайшаго утвержденія».

Правила эти (12 мая 1862 г.) имѣли своею задачею дать болѣе ясное и точное опредѣленіе предметовъ государственнаго управленія, которые разрѣшалось обсуждать въ печати. Сверхъ того они должны были замѣнить многія изъ постановленій по цензурѣ, изданныя за предшествующія десятилѣтія [1].

Къ концу 1862 г. коммиссія кн. Оболенскаго изготовила проектъ новаго законодательства о печати. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ Головнинъ представилъ этотъ проектъ, имъ высказаны существенныя замѣчанія о немъ, характерныя съ точки зрѣнія дальнѣйшей судьбы проекта. Въ началѣ доклада указывается на всеобщее неудовольствіе на цензуру. «Съ самаго учрежденія у насъ

[1] Этими правилами были отмѣнены, за немногими исключеніями, состоявшіяся съ 1828 г. по 1 января 1862 г. постановленія и распоряженія по цензурѣ.

цензуры, ввѣренной министерству народнаго просвѣщенія, не прекращались жалобы со стороны литературы на крайнюю стѣснительность цензурныхъ правилъ и на излишнюю строгость и произволъ въ цензурной практикѣ, и въ то же время не прекращались требованія высшихъ полицейскихъ властей о введеніи большей и большей строгости, съ указаніемъ на упущенія цензоровъ. Въ послѣдніе годы общее направленіе правительственнаго образа дѣйствій и рядъ мѣръ, имъ предпринятыхъ, при предоставленіи общественному мнѣнію большаго участія въ обсужденіи этихъ мѣръ, должны были по необходимости вызвать, съ одной стороны, большія жалобы на строгость и произволъ цензуры, съ другой—болѣе разнообразныя требованія надзора за печатными произведеніями со стороны высшихъ полицейскихъ властей. Мѣнялись высшіе и низшіе исполнители цензурныхъ законовъ, издавались различныя правила, повторялись безпрерывно строгія подтвержденія, но цѣль не достигалась и всѣ были недовольны, не исключая и самихъ цензоровъ, которые, выражая полную готовность исполнять намѣренія правительства, жаловались на крайнюю неопредѣлительность цензурныхъ правилъ».

Причину указаннаго явленія Головнинъ усматривалъ «въ самомъ свойствѣ системы предварительной цензуры. Литература наша уже достаточно развилась, чтобъ ежедневное дѣйствіе цензурнаго произвола сдѣлалось для нея крайне тягостнымъ, и оттого происходятъ безпрестанныя жалобы на цензоровъ. Цензура, по самому свойству предмета, подлежащаго ея дѣйствію, т. е. разнообразнѣйшему проявленію человѣческой мысли, не можетъ найти въ законѣ опредѣленной, точной границы между тѣмъ, что можетъ быть дозволено, и тѣмъ, что должно быть запрещено, и потому руководствуется большимъ или меньшимъ тактомъ каждаго цензора. Дѣятельность, основанная не на точномъ и ясномъ указаніи закона, никого не можетъ удовлетворить, и оттого ни при одномъ министрѣ народнаго просвѣщенія не прекращалось общее неудовольствіе администраціи, общества и литературы на дѣйствія цензуры, а цензоровъ на требованія отъ нихъ тѣхъ и другихъ. Очевидно, что необходимо стараться выйти изъ этого положенія и перейти къ порядку, болѣе удовлетворительному. Таковымъ представляется въ

литературѣ установленіе цензуры обратной, при которой свободное печатное слово подвергается взысканію по суду за каждый случай злоупотребленія свободой».

Установленіе такого порядка, т. е. репрессивной системы, признавалось однако невозможнымъ тогда «по неимѣнію судовъ, которые пользовались бы въ достаточной степени довѣріемъ и общества и правительства». Упомянутый порядокъ долженъ быть, тѣмъ не менѣе, цѣлью, къ которой слѣдуетъ стремиться, «приближаясь къ ней посредствомъ переходныхъ мѣръ отъ нынѣшняго, крайне неудовлетворительнаго состоянія законовъ о книгопечатаніи».

Изысканіе такихъ переходныхъ мѣръ и составляло задачу коммиссіи при разработкѣ ея проекта. Въ немъ Головнинъ признавалъ извѣстныя достоинства, но въ отношеніи къ системѣ мѣръ взысканія, проектированныхъ для предупрежденія могущихъ быть злоупотребленій со стороны писателей и редакторовъ, онъ высказалъ рѣшительный неодобрительный отзывъ. По проекту, періодическимъ изданіямъ предоставлялся выборъ между цензурою предварительной и цензурой обратной, съ условіемъ подчиниться въ послѣднемъ случаѣ административнымъ взысканіямъ. Важнѣйшія изъ нихъ: двукратное публичное предвареніе (предостереженіе); временное отъ 1 до 6 мѣсяцевъ прекращеніе изданія; подчиненіе изданія вновь цензурѣ; совершенное прекращеніе изданія.

Имѣя въ виду проектированную систему взысканій, Головнинъ въ заключеніе своего отзыва находилъ, что „представленный Коммиссіею проектъ проникнутъ какимъ то враждебнымъ литературѣ направленіемъ, состоя только изъ мѣръ преслѣдовательныхъ, карательныхъ, и вовсе не представляетъ мѣръ, которыя имѣли бы цѣлію развитіе литературы, поощреніе, содѣйствіе оной. Проектъ сей составленъ очевидно подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени и потому безъ надлежащаго хладнокровія и безпристрастія". Въ концѣ доклада Головнинъ предлагалъ, чтобы проектъ введенія другой системы цензуры представленъ былъ Высочайшей власти въ то время, когда уже совершится преобразованіе судебной части.

Однако въ началѣ 1863 года, по предложенію мини-

стра народнаго просвѣщенія, послѣдовала передача всѣхъ цензурныхъ учрежденій въ министерство внутреннихъ дѣлъ, къ которому перешло и дальнѣйшее направленіе пересмотра законодательства о печати. Министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ образовалъ новую коммиссію для разсмотрѣнія изготовленнаго проекта и окончательнаго редактированія его. Принятыя ранѣе основанія новаго законодательства (освобожденіе отъ предварительной цензуры печатаемыхъ въ столицахъ книгъ значительнаго объема и періодическихъ изданій, съ условіемъ подчиненія ихъ административнымъ взысканіямъ) были сохранены въ окончательномъ проектѣ. Разосланный первоначально на заключеніе вѣдомствъ [1], проектъ этотъ въ началѣ 1865 года былъ обсужденъ въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ подвергся

[1] Изъ высказаныхъ представителями вѣдомствъ заключеній особый интересъ и значеніе имѣютъ отзывы министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина и главноуправлявшаго II отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи барона М. А. Корфа. Оба они нашли нужнымъ остановиться въ своихъ замѣчаніяхъ на опасеніяхъ, которыя вызывала въ нихъ проектированная система административныхъ взысканій. «Сознавая важныя достоинства новаго устава, — говорилъ А. В. Головнинъ въ цитированномъ уже отношеніи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 дек. 1863 г.,— я считаю вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ указать на тѣ стороны его, которыя нуждаются, по моему мнѣнію, въ измѣненіяхъ. Къ нимъ принадлежитъ, прежде всего, система административныхъ взысканій. Система эта получила господство въ тѣхъ странахъ (Головнинъ имѣлъ здѣсь въ виду, прежде всего, Францію), гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было возстановить цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе приблизиться къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и воздержность для умѣнья пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, не въ состояніи развить въ литературѣ этихъ качествъ: опытъ убѣждаетъ, что, подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно преимущественно имѣть въ виду. Не достигая, слѣдовательно, цѣли, какъ переходная мѣра, административныя предостереженія создаютъ много важныхъ неудобствъ для правительства: при существующемъ порядкѣ, цензоръ не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи, и какъ дѣйствія цензора, такъ и статья, подвергнувшаяся запрещенію, становятся извѣстны лишь весьма ограниченному кружку лицъ. При системѣ же взысканій, административная кара постигаетъ статью уже тогда,

незначительнымъ измѣненіямъ. Распубликованіе новаго закона о печати состоялось 6 апрѣля 1865 г., когда были изданы: Именной указъ „о дарованіи нѣкоторыхъ облегченій и удобствъ отечественной печати“ и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „о нѣкоторыхъ перемѣнахъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ цензурныхъ постановленіяхъ“.

Законъ 1865 г. составляетъ и понынѣ основаніе дѣйствующаго законодательства о печати („Уставъ о цензурѣ“, т. XIV Свода законовъ), которое въ послѣдующіе годы было дополнено новыми узаконеніями, имѣвшими своею задачею развитіе системы административныхъ взысканій.

Завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще сосредоточивается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ

когда она проникла въ публику: взысканіе не ослабляетъ произведеннаго ею впечатлѣнія, — напротивъ, вниманіе публики еще болѣе привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣла никакого права. Публика становится, въ такихъ случаяхъ, какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней. Мнѣ кажется, что подобное положеніе весьма невыгодно для правительственныхъ органовъ; уже по одному этому если бы даже существовала у насъ система административныхъ предостереженій, что ради огражденія интересовъ и достоинства правительства нужно было бы стремиться къ ея отмѣненію». Головнинъ, въ заключеніе своего отзыва, говорилъ: «послѣ опыта послѣднихъ лѣтъ я вообще нахожу предварительную цензуру несостоятельною для достиженія цѣлей правительства и потому полагаю, что всего бы полезнѣе вовсе отмѣнить оную, замѣнивъ прямо взысканіями по суду; но такъ какъ мнѣніе это не раздѣляется весьма многими и нѣтъ ни малѣйшей надежды осуществить такое предположеніе, то я и допускаю вышеизложенныя переходныя мѣры, какъ временную уступку обстоятельствамъ». — Съ другой стороны, бар. М. А. Корфъ выразился объ административныхъ взысканіяхъ слѣдующимъ образомъ: «Административныя взысканія — это новая язва, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ всѣ благоразумные люди. Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ и несправедливостью, нежели предварительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла оказаться необходимостью тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвращаться; но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ не утѣсненія, а расширенія свободы слова?»

высшимъ наблюденіемъ министра, въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

Цензура раздѣляется на внутреннюю, для произведеній печати, издаваемыхъ въ предѣлахъ Имперіи, и иностранную, для произведеній печати, привозимыхъ изъ-за границы. Внутренняя цензура возлагается на цензурные Комитеты (въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Тифлисѣ) и на отдѣльныхъ цензоровъ (въ Ригѣ, Ревелѣ, Дерптѣ (Юрьевѣ), Митавѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Одессѣ и Казани). Цензированіе частныхъ періодическихъ изданій въ губернскихъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ цензурныхъ учрежденій, возлагается, безъ производства особаго вознагражденія, на вице-губернаторовъ. — Цензура иностранная возложена на состоящій въ С.-Петербургѣ центральный комитетъ цензуры иностранной, а также на Рижскій и Одесскій комитеты цензуры иностранной и на отдѣльныхъ цензоровъ въ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ, Вильнѣ и Ревелѣ.

Запрещенію цензуры подлежатъ произведенія словесности, наукъ и искусствъ: 1) когда въ нихъ содержится что-либо, клонящееся къ поколебанію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ или, вообще, истинъ и догматовъ христіанской вѣры; 2) когда въ нихъ содержится что-либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти или уваженіе къ Императорскому Дому и что-либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ; 3) когда въ нихъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность и 4) когда въ нихъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою (ст. 4).

На обязанности цензуры лежитъ наблюденіе за произведеніями печати, выходящими безъ разрѣшенія предварительной цензуры, обнаруженіе нарушенія въ нихъ установленныхъ правилъ и возбужденіе судебнаго преслѣдованія въ указанныхъ закономъ случаяхъ [1].

[1] Обязанность возбуждать судебное преслѣдованіе по преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ посредствомъ печати, лежитъ на главномъ управленіи по дѣламъ печати и на цензурныхъ комитетахъ, за исключеніемъ лишь случаевъ оскорбленія присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ. Въ сихъ послѣднихъ случаяхъ преслѣдованіе виновнаго возбуждается прокуроромъ не иначе, какъ по жалобамъ, объявленіямъ или сообщеніямъ потерпѣвшихъ оскорбленіе. Дѣла объ оскорбленіи въ печати частныхъ лицъ начинаются въ судахъ самими оскорбленными, на общемъ основаніи (Уст. угол. судопр. ст. 1213[5]).

Отъ предварительной цензуры изъяты: а) *въ обѣихъ столицахъ:* 1) всѣ оригинальныя сочиненія, объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и 2) всѣ переводы, объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ; б) *повсемѣстно:* 1) повременныя или періодическія изданія, получившія отъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе на выходъ безъ предварительной цензуры; 2) всѣ изданія правительственныя; 3) всѣ изданія академій, университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій; 4) всѣ изданія на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ этихъ языковъ; 5) чертежи, планы и карты.

Освобожденныя отъ предварительной цензуры изданія, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, подвергаются судебному преслѣдованію; кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія, они подлежатъ и дѣйствію нѣкоторыхъ административныхъ мѣръ и взысканій. Этимъ послѣднимъ могутъ впрочемъ подлежать и подцензурныя изданія. Административныя мѣры по дѣйствующему законодательству слѣдующія [1].

1) **Предостереженія и временная пріостановка.**—Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право дѣлать повременнымъ безцензурнымъ изданіямъ предостереженія, съ указаніемъ на статьи, подавшія поводъ къ этому. Третье предостереженіе пріостанавливаетъ изданіе на срокъ, который будетъ назначенъ министромъ, но не свыше шести мѣсяцевъ. Это правило распространяется въ одинаковой силѣ и на повременныя изданія, арендуемыя у правительственныхъ или ученыхъ учрежденій (ст. 144).

Съ истеченіемъ срока, на который было пріостановлено изданіе, подвергшееся третьему предостереженію, оно возобновлялось на тѣхъ же основаніяхъ, но съ 1882 года

[1] Онѣ изложены въ отдѣленіи 10 главы I Уст. о ценз. и печ. «О мѣрахъ противъ распространенія произведеній печати, обнаружившихъ вредное направленіе, и объ административныхъ взысканіяхъ» (стр. 142—156).

установленъ для такихъ случаевъ новый порядокъ, создающій для безцензурныхъ изданій особую процедуру цензурнаго просмотра передъ выходомъ въ свѣтъ нумеровъ такого изданія. Въ 1882 году,—гласитъ примѣчаніе къ ст. 144,—„впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ постановленій о печати, Высочайше повелѣно: редакціи выходящихъ въ свѣтъ не менѣе одного раза въ недѣлю повременныхъ изданій, вызвавшихъ третье предостереженіе, обязываются, по истеченіи срока пріостановки и по возобновленіи, представлять нумера ихъ для просмотра въ цензурные комитеты не позже одиннадцати часовъ вечера наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ, при чемъ цензорамъ предоставляется право, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, пріостанавливать выходъ его въ свѣтъ, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Порядокъ представленія таковыхъ повременныхъ изданій въ цензуру для просмотра, а также срочность или безсрочность сего обязательства, установляются по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ“.

До послѣдняго времени въ законѣ не была предусмотрѣна срочность предостереженій, вслѣдствіе чего первое и второе предостереженія тяготѣли надъ изданіями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ первыя пятнадцать лѣтъ со времени изданія закона 6 апрѣля 1865 г. неудобства, возникавшія вслѣдствіе этого, отчасти смягчались тѣмъ, что за этотъ промежутокъ времени три раза (въ 1866, 1872 и 1877 г.), по Высочайшему повелѣнію, слагались съ повременныхъ изданій предостереженія. Послѣ 1877 года случаевъ такой амнистіи не было, и одной изъ газетъ второе предостереженіе было сдѣлано черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ перваго. Лишь въ 1901 году изданъ былъ законъ, установившій срочность предостереженій. Въ силу Высочайше утвержденнаго 4 іюня 1901 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, первое предостереженіе сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года со дня его полученія повременнымъ изданіемъ, если за этотъ срокъ не будетъ объявлено второго предостереженія. Если въ теченіе одного года повременное изданіе получитъ два предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняетъ свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ со дня объявленія изданію второго предостереженія, если за этотъ срокъ не послѣдуетъ третьяго предостереженія. По истеченіи означенныхъ сроковъ изданіе освобождается отъ полученныхъ предостереженій, и слѣдующее засимъ предостереженіе вновь считается первымъ.—Законъ распространилъ дѣйствіе изложеннаго правила на предостереженія, объявленныя повременнымъ изданіямъ до утвержденія настоящаго узаконенія.

Временной пріостановкѣ періодическое изданіе, выходящее безъ предварительной цензуры, можетъ быть подвергнуто и безъ предостереженія. Такая мѣра находится въ связи съ предоставленнымъ министру внутреннихъ дѣлъ правомъ (ст. 140) дѣлать распоряженіе (черезъ главное управленіе по дѣламъ печати) объ извѣщеніи редакторовъ безцензурныхъ изданій о томъ, что „по соображеніямъ высшаго правительства“ признается „неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности“ (законъ 16 іюня 1873 г.). Въ случаѣ неисполненія редакторомъ повременнаго изданія такого распоряженія, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется (ст. 156) пріостановить выпускъ въ свѣтъ такого изданія на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Наконецъ, пріостановкѣ на срокъ не долѣе восьми мѣсяцевъ можетъ быть подвергнуто и подцензурное періодическое изданіе въ силу предоставленнаго министру внутреннихъ дѣлъ права (ст. 154) примѣнять эту мѣру „въ случаѣ вреднаго направленія“ такого изданія.

2) **Прекращеніе изданія.** По закону 6 апрѣля 1865 года окончательное прекращеніе изданія можетъ послѣдовать по рѣшенію Перваго Департамента Правительствующаго Сената, въ который министръ внутреннихъ дѣлъ входитъ съ представленіемъ, „если послѣ третьяго предостереженія онъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго пріостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе“. Этотъ нормальный порядокъ не отмѣненъ общимъ законодательнымъ путемъ, и

изложенное постановленіе входитъ и въ настоящее время въ составъ дѣйствующаго законодательства, въ ст. 148 Уст. о ценз. и печ. Но она не примѣняется съ 1882 г., когда положеніемъ комитета министровъ установленъ новый порядокъ прекращенія повременныхъ изданій, изложенный въ примѣчаніи къ ст. 148: „Въ 1882 году, впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ постановленій о печати, Высочайше повелѣно: вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій (не исключая и арендуемыхъ у правительственныхъ и ученыхъ учрежденій), выходящихъ какъ подъ предварительною цензурою, такъ и безъ нея, или о пріостановкѣ ихъ безъ опредѣленія срока ея, съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ оныхъ быть впослѣдствіи редакторами или издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій, предоставляются совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, при участіи, сверхъ того, и тѣхъ министровъ или главноуправляющихъ отдѣльными частями, коими возбуждаются подобные вопросы".

3) **Воспрещеніе выпуска въ свѣтъ.** Если распространеніе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или нумера повременнаго изданія, выходящаго безъ цензуры рѣже одного раза въ недѣлю, министромъ внутреннихъ дѣлъ признано будетъ особенно вреднымъ, то онъ можетъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, представить о воспрещеніи выпуска онаго въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ. При этомъ экземпляры такихъ книгъ и нумеровъ періодическихъ изданій немедленно отбираются, по распоряженію подлежащихъ учрежденій по дѣламъ печати, отъ типографщиковъ, издателей, авторовъ, переводчиковъ и редакторовъ (ст. 149 и 150).

4) **Воспрещеніе печатать частныя объявленія.** Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется (ст. 155), по его личному усмотрѣнію, прекращать въ періодическихъ изданіяхъ, получившихъ право печатанія частныхъ объявленій, помѣщеніе таковыхъ объявленій на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ (Высоч. пов. 12 мая 1863 г.).

5) **Воспрещеніе розничной продажи.** Эта мѣра не включена въ то отдѣленіе уст. о ценз., въ которомъ перечисляются административныя взысканія, но въ практическомъ примѣненіи она получила характеръ и значеніе административной кары за вредное направленіе. Распоряженія о воспрещеніи розничной продажи періодическихъ изданій, встрѣчающіяся въ практикѣ довольно часто, основываются на ст. 178 уст. о ценз. и печ., включенной въ отдѣленіе устава „о книжной торговлѣ" изъ Высоч. утвержд. полож. комит. мин. 14 іюня 1868 г. При изданіи его, очевидно, не имѣлось въ виду дополнить имъ систему административныхъ взысканій. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 178 гласитъ: „министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ оными дозволеній, на розничную продажу на улицахъ, площадяхъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ и торговыхъ заведеніяхъ, разнаго рода дозволенныхъ книгъ и повременныхъ изданій отдѣльными нумерами, тѣ періодическія изданія и отдѣльныя брошюры, которыя не должны быть допускаемы въ розничной продажѣ". Въ виду такого текста значительную долю основательности слѣдуетъ признать за высказаннымъ въ печати [1] соображеніемъ, что „указаннымъ порядкомъ можетъ быть воспрещена розничная продажа періодическихъ изданій не вообще, а только лицамъ, производящимъ уличную и разносную (слѣдовало бы прибавить—и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ) торговлю произведеніями печати. Полицейскія дозволенія, о которыхъ идетъ рѣчь въ положеніи 14 іюня, требуются только для лицъ, занимающихся этимъ промысломъ (ст. 177). Ни редакціи газетъ, ни книжные магазины не должны испрашивать подобныхъ дозволеній, такъ какъ выдача разрѣшеній на періодическое изданіе и книжные магазины производится особымъ порядкомъ и на мѣстное полицейское начальство не возлагается. Повидимому именно такъ понималось это узаконеніе въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ по его обнародованію. Но съ 1870 г.

[1] В. Розенбергъ. Въ мірѣ случайностей (статья въ сборникѣ «На славномъ посту». Спб. 1901 г., стр. 240).

оно получило болѣе широкое толкованіе“ (въ этомъ году впервые было объявлено распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о воспрещеніи розничной продажи одной газеты).

Изложенныя административныя взысканія составляютъ главную, съ точки зрѣнія полиціи печати, часть дѣйствующаго законодательства о ней [1]. Въ интересахъ полноты очерка этого послѣдняго надлежитъ остановиться и на нѣкоторыхъ другихъ его частяхъ, прежде всего на порядкѣ разрѣшенія и условіяхъ выхода періодическихъ изданій.

Разрѣшеніе это выдается министромъ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ дозволить выпускъ въ свѣтъ

[1] Авторъ названной статьи «Въ мірѣ случайностей» сдѣлалъ интересный опытъ сводки оффиціальныхъ свѣдѣній о примѣненіи административныхъ взысканій за время съ 1865 по 1899 г., воспользовавшись для этого соотвѣтственными распоряженіями, опубликованными въ правительственныхъ изданіяхъ (въ «Сѣверной Почтѣ» за 1865—1868 гг. и «Правительственномъ Вѣстникѣ» за 1869—1899 гг.). Общее число административныхъ взысканій съ 1865 по 1899 г. г. Розенбергъ опредѣляетъ цифрою 615 (по его указанію, данныя, которыми онъ располагалъ, представляются неполными). Имъ подверглось 139 изданій.

По пятилѣтіямъ взысканія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Годы:	Число взысканій:	Годы:	Число взысканій.
1865—69	60	1885—89	58
1870—74	102	1890—94	47
1875—79	157	1895—99	100
1880—84	91	—	—

Наиболѣе многочисленными изъ взысканій были предостереженія: они были объявлены 251 разъ 66 повременнымъ изданіямъ. — Второе мѣсто занимаетъ воспрещеніе розничной продажи: съ 1870 г. эта мѣра была принята 192 раза по отношенію къ 65 изданіямъ. — Временная пріостановка была примѣнена 126 разъ; этой мѣрѣ подверглись 82 изданія (изъ нихъ по 1 разу 55 изданій, по 2 раза 17 изд., по 3 раза 6 изд., по 4 раза 2 изд., 5 разъ 1 изд. («Гражданинъ») и 6 разъ 1 изд. («Голосъ»); изъ указаннаго общаго числа въ 45 случаяхъ временная пріостановка была примѣнена къ подцензурнымъ изданіямъ. — Запрещеніе печатанія частныхъ объявленій примѣнялось 26 разъ по отношенію къ 20 изданіямъ. — Полному прекращенію за 1865—1899 г. подверглись 17 изданій; изъ нихъ 5 (въ 1866—1878 г.) въ особомъ порядкѣ, 2 (въ 1868 и 1878 гг.) по рѣшенію Правительствующаго Сената и 10 (въ 1883—1899 г.) по постановленію особаго совѣщанія министровъ, въ порядкѣ, созданномъ по Пол. Ком. Мин. 1882 года.

такого изданія или безъ цензуры, или подъ условіемъ предварительной цензуры. Прошенія о разрѣшеніи подаются въ главное управленіе по дѣламъ печати, съ указаніемъ подробностей, касающихся предполагаемаго изданія (названія, программы, сроковъ выхода, подписной цѣны), а также имени и мѣстожительства издателя и отвѣтственнаго редактора, съ приложеніемъ документовъ о личности ихъ. Издатели безцензурныхъ повременныхъ изданій обязаны внести въ главное управленіе залогъ. Размѣръ его опредѣляется: а) для ежедневной газеты или выходящей въ свѣтъ не менѣе шести разъ въ недѣлю—въ 5.000 руб.; b) для всѣхъ прочихъ повременныхъ изданій въ 2.500 руб. Отъ залога освобождены подцензурныя изданія, далѣе, изданія съ содержаніемъ чисто ученымъ, хозяйственнымъ или техническимъ, изданія правительственныя, а также академій, университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій. Залогъ отвѣтствуетъ за денежныя взысканія, налагаемыя на повременное изданіе. Повременныя изданія обязаны печатать безотлагательно и безденежно оффиціальныя опроверженія или исправленія сообщенныхъ ими извѣстій, а также возраженія и поправки частныхъ лицъ (также безплатно, если они занимаютъ мѣста не болѣе, какъ вдвое противъ статьи, на которую служатъ отвѣтомъ).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ постановленій уставъ о цензурѣ и печати заключаетъ въ себѣ постановленія о порядкѣ производства дѣлъ въ цензурныхъ учрежденіяхъ, правила въ руководство цензуръ, о цензурѣ драматическихъ сочиненій, о типографіяхъ, литографіяхъ и проч., о книжной торговлѣ, наконецъ — о духовной цензурѣ.

Порядокъ производства дѣлъ. Относящіяся сюда постановленія опредѣляютъ техническую сторону цензурной практики (порядокъ представленія рукописей, выдачи цензурнаго дозволенія, условій напечатанія и выпуска изъ типографіи и пр.); порядокъ дѣлопроизводства по цензурѣ иностранной изложенъ особо.

Правила въ руководство цензурѣ представляютъ болѣе подробное развитіе общихъ указаній (см. выше) относительно подлежащихъ запрещенію произведеній печати. Большая часть относящихся къ этому отдѣлу постановленій занм-

ствованы изъ временныхъ правилъ 16 мая 1862 года и цензурнаго устава 1828 года. Сохраненіе ихъ, въ особенности послѣднихъ, плохо согласуется съ современными воззрѣніями и развитіемъ различныхъ отраслей знанія и литературы. Нѣкоторыя постановленія являются положительнымъ анахронизмомъ. Напр. ст. 94 (бывшая ст. 8 устава 1828 г.): „цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію. Она должна притомъ различать творенія дидактическія и ученыя, назначаемыя для употребленія однихъ ученыхъ, съ книгами, издаваемыми для общенароднаго пользованія". Или ст. 105 (ст. 7 устава 1828 г.): „При разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія, цензура не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ; однако наблюдаетъ, чтобы въ сихъ словахъ или выраженіяхъ о предметахъ важныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ". Или, наконецъ, ст. 109 (ст. 13 устава 1828 г.): „Цензура въ произведеніяхъ изящной словесности должна отличать безвредныя шутки отъ злонамѣреннаго искаженія истины и отъ существенныхъ оскорбленій нравственнаго приличія, и не требовать въ вымыслахъ той строгой точности, каковая свойственна описанію предметовъ высокихъ и сочиненіямъ важныхъ". Въ связи съ послѣднею статьею можно отмѣтить также безъ сомнѣнія устарѣвшее указаніе относительно цензуры иностранныхъ книгъ (ст. 186): „Романы, повѣсти и другія сего рода произведенія иностранной словесности долженствуютъ быть разсматриваемы съ большею противъ иныхъ книгъ строгостію, въ отношеніи къ нравственности ихъ содержанія".

О типографіяхъ, литографіяхъ и о книжной торговлѣ. Въ особой, посвященной имъ, главѣ устава о цензурѣ и печати, изложены постановленія о надзорѣ за этими заведеніями, порядкѣ ихъ открытія и условіяхъ дѣятельности. Для надзора за типографіями и другими заведеніями тисненія, а также за книжною торговлею, въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ назначаются особые инспектора, а въ прочихъ мѣстахъ функціи надзора возлагаются на

чиновниковъ особыхъ порученій при губернаторахъ. Дозволеніе, необходимое для открытія типографій и проч. заведеній тисненія, испрашивается въ С.-Петербургѣ у градоначальника, въ Москвѣ у генералъ-губернатора, въ прочихъ мѣстахъ у губернаторовъ. Тотъ же порядокъ долженъ быть соблюдаемъ и по отношенію къ открытію книжныхъ магазиновъ, лавокъ и кабинетовъ для чтенія. Въ 1884 году, по отношенію къ открытію и содержанію публичныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, установлены, въ видѣ временной мѣры, слѣдующія правила: 1) желающіе открыть библіотеку или кабинетъ для чтенія, при заявленіи надлежащей власти своего по сему предмету ходатайства, обязаны указать, кто именно будетъ считаться въ заведеніи отвѣтственнымъ лицомъ. По открытіи библіотеки или кабинета для чтенія, замѣна одного отвѣтственнаго лица другимъ можетъ послѣдовать также не иначе, какъ съ разрѣшенія власти, выдавшей дозволеніе на открытіе; 2) начальствующія лица, коимъ предоставлена власть разрѣшать открытіе библіотекъ и читаленъ, въ случаѣ возникающаго у нихъ сомнѣнія въ политической благонадежности уполномоченныхъ на управленіе сими заведеніями лицъ и вообще всѣхъ служащихъ при оныхъ, обязаны собственною властью устранять этихъ лицъ изъ библіотекъ и кабинетовъ; 3) министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право: а) указывать мѣстнымъ начальникамъ тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ, и б) закрывать всякаго рода публичныя библіотеки и общественныя читальни въ случаѣ признанной въ томъ необходимости.

Духовная цензура представляетъ собою учрежденіе особое, стоящее внѣ вѣдомства главнаго управленія по дѣламъ печати и министерства внутреннихъ дѣлъ. По ст. 31 уст. о ценз., „книги собственно духовнаго содержанія, то есть заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры, толкованія Священнаго Писанія, проповѣди и т. п. на славянскомъ и русскомъ языкахъ, разсматриваются и одобряются духовною цензурою, состоящею въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода". Кромѣ того если въ книгѣ, подлежащей свѣтской цензурѣ, „встрѣтятся мѣста совершенно духовнаго содержанія, отно-

сящіяся или къ догматамъ вѣры или къ Священной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ оныя, отдѣльно отъ прочаго, на уваженіе духовной цензуры и поступаетъ сообразно ея заключенію". Независимо отъ этого, „свѣтская цензура входитъ въ сношеніе съ цензурою духовною всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію той цензуры, хотя бы по прямому закону она и должна поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры". Такимъ образомъ уставъ о цензурѣ широко опредѣляетъ тѣ случаи, когда и въ отношеніи къ произведеніямъ свѣтской литературы возможны случаи передачи ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры.

Постановленія „о духовной цензурѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія" выдѣлены въ особую главу устава о цензурѣ. Органами этой цензуры являются С.-Петербургскій, Московскій, Кіевскій и Казанскій духовные цензурные комитеты. Первый состоитъ изъ трехъ и второй изъ четырехъ членовъ, назначаемыхъ изъ числа духовныхъ лицъ, по представленіямъ мѣстныхъ Митрополитовъ, и утверждаемыхъ въ должности Святѣйшимъ Синодомъ. Составъ Кіевскаго и Казанскаго комитетовъ не опредѣленъ въ уставѣ о цензурѣ. Послѣдніе два надѣляются компетенціею менѣе широкою, чѣмъ столичные комитеты. Такъ, „Кіевскій цензурный комитетъ принимаетъ на разсмотрѣніе и одобряетъ къ напечатанію сочиненія, представляемыя только лицами, подвѣдомственными Кіевской Духовной Академіи и преимущественно служащими въ ней наставниками". „Цензурный комитетъ,учрежденный при Казанской Академіи, ограничивается разсматриваніемъ мелкихъ сочиненій, какъ-то: небольшихъ разсужденій, словъ и программъ, которыя въ оный будутъ поступать отъ лицъ собственно ихъ (?) училищнаго вѣдомства". Казанскій комитетъ, „въ случаѣ изданія въ его вѣдомствѣ періодическихъ сочиненій, для удобности можетъ получать, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, право и на разсмотрѣніе таковыхъ изданій; духовныя же сочиненія и переводы передаются на разсмотрѣніе комитетовъ С.-Петербургскаго или Московскаго, по желанію сочинителей и издателей".

Въ дальнѣйшихъ статьяхъ излагаются подробно порядокъ дѣлопроизводства въ духовныхъ цензурныхъ комитетахъ и правила, которыми они должны руководствоваться при разсмотрѣніи различныхъ духовныхъ произведеній („о разсматриваніи книгъ классическихъ", т. е. учебныхъ, „о разсматриваніи сочиненій (и переводовъ), назначаемыхъ для общественнаго употребленія").

IV. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЯ МѢРЫ ПОЛИЦІИ БЕЗОПАСНОСТИ [1].

Мотивы чрезвычайныхъ мѣръ. — Существенныя особенности этихъ мѣръ. — Главные типы чрезвычайныхъ мѣръ.

Англійское и французское законодательство о безпорядкахъ.—Riot Act.—Отвѣтственность за убытки.—Французскіе законы 1831 и 1848 гг.

Осадное положеніе во Франціи и въ Германіи.—Мотивы объявленія осаднаго положенія.—Порядокъ его объявленія.—Послѣдствія его.—Снятіе осаднаго положенія.

Чрезвычайныя мѣры въ Англіи. — Процедура Habeas Corpus и ея значеніе.—Сущность пріостановки дѣйствія Habeas Corpus Акта.—Анализъ ея послѣдствій.—Актъ объ амнистіи и значеніе этого института.—Предѣлы амнистіи.—Основныя черты различія между пріостановкою Habeas Corpus Акта и осаднымъ положеніемъ. — Примѣненіе пріостановки и другія чрезвычайныя мѣры.

Чрезвычайныя мѣры въ Россіи.—Обычныя полномочія администраціи по охраненію порядка.—Призывъ войскъ, его порядокъ.—Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.—Усиленная охрана.—Чрезвычайная охрана.—Административная высылка.—Полицейскій надзоръ.

„Опытъ народовъ, самыхъ свободныхъ, какіе когда-либо существовали на землѣ“, говоритъ Монтескье [2], „заставляетъ меня признать, что бываютъ случаи, когда нужно на нѣкоторое время набросить на свободу покрывало, какъ нѣкогда покрывали статуи боговъ“.—„Когда существованію государ-

[1] Seydel. Die Polizei der Volksbewegungen (III томъ Schönberg's Handbuch der Politischen Oekonomie).—Meyer. Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts.—Th. Reinach. De l'état de siège. Par. 1885.—А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англіи, пер. съ англ. СПБ. 1891.—В. Ѳ Дерюжинскій. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. Юр. (б. Деритъ) 1895.

[2] Esprit des lois, livre XII, chap. XIX.

ства или его спокойствію грозитъ что-либо“, читаемъ у современнаго авторитетнаго писателя по административному праву, проф. Лёнинга [1], „спасеніе государства отъ угрожающихъ опасностей составляетъ важнѣйшую задачу государственной власти. Для того, чтобы быть въ состояніи выполнить эту задачу, органы государственной власти должны быть облечены обширными полномочіями. Ограниченія, которыя ставятъ имъ законы объ охранѣ личной свободы, должны быть временно пріостановлены.“—„Государство есть существо столь высокаго порядка“, говоритъ извѣстный публицистъ, проф. Блюнчли [2], „что сохраненіе его существованія, забота о которомъ составляетъ первую обязанность правительства, можетъ, въ крайнемъ случаѣ, оправдывать нарушеніе индивидуальныхъ правъ и отступленіе отъ обычнаго порядка. Когда дѣло идетъ дѣйствительно о спасеніи государства и когда это спасеніе невозможно безъ нарушенія существующихъ правъ отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлыхъ классовъ населенія, правительство не можетъ и не должно, щадя эти права, обрекать государство на гибель: непреклонно слѣдуя принципу— salus populi suprema lex esto, оно должно сдѣлать все, что необходимо для сохраненія и спасенія государства. Для того, чтобы спасти корабль во время бури, искусный капитанъ безъ колебанія предоставляетъ имущество своихъ пассажировъ на произволъ бушующихъ волнъ; чтобы доставить арміи побѣду въ сраженіи или обезпечить ей благополучное отступленіе, полководецъ рѣшается подвергнуть вѣрной гибели отдѣльные баталіоны, если это—единственное къ тому средство. Государственный мужъ, правитель не можетъ поступить иначе въ томъ случаѣ, когда государство является въ крайней опасности“.

Таковы тѣ обычныя соображенія, которыми въ континентальной политико-юридической литературѣ мотивируется необходимость такъ наз. чрезвычайныхъ мѣръ полиціи безопасности. Съ болѣе или менѣе существенными измѣненіями они повторяются въ любомъ руководствѣ или трактатѣ по

[1] E. Loening, Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Lpzg. 1884, стр. 290.

[2] Bluntschli, Allgemeines Staatsrecht. 3. Aufl., München 1863; т. II, стр. 112—113.

государственному или административному праву, когда автору приходится касаться осаднаго или военнаго положенія, этого главнаго типа исключительныхъ мѣръ, знакомаго большинству континентальныхъ государствъ западной Европы. Необходимость ихъ обусловливается наличностью серьезной опасности, предотвращенія которой требуютъ высшіе интересы государства.

Наиболѣе рѣзкою особенностью чрезвычайныхъ мѣръ является ограниченіе нѣкоторыхъ основныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ, какъ-то: личной свободы, неприкосновенности жилища, права публичныхъ собраній, свободы печати; часто къ этому присоединяется замѣна для многихъ преступленій обыкновенныхъ судовъ судами исключительными, нерѣдко съ существенными измѣненіями въ порядкѣ и формахъ судопроизводства; широкія полномочія по примѣненію исключительныхъ мѣръ сосредоточиваются въ рукахъ немногихъ правительственныхъ органовъ, обыкновенно представителей военной власти.

Въ виду такихъ важныхъ послѣдствій, какими сопровождаются исключительныя мѣры, нарушая нормальное теченіе жизни, необходима большая осторожность въ пользованіи ими. Несмотря на общее признаніе этой необходимости, какъ въ теоріи, такъ и въ законодательной практикѣ существуетъ значительное разногласіе по отношенію къ условіямъ и предосторожностямъ, соблюденіе которыхъ желательно въ этомъ дѣлѣ.

Прежде всего является вопросъ о томъ, должно ли законодательство заранѣе предвидѣть возможность такого положенія, которое требуетъ чрезвычайныхъ мѣръ, и заблаговременно организовать ихъ, другими словами, долженъ ли существовать общій законъ по этому предмету, или же слѣдуетъ предпочесть изданіе особыхъ мѣръ всякій разъ, какъ явится въ томъ надобность?

Противники организованной диктатуры считаютъ опаснымъ заблужденіемъ заблаговременное регулированіе исключительныхъ мѣръ. Самый просвѣщенный законодатель — аргументируютъ они—не въ силахъ предвидѣть заранѣе всѣхъ комбинацій и случайностей, которыя могутъ явиться въ дѣйствительности; наиболѣе тщательные разсчеты могутъ

оказаться ошибочными, предположенныя мѣры—недѣйствительными или недостаточными.

Съ другой стороны, разъ законъ даетъ свою санкцію исключительному положенію и уполномочиваетъ создавать его, является опасеніе, что этимъ правомъ могутъ воспользоваться тогда, когда положеніе дѣлъ не представляетъ ничего чрезвычайнаго: изъ оружія оборонительнаго эти мѣры могутъ быть обращены въ оружіе наступательное.

Но этимъ соображеніямъ, обыкновенно, противопоставляютъ доводы иного характера. Для того, чтобы предупредить возможныя злоупотребленія, законъ точно опредѣляетъ случаи, въ которыхъ можетъ быть временно установленъ исключительный режимъ, и тѣ послѣдствія, которыми онъ сопровождается. Законодательство, составленное обдуманно и съ полнымъ спокойствіемъ, имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ мѣрами, принимаемыми наскоро въ разгаръ кризиса, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ событій, вызывающихъ возбужденное состояніе.

Въ большой части государствъ имѣются особыя законодательныя предписанія о мѣрахъ, принимаемыхъ въ исключительныхъ случаяхъ. Смотря по степени опасности, угрожающей государству, эти мѣры распадаются на двѣ категоріи. Къ первой относятся мѣры, принимаемыя въ случаяхъ менѣе важныхъ, когда дѣло идетъ объ устраненіи опасности преходящаго характера: таково, напр., французское законодательство о безпорядкахъ въ общественныхъ мѣстахъ (loi sur les attroupements), англійское законодательство о бунтѣ (Riot-Act). Ко второй группѣ относятся чрезвычайныя мѣры въ собственномъ смыслѣ, примѣняемыя въ такихъ крайнихъ случаяхъ, какъ внѣшняя война или вооруженное возстаніе. Совокупность этихъ мѣръ обозначается обыкновенно терминомъ „осадное положеніе“ (État de siège—во Франціи, Belagerungszustand—въ Германіи, Standrecht—въ Австріи), иногда пріостановкою конституціонныхъ гарантій; въ Англіи, которая не знаетъ осаднаго положенія континентальныхъ государствъ, мы встрѣчаемъ, въ качествѣ исключительной мѣры, пріостановку основной гарантіи личной свободы—Habeas Corpus Act'a.

Англійское и французское законодательства о безпорядкахъ.

Въ основѣ англійскаго законодательства по этому предмету лежитъ актъ, изданный въ царствованіе Георга I въ 1714 году и извѣстный подъ именемъ Riot-Act. Въ силу этого закона, если двѣнадцать или болѣе лицъ собрались съ противозаконными и мятежными цѣлями, то мѣстные мировые судьи, шерифъ или мэръ обязаны пригласить ихъ мирно разойтись. Это требованіе выражается въ торжественномъ прочтеніи среди мятежниковъ, или въ возможной близости отъ нихъ, прокламаціи, именемъ короля повелѣвающей собравшимся немедленно разойтись по домамъ [1]. Если по прошествіи одного часа послѣ этого мятежники не разойдутся, то они подвергаются аресту и подлежатъ уголовному преслѣдованію. Смертная казнь, установленная для виновныхъ актомъ 1714 года, въ 1837 году замѣнена тюремнымъ заключеніемъ съ принудительными работами. Послѣ прочтенія прокламаціи, должностныя лица могутъ потребовать отъ всякаго англійскаго подданнаго активной помощи для задержанія и арестованія бунтовщиковъ. Если для прекращенія безпорядковъ обыкновенныя полицейскія силы признаются недостаточными, то всякій гражданинъ можетъ быть назначенъ временнымъ констэблемъ (special constable). При этомъ никто не имѣетъ права отказываться отъ этого: лица, уклоняющіяся отъ этого и не явившіяся на назначенный имъ постъ, могутъ быть присуждаемы къ штрафу, въ размѣрѣ отъ 1-го до 5-ти фунт. стерл. [2] Въ крайнемъ случаѣ,

[1] Вотъ текстъ этой прокламаціи: «Его величество король (или королева) повелѣваетъ всѣмъ собравшимся немедленно разойтись и мирно направиться въ свои дома или обратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ подъ страхомъ наказаній, изложенныхъ въ актѣ короля Георга о предотвращеніи безпорядковъ и мятежныхъ собраній. Богъ да хранитъ короля». Прочтеніе этого обращенія носитъ въ англійской практикѣ не совсѣмъ точное названіе «чтеніе акта о бунтѣ» (reading the Riot Act).

[2] Въ 1848 году въ Лондонѣ, съ цѣлью предупрежденія безпорядковъ, вслѣдствіе движенія Чартистовъ, къ обычному контингенту полицейскихъ силъ было прибавлено 170.000 временныхъ изъ разныхъ слоевъ общества констэблей; въ числѣ ихъ находился и проживавшій въ то время въ Лондонѣ, въ качествѣ простого гражданина, принцъ Бонапартъ, впослѣдствіи императоръ Наполеонъ III.

для прекращенія мятежа, законъ уполномочиваетъ обращаться къ содѣйствію военной силы. Эта мѣра практикуется съ большою осторожностью и очень рѣдко.

Въ англійскомъ законодательствѣ о безпорядкахъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство, это—отвѣтственность за убытки, причиняемые безпорядками общественной и частной собственности. Въ теченіе извѣстнаго срока, лица потерпѣвшія имѣютъ право предъявлять иски, которые номинально обращаются къ органамъ мѣстной полицейской власти. Иски эти разсматриваются въ особыхъ сессіяхъ мировыхъ судей, которые, въ случаѣ признанія ихъ основательности, дѣлаютъ распоряженіе объ уплатѣ присужденной суммы изъ средствъ мѣстнаго управленія. Выданныя суммы возмѣщаются особымъ сборомъ, который и раскладывается между мѣстными жителями. Въ основѣ этой отвѣтственности лежитъ презумпція того, что мѣстные жители содѣйствовали возникновенію безпорядковъ или, по крайней мѣрѣ, не приняли достаточныхъ мѣръ къ ихъ предотвращенію.

Французское законодательство 1831 и 1848 гг. объявляетъ воспрещеннымъ всякое вооруженное сборище въ публичномъ мѣстѣ (attrouppement armé formé sur la voie publique) [1]. Запрещается въ публичномъ мѣстѣ и всякое невооруженное сборище (attrouppement non armé), которое можетъ нарушить общественное спокойствіе. Лица, составляющія его, обязаны разойтись по первому требованію [2] должностныхъ лицъ (мэра или его помощника, префекта или супрефекта, полицейскаго комиссара). Если сборище не разсѣевается, приглашеніе разойтись, предваряемое барабаннымъ боемъ или трубнымъ сигналомъ, повторяется до трехъ разъ. Въ случаѣ неисполненія троекратнаго требо-

[1] Признаки «вооруженнаго сборища» выступаютъ изъ слѣдующаго опредѣленія: «L'attroupement est armé: 1) quand plusieurs individus sont porteurs d'armes apparentes ou cachées; 2) quand un seul individu, porteur d'armes apparentes, n'est pas spontanément expulsé de l'attroupement». M. Haurion. Précis de droit administratif, 4-eme éd. Par. 1901; стр. 87.

[2] Вотъ формула этого требованія (sommation), установленная еще въ 1791 г.: «Obeissance à la loi: on va faire usage de la force; que les bons citoyens se retirent».

ванія, для разсѣянія толпы и возстановленія порядка можетъ быть употреблена военная сила.

Подобно англійскому законодательству, французское также предусматриваетъ вопросъ о способахъ возмѣщенія убытковъ, которые могутъ явиться въ результатѣ безпорядковъ. Отвѣтственность возлагается закономъ на общину, въ предѣлахъ которой имѣли мѣсто эти безпорядки [3].

Въ другихъ государствахъ, по отношенію къ прекращенію безпорядковъ, мы встрѣчаемъ законодательныя мѣры почти тождественныя съ указанными.

Осадное положеніе во Франціи и въ Германіи.

Наиболѣе распространенною, типичною, изъ мѣръ чрезвычайныхъ является осадное положеніе. Впервые законодательство объ осадномъ положеніи развилось во Франціи съ конца XVIII в., откуда оно было заимствовано большинствомъ европейскихъ государствъ. Существо этой мѣры выяснится изъ сравнительнаго очерка дѣйствующаго права французскаго и германскаго.

Осадное положеніе во Франціи регулируется законами

[3] Отвѣтственность коммунъ регулируется ст. 106—107 закона 5 апрѣля 1884 г. Hauriou (стр. 267): *Conditions de la responsabilité.*—1) Dégâts et dommages, même moraux, pourvu qu'ils soient appréciables, envers les personnes ou les propriétés publiques et privées; 2) résultant de crimes ou délits commis à force ouverte ou par violence; 3) sur le territoire de la commune; 4) par des attroupements armés ou non armés. Peu importe le motif du mouvement; aurait-il un motif politique, cela ne décharge pas la commune de sa responsabilité, et c'est le bon moyen pour arrêter dès le début les émeutes; 5) si les attroupements ou rassemblements ont été formés d'habitants de plusieurs communes, chacune d'elles est responsable des dégats et dommages causés dans la proportion qui sera fixée par les tribunaux. Dans ce cas, une commune peut être responsable de dégâts qui n'ont pas été commis sur son territoire. Il y a solidarité».—*Exceptions au principe de la responsabilité.* «Les dispositions des art. 106 et 107 ne sont pas applicables: 1) lorsque la commune peut prouver que toutes les mesures qui étaient en son pouvoir ont été prises, à l'effet de prévenir les attroupements ou rassemblements et d'en faire connaître les auteurs; 2) dans les communes où la municipalité n'a pas la disposition de la police locale (въ Парижѣ иЛіонѣ, гдѣ существуютъ préfets de police) ou de la force armée; 3) lorsque les dommages causés sont le rausultat d'un fait de guerre» (art. 108).

9 августа 1849 г. и 3 апр. 1878 г. [1], въ Германіи—прусскимъ закономъ 4 іюня 1851 г., на которомъ въ сильной степени отразилось вліяніе французскаго закона 1849 г., частью имперскою конституціею 1871 года [2]. Въ дальнѣйшемъ изложеніи разсматриваются послѣдовательно важнѣйшіе моменты изучаемой мѣры, какими являются: поводы и порядокъ объявленія осаднаго положенія, полномочія, даваемыя имъ администраціи, въ отступленіе отъ общаго законнаго порядка, и проистекающія отсюда ограниченія обычныхъ правъ гражданъ.

Во Франціи, по закону 1878 г., осадное положеніе можетъ быть объявлено не иначе, какъ въ случаѣ непосредственно угрожающей опасности, возникающей вслѣдствіе внѣшней войны или вооруженнаго возстанія (insurrection à main armée). Право объявленія осаднаго положенія принадлежитъ законодательнымъ палатамъ. Только законъ можетъ объявить осадное положеніе, гласитъ ст. I закона 1878 г

Это общее правило терпитъ, однако, нѣкоторыя ограниченія, необходимость которыхъ усматривается въ томъ, что потребность въ чрезвычайныхъ мѣрахъ можетъ возникнуть тогда, когда законодательныя палаты не засѣдаютъ. Исключенія эти обставляются предосторожностями, съ цѣлью предупредить возможность злоупотребленія ими. При этомъ законъ проводитъ различіе между тѣмъ случаемъ, когда палаты не засѣдаютъ вслѣдствіе простой отсрочки или перерыва между двумя сессіями, и тѣмъ, когда палата депутатовъ распущена, вслѣдствіе-ли истеченія законнаго срока ея полномочій или роспуска ея главою исполнительной власти. Въ первомъ случаѣ президентъ республики можетъ объявить осадное положеніе съ одобренія совѣта министровъ, но при этомъ законъ предоставляетъ палатамъ собраться по праву (en plein droit, т. е. безъ созыва) въ двухдневный срокъ. Въ случаѣ же роспуска палаты депутатовъ и до полнаго окончанія новыхъ выборовъ, осадное положеніе, вообще, не можетъ быть объявлено президентомъ республики, хотя бы

[1] Loi du 9 août 1849, sur l'état de siège; loi du 3 avril 1878, relative à l'état de siège.

[2] Gesetz über den Belagerungszustand, v. 4 Juni 1851.

и временно, за однимъ исключеніемъ: въ случаѣ внѣшней войны, президентъ, съ одобренія совѣта министровъ, можетъ объявить осадное положеніе, однако лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ угрожаетъ непріятельское вторженіе: кромѣ того, въ качествѣ необходимаго условія, законъ предписываетъ немедленное производство выборовъ и созваніе палатъ въ возможно скорѣйшій промежутокъ времени [1]. Мотивомъ къ ограниченію права исполнительной власти объявлять осадное положеніе во время роспуска палаты лишь такимъ чрезвычайнымъ случаемъ, какъ непріятельское вторженіе, является стремленіе предупредить злоупотребленія, легко возможныя при производствѣ выборовъ при дѣйствіи исключительнаго положенія, которое можетъ служить опаснымъ орудіемъ стѣсненія свободы выборовъ.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда объявленіе осаднаго положенія производится президентомъ республики, окончательное рѣшеніе вопроса всетаки принадлежитъ законодательнымъ палатамъ. Тотчасъ же по ихъ собраніи онѣ постановляютъ либо о сохраненіи этой мѣры, либо объ ея отмѣнѣ [2]. Въ виду того, что для всякаго закона, слѣдовательно и закона объ установленіи осаднаго положенія, необходимо согласіе обоихъ законодательныхъ собраній—палаты депутатовъ и сената, согласіе ихъ обоихъ необходимо и при рѣшеніи вопроса о сохраненіи объявленнаго положенія. Если по этому вопросу взгляды палатъ расходятся, осадное положеніе въ силу этого снимается само собою.

Въ законѣ, а также и въ президентскомъ декретѣ, объявляющемъ осадное положеніе, должны быть точно обозначены мѣстности (коммуны, округа и департаменты), гдѣ оно получаетъ примѣненіе. Законъ долженъ опредѣлить также продолжительность его дѣйствія. Это требованіе закона

[1] Однако, предѣльною нормою этого промежутка являются три мѣсяца.

[2] Для возбужденія вопроса о сохраненіи или снятіи осаднаго положенія палаты не должны ожидать инціативы со стороны правительства; этотъ вопросъ ставится ими самими передъ какимъ бы то ни было предложеніемъ или какими-либо другими дебатами и рѣшается ими безъ промедленія. Такое разъясненіе находится въ докладѣ, сопровождавшемъ представленіе законопроекта 1878 года.

1878 г. представляетъ собою нововведеніе, сравнительно съ прежнимъ французскимъ законодательствомъ объ осадномъ положеніи, нововведеніе, которое сильно оспаривалось. Сенатская комиссія отвергала его, признавая его, во-первыхъ, безполезнымъ, такъ какъ осадное положеніе можетъ быть снято въ любое время законодательнымъ актомъ, инціативу изданія котораго можетъ принять на себя каждый членъ парламента, и, во-вторыхъ, опаснымъ, въ виду того будто бы, что заранѣе невозможно опредѣлить вѣроятную продолжительность кризиса, вызвавшаго объявленіе осаднаго положенія. Несмотря на эти возраженія, постановленіе о срокѣ было принято, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ опыта 1871 до 1876 гг., въ теченіе которыхъ большая часть французской территоріи находилась подъ режимомъ осаднаго положенія, опыта, показавшаго, по мѣткому выраженію Дюфора, что осадное положеніе гораздо легче установить, чѣмъ отмѣнить [1]. Возраженія сенатской комиссіи теряютъ всякое значеніе, особенно въ виду того, что законъ 1878 г. предусматриваетъ возможность случая, когда назначенный срокъ окажется недостаточнымъ: новый законъ можетъ продлить дѣйствіе осаднаго положенія на новый срокъ, если въ этомъ есть надобность.

Въ законодательствѣ Германіи нѣтъ такихъ предосторожностей по отношенію къ условіямъ и порядку объявленія осаднаго положенія. Право объявленія его принадлежитъ въ Германской Имперіи не законодательному собранію, а единственно императору. По статьѣ 68 имперской конституціи, императоръ можетъ, въ случаѣ, если что-либо угрожаетъ общественному спокойствію въ предѣлахъ союза, объявить въ военномъ или осадномъ положеніи (въ гер-

[1] Говоря о сохраненіи осаднаго положенія уже послѣ того, какъ исчезла потребность, его вызвавшая, Альберъ Греви замѣтилъ (въ 1875 г.): «d'une loi de salut public exceptionnelle et temporaire on a fait un moyen de gouvernement normal et permanent; ce n'est plus pour la défense de la patrie en danger, c'est pour la commodité de l'administration que la loi martiale fonctionne». Reinach. De l'état de siege, стр. 119. Ту-же мысль Рейнакъ выразилъ въ слѣдующей характеристикѣ исключительнаго положенія, издаваемаго безъ строго опредѣленнаго срока: c'est un mol oreiller sur lequel risque de s'endormir la paresse des gouvernants. Ibid., стр. 282.

манскомъ правѣ это синонимы) любую часть его территоріи. Впредь до изданія обще-имперскаго закона по этому предмету, форма объявленія и послѣдствія его опредѣляются прусскимъ закономъ 4-го іюня 1851 г., съ тѣми ограниченіями, которыя вызываются нѣкоторыми особыми условіями [1].

Осадное положеніе въ Германіи, согласно съ постановленіями закона 1851 г., можетъ быть объявлено, во 1-хъ, если, въ случаѣ войны, какой-либо мѣстности угрожаетъ или если въ ней уже произошло непріятельское вторженіе, и во 2-хъ, въ случаѣ возстанія, явно угрожающаго общественной безопасности. Рѣшеніе вопроса о наличности условій, требующихъ или позволяющихъ произвести объявленіе осаднаго положенія, принадлежитъ исключительно императору. Объявленіе совершается черезъ изданіе императорскаго указа, который контрассигнируется имперскимъ канцлеромъ. Указъ публикуется въ оффиціальномъ органѣ и, сверхъ того, о немъ поставляются въ извѣстность всѣ тѣ мѣстности, которыя объявляются въ осадномъ положеніи, путемъ публичнаго прочтенія указа, сопровождаемаго барабаннымъ боемъ и трубными звуками, а также расклейки его въ общественныхъ мѣстахъ и напечатанія въ газетахъ. Относительно срока, на который объявляется осадное положеніе, германское законодательство не заключаетъ никакихъ постановленій.

Что касается тѣхъ послѣдствій, которыми сопровождается объявленія осаднаго положенія, то во Франціи они

[1] Дѣйствію ст. 68 конституціи и закона 1851 г. не подлежитъ Баварія. По договору 23-го ноября 1870 г., порядокъ объявленія и послѣдствія осаднаго положенія въ какой-либо изъ ея областей долженъ быть опредѣленъ имперскимъ закономъ; такого закона до сихъ поръ не издано, и Баварія является, поэтому, изъятою отъ дѣйствія ст. 68 конституціи и въ отношеніи къ чрезвычайнымъ мѣрамъ безопасности руководствуется единственно своимъ собственнымъ законодательствомъ. (P. Laband: «Das Staatsrecht des deutschen Reiches», 1880, т. III. ч. I, стр. 48. А. Д. Градовскій: «Германская конституція», ч. II, 1876 г. стр. 60). Съ другой стороны, по отношенію ко всѣмъ другимъ государствамъ, кромѣ Пруссіи, постановленія закона 1851 г. примѣняются съ тѣми изъятіями, которыя вызываются различіями конституціонныхъ законовъ и государственныхъ учрежденій этихъ государствъ, сравнительно съ Пруссіей (Laband, ibid., стр. 42).

опредѣляются и въ настоящее время закономъ 1849 г. Съ объявленіемъ осаднаго положенія, принадлежащія гражданской власти полномочія для поддержанія порядка и обезпеченія безопасности—pour le maintien de l'ordre et de la police—переходятъ въ полномъ объемѣ къ военной власти. Эти полномочія обнимаютъ собою какъ общую (т. н. предупредительную) полицію, которая въ обыкновенное время находится въ рукахъ членовъ административнаго вѣдомства, такъ и полицію судебную, отправляемую органами судебнаго вѣдомства. Такимъ образомъ, военная власть получаетъ право изданія распоряженій, съ цѣлью охраненія общественнаго порядка, а также право производства обысковъ, выемокъ, арестовъ и т. д. Законъ, правда, оговариваетъ, что „гражданскія власти продолжаютъ осуществлять тѣ изъ обычныхъ полномочій, которыя за ними будутъ оставлены военною властью". Послѣдняя, однако, въ любое время, въ теченіе дѣйствія осаднаго положенія, можетъ взять на себя осуществленіе такихъ полномочій.

Помимо общаго постановленія относительно перехода къ военной власти полномочій по охраненію порядка и безопасности, французское законодательство установляетъ и рядъ отдѣльныхъ полномочій, предоставляемыхъ военной власти въ отступленіе отъ обычнаго законнаго порядка. Задача ихъ—ограниченіе нѣкоторыхъ основныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Въ законѣ 1849 г. (ст. 9) эти полномочія выражены въ четырехъ пунктахъ. Во 1-хъ, военная власть надѣляется правомъ производить обыски днемъ и ночью въ жилищѣ гражданъ, чѣмъ ограничивается одно изъ самыхъ важныхъ гражданскихъ правъ—неприкосновенность жилища. Во 2-хъ, личная свобода встрѣчаетъ ограниченіе въ предоставляемомъ военной власти правѣ высылки или удаленія лицъ, подвергавшихся наказанію, а также и лицъ, не имѣющихъ постояннаго жительства въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ осадномъ положеніи. Въ 3-хъ, военная власть получаетъ право предписывать выдачу оружія и военныхъ снарядовъ, производить розыски и отбирать ихъ. Въ 4-хъ, осадное положеніе влечетъ за собою существенныя ограниченія свободы печати и права собраній. Съ момента объявленія осаднаго поло-

женія военная власть получаетъ право „воспрещать печатныя изданія (les publications—общій терминъ, обнимающій, одинаково, какъ періодическую прессу, такъ и не-періодическія изданія) и собранія, которыя она признаетъ способствующими возбужденію безпорядка или его поддержанію“ [1].

Кромѣ указанныхъ ограниченій, осадное положеніе во Франціи влечетъ за собою еще одно весьма важное послѣдствіе, а именно, изъятіе изъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ длиннаго ряда преступленій и предоставленіе ихъ вѣдѣнію судовъ военныхъ. „Военные суды“, гласитъ ст. 8 закона 1849 г., „могутъ быть уполномочены вѣдать преступленія противъ безопасности республики, противъ конституціи, противъ общественнаго порядка и спокойствія, каково бы ни было положеніе (qualité) главныхъ виновниковъ и ихъ сообщниковъ“. Выраженіе „могутъ быть“ какъ бы ограничиваетъ значеніе этихъ изъятій, такъ какъ оно даетъ основаніе думать, что компетенція обыкновенныхъ судовъ можетъ и быть сохранена въ неприкосновенности. Но это ограниченіе является только кажущимся; оно не имѣетъ никакого положительнаго значенія въ виду того, что вопросъ относительно передачи вѣдѣнія тѣхъ или другихъ преступленій военнымъ судамъ рѣшается не кѣмъ

[1] Какъ показываетъ прошлая практика осаднаго положенія во Франціи, этимъ правомъ ограниченія свободы пользуются, обыкновенно, въ очень широкихъ размѣрахъ. По статистическимъ даннымъ, представленнымъ въ 1875 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, которыя онъ, впрочемъ, самъ признавалъ недостаточно полными, за двухлѣтній періодъ 29 газетъ были пріостановлены на срокъ, опредѣленный военной властью, 30 подвергнуты пріостановкѣ безъ указанія срока, 163-мъ была воспрещена розничная продажа. Нерѣдко, при пользованіи широкими полномочіями относительно печати, военная власть принимала мѣры, произвольно возстановлявшія учрежденія, отмѣненныя основными законами. Такъ, въ 1849 г. одинъ генералъ установилъ предварительную цензуру въ департаментѣ Дромъ, несмотря на то, что по дѣйствовавшимъ тогда основнымъ законамъ (ст. 8 конституціи 4 ноября 1848 г.), «печать ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать цензурѣ»; въ 1871 г. парижскій комендантъ воспретилъ публикованіе безъ предварительнаго разрѣшенія какихъ-либо новыхъ періодическихъ изданій, трактующихъ о политическихъ и соціально-экономическихъ предметахъ, несмотря на то, что условіе предварительнаго разрѣшенія было отмѣнено еще закономъ 1868 г. о печати.

инымъ, какъ военною же властью, которая, какъ показалъ опытъ, пользовалась предоставляемою ей возможностью во всей полнотѣ и съ большою энергіей.

Въ отношеніи къ послѣдствіямъ осаднаго положенія, французское законодательство почти буквально воспроизводится прусскимъ закономъ 1851 года, такъ что и въ Германіи объявленіе осаднаго положенія сопровождается: во 1-хъ, переходомъ обычныхъ функцій гражданской исполнительной власти въ руки военнаго начальства; во 2-хъ, пріостановкою дѣйствія конституціонныхъ гарантій, неприкосновенности жилища, личной свободы, свободы печати и собраній и другихъ правъ; наконецъ, въ 3-хъ, въ передачѣ ряда преступленій изъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ въ вѣдѣніе судовъ военныхъ.

Существенною особенностью германскаго законодательства являются постановленія относительно состава этихъ судовъ. Тогда какъ во Франціи военные суды состоятъ исключительно изъ лицъ военныхъ, въ Германіи къ военному элементу этихъ судовъ присоединяется элементъ гражданскій: изъ пяти членовъ въ нихъ три офицера, по назначенію командующаго войсками, и двое гражданскихъ судей, назначаемыхъ президентомъ мѣстнаго суда. Одинъ изъ послѣднихъ является предсѣдательствующимъ въ военномъ судѣ. Введеніе въ трибуналы гражданскаго элемента, представители котораго обладаютъ большею процессуальною опытностью и большимъ спокойствіемъ, имѣетъ въ виду внести въ дѣятельность такихъ судовъ духъ правомѣрности и умѣренность, которая, до извѣстной степени, можетъ замѣнить или сгладить отсутствіе обычныхъ гарантій правосудія.

Снятіе осаднаго положенія въ Германіи происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и объявленіе его, т. е. въ силу императорскаго указа. Вслѣдъ за нимъ возстановляется обычный законный порядокъ; въ частности, дѣятельность военныхъ судовъ прекращается, и подлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла передаются обыкновеннымъ судамъ. Во Франціи снятіе осаднаго положенія сопровождается тѣми же послѣдствіями; но дѣла, поступившія на разсмотрѣніе военныхъ судовъ еще при дѣйствіи исключительнаго положенія, и по прекращеніи его подлежатъ ихъ вѣдѣнію, впредь до разрѣшенія.

Чрезвычайныя мѣры въ Англіи.

Чрезвычайныя мѣры полиціи безопасности по англійскому праву рѣзко отличаются отъ порядка, господствующаго въ этомъ отношеніи въ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ качествѣ важнѣйшей изъ такихъ мѣръ считаютъ такъ называемую пріостановку дѣйствія Habeas Corpus Акта. При этомъ въ континентальной политической и юридической литературѣ довольно широко распространилось воззрѣніе на пріостановку, какъ на мѣру вполнѣ аналогическую, весьма сходную, а по утвержденію нѣкоторыхъ писателей — даже какъ на тождественную съ осаднымъ положеніемъ. Такъ, Лоренцъ Штейнъ при изложеніи ученія объ осадномъ положеніи (Das Recht des Belagerungszustandes) сближаетъ съ нимъ пріостановку Habeas Corpus Акта [1]. По утвержденію французскаго писателя, Мориса Блока, „пріостановка Habeas Corpus Акта равносильна осадному положенію“; при этомъ, упомянувъ, что пріостановка можетъ быть объявляема лишь посредствомъ закона, Блокъ прибавляетъ [2]: „въ крайнемъ случаѣ министерство можетъ предпринять эту мѣру подъ своею отвѣтственностью съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи испросить билль объ амнистіи“ (какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, это утвержденіе лишено всякаго основанія). Покойный проф. И. Е. Андреевскій, указавъ на то, что „положительныя законодательства по отношенію къ мѣрамъ предупрежденія возстаній и возмущеній не представляютъ значительныхъ различій“, говоритъ, что въ Англіи пріостановкою Habeas Corpus Акта „мѣстной администраціи и органамъ исполнительной власти предоставляется

[1] Lorenz v. Stein, Innere Verwaltungslehre. Das Polizeirecht (Stuttgart 1867), стр. 130: «In England erscheint der Belagerungszustand als Aufhebung der Habeas-Corpus-Akte». Тамъ-же, характеризуя различныя системы порядка объявленія осаднаго положенія, Штейнъ говоритъ: «Entweder kann der Belagerungszustand nur durch den Beschluss der Reichsvertretung eingeführt werden, wie in England, oder er kann durch Verordnung des Ministeriums» и т. д.

[2] Maurice Block, Dictionnaire de l'administration française. 2-e édition, Par. 1877, стр. 920; «Dans le Royaume Uni la suspension de l'Habeas Corpus, Act équivaut à l'état de siége. Cette suspension ne peut être declarée que par une loi. En cas d'urgence, le ministère pourrait prendre la mesure sous sa responsabilité, quitte à demander un bill d'indemnité».

полная свобода дѣятельности“ [1]. Въ чемъ состоитъ и въ чемъ выражается эта „полная свобода дѣятельности“, онъ, правда, не объясняетъ; но у прочитавшаго эти строки, естественно, является представленіе о томъ, что съ пріостановкою Habeas Corpus Акта въ рукахъ администраціи сосредоточиваются весьма обширныя полномочія.

Такое сближеніе и даже отождествленіе пріостановки дѣйствія Habeas Corpus Акта съ континентальнымъ осаднымъ положеніемъ въ значительной степени произвольно; оно порождаетъ совершенно неправильное представленіе о характерѣ и значеніи пріостановки. Для уясненія ея необходимо сначала остановиться на разсмотрѣніи того, въ чемъ состоитъ самая процедура Habeas Corpus.

Процедура Habeas Corpus [2] есть основная гарантія личной свободы; задача ея состоитъ въ томъ, чтобы всѣмъ, подвергшимся неправильному или противозаконному лишенію свободы, доставить средства къ быстрому и полному возстановленію нарушеннаго права. Сущность этой процедуры заключается въ слѣдующемъ. Всякій, считающій себя лишеннымъ свободы неправильно или незаконно, можетъ обратиться въ судъ съ просьбой о выдачѣ ему приказа Habeas Corpus [3], въ силу котораго пострадавшій долженъ

[1] И. Е. Андреевскій. Полицейское право. Изд. 2-е. Спб. 1874. т. I, стр. 276.

[2] Происхожденіе ея относится къ эпохѣ среднихъ вѣковъ: въ половинѣ XV в. приказъ Habeas Corpus былъ уже въ частомъ употребленіи, какъ средство защиты отъ произвольнаго лишенія свободы. Однако значеніе процедуры долгое время парализовалось возможностью произвольныхъ отказовъ въ выдачѣ приказа Habeas Corpus и отсутствіемъ надлежащихъ гарантій дѣйствительнаго выполненія требованій приказа. Окончательное обезпеченіе процедура получила въ Актѣ 1679 года, полное названіе котораго—«Актъ въ видахъ лучшаго обезпеченія свободы личности и предупрежденія заключеній за моремъ» (т. е. внѣ предѣловъ собственно Англіи); обычное же обозначеніе акта—Habeas Corpus Act.

[3] Названіе свое этотъ приказъ, а затѣмъ и вся процедура, получили отъ словъ Habeas Corpus ad subjiciendum, въ которыхъ выражается требованіе суда доставить личность (тѣло—corpus) заключеннаго. Происхожденіе этого названія относится еще къ тому времени, когда въ англійской судебной практикѣ господствовалъ латинскій языкъ. Несмотря на то, что, съ замѣною латинскаго языка англійскимъ, въ формулѣ приказа указанныя слова замѣнены соотвѣтственнымъ англійскимъ выраженіемъ (you have the body), названіе процедуры и самаго приказа осталось прежнее.

быть немедленно представленъ въ судъ; по расмотрѣніи причинъ и обстоятельствъ его задержанія, судъ или освобождаетъ его совершенно, или отпускаетъ на свободу подъ поручительствомъ, или же отсылаетъ его обратно въ заключеніе.

Для того, чтобы процедура Habeas Corpus являлась дѣйствительной гарантіей противъ незаконнаго нарушенія свободы, законодательство, главнымъ образомъ Habeas Corpus Актъ 1679 года, озаботилось предупрежденіемъ всякаго произвола при примѣненіи ея. Такъ, часто лишенный свободы можетъ быть поставленъ въ затрудненіе и даже полную невозможность обратиться въ судъ съ подлежащею просьбою. Предвидя возможность такихъ случаевъ, законъ и не требуетъ, чтобы прошеніе исходило непосредственно отъ самого заключеннаго. Оно можетъ быть составлено и предъявлено его повѣреннымъ, другомъ, родственникомъ, вообще, всякимъ лицомъ, дѣйствующимъ въ его интересахъ [1]. Далѣе, при прошеніи о выдачѣ Habeas Corpus должна быть, въ извѣстныхъ случаяхъ, представляема копія съ предписанія объ арестѣ (безъ такого предписанія ни одинъ тюремный смотритель не имѣетъ права принять арестованнаго). Выдача копіи съ него по требованію обвиняемаго или иного лица, дѣйствующаго въ его интересахъ,

[1] Въ видѣ иллюстраціи того, что Habeas Corpus можетъ быть выданъ не только по требованію пострадавшаго, но и по просьбѣ совершенно посторонняго лица, можно указать изъ англійской судебной практики одинъ замѣчательный случай, извѣстный подъ названіемъ «дѣла о Готтентотской Венерѣ». Въ 1810 г. въ Лондонѣ показывалась публикѣ, подъ этимъ именемъ, негритянка изъ южной Африки, отличавшаяся оригинальнымъ тѣлосложеніемъ. Нѣкоторыя лица, думая, что она является жертвою эксплоатаціи своего хозяина, который держитъ ее въ цѣляхъ наживы и противъ ея воли, обратились въ судъ съ просьбою о выдачѣ приказа Habeas Corpus, чтобы такимъ образомъ удостовѣриться, не находится ли она дѣйствительно въ состояніи вынужденнаго лишенія свободы. Судъ уже сдѣлалъ предварительныя распоряженія и отправилъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ съ цѣлью собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о негритянкѣ. Но тутъ оказалось, что она прибыла изъ Африки и была показываема публикѣ съ ея собственнаго согласія, по контракту, въ силу котораго ей выдѣлялась извѣстная часть сбора. Получивъ эти свѣдѣнія, судъ конечно призналъ излишнимъ выдавать Habeas Corpus, такъ какъ неправильнаго лишенія свободы здѣсь не было.

обязательна для тюремнаго смотрителя, его помощника и, вообще, всѣхъ лицъ, подъ стражей которыхъ находится заключенный. Отказъ въ выдачѣ копіи влечетъ за собою отвѣтственность, которая выражается: въ первый разъ, въ формѣ штрафа въ размѣрѣ 100 ф. ст., въ случаѣ вторичнаго отказа, штрафа въ 200 ф. ст. и отрѣшенія отъ должности безъ права вновь занять ее.

По разсмотрѣніи предъявленнаго прошенія, судъ немедленно выдаетъ требуемый приказъ. Отказать въ выдачѣ его судъ можетъ только въ томъ случаѣ, когда основаніемъ къ лишенію свободы является обвиненіе въ государственной измѣнѣ или въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, обвиненіе, ясно и точно формулированное въ предписаніи объ арестѣ. Выдача приказа въ такихъ случаяхъ не имѣла бы смысла, такъ какъ при наличности указаннаго обвиненія законность лишенія свободы не можетъ представлять никакого сомнѣнія.

Немедленно по полученіи приказа Habeas Corpus, то лицо, къ которому онъ обращенъ, обязано доставить заключеннаго въ судъ и представить данныя о времени, причинахъ и обстоятельствахъ его задержанія. Скорѣйшее выполненіе этого требованія есть одно изъ важнѣйшихъ условій дѣйствительности всей процедуры. А потому вполнѣ цѣлесообразными являются мѣры, которыя принимаетъ законодательство въ предотвращеніе возможныхъ здѣсь проволочекъ и злоупотребленій. Въ этихъ видахъ, во 1-хъ, установленъ извѣстный срокъ для выполненія требованія приказа (отъ 3-хъ до 20-ти дней); во 2-хъ, неисполненіе этого требованія карается значительнымъ штрафомъ (въ 100 и 200 ф. ст.) и можетъ повлечь за собою судебное преслѣдованіе за неповиновеніе распоряженіямъ суда.

Тотчасъ же по приведеніи заключеннаго и по представленіи отзыва о причинахъ его ареста, судъ приступаетъ къ изслѣдованію обстоятельствъ дѣла. Судебное разбирательство по Habeas Corpus производится сокращеннымъ порядкомъ и, обыкновенно, тянется очень недолго, нерѣдко заканчиваясь въ одномъ засѣданіи. Рѣшеніе суда, смотря по обнаружившимся обстоятельствамъ дѣла, принимаетъ одну изъ слѣдующихъ трехъ формъ. Судъ или вовсе осво-

бождаетъ арестованнаго, или отпускаетъ его на свободу подъ поручительствомъ, или же, наконецъ, отправляетъ его обратно въ заключеніе. Полное освобожденіе имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда данныя, представленныя на судѣ, обнаружили противозаконность ареста и отсутствіе всякихъ основаній къ дальнѣйшему задержанію. Если же арестъ произведенъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ и при наличности достаточнаго основанія, т. е. вслѣдствіе какого-либо преступленія, и если это преступленіе по своему характеру допускаетъ освобожденіе подъ поручительствомъ, то судъ отпускаетъ арестованнаго на свободу, отдавая его на поруки, съ обязательствомъ явиться въ судъ въ назначенный срокъ. То же самое имѣетъ мѣсто и въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не вполнѣ доказано, и у суда остается на этотъ счетъ болѣе или менѣе сильное сомнѣніе. Если же, наконецъ, преступленіе, въ которомъ обвиняется арестованный, надлежащимъ образомъ установлено и судъ не считаетъ возможнымъ отпустить его подъ поручительствомъ, то составляется рѣшеніе объ обратной отсылкѣ его въ мѣсто заключенія.

Отказывая въ выдачѣ Habeas Corpus лицамъ, обвиняемымъ въ государственной измѣнѣ и другихъ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, этотъ актъ устанавливаетъ по отношенію къ нимъ рядъ мѣръ, въ обезпеченіе одного изъ существеннѣйшихъ интересовъ правосудія—быстроты его. Обвиняемый въ этихъ преступленіяхъ можетъ просить судъ разобрать его дѣло въ ближайшую сессію; если этого не послѣдуетъ, судъ обязанъ отпустить его на свободу, на поруки съ тѣмъ, чтобы онъ явился въ слѣдующую затѣмъ сессію; если же и тогда дѣло его не будетъ разобрано, то онъ вовсе освобождается отъ преслѣдованія. При такихъ условіяхъ, максимальный періодъ предварительнаго заключенія обвиняемаго въ какомъ бы то ни было преступленіи равняется пяти-шести мѣсяцамъ.

Таковы процедура Habeas Corpus и существеннѣйшія постановленія акта 1679 года, гарантирующаго пользованіе ею. Временная пріостановка дѣйствія Habeas Corpus Акта является тою исключительною мѣрою, которую парламентъ устанавливалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для обезпеченія

государственнаго порядка и общественной безопасности обычныя полномочія органовъ управленія признавались, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, недостаточными. Въ этихъ видахъ издавался особый актъ, каждый разъ на извѣстный, точно обозначенный срокъ.

Сущность тѣхъ исключительныхъ полномочій, которыя санкціонируются этою мѣрою, далеко не точно выражается обыденнымъ ея названіемъ „Habeas Corpus Suspension Act“ (актъ о пріостановкѣ Habeas Corpus)—названіемъ не оффиціальнымъ, установившимся лишь ради удобства, для краткости. Полное же наименованіе его таково: „актъ объ уполномоченіи его величества задерживать и подвергать заключенію тѣхъ лицъ, которыхъ онъ будетъ подозрѣвать въ злоумышленіяхъ противъ его особы и правительства“.

Въ большинствѣ актовъ о пріостановкѣ даже вовсе нѣтъ прямаго упоминанія о статутѣ 1679 года. Въ дѣйствительности пріостанавливается лишь дѣйствіе одной статьи акта 1679 г. (а именно VII), которая касается государственной измѣны и которая гарантируетъ за лицами, обвиняемыми въ государственной измѣнѣ, право быть судимыми въ теченіе ограниченнаго и точно опредѣленнаго времени. Актъ о пріостановкѣ надѣляетъ высшую администрацію правомъ такихъ обвиняемыхъ, а также подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ лицъ держать въ заключеніи, не придавая ихъ суду, въ теченіе всего того періода, пока длится пріостановка. Всѣ остальныя гарантіи, предусматриваемыя статутомъ 1679 г., сохраняютъ свою силу, при чемъ даже отчасти и указанная статья VII, поскольку она касается тяжкихъ преступленій (felony).

Съ другой стороны, и санкціонируемыя отступленія отъ обычнаго законнаго порядка обезпеченія личной свободы акты о пріостановкѣ ставятъ въ извѣстныя рамки, обусловливая необходимость для приказовъ объ арестѣ подписи министра либо шести членовъ королевскаго совѣта, и этимъ предотвращая или ограничивая возможность опрометчивыхъ произвольныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ единственное юридическое послѣдствіе пріостановки Habeas Corpus Акта заключается въ пріостановкѣ освобожденія обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ

въ государственной измѣнѣ лицъ, хотя бы они и имѣли законное на то право. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ признавалось необходимымъ сверхъ этого санкціонировать возможность другихъ отступленій отъ законнаго порядка. Такъ, въ актъ 1799 г. (и позднѣйшіе) найдено было нужнымъ включить дополнительныя полномочія относительно перемѣщенія заключенныхъ изъ одной тюрьмы въ другую, что вообще запрещается ст. IX акта 1679 г. подъ угрозою штрафа; при этомъ однако точно устанавливались предѣлы пользованія правомъ перемѣщенія арестованныхъ во избѣжаніе злоупотребленій, могущихъ произойти въ ущербъ законнымъ правамъ и интересамъ лицъ заключенныхъ. Съ другой стороны, въ практикѣ пріостановокъ было нѣсколько случаевъ, когда въ главной задачѣ этой мѣры, ограниченію правъ личной свободы, присоединялись и извѣстныя ограниченія нѣкоторыхъ имущественныхъ правъ лицъ, противъ которыхъ были направлены исключительныя мѣры. Таковы постановленія акта 1695 г. (и нѣсколькихъ позднѣйшихъ) относительно забиранія лошадей у лицъ, подозрѣваемыхъ въ злоумышленіяхъ, съ цѣлью отнять у нихъ одно изъ средствъ къ осуществленію злыхъ умысловъ. Однако даваемыя администраціи полномочія въ этомъ отношеніи ставились въ весьма опредѣленныя рамки, при чемъ мѣстнымъ органамъ администраціи предоставлялось пользоваться этими полномочіями лишь въ предѣлахъ очень непродолжительнаго времени: уже для задержанія лошадей на срокъ свыше трехъ недѣль требовалось особое распоряженіе за подписью шести членовъ Тайнаго совѣта, что опять-таки не могло не быть существенною предосторожностью противъ слишкомъ широкаго и произвольнаго пользованія чрезвычайными полномочіями.

Ограниченность исключительныхъ полномочій, предоставляемыхъ пріостановкою Habeas Corpus Акта, съ полною ясностью выступаетъ и изъ института амнистіи или, вѣрнѣе, сложенія отвѣтственности за неправильныя и незаконныя дѣйствія, совершенныя въ эпоху пріостановки. Дѣло въ томъ, что полномочія, даваемыя пріостановкою, при всей ихъ исключительности, не открываютъ администраціи полной свободы дѣйствія; она остается ограниченной рамками

законности, обычныя требованія которой сохраняютъ свою силу. И при наличности временной пріостановки основной гарантіи свободы произвольные аресты и иныя злоупотребленія являются дѣйствіями противозаконными, такъ что лица, совершающія ихъ, подлежатъ отвѣтственности за нихъ по искамъ и обвиненіямъ, которые могутъ быть предъявлены противъ нихъ пострадавшими, лишь только они получатъ къ тому возможность съ прекращеніемъ чрезвычайнаго положенія. Освобожденіе отъ этой отвѣтственности и составляетъ главную задачу актовъ объ амнистіи или, точнѣе—о ненаказуемости тѣхъ неправильныхъ и противозаконныхъ дѣйствій, которыя могли быть совершены при осуществленіи на практикѣ полномочій, даваемыхъ актомъ о пріостановкѣ. Такіе акты издавались въ большинствѣ случаевъ пріостановки, за нѣсколько времени до наступленія ея предѣльнаго срока.

Проф. Дайси даетъ слѣдующую характеристику соотношенія между пріостановкою и актами объ амнистіи. „Предположимъ,—говоритъ онъ, что государственный секретарь или его подчиненные, во время дѣйствія акта о пріостановкѣ, арестуютъ и подвергнутъ заключенію совершенно невиннаго человѣка безъ всякой иной причины, кромѣ развѣ того убѣжденія, что въ интересахъ общественнаго спокойствія важно, чтобы извѣстное лицо, положимъ, какой-нибудь вліятельный предводитель партіи, въ родѣ Уилькса, Фокса или О'Коннелля, въ эпоху даннаго кризиса былъ заключенъ въ тюрьму и, такимъ образомъ, лишенъ вліянія. Предположимъ, далѣе, что арестъ по предписанію исполнительной власти совершается при обстоятельствахъ, которыя влекутъ за собою противозаконное вторженіе въ частное жилище, нанесеніе ущерба частной собственности и т. п. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ и во многихъ другихъ, которые легко себѣ представить, государственный секретарь, издающій предписаніе объ арестѣ, и должностныя лица, приводящія его въ исполненіе, нарушаютъ законъ. Они могутъ дѣйствовать такъ bona fide, въ добросовѣстномъ убѣжденіи, что ихъ образъ дѣйствій оправдывается необходимостью обезпечить сохраненіе порядка. Но, само по себѣ, это еще не освобождаетъ лицъ, произведшихъ такіе аресты,

отъ уголовной и гражданской отвѣтственности, все равно, пріостановленъ ли Habeas Corpus Актъ или нѣтъ. Правда, эта пріостановка лишаетъ лицъ, подвергшихся аресту, возможности начать судебное преслѣдованіе противъ государственнаго секретаря или лицъ, дѣйствовавшихъ по его предписаніямъ: пострадавшіе, конечно, подвергаются заключенію по обвиненію или подозрѣнію въ государственной измѣнѣ и, такимъ образомъ, пока длится пріостановка, они не могутъ добиться освобожденія. Но съ момента прекращенія дѣйствія акта о пріостановкѣ они, конечно, могутъ просить о выдачѣ имъ приказа Habeas Corpus и добиться, чтобы путемъ преданія ихъ суду или инымъ образомъ произвольное заключеніе ихъ прекратилось. Въ предположенныхъ нами случаяхъ, заключенный не былъ виновенъ ни въ какомъ преступленіи; на самомъ дѣлѣ, виновными являются государственный секретарь и его подчиненные. Въ результатѣ они, по истеченіи срока дѣйствія акта о пріостановкѣ, подлежатъ отвѣтственности по гражданскимъ искамъ или уголовному преслѣдованію за ихъ противозаконный образъ дѣйствій, при чемъ они не могутъ искать защиты въ томъ фактѣ, что, когда незаконный арестъ имѣлъ мѣсто, Habeas Corpus Актъ не былъ въ силѣ. Между тѣмъ, весьма вѣроятно, что, такъ какъ пріостановка Habeas Corpus Акта даетъ правительству возможность, въ теченіе извѣстнаго времени, держать подозрительныхъ лицъ въ заключеніи безъ предания ихъ суду, то большее или меньшее количество противозаконныхъ актовъ будетъ совершено, если не самими членами министерства, то, во всякомъ случаѣ, его агентами. Мы можемъ пойти далѣе и сказать, что скрытая цѣль пріостановки Habeas Corpus Акта состоитъ въ томъ, чтобы дать правительству возможность совершать дѣйствія, которыя, будучи съ политической точки зрѣнія цѣлесообразными, могутъ быть не вполнѣ законными. Разъ парламентъ пріостанавливаетъ одну изъ главныхъ гарантій личной свободы, онъ долженъ быть того мнѣнія, что при возникшемъ кризисѣ государственные интересы должны быть поставлены выше правъ отдѣльныхъ лицъ. Актъ о пріостановкѣ не достигалъ бы своей главной цѣли, если бы должностныя лица не получили увѣренности въ томъ, что пока они

держатся политики, рекомендуемой этимъ актомъ, добросовѣстно и безъ какихъ-либо злобныхъ или преступныхъ мотивовъ, они будутъ защищены отъ отвѣтственности за образъ дѣйствій, который, хотя и представляется съ формальной стороны нарушеніемъ закона, на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ пользованіе, въ интересахъ общественнаго блага, тѣми исключительными полномочіями, которыми имѣетъ въ виду надѣлить исполнительную власть актъ о пріостановкѣ Habeas Corpus. Эта увѣренность и основывается на ожиданіи, что до истеченія срока дѣйствія акта о пріостановкѣ парламентъ издастъ актъ объ амнистіи (Act of Indemnity), защищающій всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ силу закона о пріостановкѣ. И ожиданіе это сбывалось. За актомъ о пріостановкѣ Habeas Corpus постоянно слѣдовало изданіе акта объ амнистіи".

Въ замѣчаніяхъ этихъ заключается въ общемъ правильная характеристика внутренней связи между пріостановкою и амнистіею. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что, вопреки утвержденію проф. Дайси, далеко не всѣ случаи пріостановки сопровождались изданіемъ актовъ объ амнистіи. Изъ общаго числа такихъ случаевъ, двѣнадцати (не считая актовъ о продленіи пріостановки за самостоятельные), въ шести случаяхъ акта объ амнистіи не было издано.

Съ другой стороны, важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что изданіе акта объ амнистіи не есть непремѣнное слѣдствіе пріостановки, на которое можно было бы разсчитывать съ твердою увѣренностью. Надежду на освобожденіе отъ отвѣтственности администрація, въ виду прецедентовъ, можетъ питать при примѣненіи исключительныхъ полномочій. Но рядомъ съ этою надеждою не малую роль, въ качествѣ мотива и регулятора дѣйствій администраціи, должно играть вполнѣ твердое сознаніе, что осуществленію надежды на ненаказуемость будетъ неизбѣжно предшествовать ревизія принятыхъ мѣръ со стороны парламента, какъ естественный спутникъ обсужденія билля объ амнистіи.

Послѣдняя можетъ явиться лишь въ результатѣ провѣрки парламентомъ практическаго примѣненія чрезвычайныхъ полномочій, а перспектива такого контроля не можетъ, конечно, не являться весьма существенною сдержкою въ

возможномъ стремленіи давать черезчуръ распространительное толкованіе этимъ полномочіямъ или примѣнять ихъ легкомысленно, опрометчиво, безъ достаточно уважительныхъ основаній. И, какъ показываетъ исторія проведенія актовъ объ амнистіи 1801 и 1818 г., принятію билля о ненаказуемости дѣйствительно предшествовало подробное разсмотрѣніе данныхъ о примѣненіи исключительныхъ полномочій. И въ томъ, и другомъ случаѣ вотированіе ненаказуемости опиралось на удостовѣреніе парламентскихъ коммиссій въ томъ, что полномочія были примѣняемы „осторожно и умѣренно“, о чемъ коммиссія (1801 г.) судила не только по „сравнительно малому числу задержанныхъ лицъ“, но и на основаніи «тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія» причинъ и обстоятельствъ, при которыхъ производилось лишеніе свободы, что основаніями для этого служили либо «ясные и положительныя обвиненія, подкрѣпленныя присягою», либо «достовѣрные документы», либо наконецъ «столь солидные поводы подозрѣнія, которыя вполнѣ оправдывали мѣру»; заключенія коммиссіи 1818 г. также удостовѣряютъ, что примѣненіе исключительныхъ полномочій совершалось «съ должною осторожностью и умѣренностью», «съ умѣренностью и снисходительностью».

Нельзя далѣе не обратить вниманія и на то обстоятельство, что значеніе акта объ амнистіи можетъ быть ограниченнымъ уже въ силу самой формулировки его постановленій, которыя могутъ давать болѣе широкую и болѣе ограниченную защиту. Къ тому же толкованіе этихъ постановленій и разрѣшеніе могущихъ возникнуть вопросовъ и сомнѣній по примѣненію постановленій о ненаказуемости тѣхъ или другихъ дѣйствій, совершенныхъ въ эпоху пріостановки, принадлежатъ общимъ судамъ. По актамъ 1801 и 1818 гг., въ случаѣ возбужденія иска или преслѣдованія, заявленіе отвѣтчика о его безотвѣтственности подлежитъ провѣркѣ суда или судьи, при чемъ распоряженіе о прекращеніи дѣла ставится въ зависимость отъ признанія судомъ или судьею достаточными доказательствъ въ пользу права отвѣтчика воспользоваться актомъ о ненаказуемости.

Въ качествѣ иллюстраціи того ограниченнаго значенія, какое имѣютъ акты о ненаказуемости дѣйствій, совершенныхъ въ періодъ исключительныхъ мѣръ, интересенъ слѣдующій случай, который представляется тѣмъ болѣе характернымъ, что онъ имѣлъ мѣсто въ Ирландіи, въ критическую эпоху, непосредственно передъ соединеніемъ ея съ Англіей. Въ 1798 г. для подавленія возстанія, вспыхнувшаго въ Ирландіи, въ нёй были приняты экстренныя мѣры. Одинъ изъ энергичныхъ администраторовъ, Фитцджеральдъ, шерифъ Типперари, примѣняя чрезвычайныя полномочія, распорядился подвергнуть жестокому сѣченію Райта, учителя французскаго языка. Поводомъ къ этому послужило подозрѣніе Райта въ злыхъ умыслахъ—подозрѣніе, какъ оказалось, неосновательное. Въ 1799 г. былъ изданъ актъ о ненаказуемости всѣхъ нарушеній закона (breaches of the law), совершенныхъ при подавленіи возстанія. Тѣмъ не менѣе Райтъ возбудилъ противъ Фитцджеральда искъ; отвѣтчикъ въ свое оправданіе сослался на актъ объ амнистіи, но судъ не призналъ, что она покрываетъ произвольное обращеніе его съ истцомъ. Резюмируя дѣло, судья Чемберленъ сказалъ, между прочимъ: «присяжные не должны воображать, что законодательная власть, предоставляя должностнымъ лицамъ право защиты биллемъ объ амнистіи, освобождала бы ихъ отъ чувствъ гуманности или разрѣшала бы имъ пользоваться властью опрометчиво, хотя бы это и было для подавленія возстанія. Во всѣхъ случаяхъ должно быть тщательное и серьезное разслѣдованіе образа дѣйствій предполагаемаго преступника, и въ каждомъ рѣшеніи должно обнаруживаться стремленіе раскрыть вину, а не причинить мученіе. Подъ разслѣдованіемъ онъ не разумѣетъ непремѣнно такого разслѣдованія, какимъ судъ занятъ въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ такое разсмотрѣніе, какое только допускаютъ свойства каждаго дѣла и наличныя обстоятельства. Что именно таково намѣреніе законодательной власти, ясно изъ выраженія «должностныя и всѣ другія лица», откуда вытекаетъ, что такъ какъ каждому,—должностному лицу или нѣтъ, безразлично,—было закономъ предоставлено подавлять возстаніе и приводить этотъ законъ въ оправданіе своихъ дѣйствій, требуется, чтобы онъ не переступалъ необходимости, предоставившей ему это право, и чтобы онъ въ свое оправданіе могъ ука-

зать на принятіе имъ всѣхъ возможныхъ средствъ для удостовѣренія вины, вызвавшей со стороны его наказаніе; а превыше всего, въ его образѣ дѣйствій не должно быть отклоненія отъ общихъ началъ гуманности». Судъ присудилъ взыскать съ Фитцджеральда въ пользу пострадавшаго 500 фун. ст.; отвѣтчикъ вслѣдъ затѣмъ обратился въ ирландскій парламентъ съ ходатайствомъ о распространеніи на него амнистіи, но ходатайство это было оставлено безъ уваженія.

Несмотря на всю ограниченность исключительныхъ полномочій, санкціонируемыхъ пріостановкою Habeas Corpus Акта, обращеніе къ этой мѣрѣ нерѣдко вызывало рѣшительныя возраженія и опасенія и всегда—стремленіе ограничить ея дѣйствіе возможно болѣе краткимъ періодомъ времени. Въ литературѣ часто можно встрѣтить утвержденіе, что пріостановка Habeas Corpus Акта производится обыкновенно на годичный срокъ, который и считается какъ бы нормальнымъ періодомъ дѣйствія этой мѣры. На самомъ же дѣлѣ это утвержденіе не имѣетъ за себя основаній. Чаще всего пріостановка издавалась на сроки гораздо менѣе продолжительные. Если случаи продленія пріостановокъ принимать за самостоятельные, то всѣ двадцать два случая, по степени продолжительности, можно распредѣлить такъ: въ 12 случаяхъ продолжительность пріостановки не превышала 6 мѣсяцевъ (изъ нихъ въ четырехъ случаяхъ она не превышала двухъ мѣсяцевъ); въ 8 случаяхъ продолжительность ея колебалась отъ 6 мѣсяцевъ до 9 мѣс. 10 дней; въ одномъ случаѣ она достигла 11 мѣсяцевъ и, наконецъ, въ одномъ—превысила годичный срокъ (одинъ годъ и семь дней, въ 1722—1723 г.). Послѣдній случай представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что годичный срокъ даже не можетъ считаться предѣльнымъ: во время преній, сопровождавшихъ вотированіе пріостановки 1722 г., оппозиція съ опасеніемъ указывала, что она, будучи принята на свышегодичный срокъ, можетъ послужить въ другомъ случаѣ прецедентомъ для пріостановки на два года.

Ближайшій анализъ пріостановки Habeas Corpus Акта, въ сопоставленіи его съ осаднымъ положеніемъ по тѣмъ

послѣдствіямъ, которыми оно сопровождается, не можетъ не привести къ заключенію, что между этими двумя институтами гораздо больше различія, чѣмъ сходства. Оба они, безъ сомнѣнія, являются мѣрами чрезвычайными, къ которымъ обращаются лишь въ случаяхъ исключительныхъ; но этимъ и ограничивается сходство между ними. Различіе же между ними весьма значительно и состоитъ не только въ деталяхъ, но и въ самомъ существѣ.

Основною чертою осаднаго положенія слѣдуетъ признать *репрессивный* характеръ его. Передавая исполнительную власть во всѣхъ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ въ руки военной администраціи, надѣляя эту послѣднюю обширными полномочіями, неопредѣленность которыхъ дѣлаетъ ихъ de facto безпредѣльными и допускаетъ возможность безграничнаго произвола, отмѣняя гарантіи самыхъ существенныхъ правъ и санкціонируя всевозможныя изъятія и отступленія отъ законнаго порядка суда и управленія, осадное положеніе создаетъ цѣлую систему репрессій; практическое примѣненіе ея, къ тому же, не встрѣчаетъ никакого контроля и фактически не сопряжено съ отвѣтственностью за злоупотребленія, ибо эта послѣдняя, существуя de jure, не можетъ имѣть серьезнаго значенія въ виду подсудности всякаго рода жалобъ на дѣйствія администраціи (и во Франціи, и въ Германіи) не общимъ, а административнымъ судамъ.

Пріостановка Habeas Corpus Акта, наоборотъ, не вноситъ рѣшительно никакихъ измѣненій въ обычную систему репрессіи, устанавливаемую общими законами страны. Эти послѣдніе и въ эпоху исключительныхъ условій остаются непреложною мѣрою всѣхъ дѣйствій администраціи, которой предстоитъ за всякое отступленіе отъ требованій закона нести обычную отвѣтственность передъ общими судами. Какъ мы видѣли, перспектива освобожденія ея отъ этой отвѣтственности не можетъ имѣть существеннаго значенія въ смыслѣ фактическаго расширенія полномочій. И во всякомъ случаѣ, хотя бы надежда на снятіе отвѣтственности и могла служить соблазномъ къ принятію произвольныхъ мѣръ, эти послѣднія всегда будутъ сдерживаемы въ скромныхъ границахъ, и не только въ силу ограниченности и

полной опредѣленности даваемыхъ пріостановкою полномочій, но и особенно потому, что осуществленіе этихъ полномочій стоитъ подъ контролемъ независимаго суда, съ участіемъ присяжныхъ, и свободы печати.

. Не внося измѣненій въ строй законнаго порядка суда и управленія, пріостановка Habeas Corpus Акта и не можетъ преслѣдовать никакихъ репрессивныхъ цѣлей. Основная черта ея — *предупредительный* характеръ, и въ этомъ именно состоитъ глубокое отличіе ея отъ осаднаго положенія, дѣлающее совершенно произвольнымъ отождествленіе или даже сближеніе этихъ институтовъ между собою.

Но если пріостановка Habeas Corpus Акта столь существенно отличается отъ осаднаго положенія, то не является-ли близкимъ къ нему другой институтъ, извѣстный въ англійскомъ правѣ подъ названіемъ Martial law, т. е. военнаго права или военнаго положенія, какъ его обыкновенно переводятъ. Но этимъ терминомъ обозначается нѣчто совершенно отличное отъ военнаго или осаднаго положенія въ обычномъ смыслѣ. Подъ Martial law въ англійскомъ правѣ разумѣется не что иное, какъ употребленіе военной силы для подавленія какого-либо серьезнаго нарушенія спокойствія. Право прибѣгать къ нему не есть чрезвычайное полномочіе, а присущая коронѣ и ея служителямъ, въ силу общаго права, власть, какъ одно изъ средствъ осуществленія задачъ управленія. Пользованіе этимъ правомъ стоитъ въ обычныхъ условіяхъ и границахъ отвѣтственности. Оно можетъ быть названо экстренною мѣрою администраціи лишь въ томъ смыслѣ, что прибѣгать къ ней возможно только въ крайнихъ случаяхъ.

Законодательная практика нѣкоторыхъ колоній вызвала въ 1867 г. авторитетное разъясненіе того, что подъ Martial law никоимъ образомъ не должно разумѣть чрезвычайнаго положенія, которое шло бы въ разрѣзъ съ обычнымъ законнымъ порядкомъ. Разъясненіе это сдѣлано было въ циркулярной депешѣ на имя губернаторовъ колоній. Указавъ на то, что въ колоніи Антигоа изданъ былъ актъ, „который имѣетъ въ виду облечь исполнительное правительство постояннымъ правомъ пріостанавливать обыкновенное законодательство колоніи, устранять гарантіи жизни

и собственности и заранѣе узаконять мѣры, которыя могутъ быть признаны способствующими поддержанію порядка военнымъ начальствомъ, обязаннымъ прекращать безпорядки“, депеша заявляетъ, что „это всецѣло противорѣчитъ духу англійскаго права“, и предлагаетъ озаботиться, чтобы упомянутый актъ былъ отмѣненъ законодательнымъ собраніемъ колоніи. Циркуляръ вмѣстѣ съ тѣмъ оговариваетъ, что въ этихъ указаніяхъ „правительства ея величества не должно быть усматриваемо безусловное воспрещеніе прибѣгать къ martial law, подъ давленіемъ крайнихъ обстоятельствъ и въ разсчетѣ на актъ о ненаказуемости. Однако оправданіе такого образа дѣйствій должно обусловливаться потребностью минуты, и губернаторъ никакими инструкціями не можетъ быть освобожденъ отъ обязанности, въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ, самому рѣшать, въ какомъ случаѣ отвѣтственность его будетъ больше,—въ случаѣ примѣненія martial law, или въ случаѣ воздержанія отъ этого“.

Имѣвшія мѣсто въ исторіи Англіи пріостановки Habeas Corpus Акта могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Первую группу составляетъ рядъ пріостановокъ Habeas Corpus Акта, обусловленныхъ борьбою съ Якобитами,—приверженцами Іакова II и его потомства, которые не разъ пытались вызвать внутреннія замѣшательства, осложненныя поддержкою Франціи, съ цѣлью вернуть англійскій престолъ династіи Стюартовъ. Эти случаи относятся къ періоду 1689—1746 г.—Вторую группу образуетъ рядъ пріостановокъ, главнымъ мотивомъ которыхъ являлась борьба съ демократическимъ движеніемъ, принимавшимъ характеръ опасный, съ точки зрѣнія правительства, для интересовъ государственнаго и общественнаго спокойствія. Эти случаи относятся къ 1794—1818 г. [1].

[1] Можно отмѣтить также актъ о пріостановкѣ, изданный въ 1777 году по случаю борьбы съ американскими колоніями. Актъ этотъ стоитъ однако особнякомъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствіе его даже вовсе не распространялось на Англію: онъ былъ изданъ по поводу войны съ американскими колоніями и имѣлъ въ виду задержаніе «лицъ, обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ государственной измѣны, совершенныхъ въ какой-либо изъ королевскихъ колоній или плантацій въ Америкѣ или въ откры-

Послѣ 1818 года Англія не практиковала этой мѣры; обычныя полномочія администраціи и, главнымъ образомъ, изложенныя нами ранѣе мѣры на случай безпорядковъ признавались вполнѣ достаточными средствами къ обезпеченію общественнаго спокойствія даже въ такія критическія эпохи, какъ агитація въ періодъ парламентской реформы 1832 года и во время движенія Чартистовъ.

Только что сказанное относится собственно къ Англіи и Шотландіи. Что же касается до третьей составной части Соединеннаго Королевства, Ирландіи, то въ ней въ теченіе XIX столѣтія пріостановка Habeas Corpus Акта практиковалась весьма часто. Кромѣ того, по отношенію къ ней примѣнялись неоднократно и другія исключительныя мѣры, подъ именемъ принудительныхъ актовъ (Coercion Acts), актовъ о предупрежденіи преступленій (Prevention of Crime Acts), объ охраненіи спокойствія (Peace Preservation Acts) и т. д. Эти мѣры, надѣляя администрацію чрезвычайными полномочіями, имѣютъ гораздо болѣе серьезныя послѣдствія. Какъ на примѣръ, можно указать на принудительный актъ 1881 года. Онъ предоставляетъ лорду-намѣстнику Ирландіи замѣнять, въ извѣстныхъ случаяхъ, судъ присяжныхъ особымъ судомъ, составляемымъ изъ трехъ главныхъ судей Ирландіи; для нѣкоторыхъ преступленій устанавливаетъ новыя, болѣе строгія наказанія; высшей администраціи предоставляется право воспрещать митинги, задерживать и конфисковать отдѣльные нумера газетъ, совершать домовые обыски, даже въ ночное время, съ цѣлью отобранія оружія и т. п. Дѣйствіе этого и аналогичныхъ актовъ было ограничиваемо извѣстнымъ, заранѣе опредѣленнымъ промежуткомъ времени (обыкновенно, одинъ годъ). Какъ видно изъ приведеннаго примѣра, эти исключительныя мѣропріятія болѣе приближаются къ обычнымъ по-

томъ морѣ, или же въ пиратствѣ». Для того, чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно района дѣйствія этого акта, въ него включена была спеціальная статья о томъ, что постановленія этого акта не распространяются на какія-либо преступленія, совершенныя въ предѣлахъ королевства.—Впослѣдствіи въ теченіе пяти лѣтъ подрядъ были издаваемы акты о продолженіи пріостановки, каждый разъ на одинъ годъ до 1 Января 1783 года.

слѣдствіямъ осаднаго положенія. Отъ него, однако, они рѣзко отличаются въ трехъ отношеніяхъ: во 1-хъ, они издаются каждый разъ особо, и характеръ ихъ обусловливается потребностями каждаго отдѣльнаго случая; во 2-хъ, исключительныя полномочія ввѣряются всегда органамъ гражданской власти; въ 3-хъ, англійское законодательство не знаетъ военныхъ судовъ, расширеніе юрисдикціи которыхъ составляетъ неизбѣжное послѣдствіе осаднаго положенія въ другихъ государствахъ.

Чрезвычайныя мѣры въ Россіи.

Въ русскомъ законодательствѣ предусматриваются, съ одной стороны, чрезвычайныя мѣры, которыя могутъ быть принимаемы администраціей въ силу обыкновенныхъ полномочій, предоставляемыхъ ей общими законами, съ другой, исключительныя мѣры въ собственномъ смыслѣ, имѣющія временный характеръ и предусматриваемыя особыми законоположеніями. Первыя регулируются отчасти Уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Т. XIV Св. Зак. изд. 1890 г.), отчасти Сводомъ общихъ губернскихъ учрежденій (т. II, ч. 1 Св. Зак.), вторыя особымъ положеніемъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 14 августа 1881 года.

Въ силу 1-й ст. Уст. о предуп. и пресѣченіи преступленій, губернаторы, мѣстныя полицейскія учрежденія и, вообще, всѣ начальствующія мѣста и лица обязаны всѣми зависящими отъ нихъ средствами предупреждать и пресѣкать всякія дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію общественнаго спокойствія, порядка, благочинія, безопасности. Къ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія преступленій законъ относитъ: отдачу подъ надзоръ полиціи, воспрещеніе жительства въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, а также высылку иностранцевъ за границу. Эти мѣры въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть примѣняемы безъ формальнаго производства суда, т. е. порядкомъ административнымъ. Для охраненія и возстановленія порядка, тишины и внутренней безопасности, при недостаточности полицейскихъ средствъ, администраціи предоставляется право призывать войска

(ст. 124). Право призыва войскъ принадлежитъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ, градоначальникамъ, исправникамъ и полицеймейстерамъ, а также сенаторамъ во время обревизованія ими губерній [1]. При народныхъ безпорядкахъ и волненіяхъ опредѣленіе времени, когда войска должны приступить къ дѣйствію оружіемъ, зависитъ отъ усмотрѣнія гражданскаго начальства. Указанія на этотъ счетъ даются лишь послѣ того, какъ исчерпаны всѣ зависящія отъ него средства къ усмиренію неповинующихся. По полученіи такого рода указаній, военное начальство распоряжается самостоятельно. Къ дѣйствію оружіемъ оно приступаетъ только послѣ предваренія неповинующихся о томъ, что, послѣ троекратнаго сигнала на трубѣ, горнѣ или барабанѣ, начнется дѣйствіе оружіемъ. Прибѣгать къ нему предписывается „только въ случаѣ неизбѣжной необходимости, когда никакими другими средствами нельзя будетъ прекратить безпорядокъ". Войска, начавшія уже дѣйствовать самостоятельно, прекращаютъ свои дѣйствія не иначе, какъ вслѣдствіе распоряженія своего начальства. Когда оно усмотритъ, что безпорядки прекращены или, вообще, цѣль содѣйствія военной силы достигнута, оно прекращаетъ дальнѣйшія самостоятельныя распоряженія, послѣ чего заботы по охраненію общественнаго порядка снова переходятъ исключительно на мѣстныя гражданскія власти [2].

Таковы, въ общихъ чертахъ, существеннѣйшія мѣры, которыя въ чрезвычайныхъ случаяхъ могутъ быть принимаемы въ силу обыкновенныхъ полномочій администраціи. Эти обыкновенныя полномочія часто однако признавались

[1] Прилож. къ ст. 541 Св. губ. учрежд., заключающее въ себѣ правила о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ: Исправники и Полицеймейстеры могутъ призывать войска не иначе, какъ съ предварительнаго согласія губернатора или градоначальника. Исключеніемъ изъ этого общаго правила являются «только случаи крайней, неотложной необходимости, не допускающей возможности ожидать требуемаго разрѣшенія, какъ, напр., если при безпорядкахъ или волненіяхъ неповинующіеся уже покусились на насиліе, грабежъ, зажигательство или убійство, и если волненіе, безпорядки и возмущенія продолжаются, несмотря на распоряженія полиціи» (п. 8 правилъ).

[2] Ст. 16, 17, 19 правилъ о призывѣ войскъ.

недостаточными и въ разное время они получали значительное расширеніе. Законодательство объ исключительныхъ мѣрахъ получило особенно сильное развитіе во второй половинѣ XIX стол., подъ вліяніемъ потребностей, вызванныхъ борьбою съ соціально-революціоннымъ движеніемъ. Въ 1881 году, вскорѣ послѣ злодѣянія 1-го марта, признано было необходимымъ [1] „подвергнуть совокупному пересмотру всѣ временные законы, изданные въ послѣднее время, и начертать, взамѣнъ сихъ узаконеній, особое „Положеніе", въ которомъ были бы указаны съ бо́льшею, чѣмъ нынѣ, точностью, съ одной стороны—предѣлы полномочій административныхъ начальствъ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, а съ другой—сущность обязанностей, возлагаемыхъ на населеніе исключительными обстоятельствами государственной жизни". Главнымъ мотивомъ къ составленію этого Положенія послужило то соображеніе, что „въ изданныхъ разновременно узаконеніяхъ для облегченія борьбы съ крамолой, сущность и предѣлы полномочій административныхъ начальствъ указаны не съ достаточною, въ семъ отношеніи, опредѣлительностью". Составленный особою коммисіею проектъ, по разсмотрѣніи его въ Комитетѣ Министровъ, 14-го августа 1881 года получилъ Высочайшее утвержденіе и былъ опубликованъ подъ названіемъ: „Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія". Съ введеніемъ въ дѣйствіе нѣкоторыхъ частей этого Положенія, повелѣно, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратить дѣйствіе всѣхъ прочихъ исключительныхъ узаконеній. [2]

Положеніе 14-го августа 1881 года состоитъ изъ 36-ти статей, распредѣленныхъ между пятью раздѣлами: I, Общія правила; II, Правила о положеніи усиленной охраны; III, Правила о положеніи чрезвычайной охраны; IV, Правила для мѣстностей, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи; V, Правила объ административной высылкѣ.

Въ интересахъ установленія единства въ правитель-

[1] Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 4-го сентября 1881 года.

[2] Высочайшій указъ 4-го октября отмѣнилъ дѣйствіе 21-го узаконеній и правительственныхъ распоряженій, изданныхъ съ 1870 года.

ственной дѣятельности по обезпеченію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, Положеніе сосредоточиваетъ въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ „высшее направленіе дѣйствій къ охраненію его“. Средствами для осуществленія такого руководства являются: обязательность относящихся къ указаннымъ предметамъ требованій министра внутреннихъ дѣлъ, которыя „подлежатъ немедленному исполненію всѣми мѣстными начальствами“, право отмѣны тѣхъ распоряженій административныхъ начальствъ, „которыя будутъ признаны имъ несоотвѣтствующими цѣли“, право возбужденія, въ сокращенномъ законодательномъ порядкѣ, вопросовъ о принятіи новыхъ мѣръ и, наконецъ, право непосредственныхъ распоряженій въ опредѣленныхъ случаяхъ (ст. 1—3). „Въ тѣхъ случаяхъ, когда проявленія преступной дѣятельности лицъ, злоумышляющихъ противъ государственнаго порядка и общественной безопасности, принимаютъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ столь угрожающій характеръ, что вызываютъ необходимость особыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ прекращенію сихъ проявленій, мѣстности эти объявляются, въ установленномъ порядкѣ, въ исключительномъ положеніи“ (ст. 4). Положеніе устанавливаетъ двѣ степени чрезвычайныхъ мѣръ и опредѣляетъ признаки, свидѣтельствующіе о необходимости обратиться къ той или другой изъ нихъ. Положеніе объ усиленной охранѣ, представляющее собою низшую степень, можетъ быть объявляемо, „когда общественное спокойствіе въ какой-либо мѣстности будетъ нарушено преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ или подготовленіемъ таковыхъ, такъ что для охраненія порядка примѣненіе дѣйствующихъ постоянныхъ законовъ окажется недостаточнымъ“. Положеніе же чрезвычайной охраны, какъ высшая степень исключительныхъ мѣръ, можетъ быть объявляемо тогда, когда указанными „посягательствами населеніе извѣстной мѣстности будетъ приведено въ тревожное настроеніе, вызывающее необходимость принятія исключительныхъ мѣръ для безотлагательнаго возстановленія нарушеннаго порядка“ (ст. 6).

Исключительныя положенія вводятся въ дѣйствіе чрезъ

Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ; по положеніе усиленной охраны можетъ быть примѣняемо и непосредственно министромъ внутреннихъ дѣлъ, а также и генералъ-губернаторами (съ утвержденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ), съ условіемъ немедленнаго о томъ донесенія Правительствующему Сенату и представленіемъ о принятой мѣрѣ на Высочайшее благоусмотрѣніе. При объявленіи исключительныхъ положеній, должны быть въ точности опредѣляемы мѣстности, на которыя распространяется ихъ дѣйствіе. Срокъ дѣйствія положенія усиленной охраны — одинъ годъ; положенія чрезвычайной охраны—шесть мѣсяцевъ. Дѣйствіе ихъ, однако, можетъ быть продолжаемо на новые сроки, каждый разъ въ силу особаго положенія Комитета Министровъ (ст. 7—12).

Введеніе въ дѣйствіе того и другого положенія влечетъ за собою слѣдующее. Въ общемъ, состояніе усиленной охраны характеризуется расширеніемъ власти органовъ администраціи. Высшимъ представителямъ ея, генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, дается право издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія порядка и безопасности, устанавливать за нарушеніе такихъ постановленій взысканія (арестъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ и штрафъ до 500 руб.), и дѣла по этимъ нарушеніямъ разрѣшать въ административномъ порядкѣ. Эти же органы получаютъ право: 1) воспрещать всякія народныя, общественныя и даже частныя собранія; 2) дѣлать распоряженія о закрытіи различныхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній; 3) воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны. Отъ генералъ-губернаторовъ, а въ губерніяхъ, имъ не подчиненныхъ, отъ министра внутреннихъ дѣлъ зависитъ—передавать на разсмотрѣніе военныхъ судовъ отдѣльныя дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени, а также требовать разсмотрѣнія, при закрытыхъ дверяхъ, всѣхъ тѣхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе которыхъ можетъ послужить поводомъ къ

возбужденію умовъ и нарушенію порядка. Приговоры военныхъ судовъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, о сопротивленіи властямъ и т. д. утверждаются генералъ-губернаторами, а въ мѣстностяхъ, имъ не подчиненныхъ, командующими войсками.

Полномочія второстепенныхъ административныхъ органовъ также значительно расширяются. Мѣстные полицейскіе органы (исправники, полицеймейстеры, начальники жандармскихъ управленій и ихъ помощники) получаютъ право производить предварительные аресты, не долѣе, однако, двухъ недѣль [1], всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или прикосновенныхъ къ нимъ, а также и въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ; имъ предоставляется также производить, во всякое время и во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ, обыски и налагать аресты на всякаго рода имущества, указывающія на преступность дѣйствій или намѣреній заподозрѣннаго лица. Рядъ правилъ о положеніи усиленной охраны заключается постановленіемъ объ усиленной отвѣтственности административныхъ лицъ за бездѣйствіе власти: размѣръ установленныхъ взысканій можетъ быть повышенъ на одну и даже на двѣ степени, сравнительно съ высшей мѣрой ихъ.

Положеніе чрезвычайной охраны, кромѣ указанныхъ послѣдствій, влечетъ за собой дальнѣйшее расширеніе полномочій административныхъ властей. Генералъ-губернаторамъ могутъ быть присвоиваемы права главнокомандующихъ арміей въ военное время. Въ мѣстностяхъ, имъ не подчиненныхъ, назначаются особыя лица съ званіемъ главноначальствующаго. Сверхъ правъ, предоставляемыхъ положеніемъ усиленной охраны, съ введеніемъ положенія чрезвычайной охраны, эти высшіе административные органы получаютъ рядъ новыхъ правъ. Наиболѣе существенныя изъ нихъ: 1) право изъятія изъ общей подсудности дѣлъ объ изъ-

[1] Чины полиціи и жандармскаго корпуса обязаны безотлагательно доносить о заарестованіи мѣстному губернатору или градоначальнику, по письменому распоряженію которыхъ срокъ предварительнаго ареста можетъ быть продолженъ до одного мѣсяца со дня задержанія.

вѣстнаго рода преступленіяхъ и проступкахъ и предоставленіе ихъ вѣдѣнію военнаго суда или же подчиненіе ихъ административному разрѣшенію; 2) право налагать секвестръ на недвижимыя и арестъ на движимыя имущества и доходы съ нихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда путемъ распоряженія такими имуществами или доходами съ нихъ достигаются преступныя цѣли; 3) право подвергать въ административномъ порядкѣ лицъ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости или аресту на 3 мѣсяца или денежному штрафу до 3.000 руб. какъ за нарушеніе обязательныхъ постановленій, такъ и за проступки, изъятые изъ вѣдомства судовъ; 4) право устранять отъ должности на время дѣйствія положенія чрезвычайной охраны чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ (за исключеніемъ занимающихъ должности первыхъ трехъ классовъ) и служащихъ по выборамъ въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ; 5) право пріостанавливать и закрывать собранія сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій; 6) право пріостанавливать періодическія изданія на время чрезвычайнаго положенія; 7) право закрывать учебныя заведенія на срокъ не долѣе одного мѣсяца.

Одновременно съ объявленіемъ какой-либо мѣстности въ исключительномъ положеніи, въ другихъ смежныхъ губерніяхъ и областяхъ или даже во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства могутъ быть, въ силу положенія комитета министровъ, введены правила, надѣляющія органы администраціи болѣе широкими полномочіями (начальникамъ полиціи и жандармскихъ управленій предоставляется подвергать лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ, предварительному аресту не болѣе семи дней и производить у такихъ лицъ обыски и выемки; расширяются также полномочія губернаторовъ и градоначальниковъ; министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, предоставляется за преступленія государственныя, а также за вооруженное сопротивленіе властямъ, отъ правительства установленнымъ, или нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе

исполненія этихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ, предавать военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени).

Одною изъ наиболѣе часто практикуемыхъ мѣръ, при дѣйствіи исключительнаго положенія, является высылка административнымъ порядкомъ лицъ, признаваемыхъ вредными для государственнаго и общественнаго спокойствія, въ какую либо мѣстность Европейской или Азіатской Россіи, съ обязательствомъ безотлучнаго въ ней пребыванія въ теченіе назначеннаго срока. Подлежащая власть, убѣдившись въ необходимости высылки даннаго лица, представляетъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ съ подробнымъ объясненіемъ основаній къ принятію этой мѣры, а также предположеній о срокѣ высылки. Представленія этого рода разсматриваются въ особомъ совѣщаніи, образуемомъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ завѣдывающаго полиціей товарища министра, изъ четырехъ членовъ — двухъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и двухъ отъ министерства юстиціи. Постановленія этого совѣщанія представляются на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Для безвыѣзднаго пребыванія въ мѣстѣ, для высылки опредѣленномъ, устанавливается срокъ въ размѣрѣ отъ одного года до пяти лѣтъ.

Въ связи съ административною высылкою находится полицейскій надзоръ, учреждаемый по распоряженію административныхъ властей. Онъ регулируется постановленіями положенія комитета министровъ 12 марта 1882 г. (Прилож. II къ ст. 1 уст. о пред. и пресѣч. преступл.). Полицейскій надзоръ, какъ мѣра предупрежденія преступленій противъ существующаго государственнаго порядка, учреждается надъ лицами, вредными для общественнаго спокойствія, тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ для административной высылки. Полицейскій надзоръ учреждается надъ административнымъ порядкомъ высланными въ силу самаго водворенія и на срокъ, для него опредѣленный, но онъ можетъ быть учрежденъ и надъ лицомъ въ мѣстѣ его жительства, на срокъ не свыше пяти лѣтъ.

Подвергнутыя полицейскому надзору лица подчиняются слѣдующимъ правиламъ.

Отъ поднадзорнаго отбираются документы о его званіи и видъ на жительство, взамѣнъ которыхъ ему выдается свидѣтельство на проживаніе въ назначенной ему мѣстности, безъ означенія однако въ немъ того, что данное лицо находится подъ надзоромъ полиціи. Поднадзорный не имѣетъ права, безъ надлежащаго разрѣшенія, отлучаться изъ опредѣленнаго ему мѣста. Временныя отлучки поднадзорнаго могутъ быть разрѣшаемы по особо уважительнымъ причинамъ и при одобрительномъ поведеніи: въ предѣлахъ уѣзда—мѣстнымъ начальникомъ полиціи; въ предѣлахъ губерніи—губернаторомъ, въ другія губерніи—министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такія отлучки могутъ быть разрѣшаемы только на извѣстный срокъ и въ точно опредѣленную мѣстность, безъ права останавливаться въ пути, за исключеніемъ случаевъ болѣзни или другихъ непреодолимыхъ причинъ, о чемъ поднадзорный долженъ немедленно заявить полицейскому начальству той мѣстности, гдѣ онъ былъ вынужденъ остановиться для удостовѣренія справедливости его заявленія и подлежащей отмѣтки на проходномъ свидѣтельствѣ, которое выдается ему передъ отправленіемъ его въ путь. Въ проходномъ свидѣтельствѣ обозначаются имя, отчество, фамилія и особыя примѣты даннаго лица, мѣсто, куда разрѣшена отлучка, срокъ, на который она разрѣшена, и указывается обязанность поднадзорнаго явиться не позже сутокъ со времени его прибытія на мѣсто отлучки къ мѣстной полицейской власти и предъявить ей это свидѣтельство. Кромѣ того, отлучающемуся поднадзорному выдается маршрутъ, въ которомъ точно и подробно описывается путь, по которому обязанъ слѣдовать поднадзорный. Передъ отправленіемъ въ путь и по возвращеніи изъ отлучки поднадзорный обязанъ явиться къ мѣстной полицейской власти, которая въ первомъ случаѣ дѣлаетъ отмѣтку о времени отправленія въ путь, а во второмъ—принимаетъ отъ него проходное свидѣтельство и маршрутъ. Поднадзорный можетъ быть возвращенъ изъ отлучки и ранѣе истеченія ея срока, если то будетъ признано необходимымъ лицами, разрѣшившими отлучку, или если поведеніе его въ мѣстѣ

временнаго пребыванія будетъ признано мѣстными властями предосудительнымъ.

Поднадзорный въ мѣстѣ своего жительства и временнаго пребыванія обязанъ являться въ полицію по первому ея требованію. Мѣстная полицейская власть имѣетъ право входа въ квартиру поднадзорнаго во всякое время. Полиціи предоставляется право производить у поднадзорныхъ обыски и выемки, но съ тѣмъ, чтобы о каждомъ произведенномъ ею обыскѣ или выемкѣ былъ составленъ протоколъ, съ изложеніемъ въ немъ какъ поводовъ къ этимъ дѣйствіямъ, такъ и ихъ послѣдствій.

Положеніе о полицейскомъ надзорѣ устанавливаетъ рядъ ограниченій по отношенію къ занятіямъ поднадзорныхъ. Они не могутъ состоять на государственной или общественной службѣ, но могутъ быть допускаемы къ письменнымъ занятіямъ по найму въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы всякій разъ испрашивалось на то разрѣшеніе у министра внутреннихъ дѣлъ. Поднадзорные не могутъ быть учредителями, предсѣдателями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, а также предсѣдателями и членами конкурсныхъ управленій. Не могутъ быть они и опекунами и попечителями иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того поднадзорнымъ воспрещаются: 1) всякая педагогическая дѣятельность; 2) принятіе къ себѣ учениковъ для обученія ихъ искусствамъ и ремесламъ; 3) чтеніе публичныхъ лекцій; 4) участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ; 5) участіе въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ; 6) вообще всякаго рода публичная дѣятельность; 7) содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и служба при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей или рабочихъ; 8) торговля книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненія; 9) содержаніе трактирныхъ и питейныхъ заведеній, а равно и торговля питіями. Далѣе лица поднадзорныя не могутъ быть принимаемы въ правительственныя, общественныя и частныя учебныя заведенія иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, даваемаго по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ. Поднадзорные могутъ ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ, относящимся только до нихъ самихъ, ихъ родителей, женъ и дѣтей. Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяется поднадзорнымъ не иначе какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Всѣ остальныя, дозволенныя закономъ, занятія разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно служитъ ему средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія. О всякомъ такомъ воспрещеніи немедленно доводится до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ отмѣнить это воспрещеніе, если онъ признаетъ то нужнымъ.

Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ воспрещать поднадзорному непосредственное полученіе имъ почтовой или телеграфной корреспонденціи. Послѣдняя, въ такомъ случаѣ, подлежитъ предварительному просмотру, въ губернскихъ городахъ—мѣстнаго начальника жандармскаго управленія, а въ уѣздныхъ—исправника, которымъ предоставляется задерживать письма и депеши въ случаѣ предосудительнаго ихъ содержанія; съ другой стороны, просмотру названныхъ лицъ подлежитъ и вся отправляемая поднадзорнымъ корреспонденція.

Поднадзорные, признанные заслуживающими своимъ поведеніемъ и образомъ жизни облегченія ихъ положенія, могутъ быть, по представленіямъ мѣстныхъ губернаторовъ и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, освобождаемы отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для нихъ мѣръ надзора и отъ нѣкоторыхъ ограниченій въ отношеніи къ выбору занятій. Мѣстному губернскому начальству принадлежитъ право входить съ представленіями къ министру внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ надзора до истеченія срока, когда поднадзорный своимъ образомъ жизни и поведеніемъ представляетъ достаточное ручательство въ своемъ исправленіи.

За неисполненіе изложенныхъ правилъ и неявку къ

сроку изъ разрѣшенной отлучки поднадзорные подвергаются аресту при полиціи: по постановленіямъ мѣстнаго начальника уѣздной или городской полиціи—на срокъ до трехъ сутокъ, по распоряженію мѣстнаго губернатора—до семи дней, по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ—до одного мѣсяца и въ этомъ послѣднемъ случаѣ арестъ можетъ быть назначенъ при тюрьмѣ, даже если поднадзорный, по правамъ состоянія, подлежитъ аресту при полиціи.

Лица, высланныя подъ надзоръ полиціи, если не имѣютъ собственныхъ средствъ существованія, получаютъ отъ казны пособіе на прожитіе, а также на одежду, обувь и бѣлье. Пособіе выдается также семействамъ высланныхъ подъ надзоръ, если они послѣдовали за высланными въ мѣста ихъ водворенія. Поднадзорные могутъ быть лишены пособія, если они уклоняются отъ занятій по лѣности, дурному поведенію или привычкѣ къ праздности. Поднадзорные, не имѣющіе средства къ существованію, а также ихъ семейства, въ случаѣ болѣзни призрѣваются въ больницахъ гражданскаго вѣдомства на счетъ казны.—Освобожденное отъ надзора лицо и его семейство, въ случаѣ неимѣнія собственныхъ средствъ для отъѣзда изъ мѣста водворенія, имѣютъ право на пособіе отъ казны, если о способѣ препровожденія ихъ на родину не послѣдуетъ особаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ.

Положеніе чрезвычайной охраны не было объявляемо; дѣйствіе положенія усиленной охраны возобновляется, съ 1881 года, ежегодно на новый срокъ во многихъ мѣстностяхъ Имперіи.

V. САНИТАРНАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПОЛИЦІЯ [1].

Государственное значеніе санитарныхъ мѣръ.—Развитіе санитаріи.—Санитарныя мѣры въ Англіи и ихъ результаты.—Санитарное дѣло въ Германіи и во Франціи.—Развитіе санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.—Древнее время.—Московская Русь.—Привлеченіе иностранныхъ врачей.—Первыя аптеки.—Аптекарскій приказъ.—Первые русскіе врачи.—Медицинская часть при Петрѣ Великомъ.—Современная организація санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.—Врачебныя отдѣленія.—Земскія учрежденія.—Городскія общественныя управленія.—Успѣхи земской медицины.—Неудовлетворительность санитарныхъ условій.—Необходимость улучшенія ихъ

Знаменитый англійскій государственный дѣятель, Дизраэли (лордъ Биконсфильдъ), въ одной изъ своихъ рѣчей высказалъ убѣжденіе въ томъ, что „общественное здравіе есть фундаментъ, на которомъ покоятся благоденствіе народа и могущество государства“, и что „забота о народномъ здравіи есть первый долгъ государственнаго дѣятеля“. Въ этихъ словахъ сказалось то сознаніе важности обезпеченія

---

[1] Jolly. Gesundheitswesen (Schönberg's Handbuch d. Polit. Oekon. томъ III, стр. 339—394).—L. v. Stein. Das Gesundheitswesen. Stuttg. 1882.—Martin. Etude sur l'administration sanitaire à l'étranger et en France. Par. 1885.—Paul Strauss. La croisade sanitaire. Par. 1902.—Emile Duclaux. L'hygiène sociale. Par. 1902.—Willam Blake Odgers. Local Government. Lond. 1899.—М. И. Галанинъ. Санитарная организація въ западноевропейскихъ государствахъ. Часть I (Англія, Австрія, Германская Имперія, Италія и Франція). Спб. 1889.—Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по врачебной и санитарной части въ Имперіи. Изданіе Медицинскаго Департамента. Три выпуска. Спб. 1895—1898.—Н. П. Загоскинъ. Врачи и врачебное дѣло въ исторіи Россіи. Каз. 1891 г.

здоровыхъ условій жизни, которое характеризуетъ собою отношеніе современнаго культурнаго государства къ вопросамъ народнаго здравія.

Въ нѣкоторой степени это сознаніе не было чуждо человѣчеству и въ прошлые вѣка. Слѣды извѣстной заботливости объ интересахъ здоровья находятся въ памятникахъ культуры древняго Египта и еще болѣе—древнихъ Евреевъ. Въ законодательствѣ Моисея встрѣчается длинный рядъ предписаній, имѣющій характеръ общественно-гигіеническій—таковы, напр., велѣнія: о воспрещеніи извѣстнаго рода пищи, о регламентаціи чистоты тѣла (въ особенности у женщинъ), соблюденіи чистоты лагерей или стоянокъ (зарываніе нечистотъ въ землю), мѣрахъ относительно прокаженныхъ и т. д.. Предписанія эти были проникнуты, какъ и вообще все законодательство той эпохи, религіознымъ духомъ; при этомъ блюстителями исполненія указанныхъ мѣръ явились левиты.

Въ древней Греціи заботы объ охраненіи здоровья гражданъ опираются уже на раціональную основу болѣе правильнаго представленія о болѣзняхъ, развитаго благодаря ученію Гиппократа. Въ ученіяхъ Платона и Аристотеля о желательномъ устройствѣ государства выражается сознаніе необходимости особыхъ должностныхъ лицъ, которыя заботились бы о соблюденіи условій, оберегающихъ здоровье гражданъ.

Въ Римѣ здравоохраненіе занимало видное мѣсто въ ряду задачъ управленія. Римъ былъ осушенъ цѣлою сѣтью каналовъ, которые уносили нечистоты города въ cloaca maxima. Еще въ IV вѣкѣ до Р. Х. въ Римѣ былъ устроенъ первый водопроводъ, а въ концѣ перваго столѣтія въ немъ насчитывали уже девять водопроводовъ, доставлявшихъ чистую ключевую воду изъ отдаленной горной мѣстности, отчасти подземнымъ, отчасти надземнымъ путемъ при помощи аквадуковъ въ нѣсколько миль длины. Въ Римѣ организованъ былъ надзоръ за продажею хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Строительная и санитарная полиція имѣла свои органы въ лицѣ эдиловъ и цензоровъ.

Въ позднѣйшіе вѣка развитіе санитарной полиціи шло медленно, дѣлая большіе или меньшіе успѣхи лишь подъ

вліяніемъ чрезвычайныхъ эпидемій, получавшихъ сильное распространеніе.

Систематическая дѣятельность въ отношеніи къ обезпеченію здоровыхъ условій жизни представляетъ собою явленіе новаго времени—истекшаго XIX столѣтія, преимущественно второй его половины. Зарожденію системы санитарно-медицинской полиціи въ томъ широкомъ развитіи, какое она получила въ современныхъ культурныхъ государствахъ, содѣйствовали главнымъ образомъ два обстоятельства: 1) успѣхи въ области научной разработки медицины и въ особенности появленіе новой отрасли знаній—общественной гигіены; 2) успѣхи общественно-политическаго развитія западно-европейскихъ государствахъ, въ частности выразившіеся въ болѣе основательномъ пониманіи задачъ управленія, а также и въ болѣе энергическомъ осуществленіи этихъ задачъ, въ соотвѣтствіи съ тѣми потребностями, которыя выдвигались жизнью.

Гигіена, какъ наука, была создана работами многихъ поколѣній ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіями болѣзней и способовъ ихъ предупрежденія; но особенно важное значеніе въ дѣлѣ научнаго построенія системы гигіены имѣлъ трудъ французскаго ученаго Мишеля Леви: „Трактатъ объ общественной и частной гигіенѣ“ (Michel Lévy — Traité d'hygiène publique et privée), въ 1844 г.

По словамъ проф. М. Я. Капустина, „всеобщее вниманіе ученаго міра, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій къ вопросамъ гигіены вызвано было преимущественно общественными бѣдствіями. Холера 30-хъ и 40-хъ годовъ, и затѣмъ Крымская война сдѣлали для гигіены неизмѣримо болѣе, чѣмъ цѣлыя столѣтія заботъ о благѣ и долголѣтіи отдѣльныхъ лицъ. Со времени этихъ бѣдствій и правительства, и врачи Европы отчетливо сознали, что врачеваніе отдѣльныхъ лицъ совершенно недостаточно въ борьбѣ съ общественными бѣдствіями, что нужно изучать условія, способствующія заболѣванію и смертности въ массѣ населенія и прилагать общественныя мѣры для борьбы съ этими бѣдствіями. Мѣры, принятыя въ Англіи къ оздоровленію городовъ, изученіе вліянія нездоровыхъ жилищъ во Франціи и предпринятыя тамъ нововведенія въ больничной гигіенѣ;

наблюденія, сдѣланныя въ Крымскую войну въ арміяхъ русской и союзниковъ, а рядомъ съ этимъ крупные успѣхи естествознанія и медицины, труды Либиха, Вирхова, Клодъ-Бернара и другихъ корифеевъ естествознанія и медицины—все это, вмѣстѣ взятое, показало значеніе гигіены и постепенно придало ей то развитіе, въ которомъ она находится въ настоящее время. Гигіена сдѣлалась въ то же время, благодаря въ особенности иниціативѣ и трудамъ Петтенкофера, профессора въ Мюнхенѣ, наукой экспериментальной и заняла почетное и своеобразное положеніе на рубежѣ между медициной, общественными науками и техническими знаніями. Новѣйшіе успѣхи бактеріологіи, связанные съ ученіемъ о заразныхъ болѣзняхъ, уяснили смыслъ многихъ эмпирическихъ данныхъ гигіены".

Въ числѣ факторовъ развитія санитарной полиціи едва ли не важнѣйшимъ долженъ быть признанъ ростъ городовъ, представляющій собою характернѣйшее явленіе культуры XIX вѣка. Въ началѣ вѣка во всей Европѣ насчитывалось 175 милліоновъ чел., при чемъ лишь въ 21 городѣ населеніе превышало 100 тысячъ; всѣ большіе города, вмѣстѣ взятые, насчитывали $4^1/_2$ милліона душъ, такъ что изъ 1.000 европейцевъ только 16 жили въ большихъ городахъ. Въ настоящее время населеніе одного Лондона достигаетъ $4^1/_2$ милліоновъ жит. Въ Англіи и Уэльсѣ за десятилѣтіе 1881—1891 гг. городское населеніе возросло на $15{,}3\%$, сельское—только на $3{,}4\%$; въ городскихъ санитарныхъ округахъ Англіи живетъ въ настоящее время $71{,}7\%$ всего населенія страны, въ сельскихъ—только $28{,}3\%$. Во Франціи, несмотря на общій слабый ростъ населенія, въ городахъ число жителей съ 1846 по 1896 г. почти удвоилось, тогда какъ сельское населеніе абсолютно уменьшилось (съ $26^3/_4$ на $23^1/_2$ милліоновъ). Въ Германіи, со времени франко-прусской войны, городское населеніе возрастало въ размѣрѣ 20% въ десятилѣтіе, между тѣмъ какъ сельское населеніе оставалось неподвижно. То же явленіе замѣчается и въ другихъ странахъ.

Ростъ городовъ, сосредоточеніе въ нихъ большого количества людей вызвали къ существованію, такъ сказать, новую отрасль знанія—искусство управленія городами съ

весьма разнообразными и сложными задачами, въ ряду которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ заняло обезпеченіе здоровыхъ условій жизни.

Для того, чтобы иллюстрировать значеніе мѣропріятій, принимаемыхъ въ этомъ отношеніи, достаточно указать на примѣръ Англіи, въ которой дѣло развитія санитарныхъ улучшеній достигло особенно значительныхъ размѣровъ.

Въ 1837 году, вскорѣ по восшествіи на престолъ королевы Викторіи, вступилъ въ дѣйствіе актъ о точной регистраціи смертныхъ случаевъ съ указаніемъ причинъ ихъ. Эта регистрація и послужила главнымъ основаніемъ для выясненія санитарныхъ условій. Данныя ея были регулярно публикуемы во всеобщее свѣдѣніе, обнаруживая, въ какихъ мѣстностяхъ смертность была особенно значительна, какія болѣзни захватывали наибольшее количество жертвъ, показывая, наконецъ, съ полною очевидностью, что большая или меньшая смертность находится въ прямомъ соотношеніи съ наличностью или отсутствіемъ здоровыхъ условій жизни.

Въ 1840 и 1843 гг. Палатою Общинъ были назначены коммисіи для подробнаго изученія санитарныхъ условій въ различныхъ мѣстностяхъ страны, преимущественно въ городахъ. Доклады этихъ коммисій послужили основаніемъ для первой важной законодательной мѣры въ этой области—„акта объ общественномъ здравіи" 1848 года. Въ силу его было создано особое управленіе—General Board of Health, которое должно было направлять дѣятельность мѣстныхъ органовъ по оздоровленію, при чемъ особое вниманіе обращалось на водоснабженіе, удаленіе нечистотъ, надзоръ за постройками, за продажею различныхъ припасовъ и т. д.

Въ послѣдующіе годы парламентомъ издано было еще значительное количество отдѣльныхъ законовъ по санитарной части, которые въ 1875 году были пересмотрѣны, дополнены и консолидированы въ обширномъ актѣ—Public Health Act 1875, являющемся какъ бы кодексомъ санитарнаго законодательства, предусматривающимъ и регулирующимъ всевозможныя детали. Центральнымъ органомъ, объединяющимъ управленіе санитарною частью, съ 1871 года служитъ Local Government Board — министерство мѣстнаго управленія,

вѣдающее кромѣ того администрацію общественнаго призрѣнія.

О томъ, въ какихъ размѣрахъ и съ какою энергіею производятся въ Англіи санитарныя улучшенія, можно судить по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ. Въ докладѣ, читанномъ на международной санитарной конференціи въ Римѣ въ 1885 году, д-ръ Торнъ-Торнъ сообщилъ, что размѣръ займовъ, заключенныхъ въ Англіи и Уэльсѣ (исключая Лондонъ) для производства различныхъ санитарныхъ улучшеній въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1876 до 1884 г., превышаетъ въ среднемъ 6,250,000 фун. ст. въ годъ. Кромѣ того, обыкновенные ежегодные расходы на санитарную часть превышаютъ за тотъ же періодъ 2,500,000 ф. ст. въ годъ, при чемъ въ эту цифру не входятъ ни вознагражденіе санитарнаго персонала, ни проценты по займамъ. Такимъ образомъ, за девятилѣтній періодъ 1876—1884 г. въ Англіи на санитарныя улучшенія была израсходована огромная сумма въ 80 милл. ф. ст. (около 800 милліон. рублей).

Въ настоящее время могутъ быть съ полною наглядностью констатированы благіе результаты многолѣтнихъ усилій, направленныхъ на улучшеніе санитарныхъ условій: смертность населенія уменьшилась весьма значительно. Въ 1837—60 гг. въ Англіи на каждую тысячу жителей приходилось въ годъ $22,_5$ смертныхъ случая; въ 1781—80 гг.— $21,_3$ и въ 1891—1895 гг. всего $18,_8$. Значеніе этихъ цыфръ съ наглядностью выступаетъ изъ слѣдующаго расчета, показывающаго, сколько жизней сберегается въ настоящее время, благодаря произведеннымъ санитарнымъ улучшеніямъ. Въ 1895 году въ Соединенномъ Королевствѣ умерло 735,000 челов. Если предположить прежній процентъ смертности ($22^1/_2$ на 1,000), то число умершихъ въ 1895 г. было бы 881,000 чел. Такимъ образомъ, благодаря санитарнымъ улучшеніямъ, въ названномъ году страна сберегла 146,000 чел., или 400 чел. ежедневно.

Съ улучшеніемъ санитарныхъ условій уменьшилась заболѣваемость населенія, что также имѣетъ важно значеніе, какъ видно изъ слѣдующаго расчета. По мнѣнію д-ра Фарра, одного изъ авторитетныхъ дѣятелей въ области санитарнаго управленія, число больныхъ въ каждый данный день года,

при нормальныхъ условіяхъ, равняется удвоенному числу смертныхъ случаевъ за годъ. Такимъ образомъ, число больныхъ въ Соединенномъ Королевствѣ, примѣнительно къ даннымъ о смертности въ 1895 г., можетъ быть опредѣлено въ 1,470,000; между тѣмъ при прежнихъ санитарныхъ условіяхъ оно составляло бы 1,762,000 и, слѣдовательно, теперь больныхъ въ среднемъ на 292,000 чел. меньше. Полагаютъ, что каждый больной составляетъ для страны потерю въ 2 шилл. въ день. Такимъ образомъ, благодаря санитарнымъ улучшеніемъ, сократившимъ заболѣваемость, страна сберегаетъ 29,000 ф. ст. ежедневно, или $10^1/_2$ милліоновъ ф. ст. въ годъ.

Отсюда видно, что, помимо иныхъ соображеній, даже съ экономической точки зрѣнія, результаты санитарныхъ улучшеній съ избыткомъ окупаютъ огромные расходы на нихъ.

Значеніе санитарныхъ улучшеній, произведенныхъ за рядъ десятилѣтій въ Англіи, особенно рельефно выступаетъ изъ статистики заразныхъ болѣзней, которыя уже не встрѣчаютъ въ ней особенно благопріятныхъ условій для своего распространенія. Такъ, развитіе тубёркулоза въ различныхъ формахъ за время съ 1851 г. по 1897 г. упало на 45%; тогда какъ въ С.-Петербургѣ умираетъ отъ тубёркулоза на 10,000 жит. 44,10, въ Москвѣ—45,68, въ Вѣнѣ—42,72, въ Лондонѣ—всего 17,68. То же явленіе замѣчается въ отношеніи скарлатины и тифа: смертность отъ скарлатины въ Англіи, составлявшая въ 1860—1869 гг. 1,078 на милліонъ жителей, въ 1890—1899 г. упала до 200; смертность отъ тифа за то же время понизилась съ 895 до 146.

Не въ одной Англіи заботы о созданіи здоровыхъ условій жизни составляютъ предметъ вниманія въ системѣ внутренняго управленія. Во Франціи и въ Германіи въ послѣднія десятилѣтія это дѣло также получило широкое развитіе, особенно со времени созданія высшихъ установленій, призванныхъ направлять дѣятельность государственныхъ и общественныхъ учрежденій въ области санитарной полиціи. Въ Германіи такимъ высшимъ установленіемъ является созданное въ 1876 г. общеимперское Германское санитарное управленіе (Kaiserliches Gesundheitsamt), при чемъ однако отдѣль-

ныя союзныя государства имѣютъ свою самостоятельную организацію санитарно-медицинскихъ учрежденій. Во Франціи высшее завѣдываніе этимъ дѣломъ сосредоточивается въ такъ наз. Direction de l'assistance et de l'hygiène publique (управленіе общественнымъ призрѣніемъ и общественною гигіеною), входящемъ въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Во Франціи знаменательнымъ моментомъ въ развитіи санитаріи является изданіе закона 19 февраля 1902 года „объ охраненіи народнаго здравія". Этотъ законъ создаетъ систему мѣръ, направленныхъ къ обезпеченію санитарныхъ улучшеній на всей площади Франціи. Важнѣйшія постановленія закона состоятъ въ слѣдующемъ.

Въ каждой коммунѣ долженъ быть изданъ санитарный регламентъ, предусматривающій, во 1-хъ, мѣры въ видахъ предупрежденія и пресѣченія передаваемыхъ болѣзней, въ особенности мѣры дезинфекціи или даже уничтоженія предметовъ, находившихся въ пользованіи больныхъ или запачканныхъ ими, и вообще всякихъ предметовъ, могущихъ служить къ распространенію заразы; во 2-хъ, мѣры къ обезпеченію здороваго состоянія домовъ и ихъ принадлежностей, вообще всякихъ жилыхъ помѣщеній, въ особенности же мѣры обезпеченія водою, годною для питью, и удаленія нечистотъ.—Законъ 1902 г. устанавливаетъ обязательность предохранительнаго оспопрививанія въ теченіе перваго года жизни и обязательность ревакцинаціи въ теченіе одиннадцатаго и двадцать перваго года жизни.—Если въ теченіе трехъ лѣтъ сряду число смертныхъ случаевъ въ коммунѣ превышаетъ цифру средней смертности во Франціи, префектъ обязанъ поручить департаментскому гигіеническому совѣту произвести разслѣдованіе о санитарныхъ условіяхъ коммуны. Если такое разслѣдованіе установитъ, что санитарное положеніе коммуны вызываетъ необходимость заботъ по оздоровленію мѣстности, а именно, что она не обезпечена годною для питья водою хорошаго качества и въ достаточномъ количествѣ, или что, за отсутствіемъ стока для жидкихъ нечистотъ, послѣднія образуютъ скопленія, префектъ, по предъявленіи коммунѣ требованія, если послѣднее окажется недѣйствительнымъ, предлагаетъ департаментскому

гигіеническому совѣту обсудить полезность и характеръ работъ, представляющихся необходимыми. Если департаментскій гигіеническій совѣтъ выскажетъ заключеніе противъ осуществленія работъ или если со стороны коммуны послѣдуетъ возраженіе, префектъ представляетъ постановленіе совѣта министру внутреннихъ дѣлъ, который, если признаетъ это нужнымъ, передаетъ вопросъ на обсужденіе совѣщательнаго комитета общественной гигіены. Послѣдній производитъ разслѣдованіе, результаты котораго оглашаются въ общее свѣдѣніе въ подлежащей коммунѣ. На основаніи заключеній департаментскаго гигіеническаго совѣта и совѣщательнаго комитета общественной гигіены, префектъ предлагаетъ коммунѣ составить проектъ работъ и приступить къ нимъ. Если въ мѣсячный срокъ по предъявленіи этого требованія муниципальный совѣтъ не обяжется исполнить его или если, въ трехмѣсячный срокъ, онъ не приметъ никакихъ мѣръ къ осуществленію работъ, особый декретъ президента республики, издаваемый по обсужденіи вопроса въ государственномъ совѣтѣ, предписываетъ произвести работы на указываемыхъ въ немъ условіяхъ. Расходы по нимъ могутъ быть возложены на коммуну не иначе, какъ въ силу особаго закона.—Изъ другихъ постановленій закона 1902 г. важное значеніе имѣютъ мѣры обезпеченія здоровыхъ условій жилыхъ помѣщеній, а также мѣры въ отношеніи къ обезпеченію надлежащей санитарной организаціи. Въ городахъ съ населеніемъ въ 20.000 и болѣе жит. учреждаются „санитарныя бюро" (bureau d'hygiène), въ качествѣ муниципальнаго органа; департаменты дѣлятся на санитарные округа съ „санитарною коммисіею" въ каждомъ изъ нихъ, а въ главномъ городѣ департамента существуетъ „департаментскій гигіеническій совѣтъ". Высшимъ совѣщательнымъ органомъ санитарнаго управленія является „совѣщательный комитетъ общественной гигіены".

Развитіе санитарно-медицинской полиціи въ Россіи.

Въ Россіи эта отрасль внутренняго управленія еще не достигла того развитія, какое характеризуетъ наиболѣе культурныя государства западной Европы. Болѣе значительные

успѣхи въ этомъ отношеніи сдѣланы были лишь въ послѣднее тридцатилѣтіе, благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности органовъ земскаго и городского самоуправленія. Зачатки стремленій обезпечить медицинскую помощь усматриваются однако уже въ древнюю эпоху.

Появленіе врачебнаго искусства въ старой Руси было однимъ изъ послѣдствій принятія христіанства. По словамъ проф. Н. П. Загоскина [1]), появившись въ нашемъ отечествѣ, христіанство приняло дѣло врачеванія подъ свое непосредственное покровительство. Церковный уставъ св. Владиміра объявляетъ больницы—церковнымъ учрежденіемъ, а самихъ „лечцовъ“, т. е. врачей — людьми церковными, богадѣльными, подвѣдомственными епископу.

Христіанство было перенесено къ намъ изъ Византіи. Изъ Византіи же перешло въ Русь и воззрѣніе на врачебное дѣло, какъ на предметъ ближайшаго вѣдѣнія и попечительства церкви. Въ Византіи врачебное дѣло, какъ это было въ извѣстную пору жизни и въ западной Европѣ, ютилось, главнымъ образомъ, при монастыряхъ и церквахъ, и монахи считали врачеваніе больныхъ дѣломъ своего подвижническаго призванія. Такой же порядокъ вещей складывается и у насъ послѣ введенія христіанства.

Въ этомъ отношеніи Печерскій монастырь явился послѣдователемъ славнаго греческаго монастыря — Аѳонской Горы, гдѣ, при императорѣ Романѣ, была устроена св. Аѳанасіемъ „больница больныхъ ради“. Первые иноки нашего Печерскаго монастыря пришли съ Аѳона и перенесли съ собою оттуда врачебныя знанія, которыя и не преминули насадить въ русской обители.

Больницы заводились духовенствомъ и по другимъ областямъ русскимъ; такъ, Никоновская лѣтопись свидѣльствуетъ, что въ XI вѣкѣ (1091 г.) митрополитъ Ефремъ поставилъ въ Переяславлѣ „строеніе банное“, устроилъ больницы и поставилъ къ нимъ врачей, которые подавали „всѣмъ приходящимъ безмездно врачеваніе“.

[1]) Н. П. Загоскинъ. Врачи и врачебное дѣло въ исторіи Россіи. Каз. 1891 г. Изъ этой работы заимствованы нами данныя о развитіи медицинскаго дѣла въ Россіи до начала XVIII в.

Но уже въ XI вѣкѣ, наряду съ церковно-монастырскою медициною, существовала на Руси и медицина свѣтская, мірская, отграничивавшаяся какъ отъ монастырской медицины, такъ и отъ языческаго кудесничества, знахарства, которое строго и упорно преслѣдовалось и церковью, и княжескою властью. Это, до извѣстной степени, уже зачатки будущей научной медицины, имѣющіе въ своей основѣ не суевѣрное поклоненіе таинственнымъ силамъ природы, но болѣе или менѣе сознательное знакомство съ вредными и благопріятными вліяніями природы на человѣческій организмъ, а также съ извѣстными средствами, способными регулировать эти вліянія.

Несомнѣнно, что въ эпоху великаго князя Ярослава Владиміровича на Руси существовали вольные врачи и вольная врачебная практика,— практика „возмездная“, въ противоположность „безмездной“ церковной медицинѣ, ютившейся подъ сѣнью монастырей. Такъ называемая „Краткая Русская Правда“, относящаяся ко второму десятилѣтію XI вѣка, упоминаетъ о такихъ врачахъ: человѣкъ, которому нанесена кѣмъ-либо рана, имѣетъ право требовать съ обидчика 3 гривны пени и, сверхъ того, еще особое вознагражденіе лекарю, который будетъ лечить эту рану („ . . . . . взяти ему за обиду 3 гривны, а летцю мзда“). Позднѣйшіе списки Русской Правды называютъ это вознагражденіе „лечебнымъ“, такъ какъ оно предназначается на излеченіе ранъ, и опредѣляютъ размѣръ его въ одну гривну при трехъ гринахъ пени, которая взимается за самое преступленіе.

Эти врачи, о которыхъ упоминается въ актахъ XI и XII вѣковъ, появились на Руси, вѣроятно, изъ Византіи.

Вмѣстѣ съ новою религіею, Византія передала намъ свою книжность, свои идеалы, свои традиціи; она не могла не передать намъ и своихъ медицинскихъ знаній въ лицѣ врачей, которые должны были появиться въ Кіевѣ уже въ свитѣ царевны греческой Анны, супруги перваго русскаго христіанскаго князя св. Владиміра. Черезъ посредство Булгарскаго царства могли проникнуть къ намъ и начала арабской медицины: арабскіе врачи славились въ ту пору своимъ искусствомъ врачеванія.

Съ эпохи великаго князя Ярослава I завязываются у насъ сношенія съ западною Европою; извѣстно, что дочь Ярослава Анна была за-мужемъ за королемъ французскимъ Генрихомъ I. Возможно, что эти сношенія повлекли за собою прибытіе въ Русь иноземныхъ мастеровъ и другихъ знающихъ людей, среди которыхъ могли быть и врачи.

Таковы были зачатки врачебнаго дѣла, положенные въ удѣльно-вѣчевую эпоху русской исторической жизни.

Общественный и умственный регрессъ, характеризующій собою эпоху татарскаго ига, отразился и на постановкѣ врачебнаго дѣла. Развившіеся въ XI—XII вѣкахъ зачатки свѣтской медицины глохнутъ въ эту эпоху; вмѣстѣ съ книжностью медицина всецѣло удаляется въ монастыри.

Только со времени великаго князя Іоанна III-го, сверг-нувшаго татарское иго, начинается возрожденіе многихъ оставшихся въ застоѣ сторонъ внутренней жизни русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіе у насъ свѣтской медицины. Въ это же время кладется твердое начало нашимъ сношеніямъ съ Западною Европою, откуда начинаютъ проникать къ намъ знанія и различнаго рода искусства.

Весьма важное вліяніе оказалъ въ послѣднемъ отношеніи бракъ Іоанна III-го съ греческою царевною Софіею Палеологъ. За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ пала завоеванная турками Византійская Имперія; все, что было въ Греціи интеллигентнаго, эмигрировало изъ Константинополя въ другія страны и, главнымъ образомъ, въ Италію. Весьма естественно, что многимъ изъ этихъ эмигрантовъ представлялось вполнѣ удобнымъ переселиться въ единовѣрную Москву, вслѣдъ за царевною Софіею; и, дѣйствительно, мы имѣемъ лѣтописныя и иныя указанія на то, что при московскомъ дворѣ греческій элементъ дѣлается весьма значительнымъ въ послѣдней трети XV-го вѣка.

Великій князь Іоаннъ III былъ расположенъ пользоваться услугами иноземныхъ мастеровъ вообще. Онъ ихъ дѣятельно привлекалъ на свою службу, и при немъ встрѣчаемъ мы въ Москвѣ иностранныхъ зодчихъ, инженеровъ, артиллеристовъ, литейщиковъ, серебрянниковъ, денежнаго дѣла мастеровъ и, наконецъ, врачей. Въ 1490-мъ году в. к. Іоаннъ III, отправляя къ австрійскому императору посольство,

поручаетъ посламъ просить императора о присылкѣ въ Москву опытнаго и искуснаго врача.

Первое упоминаніе о врачѣ въ царствованіе Іоанна III-го встрѣчается подъ 1483-мъ годомъ. Въ этомъ году прибылъ на службу къ великому князю врачъ, котораго лѣтописи называютъ Антономъ Нѣмчиномъ. Іоаннъ держалъ этого врача въ большой чести, что не избавило его, впрочемъ, отъ весьма печальной участи. Вскорѣ занемогъ находившійся въ Москвѣ татарскій царевичъ Каракача; Антону Нѣмчину велѣно было лечить его. Леченіе было неудачно: царевичъ умеръ. Неизвѣстно какими мотивами руководствовался въ данномъ случаѣ великій князь, но онъ велѣлъ выдать Антона головою сыну умершаго; татары свели несчастнаго врача на Москву-рѣку и здѣсь подъ мостомъ зарѣзали его. Эта кровавая расправа породила настоящую панику среди московскихъ служилыхъ иностранцевъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей послѣднихъ, извѣстный зодчій и инженеръ Аристотель Фіоравенти, „боясь, — какъ говоритъ лѣтописецъ, — того же“, сталъ проситься у великаго князя на родину; въ отвѣтъ на эту просьбу Іоаннъ приказалъ конфисковать все имущество несчастнаго итальянца, а самого его посадить подъ стражу.

Участь Антона Нѣмчина не совершенно отбила, однако же, у иноземцевъ охоту нести въ Москвѣ врачебную службу. Въ 1490-мъ году ко двору Іоанна III пріѣзжаетъ новый врачъ — мастеръ Леонъ Жидовинъ изъ Венеціи. Недолго практиковалъ и этотъ новый врачъ. Неудачное леченіе сына великаго князя сопровождалось жестокою расправою: врача посадили въ тюрьму, а по истеченіи сорока дней съ кончины князя Іоанна — свели на Болвановку и отрубили ему голову.

Такова была печальная судьба двухъ первыхъ, послѣ татарщины, иноземныхъ врачей, которымъ суждено было положить начало возрожденію врачебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Несмотря на это, дѣло не заглохло.

При сынѣ и преемникѣ Іоанна III, великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, — который, подобно отцу своему, дѣятельно заботился о привлеченіи въ свою службу иностранцевъ,—мы видимъ въ Москвѣ трехъ иноземныхъ врачей.

Въ эпоху Іоанна Грознаго было нѣсколько случаевъ приглашенія на русскую службу иностранныхъ врачей, преимущественно изъ Англіи. Къ тому же царствованію относится и основаніе въ Москвѣ первой аптеки, первоначально разсчитанной на удовлетвореніе потребностей царскаго двора.

Начало XVII-го столѣтія отмѣчено явленіемъ весьма знаменательнымъ въ исторіи русской медицины, а именно: учрежденіемъ Аптекарскаго приказа, т. е. центральнаго правительственнаго установленія, въ которомъ сосредоточилось вѣдѣніе всего врачебнаго дѣла; созданіемъ его внесена была извѣстная система въ сферу попеченія о народномъ здравіи.

Внутренняя организація Аптекарскаго приказа была аналогична организаціи и всѣхъ другихъ приказовъ Московскаго государства. Аптекарскому приказу придавалось весьма важное значеніе, что видно изъ того, что во главѣ этого учрежденія всегда стояли весьма заслуженные бояре, пользовавшіеся особымъ довѣріемъ государей. Ему былъ подвѣдомственъ обширный контингентъ лицъ, прикосновенныхъ къ врачебному дѣлу. Въ составъ этого персонала входили слѣдующія должностныя лица:

1. Доктора. Подъ докторами разумѣлись, собственно, врачи-терапевты, лечившіе внутреннія болѣзни.

2. Лекаря, т. е. хирурги,—какъ они и называются въ иностранныхъ подлинникахъ дѣлъ Аптекарскаго приказа. Лекаря всегда строго отграничивались отъ докторовъ. Такъ, когда въ 1623 году нѣсколько врачей были командированы для освидѣтельствованія внутренней болѣзни бывшей царской невѣсты, дѣвицы Маріи Хлоповой, то лекарь Балсырь, находившійся въ этой комиссіи, объявилъ,—„что онъ мимо дохтура лечить не умѣетъ: тое болѣзнь знаютъ дохтура, а онъ, лекарь, того не знаетъ“.

3. Аптекаря, завѣдывающіе царскими аптеками. Въ подчиненіи имъ находился низшій фармацевтическій персоналъ, какъ-то: алхимисты, дистилляторы („водочные перепущики“), аптекарскіе ученики и травники, собиравшіе для потребностей царскихъ аптекъ различныя цѣлебныя травы.

4. Окулисты, т. е. глазные врачи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности,—оптики.

5. Цирульники („барберы“), рудометы (кровопускатели), костоправы и подъ-лекари—составлявшіе низшій врачебный персоналъ.

6. Часовыхъ дѣлъ мастера, которые почему-то также числились въ вѣдомствѣ Аптекарскаго приказа.—Затѣмъ въ Аптекарскомъ приказѣ вѣдался цѣлый рядъ другихъ лицъ, отправлявшихъ при немъ различныя обязанности, напримѣръ: переводчики, огородники, сторожа и т. п.

Всѣ упомянутыя лица вѣдались всецѣло Аптекарскимъ приказомъ; онъ принималъ ихъ на службу, назначалъ имъ жалованье, распредѣлялъ между ними обязанности, увольнялъ ихъ отъ службы; здѣсь же вѣдались всѣ эти лица судомъ и расправою, такъ что Аптекарскій приказъ принималъ по отношенію къ нимъ характеръ судебнаго установленія.

Аптекарскій приказъ имѣлъ свой собственный бюджетъ доходовъ и расходовъ. Доходы получались изъ средствъ, отчислявшихся для его содержанія отъ другихъ приказовъ, главнымъ образомъ, изъ Приказа Большого Дворца и Приказа Большой Казны, а во второй половинѣ XVII столѣтія, когда была учреждена въ Москвѣ Новая аптека, для продажи изъ нея лекарствъ частнымъ лицамъ, тогда у Аптекарскаго приказа образовался свой собственный и довольно значительный источникъ доходовъ.

Кромѣ врачебнаго и административнаго персонала, въ ближайшемъ подчиненіи Аптекарскому приказу находились двѣ московскія аптеки—Старая и Новая.

Первая изъ нихъ была учреждена въ концѣ XVI-го вѣка, и основаніе ея находится въ связи съ прибытіемъ въ Москву аптекаря Джемса Фрэншама, вмѣстѣ съ доктотомъ Робертомъ Якобомъ и другими спеціалистами врачебнаго дѣла. Вторая аптека—Новая—основана была не ранѣе второй половины XVII-го вѣка.

Старая царская аптека была учрежденіемъ съ весьма ограниченнымъ кругомъ дѣйствія: она была основана для потребностей царскаго двора. Только въ началѣ второй половины XVII-го столѣтія стала допускаться продажа изъ этой аптеки лекарствъ частнымъ лицамъ; до этого же времени полученіе ихъ частными лицами было обставлено боль-

шими формальностями: для этого требовалось челобитье на имя государя, на каковое могли отваживаться, конечно, лишь служивые люди высшихъ чиновъ. Отпускались изъ царской аптеки лекарственныя вещества и для знатныхъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Москву. Такъ, до нашихъ дней сохранилось цѣлое дѣло Аптекарскаго приказа объ отпускѣ снадобій для двора находившагося въ 1644 году въ Москвѣ королевича Вольдемара; эти снадобья отпускались по латинскимъ и нѣмецкимъ рецептамъ, доставлявшимся въ Аптекарскій приказъ за подписью придворнаго маршала высокаго гостя.

Особенно сложною процедурою былъ обставленъ отпускъ изъ аптеки лекарствъ для царя или членовъ семьи. „Отборныя“ врачебныя средства, которыя могли быть „пристойными про великаго государя“—хранились въ аптекѣ въ особой комнатѣ („особенно въ казенкѣ“), находившейся за печатью дьяка Аптекарскаго приказа; безъ этого дьяка никто не имѣлъ сюда доступа, не исключая царскаго доктора и аптекарей; докторамъ же, на которыхъ мало надѣялись, не было сюда доступа вовсе. Самыя врачебныя средства стояли здѣсь въ запечатанныхъ склянкахъ и ящикахъ. Рецептъ, прописанный докторомъ для царя, поступалъ въ Аптекарскій приказъ при „сказкѣ“, т. е. донесеніи, въ которомъ описывались вошедшія въ лекарство вещества и ихъ дѣйствіе на организмъ. Сказка эта докладывалась царю начальникомъ Аптекарскаго приказа и, если слѣдовала царская резолюція: „то лекарство составя приготовить“,—въ такомъ случаѣ рецептъ поступалъ въ аптеку, гдѣ лекарство составлялось наиболѣе довѣренными докторами и аптекарями въ особо предназначенной для того комнатѣ, куда никому, кромѣ этихъ лицъ и дьяка Аптекарскаго приказа, не было доступа. Самый рецептъ записывался, въ русскомъ переводѣ, въ книги Аптекарскаго приказа; здѣсь же отмѣчались имена составителей лекарства и имя лица, принявшаго его для передачи во дворецъ. На случай царскихъ выѣздовъ въ „походы“ или путешествія, въ вѣдомствѣ Апрекарскаго приказа имѣлась еще особая царская походная аптека. Эта аптека состояла изъ ковчежца („шкатула“), раздѣленнаго на 4 ящика, двухъ коробокъ съ настоями („водками“), травами и аптекарскою посудою и „заморскаго ящика съ вѣсками и скрупонами“.

Около 70-хъ годовъ XVII-го столѣтія въ Москвѣ основана была, какъ сказано выше, вторая аптека, называвшаяся, въ противоположность первой,—Новою. Если Старая аптека была предназначена почти исключительно для потребностей царскаго двора, то эта новая аптека была предназначена для вольной продажи врачебныхъ средствъ всѣмъ желающимъ, а потому и была учреждена на коммерческихъ основаніяхъ. Въ видахъ такого назначенія своего, она была помѣщена въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ столицы—на Новомъ гостинномъ дворѣ, тогда какъ Старая аптека помѣщалась въ Кремлѣ. Тѣмъ не менѣе, она была подчинена Старой аптекѣ, составляя какъ бы отдѣленіе ея, и вмѣстѣ съ нею состояла въ вѣдѣніи Аптекарскаго приказа.

До насъ дошло извѣстіе о штатѣ Новой аптеки въ 1677-мъ году. Въ этомъ году состояло въ ней „у пріема и у продажи лекарствъ“ три аптекаря, одинъ алхимистъ, одинъ русскій аптекарскаго дѣла мастеръ.

Аптекари вели подробныя инвентарныя книги ввѣренной имъ аптеки, постоянно отмѣчая въ ней наличность лекарственныхъ веществъ, съ оцѣнкою ихъ. Кромѣ того, при аптекѣ имѣлась еще особая „цѣновная книга“, т. е. такса, по которой должны были продаваться отсюда лекарства „всякаго чину людямъ безъ задержанья“.

Весьма интересна сохранившаяся до нашихъ дней инструкція, данная аптекарямъ Новой аптеки. Они обязаны заботиться о томъ, чтобы аптека была всегда снабжена надлежащимъ ассортиментомъ снадобій, пріобрѣтая ихъ въ выгодное для покупки время года, заботясь о казенномъ интересѣ и прибыли—„помня страхъ Божій и великаго государя крестное цѣлованье“. Дежурные аптекари обязаны лично, „стоя у вѣсовъ“, отпускать лекарства, сдавая дневную выручку пѣловальникамъ, которые записываютъ ее въ „книги сборовъ“, а деньги прячутъ въ особый ящикъ. Эти цѣловальники, по письменнымъ требованіямъ аптекарей, дѣлаютъ изъ находящихся у нихъ на рукахъ сборныхъ денегъ всякаго рода выдачи на потребности аптеки—„на покупки и расходы, и на запасныя лекарства, и на строевые“,

а затѣмъ оставшіяся суммы, вмѣстѣ съ мѣсячнымъ отчетомъ, сдаются въ Аптекарскій приказъ.

Годовой доходъ Новой аптеки былъ довольно значителенъ, по условіямъ того времени: онъ простирался до 4000—4500 руб. въ годъ.

Что касается внутренняго благоустройства московскихъ аптекъ, то оно вызывало самые лестные отзывы современниковъ, отличаясь не только полнотою и изобиліемъ своего инвентаря, но даже извѣстною роскошью. Одинъ изъ иностранныхъ авторовъ замѣчаетъ, что онъ „можетъ сказать по истинѣ, что никогда не видывалъ столь превосходной аптеки". Вся аптечная посуда была изъ шлифованнаго хрусталя, съ позолоченными крышками; нѣкоторыя аптечныя принадлежности сдѣланы были изъ чистаго серебра.

Такова была организація московскихъ царскихъ аптекъ XVII столѣтія.

Всѣ лекарственныя вещества, необходимыя для московскихъ царскихъ аптекъ, пріобрѣтались отчасти за границею, а отчасти добывались и въ предѣлахъ русскаго государства, для чего въ вѣдѣніи Аптекарскаго приказа устраивались особые „аптечные огороды" съ цѣлью акклиматизаціи и разведенія лекарственныхъ злаковъ.

Какъ было указано, уже во второй половинѣ XVI-го и въ началѣ XVII-го вѣковъ появляются у насъ научно-образованные врачи. Дѣятельныя мѣры къ привлеченію на свою службу такихъ врачей принимаютъ и первые государи изъ династіи Романовыхъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича было принято на службу 8 докторовъ, 5 лекарей и 4 аптекаря; въ царствованіе Алексѣя Михайловича—11 докторовъ, 3 лекаря, 6 аптекарей и 1 глазной врачъ; въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича—4 доктора, 9 лекарей и 4 аптекаря; при Петрѣ Алексѣевичѣ (1682—1699 гг.)—11 докторовъ, 87 лекарей [1], 1 глазной врачъ и 9 аптекарей.

[1] Это значительное число лекарей объясняется стремленіемъ Петра I положить начало болѣе или менѣе правильно организованному военно-полевому врачебному дѣлу. Съ этою цѣлью было выписано изъ-за границы: въ 1695 г.—25, а въ 1697 г.—50 лекарей.

Не ограничиваясь приглашеніемъ на свою службу иностранныхъ врачей, Московское правительство принимало также мѣры къ насажденію медицинскихъ знаній въ самой Россіи. Правда, мѣры эти были весьма элементарны, но все-таки кое-что дѣлалось у насъ въ этомъ направленіи и въ XVII вѣкѣ.

Уже довольно рано иноземнымъ лекарямъ и аптекарямъ велѣно было брать къ себѣ русскихъ учениковъ для обученія ихъ врачебному дѣлу. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что въ началѣ второй половины XVII вѣка въ вѣдомствѣ Аптекарскаго приказа числилось до 20 человѣкъ русскихъ людей, взятыхъ сюда для обученія. Въ наказѣ „диштилатору" Петру Фабриціусу (1681 г.), этому послѣднему вмѣняется въ обязанность обучать „со всякимъ тщаніемъ и ничего отъ нихъ не тая" русскихъ учениковъ, которые будутъ назначаться къ нему по царскому указу, и радѣть, чтобы эти ученики „наукѣ аптекарской, чему онъ самъ умѣетъ, изучились".

Въ спискахъ лекарствъ, изготовленныхъ въ 1673 году для вольной продажи изъ царскихъ аптекъ, встрѣчаются препараты, изготовленные русскими людьми. Въ 1678 году въ личномъ составѣ московскаго врачебнаго персонала упоминаются 2 русскихъ аптекарскихъ мастера, 5 русскихъ лекарей и 8 русскихъ лекарскихъ учениковъ. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича число русскихъ лекарей возрастаетъ до 58, а въ концѣ XVII вѣка русскіе лекари, подлекари, лекарскіе и аптекарскіе ученики, костоправы, рудометы и цирульники—уже постоянно фигурируютъ въ спискахъ врачебнаго персонала, подвѣдомственнаго Аптекарскому приказу.

Принимались правительствомъ мѣры и къ посылкѣ за границу, для обученія врачебному дѣлу, какъ сыновей проживавшихъ въ Москвѣ иноземцевъ, такъ и русскихъ молодыхъ людей. Въ 1661 году отправленъ былъ за границу сынъ иноземца русской службы, Томаса Келлермана; прослушавъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Лейпцигѣ, Парижѣ и Падуѣ, молодой Келлерманъ возвратился въ Россію съ лестнымъ аттестатомъ и занялъ здѣсь должность доктора Аптекарскаго приказа. Такимъ же образомъ въ

1693 году посланъ былъ за границу для изученія медицины московскій уроженецъ, сынъ мѣстнаго лютеранскаго пастора, Іоганнъ Грегоріусъ.

Посылались въ чужіе края, для изученія медицины, и русскіе молодые люди. Изъ этихъ послѣднихъ особенно выдается Петръ Посниковъ, сынъ дьяка Посольскаго приказа, Василія Посникова. Окончивъ курсъ въ славившемся въ ту пору Падуанскомъ университетѣ и получивъ отъ послѣдняго блестящій дипломъ (этотъ дипломъ сохранился до нашихъ дней) на степень доктора медицины и философіи, молодой Посниковъ вернулся въ Роесію и съ 1701 года началъ здѣсь свою медицинскую карьеру.

Посниковъ былъ первымъ русскимъ, европейски образованнымъ врачемъ.

Въ 1698 году отправленъ былъ для изученія медицины въ тотъ же Падуанскій университетъ и сынъ другого дьяка Посольскаго приказа, Григорій Ивановичъ Волковъ,—но о дальнѣйшей судьбѣ его ничего не извѣстно.

Особое вниманіе на медицинскую часть въ Россіи обращаетъ Петръ I. Многихъ молодыхъ людей онъ отправляетъ за границу, въ Италію, для изученія медицины, учреждаетъ военные госпитали и при нихъ хирургическія училища, повелѣваетъ разводить аптекарскіе сады и кладетъ основаніе началу вольныхъ аптекъ въ Россіи, приглашаетъ въ казенную службу иноземныхъ врачей и вызываетъ изъ-за границы повивальныхъ бабокъ; аптекарскій приказъ дѣлается учрежденіемъ коллегіальнымъ, подъ названіемъ Медицинской Канцеляріи, подъ главнымъ начальствомъ Архіатера; при этой канцеляріи впослѣдствіи былъ учрежденъ совѣтъ изъ медиковъ. Петръ хотѣлъ изъ этого учрежденія создать центральную медицинскую коллегію, которая должна была проводить новыя медико-полицейскія мѣры на цѣлую Россію, но онъ встрѣтилъ непреодолимое къ тому препятствіе—отсутствіе врачей, съ чѣмъ долго боролись и его преемники.

Хотя въ 1739 году и учреждены были въ Петербургѣ и Москвѣ Физикаты и изданъ около того же времени генеральный регламентъ о госпиталяхъ, но недостатокъ надлежащаго количества врачей дѣлалъ всѣ мѣры до XIX ст.

почти неосуществимыми. Императрица Екатерина II, назначивъ по Учрежденію о губерніяхъ во всѣ города, губернскіе и уѣздные, врачей, учредила центральное установленіе—медицинскую коллегію, съ особымъ главноуправляющимъ; плодомъ дѣятельности ея было много весьма полезныхъ медико-полицейскихъ распоряженій, но выполненіе ихъ надолго должно было оставаться формальнымъ, за неимѣніемъ надлежащаго персонала.

Увеличившееся количество врачей въ Россіи, въ результатѣ дѣятельности московской Медицинской академіи, сдѣлавшейся факультетомъ Московскаго университета, также университета въ Вильнѣ, присоединенной къ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II, и Медицинской академіи въ Петербургѣ, созданной въ концѣ XVIII в.,—дало возможность, при учрежденіи министерствъ, поставить центральное управленіе дѣлами медицинской полиціи на болѣе широкихъ основаніяхъ. Это управленіе ввѣрено министерству внутреннихъ дѣлъ, въ средѣ котораго учреждены медицинскій департаментъ и медицинскій совѣтъ. На основаніи позднѣйшихъ реформъ 1836 и 1842 годовъ, медицинскій департаментъ, директоръ котораго есть генералъ-штабъ-докторъ гражданской части, сосредоточиваетъ въ себѣ центральное управленіе гражданскою медицинскою частью, дѣлами судебной медицины и медицинской полиціи. Дѣйствуя рядомъ съ медицинскимъ совѣтомъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ и признаннымъ высшимъ въ государствѣ врачебно-ученымъ, врачебно-полицейскимъ и врачебно-судебнымъ установленіемъ, медицинскій департаментъ обязанъ принимать общія административныя мѣры для надлежащаго исполненія во всей Россіи указанныхъ въ врачебныхъ уставахъ (Т. XIII) медико-полицейскихъ мѣръ.

Современная организація санитарно-медицинской полиціи въ Россіи. Высшее управленіе санитарно-врачебною частью въ Имперіи сосредоточивается въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Оно вѣдается Медицинскимъ Департаментомъ и состоящими при немъ—Медицинскимъ Совѣтомъ и Совѣщательнымъ Ветеринарнымъ Комитетомъ.

Мѣстными органами являются: 1) врачебныя отдѣленія губернскихъ правленій и врачебныя управы (послѣднія

сохраняются только въ Варшавѣ и въ губерніяхъ Томской, Тобольской, Иркутской и Енисейской; онѣ состоятъ изъ инспектора, оператора, акушера и ветеринарнаго врача); 2) земскія учрежденія и 3) городскія управленія въ городахъ, гдѣ введено Городовое положеніе.

I. *Врачебныя отдѣленія.* Губернское правленіе, по ст. 666 Общ. Губ. Учр. (т. II ч. I. изд. 1876 г.), „управляетъ дѣлами общаго благоустройства, охраняетъ права личности и собственности, общую безопасность, тишину и спокойствіе, управляетъ дѣлами относительно народнаго здравія, оспопрививанія и пресѣченія скотскихъ падежей, продовольствія, хозяйства и промышленности (насколько сіе не предоставлено учрежденіямъ общественнымъ), содѣйствуетъ всѣмъ другимъ управленіямъ въ исполненіи законовъ и понуждаетъ подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію ихъ обязанностей". По ст. 835 Уст. Врач. (прод. 1886), „главное попеченіе объ охраненіи здравія народнаго, благовременномъ устраненіи всего того, что угрожаетъ ему, и принятіи единообразныхъ мѣръ къ усѣченію болѣзней эпидемическихъ и эпизоотическихъ ввѣряется въ губерніяхъ—губернскому правленію, а въ уѣздахъ—особо учрежденнымъ съ сею цѣлью уѣзднымъ комитетамъ общественнаго здравія". Врачебное отдѣленіе состоитъ изъ губернскаго врачебнаго инспектора, помощника его и фармацевта (Общ. Губ. Учр. ст. 678). Врачебному инспектору принадлежитъ общій по губерніи надзоръ по врачебной части (ст. 676).

Уѣздный комитетъ общественнаго здравія (Уст. Врач. ст. 837, прод. 1886) составляется изъ мѣстныхъ начальниковъ по каждому управленію, а именно: изъ уѣзднаго предводителя дворянства, уѣзднаго исправника, полицеймейстера, уѣзднаго или городового врача, городского головы и старшаго въ городѣ духовнаго лица (кромѣ поименованныхъ здѣсь лицъ, могутъ быть приглашаемы къ участію въ засѣданіяхъ комитета и другія лица, могущія быть полезными общему дѣлу своими познаніями и вліяніемъ, какъ-то: мѣстные владѣльцы, духовные разныхъ исповѣданій, врачи, арендаторы, управляющіе имѣніями и проч.). Комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, а гдѣ его нѣтъ—старшаго изъ начальниковъ уѣздной или городской полиціи. Въ качествѣ „губернскаго комитета общественнаго здравія" (какъ особое учрежденіе нынѣ не существующаго), дѣйствуютъ губернскія правленія. Они и уѣзд. комитеты общественнаго здравія (ст. 842 Уст. Вр., прод. 1886) „собираются и имѣютъ засѣданія, по приглашенію предсѣдательствующихъ, съ случаѣ дѣйствительной надобности въ совѣщаніяхъ, для принятія общихъ и единообразныхъ мѣръ, согласно съ назначеніемъ комитетовъ общественнаго здравія". „При появленіи эпидемическихъ или эпизоотическихъ болѣзней (ст. 839 Уст. Врач., прод. 1886) комитетъ, получивъ свѣдѣніе о томъ черезъ кого-либо изъ своихъ членовъ и не дожидаясь донесенія полиціи, немедленно распоряжается приведеніемъ въ точную извѣстность свойства болѣзни и затѣмъ къ недопущенію ея до дальнѣйшаго распространенія и къ ея прекращенію".

II. *Земскія учрежденія.* Дѣйствующее законодательство о правахъ и обязанностяхъ земскихъ учрежденій по санитарно-врачебному дѣлу представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ числѣ предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій законъ (ст. 2 Полож. о губ. и уѣзд. земск. учр. 1890 г.) указываетъ:—„завѣдываніе земскими лечебными... заведеніями, попеченіе... о неизлечимыхъ больныхъ и умалишенныхъ, а также... увѣчныхъ (п. 7); „участіе въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здравія и предупрежденію и пресѣченію падежей скота, развитію средствъ врачебной помощи населенію и изысканіе способовъ по обезпеченію мѣстности въ санитарномъ отношеніи" (п. 8).

Дѣятельность земскихъ учрежденій въ санитарно-врачебномъ дѣлѣ выражается, главнымъ обвазомъ, въ устройствѣ больницъ, амбулаторій и другихъ лечебныхъ заведеній и аптекъ, въ пріисканіи и содержаніи врачебнаго персонала и въ изданіи обязательныхъ постановленій для мѣстныхъ жителей какъ цѣлой губерніи, такъ и отдѣльныхъ ея мѣстностей (не состоящихъ въ вѣдѣніи городского общественнаго управленія). Губернскому земскому собранію предоставляется составлять такого рода „обязательныя постановленія" въ области санитарно-медицинскаго дѣла по слѣдующимъ предметамъ (ст. 108): о порядкѣ содержанія

въ чистотѣ площадей, улицъ, дорогъ, сточныхъ трубъ, прудовъ, колодцевъ, канавъ, естественныхъ протоковъ, мостовъ и очистки дворовъ; объ устройствѣ и порядкѣ содержанія, въ санитарномъ отношеніи, боенъ, фабричныхъ, заводскихъ и другихъ промышленныхъ заведеній; о мѣрахъ къ соблюденію чистоты въ помѣщеніяхъ для продажи съѣстныхъ припасовъ и къ обезпеченію бевредности оныхъ; о мѣрахъ предосторожности противъ порчи воды; о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ; объ уборкѣ или уничтоженіи палыхъ животныхъ; о мѣрахъ предупрежденія и прекращенія заразительныхъ, повальныхъ и мѣстныхъ болѣзней. Къ составленію обязательныхъ постановленій губ. земское собраніе приступаетъ: 1) по предложенію губернатора, 2) по собственному усмотрѣнію и 3) по представленіямъ подлежащихъ уѣздныхъ земскихъ и соединенныхъ собраній (это—соединенныя засѣданія уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ). Проекты постановленій по санитарно-врачебнымъ предметамъ разсматриваются при участіи губернскато врачебнаго инспектора или его помощника (ст. 110 Пол.).

III. *Городскія общественныя управленія.* Функціи ихъ въ области санитарно-врачебной представляются аналогичными и даже почти тождественныии съ функціями земскихъ учрежденій. По городовому положенію 11 іюня 1892 г. (ст. 2 п. VI) къ предметамъ вѣдомства ихъ принадлежитъ: „участіе въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здравія и предупрежденію и пресѣченію падежей скота, развитіе средствъ врачебной помощи городскому населенію и изысканіе способовъ къ улучшенію мѣстныхъ условій въ санитарномъ отношеніи“; также (п. V) „устройство... лечебныхъ заведеній и завѣдываніе ими на одинаковыхъ съ земскими учрежденіями основаніяхъ“. По разъясненію Правительствующаго Сената, устройство лечебныхъ (а также благотворительныхъ) заведеній составляетъ право, а не обязанность города; такое толкованіе, имѣющее за собою нѣкоторое основаніе въ буквѣ закона (въ виду отсутствія обязательныхъ расходовъ на такія заведенія), едва ли оправдывается духомъ закона и на практикѣ отражается неблагопріятно, тормозя развитіе указанныхъ учрежденій.

Дѣятельность городскихъ общественныхъ управленій въ области санитарно-врачебной состоитъ, какъ и земскихъ, главнымъ образомъ, въ устройствѣ и содержаніи больницъ и др. лечебныхъ заведеній, въ содержаніи врачебнаго и санитарнаго персонала и въ изданіи обязательныхъ постановленій по врачебно-санитарной части. Они составляются по слѣдующимъ предметамъ (ст. 108 Гор. Пол.): о порядкѣ содержанія въ исправности улицъ, площадей, мостовъ, набережныхъ, общественныхъ садовъ, бульваровъ и пр., а также сточныхъ трубъ, каналовъ, прудовъ, колодцевъ, канавъ и естественныхъ протоковъ; „о санитарныхъ мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы въ помѣщеніяхъ для продажи съѣстныхъ припасовъ и напитковъ для обезпеченія безвредности оныхъ; объ устройствѣ и порядкѣ содержанія, въ санитарномъ отношеніи, фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній, бань и боенъ, о чисткѣ дворовъ, устройствѣ и чисткѣ помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ; о мѣрахъ противъ порчи воды, о уборкѣ или уничтоженіи палыхъ животныхъ, о предупрежденіи и прекращеніи заразительныхъ и повальныхъ болѣзней, а равно скотскихъ падежей“; о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ. Къ составленію обязательныхъ постановленій городскія думы приступаютъ по собственному усмотрѣнію или по заявленію начальника мѣстной полиціи. По указаннымъ предметамъ проекты постановленій (подобно тому, какъ и въ земствахъ) разсматриваются при участіи представителя мѣстнаго врачебнаго управленія или одного изъ мѣстныхъ врачей, по назначенію губернатора (ст. 109 Гор. Пол.).

Въ ходѣ развитія санитарно-медицинской полиціи въ Россіи дѣятельность органовъ земскаго самоуправленія имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. За земствомъ навсегда останется заслуга созданія впервые въ Россіи медицинской помощи многомилліонному сельскому населенію, которому до возникновенія земскихъ учрежденій приходилось довольствоваться услугами знахарей и знахарокъ. Важнѣйшими проявленіями заботъ земства въ области народнаго здравія служатъ—обезпеченіе медицинскаго персонала (врачи, фельдшера и фельдшерицы, акушерки) и созданіе лечебныхъ заведеній (больницъ, клиникъ, лечебницъ и пр.). Отъ при-

казовъ общественнаго призрѣнія земства 34 губерній получили около 350 больницъ съ 11½ тысячами кроватей, изъ которыхъ около 1.200 кроватей были назначены для душевнобольныхъ. По даннымъ же послѣдняго времени въ названныхъ губерніяхъ насчитываютъ до 1.300 больницъ съ 30.000 кроватей для больныхъ и съ 10.000 мѣстъ для душевнобольныхъ. О томъ, какъ значительны результаты дѣятельности земскихъ учрежденій въ сферѣ народной медицины, можно судить по сравнительнымъ даннымъ объ обезпеченіи врачебною помощью губерній съ земскими учрежденіями и губерній, въ которыхъ нѣтъ земства. Тогда какъ въ земскихъ губерніяхъ 1 врачъ приходится на 25.100 жителей, въ не-земскихъ губерніяхъ 1 врачъ приходится на 77.000 жит., въ первыхъ 1 больничная кровать приходится на 2.000 чел.; во вторыхъ —на 77.000 чел.; расходы по врачебно-санитарной части въ первыхъ составляютъ 34,6 коп. въ годъ на каждаго жителя, во вторыхъ—всего 8,4 коп., т. е. въ четыре раза меньше, чѣмъ въ губерніяхъ земскихъ.

Что касается городовъ, то болѣе значительные успѣхи въ постановкѣ санитарно-медицинскаго дѣла достигнуты въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, какъ С.-Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса, Харьковъ. Въ значительномъ большинствѣ городскихъ центровъ сколько-нибудь удовлетворительной организаціи санитарно-медицинской части не существуетъ. Характерныя данныя для сужденія объ этомъ дѣлѣ были опубликованы въ приложеніи къ отчету медицинскаго департамента „Санитарное описаніе городовъ Россійской Имперіи въ 1895 г. по даннымъ медицинскаго департамента". Оказывается, что изъ 660 городовъ только въ 91 городѣ были устроены водопроводы, но изъ нихъ 25 даютъ воду неудовлетворительную, а 8 даютъ количество воды, недостаточное даже для болѣе населенной части городовъ. Такимъ образомъ хорошею водою въ достаточномъ количествѣ пользуются только около 10% городовъ; въ 285 городахъ вода, по заявленію мѣстныхъ властей, неудовлетворительна. Надлежащей организаціи удаленія нечистотъ не существуетъ даже въ большихъ городахъ. Ретирады и помойныя ямы, даже самаго первобытнаго устройства, констатированы при большинствѣ домовъ только въ 278 городахъ. Общественныя бойни имѣются лишь въ 73 городахъ. Изъ 660 городовъ замощены вполнѣ только 16; большею частью замощены 123 города, а въ остальныхъ либо вовсе нѣтъ мостовыхъ, либо ихъ очень мало.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что смертность въ Россіи представляется гораздо болѣе значительною, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Особенно рѣзко выступаетъ неудовлетворительность санитарныхъ условій въ Россіи изъ данныхъ о смертности вслѣдствіе заразныхъ болѣзней, которыя въ анти-санитарныхъ условіяхъ получаютъ благопріятную почву для развитія. По даннымъ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Россіи умирало отъ оспы, скарлатины, дифтерита и крупа, кори, коклюша и брюшного тифа на 100.000 жителей—555 чел. въ годъ; соотвѣтственныя цифры въ Англіи—145 чел., въ Швеціи—143 чел., въ Голландіи—125 чел.

Несмотря на очевидную необходимость созданія надлежащей системы мѣръ санитарно-врачебной полиціи, до сихъ поръ въ этомъ отношеніи не сдѣлано ничего существеннаго. Въ 1885 году вопросъ этотъ былъ предметомъ обсужденія въ Обществѣ русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ. Выслушавъ докладъ д-ра Экка „По вопросу объ улучшеніи санитарныхъ условій и уменьшеніи смертности въ Россіи", Общество пришло къ заключенію, что „смертность отъ большинства болѣзней есть смерть насильственная и зависитъ отъ непринятія соотвѣтственныхъ предупредительныхъ мѣръ, указанныхъ наукою, польза которыхъ доказана опытомъ многочисленныхъ городовъ и цѣлыхъ странъ". Въ 1886 году для изысканія мѣръ къ оздоровленію Россіи была учреждена, при медицинскомъ департаментѣ, спеціальная коммисія подъ предсѣдательствомъ С. П. Боткина. Вызванныя созданіемъ этой коммисіи ожиданія не оправдались, и вскорѣ она прекратила свое существованіе, не выработавъ какихъ-либо опредѣленныхъ предположеній о необходимыхъ мѣрахъ.

Съ тѣхъ поръ вопросъ объ организаціи санитарнаго дѣла не ставился на очередь, хотя потребность въ этомъ не переставала сознаваться особенно подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ эпидемій, какъ напр. холерная эпидемія 1892 г. и угрожавшія неоднократно въ 90-хъ годахъ чумныя эпи-

деміи. Повидимому однако въ послѣднее время созрѣваетъ рѣшимость правительства серьезно заняться упорядоченіемъ санитарнаго дѣла. Въ іюлѣ 1902 года министромъ внутреннихъ дѣлъ предложено губернаторамъ войти въ обсужденіе вопроса объ организаціи врачебнаго и санитарнаго дѣла. Какъ видно изъ циркуляра по этому поводу, мотивомъ къ возбужденію этого вопроса послужило сознаніе того, что „существующая въ Имперіи постановка врачебнаго и санитарнаго дѣла, основанная на правилахъ устава врачебнаго и медицинской полиціи, представляется крайне ненормальной, такъ какъ означенныя правила, относящіяся въ большинствѣ случаевъ къ 30-мъ годамъ истекшаго столѣтія, устарѣли и совершенно не соотвѣтствуютъ требованіямъ современной жизни".

VI. ПОЛИЦІЯ НРАВОВЪ [1].

Общественная нравственность и государство.—Характеръ и предѣлы воздѣйствія государства.—Органы полиціи нравовъ и ея главные объекты.

Пьянство и борьба съ нимъ.—Пьянство, какъ общественное бѣдствіе. — Вліяніе пьянства. — Борьба съ пьянствомъ. — Общества трезвости въ Америкѣ и въ Англіи.—Готебургская система.—Возникновеніе ея. существенныя черты ея и значеніе.—Международныя общества трезвости. — Ограниченіе торговли спиртными напитками. — Запретительная система въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки.—Надзоръ за очисткою спиртныхъ напитковъ.—Леченіе пьянства.—Мѣры противъ пьянства въ Россіи.—Пьянство въ древней Руси.—Пьянство и фискальные интересы.—Откупа. — Акцизная система. — Мѣры ограниченія пьянства. — Законъ 1885 года.—Казенная продажа вина.—Задачи и основанія реформы.—Попечительства о народной трезвости и ихъ задачи.—Недостатки организаціи попечительствъ.—Дѣятельность ихъ.

Мѣры по отношенію къ проституціи. — Историческія данныя о развитіи проституціи.—Мѣры Людовика IX Св. и Маріи Терезіи.—Терпимость со стороны государства.—Мѣры по отношенію къ проституціи.—Санитарная опасность ея.—Регламентація ея въ Россіи. Врачебно-полицейскій надзоръ въ С.-Петербургѣ.—Съѣздъ сифилидологовъ въ 1897 г. и его заключенія.—Аболиціонизмъ, его развитіе и сущность.—Торговля женщинами въ цѣляхъ разврата и мѣры противъ нея.—Лондонскій конгрессъ 1899 г.—Парижская конференція 1902 г. и ея постановленія.

Въ ученіи о полиціи нравовъ естественно прежде всего остановиться на вопросѣ, въ какомъ отношеніи

[1] E. Loening. Sittlichkeitspolizei (III т. Schönberg's Handb. d. polit. Oekon.)—A. Bär. Der Alkoholismus, seine Verbreitung und Wirkung auf den individuellen und socialen Organismus. Berl. 1878.—Martius. Der Kampf gegen den Alkoholmissbrauch. Halle 1884.—J. Rowntree and A. Sherwell. The Temperance Problem and social Reform. Lon. 1899.—Н. Керръ. Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе, перев. съ англ. 1889.—Брандтъ, Борьба съ пьянствомъ за границею и въ Россіи. 1897.—И. Янжулъ. Пьянство, какъ соціальный недугъ («Вѣстн. Евр.» 1888 г., № 7 и книга «Въ поискахъ лучшаго будущаго, 1893).—Коровинъ.

явленія нравственнаго порядка могутъ быть предметомъ заботъ государственнаго управленія. Нравственность можно опредѣлить, какъ совокупность обязательныхъ велѣній, присущихъ совѣсти индивидуума и управляющихъ волею и дѣятельностью его. Наличность и сила этихъ нравственныхъ велѣній покоятся исключительно на свободѣ индивидуума. Нравственныя велѣнія, будучи по существу своему явленіями внутренней, духовной жизни, не могутъ быть ни подчинены внѣшнему принужденію, ни стѣснены имъ [1]. Между тѣмъ государственное управленіе, или полиція (въ широкомъ смыслѣ этого слова) располагаетъ лишь средствами внѣшняго принужденія, которыя не могутъ, конечно, явиться орудіемъ непосредственнаго воздѣйствія на нравственность человѣка. Область нравственныхъ принциповъ есть сокровеннѣйшая область человѣческаго существованія, не допускающая и не терпящая прямого вмѣшательства въ нее государственной власти.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы государство должно было относиться къ явленіямъ нравственной области съ полнымъ безучастіемъ. Государство, какъ организованное общежитіе, стремящееся къ осуществленію разностороннихъ задачъ культурнаго развитія, не можетъ и не должно относиться равнодушно къ общественной нравственности, уровень которой служитъ показателемъ большей или меньшей культурности даннаго общества. Государство не въ силахъ оказывать прямое воздѣйствіе на индивидуальную нравственность, почему оно и не можетъ брать на себя задачу нравственнаго воспитанія своихъ гражданъ при помощи принудительныхъ мѣръ. Но оно вполнѣ можетъ оказывать косвенное воздѣйствіе на нравственность, вліяя, съ

Общественная борьба съ пьянствомъ. М. 1895. — Коровинъ. Убѣжища для алкоголиковъ, ихъ постановка и дѣятельность въ Англіи, Швейцаріи и Германіи. М. 1901. — Н. Загоскинъ. Пьянство и борьба съ нимъ въ древней Руси («Русск. Богат.», Апрѣль 1893 г.).

В. М. Тарновскій. Проституція и аболиціонизмъ. Спб. 1888. — Parent-Duchatelet. De la prostitution dans la ville de Paris. Par. 1857. — L. Fiaux. La police des moeurs en France et dans les principaux pays de l'Europe. Par. 1888.

[1] E. Loening. Sittlichkeitspolizei.

одной стороны, на ея факторы, съ другой — на внѣшнія проявленія нравственныхъ принциповъ. Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ нравственнаго развитія индивидуума являются условія его воспитанія и образованія; слѣдовательно, содѣйствуя широкому развитію хорошихъ воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, государство этимъ самымъ можетъ содѣйствовать нравственному воспитанію народа. Съ другой стороны, внутренніе нравственные принципы выражаются во внѣшнихъ поступкахъ, дѣйствіяхъ, и вотъ эти-то внѣшнія проявленія нравственности или безнравственности вполнѣ доступны воздѣйствію государства.

Задачи государства опредѣляютъ какъ характеръ, такъ и предѣлы этого воздѣйствія. Государство можетъ и должно бороться съ безнравственными дѣйствіями и по возможности предупреждать ихъ, если эти дѣйствія нарушаютъ блага отдѣльнаго лица или общества — блага, защищаемыя закономъ, или же если эти дѣйствія представляются настолько опасными, что могутъ произвести нарушеніе этихъ благъ. Различіе по существу между этими двумя категоріями безнравственныхъ дѣйствій обусловливаетъ и различныя мѣры борьбы съ ними государства. Дѣйствія, проистекающія изъ безнравственныхъ взглядовъ и побужденій и нарушающія защищаемыя закономъ блага, влекутъ за собою извѣстныя юридическія послѣдствія, которыя подлежатъ оцѣнкѣ со стороны различныхъ отдѣловъ положительнаго права и въ особенности со стороны уголовнаго права. Это, прежде всего, различныя преступленія и проступки. Къ области же полицейскаго права относится изученіе другой категоріи дѣяній безнравственныхъ — именно тѣхъ, которыя хотя и не нарушаютъ сами по себѣ охраняемыхъ закономъ благъ, но имѣютъ свойство, при своемъ распространеніи, вызывать опасность такого нарушенія. Полиція нравовъ ведетъ борьбу не съ самими безнравственными взглядами и принципами, какъ таковыми, а поскольку они выражаются во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, оказывающихъ вредъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлаго общества. Органами полиціи нравовъ являются какъ государство въ лицѣ правительственныхъ учрежденій, такъ и само общество въ

тѣхъ различныхъ формахъ, какіе можетъ принимать общественная самодѣятельность; объектами же полиціи нравовъ являются главнымъ образомъ пьянство и половое распутство или проституція.

Пьянство и борьба съ нимъ.

Употребленіе спиртныхъ напитковъ, встрѣчающееся у всѣхъ народовъ и во всѣ времена, нельзя конечно признать само по себѣ фактомъ безнравственнымъ. Но такое явленіе становится безнравственнымъ тогда, когда оно переходитъ въ злоупотребленіе, которое притомъ влечетъ за собою вредныя послѣдствія. Однако и въ этомъ случаѣ вмѣшательство полиціи нравовъ становится необходимымъ лишь тогда, когда пьянство выступаетъ не въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ (государство не можетъ, да и не должно брать на себя опеку надъ своими совершеннолѣтними гражданами, предающимися пьянству подъ собственною своею нравственною отвѣтственностью), но въ видѣ болѣе или менѣе общаго печальнаго явленія во всемъ народѣ или въ отдѣльныхъ классахъ его; это потому, что въ такомъ случаѣ пьянство, не ограничиваясь вредными послѣдствіями для того, кто предается этому пороку, охватываетъ, распространяясь постепенно, большое число лицъ и пагубно отражается на интересахъ семейства, общества и государства.

Вопросъ о вредѣ пьянства изученъ въ послѣднее время съ большою обстоятельностью и съ разныхъ точекъ зрѣнія—со стороны вліянія его и на здоровье населеніе, и на развитіе преступности, и на экономическое благосостояніе. Вотъ вкратцѣ важнѣйшія проявленія этого вреда.

Пьянство весьма пагубно для здоровья. Эта сторона привлекаетъ все большее и большее вниманіе новѣйшихъ изслѣдователей пьянства. Мало-по-малу на самое пьянство начинаютъ смотрѣть, какъ на своего рода болѣзнь. „Привычка пить,—говоритъ д-ръ Керръ [1],—создаетъ въ организмѣ болѣзненныя условія, которыя мы называемъ пьянствомъ; его можно назвать также неудержимымъ и превышающимъ человѣческія силы побужденіемъ предаваться отравленію (алкоголемъ), несмотря на страшныя его послѣдствія“. Пьянство есть болѣзнь, принадлежащая къ группѣ болѣзней нервной системы. „Горькій опытъ,—продолжаетъ Керръ,—показалъ мнѣ, что есть много пьяницъ, для которыхъ выше ихъ силъ быть умѣренными въ употребленіи алкоголя. Обвинять въ безнравственности, порокѣ и грѣховности пьяницу за его физическую неспособность остановиться на одномъ стаканчикѣ такъ же несправедливо, какъ было бы несправедливо обвинять въ безнравственности, порокѣ и грѣхѣ идіота за его идіотизмъ или прирожденнаго эпилептика за его эпилепсію. Есть не мало лицъ, настолько насыщенныхъ наслѣдственными наклонностями, что скорѣе можно заставить рѣку обратить свое теченіе назадъ, нежели остановить ходъ припадковъ алкоголизма, когда уже явилось неудержимое возбужденіе, вслѣдствіе выпитаго, хотя бы малѣйшаго количества отравляющаго вещества“. Керръ даетъ слѣдующее опредѣленіе самой болѣзни пьянства: „пьянство есть конституціональная болѣзнь, характеризующаяся крайне выраженнымъ болѣзненнымъ импульсомъ къ употребленію алкоголя и неудержимой жаждой къ нему“. Этотъ взглядъ на пьянство, какъ на болѣзнь, успѣлъ уже оказать нѣкоторое вліяніе на направленіе самыхъ мѣръ борьбы съ нимъ.

Особенно сильно дѣйствуетъ оно на психическую сторону человѣка. Наукою вполнѣ доказана непосредственная причинная связь между пьянствомъ и психическимъ разстройствомъ. Извѣстный психіатръ, проф. Мержеевскій на первомъ съѣздѣ русскихъ психіатровъ (въ Москвѣ въ 1887 г.) категорически заявилъ, что между ненормальными условіями, благопріятствующими развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней, у насъ злоупотребленіе спиртными напитками занимаетъ первое мѣсто. „Состояніе,—говоритъ онъ,—извѣстное подъ названіемъ хроническаго алкоголизма, представляетъ ту почву, на которой широко произрастаютъ прискорбныя общественныя явленія, находящіяся въ тѣсной связи между собою, а именно—съ одной стороны, пауперизмъ и преступленіе, съ другой — помѣшательство. Послѣднее

[1] Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе. Хар. 1889.

обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что алкоголикъ носитъ на себѣ признаки физическаго и психическаго вырожденія въ столь сильной степени, что, подъ вліяніемъ самыхъ незначительныхъ причинъ, у него нарушается регуляторная дѣятельность психическихъ центровъ и возникаютъ психозы, то болѣе острые, то болѣе длительные, и кромѣ того, вырожденіе передается потомству". По словамъ проф. Мержеевскаго, число душевно-больныхъ вслѣдствіе порока пьянства доходитъ у насъ въ больницахъ до 42%. Въ другихъ странахъ этотъ процентъ не такъ великъ, но все же значителенъ: во Франціи число сумасшествій отъ пьянства составляетъ отъ 27% до 38%, въ Америкѣ—до 20%, въ Швейцаріи—отъ 15% до 16%, въ Англіи—14%. Въ среднемъ же, по вычисленіямъ статистика Мюльгалля, число сумасшествій отъ пьянства въ разныхъ странахъ колеблется между 12% и 28% общаго числа сумасшествій.

Насколько раціональныя мѣры борьбы съ пьянствомъ могутъ способствовать уменьшенію числа случаевъ душевныхъ болѣзней отъ алкоголизма, видно изъ слѣдующихъ данныхъ о Норвегіи. Въ 1865 г. въ этой странѣ алкоголики составляли 14% общаго числа сумасшедшихъ; послѣ двадцатилѣтней практики раціональной системы мѣръ противъ пьянства (такъ наз. „готебурской системы", о которой см. ниже), процентъ этотъ понизился до 4.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ характеромъ пьянства стоитъ то наблюденіе, что пьянство является однимъ изъ значительныхъ факторовъ смертности. По свѣдѣніямъ за 1879—1884 гг. среднее годичное число умершихъ отъ опоя въ Россіи составляло 5.603 случая, или около 2 смертей на 1.000 общей годичной смертности. Въ общемъ количествѣ такъ наз. „случайныхъ смертей" пьянство занимаетъ у насъ первенствующее мѣсто. Особенно замѣтно это въ центральной и восточной полосахъ Россіи: въ центральной на долю пьянства приходится отъ 20% до 34%, а въ восточной—даже до 40% общаго числа случайныхъ смертей.

Помимо случаевъ смерти отъ пьянства, злоупотребленіе спиртными напитками пагубно отражается на продолжительности жизни. Любопытное признаніе этого факта находимъ въ практикѣ англійскихъ страховыхъ обществъ

(страхованія жизни), которыя, дѣйствуя на коммерческихъ основаніяхъ, нашли даже возможнымъ понизить страховыя преміи лицамъ, принадлежащимъ къ обществамъ воздержанія, т. е. непьющимъ хмельныхъ напитковъ. Данныя, собранныя этими обществами, вполнѣ подтверждаютъ вѣрность расчета, что смертность между пьющими несравненно сильнѣе, нежели между непьющими. Въ Англіи и Америкѣ возникли даже спеціальныя общества для страхованія жизни лицъ непьющихъ по весьма льготному тарифу; а въ обществахъ, принимающихъ страхованіе всѣхъ безъ различія, для членовъ непьющихъ дѣлается скидка въ тарифѣ. Въ одномъ изъ такихъ обществъ за 15 лѣтъ (съ 1864 по 1879 г.) въ отдѣленіи общаго страхованія по теоріи вѣроятности ожидалось 3.450 смертей, и въ дѣйствительности ихъ оказалось почти столько—3.444 смертей. Между тѣмъ, въ отдѣленіи членовъ воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ ожидалось смертей 2.002, въ дѣйствительности же случилось только 1.433. Еще болѣе наглядно указанное явленіе представляется изъ слѣдующихъ статистическихъ вычисленій: ожидаемая продолжительность жизни лица, пьющаго въ возрастѣ 20 лѣтъ, составляетъ не болѣе 15,6 лѣтъ, между тѣмъ какъ для непьющаго она оставляетъ 44,2 года; въ 30-лѣтнемъ возрастѣ для пьющаго—13,8, а для непьющаго—36,5.

Пьянство дѣйствуетъ пагубно не только на здоровье самихъ пьяницъ, но и на организмъ происходящаго отъ нихъ потомства. Оно весьма сильно способствуетъ вырожденію потомства. Дѣти пьяницъ родятся хилыми и съ задатками грядущихъ болѣзней. Это явленіе еще недостаточно изучено для того, чтобы можно было установить его съ помощью точныхъ цифровыхъ данныхъ. Но оно уже подмѣчено, и можно съ увѣренностью сказать, что пьянство оказываетъ огромный вредъ на будущее подростающихъ поколѣній. Такъ, извѣстный французскій психіатръ, д-ръ Маньянъ, указываетъ слѣдующія любопытныя наблюденія. „Изъ 1000 дѣтей, происходящихъ отъ алкоголиковъ, 200 умираютъ въ первомъ же году своей жизни, около 100 исчезаютъ въ первые годы дѣтства, а среди $^2/_3$ остальныхъ есть множество идіотовъ, эпилептиковъ и значительное число выродившихся, лишенныхъ всякихъ нравственныхъ по-

нятій, съ развращенными инстинктами и чувствами, субъектовъ ненормальныхъ, находящихся въ постоянной враждѣ съ обществомъ, которое ими тяготится и которому они угрожаютъ постоянными опасностями".

Несомнѣнна также связь между пьянствомъ и самоубійствомъ. Частью опьяненіе, какъ ненормальное психическое состояніе, непосредственно приводитъ къ самоубійству; частью же самоубійство является послѣдствіемъ обѣдненія обусловленнаго пьянствомъ. По даннымъ, приводимымъ проф. Александромъ фонъ-Эттингеномъ (Moral Statistik), 12,6% всѣхъ самоубійствъ—изъ значительнаго числа разсмотрѣнныхъ имъ для четырехъ странъ случаевъ—являются послѣдстіемъ пьянства. Въ Парижѣ $^1/_8$ часть всѣхъ самоубійцъ кончаютъ жизнь подъ вліяніемъ пьянства.

Не подлежитъ, далѣе, сомнѣнію тѣсная связь между пьянствомъ и преступностью. Съ особенною увѣренностью убѣжденіе это высказывается лицами, которыя имѣли возможность близко наблюдать жизнь преступниковъ. Въ Англіи судьи и начальники тюремъ и полицейскихъ учрежденій высказали, что отъ $^3/_4$ до $^4/_5$ всѣхъ преступленій совершено въ нетрезвомъ видѣ. Въ 1877 году въ парламентской комиссіи начальники тюремъ и духовенство показали, что изъ числа заключенныхъ въ тюрьмѣ—отъ 60% до 90 % были жертвою пьянства. Въ Пруссіи, по словамъ д-ра Бэра, отъ 50% до 60% всѣхъ преступленій совершаются подъ вліяніемъ алкоголя; въ нѣкоторыхъ же отдѣльныхъ категоріяхъ преступленій этотъ процентъ еще значительнѣе: такъ, изъ всѣхъ случаевъ нанесенія тяжкихъ увѣчій, въ полномъ опьяненіи совершено было 70,4%: изъ преступленій противъ нравственности—77% приходится на долю пьянства.

Нужно ли говорить, наконецъ, о томъ вредѣ, какой оказываетъ пьянство въ имущественныхъ интересахъ, какъ часто оно служитъ главнымъ факторомъ нищеты? „Мы пьянствуемъ, — отвѣчали мазуры одному изслѣдователю, — потому что мы бѣдны; но мы бѣдны потому, что пьянствуемъ". Помимо расходовъ на свою пагубную страсть, привычный пьяница прежде всего плохой работникъ, какъ бы ловокъ онъ ни былъ отъ природы; онъ, конечно, ничего не

сбережетъ про черный день. И отъ этой его страсти терпитъ и онъ самъ, и его семья. Ни заработокъ семьи, ни помощь, оказываемая общественнымъ призрѣніемъ, неспособны помочь ему, ибо большая часть изъ этого уходитъ въ кабакъ. По разсчету одного англичанина, изъ каждыхъ 100 фун. стерл. раздаваемыхъ въ Англіи пособій 30 фунт. въ тотъ же день уходятъ въ кабаки. Другой примѣръ: въ 1874 г. санитарный совѣтъ въ Массачузетсѣ разослалъ циркуляръ къ лицамъ, завѣдующимъ домами для бѣдныхъ, съ просьбою дать отвѣтъ на два вопроса: 1) сколько бѣдняковъ, содержащихся въ этихъ домахъ или получающихъ пособія, попало въ это положеніе вслѣдствіе пьянства; 2) сколько дѣтей принято въ богадѣльни вслѣдствіе пьянства ихъ родителей. Отъ 51 города получено въ отвѣтъ, что 35% всѣхъ мужчинъ попали въ эти дома вслѣдствіе пьянства; отъ 35 городовъ—40% и отъ 57—41%. По второму вопросу оказалось, что въ 27 городахъ всѣ дѣти въ богадѣльняхъ содержатся вслѣдствіе пьянства родителей. [1]

Изъ приведенныхъ данныхъ и соображеній съ достаточною ясностью выступаетъ вредъ, порождаемый пьянствомъ, какъ соціальнымъ зломъ. Въ сознаніи этого вреда и лежитъ главный стимулъ борьбы съ этимъ зломъ, задачи которой падаютъ на государство и общество. Сознаніе необходимости этой борьбы встрѣчается уже давно; но въ теченіе долгаго времени попытки ея являлись случайными, разрозненными и не имѣли замѣтныхъ результатовъ. Болѣе серьезное значеніе и большую послѣдовательность мѣры борьбы съ пьянствомъ получили лишь въ теченіе XIX столѣтія. Оно вообще характеризуется болѣе внимательнымъ отношеніемъ къ нуждамъ низшихъ слоевъ населенія, а именно—они являются жертвами пьянства въ наибольшей степени. Слѣдуетъ замѣтить также и то, что главнымъ иниціаторомъ въ этой борьбѣ въ большинствѣ странъ оказалось не государство, а общество, въ лицѣ наиболѣе просвѣщенныхъ его членовъ.

---

1. И. И. Янжулъ. Пьянство какъ соціальный недугъ (Вѣст. Евр. 1888 г., № 7.

Ранѣе другихъ за борьбу съ пьянствомъ принялась та страна, гдѣ ранѣе водворился демократическій строй: Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Честь первой попытки противопоставить оплотъ развивающемуся пьянству принадлежитъ американскому врачу Решъ, который въ 1804 г. опубликовалъ свои изысканія о вліяніи крѣпкихъ напитковъ на тѣло и умъ человѣка Подъ вліяніемъ его, нѣсколько лѣтъ спустя, образовалось первое американское общество трезвости (въ Бостонѣ). Общество это пропагандировало не совершенное воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ, но только умѣренное ихъ употребленіе. Общество это не имѣло успѣха, и въ средѣ его дѣятелей возникло убѣжденіе, что для массы народа, особенно для необразованныхъ классовъ дѣйствительнымъ средствомъ избѣжать злоупотребленія спиртными напитками можетъ служить только абсолютное воздержаніе отъ нихъ. Въ результатѣ этого убѣжденія, въ 1827 г. въ Бостонѣ было учреждено новое общество трезвости (Temperance Society), члены котораго обязывались подъ присягою совершенно не употреблять крѣпкихъ напитковъ, за исключеніемъ лекарствъ, и кромѣ того не предлагать ихъ никому и употреблять все свое вліяніе для уничтоженія причинъ и послѣдствій пьянства. Успѣхъ на этотъ разъ былъ чрезвычайный: быстро стали возникать новыя такія же ассоціаціи, и въ 1835 г. насчитывали до 8.000 обществъ трезвости съ $1^1/_2$ милліонами членовъ. Благодаря этому, 4.000 винокуренныхъ заводовъ прекратили работу и болѣе 80.000 торговцевъ закрыли свои заведенія, гдѣ продавались спиртные напитки.

Въ дальнѣйшемъ развитіи борьбы съ алкоголизмомъ въ Америкѣ, подъ вліяніемъ событій междуусобной войны 1861—1865 гг., произошла задержка. Въ арміи злоупотребленіе крѣпкими напитками приняло широкіе размѣры, такъ что этому обстоятельству приписывали весьма важные военные промахи, а въ народѣ вообще, въ эти годы возбужденнаго состоянія страны и ненормальнаго теченія государственной и общественной жизни, обнаружилось увеличеніе пьянства и ослабленіе энергіи въ дѣлѣ борьбы съ нимъ. Съ возстановленіемъ спокойствія въ странѣ, снова оживилось движеніе съ цѣлью пропаганды идей трезвости.

Этому въ значительной степени содѣйствовалъ такъ называемый „женскій крестовой походъ“ (Women's Crusade) противъ пьянства—агитація, предпринятая американскими женщинами въ 1874 году. Агитація эта велась съ большою энергіею во многихъ штатахъ, выражаясь въ экзальтированной проповѣди о вредѣ пьянства и въ горячемъ призывѣ къ воздержанію. Въ результатѣ этого движенія явилось образованіе многихъ новыхъ обществъ трезвости и оживленіе дѣятельности старыхъ. Особенное значеніе получилъ обширный національный союзъ трезвости „National Temperance Society“, образовавшійся еще въ 1865 году въ цѣляхъ объединенія усилій отдѣльныхъ обществъ трезвости (къ этому союзу примкнуло болѣе 300 обществъ). Союзъ этотъ поставилъ себѣ задачей противодѣйствовать не только потребленію крѣпкихъ напитковъ, но и производству ихъ и торговли ими, посредствомъ проведенія законодательнымъ путемъ разныхъ ограничительныхъ и запретительныхъ мѣръ. Во главѣ союза находится комитетъ изъ 36 лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ политическимъ партіямъ и вѣроисповѣданіямъ; подъ руководствомъ этого комитета на мѣстахъ дѣйствуютъ агенты союза, имѣющіеся почти въ каждой общинѣ. На дѣло пропаганды идей трезвости союзъ истратилъ въ 1865—1891 гг. болѣе 1 милліона долларовъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, подъ вліяніемъ пропаганды этого союза, и другихъ большихъ обществъ трезвости приняты законодательныя мѣры относительно воспрещенія производства и торговли спиртными напитками.

Изъ Америки движеніе въ пользу организаціи обществъ трезвости проникло въ Европу и развилось прежде всего въ Англіи, гдѣ первое такое общество возникло въ 1829 г. въ Гласговѣ. И въ Англіи была на первыхъ же порахъ допущена ошибка, сдѣланная въ Америкѣ и тормозившая успѣшную дѣятельность обществъ трезвости: они возставали не противъ употребленія спиртныхъ напитковъ вообще, а только противъ злоупотребленія ими; кромѣ того, усилія ихъ были направлены, главнымъ образомъ, противъ потребленія водки, а между тѣмъ, подъ вліяніемъ закона 1830 г. о производствѣ и продажѣ пива, пьянство въ пивныхъ приняло не менѣе обширные размѣры, чѣмъ пьянство въ ка-

бакахъ [1]. Сознаніе неуспѣшности стараній обществъ въ борьбѣ съ злоупотребленіемъ вызвало стремленіе положить въ основу ихъ дѣятельности начало полнаго воздержанія, так. наз. Teetotalism. Въ дѣлѣ пропаганды этого начала чрезвычайную энергію проявилъ ирландскій католическій патеръ Мэтью, прозванный „апостоломъ воздержанія“. Своею энергическою и воодушевленною проповѣдью (съ 1838 г. въ Ирландіи, Англіи и Америкѣ онъ, по расчетамъ современниковъ, обратилъ къ трезвости болѣе 5 милліоновъ людей. Въ Ирландіи, подъ его вліяніемъ, движеніе противъ пьянства приняло національный характеръ, и его пропаганда дала ирландскому союзу воздержанія (Irish total abstinence Association) около 1.800.000 членовъ. Потребленіе водки, составлявшее въ Ирландіи въ 1838 г. 12¼ милл. галлоновъ, упало въ 1841 году до 6½ милл. галлоновъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи обществъ трезвости въ Англіи выработались типическія черты ихъ организаціи, ихъ задачи и пріемы дѣятельности. Важнѣйшими изъ нихъ являются: устная и печатная пропаганда идей трезвости, для чего широко организуются публичныя чтенія, проповѣди и пр. и издаются и энергично распространяются газеты, журналы, брошюры и воззванія; устройство музеевъ, читаленъ, клубовъ; организація различныхъ разумныхъ развлеченій для народа: устройство лечебницъ для привычныхъ пьяницъ; воздѣйствіе на законодательство въ смыслѣ упорядоченія торговли виномъ, улучшенія его качества и пр.

Изъ многочисленныхъ англійскихъ обществъ трезвости особенно значительными по размѣрамъ своей дѣятельности являются: 1) старѣйшее изъ нихъ—„Британская лига воздержанія“ (British Temperance League)—основанное въ 1835 г., распространяющее свою дѣятельность на сѣверную и центральную части Англіи; 2) основанная 1856 г. „Національная лига воздержанія“ (National Temperance League), поставившая главною своею цѣлью борьбу съ пьянствомъ въ арміи и флотѣ; 3) „Католическая крестовая лига

[1] Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи К. 1897, стр. 46.

полнаго воздержанія“ (Catholic Total Abstinence League of the Cross), основанная въ 1872 г. съ цѣлью „соединить католиковъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, для священной борьбы съ неумѣренностью, въ видахъ поднятія уровня религіозной, соціальной и семейной жизни католическаго населенія, особенно рабочаго“. Во главѣ этого общества, насчитывавшаго уже въ 1880 г. до 200.000 членовъ, стоялъ знаменитый кардиналъ Маннингъ; 4) „Протестантскій союзъ воздержанія“ (Church of England Protestant Temperance Alliance), поставившій себѣ такія же задачи въ отношеніи къ протестантамъ. Кромѣ этихъ главныхъ ассоціацій, по всей странѣ разсѣяны общества трезвости, раздѣляющія между собою трудъ пропаганды идей трезвости въ разныхъ слояхъ населенія. Существуетъ, напр., спеціальный союзъ воздержанія среди желѣзнодорожныхъ служащихъ; союзъ воздержанія среди учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, множество женскихъ ассоціацій и т. д. Особую группу образуютъ общества, поставившія своею задачею—воздѣйствіе на законодательство съ цѣлью добиться уничтоженія или возможнаго ограниченія продажи спиртныхъ напитковъ. Въ числѣ ихъ большимъ политическимъ значеніемъ пользуется „Союзъ для упраздненія торговли напитками“ (United Kingdom Alliance for suppression of the Liquor Traffic). Въ послѣдніе годы общее число абстинентовъ въ Англіи доходило до 7 милліоновъ.

Не имѣя возможности прослѣдить исторію и значеніе обществъ трезвости во всѣхъ странахъ, замѣтимъ лишь, что значеніе это всюду было велико и особенно въ томъ смыслѣ, что оно развило въ обществѣ большой интересъ и участіе къ дѣлу борьбы съ пьянствомъ, которая подъ вліяніемъ этого вступила на путь серьезнаго и плодотворнаго развитія.

Хорошую иллюстрацію этого положенія даютъ Швеція и Норвегія. Въ нихъ общества трезвости не только подготовили надлежащую почву для борьбы съ порокомъ, оказавъ огромное воспитательное вліяніе на народъ, но и выработали совершенно новыя формы борьбы съ пьянствомъ,—столь знаменитую нынѣ Готебургскую систему.

Въ 1835 г., по примѣру американскихъ обществъ трез-

вости, въ Швеціи впервые было положено основаніе общества воздержанія. Общество это имѣло успѣхъ и вызвало къ существованію рядъ другихъ, ему подобныхъ. Потребность въ борьбѣ съ пьянствомъ была велика: размѣрами своего пьянства Швеція славилась по всей Европѣ, и еще въ XVIII в. недаромъ среди нѣмцевъ вошла въ поговорку фраза—„пьянъ, какъ шведъ“. Благодаря полной свободѣ винокуренія и питейной торговли (установленной при Густавѣ III, въ 1788 г.), имѣвшей цѣлью поощреніе сельско-хозяйственнаго винокуренія, вся Швеція покрылась винокуренными заводами; въ 1824 г. ихъ насчитывали на небольшомъ пространствѣ этой страны до 170.000. Пьянство было страшно развито. Понятно поэтому, какое значеніе должны были получить тамъ общества пропаганды трезвости. Мало-по-малу въ результатѣ явилась коренная реформа самаго законодательства: въ 1855 г. изданъ новый законъ въ смыслѣ развитія трезвости—уничтожены мелкія винокурни; установленъ строгій контроль за винокуреніемъ; торговля напитками сильно ограничена. Въ интересахъ развитія воздержанія, новый законъ постановилъ также, что въ питейныхъ заведеніяхъ должны всегда продаваться кушанья и разные съѣстные припасы; извѣстно, что на сытый желудокъ спиртуозы дѣйствуютъ слабѣе и ихъ выпиваютъ вообще меньше; запрещено было также отпускать вино подъ залогъ вещей. Кромѣ того, законъ 1855 г. опредѣлилъ, что если въ городахъ составятся компаніи, готовыя взять въ свое исключительное вѣдѣніе всѣ мѣста питейной торговли или даже нѣкоторыя, то городское управленіе, удостовѣрившись въ благонадежности такой компаніи, можетъ отдать ей это право въ аренду.

Вотъ это-то положеніе закона 1855 г. и дало толчекъ развитію „Готебургской системы“. Весьма скоро обнаружилось на практикѣ, что старанія закона обратить кабаки въ съѣстныя лавочки и столовыя для народа остались на бумагѣ. Въ дѣйствительности все шло по старому: для обхода же закона въ каждомъ кабакѣ держалось какое-нибудь блюдо съ картофелемъ, никогда не потребляемое, а стремленія кабатчиковъ увеличить свои барыши не могли удержать ихъ отъ риска отпускать водку въ долгъ или подъ залогъ вещей. И вотъ въ 60-хъ годахъ въ Готебургѣ пасторъ Визельгренъ,

горячій филантропъ и приверженецъ идей трезвости, рѣшился воспользоваться указаніями закона и началъ хлопотать передъ городскимъ управленіемъ объ ограниченіяхъ питейной торговли и объ отдачѣ ее имѣющему образоваться для того обществу. Первоначально эта попытка не удалась: интересы 136 кабатчиковъ оказались слишкомъ сильными, и городское управленіе отвѣтило, что оно не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ это дѣло. Когда же въ 1863 г. вопросъ былъ снова поставленъ на очередь, то городское управленіе (обновленное въ своемъ составѣ, благодаря новому закону о производствѣ городскихъ выборовъ) отнеслось съ нему съ большимъ вниманіемъ и рѣшило назначить особую комиссію для изслѣдованія причинъ обѣдненія рабочихъ классовъ населенія. Въ результатѣ изысканій этой комиссіи установлено было, что пьянство является одною изъ главныхъ причинъ бѣдственнаго положенія этихъ классовъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Комиссія остановилась также и на вопросѣ о томъ, какими средствами можно было бы предотвратить дальнѣйшее развитіе зла. По ея мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразною мѣрою должно быть признано коренное измѣненіе системы продажи спиртныхъ напитковъ, а именно—передача ея всецѣло въ руки акціонерной компаніи, которая не преслѣдовала бы цѣлей извлеченія возможно большаго дохода отъ продажи питей, а имѣла бы въ виду исключительно благо населенія. По заключенію комиссіи, компанія должна ограничиваться полученіемъ небольшого процента (5%) на затрачиваемый ею капиталъ, а весь остальной доходъ долженъ поступать въ городскую казну и идти на дѣло улучшенія быта рабочаго класса. Въ самой организаціи питейной торговли должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы лица, производящія ее, не были заинтересованы въ продажѣ питей; они должны получать опредѣленное содержаніе за свой трудъ, получая сверхъ того лишь доходъ отъ продажи ими всякаго рода кушаньевъ, съѣстныхъ припасовъ и неспиртныхъ напитковъ. Вотъ тѣ основанія, которыя были выработаны городскою комиссіею, одобрены городскимъ управленіемъ и которыя составили собою важнѣйшія отличительныя черты „Готебургской системы“. За осуществленіе ея принялась (съ

1 октября 1865 г.) „Готебургская акціонерная питейная компанія“, образовавшаяся изъ промышленныхъ фирмъ и частныхъ лицъ.

Сущность готебургской системы заключается, такимъ образомъ, въ томъ, что на продажу спиртныхъ напитковъ устанавливается монополія, которая, принадлежа городу, фактически передается въ руки акціонерной компаніи, дѣйствующей на началахъ отчасти коммерческихъ, отчасти филантропическихъ [1]). Начало коммерческое выражается въ томъ, что компанія получаетъ обычный процентъ на вкладываемый ею въ дѣло капиталъ, благодаря чему не можетъ быть недостатка въ лицахъ, готовыхъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Начало филантропическое выражается въ томъ, что акціонеры отказываются отъ всякаго барыша, превышающаго 5%, предназначая весь излишекъ на общественныя надобности. При такихъ условіяхъ оказывается устраненнымъ, въ дѣлѣ питейной торговли, всякій личный интересъ, служащій непреоборимымъ тормозомъ къ достиженію моральныхъ цѣлей системы свободной продажи крѣпкихъ напитковъ. Сосредоточеніе этой продажи въ рукахъ компаніи, дѣлая невозможною конкуренцію, позволяетъ ей принимать всѣ мѣры къ сокращенію числа мѣстъ продажи, а также и времени производства ея. Въ частности, важнымъ условіемъ для цѣлей уменьшенія пьянства является требованіе, чтобы въ питейныхъ заведеніяхъ продавались кушанья, главнымъ образомъ, горячія, такъ какъ они значительно ослабляютъ позывъ въ водкѣ и смягчаютъ вліянія алкоголя на организмъ. Вліяніе этой стороны дѣла обезпечивается предоставленіемъ выручки отъ продажи кушаньевъ въ пользу агентовъ компаніи по производству самой продажи. Въ цѣляхъ пріученія населенія къ трезвости, готебургская система обращаетъ особенное вниманіе на развитіе такихъ учрежденій, какъ дешевыя столовыя и читальни, которыя обезпечиваютъ простолюдину возможность провести часы отдыха въ общеніи съ другими, не подвергаясь соблазнамъ вина. Но и самыя питейныя заведенія по готебургской системѣ носятъ скорѣе характеръ столовыхъ, чѣмъ кабаковъ въ обычномъ смыслѣ

[1] Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ. Стр. 75.

слова, при чемъ всегда обращается вниманіе на то, чтобы помѣщенія были просторныя, опрятныя, гигіеничныя.

Примѣненіе изложенной системы на практикѣ дало весьма удовлетворительные результаты. Въ Готебургѣ до введенія новой системы городское управленіе сдавало съ торговъ 72 мѣста продажи питей. Компанія же нашла возможнымъ на первыхъ же порахъ своей дѣятельности ограничиться 36 мѣстами, а въ послѣдующіе годы постепенно сократило ихъ число до 19—въ 1893 г., несмотря на то, что населеніе города увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое (въ 1865 г. оно составляло 45.750, а въ 1893 г.—106.300). Компанія устроила 4 столовыхъ (въ нихъ ежедневно отпускалось въ 1893 г. около 700 порцій) и 5 читаленъ, снабженныхъ книгами, журналами и газетами; въ 1893 г. число посѣщеній доходило до 217.000). По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ продажа спиртныхъ напитковъ въ помѣщеніяхъ компаніи не производится вовсе, за исключеніемъ рюмки передъ обѣдомъ. Въ будніе дни компанія также нашла возможнымъ сократить время производства торговли: тогда какъ законъ запрещаетъ продажу питей въ будни лишь послѣ 10 часовъ, питейные дома компаніи закрываются осенью и зимою въ 7 час. веч., а въ остальное время года—въ 8 час. веч. Съ другой стороны, компанія пошла дальше закона и въ дѣлѣ ограниченія продажи спиртныхъ напитковъ несовершеннолѣтнимъ: законъ запрещаетъ продажу недостигшимъ 15 лѣтъ, компанія распространила это запрещеніе на молодыхъ людей до 18-ти лѣтняго возраста.

О сокращеніи пьянства въ Готебургѣ подъ вліяніемъ новой системы свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры. Въ 1875 году потребленіе водки въ мѣстахъ распивочной продажи составляло на каждаго жителя $11{,}_3$ кварты въ годъ, а въ 1892 г.—$5{,}_1$ кв.; съ другой стороны, отпускъ вина изъ мѣстъ торговли на выносъ понизился съ $15{,}_3$ кварты на жителя въ 1875 г. до $8{,}_1$ квар. въ 1892 г. Общее же количество потребленія, разсчитанное на 1 жителя, сократилось за тотъ же періодъ времени съ 29 до $14{,}_3$ кварты.

Зародившись въ Готебургѣ, новая система продажи крѣпкихъ напитковъ быстро распространилась и въ другихъ мѣстностяхъ Швеціи, а также и въ Норвегіи (и въ Фин-

ляндіи). Въ Швеціи въ половинѣ 90-хъ годовъ существовало уже 88 компаній для продажи питей по готебургской системѣ; только въ 13 небольшихъ городахъ сохранилась еще старая система продажи съ публичныхъ торговъ патентовъ на торговлю спиртными напитками. Общее потребленіе этихъ напитковъ въ Швеціи значительно сократилось за время дѣйствія новой системы: въ 1861—1865 г. на каждаго жителя приходилось въ среднемъ 11,3 квартъ, а въ 1886—1890 гг.—7,4 кварты.

Въ Норвегіи замѣчается еще большее уменьшеніе потребленія спиртныхъ напитковъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ постепеннымъ расширеніемъ примѣненія готебургской системы. Такъ, въ 1876 г., когда по этой системѣ продавали 8,3% всего количества вина, потребляемаго страною, среднее потребленіе каждаго жителя составляло 7 квартъ; въ 1893 г., когда по готебургской системѣ продавалась почти половина (49,1%) всего вина, потребленіе каждаго жителя составляло уже только 3,3 кварты.

Въ 1894 г. въ Норвегіи изданъ законъ, который составляетъ дальнѣйшій шагъ въ борьбѣ съ пьянствомъ и отъ примѣненія котораго ожидаются очень значительные результаты. Этимъ закономъ совершенно воспрещается продажа водки внѣ городовъ. Кромѣ того, предѣльный размѣръ розничной продажи повышается съ 40 литровъ (3,2 ведра) до 250 литровъ (20 ведеръ). Эта послѣдняя мѣра должна значительно повліять на сокращеніе потребленія, такъ какъ розничная торговля находится въ рукахъ компаніи, приказчики которой не заинтересованы въ продажѣ. Изъ дальнѣйшихъ постановленій закона 1894 г. заслуживаютъ вниманія слѣдующія: 1) отдача права на содержаніе питейныхъ заведеній въ городахъ предоставляется не городскому совѣту, какъ прежде, а всему городскому населенію, старше 25-лѣтняго возраста, не исключая женщинъ, при чемъ рѣшеніе постановляется простымъ большинствомъ голосовъ и сохраняетъ силу въ теченіе пяти лѣтъ. При этомъ прежде городу представлялся выборъ между отдачей питейной торговли частному лицу или акціонерному обществу; по закону же 1894 г. городъ можетъ совершенно воспретить питейную торговлю, при разрѣшеніи же ея онъ обязанъ предоставить

ее акціонерному обществу; 2) прибыль, выручаемая акціонерными обществами, за удержаніемъ 5%, распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 65% вносятся въ государственное казначейство и образуютъ пенсіонный капиталъ для рабочихъ, 15% поступаютъ въ кассы тѣхъ общинъ какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, въ которыхъ питейной торговли не производится, и только 20% поступаютъ въ пользу городовъ, изъ которыхъ эта прибыль поступила; 3) поступающіе въ пользу городовъ и сельскихъ общинъ 15% и 20% прибылей должны быть употребляемы исключительно на борьбу съ пьянствомъ, напр., на пособіе обществамъ трезвости, на открытіе общеполезныхъ учрежденій и пр. [1]

Таковы главныя основанія готебургской системы, ея организація и нѣкоторые результаты. Было бы преувеличеніемъ считать эту систему панацеею въ борьбѣ съ пьянствомъ, видѣть въ ней средство къ окончательному искорененію его, тѣмъ болѣе, что въ примѣненіи ея изслѣдователями констатированы были нѣкоторые недочеты, особенно въ Швеціи, гдѣ, напр., параллельно съ несомнѣннымъ сокращеніемъ потребленія вина очень значительно возросло потребленіе пива. Но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ этой системѣ одного изъ наиболѣе удовлетворительныхъ пріемовъ въ борьбѣ съ пьянствомъ, выработанныхъ подъ вліяніемъ того движенія, которое велось въ разныхъ странахъ обществами трезвости.

Въ заключеніе обзора развитія обществъ трезвости нельзя не упомянуть о нѣсколькихъ *международныхъ* обществахъ, преслѣдующихъ задачи борьбы съ пьянствомъ и пропаганды идей трезвости.

Наиболѣе распространеннымъ изъ нихъ является „Орденъ Добрыхъ Храмовниковъ“, организованный на подобіе массонскихъ ложъ. Онъ былъ основанъ въ 1851 г. въ штатѣ Нью-Іоркъ, а въ послѣдующіе годы распространился въ другихъ мѣстностяхъ Америки и за ея предѣлами. Изъ европейскихъ странъ онъ проявляетъ особенно энергичную дѣятельность въ Англіи (гдѣ въ 1887 г. было 285.000 членовъ,

[1] Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Вып. I (Спб. 1898 г.), докладъ И. Р. Минцлова о монополіи торговли спиртными напитками, стр. 63.

раздѣленныхъ на 7746 ложъ), Швейцаріи, Германіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи. Вступающіе въ члены ордена даютъ обѣтъ полнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ; кромѣ того, они не должны заниматься винокуреніемъ, продавать ячмень пивоварамъ или отдавать свой домъ въ наемъ подъ питейныя или трактирныя заведенія. Требованіе одной умѣренности орденъ считаетъ опаснымъ, такъ какъ этимъ только поощряется злоупотребленіе напитками. Наибольшее вниманіе въ дѣятельности ордена обращается на поддержаніе постояннаго общенія между членами его, устройство собраній, которыя замѣняли бы собою трактиръ. Въ послѣдніе годы число членовъ ордена въ разныхъ странахъ превышало $1^1/_2$ милліона.

„Орденъ Голубой Ленты“ (Blue Ribbon Army), съ болѣе простою организаціею, преслѣдуетъ менѣе широкія задачи. Члены его обязываются только не потреблять спиртныхъ напитковъ; что же касается производства и продажи напитковъ, то пока государство допускаетъ ихъ, они считаютъ это необходимымъ зломъ, противъ котораго нечего бороться, вслѣдствіе чего орденъ держится вдали отъ положительной агитаціи. Онъ распространенъ особенно въ Америкѣ и Англіи, а въ послѣднее время и въ Скандинавскихъ государствахъ.

»Орденъ Голубого Креста“ (La Croix Bleue) основанъ въ Женевѣ въ 1877 г.; кромѣ Швейцаріи, распространенъ во Франціи, Бельгіи и Германіи. Это общество предъявляетъ къ своимъ участникамъ умѣренныя требованія. Члены его раздѣляются на соревнователей, принимающихъ на себя обязанность воздержанія на короткое время,—„дѣйствительныхъ“, которые, исполнивъ обѣтъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, возобновляютъ его по крайней мѣрѣ на одинъ годъ,—и „друзей“, которые, не обязываясь лично къ воздержанію, желаютъ содѣйствовать цѣлямъ общества другими путями. Союзъ имѣетъ свой органъ „Kalender des Blauen Kreuzes“, издаваемый съ 1883 г. на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; онъ издаетъ также нѣсколько ежемѣсячныхъ журналовъ, посвященныхъ борьбѣ съ пьянствомъ.

Въ Швейцаріи же въ 1887 г. возникло еще „Международное общество борьбы съ алкоголизмомъ (International Verein zur Bekämpfung des Alkoholismus). Толчекъ къ образованію этого общества данъ былъ собравшимся въ Цюрихѣ въ томъ же году „Международнымъ конгрессомъ противъ злоупотребленія спиртными напитками“. Главную роль въ созданіи общества игралъ извѣстный проф. Форель, дѣятельный поборникъ идеи борьбы съ алкоголизмомъ. Отъ членовъ общества требуется полное воздержаніе. Дѣятельность его направлена на борьбу съ пьянствомъ въ Швейцаріи, а съ другой стороны она имѣетъ международный характеръ. Общество заботится о веденіи международной статистики пьянства, организуетъ свои отдѣленія въ другихъ странахъ, издаетъ международный органъ трезвости, устраиваетъ международные конгрессы по вопросамъ борьбы съ алкоголизмомъ и т. д. Общество съ 1891 г. издаетъ ежемѣсячный журналъ—„Internationale Monatsschrift zur Bekämpfung der Trinksitten“.

Въ разсмотрѣнныхъ предпріятіяхъ противъ пьянства выступаетъ частная иниціатива, дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣются въ виду преимущественно мѣры, принимаемыя государствомъ частью въ цѣляхъ сокращенія размѣровъ пьянства, частью съ цѣлью уменьшенія и ослабленія вредныхъ послѣдствій его.

Одною изъ наиболѣе обычныхъ мѣръ является ограниченіе права продажи спиртныхъ напитковъ и тщательный надзоръ за распивочными заведеніями и мелкою торговлею спиртными напитками.

Опытъ показываетъ, что соблазнъ къ пьянству усиливается тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще, удобнѣе и дешевле представляется случай къ удовлетворенію потребности въ спиртныхъ напиткахъ. Тамъ, гдѣ торговля спиртными напитками признается свободною, число питейныхъ заведеній растетъ не сообразно естественной потребности въ нихъ, а сообразно силѣ сопротивленія, какую можетъ оказать населеніе соблазну пьянства. Чѣмъ слабѣе сила этого сопротивленія, тѣмъ скорѣе ростетъ число питейныхъ заведеній и тѣмъ больше, слѣдовательно, распространяется пьянство. Поэтому во всѣхъ государствахъ открытіе питейныхъ заведеній подлежитъ болѣе или менѣе значительнымъ ограниченіямъ. Открытіе ихъ можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ въ силу

особаго разрѣшенія подлежащихъ административныхъ властей. При выдачѣ этого разрѣшенія во многихъ государствахъ принимаются во вниманіе нравственныя качества содержателей такихъ заведеній. Такъ, напр., въ Германіи промысловый уставъ 1869 года предусматриваетъ возможность отказа въ разрѣшеніи открыть питейное заведеніе, если противъ лица, желающаго заняться этимъ промысломъ, будутъ представлены факты, дающіе поводъ предполагать, что оно будетъ злоупотреблять этимъ промысломъ ради споспѣшествованія пьянству, запрещеннымъ играмъ, притонодержательству или безнравственности. Позднѣе Имперскій законъ 23 іюня 1879 г. создалъ мѣру также весьма существенную, съ цѣлью ограниченія питейныхъ заведеній, именно: онъ предоставилъ союзнымъ правительствамъ право признавать выдачу разрѣшенія на открытіе питейныхъ заведеній зависимою отъ представленія доказательствъ въ ихъ потребности.

Въ связи съ этимъ обычнымъ средствомъ борьбы противъ распространенія пьянства является ограниченіе самой продажи спиртныхъ напитковъ и опредѣленнымъ временемъ. Торговля ими дозволяется лишь до наступленія такъ называемаго „полицейскаго часа“. Эта мѣра обычная во всѣхъ государствахъ.

Иногда съ цѣлью борьбы съ пьянствомъ принимаются и еще гораздо болѣе рѣшительныя мѣры. Особенно энергичныя мѣры приняты были въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Подъ вліяніемъ пропаганды обществъ трезвости, въ штатѣ Мэнъ въ 1851 г. изданъ былъ строгій запретительный законъ (Maine Liquor Law). Сущность его заключается въ томъ, что онъ всецѣло запрещаетъ производство и продажу спиртныхъ напитковъ (за исключеніемъ сидра и туземнаго вина); исключеніе допущено лишь для медицинскихъ или мануфактурныхъ цѣлей, такъ что спиртные напитки можно получать тамъ не иначе, какъ по рецепту врача или съ особаго разрѣшенія муниципальныхъ властей, которыми и производится продажа. Виновный въ нарушеніи закона подвергается тюремному заключенію до 2-хъ мѣсяцевъ и уплатѣ штрафа 1.000 долларовъ. Даже лицо, найденное пьянымъ въ собственномъ домѣ, подлежитъ

заключенію до 30 дней, а родственники пьянаго имѣютъ право иска по отношенію къ лицу, продавшему ему напитокъ. Подобные же законы были приняты и въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ. Въ общемъ, однако, эти безусловно запретительныя мѣры не нашли себѣ широкаго распространенія. Въ настоящее время онѣ существуютъ лишь въ шести штатахъ—Мэнѣ, Канзасѣ, Айовѣ, Сѣверной Дакотѣ, Нью-Гемпширѣ и Вермонтѣ, и въ территоріи Аляски.

Я упомянулъ о штрафѣ, которому угрожаетъ законъ Мэна лицу напившемуся. Это средство въ тѣхъ или другихъ формахъ и размѣрахъ практикуется во многихъ государствахъ. Такъ, въ Германіи имперскій уголовный кодексъ угрожаетъ арестомъ тѣмъ лицамъ, которыя предаются пьянству въ такой сильной степени, что впадаютъ въ нищету и потому бываютъ принуждены прибѣгать къ чужой помощи при посредствѣ учрежденій, чтобы прокормить себя и тѣхъ, кого они сами обязаны содержать. На основаніи судебнаго приговора мѣстныя полицейскія власти уполномочены заключить въ рабочій домъ срокомъ до 2-хъ лѣтъ осужденнаго пьяницу, по отбытіи имъ наказанія, или же отправить его на общественныя работы. Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ (Швеціи, Англіи, Франціи, Австріи и друг.) штрафъ грозитъ тѣмъ лицамъ, которыя будутъ найдены въ питейныхъ заведеніяхъ, на улицахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ въ состояніи явнаго опьянѣнія или въ состояніи, нарушающемъ общественную благопристойность.

Аналогичныя мѣры встрѣчаемъ мы и въ нашемъ законодательствѣ. Такъ, въ уставѣ о наказаніяхъ, налаг. мировыми судьями, статья 42 гласитъ: „За появленіе въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства или въ безобразномъ отъ опьянѣнія видѣ, виновные подвергаются—аресту не свыше 7 дней или денежному взысканію не свыше 25 рублей“. Въ связи съ этимъ укажемъ и на слѣдующее предписаніе „устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“. Ст. 154 (т. XIV, изд. 1890 г.) гласитъ [1]: „на

[1] Это предписаніе помѣчено гг. 1722, 1738 и 1837.

обязанность полиціи возлагается смотрѣть, чтобы по улицамъ и переулкамъ пьяныхъ не было и чтобы тѣ, которые по улицамъ и переулкамъ кричатъ и пѣсни поютъ, ночью въ неуказанные часы ходятъ и въ пьяномъ видѣ шатаются, были забираемы и отсылаемы подъ стражу". Рядомъ съ этой статьею находимъ и общее предписаніе [2] о пьянствѣ (болѣе платоническаго свойства): „Запрещается всѣмъ и каждому пьянство" (ст. 153).

Въ интересахъ уменьшенія вреда отъ пьянства большое значеніе придается слѣдующему обстоятельству. Замѣчено, что на усиленіе или ослабленіе пьянства имѣютъ прямое вліяніе родъ напитка и качество его. Цѣлый рядъ данныхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что вредныя послѣдствія пьянства возрастаютъ пропорціонально количеству алкоголя или водки, выпиваемой сравнительно съ другими напитками. Такъ, изъ двухъ странъ, Баваріи и Пруссіи, въ первой потребляется пива въ 4 раза больше, нежели во второй, и почти настолько же меньше водки; между тѣмъ въ Пруссіи алкоголиковъ въ 4 раза больше, чѣмъ въ Баваріи. Понятно отсюда, какую огромную разницу въ смыслѣ пьянства дѣлаетъ въ странѣ потребленіе тѣхъ напитковъ, которые наиболѣе содержатъ алкоголя. Всѣ особенно пагубныя послѣдствія для организма человѣка отъ злоупотребленія спиртными напитками проистекаютъ преимущественно при употребленіи водки. „Опытъ учитъ,—говоритъ проф. Розенталь, — что собственно болѣзни пьяницъ случаются чаще тамъ, гдѣ пьютъ водку въ большомъ количествѣ; что, напротивъ, въ странахъ виноградного вина и пива эти болѣзни сравнительно рѣдки и проявляются въ легкихъ формахъ".

Въ виду этого, одною изъ мѣръ (правда, палліативныхъ) къ ослабленію вреда отъ пьянства признается возможно большая замѣна напитковъ крѣпкихъ, съ большимъ содержимымъ алкоголя, напитками болѣе слабыми.

Весьма важенъ также тщательный контроль за приготовленіемъ и очисткой спиртныхъ напитковъ. На париж-

[2] Помѣчено гг. 1782, 1839 и 1845.

скомъ международномъ конгрессѣ 1878 г. было высказано, между прочимъ, слѣдующее положеніе: „правительства обязаны не только противодѣйствовать злоупотребленію алкогольными напитками съ помощью законодательныхъ мѣропріятій и стараться ихъ подавить, но и употреблять также всѣ усилія къ тому, чтобы водка, предназначенная для потребленія, была по возможности лучше очищена и ректификована". Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, до сихъ поръ сдѣлано очень мало. Какъ на одну изъ мѣръ въ этой области, можно указать на законъ 1887 г. въ Финляндіи, по которому продажная водка „не только не должна заключать какихъ-либо вредныхъ примѣсей, но должна быть очищена отъ сивушныхъ маслъ" (именно присутствію въ большихъ дозахъ этого сивушнаго масла приписываютъ болѣзни хроническаго алкоголизма, delirium tremens). Съ введеніемъ у насъ казенной продажи на ректификацію также обращено большое вниманіе.

Въ послѣднее время все сильнѣе устанавливается воззрѣніе на пьянство не столько какъ на порокъ, сколько на болѣзнь. Вотъ это-то воззрѣніе и служитъ источникомъ новаго средства борьбы съ пьянствомъ—его леченія. Съ этою цѣлью устраиваются особые пріюты и лечебницы для алкоголиковъ.

Починъ въ дѣлѣ развитія такихъ учрежденій принадлежитъ Америкѣ, гдѣ, какъ было указано, впервые зародились и общества трезвости. Первая лечебница для алкоголиковъ была основана въ началѣ 50-хъ годовъ въ штатѣ Нью-Іоркъ на частныя средства съ правительственной субсидіей. Въ 1865 году изданъ былъ законъ, который уполномочиваетъ общественныя власти „обязательно помѣщать въ это убѣжище на время, не превышающее одного года, всякаго хроническаго пьяницу, если имѣется письменное свидѣтельство двухъ врачей и двухъ гражданъ-собственниковъ, что пьяница этотъ потерялъ контроль надъ собою, неспособенъ вслѣдствіе невоздержанности блюсти свои дѣла и находится въ такомъ состояніи, что представляется опаснымъ оставлять его на свободѣ". Подобныя же мѣры были приняты и въ другихъ штатахъ. Въ половинѣ 90 годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ было около 50 лечебныхъ заве-

деній для алкоголиковъ. Успѣшность ихъ дѣятельности, какъ показываетъ опытъ, находится въ прямой зависимости отъ количества времени, въ теченіе котораго алкоголики находятся на излеченіи. Въ среднемъ, около 37% всѣхъ больныхъ, послѣ содержанія въ теченіе одного года, выходятъ изъ лечебницы вполнѣ излеченными.

Изъ европейскихъ странъ къ устройству лечебницъ для алкоголиковъ ранѣе другихъ приступила Англія, въ которой въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ было основано 24 такихъ заведенія. Но успѣхъ ихъ дѣятельности въ значительной степени тормозился отсутствіемъ закона объ обязательномъ помѣщеніи алкоголиковъ въ лечебницы. Въ 1895 г. изданъ законъ, дозволяющій въ нѣкоторыхъ случаяхъ принудительное помѣщеніе.

Болѣе раціонально поставлено это дѣло въ Швейцаріи. Въ силу швейцарской конституціи, съ правомъ кантоновъ на полученіе доходовъ отъ винной монополіи сопряжена обязанность—„изъ полученныхъ доходовъ по крайней мѣрѣ 10% затрачивать на борьбу какъ съ причинами, такъ и съ послѣдствіями алкоголизма“. Обыкновенно извѣстная часть этихъ средствъ и идетъ на содержаніе или субсидированіе лечебницъ для алкоголиковъ. Съ другой стороны, въ Швейцаріи получаетъ примѣненіе и принципъ принудительнаго помѣщенія алкоголиковъ. Такъ, въ кантонѣ Сенъ-Галленъ въ 1894 г. изданъ законъ, по которому помѣщеніе алкоголиковъ въ лечебницы можетъ производиться не только съ согласія или по желанію паціентовъ, но и противъ ихъ воли, по постановленію муниципальнаго совѣта, на основаніи медицинскаго свидѣтельства, что данное лицо страдаетъ алкоголизмомъ и нуждается въ леченіи. Продолжительность пребыванія въ лечебницѣ опредѣляется отъ 9 до 18 мѣсяцевъ и въ случаяхъ рецидива можетъ быть еще увеличена. Содержаніе несостоятельныхъ больныхъ производится на средства кассы для бѣдныхъ, а иногда и на счетъ правительства. Изъ существующихъ въ Швейцаріи лечебницъ для алкоголиковъ образцовою считается лечебница въ Елликонѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ. Практика Швейцарскихъ лечебницъ съ особою убѣдительностью указываетъ, что успѣшность леченія зависитъ отъ продолжительности его: тогда какъ для лицъ, пробывшихъ въ лечебницѣ не болѣе 4 мѣсяцевъ, случаи излеченія составляютъ 33%, они возвышаются до 71% для пробывшихъ въ лечебницѣ отъ 4 до 12 мѣсяцевъ.

Мѣры противъ пьянства въ Россіи.

Въ послѣдніе годы борьба съ пьянствомъ заняла видное мѣсто въ ряду тѣхъ вопросовъ, которые привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе со стороны правительства и общества. Съ 1894 г. въ финансовомъ управленіи началась работа по постепенному введенію у насъ коренной реформы питейнаго дѣла—установленію казенной продажи вина. При этомъ особое вниманіе при разработкѣ этой реформы, касающейся прежде всего интересовъ фискальныхъ, удѣлено было и вопросамъ о способахъ уменьшенія пьянства и обезпеченія населенія отъ вредныхъ послѣдствій его. Съ другой стороны, въ печати, выразительницѣ общественныхъ интересовъ, никогда до сихъ поръ борьба съ пьянствомъ не привлекала къ себѣ такого дѣятельнаго вниманія, какъ въ послѣдніе годы. Эта борьба получаетъ значеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренняго управленія современной Россіи. Но прежде, чѣмъ остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ мѣръ, которыя принимаются въ этой области новѣйшимъ законодательствомъ, необходимо ознакомиться, хотя бы вкратцѣ, съ положеніемъ этого вопроса въ прежнее время.

Пьянство составляетъ исконное зло русскаго народа. Памятники древне-русской письменности свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи его уже въ отдаленнѣйшія эпохи исторіи Россіи. „Руси веселіе есть пити—не можемъ безъ того быти“—таковъ, по словамъ лѣтописца, былъ одинъ изъ мотивовъ, побудившихъ великаго князя Владиміра отвѣтить отказомъ отъ принятія мусульманскаго закона, неблагопріятно относящагося къ потребленію крѣпкихъ напитковъ. „Хотя представляется болѣе, нежели вѣроятнымъ, что такихъ словъ князь Владиміръ никогда не высказывалъ, что эти слова, какъ и всѣ повѣствованія о выборѣ имъ

религіи, являются однимъ изъ легендарныхъ измышленій, которыми такъ богата наша начальная лѣтопись, тѣмъ не менѣе,—замѣчаетъ проф. Загоскинъ, [1] — уже тотъ фактъ, что древній лѣтописецъ кіевскій влагаетъ такія слова въ уста просвѣтителя Россіи, представляется характернымъ въ дѣлѣ сужденія объ исконной приверженности нашихъ предковъ къ крѣпкимъ напиткамъ". Объ этой приверженности сохранились и болѣе достовѣрныя свидѣтельства. О ней говорятъ и разсказы лѣтописей о древнихъ тризнахъ, сопровождавшихся обильными попойками, и повѣствованія былинъ нашего героическаго эпоса, въ которыхъ идеализируется пьяный разгулъ, изображаемый въ самыхъ яркихъ краскахъ, и въ особенности старанія духовенства отвратить свою паству отъ злоупотребленія напитками. Такъ, одинъ изъ подвижниковъ древней русской церкви, Ѳеодосій Печерскій, учитъ въ своемъ „Словѣ о пьянствѣ", что—„пить можно, но въ законъ, во время и въ славу Божію". Такого рода пастырскія увѣщанія представляютъ собою и наиболѣе ранній способъ борьбы съ пьянствомъ, съ цѣлью воздѣйствія на религіозно-нравственную сторону человѣка.

Въ послѣдующіе вѣка пьянство не уменьшается, принимаетъ хроническій характеръ, становится кореннымъ народнымъ порокомъ. Особенно поражаются имъ иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVI и XVII в. „Несчастные работники и ремесленники,—пишетъ въ своихъ запискахъ англичанинъ Флетчеръ,—часто истрачиваютъ въ кабакахъ все то, что должны были бы принести своимъ женамъ и дѣтямъ; часто можно видѣть, какъ они пропиваютъ даже одежду и остаются совершенно голыми". А вотъ что говоритъ Олеарій, саксонскій ученый, посѣтившій Россію въ первой половинѣ XVII в. и тщательно изучившій русскіе нравы того времени: „русскіе преданы пьянству болѣе всякаго другого народа въ мірѣ. Когда они не въ мѣру напьются, то, какъ необузданные звѣри, неистово предаются всему, къ чему побуждаютъ ихъ страстныя желанія. Порокъ пьянства,—продолжаетъ Олеарій,—одинаково распространенъ

[1]. Н. Загоскинъ. Пьянство и борьба съ нимъ въ древней Россіи (Русск. Богат., апрѣль 1893 г.).

въ русскомъ народѣ во всѣхъ сословіяхъ, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, духовными и свѣтскими, высшими и низшими, до такой степени, что видъ валяющагося въ грязи пьянаго человѣка—здѣсь явленіе самое обыкновенное".

Едва ли можно заподозрѣть въ невѣрности или преувеличенности эти показанія иностранцевъ. Съ ними вполнѣ согласуются и свидѣтельства отечественныя, показанія такихъ лицъ, у которыхъ нѣтъ повода предполагать пристрастное отношеніе. Вотъ что, напр., говоритъ Юрій Крижаничъ, при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ русскому народу, съ которымъ онъ, по происхожденію хорватъ, сроднился долгою жизнью въ Москвѣ, куда онъ былъ вызванъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: „преимущественно же передъ всѣми народами свойственно намъ пьянство. Можно обойти весь свѣтъ и нигдѣ не найти такого мерзкаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, какъ здѣсь, на Руси". Съ другой стороны, о томъ же явленіи говорятъ и оффиціальные документы. Такъ, въ актахъ Стоглаваго собора (полов. XVI в.), рисующихъ неприглядную картину нравственнаго положенія общества того времени, мы видимъ упоминаніе о широкомъ развитіи пьянства, и въ частности среди духовенства. Постановленія собора ополчаются противъ пьянства чернаго духовенства и, съ цѣлью парализовать его развитіе, разрѣшаютъ держать въ монастыряхъ только квасы и фряжскія вина, но отнюдь не хмельныя питія, а тѣмъ менѣе «горячее вино», ибо, говоритъ Стоглавъ, „пьянство—начало и конецъ всѣмъ злымъ дѣламъ". Соборомъ приняты мѣры и по отношенію къ членамъ бѣлаго духовенства, которые „учнуть жити въ слабости и пьянствѣ и въ прочихъ неподобныхъ дѣлахъ".

Такими отдѣльными мѣропріятіями и поученіями противъ пьянства съ церковной каѳедры и ограничиваются проявленія борьбы съ народнымъ порокомъ въ теченіе многихъ вѣковъ нашей исторіи. Непреодолимымъ препятствіемъ въ этой борьбѣ являлось фискальное значеніе питейнаго дѣла. Доходъ отъ него составлялъ издавна одну изъ вѣрнѣйшихъ статей бюджета, и правительство проявляло постоянную заботливость о возможно болѣе выгодной постановкѣ питейнаго дѣла, и, когда сталкивались интересы казны

и интересы огражденія населенія отъ чрезмѣрнаго пьянства, этимъ послѣднимъ интересамъ приходилось поступаться. Отъ конца XVI и XVII ст. сохранилось немало донесеній областныхъ воеводъ о томъ, что кабаки разоряютъ народъ; но въ отвѣтъ на эти донесенія московское правительство внушало имъ, что они „пишутъ не дѣломъ и плохо радѣютъ о государевой прибыли“. Приведу одинъ характерный образецъ распоряженія Московскаго правительства въ области питейнаго дѣла, сообщаемый проф. Дитятинымъ въ его работѣ „Царскій кабакъ Московскаго государства“ [1]. „Докладываютъ въ Москву воеводы, что на ихъ кабакѣ всѣ пропились, одолжали, обнищали; доходамъ кабацкимъ грозитъ огромный „недоборъ“; что, по ихъ мнѣнію, кабакъ нужно бы закрыть, чтобы вдостоль все не разорить: по крайней мѣрѣ нужно бы „отъ кабацкаго питья унимать“, но что безъ царскаго указу они „унимать не смѣютъ“. Ждутъ этого указа. Онъ не замедлилъ получиться, но съ отвѣтомъ для челобитчиковъ совсѣмъ неожиданнымъ: „и вы пишете къ намъ—говорится отъ имени царя—не радѣя о нашемъ дѣлѣ, что кабакъ хотите оставить... Передъ васъ многіе на Верхотурѣ воеводы бывали, а о томъ кабакѣ къ намъ не писывали... и вы, дѣлая лѣностью своею и не хотя намъ служить, пишете къ намъ не дѣломъ“. За этимъ выговоромъ слѣдуетъ такое предписаніе: „и вы-бъ велѣли учинить законъ крѣпкій, чтобъ на кабакѣ... не пропивалися... и сами бы есте къ тому призирали почасту, чтобъ... кабацкихъ денежныхъ доходовъ передъ прежними годы собрати съ прибылью... чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ, чтобъ нашей казнѣ была прибыль“. Такимъ образомъ указъ этотъ ставилъ передъ воеводами дилемму неразрѣшимую—кабакъ долженъ процвѣтать и приносить все большую прибыль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народъ не долженъ пропиваться. Естественно при такихъ условіяхъ, что органы питейнаго управленія—кабацкіе головы и цѣловальники, которымъ приходилось нести и личную отвѣтственность за недоборы казны, предпочитали все свое

[1] И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 1898. Стр. 486.

вниманіе сосредоточивать на процвѣтаніи кабака, хотя бы и въ явный ущербъ нравственнымъ и матеріальнымъ интересамъ населенія.

При такой постановкѣ питейнаго дѣла, разумѣется, не могло быть рѣчи о сколько-нибудь рѣшительныхъ и систематическихъ мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ. Въ этой области все сводилось къ однѣмъ палліативамъ, которыми имѣлось въ виду обезпечить лишь внѣшнее благочиніе. И такое отношеніе къ пьянству составляетъ характерную черту государственной политики въ теченіе всей исторіи питейнаго дѣла у насъ, каковы бы ни были финансовыя системы управленія этимъ дѣломъ.

Къ сравнительно недавнему прошлому относится любопытный примѣръ той же коллизіи интересовъ казны и интересовъ отрезвленія народа. Въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія, когда дѣйствовала откупная система, породившая массу злоупотребленій, во многихъ мѣстностяхъ въ народѣ обнаружилось движеніе противъ пьянства. Въ губерніяхъ, находящихся въ разныхъ полосахъ Россіи, стали возникать общества трезвости; такія общества были образованы въ губерніяхъ Ковенской, Виленской, Саратовской, Курской, Тульской, Пензенской, Владимірской, Екатеринославской, Тверской. Движеніе это встрѣтило сочувствіе и нашло себѣ поддержку главнымъ образомъ въ средѣ духовенства. Въ 1859 г. отъ Святѣйшаго Синода послѣдовало циркулярное приглашеніе священно-служителямъ „содѣйствовать возникновенію въ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина“. Однако, движеніе это на первыхъ же порахъ своего развитія встрѣтилось съ тѣмъ же непреодолимымъ препятствіемъ—интересами фиска. Отъ министра финансовъ послѣдовало сообщеніе оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, „что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простого народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе“. А черезъ нѣсколько времени послѣ того министромъ финан-

совъ сдѣлано было распоряженіе, „чтобы приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить, и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходовъ для сей цѣли нигдѣ не допускать“.

Такимъ образомъ, народное движеніе противъ пьянства было сразу пресѣчено, и съ того времени образованіе обществъ трезвости у насъ надолго сдѣлалось невозможнымъ.

Интересамъ трезвости мало помогла и та коренная реформа питейнаго дѣла, которая была предпринята въ 1861 году—замѣна откупной системы системою акцизною. Реформа эта преслѣдовала прежде всего финансовыя цѣли: „откупная система—говорится въ журналѣ Государственнаго Совѣта—не можетъ быть допускаема даже и съ финансовой точки зрѣнія, ибо при ней правительство не получаетъ далеко тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя платитъ народъ, и питейный налогъ, изъ косвеннаго обратившись въ окладной, влечетъ за собою недоборы“. Но рядомъ съ соображеніями фискальнаго характера къ уничтоженію откупной системы побуждали и мотивы иного свойства. „Для фискальныхъ цѣлей, — полагалъ Государственный Совѣтъ,—еслибы онѣ даже и были достижимы, правительство не можетъ и не должно упускать изъ вида дѣйствія откупной системы на нравственный и экономическій бытъ народа. Всѣмъ извѣстно, что откупная система разоряетъ и развращаетъ народъ, держитъ на откупу мѣстную администрацію, сдѣлавъ чрезъ то безсильными всѣ мѣры къ водворенію въ ней честности и правоты, и мало-по-малу привели правительство къ тяжкой необходимости не только покровительствовать порожденнымъ сею системою нарушеніямъ законовъ и вопіющимъ злоупотребленіямъ, безъ которыхъ она существовать не можетъ, но даже противодѣйствовать возникающимъ нравственнымъ побужденіямъ къ сохраненію трезвости. Такимъ образомъ, правительство выставляетъ себя какъ бы явнымъ поборникомъ неуваженія къ закону, поддержанія злоупотребленій и распространенія въ народѣ порочныхъ наклонностей“.

Замѣнившая откупъ акцизная система введена была съ 1 января 1863 г. По существу своему она представляетъ совершенную противоположность прежнимъ способамъ из-

влеченія питейнаго дохода. Прежде какъ при казенномъ управленіи питейнымъ дѣломъ, такъ и при откупахъ, ближайшимъ источникомъ питейнаго дохода служила торговля крѣпкими напитками, которая и являлась объектомъ обложенія. При акцизной же системѣ, наоборотъ, ближайшимъ источникомъ дохода и объектомъ обложенія является непосредственно самый предметъ потребленія. Сущность этой системы сводится къ тому, что вино и спиртъ, выдѣлываемые на винокуренныхъ заводахъ, облагаются особымъ налогомъ, акцизомъ, въ размѣрѣ извѣстной, опредѣленной суммы съ каждаго даннаго количества готоваго продукта; такимъ количествомъ былъ принятъ градусъ алкоголя или одна сотая часть ведра безводнаго спирта. Независимо отъ акциза съ вина, винокуренные заводы обложены еще особымъ патентнымъ сборомъ, размѣръ котораго исчисляется соотвѣтственно совокупной емкости квасильныхъ чановъ. Что же касается собственно торговли спиртными напитками, то со времени введенія акцизной системы продажа этихъ напитковъ, какъ оптовая, такъ и раздробительная, объявлена предметомъ вольнаго промысла. При этомъ ни опредѣленной цѣны напитковъ, ни числа мѣстъ продажи ихъ въ законѣ не установлено. Всякій желающій могъ открывать трактиръ или иное питейное заведеніе, лишь при условіи уплаты установленнаго патентнаго сбора за право производства раздробительной торговли.

Вотъ эти-то условія, въ которыя была поставлена торговля крѣпкими напитками, и явились корнемъ зла, выросшаго на почвѣ акцизной системы. Въ законѣ, ее устанавливавшемъ, не были предусмотрѣны мѣры противъ возможныхъ злоупотребленій, а также и естественныхъ вредныхъ послѣдствій вольной продажи вина. Между тѣмъ эти послѣдствія и злоупотребленія стали обнаруживаться очень скоро по введеніи реформы. Питейныя заведенія сдѣлались мѣстами ничѣмъ не сдерживаемаго пьянаго разгула, притонами разврата, чему въ значительной степени содѣйствовало то, что водка, благодаря незначительному размѣру акциза, сильно подешевѣла сравнительно съ эпохою откуповъ. Усиленіе пьянства въ народѣ и порожденныя имъ послѣдствія для нравственной и экономической стороны его

жизни составили предметъ особаго вниманія со стороны земскихъ учрежденій, созданныхъ въ 1864 г. На первыхъ же порахъ своей дѣятельности многія земства обратились (въ 1865 г.) къ правительству съ ходатайствами о мѣрахъ, съ цѣлью противодѣйствовать развивающемуся пьянству; таковы ходатайства: о необходимости ограничить число кабаковъ, возвысить плату за патенты на питейныя заведенія, увеличить акцизъ на вино, содѣйствовать распространенію пивныхъ, чайныхъ и т. под. учрежденій, могущихъ отвлечь народъ отъ кабаковъ.

Правительство не оставалось равнодушнымъ къ такого рода ходатайствамъ и вообще къ сознанію необходимости мѣропріятій съ цѣлью ограниченія пьянства. Но въ этихъ мѣрахъ оно чувствовало себя связаннымъ тѣми предѣлами, далѣе которыхъ не позволяло итти опасеніе уменьшенія питейныхъ доходовъ, продолжавшихъ быть однимъ изъ наиболѣе существенныхъ основаній финансовой системы. Съ половины 60-хъ годовъ изданъ былъ рядъ отдѣльныхъ узаконеній, и распоряженій, направленныхъ къ устраненію тѣхъ условій, въ которыхъ усматривался особенный вредъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: въ 1864 г. воспрещена торговля спиртными напитками въ мелочныхъ, фруктовыхъ и т. п. лавкахъ; въ 1866 г. воспрещена продажа крѣпкихъ напитковъ на народныхъ гуляньяхъ во время сырной и святой недѣль; въ 1868 г. изданъ законъ, по которому сидѣльцами въ питейныхъ заведеніяхъ могутъ быть только лица, получившія одобрительныя приговоры какъ отъ общества, къ которому они принадлежатъ, такъ и отъ общества, на территоріи котораго они желаютъ торговать; въ силу того же закона содержателями питейныхъ заведеній не могутъ быть должностныя лица сельскихъ управленій; въ 1873 г. возвышенъ патентный сборъ съ водочныхъ заводовъ и заведеній для продажи крѣпкихъ напитковъ, въ питейныхъ заведеніяхъ воспрещено держать сидѣльцевъ и прислугу моложе 21 года, воспрещено впускать въ эти заведенія нижнихъ чиновъ, воспитанниковъ учебныхъ заведеній и вообще малолѣтнихъ и т. под. Не отрицая извѣстнаго значенія за многими изъ указанныхъ мѣръ, нельзя однако не видѣть въ нихъ лишь палліативовъ, которые не могли устранить зла въ его корнѣ. Примѣненіе

ихъ на практикѣ изобличало недостаточность ихъ и порождало въ правительствѣ и обществѣ сознаніе необходимости болѣе рѣшительныхъ способовъ воздѣйствія на условія, благопріятствующія развитію пьянства.

Любопытнымъ проявленіемъ этого сознанія служитъ законъ 14 мая 1885 г., въ которомъ авторы его видѣли рѣшительную мѣру къ ограниченію пьянства. Въ циркулярѣ министра финансовъ (покойнаго Н. Х. Бунге), сопровождавшемъ опубликованіе этого закона говорится: „въ основѣ этого закона лежитъ мысль *совершенно уничтожить* тотъ видъ питейнаго заведенія, который по справедливости признается наиболѣе вреднымъ, т. е. питейный домъ или кабакъ, гдѣ вино предлагается для употребленія на мѣстѣ, безъ возможности пользоваться при этомъ пищей; поэтому новый законъ устанавливаетъ, что распивочная торговля хлѣбнымъ виномъ можетъ быть производима только въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ совмѣстно съ виномъ продается и пища, т. е. въ трактирныхъ заведеніяхъ разныхъ наименованій, а также въ постоялыхъ дворахъ или корчмахъ... Такимъ образомъ, говоритъ циркуляръ,—съ 1 января 1886 г. закроется свыше 80.000 питейныхъ домовъ, служившихъ наибольшимъ соблазномъ для населенія и нерѣдко дѣлавшихся притонами разврата, пороковъ и преступленій". Безъ сомнѣнія, исчезновеніе такого огромнаго количества притоновъ могло бы явиться довольно рѣшительною мѣрою противодѣйствія пьянству. Но фактически ожидаемаго закрытія не произошло. Взамѣнъ подлежавшихъ закрытію кабаковъ законъ дѣйствительно создавалъ новый тцпъ питейнаго заведенія—„винную лавку"; въ ней продажа могла производиться только на выносъ и поэтому она не могла представлять соблазна для развитія пьянства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ допускалъ возможность существованія множества такихъ питейныхъ заведеній, въ которыхъ принципъ исключительной продажи на выносъ уничтожался, что винная лавка совершенно стушевалась, потерявъ свой главный смыслъ, и только умножала собою число разныхъ типовъ питейныхъ заведеній. Въ дѣйствительности, подлежавшія закрытію десятки тысячъ кабаковъ вскорѣ же возродились подъ видомъ трактировъ разныхъ наименованій, постоялыхъ дворовъ и пр.

Мало дѣйствительными оказались и другія постановленія закона 1885 г., имѣвшія въ виду регламентировать внутренній распорядокъ торговли въ питейныхъ заведеніяхъ: соблюденіе чистоты и опрятности, недопущеніе въ питейныя заведенія распутныхъ женщинъ, недозволенныхъ игръ, безчинствъ, недопущеніе посѣтителей, напившихся до безпамятства.

Главную причину неудачи закона 1885 г., благія намѣренія котораго неосуществились, усматриваютъ въ томъ, что этимъ закономъ, какъ и ранѣе изданными мѣрами, не устранялся корень зла—*личный интересъ* содержателей питейныхъ заведеній, который побуждаетъ спаивать народъ и который является достаточно сильнымъ для того, чтобы изыскивать, хотя бы и съ рискомъ, разные способы не выполнять ограничительныя требованія закона.

Сознаніе важнаго значенія личнаго интереса въ дѣлѣ виноторговли, какъ главнаго тормоза въ борьбѣ съ пьянствомъ, положено въ основу новѣйшаго законодательнаго акта—закона о казенной продажѣ вина. По заключенію министра финансовъ, реформа эта „предпринята для разрѣшенія одной изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ задачъ по улучшенію народнаго быта—для огражденія народной нравственности и народнаго здравія отъ растлѣвающихъ вліяній нынѣшняго питейнаго заведенія, причиняющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ народу неисчислимый матеріальный вредъ, подтачивая въ самомъ корнѣ его благополучіе“ (Циркуляръ 22 дек. 1894 г.).

Въ виду такого значенія реформы и непосредственнаго соотношенія ея съ вопросомъ о борьбѣ съ пьянствомъ, необходимо остановиться подробнѣе на разсмотрѣніи плана ея и тѣхъ мотивовъ, которые были положены въ ея основаніе и сгруппированы въ представленіи министерства финансовъ объ установленіи казенной продажи вина.

Въ этихъ мотивахъ особое вниманіе обращено на условія торговли крѣпкими напитками. Торговля эта до настоящаго времени находилась всецѣло въ рукахъ частныхъ лицъ, которыя, эксплоатируя въ свою личную пользу слабость населенія къ вину, являлись нерѣдко такимъ элементомъ, который разными способами поддерживалъ эту слабость.

Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что главнымъ источникомъ казеннаго дохода съ питей является не то ненормальное или даже, можно сказать, безобразное потребленіе вина, которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ разореніе хозяйства отдѣльныхъ мѣстностей или цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, но то правильное и постоянное его потребленіе, которое обусловливается климатическими условіями сѣверной природы и доступно болѣе зажиточному и просвѣщенному населенію. Правильное потребленіе всегда даетъ и большее душевое потребленіе и большій душевой доходъ казнѣ и не только не вредно, но, быть можетъ, даже полезно въ гигіеническомъ отношеніи. Поэтому нельзя не желать достиженія по возможности такого положенія виноторговли, при которомъ было бы облегчаемо такое правильное потребленіе напитковъ и затруднялось бы пьянство. Разсматривая ближе явленія пьянства, какъ они проявляются среди нашего народа, нельзя не придти къ заключенію, что оно проявляется или въ видѣ болѣзненнаго состоянія организма—это пьянство отдѣльныхъ лицъ, пропойцъ, или пьянства бытового, общественнаго. Пьянство перваго рода, быть можетъ, въ значительной степени поддерживается недоброкачественностью обращающагося въ торговлѣ вина, такъ какъ, по свидѣтельству медицинскихъ авторитетовъ, такъ называемый алкоголизмъ развивается при употребленіи неочищеннаго вина. Пьянство второго рода обусловливается бытовою стороною жизни нашего народа, сложившеюся исторически и подвергающеюся лишь медленному измѣненію подъ вліяніемъ просвѣщенія и нравственнаго вліянія общественныхъ условій или отдѣльныхъ личностей. Второй родъ пьянства можетъ во многихъ случаяхъ служить источникомъ перваго, ибо, подчиняясь обычаю, отдѣльные члены общества, съ организмами болѣе воспріимчивыми къ вредному вліянію вина, особенно неочищеннаго, прибѣгая вначалѣ къ потребленію такого вина въ силу обычая, пріобрѣтаютъ мало-по-малу неодолимую привычку къ вину или даже органическую потребность въ немъ и впадаютъ въ пьянство пропоицъ. Оба рода пьянства, независимо отъ связи ихъ одного съ другимъ, поддерживаются до нѣкоторой степени тѣмъ классомъ населенія, который созданъ

акцизной системой взиманія казеннаго дохода съ питей — виноторговцами, личный интересъ которыхъ слишкомъ тѣсно связанъ съ размѣрами потребленія населеніемъ вина, при чемъ классъ этотъ не брезгаетъ никакими способами къ навязыванію населенію вина и къ поддержанію и даже развитію въ немъ пьянства. Наблюдая жизнь нашего сельскаго или городскаго обывателя низшаго класса, нельзя не замѣтить вообще вліянія на складъ жизни, на этику народную, соприкасающагося съ нимъ того болѣе развитого элемента, какимъ обыкновенно является торговецъ вообще и особенно виноторговецъ. Этотъ элементъ, можно сказать, руководитъ массами и устанавливаетъ складъ обычаевъ особенно въ отношеніи общественной жизни, дѣйствуя на тщеславіе и предписывая извѣстное соревнованіе въ количествѣ употребляемаго вина для угощенія въ разныхъ случаяхъ жизни. Въ то же время виноторговецъ, въ видахъ наибольшаго сбыта вина, охотно ссужаетъ населенію таковое подъ закладъ всевозможныхъ предметовъ, подъ будущій урожай и даже подъ будущій заработокъ, несмотря на существующее въ законѣ воспрещеніе отпуска вина въ кредитъ. Преслѣдовать этого рода нарушенія постановленій о питейномъ сборѣ представляется крайне затруднительнымъ. Между тѣмъ легкая возможность, даже при отсутствіи наличныхъ средствъ, имѣть вино для лицъ, приверженныхъ къ его неумѣренному употребленію, является вѣрнымъ соблазномъ и приводитъ къ полному разоренію. Случаи крайней задолженности населенія по этой именно причинѣ представляютъ обычное явленіе; нерѣдки также случаи пропиванія ссуды, выдаваемой въ видѣ зерна правительствомъ или земствомъ для обсѣмененія полей или для продовольствія по случаю неурожаевъ, и случаи эти обусловливаются тою же неподдающеюся карѣ закона наклонностью виноторговцевъ къ навязыванію населенію вина въ долгъ. Нельзя упускать изъ вида также и того обстоятельства, что виноторговецъ является обыкновенно посредникомъ по сбыту всевозможныхъ сельскихъ произведеній и, привлекая къ себѣ соблазнительнымъ для малопросвѣщеннаго населенія виннымъ кредитомъ продавцевъ этихъ произведеній — сельское крестьянское населеніе,—держитъ его въ полной кабалѣ. Стремленіе

нашего законодательства къ ограниченію числа виноторговцевъ и къ привлеченію къ занятію виннымъ промысломъ болѣе благонадежнаго элемента не принесло ощутительныхъ результатовъ.

Личный интересъ частнаго лица, извлекающаго свои доходы отъ продажи питей, при чемъ эти доходы стоятъ въ прямой зависимости отъ количества выпитаго населеніемъ вина, не допускаетъ возможности осуществленія предположенія о томъ, чтобы частный виноторговецъ принималъ какія-либо мѣры къ сокращенію пьянства или чтобы въ число виноторговцевъ желалъ попасть кто-либо, задающійся цѣлью ограждать населеніе отъ неумѣреннаго употребленія напитковъ. Что же касается сокращенія числа виноторговцевъ, то эта мѣра также не могла бы принести пользы, ибо непосредственнымъ результатомъ ея явилась бы тайная виноторговля. Извѣстно между тѣмъ, что бороться съ тайною продажею питей не представляется почти никакой возможности, если только у самого населенія нѣтъ дѣйствительнаго стремленія къ воздержанію отъ пьянства. Тайные же шинки во всемъ, что касается дурного вліянія частной виноторговли, нисколько не уступаютъ явнымъ мѣстамъ торговли питіями и, быть можетъ, даже превосходятъ ихъ, такъ какъ совершенно ускользаютъ отъ какого бы то ни было контроля властей. Въ то же время, съ уменьшеніемъ числа лицъ, имѣющихъ право на виноторговлю, остальныя, сохранившія за собою это право, становятся въ особо привилегированное положеніе, и пользуясь имъ, а слѣдовательно и отсутствіемъ конкуренціи, имѣютъ возможность проявить съ полною силой свое монопольное право на эксплоатацію слабости населенія къ вину. При такомъ положеніи дѣла, т. е. при оставленіи виноторговли всецѣло въ рукахъ частныхъ лицъ и при монополизаціи ея въ этихъ рукахъ, вино достается населенію по чрезмѣрно дорогой цѣнѣ, особенно если принять во вниманіе дороговизну предоставляемаго ему виннаго кредита, а также вредное вліяніе пьянства на народное хозяйство.

Въ виду всѣхъ указанныхъ неблагопріятныхъ условій частной виноторговли, какъ она сложилась у насъ, нельзя, по мнѣнію министерства финансовъ, не придти къ заклю-

ченію, что затраты населенія на вино далеко не соотвѣтствуютъ извлекаемому нынѣ казною доходу съ питей, почему и въ финансовомъ отношеніи нельзя считать удовлетворительнымъ существующій способъ извлеченія этого дохода при значительномъ участіи въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ, преслѣдующихъ, конечно, исключительно свои выгоды. Полагая, что главнѣйшая причина неумѣреннаго и даже безобразнаго употребленія напитковъ, т. е. причина пьянства, коренится въ весьма слабомъ еще просвѣщеніи нашего народа, для котораго, какъ и для многихъ мало цивилизованныхъ народовъ, вино представляетъ такой соблазнъ, которымъ легко пользоваться для всевозможной эксплоатаціи населенія, и находя, что оставленіе попрежнему этого орудія эксплоатаціи въ рукахъ частныхъ лицъ едва ли соотвѣтствовало бы интересамъ государства, министръ финансовъ считалъ возможнымъ взять, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ, въ руки правительства торговлю виномъ. Только этимъ путемъ возможно, по крайней мѣрѣ временно, до той поры, когда нашъ народъ достигнетъ той степени просвѣщенія, при которой не потребуется эта мѣра, оградить его отъ развращающаго вліянія частной виноторговли.

Питейное дѣло имѣетъ настолько важное государственное значеніе, что надлежащая постановка этого дѣла, по убѣжденію министерства финансовъ, можетъ быть достигнута лишь при условіи, если оно будетъ подчинено полному и всестороннему вліянію правительства, и если послѣднее, независимо отъ контроля за производствомъ и потребленіемъ напитковъ, получитъ возможность дать тому и другому направленіе, сообразно своимъ цѣлямъ, имѣющимъ въ виду обще-государственную пользу. Для этого же необходимо, во-первыхъ, освободить винокуренное производство отъ давленія со стороны крупныхъ виноторговцевъ, и во-вторыхъ, поставить потребленіе крѣпкихъ напитковъ по возможности въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало бы дѣйствительной потребности въ винѣ, сообразно съ условіями нашего климата и жизни большей части населенія страны. Обѣ эти задачи какъ бы исключаютъ всякую зависимость при ихъ разрѣшеніи вмѣшательства въ дѣло частныхъ своекорыстныхъ интересовъ и требуютъ, чтобы оно было взято исключительно въ руки правительства, которое одно только и можетъ разрѣшить постановленныя задачи, преслѣдуя при этомъ исключительно только общее благо страны. Для постановки питейнаго дѣла въ болѣе правильное положеніе въ настоящее время слѣдуетъ, не останавливаясь болѣе на частныхъ измѣненіяхъ акцизной системы, приступить постепенно къ коренному ея преобразованію и къ замѣнѣ такимъ способомъ извлеченія питейнаго дохода, въ которомъ принципъ свободной конкуренціи былъ бы если не вполнѣ исключенъ, то ограниченъ до послѣдней степени. Едва ли не единственнымъ средствомъ для этого является сосредоточеніе торговли виномъ въ рукахъ казны, т. е. установленіе казенной продажи вина. При установленіи такой продажи вина должны будутъ прекратиться практикующееся нынѣ въ обширныхъ размѣрахъ систематическое спаиваніе населенія кабатчиками и разныя соединенныя съ этимъ злоупотребленія по питейной торговлѣ, такъ какъ лица, которымъ будетъ поручена таковая продажа, могутъ быть назначаемы съ выборомъ, и, кромѣ того, они не будутъ заинтересованы въ привлеченіи къ себѣ возможно большаго числа покупателей, въ продажѣ вина въ формахъ особенно вредныхъ для населенія, въ долгъ, въ обмѣнъ на вещи или подъ закладъ ихъ, въ счетъ будущаго урожая и т. п. Затѣмъ, при казенной продажѣ, качество, достоинство и степень очистки продаваемой водки несравненно улучшатся; лучшая же очистка уже сама по себѣ составляетъ нѣкоторое противодѣйствіе дурнымъ результатамъ потребленія вина. При теперешнемъ положеніи дѣла кабатчики не только продаютъ народу вино, плохо очищенное, но часто, чтобы замаскировать разбавленіе водою, сдабриваютъ его разными вредными примѣсями. При обращеніи же повсюду въ продажѣ водки очищенной, не разбавленной и не подмѣшанной, потребленіе ея не будетъ имѣть тѣхъ дурныхъ послѣдствій, съ какими оно соединено нынѣ. Наконецъ, самый соблазнъ къ употребленію крѣпкихъ напитковъ при казенной продажѣ будетъ гораздо меньшій, вслѣдствіе сокращенія числа мѣстъ продажи вина. Хотя и въ настоящее время число явныхъ питейныхъ заведеній довольно ограничено, но наряду съ ними существуетъ громадное количество тайныхъ шинковъ, бороться съ которыми

представляется рѣшительно невозможнымъ. Съ сосредоточеніемъ же питейной торговли въ рукахъ казны представится болѣе средствъ къ предупрежденію ихъ возникновенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пользующееся нынѣ значительнымъ вліяніемъ въ сельской жизни сословіе кабатчиковъ, какъ мірская, общественная сила, перестанетъ существовать и, такимъ образомъ, населеніе не только освободится отъ разъѣдающаго народную жизнь вліянія собственно кабака, но получитъ также значительное облегченіе отъ того ярма, которое наложено на него вообще кулачествомъ, ибо послѣднее въ настоящее время тѣсно связано съ кабакомъ, и сельскій кулакъ обыкновенно есть въ то же время и кабатчикъ, и наоборотъ. Въ отношеніи вліянія на улучшеніе сельскаго хозяйства отъ введенія казенной продажи вина также слѣдуетъ ожидать вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Цѣны за вино, назначаемыя казною, будутъ находиться въ соотвѣтствіи со стоимостью его производства и скорѣе окажутся даже выше ея, чѣмъ ниже. Кромѣ того, заводчики будутъ имѣть вѣрный и вполнѣ обезпеченный сбытъ для выкуреннаго вина и притомъ всегда за наличныя деньги. Поэтому занятіе винокуреніемъ сдѣлается выгоднымъ промысломъ, почему число винокуренныхъ заводовъ должно будетъ увеличиться. При этомъ, однако, отнюдь не послѣдуетъ перепроизводство вина, ибо таковое можетъ быть предупреждено порядкомъ пріобрѣтенія спирта въ казну отъ заводовъ, такъ что увеличеніе числа заводовъ будетъ имѣть мѣсто только въ отношеніи заводовъ мелкихъ, имѣющихъ сельско-хозяйственное значеніе, и притомъ только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ этомъ представится дѣйствительная надобность, и гдѣ винокуреніе можетъ получить дальнѣйшее развитіе безъ всякаго вреда для винокуреннаго производства въ прочихъ частяхъ Имперіи. Независимо отъ благопріятнаго по указаннымъ причинамъ вліянія казенной продажи вина на улучшеніе благосостоянія страны, при введеніи ея можно надѣяться также и на достиженіе, можетъ быть, столь же благопріятныхъ послѣдствій и собственно въ финансовомъ отношеніи. Взявъ въ свои руки продажу вина, казна естественно можетъ воспользоваться и всѣми доходами, которыми пользуются нынѣ отъ этой

продажи частныя лица — виноторговцы, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ выгодъ, какія пріобрѣтаются ими при посредствѣ злоупотребленій.

Таковы тѣ соображенія, которыя были положены въ основу при выработкѣ новѣйшей реформы въ области питейнаго дѣла. Главною задачею ея было поставлено ограждение нравственности, здоровья и благосостоянія народа отъ растлѣвающаго вліянія сложившагося годами типа питейнаго заведенія. Первымъ шагомъ въ борьбѣ съ этимъ вліяніемъ должно явиться устраненіе того эгоистическаго начала, которое являлось источникомъ зла, способствуя распространенію въ народѣ пьянства. Установленіе казенной продажи вина, при которой изъ области питейной торговли устраняется частный интересъ, должно положить предѣлъ вліянію этого интереса. Но одновременно съ этимъ для обезпеченія успѣха реформы признано было необходимымъ вступить непосредственно въ борьбу съ укоренившеюся уже въ населеніи привычкой, въ борьбу съ пьянствомъ.

Съ этою цѣлью въ мѣстахъ казенной продажи вина признано нужнымъ создать такъ называемыя „попечительства о народной трезвости“. Образованіе этихъ попечительствъ было вызвано сознаніемъ, что въ дѣлѣ искорененія пьянства на ряду съ правительственнымп органами пожелаютъ принять участіе представители мѣстнаго общества, которые, будучи хорошо знакомы съ бытомъ, нравами и привычками населенія, могутъ оказать существенное содѣйствіе. Согласно уставу попечительствъ, 20 декабря 1894 г., задачи ихъ — ограждение населенія отъ злоупотребленія крѣпкими напитками, попеченіе объ излеченіи страдающихъ запоемъ устройствомъ особыхъ для сего пріютовъ и нравственное воздѣйствіе на населеніе, путемъ выясненія вреда отъ неумѣреннаго потребленія вина и пріученія къ болѣе облагораживающему пользованію своимъ досугомъ въ спеціальнс устраиваемыхъ для сего читальняхъ, народныхъ чтеніяхъ, собесѣдованіяхъ и проч. Попечительствамъ предоставляется также надзоръ за производствомъ торговли, согласно правиламъ, установленнымъ для огражденія населенія отъ вреднаго вліянія этой торговли. Съ этою цѣлью на членовъ попечительствъ возлагается ближайшее наблюденіе за ходомъ

торговли въ соотвѣтствующихъ районахъ, съ предоставленіемъ имъ правъ, которыми пользуются въ этихъ видахъ чины акцизнаго надзора. Въ составъ попечительствъ привлечены представители духовенства, административной и судебной власти, общественныхъ учрежденій и частныя лица. Попечительствамъ выдаются отъ казны денежныя пособія для осуществленія ими задачъ по устройству полезныхъ учрежденій, противодѣйствующихъ пьянству.

Казенная продажа питей была первоначально введена (съ 1 января 1895 г.) лишь въ видѣ опыта въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ (Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской).

Въ виду обнаружившихся вскорѣ хорошихъ результатовъ этого опыта, уже въ маѣ 1895 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о немедленномъ приступѣ къ подготовительнымъ работамъ по введенію казенной продажи вина въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ. Вслѣдствіе этого, новая система была введена: съ 1-іюля 1896 г. въ 9 южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, а именно: въ Бессарабской, Волынской, Екатеринославской, Кіевской, Подольской, Полтавской, Херсонской, Черниговской и Таврической; съ 1 іюля 1897 г. въ 6 сѣверо-западныхъ губерніяхъ: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, а также въ Смоленской; съ 1 января 1898 г. въ губерніяхъ Привислянскихъ. Съ того же срока введена была казенная продажа питей въ губерніяхъ С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, а также въ Харьковской. Въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи реформа была введена въ теченіе 1900 года.

Принятію послѣдняго рѣшенія предшествовало ознакомленіе съ результатами, обнаруженными практикою казенной продажи въ 14 губерніяхъ. Средствомъ этого ознакомленія, помимо личныхъ поѣздокъ министра финансовъ и другихъ чиновъ вѣдомства, явилось обращеніе съ запросомъ къ начальникамъ губерній и другимъ представителямъ мѣстной власти монопольныхъ губерній о томъ, насколько полученные результаты отвѣчаютъ цѣли предпринятой реформы. Присланные отзывы были систематизированы и опубликованы въ особомъ изданіи.

Въ большинствѣ отзывовъ послѣдствія реформы выставляются въ очень благопріятномъ свѣтѣ. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему: огульнаго пьянства, какъ прежде, не замѣчается; потребленіе водки сократилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ сократились буйства, ссоры, драки; происходившіе прежде изъ за пьянства семейные раздоры уменьшились; установился болѣе правильный порядокъ въ образѣ жизни и въ занятіяхъ.

Но рядомъ съ такими отзывами, проникнутыми извѣстнымъ пристрастіемъ и во всякомъ случаѣ большимъ оптимизмомъ, встрѣчаются отзывы гораздо болѣе сдержанные, осторожные. Указываютъ на то, что сокращенія пьянства пока не усматривается, что существеннаго вліянія на нравственность пока не замѣтно, что дурныя стороны неумѣреннаго потребленія вина только измѣнились, а не исчезли, что судить о вліяніи реформы на нравственность и экономическое положеніе населенія еще нельзя по кратковременности дѣйствія новой системы.

Что касается непосредственныхъ орудій новой реформы въ дѣлѣ собственно борьбы съ пьянствомъ—попечительствъ о народной трезвости, то по отношенію къ нимъ и ихъ роли приходится дать особенно осторожный отзывъ. Они не проявили еще такой замѣтной дѣятельности, которая позволяла бы видѣть въ нихъ рѣшительный факторъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Причины этого, какъ показалъ опытъ, лежатъ, съ одной стороны, въ ихъ организаціи, а съ другой—въ самой постановкѣ ихъ задачъ.

По дѣйствующему закону, главными распорядительными органами въ системѣ попечительствъ являются губернскіе и уѣздные комитеты. По ст. 6 Устава попечительствъ о народной трезвости, „губернскіе комитеты образуются, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ первенствующаго члена—епархіальнаго архіерея и членовъ: депутата отъ духовнаго вѣдомства, по назначенію мѣстнаго епархіальнаго начальства, губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя и прокурора окружнаго суда, вице-губернатора, управляющихъ: казенною палатою, государственными имуществами, контрольною палатою, акцизными сборами и удѣльнымъ округомъ, директора народныхъ училищъ и одного

изъ директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, по назначенію попечителя учебнаго округа, предсѣдателя отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка, начальника губернскаго жандармскаго управленія, уѣзднаго воинскаго начальника, врачебнаго инспектора, предсѣдателя губернской земской управы, двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія, по его избранію, и городского головы губернскаго города".

По этому же типу организованы и уѣздные комитеты, въ составѣ соотвѣтственныхъ представителей власти въ уѣздахъ.

Кромѣ того въ составѣ комитетовъ могутъ быть почетные члены,—избираемые губернскими комитетами, а въ составѣ уѣздныхъ—и члены-соревнователи, избираемые ими и утверждаемые губернскими комитетами „изъ лицъ, изъявившихъ желаніе принимать участіе въ дѣлахъ попечительства" (ст. 10 Устава). Въ роли этихъ членовъ-соревнователей и могутъ явиться представители мѣстнаго общества, мѣстные жители, не принадлежащіе къ составу администраціи. Но имъ уставъ попечительствъ предоставляетъ лишь *совѣщательный* голосъ (ст. 13), что ставитъ ихъ въ неравноправное по отношенію къ другимъ членамъ положеніе. А такое положеніе не можетъ обезпечивать привлеченіе въ составъ соревнователей такихъ лицъ, которыя дорожатъ правомъ активнаго, дѣятельнаго участія въ дѣлѣ, ихъ интересующемъ. Теряясь въ массѣ чиновниковъ, въ большинствѣ случаевъ обремененныхъ прямыми своими служебными обязанностями и не имѣющими часто прямого отношенія къ мѣстной жизни, почетные члены и члены-соревнователи не имѣютъ и не могутъ имѣть вліянія на дѣятельность комитетовъ.

Съ другой стороны, какъ уставъ попечительствъ, такъ и руководящія указанія, данныя для ихъ дѣятельности министерствомъ финансовъ, ставятъ ввѣряемую имъ задачу *борьбы съ пьянствомъ* въ довольно тѣсные предѣлы. Попечительства призываются къ «огражденію населенія отъ *злоупотребленія* крѣпкими напитками». По словамъ „руководящихъ указаній" (одобренныхъ министромъ финансовъ 28 янв. 1897 г.), „только ограничиваясь указанною въ уставѣ цѣлью—ограждать населеніе лишь отъ *злоупотребленія* крѣпкими напитками—попечительства въ состояніи будутъ дѣйствовать на народную массу съ увѣренностью на успѣхъ и привлечь къ этому дѣлу достаточное число сотрудниковъ изъ состава общества, которые, не чувствуя себя способными сами выдержать искусъ полнаго воздержанія, весьма вѣроятно затруднились бы принять участіе въ дѣятельности попечительствъ, еслибы на знамени ихъ выставлено было требованіе безусловной трезвости.... Независимо отъ этихъ соображеній, побуждающихъ даже многія общества трезвости не предъявлять къ своимъ членамъ требованія о совершенномъ воздержаніи отъ крѣпкихъ напитковъ, надлежитъ имѣть въ виду то, что попечительства о народной трезвости являются правительственными органами; въ качествѣ же таковыхъ, они, конечно, не задаваясь никакими утопическими цѣлями, должны предъявлять требованія, исполненія которыхъ можно ожидать отъ каждаго средняго человѣка, тѣмъ болѣе, что съ государственной точки зрѣнія важно именно только оградить народъ отъ *неумѣреннаго* потребленія напитковъ, какъ разстраивающаго здоровье и благосостояніе населенія и развращающаго его въ нравственномъ отношеніи". Дальнѣйшія указанія подчеркиваютъ, что «дѣятельность попечительствъ должна ограничиваться чисто *отрицательною* стороною—ограждать населеніе отъ злоупотребленій крѣпкими напитками, и разъ въ настоящее время злоупотребленія эти сводятся къ неумѣренному потребленію вина собственно въ праздничные дни и по случаю разныхъ семейныхъ и иныхъ торжествъ, то противъ этихъ именно злоупотребленій и должна быть направлена дѣятельность попечительствъ».

Изложенныя указанія, безъ сомнѣнія, значительно суживаютъ задачи борьбы съ пьянствомъ, сравнительно съ тѣмъ, что, казалось бы, имѣлось въ виду при первоначальной постановкѣ этого дѣла. Въ этихъ указаніяхъ чувствуется и значительное несоотвѣтствіе квалификаціи „неумѣреннаго потребленія вина собственно въ праздничные дни" и пр. сравнительно съ тою картиною распространенія порока пьянства, которая нарисована была въ мотивахъ реформы.

Борьба съ пьянствомъ, какъ показываетъ опытъ иностранныхъ государствъ, можетъ быть успѣшною только

тогда, когда она становится на рѣшительную почву борьбы съ потребленіемъ крѣпкими напитками и не ставится въ растяжимыя рамки устраненія лишь злоупотребленія ими. Надо, однако, замѣтить, что задачи такой борьбы едва ли, впрочемъ, и могли бы быть положены въ основу дѣятельности попечительствъ, какъ органовъ финансоваго управленія. Послѣднее не можетъ быть склонно къ рѣшительной борьбѣ съ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ, разъ налоги съ этихъ напитковъ представляютъ главную основу финансоваго хозяйства. Какъ органы финансоваго вѣдомства, попечительства о народной трезвости не могутъ явиться рѣшительнымъ факторомъ въ системѣ мѣръ борьбы съ пьянствомъ. Для успѣха ея нужно, чтобы къ участію въ ней были привлечены учрежденія, не заинтересованныя въ увеличеніи и уменьшеніи доходовъ казны отъ питейныхъ налоговъ, и чтобы въ этой борьбѣ получали надлежащее выраженіе единственно заботы объ интересахъ населенія, сохраненіе его душевныхъ и физическихъ силъ и трудовой способности, какъ залога экономическаго благосостоянія.

Считая, въ виду высказанныхъ соображеній, преждевременнымъ давать окончательное заключеніе о значеніи новѣйшей реформы съ точки зрѣнія интересовъ борьбы съ пьянствомъ, нельзя однако сомнѣваться въ томъ, что эта реформа займетъ видное мѣсто въ исторіи развитія мѣръ противъ пьянства въ Россіи. Такое мѣсто обезпечиваетъ за нею уже одно признаніе крайней необходимости борьбы съ вѣковымъ явленіемъ—признаніе, никогда до сихъ поръ не выражавшееся въ правительственныхъ мѣрахъ съ такою рѣшительностью. Съ другой стороны, реформою, начавшеюся съ 1894 года, данъ сильный толчекъ развитію общественнаго вниманія къ дѣлу борьбы съ пьянствомъ. Какъ бы ни была неудовлетворительно поставлена дѣятельность попечительствъ о народной трезвости, важно то, что оффиціально признана необходимость участія общества въ этой борьбѣ. Однако сколько-нибудь широкое развитіе этого участія тормозится бюрократическимъ характеромъ попечительствъ, въ составъ которыхъ общественный элементъ входитъ лишь въ лицѣ немногочисленныхъ участковыхъ попечителей; что же касается членовъ соревнователей, не-

сущихъ наиболѣе активную работу по осуществленію на мѣстахъ цѣлей, преслѣдуемыхъ попечительствами, то они не пользуются правомъ голоса въ комитетахъ.

Въ послѣднее время неудовлетворительность организаціи попечительствъ, уже съ самаго начала отмѣченная въ печати, признается и министерствомъ финансовъ. По словамъ одного оффиціальнаго сообщенія [1], установленный „порядокъ комплектованія попечительствъ о народной трезвости мало соотвѣтствовалъ тому живому дѣлу, которое поручено было попечительствамъ и вскорѣ сознана была необходимость организовать составъ комитетовъ попечительствъ о народной трезвости такимъ образомъ, чтобы къ участію въ дѣлахъ комитета привлекались лишь такія лица, которыя по самому роду своихъ занятій не могутъ не интересоваться дѣятельностью попечительствъ о народной трезвости (представители мѣстной администраціи и органовъ самоуправленія, также депутаты вѣдомствъ акцизнаго, духовнаго и учебнаго), прочіе же члены входили бы въ составъ комитетовъ не иначе, какъ по собственному ихъ желанію принять на себя званіе члена комитета. Этотъ взглядъ на дѣло не нашелъ себѣ еще полнаго выраженія, но въ значительной мѣрѣ отразился уже въ рядѣ узаконеній, изданныхъ за послѣднее время въ развитіе постановленій устава попечительствъ по вопросу о порядкѣ завѣдыванія на мѣстахъ дѣлами попечительства о народной трезвости“.

Такъ, предсѣдателямъ губернскихъ и особыхъ комитетовъ предоставляется право приглашать въ составъ комитетовъ извѣстное число лицъ сверхъ обязательныхъ членовъ комитетовъ (въ губернскихъ и особыхъ комитетахъ не больше пяти лицъ, въ уѣздныхъ — трехъ). Изданнымъ въ 1902 году циркуляромъ указывается на желательность использованія означеннаго права „въ такомъ направленіи, которое возможно болѣе содѣйствовало бы оживленію дѣятельности комитетовъ попечительствъ“. Въ качествѣ необязательныхъ членовъ рекомендуется привлекать въ комитеты лицъ уже поработавшихъ въ роли членовъ-соревно-

[1] «Попечительства о народной трезвости за первое пятилѣтіе 1895-1899 г.» См. «Вѣстникъ Финансовъ», №№ 15 и 16 за 1902 г.

вателей. Характерною чертою новѣйшихъ указаній является также то, что въ нихъ особенное значеніе придается усиленію въ комитетахъ попечительствъ земскаго элемента: присутствіе послѣдняго „не только обезпечило бы, по словамъ циркуляра, привлеченіе къ дѣятельности по попечительствамъ лицъ, близко знакомыхъ съ бытомъ, нравами и привычками мѣстнаго населенія, но находило бы себѣ оправданіе и въ томъ, что многія мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ попечительства о народной трезвости (читальни, библіотеки, книжные склады, народныя чтенія, воскресныя школы), нерѣдко занимаютъ видное мѣсто въ дѣятельности мѣстныхъ земствъ."

Съ другой стороны, нѣкоторыя начинанія въ области развитія въ населеніи трезвости встрѣчали тормозы и затрудненія въ сложномъ порядкѣ разрѣшенія такихъ предпріятій, какъ народныя чтенія или устройство библіотекъ и читаленъ (на полученіе разрѣшенія нерѣдко уходило нѣсколько мѣсяцевъ и даже цѣлые годы). Наконецъ, въ 1901 году выработаны были болѣе упрощенныя правила относительно народныхъ чтеній, а въ 1902 г. утверждены новыя правила для устройства попечительствами безплатныхъ библіотекъ-читаленъ, которыя теперь могутъ быть открываемы собственнымъ распоряженіемъ попечительствъ, безъ испрашиванія особыхъ разрѣшеній.

Изъ другихъ мѣръ, предпринятыхъ съ цѣлью оживить дѣятельность комитетовъ, слѣдуетъ упомянуть о созданіи въ 1899 г. должности непремѣнныхъ членовъ комитетовъ для ближайшаго завѣдыванія дѣлами попечительствъ о народной трезвости и для наблюденія за ихъ дѣлопроизводствомъ. Въ интересахъ большей успѣшности дѣятельности непремѣнныхъ членовъ въ 1902 году рѣшено на эти должности привлекать лицъ, не связанныхъ другими занятіями, и предоставить имъ вознагражденіе (не свыше 1,800 руб. въ годъ). Получая при такихъ условіяхъ возможность посвящать свое время заботамъ по развитію предпріятій попечительства, непремѣнные члены должны явиться дѣятельными органами надзора со стороны губернскихъ комитетовъ за мѣстными учрежденіями. Для осуществленія этого надзора должны быть предпринимаемы періодическія

и экстренныя командировки непремѣнныхъ членовъ въ отдѣльные уѣзды (съ этою цѣлью сумма, асигнуемая на разѣзды, увеличена съ 300 руб. на 1.000 руб. въ годъ).

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ дѣятельность попечительствъ о народной трезвости можетъ получить дальнѣйшее развитіе, успѣшность котораго будетъ находиться въ прямомъ соотношеніи со степенью того сочувствія и той поддержки, какія они сумѣютъ вызвать въ средѣ мѣстнаго общества.

Несмотря на многія неудовлетворительныя стороны въ организаціи попечительствъ въ первые годы ихъ дѣятельности, ими достигнуты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительные результаты. Вотъ кое-какія данныя изъ упомянутаго выше отчета о дѣятельности попечительствъ за первое пятилѣтіе (1895—1899 гг.)

Она выразилась въ довольно разнообразныхъ формахъ, объединенныхъ стремленіемъ доставить населенію различныя удобства и разумныя развлеченія и внести въ его среду нѣкоторыя просвѣтительныя учрежденія. Главнымъ типомъ учрежденій, насаждаемыхъ попечительствами о народной трезвости, являются народныя чайныя. Въ нихъ усматриваютъ наиболѣе дѣйствительный способъ доставить народу удобное помѣщеніе, гдѣ онъ могъ бы собираться въ свободное отъ работъ время. Чайныя призваны замѣнить прежніе кабаки и шинки, въ роли народныхъ клубовъ, при чемъ онѣ могутъ явиться орудіями воздѣйствія на населеніе въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Въ этихъ видахъ при многихъ чайныхъ устраиваются такія просвѣтительныя учрежденія, какъ библіотеки, книжные склады, аудиторіи для народныхъ чтеній и т. п. Хотя чайныя представляютъ собою наиболѣе распространенныя учрежденія попечительствъ, число ихъ, однако, не особенно значительно. По даннымъ упомянутаго отчета, къ 1 января 1900 г. больше всего чайныхъ было въ губерніяхъ: Кіевской—204, Полтавской—172, Волынской—145, Черниговской—134, Могилевской—121, Смоленской—114, Подольской—109 и Пермской—103. Если принять во вниманіе число жителей въ названныхъ губерніяхъ, то наиболѣе благопріятное отношеніе встрѣтится въ Смоленской губ. (1 чайная на 13,6

тыс. жит.) и въ Могилевской губ. (1 чайная на 14,4 тыс. жит.); наименѣе благопріятное—въ Пермской губ. (1 чайная на 29,2 тыс. жит.).

Изъ другихъ учрежденій сравнительно болѣе распространенными являются читальни, библіотеки и книжные склады. Такъ напр. въ Екатеринославской губ. читальни устроены при всѣхъ чайныхъ; Могилевское попечительство устроило 62 читальни при чайныхъ и кромѣ того 6 читаленъ отдѣльно. Во многихъ мѣстностяхъ въ связи съ читальнями устроены библіотеки съ выдачею книгъ для чтенія на домъ. И тѣ, и другія учрежденія пользуются огромнымъ успѣхомъ среди крестьянъ; въ отношеніи къ библіотекамъ отчетъ неоднократно подчеркиваетъ, что крестьяне замѣчательно аккуратно обращаются съ книгами, возвращая ихъ въ чистомъ видѣ и въ срокъ. Книжные склады также мѣстами получили нѣкоторое развитіе.

Народныя чтенія были устраиваемы почти всѣми комитетами, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ проявили особую энергію въ этомъ дѣлѣ. Таковъ Могилевскій комитетъ, устроившій въ 1899 году 952 чтенія въ 72 разныхъ пунктахъ; въ Минской губ. въ томъ же году народныя чтенія были устроены въ 492 пунктахъ, при чемъ въ 150 пунктахъ во время чтеній пѣли народные хоры.

Изъ другихъ начинаній комитетовъ можно отмѣтить: театральныя представленія (правильное устройство они получили въ 20 населенныхъ пунктахъ), народныя гулянья (получили особенно широкое развитіе въ городахъ С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Уфѣ); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы были опыты устройства воскресныхъ школъ, вечернихъ классовъ.

Успѣшная и широкая дѣятельность нѣкоторыхъ попечительствъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ бѣдной культурными интересами деревни эти учрежденія могутъ явиться очень цѣнными и благодѣтельными факторами просвѣщенія народныхъ массъ.

Мѣры по отношенію къ проституціи.

Подъ именемъ „проституція“, въ широкомъ смыслѣ, разумѣются вообще всякаго рода внѣ-брачныя половыя

отношенія, при чемъ въ это понятіе войдутъ также и такъ назыв. противоестественныя отношенія, какъ-то мужеложство (или педерастія) и скотоложство. Это опредѣленіе обнимаетъ собою явленіе полового разврата въ обширномъ смыслѣ. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, подъ проституціей разумѣется половой развратъ, принимающій характеръ регулярной профессіи—постояннаго занятія, которое, въ качествѣ такового, выдѣляетъ предающихся ему женщинъ въ особую общественную группу. Полицейское право имѣетъ дѣло именно съ этимъ явленіемъ профессіональнаго разврата проститутокъ.

Исторія различныхъ народовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что уже съ первыми зачатками культурнаго развитія всюду устанавлнвался взглядъ на проституцію, какъ на явленіе безнравственное, заслуживающее кары. Свидѣтельства объ этихъ карахъ, о стремленіи уничтожить проституцію, мы находимъ, напр., въ памятникахъ древне-еврейскаго законодательства Моисея. И несмотря на это, порокъ развивался и укоренялся настолько, что, напр., въ книгѣ Царей упоминается о томъ, что возлѣ самаго храма Іерусалимскаго находились хижины, гдѣ еврейскія дѣвушки предавались проституціи за деньги. Сознаніе безнравственности профессіональной проституціи рано вызываетъ со стороны государства стремленіе регламентировать ее съ цѣлью удалить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить соблазнъ отъ этого. Такъ, у древнихъ Грековъ проституція принимаетъ легальную форму; занятіе ею считается предосудительнымъ и предоставляется только рабынямъ, такъ что если проституціи предается свободная женщина, то она, въ силу этого, становится рабынею. Солонъ устроилъ публичный домъ (диктеріонъ), какъ государственное учрежденіе, покупалъ для него на государственныя средства рабынь изъ чужихъ земель и регулировалъ внутренній порядокъ въ этомъ диктеріонѣ. Въ Аѳинахъ различались три сорта профессіональныхъ проститутокъ—диктеріады (женщины публичнаго дома), аулетриды (арфистки, или, точнѣе, игральщицы на флейтѣ) и гетеры. Въ Римѣ надзоръ за проституціей возлагался на эдиловъ, которые имѣли ближайшее наблюденіе за публичными домами (lupanarium).

Не касаясь подробностей исторіи проституціи, замѣтимъ, что въ общемъ она, считаясь занятіемъ предосудительнымъ, продолжала быть терпимой. Въ разное время въ различныхъ странахъ дѣлались, правда, попытки радикально искоренить проституцію, но онѣ вскорѣ оказывались безплодными. Такъ, во Франціи Людовикъ IX Святой, по возвращеніи изъ крестоваго похода, былъ пораженъ упадкомъ нравственности въ своемъ государствѣ и издалъ въ 1254 г. повелѣніе объ изгнаніи публичныхъ женщинъ (expellantur autem publicae meretrices tam de campis quam de villis) и о воспрещеніи всѣмъ лицамъ отдавать имъ помѣщенія въ своихъ домахъ, подъ страхомъ конфискаціи этихъ домовъ. Этотъ ордонансъ Людовика IX былъ приведенъ въ исполненіе со всею его суровостью. „Сначала—говоритъ Деламаръ, историкъ полиціи во Франціи,—ордонансъ произвелъ столь благіе результаты, что нѣкоторыя изъ развратныхъ женщинъ обратились и удалились въ Maison des Filles Penitentes. Людовикъ Св. выдалъ имъ вспомоществованіе. Но и въ Парижѣ, и въ другихъ городахъ королевства оставалось еще большое число развратныхъ женщинъ: онѣ либо скрывались, либо принимали обликъ честныхъ женщинъ и подъ этимъ обликомъ безнаказанно продолжали свое гнусное ремесло“. Вслѣдствіе этого, „рѣшено было терпѣть этихъ несчастныхъ жертвъ безнравственности, но въ то же время сдѣлать ихъ извѣстными публикѣ и, такъ сказать, указать на нихъ перстомъ (de les montrer pour ainsi dire au doigt). Опредѣлены были извѣстныя улицы и мѣста для ихъ жительства, одѣянія, какія онѣ могли носить, и часы ихъ удаленія (heures de leur retraite). Именно съ этого времени—прибавляетъ Деламаръ—ихъ начали обозначать на нашемъ языкѣ особыми презрительными именами, которыя изобличали гнусность ихъ разврата. Очевидно, имѣлось въ виду, что, при такомъ публичномъ оглашеніи ихъ, присущій ихъ полу стыдъ придетъ на помощь законамъ и что мужчины сами будутъ совѣститься посѣщать эти мѣста и эти созданія, отмѣченныя такимъ безчестіемъ. Ордонансъ въ этомъ смыслѣ былъ изданъ въ томъ же 1254 г.“

Это терпимое отношеніе къ проституціи и ея притонамъ (публичнымъ домамъ) сдѣлалось характеристическою чертою государственной политики въ области полиціи нравовъ. Распутныя женщины были не только терпимы, но публичные дома признавались даже прямо необходимыми для города учрежденіямн. Такіе дома часто составляли собственность территоріальнаго государя или города, которые ради выгоды сдавали ихъ въ аренду женщинамъ или же сами управляли ими хозяйственнымъ образомъ. Частные публичные дома могли устраиваться по полученіи концессіи и находились додъ правительственной защитой. Они платили также налоги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Вѣнѣ и Ульмѣ, содержательницы домовъ терпимости подлежали спеціальной юрисдикціи.

По временамъ это терпимое отношеніе къ проституціи, какъ къ неизбѣжному злу, уступало свое мѣсто иному отношенію—стремленію искоренить зло. О попыткѣ въ этомъ смыслѣ въ XIII в. уже упомянуто выше. Въ болѣе новое время любопытный въ этомъ отношеніи примѣръ видимъ въ Австріи, въ царствованіе Императрицы Маріи-Терезіи [1].

Согласно уголовному кодексу, изданному Маріею-Терезіею, „Терезіана“ (Constitutio criminalis Theresiana, 1769), преслѣдовались не только распутство въ формѣ проституціи, но и конкубинатъ, равно всякая любовная связь внѣ брака. Послѣдняя влекла за собою денежный шрафъ и арестъ. Конкубинатъ наказывался тѣлесно; если же и затѣмъ сожительство продолжалось, то виновные подвергались еще болѣе строгому публичному наказанію и ссылкѣ.

Проституція женщинъ каралась жестокими тѣлесными истязаніями и ссылкою, при чемъ усугубляющимъ вину обстоятельствомъ было возведеніе распутства въ ремесло, съ цѣлью добыванія денегъ.

Согласно своду наказаній „Терезіаны“, обычное наказаніе проститутки состояло въ сѣченіи плетьми. Если же проститутка кого-нибудь заражала или совершала кражу, то съ нею поступали еще строже и она подвергалась пыткѣ.

---

[1] В. М. Тарновскій. Проституція и аболиціонизмъ. Спб. 1888, стр. 48.

Приговоръ произносился судьею низшаго разряда и приводился въ исполненіе въ самомъ скоромъ времени. Женщину раздѣвали до рубашки и вели босикомъ въ церковь, гдѣ сажали ее въ мѣшокъ, который завязывали у подбородка. Затѣмъ палачъ стригъ ей волосы и сбривалъ ихъ потомъ до самаго корня. Голый черепъ намазывали дегтемъ и сажею, и виновная выставлялась на поруганіе черни, бросавшей въ нее грязью и всякими нечистотами. Завязанная въ мѣшокъ проститутка выставлялась въ воскресенье во время божественной литургіи. Затѣмъ, когда служба оканчивалась и молельщики расходились по домамъ, проститутку вынимали изъ мѣшка, привязывали къ скамьѣ, и палачъ наказывалъ ее розгами по голому тѣлу. Потомъ ее бросали въ тачку вмѣстѣ съ другими проститутками, такъ какъ наказаніе всегда производилось заразъ надъ нѣсколькими женщинами, и ихъ вывозили за городъ, до первой окраины. Тутъ палачъ въ послѣдній разъ посылалъ ей ударъ ногою, а толпа—градъ камней и грязи. Эта процедура производилась какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ другихъ городахъ Австріи до 20-хъ годовъ XIX-го столѣтія.

Сводничество, согласно уложенію Маріи-Терезіи, также наказывалось розгами и ссылкою. Усиливающими вину обстоятельствами считалось, если родители способствовали разврату своихъ дѣтей, или мужъ—жены, или братъ—сестры, или опекунъ—питомца. Въ такихъ случаяхъ виновные были обезглавливаемы. Если же грѣхъ совершался съ духовнымъ лицомъ или вѣрующей съ невѣрующимъ, то послѣ обезглавливанія трупъ сводни еще вдобавокъ сжигался.

Съ 1751 по 1769 г. всѣ проститутки высылались въ Банатъ, въ Темесваръ на опредѣленное число лѣтъ, съ запрещеніемъ возвращаться въ Вѣну. Два раза въ годъ отправлялись по Дунаю суда, нагруженныя проститутками и всякаго рода бродягами, приговоренными къ рабочему дому. Каждый транспортъ заключалъ до 300 человѣкъ. Кромѣ того, публичныхъ женщинъ сажали въ крѣпость Karreinitz для наказанія и принудительныхъ работъ.

Въ то же время правительство преслѣдовало и мужчинъ, предававшихся распутству: ихъ сначала подвергали аресту въ „Rumorhaus“; при повтореніи проступка—тѣлесному наказанію и, наконецъ, заключенію въ смирительномъ домѣ.

Въ правленіе Маріи-Терезіи принимались вообще всѣ мѣры, чтобы уничтожить, по тогдашнимъ понятіямъ, самыя причины возникновенія проституціи. Такъ, кромѣ строгаго преслѣдованія уличной проституціи, закрытія публичныхъ домовъ и тайныхъ притоновъ, кромѣ мѣръ противъ своденъ, въ 1745 г. изданъ законъ, воспрещавшій открывать билліардныя, кофейни и рестораны въ нижнемъ этажѣ, если окна квартиры не выходили на улицу и не было дверей, прямо сообщавшихся съ улицею. Цѣль этого постановленія была облегчить полиціи наблюденіе за нравами, такъ какъ подобныя заведенія имѣли женскую прислугу и были притонами тайной проституціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Марія-Терезія заботилась объ увеличеніи числа браковъ. Если соблазнитель беременной дѣвушки отказывался на ней жениться, а она вела себя честно и добропорядочно, то ей выдавался дипломъ, который возстановлялъ ея честь и, такимъ образомъ, предостерегалъ отъ дальнѣйшаго разврата.

Наконецъ, для очищенія нравовъ, установлена была „коммисія цѣломудрія“, особенно процвѣтавшая между 1751 и 1768 годами. Комиссія розыскивала всевозможными путями виновныхъ въ прелюбодѣяніи и проституціи и приговаривала ихъ ко всѣмъ вышеупомянутымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, смирительному дому и ссылкѣ.

Къ этому времени всѣ смирительные дома были переполнены проститутками, независимо отъ того, что публичныхъ женщинъ полными грузами на судахъ ссылали въ Темесваръ.

Комиссія эта считала для дѣвушки простительнѣе отравить своего любовника, чемъ отдаться ему.

Какіе же результаты имѣли всѣ эти мѣры?

Появились agents provocateurs, развился шантажъ, усилилось шпіонство, какъ послѣдствіе означенныхъ строгостей. Что же касается собственно проституціи, то она только измѣнила свою форму. Вмѣсто уличной проституціи и обитательницъ публичныхъ домовъ, явился новый классъ женской прислуги, которая, прикрываясь житьемъ въ услу-

женіи, собственно занималась развратомъ. Вѣнскія горничныя (Stubenmädchen) того времени, нарядныя, кокетливыя и всѣмъ доступныя, составляли приманку для иностранцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно увеличилось число нарушеній супружеской вѣрности. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, число проститутокъ въ Вѣнѣ въ тогдашнее время, по словамъ I. Schrank'a, простиралось до 10000 заурядныхъ и 4000 болѣе утонченныхъ.

Во все время правленія Маріи-Терезіи не осталось ни единаго средства, которое не было бы испробовано, не жалѣли ничего, лишь бы искоренить проституцію. Тѣмъ не менѣе, результатомъ всего этого было то, что она воспрянула сильнѣе, чѣмъ прежде, а сифилисъ достигъ такихъ размѣровъ, что всѣ тогдашнія мѣры уменьшить его распространеніе оставались безсильными, и въ 1776 г. Марія-Терезія озаботилась учрежденіемъ въ Вѣнѣ больницъ для венерическихъ больныхъ.

Что касается отношенія современныхъ государствъ къ проституціи, то здѣсь можно прежде всего усмотрѣть слѣдующее явленіе. Современное государство, повидимому, рѣшительно отказалось отъ той задачи, которую государство прежде иногда ставило себѣ—задачи искоренить проституцію. Очевидно подъ вліяніемъ опыта прошлыхъ вѣковъ сложилось убѣжденіе въ безплодности какихъ либо попытокъ съ корнемъ вырвать это зло изъ общественной жизни. Установился взглядъ какъ бы на неизбѣжность этого зла, съ существованіемъ котораго приходится мириться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ государство считаетъ своимъ призваніемъ употреблять мѣры къ сокращенію этого зла и къ возможному предупрежденію вредныхъ послѣдствій его. Сообразно съ характеромъ самаго зла и грозящихъ отъ него послѣдствій, полиція нравовъ въ области проституціи преслѣдуетъ двѣ главныя цѣли: устраненіе нравственной опасности отъ проституціи и удаленіе пагубныхъ послѣдствій ея для народнаго здравія въ виду того, что проституція является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія въ обществѣ страшной заразной болѣзни—сифилиса. Относящіяся сюда мѣры тѣсно переплетаются съ мѣропріятіями нравственнаго характера.

Въ этой области на первомъ планѣ выступаютъ мѣры государства къ охраненію нравственности малолѣтнихъ и подростковъ. Такъ, русское уложеніе о наказаніяхъ (ст. 993) угрожаетъ уголовною карою (тюремнымъ заключеніемъ отъ 2-до 4-хъ мѣсяцевъ) тѣмъ лицамъ, которыя, имѣя надзоръ за малолѣтними или несовершеннолѣтними или находясь въ услуженіи родителей ихъ, опекуновъ или родственниковъ, „будутъ благопріятствовать склонности сихъ малолѣтнихъ или несовершеннолѣтнихъ къ непотребству и другимъ порокамъ, или же побуждать ихъ къ тому своими внушеніями или обольщеніями". Еще болѣе значительныя кары угрожаютъ за сводничество—отцемъ или матерью своихъ дѣтей (ст. 998), мужьями своихъ женъ (ст. 999), опекунами или наставниками своихъ питомцевъ (ст. 1000); за такія преступленія грозитъ лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ Сибирь или отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія.

Государство, далѣе, заботится о томъ, чтобы чувство нравственности населенія и публичная благопристойность не нарушались какими-либо безнравственными дѣйствіями. По 43 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., „безстыдныя или соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ караются арестомъ до 1 мѣсяца или денежнымъ штрафомъ до 100 руб." Обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы не производилось публичнаго соблазна отъ проституціи, лежитъ на общихъ органахъ исполнительной (наружной) полиціи и на спеціальныхъ врачебно-полицейскихъ комитетахъ. Изъ отдѣльныхъ законоположеній по этому предмету образовалась особая глава въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (разд. III, гл. 4-я)—„О непотребствѣ". Въ послѣднемъ изданіи этого устава, 1890 г., находимъ слѣдующія четыре статьи въ этой главѣ. Ст. 155 „воспрещается открывать днемъ и ночью домъ свой или наемный для непотребства, входить въ оный и непотребствомъ своимъ или непотребствомъ иныхъ снискивать себѣ пропитаніе". (Эта статья, однако, стоитъ въ видимомъ противорѣчіи съ допускаемой дѣйствительностію: по ея смыслу дома терпимости ею запрещаются; между тѣмъ они, какъ

извѣстно, существуютъ, подчиняясь лишь извѣстному контролю). Ст. 156: „Полиція ни въ какомъ случаѣ не дозволяетъ возникать непотребнымъ и соблазнительнымъ сборищамъ и повсемѣстно искореняетъ оныя, подъ какимъ бы видомъ и названіемъ они ни существовали". Ст. 157: „Запрещается мужскому полу старѣе семи лѣтъ входить въ торговую баню женскаго пола, а женскому полу въ баню мужескаго пола, когда въ оныхъ другой полъ парится". Ст. 158: „Пользующихся отъ заразительныхъ болѣзней въ госпиталяхъ допрашивать, отъ кого заразились, и по показанію буде заразившія ихъ женщины дѣйствительно окажутся виновными въ непотребствѣ и суть бродящія, подлыя и подозрительныя дѣвки, таковыхъ брать и лечить отъ заразительной болѣзни въ госпиталяхъ, а по вылеченіи, поступать съ ними, какъ о бродягахъ постановлено. Тѣ изъ непотребныхъ женщинъ и дѣвокъ, которыя имѣютъ происходящую отъ ихъ образа жизни заразительную болѣзнь (lues venera), должны открывать о томъ врачу при самомъ началѣ болѣзни".

Эта послѣдняя статья относится уже собственно къ другой сторонѣ полиціи—общественно-врачебной.

Въ этомъ отношеніи главную задачу полиціи проституціи составляетъ борьба съ сифилисомъ. Эта болѣзнь принадлежитъ къ числу особенно страшныхъ по своимъ проявленіямъ и послѣдствіямъ. Вредъ ея усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что эта болѣзнь не только личная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдственная, чрезъ что она, главнымъ образомъ, и получаетъ значеніе общественное. Она, помимо непосредственныхъ своихъ проявленій, составляетъ нерѣдко причину другихъ болѣзней. Значительное число пораженій головного и спинного мозга, глазъ, сочлененій, сердца, печени, почекъ, сосудовъ,—причина которыхъ прежде не была выяснена,—въ послѣднее время объясняются именно сифилисомъ. Всего 20—30 лѣтъ назадъ сифилисъ мозга принимался врачами за явленіе рѣдкое, исключительное; теперь же это составляетъ обыденное наблюденіе, встрѣчаемое каждый день. Масса сифилитиковъ гибнетъ отъ локализаціи болѣзни въ мозгу и едва ли не въ большей части всѣхъ первныхъ пораженій находятъ сифилисъ, какъ главный этіологическій моментъ. Значеніе сифилиса, какъ болѣзни наслѣдственной, еще болѣе ужасно. Не менѣе 71% беременныхъ женщинъ, страдающихъ сифилисомъ, производятъ на свѣтъ мертвые плоды или дѣтей, погибающихъ въ теченіе перваго года жизни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ процентъ достигаетъ 86, т. е. на 100 рожденій только 14 плодовъ остаются жить, остальные же 86 или родятся мертвыми, или погибаютъ въ первое время по рожденіи. Да и у тѣхъ, которые остаются жить, здоровье представляется поколебленнымъ. У дѣтей сифилитиковъ обыкновенно уже въ теченіе перваго года развиваются явленія наслѣдственнаго сифилиса, которыя въ продолженіе долгаго ряда лѣтъ то возобновляются, то проходятъ при соотвѣтственномъ леченіи, то вновь ухудшаются. Несчастный, больной отъ рожденія, всю свою недолгую жизнь проведетъ въ упорной борьбѣ съ болѣзнью, которая въ концѣ концовъ преждевременно унесетъ его въ могилу. „Сифилисъ родителей имѣетъ огромное значеніе, какъ существенный этіологическій моментъ для появленія на свѣтъ всевозможныхъ вырождающихся типовъ, начиная съ первично помѣшанныхъ и постепенно восходя до кретиновъ, идіотовъ, слабоумныхъ, людей порочно развитыхъ отъ рожденія и, далѣе, кончая неврастениками всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, составляющими несчастіе семей и нерѣдко цѣлыхъ обществъ. Длинная вереница разнообразныхъ врожденныхъ болѣзненныхъ отклоненій, которыми сифилитикъ награждаетъ общество — вотъ главное общественное зло, приносимое сифилисомъ".

Такое значеніе болѣзни, распространяемой, главнымъ образомъ, путемъ проституціи, и лежитъ въ основѣ государственной политики по отношенію къ проституціи. По мнѣнію одного изъ лучшихъ спеціалистовъ-сифилидологовъ проф. Тарновскаго, мѣры къ огражденію распространенія венерическихъ болѣзней и сифилиса путемъ проституціи должны быть направлены: во 1-хъ, къ уменьшенію заболѣваемости самихъ проститутокъ; во 2-хъ, къ охраненію общества отъ передачи болѣзни уже зараженными проститутками и, въ 3-хъ, къ доставленію наиболѣе удобнаго способа пользованія больныхъ проститутокъ". Таковы тѣ главныя

санитарныя задачи, которыя ложатся на государство и общество въ отношеніи къ проституціи.

Господствующимъ способомъ осуществленія этихъ задачъ является такъ назыв. *регламентація* проституціи, подъ которою разумѣется система мѣропріятій, обезпечивающихъ путемъ дѣятельнаго контроля и надзора наличность извѣстныхъ санитарныхъ условій, которыми обставляется профессіональная проституція въ интересахъ возможнаго предупрежденія грозящихъ отъ нея опасностей. Эта санитарная регламентація проституціи представляетъ собою явленіе сравнительно новое: начало ея относится обыкновенно къ концу XVIII вѣка, когда во Франціи (именно, въ Парижѣ въ 1778 г.) впервые былъ установленъ санитарный надзоръ по отношенію къ проституціи. Изъ Франціи регламентація была перенесена въ другія страны, въ томъ числѣ и въ Россію.

Основы дѣйствующей у насъ системы регламентаціи скопированы съ французскаго образца. Онѣ установлены были впервые съ образованіемъ въ 1843 г. особыхъ врачебно-полицейскихъ комитетовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ и Нижнемъ-Новгородѣ во время ярмарки. Для того, чтобы дать болѣе отчетливое представленіе о подробностяхъ регламентаціи проституціи, мы приведемъ сначала нѣкоторыя общія положенія дѣйствующаго законодательства по этому предмету, а затѣмъ болѣе детально остановимся на системѣ регламентаціи проституціи въ Петербургѣ.

По дѣйствующимъ правиламъ, къ предохраненію отъ сифилиса предписываются слѣдующія мѣры. Во всѣхъ городахъ должны составляться полные и вѣрные списки публичнымъ женщинамъ. Составленіе списковъ лежитъ на обязанности полиціи, которая, кромѣ того, въ случаѣ выбытія публичной женщины изъ города, увѣдомляетъ о томъ полицейское начальство того мѣста, куда она отправляется. Списки публичныхъ женщинъ хранятся: въ губернскихъ городахъ—во врачебномъ управленіи, въ уѣздныхъ—въ городской больницѣ у врача. Значащіяся въ спискахъ женщины должны подвергаться періодическому освидѣтельствованію. Оно должно быть производимо не менѣе одного раза въ недѣлю: въ больницахъ — состоящими при нихъ

врачами, въ губернскихъ городахъ — подъ непосредственнымъ надзоромъ губернскаго врачебнаго инспектора или члена врачебнаго управленія. Женщины, которыя по свидѣтельству окажутся зараженными, должны быть оставляемы въ больницѣ для излеченія. Отъ поступающихъ въ больницы лицъ мужскаго пола, одержимыхъ болѣзнью, должны отбираться показанія о томъ, отъ кого они заразились. Свѣдѣнія эти сообщаются полиціи и должны служить указаніемъ на открытіе женщинъ, тайно промышляющихъ развратомъ. Фабрики, заводы и другія многолюдныя заведенія должны имѣть, по возможности, своихъ врачей для періодическаго свидѣтельствованія рабочихъ мужчинъ; женщинъ же не иначе, какъ въ случаѣ сильныхъ сомнѣній на счетъ ихъ здоровья. Врачебному свидѣтельствованію должны быть подвергаемы всѣ лица низшаго класса обоего пола, забираемыя полиціею за проступки противъ благочинія. Эти мѣры, а равно и другія, принимаемыя въ тѣхъ же видахъ администраціею, имѣютъ свою санкцію въ уголовномъ законѣ. Такъ, „за неисполненіе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства и пресѣченію вредныхъ отъ онаго послѣдствій“, уст. о нак., нал. мир. суд. (ст. 44) караетъ виновныхъ арестомъ до 1 мѣсяца или денежнымъ штрафомъ до 100 руб. Карается также и зараженіе сифилисомъ: ст. 103 уст. о нак. гласитъ — „за сообщеніе другимъ происходящей отъ непотребства заразительной болѣзни виновные подвергаются аресту не свыше 2-хъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше 200 руб“.

Посмотримъ теперь на систему регламентаціи проституціи, какою она является въ Петербургѣ. Воспользуемся для этого данными, сообщаемыми д-ромъ А. И. Федоровымъ, инспекторомъ мѣстнаго врачебно-полицейскаго Комитета [1]. Комитетъ этотъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ помощника градоначальника, изъ членовъ — инспектора столичнаго врачебнаго управленія, инспектора врачебно-полицейскаго комитета и члена-распорядителя того же комитета. Врачебный персоналъ комитета составляютъ: ин-

[1] Вѣстникъ обществ. гигіены, судебн. и практич. медицины 1892 г. январь.

спекторъ его, восемь участковыхъ врачей и три повивальныя бабки. При комитетѣ состоятъ по вольному найму 20 человѣкъ агентовъ или смотрителей. Обязанности инспектора комитета состоятъ: въ общемъ наблюденіи за правильностью медицинскихъ осмотровъ по всѣмъ отдѣленіямъ, въ административныхъ сношеніяхъ съ больницами, въ провѣркѣ явокъ зарегистрированныхъ въ списки комитета женщинъ, въ періодическихъ ревизіяхъ санитарнаго благоустройства домовъ терпимости и тайныхъ притоновъ и въ веденіи медицинской отчетности съ обращеніемъ особаго вниманія на контингентъ сифилитокъ. Участковые врачи несутъ на себѣ смотровыя дежурства каждый по три дня въ недѣлю. Весь Петербургъ раздѣленъ комитетомъ на 8 врачебныхъ участковъ, и каждый участковый врачъ обязанъ не менѣе раза въ мѣсяцъ осмотрѣть санитарное состояніе всѣхъ домовъ терпимости своего участка. При этомъ онъ долженъ обращать вниманіе: на общія гигіеническія условія всего помѣщенія, на исполненіе гигіеническихъ правилъ женщинами, на удовлетворительность питанія ихъ и т. д. Агенты, или смотрители комитета, являются дѣятельными органами ближайшаго надзора за проститутками. Каждому изъ нихъ назначается извѣстный районъ Петербурга, гдѣ онъ долженъ наблюдать за домами терпимости въ отношеніи исполненія ими правилъ комитета, за своевременной явкой къ медицинскому осмотру одиночекъ, которыхъ въ иномъ районѣ живетъ до 200, и за женщинами, допускающими подозрѣвать ихъ въ промыслѣ проституціей. Кромѣ того, смотрители назначаются ежедневно для занятій по регистраціи женщинъ, во время ихъ явки къ осмотру, и для вечернихъ дежурствъ на большихъ улицахъ и у подъѣздовъ увеселительныхъ собраній низшаго сорта. На нихъ, такимъ образомъ, лежитъ ближайшее наблюденіе за женщинами, занимающимися уличной провокаціей. Заподозрѣвъ женщину въ промыслѣ проституціей, смотритель слѣдитъ за дальнѣйшимъ поведеніемъ этой женщины, узнаетъ мѣсто ея жительства, осторожно спрашиваетъ о ней дворника и, въ случаѣ собранія достаточныхъ фактовъ, доводитъ до свѣдѣнія комитета. Въ комитетѣ отдаютъ приказаніе смотрителю или секретно пригласить къ медицинскому осмотру

указанную имъ женщину, если налицо имѣются достаточно вѣскіе факты, или же оставляютъ ее подъ дальнѣйшимъ секретнымъ наблюденіемъ. Въ первомъ случаѣ, женщина большею частью является въ комитетъ безъ принужденія и, въ виду представленныхъ ей собранныхъ смотрителемъ свѣдѣній, добровольно подчиняется правиламъ медицинскихъ осмотровъ, въ чемъ и даетъ подписку; въ рѣдкихъ же случаяхъ женщина отказывается являться въ комитетъ и тогда объ ней дѣлается докладъ въ засѣданіи комитета. Здѣсь вторично разсматриваются свѣдѣнія, добытыя смотрителемъ, и если они не оставляютъ сомнѣнія относительно приписываемой ей профессіи, то женщину подчиняютъ надзору журнальнымъ постановленіемъ, послѣ чего ее приглашаютъ уже черезъ полицейскій участокъ. Если послѣ состоявшагося постановленія комитета о привлеченіи женщины, какъ проститутки, къ санитарнымъ осмотрамъ послѣдняя всетаки не является, то ее привлекаютъ къ взысканію черезъ мирового судью, [1] по ст. 44 уст. о наказ. Такимъ же образомъ комитетъ поступаетъ и съ женщинами уже состоящими подъ надзоромъ, но самовольно прекращающими явку къ санитарнымъ осмотрамъ.

Врачебно-полицейскій комитетъ имѣетъ наблюденіе надъ двумя главными категоріями проститутокъ—обитательницъ публичныхъ домовъ и такъ назыв. одиночекъ. Надзоръ за публичными домами выражается въ слѣдующемъ: слѣдить, не допускаются ли къ промыслу въ какомъ-либо публичномъ домѣ постороннія, не состоящія подъ надзоромъ женщины, не производится ли запрещенная въ публичныхъ домахъ продажа спиртныхъ напитковъ, чисто ли и питательно ли содержитъ хозяйка своихъ женщинъ, не изнуряютъ ли ихъ промысломъ, не спаиваютъ ли виномъ и правильно ли

[1] Здѣсь авторъ высказываетъ сожалѣніе по поводу того, что мировые судьи чрезчуръ снисходительно относятся къ этимъ проступкамъ. Сознанія обязательности и пользы медицинскихъ осмотровъ у проститутокъ нѣтъ; только одинъ нѣмецкій элементъ отличается необыкновенной точностью въ своихъ явкахъ, и бываютъ такія изъ нихъ, которыя являются пять разъ въ мѣсяцъ. Многія же проститутки своимъ постояннымъ уклоненіемъ отъ медицинскихъ осмотровъ ставятъ комитетъ, особенно смотрителей, въ трудное положеніе.

женщины являются къ медицинскому осмотру, а равно, исполняютъ ли онѣ правила гигіены въ смыслѣ обмываній и оставляютъ ли промыселъ на время менструацій. Эти наблюденія ведутъ смотрители комитета и врачи.

Вторая категорія проституткъ, гораздо болѣе многочисленная, это—проститутки одиночки, т. е. живущія каждая порознь, иногда вдвоемъ. Онѣ составляютъ главную заботу комитета въ дѣлѣ санитарнаго надзора за ними. Хотя при подчиненіи каждой проститутки надзору ей внушается единственная ея обязанность—являться разъ въ недѣлю къ медицинскому осмотру, въ какой ей угодно день,—хотя объ этой обязанности и упомянуто въ выдаваемомъ ей бланкѣ, но немногія добросовѣстно выполняютъ ее. Добросовѣстностью относительно явки къ осмотру отличаются нѣмки и тѣ изъ русскихъ, которыя по матеріальному своему положенію составляютъ среднюю ступень.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ категорій, въ комитетѣ существуетъ рубрика „комиссіонныхъ женщинъ“. Это такія женщины, которыя доставляются изъ полицейскихъ участковъ, какъ подозрѣваемыя въ развратной жизни или же завѣдомыя проститутки, но взятыя въ ночное время на улицахъ. Всѣхъ такихъ женщинъ опрашиваютъ, производятъ надъ ними медицинскій осмотръ, уже состоявшимъ подъ надзоромъ дѣлаютъ внушеніе избѣгать улицъ вообще и особенно въ ночное время, изъ числа подозрѣваемыхъ нѣкоторыя подчиняются медицинскому надзору добровольно, другія же отпускаются безъ подчиненія, но остаются подъ полицейскимъ надзоромъ.

По правиламъ С.-Петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета, проститутки должны являться для медицинскаго осмотра: изъ домовъ терпимости—два раза въ недѣлю, со своихъ квартиръ (одиночки)—одинъ разъ въ недѣлю. Что касается степени точности въ выполненіи требованія объ осмотрѣ, то по даннымъ за три года (1888—1890) видно, что число осмотровъ за эти годы шло, постепенно увеличиваясь, при одномъ и томъ же числѣ проститутокъ (въ 1888 г. было 86.121 осмотровъ, въ 1890 г.—103.904).

Для медицинскаго осмотра проститутокъ въ Петербургѣ устроены особыя помѣщенія при полицейскихъ домахъ, въ

трехъ крайнихъ пунктахъ (въ послѣдніе годы всѣ публичные дома Петербурга сосредоточены по окраинамъ города).

Говоря о регламентаціи проституціи, любопытно отмѣтить фактъ постепеннаго уменьшенія числа публичныхъ домовъ. Это явленіе замѣчено и въ Петербургѣ и въ Парижѣ Такъ, въ Петербургѣ за 20-ти лѣтній періодъ съ 1872 г. высшая цифра публичныхъ домовъ приходится на 1879 г., когда ихъ было 206 (съ 1528 женщ.); съ тѣхъ поръ она падала постепенно и въ 1891 г. дошла до 69 съ 608 женщ. Съ другой стороны, въ Парижѣ видимъ то же: въ 1843 г. тамъ было 235 домовъ терпимости; въ 1860 г. — 194; въ 1870 г.—125; въ 1883 г.—101; въ 1889 г.—всего только 66 (съ 726 женщ.). При этомъ, однако, замѣчается и такое явленіе: тогда какъ въ Петербургѣ число регламентированныхъ проститутокъ хотя и медленно, но постепенно растетъ (въ 1872 г. ихъ было 2532; въ 1883 г.—4700; затѣмъ однако идетъ паденіе — въ 1890 г. ихъ было всего до 3000), въ Парижѣ число регламентированныхъ проститутокъ падаетъ съ 4.159 въ 1846 г. до 2.833 въ 1883 и 1.730 въ 1889 г. Причину сокращенія числа публичныхъ домовъ, быть можетъ, не безъ основанія, видятъ въ возрастающемъ развитіи различнаго рода заведеній, содѣйствующихъ разврату, безъ непригляднихъ сторонъ публичныхъ домовъ, въ родѣ établissements en garnis, débits de boisson и т. под. Д-ръ Федоровъ объясняетъ сокращеніе въ Петербургѣ домовъ терпимости запрещеніемъ продавать въ нихъ спиртные напитки и постепеннымъ выселеніемъ публичныхъ домовъ на окраины столицы. Въ Москвѣ же, прибавляетъ онъ, дома терпимости расположены въ центральныхъ частяхъ города, торговля спиртными напитками въ нихъ процвѣтаетъ, поэтому и публичныхъ домовъ тамъ вдвое больше противъ Петербурга.

Въ заключеніе очерка полиціи проституціи въ Россіи необходимо упомянуть о работахъ „Съѣзда по обсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи“. Съѣздъ этотъ состоялся въ Петербургѣ въ началѣ 1897 года (онъ засѣдалъ съ 15 по 22 января). Онъ былъ посвященъ всестороннему обсужденію вопроса о распространенности сифилиса въ Россіи, о причинахъ большого развитія его, а также о наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣрахъ борьбы съ этою и другими вене-

рическими болѣзнями. Въ частности, въ работахъ съѣзда значительное вниманіе было удѣлено и вопросу о проституціи и мѣрахъ по отношенію къ ней [1]).

Съѣздъ призналъ, что „проституція является главнѣйшимъ и самымъ могучимъ агентомъ распространенія сифилиса и венерическихъ болѣзней въ городахъ". Съ другой стороны, съѣздъ нашелъ возможнымъ формулировать положеніе о томъ, что „проституція — трудно искоренимый элементъ соціальнаго строя" и что „развитію ея способствуютъ, главнымъ образомъ, неблагопріятныя экономическія условія, упадокъ общественной нравственности, умственное недоразвитіе, стремленіе къ быстрой и легкой наживѣ и, наконецъ, врожденныя порочныя наклонности, какъ послѣдствія вырожденія". Борьба съ этими факторами можетъ быть тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ шире развивается забота государства и общества въ отношеніи къ развитію условій экономическаго благосостоянія и духовно-нравственнаго прогресса. Но рядомъ съ этимъ необходимо тщательно заботиться о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ по возможности ослабить вредныя послѣдствія и проявленія проституціи при наличномъ положеніи дѣла.

Работы съѣзда обнаружили, что настоящее положеніе надзора за проституціей представляется далеко неудовлетворительнымъ.

Города, гдѣ за проституціей имѣется надзоръ, могутъ быть подраздѣлены, несмотря на разнообразіе въ деталяхъ, на три группы. Къ первой относятся города, гдѣ имѣются врачебно-полицейскіе комитеты (Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Рига, Нижній-Новгородъ); ко второй группѣ относятся города, гдѣ надзоромъ вѣдаютъ городскіе санитарные комитеты или другія учрежденія, дѣйствующія самостоятельно и не составляющія органа полиціи. Къ третьей, наиболѣе многочисленной группѣ, принадлежатъ города, въ которыхъ фактическій надзоръ всецѣло находится въ единичномъ вѣдѣніи чиновъ общей полиціи. Въ нѣкоторыхъ городахъ этой категоріи имѣются при полицей-

[1]) Вѣстникъ общественной гигіены, судебной и практической медицины, Февраль 1897 года. (Отд. IX. стр. 17 и сл.).

скихъ управленіяхъ комитеты, характеръ которыхъ чисто совѣщательный. Такіе комитеты, за малыми исключеніями, не имѣютъ никакого фактическаго значенія. Въ очень многихъ городахъ рѣшительно никакого надзора за проституціей не существуетъ. Въ нѣкоторыхъ даже большихъ городахъ (напр. Харьковъ) надзоръ распространяется только на женщинъ домовъ терпимости, а одиночки остаются внѣ всякаго контроля. Повсемѣстно дѣятельность врачебно-полицейскихъ комитетовъ парализуется недостаткомъ числа агентовъ, которымъ порученъ розыскъ тайныхъ проститутокъ и наблюденіе за ними. Многія изъ предписываемымъ закономъ и административными распоряженіями правилъ не выполняются. Такъ, несмотря на существующее узаконеніе, во многихъ городахъ проститутки, заболѣвшія сифилисомъ, не пользуются безплатнымъ леченіемъ.

Съ другой стороны, привлеченіе къ надзору нигдѣ не обставлено достаточными гарантіями, исключающими возможность произвола. Особенно прискорбные въ этомъ отношеніи случаи бываютъ въ городахъ, гдѣ нѣтъ врачебно-полицейскихъ комитетовъ и подобныхъ имъ учрежденій. Въ частности, при отбираніи подписки въ добровольномъ согласіи подчиниться надзору, нерѣдко злоупотребляютъ непониманіемъ и безграмотностью женщинъ.

Съѣздъ въ своихъ работахъ остановился на подробномъ разсмотрѣніи того, что должно быть сдѣлано для упорядоченія системы надзора за проституціею. По его заключенію, слѣдуетъ установить общія руководящія начала надзора за проституціей и противодѣйствія ея развитію, обязательныя для всей Имперіи. Дѣло надзора должно находиться въ рукахъ особаго коллегіальнаго учрежденія, которому слѣдуетъ подчинить какъ врачебную, такъ и распорядительную часть надзора. По мнѣнію съѣзда, дѣло это повсемѣстно должно быть передано въ вѣдѣніе городскихъ общественныхъ управленій или замѣняющихъ ихъ учрежденій. Необходимо веденіе точной статистики проституціи, для чего нужно установить форму, общую и обязательную для всѣхъ городовъ Имперіи. Въ настоящее время трудность надзора за явкою къ осмотрамъ одиночекъ въ большихъ городахъ обусловливается недостаточнымъ числомъ

и качествомъ предназначенныхъ для того агентовъ. Порученіе этого дѣла чинамъ общей полиціи возможно только въ малыхъ городахъ. Въ среднихъ и большихъ городахъ необходима спеціально предназначенная для надзора за проститутками агентура.

Больничное леченіе сифилиса и венерическихъ болѣзней должно быть обязательнымъ и безплатнымъ для проститутокъ всѣхъ категорій. При этомъ съѣздъ счелъ нужнымъ отмѣтить въ своихъ постановленіяхъ необходимость позаботиться о нравственномъ воздѣйствіи на проститутокъ. „Пребываніе ихъ въ больницахъ должно быть обставлено такимъ образомъ, чтобы время не проходило въ праздности и тоскѣ о прерванной профессіи. Время это, наиболѣе удобное для нравственнаго воздѣйствія на нихъ цѣлесообразнымъ трудомъ по вкусу каждой, чтеніемъ, посѣщеніемъ церкви и различными развлеченіями въ стѣнахъ больницы, должно быть временемъ тѣлеснаго и душевнаго отдыха отъ атмосферы разврата и пьянства. Администрація больницъ и частныя общества могутъ обнаружить здѣсь широкую дѣятельность на пользу несчастныхъ женщинъ“.

Дома терпимости съѣздъ принципіально призналъ нежелательными, но при условіи существующаго надзора они могутъ быть терпимы впредь до улучшенія надзора за проституціей вообще. Въ этихъ домахъ на санитарныя условія слѣдуетъ обращать большее вниманіе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ; необходимо было бы установить извѣстную обязательную норму санитарныхъ требованій. Гдѣ возможно, осмотръ проститутокъ слѣдуетъ поручать женщинамъ-врачамъ.

Въ интересахъ общественной нравственности слѣдуетъ принять мѣры къ возможному ограниченію уличной провокаціи со стороны проститутокъ. Всѣ формы вербовки женщинъ, извѣстныя подъ именемъ „торговли живымъ товаромъ“, должны быть строго преслѣдуемы. Необходимо, по мнѣнію съѣзда, больше заботиться объ охранѣ несовершеннолѣтнихъ: „опекуны должны быть назначаемы не только для охраны имущества, но, главнымъ образомъ, и для охраны личности сиротъ“. Слѣдуетъ установить минимальный возрастъ въ 16 лѣтъ для одиночекъ и въ 18 лѣтъ для

домовъ терпимости; только съ достиженіемъ этого возраста проститутка можетъ быть зарегистрована. Проститутокъ моложе 16 лѣтъ, которыя не могутъ быть отданы на попеченіе родителей или опекуновъ, слѣдуетъ помѣщать въ благотворительныя учрежденія до достиженія 16-лѣтняго возраста, но не оставлять на свободѣ.

Сосредоточивъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на мѣрахъ по отношенію къ проституціи въ городахъ, съѣздъ коснулся также и вопроса о проституціи среди сельскаго населенія. Сельская проституція существуетъ, главнымъ образомъ, въ видѣ тайной проституціи; профессіональный характеръ она принимаетъ въ селеніяхъ торгово-промышленныхъ, фабрично-заводскихъ, въ мѣстахъ расположенія войскъ и вообще тамъ, гдѣ условія жизни приближаются къ условіямъ городскихъ пунктовъ. Въ селахъ и деревняхъ съ незначительнымъ пришлымъ населеніемъ, жители которыхъ занимаются, главнымъ образомъ, земледѣліемъ или кустарными промыслами, профессіональная проституція почти вполнѣ отсутствуетъ. Сельская проституція представляетъ значительную опасность, особенно въ виду почти полной безконтрольности ея. Вліяніе сельской проституціи на распространеніе сифилиса подтверждается не только указаніями на зараженія отъ сельскихъ проститутокъ, но и повышеніемъ процента половыхъ зараженій сифилисомъ среди сельскаго населенія. Сельская проституція, какъ явленіе сравнительно новое, мало изучена, имѣющіяся о ней свѣдѣнія скудны и отрывочны; поэтому прежде всего необходимо изученіе ея. Въ отношеніи къ сельской проституціи вижнѣйшими мѣрами должны быть: а) установленіе постояннаго правильнаго надзора въ селеніяхъ, гдѣ она развита; б) установленіе временнаго надзора въ мѣстахъ временнаго скопленія людей и в) обезпеченіе больничнаго леченія заболѣвшихъ сифилисомъ проститутокъ. Въ мѣстахъ расположенія войскъ, гдѣ не имѣется земскихъ или сельскихъ врачей, осмотры проститутокъ должны быть возложены на военныхъ врачей и на вольнопрактикующихъ за плату отъ учрежденій, вѣдающихъ народное здравіе. Количество врачей и больницъ въ селахъ, деревняхъ, посадахъ, мѣстечкахъ и пр. должно быть увеличено вообще, а въ

особенности въ губерніяхъ, въ которыхъ нѣтъ земскихъ учрежденій.

Вотъ наиболѣе существенные изъ результатовъ занятій съѣзда по обсужденію мѣръ противъ сифилиса, поскольку развитіе этой болѣзни имѣетъ соотношеніе съ проституціей. Въ этихъ заключеніяхъ съѣзда есть много важныхъ и полезныхъ указаній на слабыя стороны дѣйствующей системы регламентаціи проституціи, и надо надѣяться, что, сообразно съ этими указаніями, въ эту систему будутъ внесены нужныя исправленія и дополненія.

Врачебно-полицейская регламентація проституціи составляетъ господствующую форму политики государства по отношенію къ проституціи. Въ послѣднія десятилѣтія, однако, противъ регламентаціи возникло въ разныхъ странахъ болѣе или менѣе сильное движеніе, извѣстное подъ именемъ „аболиціонизма“. Движеніе это впервые возникло въ 60-хъ гг. въ Англіи въ формѣ протеста противъ изданныхъ (въ 1864 — 1869 гг.) законовъ о регламентаціи проституціи (The Contagious deseases prevention Act), бывшей до того времени совершенно свободною. Сущность этихъ законовъ заключалась въ томъ, что если полиція укажетъ мировому судьѣ на женщину, занимающуюся развратомъ, то судья можетъ вытребовать ее и приказать подвергать ее періодическимъ врачебнымъ осмотрамъ. Если женщина окажется больною, то ее немедленно отсылаютъ въ спеціальный госпиталь. Если же она не исполняетъ этихъ требованій, то можетъ быть подвергнута заключенію въ тюрьмѣ до 1 мѣсяца. Вскорѣ же по введеніи въ дѣйствіе этого законодательства въ Англіи стали образовываться различныя ассоціаціи, съ цѣлью протеста противъ регламентаціи проституціи. Особенною энергію въ дѣлѣ этой пропаганды проявила мистрисъ Бутлеръ (Josephine Butler). Не ограничиваясь пропагандою своихъ идей въ Англіи, она въ половинѣ 70-хъ гг. совершила поѣздку по Европѣ и во многихъ пунктахъ читала публичныя лекціи о необходимости борьбы противъ регламентаціи проституціи. Усиліями ея и ея единомышленниковъ была организована даже международная

ассоціація, получившая названіе „Fédération britannique continentale et générale pour l'abolition de la police des moeurs“, которая устроила въ 1877 г. въ Женевѣ первый конгрессъ аболиціонистовъ. „Цѣль федераціи, — говорилъ президентъ этого конгресса,—есть борьба съ регламентаціею проституціи и обязательнымъ осмотромъ женщимъ. Эти мѣры оскорбляютъ нравственное чувство, несовмѣстимы съ истинными понятіями о свободѣ и не достигаютъ врачебныхъ цѣлей. Задача конгресса—доказать справедливость этихъ пожеланій и указать средства къ борьбѣ съ проституціей, чего до сихъ поръ не сдѣлала ни одна изъ регламентаціонныхъ системъ“. Впослѣдствіи федерація имѣла еще нѣсколько конгрессовъ (въ 1880 г. въ Генуѣ, въ 1883 г.—въ Гагѣ, въ 1886 г.—въ Лондонѣ). По отношенію къ Англіи агитація аболиціонистовъ оказалось успѣшной: въ 1886 г. дѣйствительно были отмѣнены акты о надзорѣ за проституціею. Въ другихъ мѣстахъ движеніе аболиціонизма еще не привело къ значительнымъ практическимъ результатамъ, но оно развивается все болѣе и болѣе; особенно горячихъ адептовъ, кромѣ Англіи, оно имѣетъ во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи. Въ Россію движеніе аболиціонизма также проникло: впервые въ Финляндіи, въ 1879 г., была образована секція федераціи; въ 1885 г. пріѣзжала въ Финляндію и Петербургъ изъ Стокгольма г-жа Андерсонъ и въ рядѣ публичныхъ чтеній пропагандировала идеи аболиціонизма. Во внутренней Россіи онѣ также имѣютъ уже нѣсколько горячихъ адептовъ, главнымъ образомъ, среди врачей, которые уже дѣлали опыты распространенія своихъ взглядовъ на съѣздахъ врачей и въ разныхъ ученыхъ обществахъ.

Основныя положенія ученія аболиціонистовъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ борьбѣ противъ регламентаціи они исходятъ изъ убѣжденія полнаго равноправія между мужчинами и женщинами, которыя не должны быть подвергаемы унизительному и оскорбительному осмотру, тѣмъ болѣе, что этотъ осмотръ, по ихъ убѣжденію, представляетъ собою ложную гарантію здоровья, гигіеническую ошибку. Государство не должно благопріятствовать злу, а тѣмъ болѣе входить въ сдѣлку съ порокомъ. Оно должно запрещать всякую коллективную организацію проституціи и

преслѣдовать проксенетизмъ во всѣхъ его видахъ и всѣхъ его соучастниковъ; оно должно подавлять порокъ, а не регламентировать его. Регламентація проституціи служитъ огромнымъ припятствіемъ къ обращенію проститутокъ, потому что внесеніе въ списки и медицинскій осмотръ идутъ въ разрѣзъ съ чувствомъ стыдливости, безусловно не чуждымъ ни одной женщинѣ, и затрудняютъ возможное и желательное возвращеніе на честный путь женщины, какъ бы низко она ни пала. По убѣжденію аболиціонистовъ, не объ упорядоченіи проституціи слѣдуетъ заботиться обществу, а объ ея совершенномъ прекращеніи, для чего нужно уничтожить публичные дома, искоренить всѣ виды проксенетизма, строго преслѣдовать уличную проституцію во всѣхъ ея проявленіяхъ. Рядомъ съ этимъ, помощью распространенія нравственныхъ понятій, повышенія общаго благосостоянія и укрѣпленія семейныхъ началъ, слѣдуетъ уничтожить самую потребность въ проституціи, сдѣлать ее невозможною и ненужною.

Ученіе аболиціонистовъ, проникнутое гуманными началами равноправія, свободы и ставящее себѣ привлекательныя цѣли, способно вызвать къ себѣ большое сочувствіе. Этимъ и слѣдуетъ объяснить растущій успѣхъ его. Но это ученіе, по убѣжденію многихъ выдающихся спеціалистовъ въ области санитарно-медицинскаго значенія проституціи, опирается на ложное представленіе о многихъ сторонахъ проституціи. Примѣненіе этого ученія на практикѣ грозитъ, по ихъ мнѣнію, еще болѣе ужасными послѣдствіями для общественнаго здравія, чѣмъ тѣ, какія замѣчаются при регламентаціи. Регламентацію въ томъ видѣ, въ какомъ она практикуется въ настоящее время, даже сторонники ея считаютъ неудовлетворительною. Въ ней необходимы коренныя реформы на основаніи указаній опыта и науки, но самый принципъ регламентаціи долженъ быть сохраненъ, такъ какъ при наличныхъ условіяхъ общежитія и воспитанія она представляетъ собою единственный способъ предупрежденія еще большаго вреда отъ проституціи.

Въ связи съ движеніемъ аболиціонизма и въ значительной степени подъ его вліяніемъ въ послѣдніе годы въ европейскихъ государствахъ былъ выдвинутъ вопросъ о мѣрахъ борьбы съ вербовкою женщинъ или торговлею женщинами въ цѣляхъ разврата (traite des blanches). Явленіе это, характеризующееся систематическимъ совращеніемъ и вовлеченіемъ молодыхъ женщинъ на путь разврата, главнымъ образомъ къ поступленію въ дома терпимости, уже давно было извѣстно; но оно получило особенно сильное развитіе во второй половинѣ XIX стол., при чемъ, благодаря усовершенствованнымъ путямъ сообщенія и средствамъ сношеній, оно пріобрѣло характеръ международнаго торга. Въ частности, обнаружено было, что большое количество европейскихъ женщинъ изъ разныхъ государствъ вывозится въ Южно-Американскія государства, преимущественно въ Аргентинскую республику, при чемъ вывозятся онѣ большею частью путемъ обмана, соблазна выгодными мѣстами, вмѣсто которыхъ легкомысленныя жертвы обмана попадаютъ въ дома терпимости.

Иниціатива широкой борьбы съ вербовкою женщинъ принадлежитъ Лондонскому филантропическому обществу „National Vigilance Association.“ Возникшее въ 1885 г. съ цѣлью борьбы съ противонравственными явленіями, это общество въ своей дѣятельности удѣлило большую долю вниманія попеченію о дѣвушкахъ и женщинахъ, впавшихъ въ развратъ или находящихся въ опасности быть вовлеченными въ развратную жизнь. Въ частности оно неоднократно сталкивалось со случаями международной агентуры по совращенію молодыхъ женщинъ, путемъ обмана, насилія и иныхъ способовъ эксплоатаціи. Широкое развитіе торговли женщинами, принявшей въ различныхъ странахъ размѣры организованнаго промысла, въ связи съ отсутствіемъ въ дѣйствующихъ законодательствахъ мѣръ успѣшнаго преслѣдованія виновныхъ и сознаніемъ, что въ данномъ случаѣ отдѣльнымъ государствамъ надлежитъ сплотиться въ интересахъ борьбы съ постыднымъ промысломъ, привело дѣятелей National Vigilance Association къ убѣжденію въ желательности созыва международнаго конгресса по этому предмету. Благодаря энергіи ихъ и особенно секретаря названной ассоціаціи, г. Александра Кутъ (A. Coote), въ іюнѣ 1899 года въ Лондонѣ состоялся первый „Международный конгрессъ по вопросу о торговлѣ женщинами для цѣлей разврата“ — конгрессъ, въ которомъ приняли

участіе многіе выдающіеся общественные дѣятели разныхъ странъ, въ качествѣ делегатовъ отъ благотворительныхъ обществъ и отъ особыхъ комитетовъ. Кромѣ Англіи, на конгрессѣ были представлены Австрія, Бельгія, Германія, Голландія, Данія, Норвегія, Россія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Швейцарія и Швеція. Доложенныя конгрессу сообщенія подтвердили фактъ широкаго развитія въ разныхъ странахъ гнуснаго промысла торговли женщинами. При этомъ выяснилась затруднительность и часто полная невозможность судебнаго преслѣдованія виновныхъ, вслѣдствіе отсутствія въ законодательствахъ соотвѣтственныхъ нормъ по репрессіи преступленій, различные акты которыхъ совершаются въ различныхъ странахъ. Конгрессъ пришелъ къ заключенію о необходимости организовать повсемѣстно энергическую борьбу съ торгомъ женщинами путемъ созданія особыхъ ассоціацій и тѣснаго взаимодѣйствія ихъ съ различными благотворительными обществами защиты женщинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ призналъ желательнымъ соглашеніе между правительствами объ установленіи во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ наказанія за побужденіе, — посредствомъ насилія, обмана, злоупотребленія властью или всякихъ другихъ способовъ принужденія, — женщинъ или дѣвушекъ предаваться развратной жизни или оставаться въ ней; необходимымъ было признано и обезпеченіе надлежащихъ способовъ разслѣдованія и преслѣдованія обнаруживаемыхъ случаевъ.

Ближайшимъ практическимъ послѣдствіемъ Лондонскаго конгресса было образованіе въ странахъ, имѣвшихъ въ немъ своихъ представителей (а также и въ нѣкоторыхъ другихъ), національныхъ комитетовъ и обществъ, занявшихся осуществленіемъ пожеланій конгресса. Въ Россіи съ января 1900 г. возникло „Россійское общество защиты женщинъ“, поставившее цѣлью содѣйствовать предохраненію дѣвушекъ и женщинъ отъ опасности быть вовлеченными въ развратъ и возвращенію уже падшихъ женщинъ къ честной жизни.

Дѣятелямъ какъ русскаго, такъ и заграничныхъ обществъ пришлось на первыхъ же порахъ убѣдиться, что ихъ стараніе вести борьбу съ торговлею женщинами, путемъ

преслѣдованія агентовъ этого промысла, будетъ парализоваться отсутствіемъ въ существующихъ законодательствахъ различныхъ странъ соотвѣтственныхъ нормъ, которыя признавали бы преступными дѣйствія и происки агентовъ и обезпечивали бы возможность уголовнаго преслѣдованія ихъ за акты, совершаемые въ разныхъ государствахъ. Выраженное еще на Лондонскомъ конгрессѣ сознаніе необходимости выработать международныя законодательныя мѣры борьбы съ торговлею женщинами привело къ рѣшенію возбудить вопросъ о созваніи оффиціальной конференціи представителей государства. Иниціативу созыва ея рѣшило принять на себя французское правительство, чему особенно содѣйствовалъ извѣстный сенаторъ Р. Бераже, авторъ многихъ гуманитарныхъ актовъ новѣйшаго французскаго законодательства. Конференція состоялась въ іюлѣ 1902 года въ Парижѣ (Conférence internationale pour la répression de la traite des blanches), при участіи оффиціальныхъ делегатовъ отъ правительствъ 15 европейскихъ и 1 Южно-Американскаго государствъ (Австріи, Бельгіи, Великобританіи, Венгріи, Германіи, Голландіи, Даніи, Испаніи, Италіи, Норвегіи, Португаліи, Россіи, Франціи, Швейцаріи, Швеціи и Бразиліи).

Заключенія конференціи были формулированы въ проектѣ конвенціи по основнымъ законодательнымъ вопросамъ и въ проектѣ соглашенія по различнымъ административнымъ мѣрамъ.

Важнѣйшими постановленіями конференціи являются статьи, въ которыхъ дана общая формулировка караемыхъ преступныхъ дѣяній:

Ст. 1.—Подлежитъ наказанію всякій, кто, для удовлетворенія похоти другого, склонилъ, вовлекъ или совратилъ въ развратъ несовершеннолѣтнюю женщину или дѣвушку, хотя бы и съ согласія ея и хотя бы отдѣльныя дѣйствія, входящія въ составъ преступленія, совершены были въ различныхъ странахъ.

Ст. 2.—Подлежитъ наказанію также всякій, кто, для удовлетворенія похоти другого, посредствомъ обмана, насилія, угрозъ, злоупотребленія властью, или всякаго иного способа принужденія, склонилъ, вовлекъ или совратилъ въ

развратъ совершеннолѣтнюю женщину или дѣвушку, хотя бы отдѣльныя дѣйствія, входящія въ составъ преступленія, совершены были въ различныхъ странахъ.

Принимая эти постановленія, Парижская конференція не только полностью удовлетворила желаніе, выраженное Лондонскимъ конгрессомъ 1899 г., но и значительно улучшила данную послѣднимъ формулу. Въ самомъ дѣлѣ, Лондонскій конгрессъ призналъ желательнымъ соглашеніе между правительствами „объ установленіи во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ наказанія, по возможности одинаковой степени, за побужденіе—посредствомъ насилія, обмана, злоупотребленія властью или всякихъ другихъ способовъ принужденія—женщинъ или дѣвушекъ предаваться развратной жизни или оставаться въ ней". Въ этой формулѣ не предусматривается различіе между дѣвушками и женщинами совершеннолѣтними и недостигшими совершеннолѣтія, такъ что при такихъ условіяхъ фактъ совращенія несовершеннолѣтней и даже малолѣтней становится преступнымъ лишь при наличности примѣненія указанныхъ способовъ принужденія. Между тѣмъ формула, установленная Парижскою конференціею, дѣлаетъ преступнымъ совращеніе несовершеннолѣтней и при отсутствіи какихъ либо обманныхъ, насильственныхъ и пр. способовъ принужденія, и даже болѣе—при наличности ея согласія. Рекомендуемая конференціею квалификація обезпечиваетъ, безъ сомнѣнія, болѣе дѣйствительныя средства защиты несовершеннолѣтнихъ.

При этомъ конференція признала нужнымъ оговорить, что приведенныя постановленія должны быть разсматриваемы какъ minimum и что договаривающіяся государства, само собою разумѣется, сохраняютъ безусловную свободу карать и другія аналогичныя нарушенія, какъ напр. склоненіе въ развратъ совершеннолѣтнихъ, хотя бы и при отсутствіи обмана или принужденія.

Въ силу ст. 3 проекта конвенціи, тѣ договаривающіяся государства, „въ которыхъ дѣйствующее законодательство представляется недостаточнымъ для репрессіи преступленій, предусматриваемыхъ двумя предшествующими статьями, обязуются принять или предложить соотвѣтственнымъ законодательнымъ органамъ мѣры, необходимыя для того, чтобы эти преступленія были караемы сообразно ихъ важности".

Дальнѣйшія статьи проекта конвенціи говорятъ о взаимномъ сообщеніи государствами законовъ ихъ въ отношеніи къ предмету настоящей конвенціи, о международныхъ мѣрахъ въ цѣляхъ надлежащей репрессіи преступленій, совершаемыхъ на пространствѣ нѣсколькихъ территорій (регулированіе выдачи преступниковъ, упрощеніе и ускореніе сношеній между судебными органами различныхъ государствъ), наконецъ о сообщеніи государствами другъ другу свѣдѣній о судебныхъ приговорахъ по дѣламъ о преступленіяхъ, когда дѣйствія, входящія въ составъ преступленія, совершены въ различныхъ государствахъ.

Второй изъ вышеназванныхъ документовъ, проектъ соглашенія, заключаетъ въ себѣ перечень тѣхъ административныхъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты правительствами до вступленія въ силу конвенціи. Мѣры эти, при дѣятельномъ проведеніи ихъ въ жизнь, могли бы оказать весьма рѣшительное воздѣйствіе въ борьбѣ съ постыднымъ промысломъ.

Въ силу ст. 1, „каждое изъ договаривающихся государствъ обязуется установить или опредѣлить органъ, на который возложено было бы сосредоточеніе всѣхъ свѣдѣній о склоненіи женщинъ и дѣвушекъ къ разврату за границею; этому органу предоставляется сноситься непосредственно съ подобными же органами, установленными въ каждомъ изъ другихъ договаривающихся государствъ".

За постановленіями ст. 2 должно быть признано особенно важное практическое значеніе. Задача ихъ—по возможности предупредить завершеніе преступныхъ происковъ торговцевъ живымъ товаромъ. Вотъ текстъ ихъ:

„Каждое изъ правительствъ обязуется установить наблюденіе въ видахъ обнаруженія, особенно на вокзалахъ и въ пути, проводниковъ женщинъ и дѣвушекъ, предназначаемыхъ для разврата. Съ этою цѣлью должностнымъ и всякимъ другимъ лицамъ, для сего подходящимъ, будутъ даваемы инструкціи для того, чтобы обезпечить полученіе въ предѣлахъ закона, всѣхъ свѣдѣній, могущихъ навести на слѣдъ преступнаго промысла.

„О прибытіи лицъ, очевидно являющихся главными виновниками, соучастниками или жертвами такого промысла, будетъ сообщаемо, въ подлежащихъ случаяхъ, или властямъ мѣста назначенія, или соотвѣтственнымъ дипломатическимъ или консульскимъ агентамъ, или всѣмъ прочимъ компетентнымъ властямъ".

Для установленія мѣръ помощи жертвамъ постыднаго промысла большое значеніе имѣютъ постановленія статьи 3:

„Правительства обязываются испрашивать, въ случаѣ надобности и въ законныхъ предѣлахъ, объясненія отъ женщинъ или дѣвушекъ иностраннаго происхожденія, предающихся проституціи, съ цѣлью установленія ихъ самоличности и гражданскаго состоянія, а также выясненія, кто склонилъ ихъ оставить родную страну. Собранныя свѣдѣнія будутъ сообщаемы властямъ родной страны названныхъ женщинъ или дѣвушекъ, въ видахъ могущаго послѣдовать водворенія ихъ.

„Правительства обязываются, въ законныхъ предѣлахъ и поскольку это возможно, поручать на время и въ виду могущаго послѣдовать водворенія жертвы преступнаго промысла, когда онѣ не имѣютъ своихъ средствъ, учрежденіямъ общественнаго призрѣнія или частной благотворительности, или же представляющимъ необходимыя гарантіи частнымъ лицамъ.

„Правительства обязываются также, въ законныхъ предѣлахъ и по мѣрѣ возможности, отправлять на родину тѣхъ изъ этихъ женщинъ или дѣвушекъ, которыя будутъ просить о ихъ водвореніи или которыхъ востребуютъ лица, имѣющія власть надъ ними. Водвореніе будетъ имѣть мѣсто не прежде того, какъ будутъ установлены ихъ самоличность и національность, а также мѣсто и время прибытія на границы.—Каждая изъ договаривающихся странъ будетъ облегчать транзитъ черезъ свою территорію.

„Переписка касательно водвореній будетъ совершаться, поскольку это возможно, прямымъ путемъ".

Въ статьѣ 4 устанавливается порядокъ возмѣщенія расходовъ по водворенію въ тѣхъ случаяхъ, когда у водворяемой нѣтъ средствъ или когда у нея нѣтъ ни мужа, ни родителей, ни опекуна, которые могли бы заплатить за нее:

расходы по переѣзду водворяемой до ближайшей станціи ея родной страны или до порта въ направленіи къ этой странѣ подлежатъ оплатѣ той страны, на которой находилась водворяемая, расходы же по остающейся части пути падаютъ на родину водворяемой.

Фактомъ подписанія проектируемаго соглашенія существующія уже конвенціи не подвергаются, въ силу ст. 5, измѣненію въ отношеніи къ вопросу о расходахъ, какъ и по другимъ вопросамъ касательно водворенія.

Постановленіе ст. 6 вызвано сознаніемъ того важнаго значенія, какое имѣетъ надлежащее функціонированіе посредническихъ по пріисканію мѣстъ бюро, которыя, какъ извѣстно, нерѣдко допускаютъ въ своей дѣятельности злоупотребленія и подчасъ являются своего рода агентами по торговлѣ женщинами. Въ силу ст. 6-й, «договаривающіяся правительства обязываются, въ законныхъ предѣлахъ, проявлять, по мѣрѣ возможности, надзоръ за бюро и агентствами, которыя занимаются пріисканіемъ женщинамъ или дѣвушкамъ мѣстъ за границею».

Таковы результаты работъ Парижской конференціи 1902 г., за которыми нельзя не признать большого значенія, какъ за первымъ актомъ предпринятой борьбы съ торговлею женщинами. Есть основаніе думать, что проекты, изготовленные конференціею, въ недалекомъ будущемъ превратятся въ международные акты и что такимъ образомъ тѣ мѣры, которыя намѣчены для борьбы, будутъ примѣнены на дѣлѣ. Считать ихъ достаточными, ранѣе чѣмъ онѣ получатъ практическое примѣненіе и выдержатъ испытаніе жизни, было бы преждевременно. Но, разумѣется, еще болѣе преждевременно было бы объявлять ихъ слабыми палліативами, предрекать ихъ неудачу въ дѣлѣ подавленія широко раскинувшагося по всему свѣту торга женщинами.

Это явленіе, съ связи съ другими сторонами разврата, представляется такимъ сложнымъ въ своихъ причинахъ и въ своихъ развѣтвленіяхъ, оно соприкасается съ такими разнообразными факторами экономической и соціальной жизни, съ условіями воспитанія домашняго и общественнаго, что легкомысленно было бы считать возможнымъ искоренить его быстро, путемъ хотя бы самаго энергичнаго про-

веденія какой-либо одной категоріи мѣръ. Здѣсь нужна послѣдовательная и упорная работа въ разныхъ направленіяхъ, работа, быть можетъ, длиннаго ряда поколѣній.

Однако предложенныя Парижскою конференціею мѣры расчищаютъ путь и намѣчаютъ первые шаги въ дѣлѣ воздѣйствія государства и общества на наиболѣе грубыя проявленія зла. И, чѣмъ дѣятельнѣе будетъ примѣненіе этихъ мѣръ, тѣмъ съ большею отчетливостью выступитъ самое зло, благодаря чему возможно будетъ не только подавлять и предотвращать отдѣльныя проявленія его, но и сдѣлать его предметомъ тщательнаго выясненія, изучить его ближе и, въ результатѣ, прійти къ установленію новыхъ мѣръ, болѣе разностороннихъ, болѣе глубокихъ и, быть можетъ, еще болѣе дѣйствительныхъ.

VII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ [1].

Учебныя заведенія.

Общеобразовательныя учебныя заведенія.

Начальныя школы.— Ихъ развитіе.— Школы министерства народнаго просвѣщенія и школы духовнаго вѣдомства. — Прочіе виды начальныхъ школъ.—Данныя о современной постановкѣ начальнаго образованія (число школъ и учащихся; показатели образованія; средства на содержаніе школъ; успѣхи начальнаго образованія въ послѣднее время).

Среднія учебныя заведенія.—Гимназіи, ихъ развитіе.—Системы средняго образованія.—Классическія гимназіи и прогимназіи.—Реальныя училища.

Высшія учебныя заведенія. — Университеты, ихъ развитіе. — Уставы 1804 г., 1835 г., 1863 г. и 1884 г.—Прочія высшія учебныя заведенія, Лицеи и Институты.

Женскія учебныя заведенія.—Низшія, среднія и высшія женскія учебныя заведенія.—Гимназіи и институты.—Высшіе женскіе курсы.—Женскій медицинскій институтъ.

Духовныя учебныя заведенія.—Духовныя училища.—Духовныя семинаріи.—Духовныя академіи.—Женскія духовно-учебныя заведенія.

Спеціальныя учебныя заведенія. — I. Техническія и ремесленныя. — II. Земледѣльческія, лѣсныя и сельско-хозяйственныя. — III. Межевыя и топографическія.— IV. Коммерческія.— V. Медицинскія.— VI. Художественныя и музыкальныя.—VII. Военныя и морскія.

Ученыя учрежденія.

Академія наукъ.—Ученыя общества.—Съѣзды ученыхъ.—Публичныя библіотеки.—Музеи.

„Народъ, имѣющій наилучшія школы, является первымъ народомъ или вскорѣ сдѣлается таковымъ“. Въ этомъ изреченіи, принадлежащемъ извѣстному французскому писателю, Жюлю Симону, выступаетъ характерное признаніе того огромнаго значенія, какое имѣетъ народное образова-

[1] Jolly, Unterrichtswesen (въ III томѣ Schönberg's Handbuch d. Polit. Oekon.). — Э. Левассеръ, Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Пер. съ франц. Спб. 1898. — Владимірскій-Будановъ,

ніе. Нѣтъ такой области въ общественной, политической, экономической или духовной жизни народа, въ которой успѣшное развитіе не находилось бы въ прямомъ соотношеніи со степенью распространенія народнаго образованія. Францію въ 1870 г., въ войнѣ ея съ Пруссіею, побѣдилъ „школьный учитель“,—часто говорили по окончаніи войны, имѣя въ виду выразить этимъ сознаніе того важнаго значенія, какое имѣетъ уровень образованія въ данной странѣ, обезпечивающій за ея войсками лучшія качества. Новѣйшіе успѣхи Германіи въ области промышленнаго развитія, позволяющіе ей удачно конкурировать съ другими странами, также находятъ себѣ объясненіе въ томъ высокомъ уровнѣ, какого достигло въ ней народное образованіе вообще и въ частности—техническое и профессіональное.

Неудивительно поэтому, что народное образованіе всюду составляетъ предметъ особенныхъ заботъ и государства и общества, стремящихся обезпечить за населеніемъ достаточное количество школъ, надлежащій учительскій персоналъ и проч. для того, чтобы вести успѣшную борьбу съ невѣжествомъ. И многими странами достигнуты въ этомъ отношеніи значительные результаты. Такъ, по новѣйшимъ даннымъ, на 100 жителей приходится грамотныхъ, т. е. умѣющихъ читать и писать:

Въ Германіи	98
„ Швеціи и Норвегіи	97
„ Швейцаріи	95
„ Соединенныхъ Штатахъ	92
„ Англіи	90
„ Франціи	85
„ Бельгіи	77

Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія министерствъ. Яросл. 1874.—М. Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе Александра I. Спб. 1866. — П. Н. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры (2-я часть). — К. И. Арсеньевъ, Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи до конца XVIII ст. Спб. 1854. — Е. Шмидтъ, Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Спб. 1878. — В. Иконниковъ, Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія («Вѣстникъ Европы» 1876 г., №№ 9, 10, 11). — Ферлюдинъ, Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Сар. 1893. — Е. І. Лихачева, Матеріалы по исторіи женскаго образованія въ Россіи. Спб. 1890—1901.

Въ Россіи на 100 жителей грамотныхъ, по даннымъ конца 80-хъ годовъ, приходилось только 16. Процентъ этотъ нѣсколько поднялся; размѣръ его выяснится по обработкѣ всѣхъ данныхъ переписи 1897 года. Въ С.-Петербургѣ послѣднею обнаружено 62,6% грамотныхъ и 37,4% неграмотныхъ; безъ сомнѣнія, въ столицѣ процентъ грамотныхъ значительно выше средняго процента во всей Имперіи.

Изъ сопоставленія этихъ цифръ видно, какъ отстала Россія въ дѣлѣ развитія народнаго образованія отъ другихъ странъ. Сознаніе этой отсталости чувствуется все болѣе и болѣе, особенно въ послѣдніе годы, и по многимъ признакамъ можно думать, что на народное образованіе будетъ обращено должное вниманіе. Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго изложенія видно будетъ, что сравнительно съ недавнимъ прошлымъ Россіею достигнуты довольно замѣтные результаты, которые служатъ ручательствомъ еще большихъ успѣховъ въ будущемъ.

Народное образованіе въ Россіи находится въ завѣдываніи особаго министерства народнаго просвѣщенія, которое для управленія учебною частью имѣетъ свои мѣстные органы. Важнѣйшими изъ нихъ являются попечители учебныхъ округовъ. Всѣхъ учебныхъ округовъ—двѣнадцать; къ каждому изъ нихъ пріурочено по нѣскольку смежныхъ губерній. Въ Восточной Сибири, Приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ и Туркестанскомъ краѣ высшее наблюденіе за народнымъ образованіемъ возложено на генералъ-губернаторовъ. Ближайшее завѣдываніе учебными заведеніями принадлежитъ начальникамъ ихъ и, во многихъ изъ нихъ,—коллегіальнымъ учрежденіямъ (въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ—директору и педагогическому совѣту, въ университетахъ — ректору, правленію и совѣту). Завѣдываніе низшими учебными заведеніями возложено на директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

Подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія находится большинство учебныхъ заведеній Имперіи. Но и всѣ другія министерства и высшія управленія имѣютъ въ своемъ завѣдываніи значительное число учебныхъ заведеній. Такъ, большое число низшихъ народныхъ школъ (церковно-приходскія и школы грамоты) находятся въ вѣдѣніи

Святѣйшаго Правительствующаго Синода; особую группу начальныхъ школъ составляютъ низшія учебныя заведенія военнаго вѣдомства; значительное число женскихъ учебныхъ заведеній находятся въ вѣдѣніи Собственной Его Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; большинство техническихъ и другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній находятся въ вѣдомствѣ министерствъ: финансовъ, военнаго, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія, Императорскаго двора и др.

Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ современнаго положенія народнаго образованія принято дѣленіе учебныхъ заведеній на двѣ большія группы—общеобразовательныя и спеціальныя, при чемъ въ каждой группѣ разсматриваются учебныя заведенія трехъ категорій: начальнаго, средняго и высшаго образованія. Въ отдѣлѣ общеобразовательныхъ заведеній особо выдѣлены женскія учебныя заведенія и учебныя заведенія духовнаго вѣдомства. Въ концѣ обзора изложены данныя о различныхъ ученыхъ установленіяхъ, имѣющихъ важное значеніе въ дѣлѣ развитія народнаго образованія.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Общеобразовательныя учебныя заведенія.

Начальныя школы. Начальныя или народныя школы имѣютъ своею задачею сообщеніе основныхъ первоначальныхъ знаній, необходимыхъ каждому, какъ человѣку и члену общежитія. „Народными“ такія школы называются потому, что онѣ имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей всего народа.

До Петра Великаго заботы о народномъ образованіи всецѣло лежали на церкви и духовенствѣ. Въ эпоху Петра Великаго правительство впервые начинаетъ заботиться объ устройствѣ школъ, но развитіе ихъ шло весьма медленно. Въ царствованіе Екатерины II, особенно со времени образованія въ 1782 г. „Комиссіи объ учрежденіи народныхъ

училищъ“, многіе города были обезпечены школами: въ губернскихъ городахъ созданы были такъ называемыя главныя четырехклассныя народныя училища, и въ уѣздныхъ—малыя двухклассныя. Въ селеніяхъ же только въ первой половинѣ настоящаго столѣтія начали устраивать народныя школы, и прежде всего въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, стараніями министерства государственныхъ имуществъ.

Знаменательную эпоху въ развитіи начальной школы составляетъ царствованіе Александра II. Важнѣйшая изъ реформъ этого царствованія, упраздненіе крѣпостного права въ 1861 г., дала особенно сильный толчекъ развитію начальнаго образованія, потребность въ которомъ стала все болѣе и болѣе отчетливо сознаваться и самимъ крестьянскимъ населеніемъ, и образованными классами общества. Удовлетворенію этой потребности въ весьма значительной степени содѣйствовали земскія учрежденія, созданныя въ 1864 г., и городскія управленія послѣ реформы ихъ въ 1870 г. Въ царствованіе Александра II создана была совершенно новая организація всего дѣла начальнаго народнаго образованія, въ основу которой легло Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г. (существенныя черты этого сохранены и въ позднѣе изданномъ Положеніи 1874 г., дѣйствующемъ и въ настоящее время). О ростѣ начальныхъ школъ въ эпоху Александра II даютъ понятіе слѣдующія цифры. Въ 1856 г., по произведенному подсчету начальныхъ народныхъ училищъ, во всей Имперіи ихъ оказалось 8.227 съ 450.000 учащимися (при чемъ въ 3 прибалтійскихъ губерніяхъ было 1.753 школы). Въ концѣ же царствованія Александра II, а именно въ 1880 г., по даннымъ произведеннаго тогда перваго спеціальнаго статистическаго изслѣдованія школьнаго дѣла, сельскихъ начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и наименованій въ 60 губ. Европейской Россіи оказалось 22.770 съ 1.140.915 учащимися. По размѣрамъ расходовъ на содержаніе училищъ первое мѣсто занимали земства (въ земскихъ губерніяхъ они покрывали 53,2% всей суммы расходовъ), затѣмъ — сельскія общества (они несли 33,7% расходовъ во всѣхъ губерніяхъ); на долю государственнаго казначейства приходилось только 12,1%

всѣхъ расходовъ (а въ земскихъ губерніяхъ только 9%). По времени своего основанія училища распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: училищъ, открытыхъ до 1861 г., было всего 4.622 (или 22%), съ 1861 по 1863 г.—1.984 (или 9,4%) и съ 1880 г.—14.466 (или 68;6%).

Переходя къ очерку современнаго состоянія начальнаго образованія, слѣдуетъ замѣтить, что главное завѣдываніе имъ сосредоточено, съ одной стороны, *въ министерствѣ народнаго просвѣщенія*, въ вѣдѣніе котораго постепенно были переданы отъ другихъ вѣдомствъ начальныя школы, и съ другой—въ вѣдомствѣ *Св. Сунода* съ его органами, которымъ принадлежитъ завѣдываніе церковно-приходскими школами и школами грамоты.

Мѣстными органами министерства народнаго просвѣщенія по завѣдыванію *начальными школами* являются попечители учебныхъ округовъ, директора и инспектора народныхъ училищъ. Губернаторамъ также принадлежитъ общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи, при чемъ они имѣютъ право сообщать министерству народнаго просвѣщенія свои замѣчанія и соображенія. Въ зависимости отъ различій въ административномъ устройствѣ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, порядокъ завѣдыванія начальными школами не вездѣ одинаковъ. Основною и преобладающею является организація, существующая въ 34 губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія и въ которыхъ начальное народное образованіе регулируется Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 г. По этому положенію, начальныя народныя училища учреждаются земствами, городскими управленіями, сельскими обществами и частными лицами. Кромѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, учебною и административною частью въ нихъ, по положенію 1874 г., завѣдуютъ губернскіе и уѣздные училищные совѣты. Въ составъ уѣзднаго училищнаго совѣта, находящагося подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, входятъ: инспекторъ народныхъ училищъ, по одному представителю отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и отъ епархіальнаго вѣдомства, два члена отъ уѣзднаго земскаго собранія и одинъ членъ

отъ городского общества, если городъ даетъ средства на школы; кромѣ того, въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ могутъ участвовать мѣстные земскіе начальники при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся ихъ участковъ, а также земскіе врачи по вопросамъ санитарно-гигіеническимъ. Губерскій училищный совѣтъ находится подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства и состоитъ изъ директора народныхъ училищъ, по одному представителю отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и отъ епархіальнаго вѣдомства и двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. Для учрежденія училища необходимо предварительное разрѣшеніе инспектора и согласіе предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта. Учредителямъ училищъ предоставляется избирать для завѣдыванія ими особыхъ попечителей, утверждаемыхъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Пріисканіе кандидатовъ на мѣста учителей, которыми могутъ быть и духовныя, и свѣтскія лица, принадлежитъ учредителямъ или содержателямъ училищъ, а утвержденіе въ должности—уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ. Послѣднимъ принадлежитъ также право увольненія учителей отъ должности и закрытія училищъ; временное же устраненіе учителей и временное закрытіе училища, въ случаѣ обнаруженія какихъ-либо безпорядковъ, можетъ послѣдовать по соглашенію инспектора народныхъ училищъ съ предсѣдателемъ училищнаго совѣта. Предметами учебнаго курса въ начальныхъ народныхъ училищахъ являются: Законъ Божій (краткій катехизисъ и священная исторія), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и церковное пѣніе. Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ, въ училищахъ могутъ быть преподаваемы ремесла и рукодѣлія. Въ губерніяхъ Царства Польскаго надзоръ за начальными народными училищами принадлежитъ начальникамъ учебныхъ дирекцій и инспектору училищъ Варшавы. Хозяйственною частью завѣдуютъ гминные и сельскіе сходы. Въ губерніяхъ Прибалтійскихъ завѣдываніе начальными народными училищами находится подъ общимъ наблюденіемъ директоровъ народныхъ училищъ въ рукахъ высшихъ и уѣздныхъ комитетовъ и мѣстныхъ правленій школъ. На

Кавказѣ и въ другихъ мѣстностяхъ преобладаетъ единоличный порядокъ управленія начальными народными училищами—директорами и инспекторами ихъ.

Значительное число начальныхъ народныхъ училищъ, какъ сказано выше, находится въ вѣдѣніи Святѣйшаго Сѵнода. Это — *церковно-приходскія школы и школы грамоты.* Церковно-приходскія школы начали устраиваться уже давно, но особенное вниманіе на ихъ развитіе было обращено въ 80-хъ годахъ. Въ 1884 г. издано было Положеніе о церковно-приходскихъ школахъ, по которому эти школы устраиваются приходскими священниками или другими членами причта на средства прихода, съ пособіемъ отъ сельскихъ обществъ, казны или частныхъ лицъ. Школы эти имѣютъ цѣлью „утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія". Онѣ могутъ быть одноклассными съ двухлѣтнимъ курсомъ и двухклассныя съ четырехлѣтнимъ. Въ нихъ преподаются—Законъ Божій, церковное пѣніе, чтеніе церковной и гражданской печати и письмо, начальныя ариѳметическія свѣдѣнія, а въ двухклассныхъ, кромѣ того, начальныя свѣдѣнія изъ исторіи церкви и отечества. Въ 1886 г. при Святѣйшемъ Сѵнодѣ учрежденъ совѣтъ для надзора за этими школами, а въ 1888 г. были изданы правила объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ для церковно-приходскихъ школъ.

Вѣдѣнію духовенства подлежатъ также школы грамоты, имѣющія своею задачею сообщеніе первоначальныхъ свѣдѣній. Въ нихъ преподаются, въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ церковно-приходскихъ школахъ, Законъ Божій, чтеніе церковнославянское и русское, письмо, начальное счисленіе и церковное пѣніе съ голоса. Обучаютъ въ школахъ грамоты члены причтовъ и свѣтскіе учителя православнаго исповѣданія, назначаемые по соглашенію учредителей школы съ приходскимъ священникомъ. Окончаніе курса въ школѣ грамоты даетъ льготу по воинской повинности только при условіи выдержанія особаго испытанія въ экзаменаціонной коммисіи духовнаго вѣдомства наравнѣ съ учениками церковно-приходскихъ школъ.

Въ постановкѣ церковно-приходскихъ школъ въ послѣдніе годы произошла значительная перемѣна, получившая законодательное выраженіе въ новомъ „Положеніи о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія", изданномъ въ 1902 году. При первоначальномъ развитіи церковныхъ школъ ихъ сторонники указывали, что желательность и цѣлесообразность ихъ устройства опираются на рядъ особенностей и преимуществъ, ими представляемыхъ. Указывалось, что церковныя школы дешевле свѣтскихъ, такъ какъ онѣ пользуются даровымъ трудомъ духовенства, членовъ церковнаго причта; онѣ не преслѣдуютъ тѣхъ сложныхъ задачъ, которыми задаются начальныя свѣтскія школы, а ограничиваются самымъ необходимымъ запасомъ свѣдѣній, отчего курсъ въ нихъ короче и онѣ опять-таки стоятъ дешевле, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ больше подходятъ къ требованіямъ сельскаго населенія. Онѣ дешевле и потому еще, что при несложномъ курсѣ и при надзорѣ со стороны мѣстнаго священника онѣ могутъ довольствоваться учителями съ меньшею подготовкою и съ меньшимъ жалованьемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ церковныя школы находятся въ вѣдѣніи мѣстнаго духовенства, то не требуется сложной и дорогой организаціи для надзора за ними.

Между тѣмъ всѣ эти соображенія сторонниковъ церковной школы вскорѣ были опровергнуты требованіями дѣйствительности. Прежде всего выяснилась потребность особой организаціи надзора за церковными школами, учреждены были платныя должности епархіальныхъ и уѣздныхъ наблюдателей. Выяснилась также необходимость поднятія низкихъ нормъ вознагражденія учителей, а также увеличенія продолжительности курса. Вначалѣ даже двухлѣтній курсъ считался слишкомъ продолжительнымъ, и усиленныя работы были направлены на развитіе школъ грамоты. Послѣднія однако оказались малополезными, и за послѣднее время число ихъ стало медленнѣе увеличиваться, чѣмъ прежде, и большее вниманіе удѣлено было устройству церковно-приходскихъ школъ, при чемъ въ нихъ двухлѣтній курсъ былъ замѣненъ трехлѣтнимъ, а по новому Положенію рекомендуется устройство церковно-приходскихъ школъ съ четырехлѣтнимъ и даже пятилѣтнимъ курсомъ. Эти мѣры

естественно вызываютъ и необходимость увеличенія требованій образовательнаго ценза учителей. Такимъ образомъ по своей постановкѣ церковныя школы все болѣе приближаются къ школамъ свѣтскимъ, и отъ дальнѣйшаго развитія этого процесса конечно могутъ только выиграть потребности народнаго образованія.

Къ начальнымъ школамъ относятся также такъ называемыя *городскія училища и уѣздныя училища*. Организація городскихъ училищъ регулируется изданнымъ въ 1872 году особымъ положеніемъ о нихъ, и съ тѣхъ поръ, наряду съ вновь создаваемыми городскими училищами, многія уѣздныя училища были преобразованы въ нихъ. Городскія училища представляютъ собою низшія школы съ нѣсколько болѣе широкою программою преподаванія, чѣмъ обыковенныя начальныя и церковно-приходскія школы. Въ нихъ преподаются:—Законъ Божій, чтеніе и письмо, церковно-славянскій языкъ, ариѳметика, начальныя основанія геометріи, географія и исторія (главнымъ образомъ, русская), свѣдѣнія изъ естественной исторіи, физики, черченіе и рисованіе, пѣніе и гимнастика. Городскія училища бываютъ 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и даже 6-ти классныя. Городскія и уѣздныя училища содержатся преимущественно на счетъ казны и управляются непосредственно органами министерства народнаго просвѣщенія; земства и города, дающіе средства на ихъ содержаніе, имѣютъ своихъ представителей въ школьныхъ совѣтахъ этихъ училищъ.

Особую группу начальныхъ школъ составляютъ *иновѣрческія конфессіональныя училища* и *инородческія школы*. Эти школы распространены въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ иновѣрческое населеніе, какъ-то: въ Прибалтійскихъ губ. и поволжскихъ колоніяхъ съ лютеранскимъ населеніемъ, въ южныхъ, восточныхъ и юго-восточныхъ губ. и на Кавказѣ и въ Туркестанѣ съ магометанскимъ населеніемъ и въ губерніяхъ еврейской осѣдлости.

Наконецъ, къ начальнымъ школамъ относятся *воскресныя и вечернія школы*. Впервые воскресныя школы возникли въ концѣ 50-хъ годовъ и получили довольно широкое развитіе особенно въ большихъ городахъ. Затѣмъ въ 70-хъ гг. ихъ развитіе пріостановилось, и лишь въ половинѣ 80-хъ годовъ

снова начали устраиваться такія школы. Воскресныя и вечернія школы бываютъ мужскія, женскія и рѣдко смѣшанныя. Онѣ устраиваются преимущественно частными лицами съ разрѣшенія или инспектора народныхъ училищъ, или епархіальнаго начальства, смотря по тому, въ чьемъ вѣдомствѣ онѣ состоятъ. Обученіе въ этихъ школахъ всегда безплатно. Составъ учащихся въ нихъ крайне разнообразенъ, начиная съ малолѣтнихъ и кончая взрослыми и пожилыми. Въ виду этого различія въ подготовкѣ, воскресныя школы имѣютъ обыкновенно нѣсколько подраздѣленій. Въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ число учащихся весьма значительно; особенною извѣстностью пользуется Харьковская женская воскресная школа, насчитывающая въ годъ до 750 ученицъ, при 70—80 учительницахъ. Точныхъ данныхъ о числѣ воскресныхъ и вечернихъ школъ не имѣется. Въ запискѣ, составленной для нижегородской выставки (1896 г.), указывается, что число городскихъ воскресныхъ и вечернихъ школъ нѣсколько превышаетъ 200. Такія школы существуютъ также въ селахъ и деревняхъ. Исключительную мѣстность по количеству воскресныхъ школъ представляетъ Кубанская область, въ ней насчитывается до 100 воскресныхъ школъ въ станицахъ.

О современной постановкѣ начальнаго образованія въ Россіи интересныя и поучительныя данныя сообщены въ третьемъ выпускѣ „Статистическихъ свѣдѣній по начальному образованію въ Россійской Имперіи“, издаваемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія [1].

По этимъ даннымъ, общее число начальныхъ училищъ общеобразовательнаго характера по всей Имперіи составляло къ 1 января 1899 г. 78,699 при 4,203,246 учащихся. Училища эти состояли въ вѣдѣніи девяти министерствъ и главныхъ управленій. Наибольшее число училищъ сосредоточивалось лишь въ двухъ вѣдомствахъ—народнаго просвѣщенія и духовномъ. Эти два вѣдомства имѣли вмѣстѣ 77,074 училища или 98% общаго ихъ числа, при 4,126,182 учащихся,

[1] Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи. Вып. III. Опытъ сравнительнаго обозрѣнія успѣховъ начальнаго народнаго образованіи въ разныхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи. Редакція В. И. Фармаковскаго. Спб., 1902 г.

что составляло 98,1% всего числа учившихся въ начальныхъ училищахъ. Всѣ остальныя вѣдомства имѣли вмѣстѣ 1,625 училищъ или 2% общаго ихъ числа и 77,064 учившихся, что составляетъ 1,9% общаго ихъ количества.

Министерство народнаго просвѣщенія завѣдывало 37,046 училищами или 47,1% всего числа училищъ, въ которыхъ было 2,650,058 учащихся или 63% общаго ихъ числа. Духовное вѣдомство считало 40,028 училищъ или 50,9% общаго числа и 1,476,124 учащихся или 35,1% всего ихъ числа. Такимъ образомъ министерство народнаго просвѣщенія имѣло на 4% меньше училищъ, чѣмъ духовное вѣдомство, но въ этихъ училищахъ воспитывалось большее на 28% число учащихся.

Приведенное выше общее число училищъ обнимаетъ всѣ начальныя училища въ Имперіи, какъ для дѣтскаго возраста, такъ и для взрослыхъ. Назначенныхъ для дѣтскаго возраста начальныхъ училищъ къ 1 января 1899 г. было всего 76,914 или 97,7% общаго числа заведеній для начальнаго образованія. Училось въ нихъ дѣтей 4,114,201; изъ нихъ мальчики составляли 75% и дѣвочки 25%. Въ указанномъ числѣ училищъ (76,914) для дѣтскаго возраста 73,927 училища или 94% принадлежатъ къ группѣ начальныхъ училищъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. такихъ, которыя, по выраженію цитированнаго изданія, „не задаваясь цѣлью сообщенія реальныхъ знаній, даютъ только одну грамотность, болѣе или менѣе осмысленную“ [1]); остальныя 2,987 училища, или 6%, составляютъ группу училищъ высшаго типа, „которыя, сверхъ о смысленной грамотности, сообщаютъ еще и извѣстную сумму реальныхъ знаній, свойственныхъ первой ступени общаго образованія“ [2]. — Наибольшее число начальныхъ училищъ, а именно 90% дѣйствовали въ селеніяхъ; 10%—въ городахъ.

Названное статистическое изданіе даетъ интересный

[1] Общій признакъ для всѣхъ училищъ этой группы — общеобразовательный курсъ, обнимающій вѣроученіе, русскій языкъ (чтеніе и письмо) и первыя четыре дѣйствія ариѳметики.

[2] Это — училища «съ округленнымъ и законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, въ составъ котораго входятъ русская граматика, вторая часть ариѳметики, исторія и географія Россіи».

матеріалъ для выясненія, какой степени достигло современное состояніе дѣла народнаго образованія. Съ этой точки зрѣнія важны цифры, показывающія отношеніе числа училищъ къ пространству и населенію. Оказывается, что по всей Имперіи, въ среднемъ, 1 училище приходится на 243 квадр. версты и на 1,676 душъ населенія. Особенно характернымъ представляется отношеніе числа училищъ къ числу населенія. Если принять во вниманіе общее число населенія и въ составѣ его число дѣтей школьнаго возраста, а также господствующій теперь типъ начальной школы, то для того, чтобы все дѣтское населеніе могло быть принято въ школы, нужно, чтобы одна школа приходилась по меньшей мѣрѣ на 700 душъ; въ дѣйствительности же въ настоящее время 1 школа приходится на 1,676 душъ. Такимъ образомъ школъ у насъ болѣе чѣмъ въ два раза меньше, чѣмъ нужно для удовлетворенія школьной потребности дѣтскаго населенія. По отдѣльнымъ же мѣстностямъ указанное отношеніе представляется особенно неблагопріятнымъ: даже въ Московской губерніи одно училище приходится на 1,538 душъ, въ Кіевской—на 1,778 душъ; въ Сибири же есть области, гдѣ (въ Якутской) 1 училище приходится на 3,537 душъ, а въ областяхъ Средней Азіи указанное отношеніе колеблется между 1:3,596 (Тургайская) и 1:97,526 (Ферганская).

Другимъ также очень характернымъ показателемъ современнаго состоянія начальнаго образованія является отношеніе учившихся и неучившихся дѣтей школьнаго возраста. Примѣнительно къ даннымъ переписи 1897 года число дѣтей школьнаго возраста въ 1898 г. можетъ быть опредѣлено въ 11,600,668. Числилось учившихся дѣтей 4,114,201 и слѣдовательно 7,486,467 дѣтей оставались безъ обученія. Учившіяся дѣти составляли $35{,}5\%$, а неучившіяся $64{,}5\%$ общаго числа дѣтей школьнаго возраста. Число учившихся къ общему числу всего населенія относилось какъ 1 : 31 или, другими словами, учившіеся составляли въ общемъ $3{,}2\%$ общаго населенія Имперіи. Этотъ показатель образованія служитъ весьма наглядымъ выраженіемъ слабаго развитія у насъ народнаго образованія, особенно при сравненіи его съ показателемъ образованія въ другихъ стра-

нахъ. Въ половинѣ 90-хъ годовъ показатель образованія составлялъ:

Въ Соед. Шт. Сѣв. Амер.	22,36	Въ Норвегіи	14,07
» Швейцаріи	19,0	» Австріи	13,10
» Германіи	18,8	» Испаніи	8,44
» Англіи	16,6	» Японіи	7,57
» Франціи	14,7	» Италіи	7,01
» Швеціи	14,43	» Болгаріи	5,45

Показатели образованія у насъ были неодинаковы для мужскаго и женскаго населенія: 1 учившійся приходился на 20 душъ общаго мужскаго населенія, 1 учившаяся приходилась на 63 души общаго женскаго населенія.

Въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ процентъ учившихся представляется весьма благопріятнымъ: такъ, изъ 1.000 мальчиковъ школьнаго возраста училось въ Ярославской и Тверской губ. 880, въ Смоленской 900, Олонецкой 920, Калужской 940, а въ Тульской губерніи весь школьный возрастъ мальчиковъ учился. Любопытно, что отношеніе учившихся дѣвочекъ именно въ этихъ губерніяхъ представляется неблагопріятнымъ: такъ, въ Тульской губ. 100% мальч. и 28% дѣв., въ Калужской—94% м. и 24% д., въ Олонецкой—92% м. и 29% д., въ Ярославской—88% м. и 33% д., въ Тверской—88% м. и 27% д., въ Смоленской—90% м. и 17% д, Составитель разсматриваемыхъ данныхъ находитъ объясненіе этому явленію въ томъ, что въ указанныхъ центральныхъ мѣстностяхъ, гдѣ потребность образованія ощущается особенно сильно (по сравненію съ инородческими губерніями, гдѣ процентъ учащихся дѣвочекъ меньше отстаетъ отъ процента учащихся мальчиковъ), дѣвочкамъ труднѣе проникать въ училища, ибо при пріемѣ вездѣ отдается предпочтеніе мальчикамъ передъ дѣвочками.

При сравненіи показателей образованія для городского и сельскаго населенія обнаруживается, что въ 68 губерніяхъ и областяхъ балансъ склонялся на сторону городскихъ (максимальная разность въ пользу городовъ выразилась цифрою 48% въ Вятской губ.), а въ 19 губерніяхъ сельскіе обыватели учились больше, чѣмъ горожане (любопытно, что къ числу этихъ губерній относятся Московская, гдѣ разность въ пользу сельчанъ выразилась 21%, и С.-Петербургская съ разностью въ пользу сельскихъ училищъ въ 50%).

Въ названномъ сборникѣ находимъ, далѣе, свѣдѣнія о средствахъ на содержаніе школъ. Изъ нихъ видно, что на содержаніе начальныхъ училищъ Имперіи въ 1898 г. было израсходовано 40.612.872 руб. Сумма эта поступила изъ слѣдующихъ источниковъ и въ слѣдующемъ размѣрѣ: изъ государственнаго казначейства 8.681.934 руб. или 21,4%, отъ земствъ и изъ земскихъ сборовъ 8.940.200 руб. или 22%, отъ сельскихъ обществъ 7.290.111 руб. или 17,9%, отъ городскихъ обществъ 5.446.472 руб. или 13,4%, пожертвованій частныхъ лицъ и обществъ 5.062.692 р. или 12,5%, платы за ученье 2.764.564 руб. или 6,8% и прочихъ источниковъ 2.426.899 руб. или 6%.—Расходъ по содержанію училищъ падаетъ въ среднемъ по Имперіи въ размѣрѣ 32,1 коп. на 1 душу общаго населенія.

Заслуживаютъ, наконецъ, вниманія данныя объ успѣхахъ начальнаго народнаго образованія за послѣднее время. Изъ сравненія данныхъ 1885 г. и 1898 г. обнаруживается, что въ 1885 г. начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ было 40.010, такъ что, при населеніи въ 106.610.814 душъ, 1 училище приходилось на 2.665 жит.; въ 1898 г. было 76.914 училищъ при населеніи въ 126.368.827 душъ, или 1 училище приходилось на 1.676 жит. Такимъ образомъ, въ то время, какъ населеніе увеличилось на 19%, число школъ увеличилось на 92%, т. е. ростъ школъ почти въ пять разъ превысилъ ростъ населенія.

По отдѣльнымъ районамъ Имперіи отношеніе роста населенія и роста училищъ весьма разнообразно. Наиболѣе благопріятныя данныя представляетъ Кавказскій Край: тогда какъ населеніе за время съ 1885 г. по 1898 г. увеличилось на 27%, число училищъ возросло почти на 200% (въ 1885 г. было 972 учил., въ 1898 г.—2.897). Обратное явленіе представляютъ Привислянскій Край (гдѣ образовательныя средства уменьшились почти на 20%) и Прибалтійскія губерніи (въ Лифляндской губ. въ 1885 г. 1 училище приходилось на 630 жит., а въ 1898 г. на 788; въ Эст-

ляндской губ. въ 1885 г. на 580, а въ 1898 г. на 671 и въ Курляндской губ. въ 1885 г. на 1.147, а въ 1898 г. на 1.166).

Въ общемъ, въ 14 губерніяхъ и областяхъ, инородческихъ и окраинныхъ, народное образованіе не сдѣлало успѣховъ въ разсматриваемый періодъ времени, а въ 67 губерніяхъ и областяхъ обнаружился несомнѣнный приростъ образовательныхъ средствъ, хотя и въ далеко не равномѣрной степени.

Соотвѣтственно развитію средствъ начальнаго образованія, возросло въ указанный періодъ и число учащихся. Въ 1885 г. учившіеся въ начальныхъ училищахъ Имперіи составляли 2,1% общаго населенія, а 1898 г. они составляли 3,3%. Такимъ образомъ общій приростъ учившихся можетъ быть опредѣленъ въ 57%. Небезъинтересно отмѣтить, что почти весь приростъ учащихся долженъ быть отнесенъ на долю сельскаго населенія: городское населеніе дало приростъ въ 10%, а сельское—въ 68%.

О степени успѣховъ въ области развитія начальнаго образованія можно также судить по количеству грамотныхъ въ средѣ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности. Оказывается, что по всей Имперіи въ составѣ новобранцевъ грамотныхъ было въ 1885 г. 27%, а въ 1898 г.—45%. По нѣкоторымъ губерніямъ возрастаніе [1] процента грамотныхъ новобранцевъ представляется весьма значительнымъ:

Въ губерніяхъ	процентъ грамотныхъ. въ 1885 г.	въ 1898 г.
Кіевской	15	38
Харьковской	19	38
Могилевской	19	43
Полтавской	19	47
Смоленской	29	56
Нижегородской	32	61

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ объ очень значительныхъ успѣхахъ въ развитіи начальнаго образованія,

[1] Паденіе грамотности среди новобранцевъ обнаруживается въ одной лишь Эстляндской губ., гдѣ въ 1898 г. грамотныхъ было 92%, тогда какъ въ 1885 г. грамотныхъ было 98%.

хотя, какъ указано, въ Россіи много еще нужно сдѣлать для того, чтобы потребность въ образованіи получила полное удовлетвореніе.

Весьма важнымъ условіемъ успѣшнаго развитія народнаго образованія является обезпеченіе достаточнаго контингента хорошо подготовленныхъ учителей. Для этой цѣли у насъ существуютъ спеціальныя учебныя заведенія: *учительскіе институты*, которыхъ имѣется въ различныхъ учебныхъ округахъ 11 съ 619 учащимися, и *учительскія семинаріи и школы*, число которыхъ 61 съ болѣе 4.500 учащихся Большинство этихъ заведеній основано въ 70-хъ годахъ. Учительскіе институты имѣютъ цѣлью подготовлять учителей городскихъ училищъ, учительскія семинаріи—учителей начальныхъ народныхъ училищъ. И въ тѣхъ и въ другихъ заведеніяхъ курсъ обученія—трехлѣтній. Въ учительскихъ институтахъ преподаются: Законъ Божій, педагогика, русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе, ариѳметика, начальная алгебра, геометрія, исторія русская и всеобщая, географія русская и всеобщая, естественная исторія и физика, черченіе и рисованіе, чистописаніе, пѣніе и гимнастика. Программа учительскихъ семинарій нѣсколько уже. Въ обоего рода заведеніяхъ преподаются также различныя ремесла. Для практическихъ занятій съ цѣлью подготовки воспитанниковъ къ будущей ихъ дѣятельности при учительскихъ институтахъ существуютъ городскія училища, при учительскихъ семинаріяхъ—начальныя народныя училища. Эти заведенія содержатся на казенный счетъ; на содержаніе нѣкоторыхъ семинарій отпускаются пособія отъ земства или изъ другихъ мѣстныхъ источниковъ.

Среднія учебныя заведенія. Среднія общеобразовательныя учебныя заведенія имѣютъ своею задачею дать учащимся въ нихъ такое образованіе, которое, являясь само по себѣ достаточно законченнымъ, служило бы основательною подготовкою къ усвоенію высшихъ знаній общаго или спеціальнаго характера. Въ Россіи средне-учебными заведеніями являются *гимназіи*, *прогимназіи* и *реальныя училища*. По опредѣленію Положенія 1871 г. о гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, „гимназіи имѣютъ цѣлью доставлять воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ

съ тѣмъ служить приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища"; „реальныя училища имѣютъ цѣлью доставлять учащемуся въ нихъ юношеству образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній".

Начало развитія у насъ средне-учебныхъ заведеній относится къ первымъ годамъ XIX столѣтія. До этого времени имѣли мѣсто лишь отдѣльныя попытки устройства ихъ. Первая гимназія была основана въ 1726 г. при Академіи Наукъ. Развитіе ея шло малоуспѣшно; въ ней было очень мало учащихся, что объясняется отчасти слабымъ еще въ то время сознаніемъ важности образованія, отчасти тѣмъ, что преподаваніе въ ней велось въ значительной степени на иностранныхъ языкахъ; съ другой стороны, составъ преподавателей былъ очень неудовлетворителенъ. Для привлеченія воспитанниковъ учреждены были стипендіи, пансіонъ, но всѣ эти мѣры оказались недостаточными для обезпеченія успѣшнаго развитія академической гимназіи. Въ 1805 г. она была закрыта.—Второю по времени русскою гимназіею была основанная въ 1755 г. при Московскомъ университетѣ гимназія съ двумя отдѣленіями, одно—для дворянъ, другое—для разночинцевъ. Цѣлью ея было подготовлять къ слушанію университетскихъ лекцій. Во главѣ ея стоялъ, въ качествѣ инспектора, одинъ изъ профессоровъ университета; преподавателями ея были, большею частью, студенты университета. Несмотря на неудовлетворительный составъ преподавателей, на отсутствіе хорошихъ пособій, гимназія эта подготовила немалое количество университетскихъ дѣятелей и образованныхъ, по тому времени, людей. Въ 1812 г. гимназія сгорѣла и съ тѣхъ поръ не возобновлялась. — Въ 1758 г., по образцу Московской университетской гимназіи, въ Казани основана была гимназія, находившаяся до 1786 г. въ вѣдѣніи Московскаго университета; эта гимназія, подвергшаяся многимъ преобразованіямъ, существуетъ и въ настоящее время (1-я Казанская гимназія).

Въ началѣ царствованія Александра I учреждено было министерство народнаго просвѣщенія, образованы учебные округа и созданъ былъ планъ устройства учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ гимназій, по всей Россіи. По этому плану, во всѣхъ губернскихъ городахъ должны быть открыты гимназіи или губернскія училища. Въ концѣ 1804 г. изданъ былъ „Уставъ учебныхъ заведеній", подвѣдомыхъ университету и попечителямъ учебныхъ округовъ. По этому уставу, гимназіи представляютъ собою всесословныя учебныя заведенія, раздѣленныя на 4 годичныхъ курса. Онѣ имѣютъ цѣлью: 1) приготовлять къ слушанію университетскихъ наукъ; 2) преподавать свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка; 3) приготовлять желающихъ къ учительскому званію въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ низшихъ училищахъ. Гимназическое образованіе имѣло въ своемъ основаніи реальный характеръ; вслѣдствіе многопредметности и плохого состава преподавателей, гимназіи плохо достигали поставленныя имъ задачи. Въ 1828 г., благодаря главнымъ образомъ гр. Уварову, совершилось коренное преобразованіе гимназій, главною цѣлью которыхъ гр. Уваровъ ставилъ приготовленіе къ университетамъ. По новому уставу, въ гимназіяхъ положено 7 классовъ, а въ основу образованія въ нихъ положено изученіе древнихъ языковъ, главнымъ образомъ, латинскаго, отчасти греческаго. Въ 1849 г. послѣдовало новое измѣненіе гимназическаго курса, съ цѣлью приспособить обученіе къ практической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить приливъ молодыхъ людей въ университеты (эта мѣра была вызвана опасеніемъ передъ движеніемъ, волновавшимъ тогда западноевропейскія государства). Преподаваніе въ гимназіяхъ было раздѣлено на общее—въ трехъ низшихъ, и спеціальное—въ остальныхъ классахъ. Всѣ гимназіи распадались на три категоріи: 1) такія, въ которыхъ преподавались естественныя науки и законовѣдѣніе (ихъ было 36); 2) такія, въ которыхъ преподавалось, кромѣ элементарныхъ предметовъ, одно законовѣдѣніе (29) и 3) такія, въ которыхъ преподавались латинскій и греческій языки (12). Основанія этой системы были шатки и неопредѣленны, гимназіи перестали быть общеобразовательными заведеніями, но не сдѣлались и спеціальными. Это вызвало потребность новыхъ реформъ, которыя и выразились въ уставѣ 1864 г. По этому уставу, гимназіи раздѣлялись на классическія и

реальныя, первыя—съ древними языками, вторыя—съ усиленнымъ преподаваніемъ новыхъ языковъ и математики. Кромѣ гимназій (съ 7 классномъ курсомъ) созданы были прогимназіи (въ составѣ 4 классовъ). Основными положеніями новаго строя гимназій были два: 1) возстановленіе изученія древнихъ языковъ въ прежней силѣ, съ признаніемъ греческаго языка обязательнымъ предметомъ, и 2) постановленіе, что только окончаніе курса классической гимназіи открываетъ доступъ въ университетъ.

Преимущественное положеніе классицизма, какъ основы средне-учебныхъ заведеній, было укрѣплено еще болѣе реформою 1871 г., съ которою связано имя гр. Д. А. Толстого. По уставу 1871 г., гимназіями признаются только *классическія*, съ двумя древними языками; реальныя гимназіи переименованы въ реальныя *училища*, чѣмъ какъ бы подчеркивалось низшее ихъ положеніе. По новымъ учебнымъ планамъ курсъ гимназіи—8-милѣтній; главное значеніе въ программѣ признано за древними языками, для преподаванія которыхъ назначено усиленное число часовъ; преподаваніе естественной исторіи было прекращено; уменьшено число уроковъ по исторіи и нѣкоторымъ другимъ предметамъ. Окончившіе курсъ гимназій получаютъ „аттестатъ зрѣлости", открывающій доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія и дающій право на поступленіе въ государственную службу предпочтительно передъ другими. По уставу 1871 г. прогимназіи представляютъ собою также классическія учебныя заведенія и могутъ состоять изъ 6-ти классовъ. Реальныя училища, по реформѣ 1871 г. и позднѣйшимъ узаконеніямъ имѣютъ 6-ть классовъ, изъ которыхъ въ 4-хъ низшихъ дается общее образованіе, а въ 2-хъ высшихъ—спеціальное, для чего эти классы раздѣляются на два отдѣленія—основное и коммерческое. Кромѣ того, при основномъ отдѣленіи въ нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ существуетъ высшій дополнительный классъ, предназначенный для подготовленія учащихся къ вступленію въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, въ которыхъ ученики реальныхъ училищъ подвергаются повѣрочному испытанію; этотъ дополнительный классъ распадается на три отдѣленія: общее, механико-техническое и химико-механическое.

Къ 1 янв. 1899 г. въ Россіи было 191 гимназій, 53 прогимназіи и 115 реальныхъ училищъ.

Высшія учебныя заведенія. Центрами и разсадниками высшаго общаго образованія являются университеты, какъ учрежденія, имѣющія своими задачами изученіе, разработку и распространеніе научныхъ знаній. Разнообразіе и сложность человѣческихъ знаній, распадающихся на отдѣльныя группы, составляющія предметъ изученія различныхъ наукъ, вызываютъ необходимость дѣленія университетовъ на факультеты, на которыхъ изучаются отдѣльныя группы наукъ, при чемъ однако всѣ факультеты составляютъ одно цѣлое, ибо они, изучая извѣстную спеціальную отрасль, связаны другъ съ другомъ единствомъ общихъ научныхъ цѣлей и стремленій.

Университеты въ Россіи возникли по образцу западно-европейскихъ, но значительно позднѣе: тогда какъ нѣкоторые университеты въ западной Европы возникли еще въ XII ст. (въ Болоньѣ, Салерно) и XIII ст. (Парижскій), у насъ первый университетъ былъ основанъ въ 1755 г., въ царствованіе Елизаветы Петровны. Онъ былъ созданъ въ Москвѣ стараніями главнымъ образомъ двухъ лицъ—Ломоносова и гр. И. И. Шувалова. Ученыя силы Московскаго университета первоначально были очень скудны. Онъ раздѣлялся на 3 факультета: философскій съ 4-мя каѳедрами, юридическій и медицинскій съ 3-мя каѳедрами на каждомъ. Первыми профессорами были выписанные изъ-за границы иностранцы, за исключеніемъ двухъ русскихъ, бывшихъ воспитанниковъ Академіи наукъ. Нѣкоторыя каѳедры долгое время не были замѣщены вовсе. Студентовъ было весьма ограниченное число и приходилось принимать различныя мѣры для привлеченія учащихся въ университетъ. Въ царствованіе Екатерины II Московскій университетъ начинаетъ пополняться русскими профессорами (въ 1767 г. въ немъ было 5 русскихъ молодыхъ ученыхъ изъ лицъ, отправленныхъ Шуваловымъ въ заграничные университеты). Вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденная при университетѣ гимназія подготовляла значительный контингентъ слушателей университета.

При Екатеринѣ II имѣлось въ виду устройство еще нѣсколькихъ университетовъ: въ указѣ 1786 г., данномъ

„Комиссіи объ учрежденіи училищъ“, шла рѣчь о постепенномъ созданіи университетовъ въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Но составленный вслѣдствіе этого планъ устройства университетовъ не былъ приведенъ въ осуществленіе при Екатеринѣ II. Къ нему вернулись уже при Александрѣ I.

Въ 1802 г. открытъ былъ возобновленный Дерптскій университетъ (первоначально онъ былъ основанъ еще въ XVII в., въ эпоху владычества Швеціи въ Остзейскомъ краѣ, при Густавѣ-Адольфѣ и просуществовалъ до начала XVIII в.). Въ 1804 г. открыты были два новые университета, въ Казани и Харьковѣ, при чемъ для нихъ и для Московскаго университета былъ въ томъ же году изданъ университетскій уставъ. На основаніяхъ этого устава въ 1819 г. созданъ былъ Петербургскій университетъ, преобразованный изъ Главнаго педагогическаго института.

Уставъ 1804 г. предоставлялъ университетамъ корпоративное устройство на началахъ автономіи, при чемъ университету предоставленъ былъ собственный судъ по отношенію ко всѣмъ служащимъ и учащимся въ университетѣ, какъ уголовный по проступкамъ и оскорбленіямъ, такъ и гражданскій по дѣламъ, не касающимся недвижимыхъ имѣній. Управленіе университетомъ сосредоточивалось въ рукахъ коллегій: 1) въ совѣтѣ, составлявшемся изъ всѣхъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ избиравшагося имъ изъ среды ординарныхъ профессоровъ на одинъ годъ ректора; 2) въ четырехъ факультетскихъ собраніяхъ изъ профессоровъ отдѣльныхъ факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ избиравшихся совѣтомъ деканов, и 3) въ правленіи, составлявшемся, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ деканов, для завѣдыванія, во-первыхъ, хозяйственною частью и, во-вторыхъ, университетскимъ судомъ. Университеты распадались на четыре факультета—нравственныхъ и политическихъ наукъ, физико-математическій, медицинскій и словесныхъ наукъ. Университеты, по уставу 1804 г., являлись не только учеными и учебными, но и административными учрежденіями, такъ какъ ихъ вѣдѣнію поручены были гимназіи и низшія школы университетскаго округа.

Въ царствованіе Николая I исторія университетовъ ознаменовывается созданіемъ одного новаго университета Св. Владиміра въ Кіевѣ (въ 1833 г.) и изданіемъ новаго устава 1835 г. Этотъ уставъ освободилъ университетты отъ завѣдыванія средними и низшими учебными заведеніями округа и, съ другой стороны, значительно ограничилъ самостоятельность университетскаго управленія, поставивъ университеты подъ опеку попечителей учебныхъ округовъ. Позднѣйшія дополненія къ уставу, особенно послѣ 1849 г., когда ограничено было число студентовъ, уничтожено было право совѣта избирать ректора и измѣненъ характеръ должности выборныхъ деканов, которые превратились скорѣе въ отвѣтственныхъ чиновниковъ, еще болѣе стѣснили университеты въ ихъ свободномъ развитіи. Уже въ самомъ началѣ царствованія Александра II сознана была потребность реформы университетовъ въ духѣ большей ихъ самостоятельности. Сначала были изданы отдѣльныя узаконенія (въ 1861 г. возстановлено право совѣта избирать ректора и деканов), а затѣмъ въ 1863 г. опубликованъ новый общій уставъ россійскихъ университетовъ.

Характерною чертою этого устава является предоставленіе университетамъ права самоуправленія. Важнѣйшими выраженіями его были: избраніе совѣтомъ ректора (на 4 года) изъ ординарныхъ профессоровъ, избраніе факультетскими собраніями деканов на 3 года, избраніе профессоровъ на вакантныя каѳедры, избраніе изъ состава профессоровъ проректора для наблюденія за исполненіемъ установляемыхъ университетами правилъ относительно студентовъ и вольнослушателей, разбирательство проступковъ студентовъ особымъ университетскимъ судомъ въ составѣ трехъ судей, ежегодно избираемыхъ совѣтомъ изъ профессоровъ. Уставомъ 1863 г. возвышено, сравнительно съ уставомъ 1835 г., содержаніе профессоровъ; увеличены средства, отпускаемыя на содержаніе университетовъ; увеличено число каѳедръ; въ 1864 г. изданы новыя правила объ испытаніяхъ на ученыя степени кандидата, магистра и доктора—правила, обезпечивавшія возможность лучшей подготовки будущихъ дѣятелей науки. Благодаря указаннымъ и другимъ достоинствамъ устава 1863 г., университеты, подъ дѣйствіемъ его, стали успѣшно развиваться, выдѣляя все большее ко-

личество даровитыхъ ученыхъ силъ и поставивъ университетское преподаваніе на значительную высоту.

Уставъ 1863 г. просуществовалъ 20 лѣтъ, не успѣвъ дать всѣхъ тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было ожидать отъ него. Уже въ половинѣ 70-хъ годовъ началась въ средѣ противниковъ университетской автономіи агитація противъ устава 1863 г., нашедшая благопріятную для себя почву въ нѣкоторыхъ печальныхъ проявленіяхъ нашей общественной жизни, которыя неосновательно, но усердно ставились на счетъ университетскихъ порядковъ. Образованная для пересмотра университетскаго устава комиссія выработала проектъ новаго устава, который и былъ утвержденъ въ августѣ 1884 года.

По этому уставу выборное начало по отношенію къ избранію ректора, деканова и профессоровъ отмѣняется. Они не избираются болѣе совѣтомъ, а назначаются министерствомъ народнаго просвѣщенія. Функціи совѣта значительно ограничены. Ректору, назначаемому на 4 года, ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ; ближайшимъ образомъ онъ подчиненъ попечителю учебнаго округа, на которомъ лежитъ обязанность высшаго руководительства во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ. Завѣдываніе дисциплинарною частью и надзора за студентами ввѣряется инспектору, назначаемому министромъ и подчиненному ректору.

Каждый факультетъ составляетъ одинъ или нѣсколько учебныхъ плановъ, въ которыхъ обозначаются какъ науки, подлежащія изученію студентами даннаго факультета, такъ и нормальный порядокъ ихъ изученія. Одинъ изъ этихъ плановъ студентъ обязанъ принять къ руководству, при чемъ отступленія отъ избраннаго плана допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія декана факультета. Если какой-либо предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекціи у того изъ нихъ, у кого онъ пожелаетъ.

Уставъ 1884 г. внесъ значительныя измѣненія въ порядокъ испытаній или экзаменовъ. Взамѣнъ прежнихъ переводныхъ испытаній при переходѣ съ одного курса на

другой установлены такъ называемыя полукурсовыя испытанія за два и четыре семестра, или полугодія. Окончательныя испытанія производятся въ особо назначаемыхъ для того при университетахъ комиссіяхъ для каждаго факультета. Первоначально имѣлось въ виду въ составъ этихъ комиссій назначать лицъ, не принадлежащихъ къ профессорскому персоналу даннаго университета и сдѣлать экзамены „государственными“, но фактически только предсѣдателями комиссіи являются лица, постороннія университету, членами же ихъ назначаются профессора. Къ этимъ испытаніямъ допускаются только тѣ студенты, которымъ по опредѣленію ихъ факультетовъ зачтено установленное для окончанія курса число семестровъ или полугодій, о чемъ имъ выдается выпускное свидѣтельство, которое они должны представить въ комиссію. Степень кандидата, которая давалась по уставу 1863 г. лучшимъ изъ окончившихъ курсъ и которая являлась первою ученою степенью, теперь упразднена. Выдержавшимъ въ комиссіи окончательное испытаніе выдаются дипломы 1-й и 2-й степени, открывающіе обладателямъ ихъ права по государственной службѣ (право производства въ чины X—XII классовъ).

Нововведеніемъ устава 1884 г. является система гонорара, получаемаго профессорами сверхъ жалованья. Каждый студентъ и посторонній слушатель вноситъ по 1 рублю за недѣльный часъ въ полугодіе въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями и практическими занятіями которыхъ они желаютъ пользоваться. Примѣненіе системы гонорара имѣло своимъ результатомъ крайне неравномѣрное вознагражденіе профессоровъ, въ зависимости отъ числа студентовъ на факультетахъ: тогда какъ на малолюдныхъ факультетахъ (на физико-математическомъ и особенно на историко-филологическомъ) цифры получаемаго профессорами гонорара крайне ничтожны, сумма гонорара, получаемаго профессорами юридическихъ и медицинскихъ факультетовъ, особенно по тѣмъ предметамъ, которые преподаются въ теченіе большого числа часовъ, достигаютъ очень значительныхъ размѣровъ, иногда вдвое и болѣе противъ штатнаго содержанія.

Со времени изданія устава 1884 г. отдѣльными мѣрами

устранены были нѣкоторыя неудобства новой системы, а въ 1901 г. поставленъ на очередь вопросъ о коренномъ пересмотрѣ этой системы.

Въ настоящее время въ Россіи существуетъ *девять* университетовъ (не считая Александровскаго въ Гельсингфорсѣ): кромѣ упомянутыхъ выше Московскаго, С.-Петербургскаго, Казанскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Дерптскаго (съ 1893 г. переименованнаго въ Юрьевскій), въ 1864 г. основанъ Новороссійскій (въ Одессѣ), въ 1869 г.—Варшавскій и въ 1888 г. Томскій. Университеты состоятъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, юридическаго, физико-математическаго и медицинскаго. Отступленія находимъ въ С.-Петербургскомъ, въ которомъ есть факультетъ восточныхъ языковъ, но нѣтъ медицинскаго (основаніе его представлялось излишнимъ, въ виду существованія въ С.-Петербургѣ Военно-Медицинской Академіи); въ Томскомъ университетѣ существуютъ лишь два факультета—медицинскій и юридическій (учрежденъ въ 1898 г.); въ Юрьевскомъ университетѣ, кромѣ обычныхъ четырехъ, существуетъ пятый факультетъ—лютеранскаго богословія. Въ Новороссійскомъ университетѣ медицинскій факультетъ учрежденъ только въ 1896 году.

Къ 1 января 1899 года во всѣхъ девяти университетахъ Имперіи было 16.497 студентовъ и 1.109 вольнослушателей [1]. Изъ отдѣльныхъ университетовъ наибольшее число студентовъ приходится на Московскій (4.407), С.-Петербургскій (3.788), Кіевскій (2.604), Юрьевскій (1.218), Харьковскій (1.387) и Варшавскій (1.114).

Распредѣленіе студентовъ по отдѣльнымъ факультетамъ представлялось къ 1 января 1899 года въ слѣдующемъ видѣ. На юридическомъ факультетѣ (имѣется во всѣхъ университетахъ) было 7.109 студентовъ; на медицинскомъ факультетѣ (въ семи университетахъ) было 4.638 студентовъ; на физико-математическомъ (въ восьми университетахъ)—3.772 студентсвъ; на историко-филологическомъ (въ восьми

[1] Послѣдовательный и довольно быстрый ростъ числа студентовъ виденъ изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1873 г. во всѣхъ университетахъ было 6.145 студ., въ 1880 г.—8.193 ст., въ 1885 г.—12.939 и въ 1894 г.—13.944 студентовъ.

университетахъ)—648; на факультетѣ восточныхъ языковъ (имѣется въ одномъ С.-Петербургскомъ университетѣ)—182 студента и на богословскомъ (имѣется въ одномъ Юрьевскомъ университетѣ)—148 студентовъ.

Кромѣ университетовъ, къ числу высшихъ общеобразовательныхъ заведеній надо отнести рядъ учебныхъ заведеній, которыя по характеру даваемаго ими образованія болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ факультетамъ.

Таковы, во-первыхъ, Императорскій Александровскій (бывшій Царскосельскій) Лицей, Ярославскій Демидовскій Лицей и Императорское Училище Правовѣдѣнія,—соотвѣтствующіе юридическимъ факультетамъ.

Императорскій Александровскій Лицей открытъ былъ въ 1811 году въ Царскомъ Селѣ. Цѣль этого заведенія, по его уставу, образовывать лицъ, способныхъ для разныхъ частей государственной службы. Принятый подъ непосредственное покровительство Императора, лицей былъ сначала отданъ въ вѣдѣніе министра народнаго просвѣщенія, а въ 1822 г. переданъ въ управленіе военно-учебныхъ заведеній. Въ 1843 г. онъ сравненъ съ другими гражданскими заведеніями, въ 1849 г. переведенъ въ С.-Петербургъ, названъ Александровскимъ и переданъ въ вѣдѣніе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (нынѣ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи). Въ Лицеѣ, представляющемъ собою закрытое заведеніе, кромѣ приготовительнаго класса (состоящаго изъ двухъ отдѣленій), имѣется шесть классовъ; изъ нихъ три младшихъ среднеобразовательныхъ класса и три старшихъ съ курсомъ юридическихъ и политическихъ наукъ. Окончившіе курсъ, сообразно съ успѣхами, получаютъ чины XII—IX классовъ.

Ярославскій Демидовскій Лицей возникъ благодаря сдѣланному въ 1803 г. Демидовымъ пожертвованію на Ярославскую гимназію (деревни въ 4.000 душъ и капитала 700.000 руб.) съ просьбою дать гимназіи права университета. Гимназія была преобразована въ „Ярославское училище высшихъ наукъ“, названное въ 1805 г. Демидовскимъ. По уставу 1833 г. оно было переименовано въ Демидовскій Лицей съ общеобразовательнымъ курсомъ. Въ 1868 г. новый уставъ лицея придалъ ему характеръ спеціальной юриди-

ческой школы, каковою онъ является и въ настоящее время, соотвѣтствуя по программѣ преподаваемыхъ въ немъ предметовъ юридическимъ факультетамъ университетовъ.

Императорское Училище Правовѣдѣнія учреждено въ 1835 г. для подготовленія свѣдущихъ въ юридическихъ наукахъ чиновниковъ для службы въ вѣдомствѣ министерства юстиціи. Училище состоитъ изъ приготовительнаго и семи общихъ классовъ—четырехъ общеобразовательныхъ гимназическихъ и трехъ спеціальныхъ, соотвѣтствующихъ курсу юридическихъ факультетовъ. Училище находится въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, по которому и должны были служить окончившіе въ училищѣ курсъ. Въ 1897 г. имъ предоставлено право поступать на службу и по другимъ вѣдомствамъ. Училище—закрытое заведеніе. Оканчивающіе въ немъ курсъ получаютъ чины XII—IX классовъ.

Далѣе существуютъ два учрежденія, приближающіяся къ историко-филологическимъ факультетамъ: С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ и историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Историко-Филологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ основанъ въ 1867 г. для подготовленія учителей гимназій и вообще средне-учебныхъ заведеній преимущественно по древнимъ языкамъ. Институтъ состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Въ немъ положено 100 штатныхъ воспитанниковъ, живущихъ въ зданіи института на полномъ содержаніи; кромѣ того, допускаются стипендіаты другихъ вѣдомствъ. Оканчивающимъ курсъ предоставляется званіе учителя гимназіи съ тѣми же правами, какія имѣютъ окончившіе историко-филологическіе факультеты.

Историко-Филологическій Институтъ Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ образованъ былъ въ 1875 г. изъ лицея кн. Безбородко, который былъ устроенъ въ 1820 г. (подъ названіемъ „Гимназія высшихъ наукъ“) на средства, пожертвованныя кн. Безбородко въ 1805 г. Характеръ и программы этого учрежденія неоднократно измѣнялись: по уставу 1825 г. цѣлью его было доставлять филологическое образованіе, въ 1832 г.—физико-математическое, въ 1840 г. по новому уставу онъ долженъ былъ служить къ распространенію юридическихъ познаній. Наконецъ, въ 1875 г. онъ былъ преобразованъ въ историко-филологическій институтъ съ тѣми же задачами, какъ и С.-Петербургскій.

Въ связи съ названными учрежденіями необходимо упомянуть объ *Археологическомъ Институтѣ* въ С.-Петербургѣ. Это учрежденіе основано въ 1878 г. по иниціативѣ и стараніями Н. В. Калачова для приготовленія спеціалистовъ въ области археологіи и архивовѣдѣнія. Слушателями института являются обыкновенно лица, окончившія курсъ въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи и желающія ознакомиться спеціально съ археологіей и архивнымъ дѣломъ. Курсъ ученія—двухгодичный. Слушаніе лекцій—безплатное.

Факультету восточныхъ языковъ соотвѣтствуетъ находящійся въ Москвѣ *Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ*. Это учрежденіе было основано въ 1815 г. на средства, пожертвованныя армяниномъ Лазаревымъ, подъ названіемъ „Лазаревское училище для воспитанія дѣтей армянскаго происхожденія“, какъ частное учебное заведеніе, въ которомъ преподавались какъ общіе предметы, такъ и восточные языки. Въ 1848 г., по новому уставу, оно было преобразовано въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, при чемъ курсъ преподаванія былъ расширенъ. Отдѣленіе преподаванія восточныхъ языковъ отъ общихъ предметовъ послѣдовало по нынѣ дѣйствующему уставу 1872 г. Институтъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: гимназическаго, съ 8-ю основными классами и приготовительнымъ, и спеціальнаго для изученія восточныхъ языковъ, раздѣленнаго на 3 курса.

Наконецъ, существуютъ еще *курсы восточныхъ языковъ при учебномъ отдѣленіи Азіатскаго департамента*, готовящіе драгомановъ для Министерства Иностранныхъ дѣлъ. На немъ преподаются языки: арабскій, турецкій, персидскій и татарскій. Курсъ 3-хъ лѣтній. Въ числѣ обучающихся военное министерство содержитъ 15 офицеровъ.

Женскія учебныя заведенія. Женскія учебныя заведенія, подобно мужскимъ, также распадаются на три категоріи—низшія, среднія и высшія.

Начальное образованіе дѣвочкамъ дается совмѣстно съ мальчиками въ начальныхъ народныхъ школахъ и другихъ

подобныхъ заведеніяхъ; сравнительно рѣдко, преимущественно въ городахъ, устраиваются школы для дѣвочекъ особо отъ мальчиковъ. По даннымъ упомянутаго выше сборника статистическихъ свѣдѣній, въ 1898 г. въ начальныхъ училищахъ Имперіи училось 1,023,609 дѣвочекъ, что составитъ 25% общаго числа учащихся въ начальныхъ школахъ. Въ городахъ учившіяся въ начальныхъ школахъ дѣвочки составляли 36,2% всего числа учащихся.

Среднія учебныя заведенія для женщинъ возникаютъ у насъ въ царствованіе Екатерины II, учредившей въ 1764 г., по плану Бецкаго, „Воспитательное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ“. По образцу этого заведенія уже въ XVIII столѣтіи было открыто нѣсколько учрежденій сначала въ столицахъ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ. Эти учебныя заведенія, большею частью закрытыя, получили названіе „институтовъ“; развитію ихъ въ сильной степени содѣйствовало теплое участіе и покровительство Императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Павла I. Управленіе ими, послѣ смерти ея, было передано въ 1828 г. въ особое IV отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, впослѣдствіи переименованное въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

До половины XIX стол. институты, доступъ въ которые былъ открытъ только для дѣвицъ дворянскаго происхожденія, являлись единственными среднеучебными заведеніями для женщинъ. Лишь въ концѣ 50-хъ годовъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія поставленъ былъ на очередь вопросъ объ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній на другихъ основаніяхъ, а именно открытыхъ и съ допущеніемъ дѣвицъ всѣхъ сословій. Въ 1858 г. издано было особое Положеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія. Къ 1870 г. въ разныхъ городахъ устроены были, въ значительной степени на средства или при содѣйствіи городскихъ общественныхъ управленій, до 150 женскихъ училищъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, преобразованныхъ въ гимназіи на основахъ изданнаго въ этомъ году новаго „Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія“. По этому положенію женскія гимназіи состоятъ изъ 7-ми годичныхъ курсовъ, при чемъ для приготовленія ученицъ къ педагогической дѣятельности можетъ быть учрежденъ 8-й дополнительный классъ; женскія прогимназіи состоятъ изъ 3 классовъ. Окончившимъ полный курсъ 8-ми классовъ и награжденнымъ медалями дается званіе „домашнихъ наставницъ“, не получившимъ медалей, но удостоеннымъ атестатами — званіе „домашнихъ учительницъ“; окончившія только 7 классовъ получаютъ право на званіе „первоначальныхъ учительницъ, учительницъ народныхъ училищъ“.

Вслѣдъ за созданіемъ первыхъ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, IV отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи нашло необходимымъ открыть въ своемъ вѣдомствѣ подобныя же женскія гимназіи для приходящихъ ученицъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій; въ 1862 г. изданъ былъ особый уставъ, регулирующій устройство и программы этихъ заведеній.

Такимъ образомъ, въ настоящее время женскія среднія учебныя заведенія распадаются на три группы:

I Женскія гимназіи и прогимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1898 г. ихъ было 346 съ 94,078 учащимися.—II. Институты. Въ 1898 г. ихъ было всего 32, изъ которыхъ 10 въ С.-Петербургѣ, 4 въ Москвѣ и 18 въ провинціи.—III. Женскія гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Въ 1898 г. ихъ было 30 (изъ нихъ 10 въ С.-Петербургѣ, 5 въ Москвѣ и 15 въ провинціи); въ этихъ гимназіяхъ и институтахъ въ 1898 г. было 20,246 учащихся.

Высшія женскія учебныя заведенія возникаютъ въ Россіи по иниціативѣ частныхъ лицъ. Въ 1872 г. учреждены были высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и въ Москвѣ профессоромъ В. И. Герье. Въ послѣдующіе годы открыты были такіе же курсы въ Кіевѣ и Казани. Въ программу курсовъ введены были преимущественно историко-филологическія и физико-математическія науки. На курсы принимались окончившія среднія женскія учебныя заведенія — гимназіи и институты. Допускались

также и вольнослушательницы. Учебный курсъ продолжался 3 года на С.-Петербургскихъ и 2 года на Московскихъ курсахъ. Курсы развивались весьма успѣшно; число слушательницъ постоянно возрастало; къ преподаванію были привлечены лучшія ученыя силы мѣстныхъ университетовъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ произошла перемѣна въ отношеніяхъ администраціи къ высшему женскому образованію. Въ 1886 г. былъ закрытъ пріемъ на С.-Петербургскіе курсы; Московскіе курсы въ 1888 г. совершенно закрыты. С.-Петербургскіе курсы въ 1889 г. возстановлены съ существенными измѣненіями какъ въ научно-учебномъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ. По временному положенію 1889 г. высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ считаются частнымъ учебнымъ заведеніемъ, при чемъ однако директоръ курсовъ, а также инспектриса, руководящая воспитательною частью, назначаются министерствомъ народнаго просвѣщенія. Курсы раздѣлены на два отдѣленія: словесное и физико-математическое; учебные планы обоихъ отдѣленій утверждаются министерствомъ. Хозяйственною частью завѣдуетъ попечительный совѣтъ. Число слушательницъ ограничено было комплектомъ въ 400 чел., но желающихъ обучаться на нихъ оказалось такъ много, что министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ въ 1896 г. увеличить комплектъ до 600. Впослѣдствіи число слушательницъ еще увеличилось: къ 1-му янв. 1899 г. на курсахъ было 916 слушательницъ и 44 вольно-слушательницы (на историко-филологическомъ отдѣленіи — 719, на физико-математическомъ—241). При курсахъ учрежденъ интернатъ, въ который поступаютъ слушательницы, не имѣющія въ С.-Петербургѣ родителей или родственниковъ, съ которыми онѣ могли бы жить. Плата за слушаніе лекцій—100 руб. въ годъ, живущія въ интернатѣ платятъ 300 руб. въ годъ.—Съ 1900 года возобновлены и высшіе женскіе курсы въ Москвѣ.

Педагогическіе курсы существуютъ съ 1859 г. и состоятъ изъ словеснаго и математическаго отдѣленій. Курсъ трехлѣтній; первые 2 года читаются общеобразовательные предметы. Для упражненія слушательницъ, готовящихся въ домашнія наставницы, при курсахъ имѣется прогимназія.

Женскій медицинскій институтъ. Въ 1872 году, также по

иниціативѣ частныхъ лицъ, въ С.-Петербургѣ возникли женскіе „врачебно-акушерскіе курсы“. Они были устроены при Военно-Медицинской Академіи, при чемъ однако занятія женщинъ-курсистокъ происходили совершенно отдѣльно отъ студентовъ Академіи. Цѣлью курсовъ было поставлено приготовленіе ученыхъ акушерокъ. Преподаваніе производилось профессорами Академіи. Курсами завѣдывала конференція Академіи подъ предсѣдательствомъ ея начальника; непосредственное же начальство слушательницъ составляли почетная инспектриса и ея помощницы. Слушательницами принимались окончившія курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ повѣрочнымъ испытаніемъ при пріемѣ. Занятія были расчитаны на четырехгодичный курсъ. По окончаніи его производился выпускной экзаменъ примѣнительно къ экзамену на званіе врача. Въ 1876—1877 г. курсы были отдѣлены отъ Военно-Медицинской Академіи и переведены въ Николаевскій военный госпиталь, образовавъ самостоятельное учрежденіе, при чемъ съ тѣхъ поръ они получили названіе „Женскихъ врачебныхъ курсовъ“. Завѣдываніе ими, независило отъ надзора инспектрисы и ея помощницъ, возложено на главнаго врача госпиталя. Срокъ обученія вмѣсто 4 лѣтъ былъ установленъ пятилѣтній. Въ 1876 г. оканчивающимъ курсъ предоставлено право практики по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ.

Развитіе курсовъ шло весьма успѣшно, что между прочимъ доказалъ опытъ практическаго примѣненія знаній курсистокъ на войнѣ 1877 г., когда онѣ исполняли ординаторскія обязанности и своею энергіею, знаніями и самоотверженностью заслужили общее одобреніе профессоровъ, дѣйствовавшихъ на театрѣ войны. По ходатайству Медицинскаго Совѣта, въ виду заслугъ женщинъ-врачей, имъ былъ дарованъ нагрудный знакъ „Ж. В.“ (женщина-врачъ), дававшій право самостоятельной врачебной практики, а въ 1879 г. министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено разрѣшать выдержавшимъ испытаніе слушательницамъ право врачебной службы въ городскихъ, земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ. За время съ 1872 по 1882 г. на курсы поступило всего 1.390 лицъ; общее число слушательницъ на всѣхъ 5 курсахъ составляло не менѣе 450.

Подъ вліяніемъ реакціи въ отношеніи къ женскому образованію въ судьбѣ врачебныхъ женскихъ курсовъ наступилъ кризисъ: въ 1882 г. пріемъ на курсы былъ пріостановленъ, и они были постепенно закрыты. Съ тѣхъ поръ въ теченіе 15 лѣтъ женское врачебное образованіе заглохло, но сознаніе важности его не изгладилось, и въ печати и общественныхъ учрежденіяхъ не переставали раздаваться голоса, доказывавшіе необходимость возстановленія женскихъ врачебныхъ курсовъ. Лишь въ 1892 г. выработанъ былъ проектъ положенія о новомъ учрежденіи для высшаго медицинскаго образованія женщинъ—„Женскаго Медицинскаго Института“. Разсмотрѣніе этого проекта въ Государственномъ Совѣтѣ было однако отложено впредь до того времени, когда изъ частныхъ пожертвованій образуется сумма, достаточная для покрытія расходовъ по содержанію института. Упомянутый проектъ былъ наконецъ разсмотрѣнъ въ 1895 г., и вопросъ объ открытіи Женскаго Медицинскаго Института рѣшенъ окончательно. Открытіе его состоялось въ сентябрѣ 1897 году. По уставу институтъ имѣетъ цѣлью доставить лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и къ акушерской дѣятельности. Средства института составляются главнымъ образомъ изъ частныхъ пожертвованій, пособій отъ городовъ и земствъ и платы за ученіе. Непосредственное управленіе имъ и состоящимъ при немъ интернатомъ ввѣряется директору, назначаемому министерствомъ народнаго просвѣщенія; директору въ работахъ по управленію помогаютъ совѣтъ преподавателей, правленіе изъ 4 профессоровъ и инспекторовъ и попечительный комитетъ, назначаемый министромъ изъ лицъ, могущихъ содѣйствовать удовлетворенію хозяйственныхъ нуждъ института и увеличенію средствъ его. Курсъ ученія — 5-лѣтній; зачетъ полугодій, полукурсовыя и окончательныя испытанія производятся примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для медицинскихъ факультетовъ. Окончившимъ курсъ дается дипломъ на званіе „женщины-врача“ съ правомъ повсемѣстной свободной практики. Въ 1898 г. изданъ законъ, предоставляющій женщинамъ-врачамъ права и преимущества государственной службы въ

отношеніи пенсій. Этимъ актомъ увѣнчивается признаніе важности женскаго медицинскаго образованія.

Духовныя учебныя заведенія. Исторія духовно-учебныхъ заведеній въ значеніи разсадниковъ для приготовленія образованныхъ пастырей церкви долгое время сливается съ исторіей общаго народнаго образованія въ Россіи. Изъ школъ церковно-приходскихъ и монастырскихъ, бывшихъ главными центрами народнаго образованія, выходили и служители церкви. Въ концѣ XVI в. въ юго-западной Россіи впервые создаются церковными братствами духовныя школы. Изъ нихъ особенное значеніе пріобрѣло училище при Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ, получившее въ XVII в. названіе духовной коллегіи, а впослѣдствіи академіи. Въ Москвѣ въ XVI в. возникла столь извѣстная впослѣдствіи славяно-греко-латинская академія.

Съ эпохи Петра Великаго начинается государственная регламентація духовно-учебныхъ заведеній; основываются первыя духовныя семинаріи въ Петербургѣ и Москвѣ; къ концу XVIII ст. семинаріи были основаны и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Европейской Россіи, а также въ Иркутскѣ и Тобольскѣ. Въ 1808 г. учреждена была „Комиссія духовныхъ училищъ“, которая составила первый уставъ духовно-учебныхъ заведеній, по которому они распадаются на три группы: низшія — духовныя училища (уѣздныя и приходскія), среднія — духовныя семинаріи и высшія — духовныя академіи. Духовныя училища и семинаріи предназначались для потребностей мѣстныхъ епархій, а духовнымъ академіямъ поставлены задачи обще-церковнаго характера — доставлять высшее богословское образованіе въ духѣ православія для просвѣщеннаго служенія церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности. Въ послѣдующія десятилѣтія духовно-учебныя заведенія какъ по своему административному устройству, такъ и по программамъ подвергались преобразованіямъ, но самый строй ихъ сохраняется и до настоящаго времени. Послѣднія узаконенія, регулирующія духовно-учебныя заведенія, относятся къ 1884 году. Согласно имъ, духовно-учебныя заведенія представляются въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ.

Духовныя училища предназначены „для первоначальнаго образованія и подготовленія дѣтей къ служенію православной церкви". Какъ учрежденія подготовительныя для лицъ, имѣющихъ поступить въ семинаріи, училища находятся „въ живой и нераздѣльной связи съ семинаріями". Они содержатся на средства, изыскиваемыя духовенствомъ каждой епархіи, и находятся въ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, подъ главнымъ управленіемъ Св. Сѵнода. Ближайшее попеченіе о нихъ ввѣряется мѣстному духовенству. Учебно-воспитательная часть состоитъ подъ руководствомъ мѣстныхъ семинарскихъ правленій, а непосредственное управленіе ввѣряется смотрителю (и его помощнику) и правленію (въ составѣ смотрителя и учителей), вѣдающему дѣла по учебной, нравственной и хозяйственной частямъ. Число духовныхъ училищъ въ каждой епархіи зависитъ отъ средствъ ея и потребностей мѣстнаго духовенства. Въ училища принимаются дѣти православныхъ духовныхъ лицъ безплатно, а изъ другихъ сословій—съ платою. Училища имѣютъ 4 класса, программа которыхъ приближается къ программѣ четырехъ классовъ гимназій. Въ настоящее время существуетъ 185 духовныхъ училищъ (учащихся болѣе 30.000).

Духовныя семинаріи, по опредѣленію устава 1884 г., представляютъ собою „учебно-воспитательныя заведенія для приготовленія юношества къ служенію православной церкви". Семинаріи, находясь подъ главнымъ управленіемъ Св. Сѵнода, состоятъ въ ближайшемъ вѣдѣніи епархіальныхъ архіереевъ, имѣющихъ высшее наблюденіе за направленіемъ преподаванія, за воспитаніемъ учащихся и вообще за выполненіемъ правилъ устава. Семинаріи содержатся на средства Св. Сѵнода и на пособія, отпускаемыя изъ государственнаго казначейства. Непосредственное управленіе семинаріею принадлежитъ ректору, инспектору и правленію, имѣющему собранія педагогическія и распорядительныя. Въ семинаріи принимаются молодые люди православнаго исповѣданія изъ всѣхъ сословій. Преобладающее значеніе въ учебномъ курсѣ ихъ занимаютъ богословскія науки, но въ значительномъ объемѣ преподаются и науки общеобразовательныя, входящія въ курсъ классическихъ гимназій. До конца 70-хъ годовъ окончившіе курсъ семинарій имѣли

свободный доступъ въ высшія учебныя заведенія, наравнѣ съ гимназистами. Затѣмъ доступъ этотъ былъ закрытъ, но въ послѣднее время лучшимъ изъ окончившихъ курсъ семинарій было дозволено поступать въ Томскій и Юрьевскій университеты. Обученіе въ семинаріяхъ безплатное, при чемъ сироты и дѣти бѣдныхъ родителей принимаются на казенное содержаніе. Лучшіе воспитанники семинарій, по окончаніи курса, поступаютъ въ духовныя академіи; большая часть воспитанниковъ опредѣляются епархіальнымъ начальствомъ на мѣста священно и церковнослужителей или же на должности учителей и надзирателей въ духовно-учебныя заведенія. Въ настоящее время существуетъ 55 духовныхъ семинарій (учащихся около 18.000).

Духовныхъ академій — четыре: Кіевская (возникновеніе которой относится еще къ XVII ст.), Московская (образованная изъ старой славяно-греко-латинской академіи, зачатки которой также относятся къ XVII в.), С.-Петербургская (основана въ 1797 г.) и Казанская (основана въ 1842 г.). Въ настоящее время духовныя академіи управляются на основаніи устава 1884 г. Согласно опредѣленію этого устава, духовныя академіи имѣютъ цѣлью доставлять высшее богословское образованіе, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго служенія церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности. Находясь въ главномъ завѣдываніи Св. Сѵнода, академіи состоятъ подъ начальственнымъ попеченіемъ мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ. Ближайшее управленіе академіями находится въ рукахъ ректора, совѣта и правленія академіи. Совѣтъ, въ составъ котораго входятъ ректоръ (предсѣдатель), инспекторъ и всѣ ординарные и экстраординарные профессора, вѣдаетъ главнымъ образомъ учебную часть; дѣла хозяйственныя и дисциплина надъ студентами сосредоточены въ правленіи, которое состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ инспектора и трехъ ординарныхъ профессоровъ. Изъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіяхъ, однѣ, а именно различныя отрасли богословія, философія, логика (всего 14), изучаются обязательно всѣми студентами, а другія, раздѣленныя на группы, предоставляются выбору студентовъ. Въ академіи

принимаются окончившіе курсъ семинарій или классическихъ гимназій, послѣ повѣрочнаго испытанія. Полный академическій курсъ 4-лѣтній. Лучшіе изъ оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ получаютъ степени кандидата богословія, а по представленіи печатной работы и ея защитѣ— степень магистра богословія. Степень доктора богословія пріобрѣтается отличными научными трудами или представленіемъ отдѣльнаго печатнаго изслѣдованія въ области богословской науки. Во всѣхъ академіяхъ въ послѣднее время состояло около 800 учащихся.

Женскія духовно-учебныя заведенія. Начало устройству женскихъ духовно-учебныхъ заведеній положено было въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда при женскихъ монастыряхъ разныхъ епархій было открыто нѣсколько *школъ-пріютовъ* для дѣвочекъ-сиротъ духовнаго званія. Въ этихъ школахъ преподавались первоначальныя основы грамотности и законъ Божій.

Значительный толчекъ развитію женскихъ духовно-учебныхъ заведеній данъ былъ учрежденіемъ въ 1842 году, при содѣйствіи и подъ покровительствомъ Великой Княжны Ольги Николаевны (впослѣдствіи королевы Виртембергской), „Образцоваго училища для дѣвицъ духовнаго званія“ въ Царскомъ Селѣ. Въ учебный курсъ его, раздѣленный на 3 двухгодичныхъ класса, введены были различные общеобразовательные предметы (въ томъ числѣ географія и исторія всеобщая и русская, ариѳметика), а также разныя рукодѣлія и обученіе садовому, огородному и домашнему хозяйству. По образцу Царскосельскаго устроено было еще 12 такихъ училищъ. Всѣ они впослѣдствіи были переименованы въ *женскія училища духовнаго вѣдомства*; они состоятъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, находятся въ вѣдѣніи Св. Синода и содержатся на его средства.

Въ 60-хъ годахъ, съ учрежденіемъ епархіальныхъ съѣздовъ духовенства, возбуждены были изъ разныхъ мѣстъ ходатайства объ открытіи *епархіальныхъ женскихъ училищъ*. Ходатайства эти получили удовлетвореніе и мало-по-малу во многихъ епархіяхъ были открыты такія училища (къ концу 60-хъ годовъ ихъ было около 30). Въ 1868 году изданъ былъ нормальный уставъ епархіальныхъ женскихъ

училищъ, сохраняющій свою силу и до настоящаго времени. Эти училища назначаются для образованія дочерей членовъ православнаго духовенства, при чемъ дозволяется принимать и дѣвицъ другихъ сословій. Училища эти содержатся на мѣстныя средства, изыскиваемыя епархіальнымъ духовенствомъ. Курсъ наукъ въ нихъ распредѣляется на 6 классовъ и обнимаетъ программу женскихъ гимназій. Въ большей части училищъ существуетъ дополнительный спеціально-педагогическій классъ, а также имѣются образцовыя начальныя школы для практическихъ занятій воспитанницъ. Окончившія полный курсъ епархіальныхъ училищъ получаютъ званіе домашнихъ учительницъ.

Примѣнительно къ уставу епархіальныхъ училищъ постепенно были преобразованы и упомянутыя выше 12 женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства.

По дѣйствующимъ правиламъ, въ церковно-приходскія школы учительницами назначаются преимущественно получившія образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

По даннымъ 1893 г. въ 12 женскихъ училищахъ обучалось 1.986 дѣвицъ. Въ епархіальныхъ училищахъ, число которыхъ составляетъ 49, обучалось около 11.500 дѣвицъ (изъ нихъ 1.960 принадлежали къ другимъ сословіямъ).

Спеціальныя учебныя заведенія.

Подъ спеціальными учебными заведеніями въ широкомъ смыслѣ слова разумѣются учебныя заведенія, имѣющія своею задачею сообщать учащимся въ нихъ тѣ особенныя познанія, которыя требуются характеромъ и условіями той или другой отрасли дѣятельности. При производствѣ въ 1880 году статистическаго обслѣдованія учебныхъ заведеній въ Россіи принято было дѣленіе спеціальныхъ учебныхъ заведеній на слѣдующія 12 группъ: I) духовныя, II) педагогическія, III) медицинскія, IV) юридическія, V) военныя, VI) морскія, VII) межевыя и топографическія, VIII) земледѣльческія, лѣсныя и сельско-хозяйственныя, IX) техническія и ремесленныя, X) коммерческія, XI) для изученія восточныхъ языковъ и XII) художественныя.

I. Техническія и ремесленныя учебныя заведенія, подобно общеобразовательнымъ, распадаются также на три категоріи—высшихъ, среднихъ и низшихъ.

а) Высшія техническія учебныя заведенія имѣютъ своею задачею готовить опытныхъ инженеровъ—руководителей въ техническихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, сооруженіяхъ и учрежденіяхъ. Въ настоящее время существуетъ 13 высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній:

1) *С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ Императора Николая I* является старѣйшимъ изъ технологическихъ учебныхъ заведеній. Онъ основанъ въ 1828 г. по мысли министра финансовъ гр. Канкрина и открытъ въ 1831 г. Онъ раздѣляется на два отдѣленія — механическое и химическое. Курсъ ученія — 5-лѣтній. Къ 1 янв. 1899 г. въ немъ было 1,011 студентовъ и 5 вольнослуш. (на общемъ курсѣ—280 студ.; на механическомъ отдѣленіи—605; на химическомъ—131).

2) *Харьковскій практическій технологическій институтъ Императора Александра III* основанъ въ 1885 г. въ Харьковѣ, какъ центрѣ промышленности юго-восточной Россіи. Въ немъ также 5-лѣтній курсъ съ двумя отдѣленіями — механическимъ и химическимъ. Число учащихся — около 800 чел.

3) *Императорское Московское техническое училище* основано въ 1868 г. (было преобразовано изъ учрежденнаго въ 1830 г. „Ремесленнаго учебнаго заведенія питомцевъ Московскаго воспитательнаго дома“). По новому уставу 1894 г., оно функціонируетъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и С.-Петербургскій технологическій институтъ. Оно также состоитъ изъ двухъ отдѣленій—механическаго и химическаго, съ 5-лѣтнимъ курсомъ. Число учащихся въ 1899 г. было 865.

4) *Рижскій политехническій институтъ* учрежденъ въ 1862 г. на средства Рижскаго городского общества и сословій Прибалтійскихъ губерній, вслѣдствіе желанія мѣстнаго общества замѣнить иноземныхъ техниковъ своими, къ чему побуждало все большее развитіе промышленности, и открыть юношеству обширное поприще полезной дѣятельности путемъ утилизаціи мѣстныхъ природныхъ богатствъ. Институтъ имѣетъ шесть отдѣленій: сельско-хозяйственное, химическое, инженерное, механическое, строительное и коммерческое. Въ 1899 г. на всѣхъ отдѣленіяхъ было 1.446 чел.

Всѣ четыре перечисленные института находятся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія.

5) *Институтъ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I* въ С.-Петербургѣ имѣетъ цѣлью образованіе инженеровъ по гражданской, строительной и дорожной частямъ. Институтъ основанъ въ 1842 г., подъ названіемъ Строительнаго училища, преобразованнаго изъ Архитекторскаго училища (учрежденнаго въ 1830 г.), путемъ сліянія его съ существовавшимъ училищемъ гражданскихъ инженеровъ. Въ 1877 г. ему дарованы были права высшаго учебнаго заведенія, а въ 1882 г. оно переименовано въ Институтъ гражданскихъ инженеровъ. Курсъ ученія 5-лѣтній. Число учащихся въ 1899 г. было 353. Институтъ находится въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

6) *Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I* въ С.-Петербургѣ основанъ въ 1810 г., одновременно съ учрежденіемъ особаго управленія путями сообщенія, съ цѣлью приготовленія инженеровъ. Первоначально это заведеніе носило военный характеръ, и лишь въ 60-хъ годахъ оно было преобразовано въ гражданское учебное заведеніе. Въ 1877 г., по случаю празднованія столѣтія рожденія Александра I, институту присвоено настоящее его наименованіе. Курсъ ученія 5-лѣтній. Въ 1899 г. въ немъ было 883 слушателей. Онъ находится въ вѣдомствѣ министерства путей сообщенія.

7) *Горный институтъ Императрицы Екатерины II* въ С.-Петербургѣ имѣетъ цѣлью образованіе горныхъ инженеровъ для дѣятельности по добывающей и обработывающей горной промышленности. Онъ основанъ въ 1773 г. въ царствованіе Екатерины II (въ честь которой ему дано настоящее названіе въ 1896 г., по случаю чествованія столѣтней годовщины смерти Императрицы) въ видѣ горнаго училища, которое затѣмъ постепенно развивалось. Курсъ ученія 5-лѣтній. Число учащихся въ 1899 г. было 480. Институтъ состоитъ въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

8) *Екатеринославское высшее горное училище*, открытое въ

1899 году, имѣетъ два отдѣленія — горное и металлургическое. Находится въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

9) *Императорское Московское инженерное училище* основано въ 1895 г. Состоитъ въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія, предназначено для тѣхъ же цѣлей и имѣетъ туже организацію, какъ и Институтъ инженеровъ путей сообщенія.

10) *Кіевскій политехническій институтъ Александра II* основанъ въ іюнѣ 1898 г. съ цѣлью подготовлять свѣдущихъ техниковъ-инженеровъ по различнымъ спеціальностямъ. Въ немъ четыре отдѣленія: химическое, механическое, инженерное и сельскохозяйственное.

11) *Варшавскій политехническій институтъ Императора Николая II* основанъ также въ іюнѣ 1898 г. съ тѣми же задачами, но въ составѣ лишь трехъ отдѣленій: химическаго, механическаго и инженерно-строительнаго. Устройство сельскохозяйственнаго отдѣленія представлялось излишнимъ, такъ какъ мѣстная потребность въ образованныхъ агрономахъ удовлетворяется Институтомъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи. Курсъ ученья—4 года. Институтъ учрежденъ почти всецѣло на добровольныя пожертвованія мѣстнаго общества; расходы же по ежегодному содержанію покрываются изъ суммъ государственнаго казначейства. Въ 1899—1900 г. студентовъ было 431.

12) *С.-Петербургскій политехническій институтъ* (близъ С.-Петербурга, въ Лѣсномъ), открытый въ октябрѣ 1902 года, съ отдѣленіями: металлургическимъ, электротехническимъ, судостроительнымъ и экономическимъ.

Послѣдніе три института находятся въ вѣдѣніи Министерства финансовъ.

13) *Электротехническій институтъ Императора Александра III*, состоящій въ вѣдѣніи главнаго управленія почтъ и телеграфовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, готовитъ инженеровъ электротехниковъ для нуждъ промышленности и правительственной телеграфной и телефонной службы. Курсъ 5-лѣтній. Комплектъ студентовъ 300 человѣкъ.

б) *Среднія* техническія учебныя заведенія имѣютъ задачею подготовку техниковъ, которые могли бы служить помощниками инженеровъ для различныхъ отраслей промышленности. Число такихъ учебныхъ заведеній — 18. Важнѣйшія изъ нихъ: Красноуфимское промышленное училище готовитъ техниковъ по сельскохозяйственной и горнозаводской спеціальностямъ (число учащихся въ немъ около 300); Коммиссаровское техническое училище въ Москвѣ даетъ среднее техническое образованіе по механическому дѣлу (учащихся около 600 человѣкъ); Казанское промышленное училище съ отдѣленіями химико-и механико-техническими; Лодзинское мануфактурное промышленное училище подготовляетъ техниковъ преимущественно по красильному и ткацкому дѣлу—446 учащихся; Иркутское промышленное училище и Костромское среднее механико-техническое училище (учащихся 169).

Низшія техническія учебныя заведенія подготавливаютъ опытныхъ мастеровъ и рабочихъ по различнымъ спеціальностямъ. Таковы 20 низшихъ техническихъ училищъ, 22 ремесленныхъ училища нормальнаго типа, 15 школъ ремесленныхъ учениковъ, 35 низшихъ ремесленныхъ школъ и 66 промышленныхъ училищъ разныхъ наименованій по особымъ уставамъ, 158 техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ; 6 горныхъ школъ; ремесленныя отдѣленія и классы при нѣкоторыхъ начальныхъ, особенно городскихъ, училищахъ и, наконецъ, сельскія ремесленныя учебныя мастерскія (15), находящіяся въ вѣдомствѣ министерства финансовъ. Мастерскія эти имѣютъ цѣлью подготовлять для сельскаго хозяйства рабочихъ, знакомыхъ какъ съ уходомъ за сельско-хозяйственными орудіями и машинами, такъ и съ ремонтомъ ихъ, а равно опытныхъ въ изготовленіи заново земледѣльческихъ орудій и несложныхъ частей машинъ и другихъ предметовъ сельскаго обихода, для производства которыхъ требуется знаніе плотничнаго, столярнаго и кузнечно-слесарнаго мастерства. Въ мастерскія принимаются подростки не моложе 14 лѣтъ, обладающіе познаніями по общеобразовательнымъ предметамъ въ объемѣ курса начальныхъ училищъ. Мастерскія имѣютъ право принимать частные заказы, доходъ съ которыхъ составляетъ спеціальныя средства учебнаго заведенія и расходуется на его нужды.

II. Земледѣльческія, лѣсныя и сельскохозяйственныя учебныя

заведенія имѣютъ своею задачею приготовленіе свѣдущихъ агрономовъ, лѣсничихъ и вообще лицъ, спеціально знакомыхъ съ различными отраслями земледѣлія.

а) *Высшихъ* сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній — 4: 1) *Московскій сельскохозяйственный институтъ*, учрежденный въ 1894 г. (взамѣнъ и на мѣстѣ существовавшей ранѣе Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи), подраздѣляется на два отдѣленія — сельскохозяйственное и сельскохозяйственно-инженерное. Теоретическій курсъ продолжается въ томъ и другомъ отдѣленіи 4 года. Плата за ученіе и содержаніе—400 руб. въ годъ. Студентовъ въ институтѣ къ 1 января 1897 г. было 145 чел. — 2) *Лѣсной институтъ* въ С.-Петербургѣ (съ которымъ въ 1863 г. соединенъ Горыгорецкій земледѣльческій институтъ). — 3) *Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи*, Люблинской губ. (открытъ въ 1869 г.).—4) *Высшіе курсы по винодѣлію* при Императорскомъ Никитскомъ садѣ, въ Крыму (учреждены въ 1894 г. съ цѣлью подготовлять образованныхъ спеціалистовъ по винодѣлію, которые могли бы занимать должности учителей въ винодѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также управлять значительными винодѣльными хозяйствами); учебный курсъ продолжается 2 года; обученіе безплатно.

Эти заведенія находятся въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, кромѣ Института въ Новой Александріи, состоящаго въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія.

б) *Среднихъ* сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній—11. Въ числѣ ихъ 7 общихъ сельскохозяйственныхъ или земледѣльческихъ училищъ, имѣющихъ цѣлью доставлять учащимся теоретическое и практическое образованіе, потребное для правильнаго веденія сельскаго хозяйства; полный курсъ 6-лѣтній. Далѣе—училище винодѣлія (въ Бессарабіи), землемѣрно-таксаторскіе классы (въ г. Горкахъ), отдѣленіе для приготовленія овцеводовъ - бонитеровъ при Харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ и педагогическіе курсы (при томъ же училищѣ) для подготовленія учителей низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ.

в) *Низшія* сельскохозяйственныя учебныя заведенія, об-

щее число которыхъ составляло въ 1898 г.—101, раздѣляются по своимъ спеціальнымъ задачамъ на слѣдующія группы: а) общія сельскохозяйственныя школы, всего 68; б) по садоводству и огородничеству—3 казенныхъ училища и 16 частныхъ школъ; в) по молочному хозяйству—10 школъ; г) одно сельскохозяйственно-ремесленное заведеніе; д) одна школа овчаровъ; е) 4 женскихъ школы сельскаго хозяйства и домоводства; ж) 8 практическихъ школъ для обученія рабочихъ. Кромѣ того, при лѣсничествахъ имѣется 28 низшихъ лѣсныхъ школъ для образованія кондукторовъ и съемщиковъ.

Перечисленныя среднія и низшія сельскохозяйственныя учебныя заведенія находятся въ вѣдомствѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

III. Межевыя и топографическія учебныя заведенія имѣютъ своею задачею подготовлять спеціалистовъ по межеванію земли и производству различныхъ работъ по съемкамъ, составленію плановъ и проч. Высшимъ учебнымъ заведеніемъ по этой спеціальности является Константиновскій межевой институтъ въ Москвѣ. Среднее образованіе сообщается въ землемѣрныхъ училищахъ, существующихъ въ количествѣ 5. Всѣ эти заведенія состоятъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, въ завѣдываніи управленія межевою частью.

IV. Коммерческія учебныя заведенія сосредоточиваются главнымъ образомъ въ министерствѣ финансовъ. По закону 1894 года всѣ вновь учреждаемыя коммерческія учебныя заведенія состоятъ въ вѣдѣніи этого министерства. 15 апрѣля 1896 года было издано нормальное положеніе о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, которое предусматриваетъ четыре типа подобныхъ заведеній: коммерческія училища, торговыя школы, торговые классы и курсы коммерческихъ знаній. Коммерческія училища раздѣляются на семиклассныя, дающія общее и коммерческое образованіе, и трехклассныя, дающія только коммерческое образованіе. Коммерческія училища принадлежатъ къ разряду среднихъ учебныхъ заведеній и имѣютъ цѣлью подготовлять дѣятелей на болѣе отвѣтственныя должности въ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Торговыя школы, одноклассныя съ годичнымъ курсомъ и трехклассныя съ трехлѣт-

нимъ курсомъ, подготовляютъ низшихъ служащихъ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ. Торговые классы и курсы коммерческихъ знаній ставятъ себѣ задачею сообщать лицамъ всѣхъ возрастовъ, не моложе однако 12 лѣтъ, преимущественно изъ состоящихъ на службѣ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, познанія по различнымъ предметамъ коммерческой спеціальности, необходимыя въ торговомъ дѣлѣ. Въ зависимости отъ того, на чьи средства содержатся коммерческія учебныя заведенія, послѣднія дѣлятся на общественныя и частныя. Общее завѣдываніе дѣлами общественнаго коммерческаго учебнаго заведенія возлагается на попечительный совѣтъ, состоящій изъ представителей тѣхъ учрежденій (земствъ, городовъ, сословій, мѣстныхъ обществъ), которыя даютъ средства на содержаніе учебнаго заведенія.

До 1896 г. было 10 коммерческихъ училищъ; изъ нихъ 8 перешли въ вѣдѣніе министерства финансовъ, а два старѣйшихъ—С.-Петербургское коммерческое училище (основано въ 1772 г.) и Московское коммерческое училище (основано въ 1804 г.)—состоятъ въ Вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. Торговыхъ школъ и торговыхъ классовъ до 1896 г. вовсе не существовало.

Къ началу 1899—1900 учебнаго года въ вѣдѣніи министерства финансовъ состояло 56 коммерческихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ: 19 коммерческихъ училищъ, 16 торговыхъ школъ, 9 торговыхъ классовъ и 12 курсовъ коммерческихъ знаній. Сверхъ того, подлежали открытію въ послѣдніе годы еще 25 учебныхъ заведеній, а именно 9 коммерческихъ училищъ, 7 торговыхъ школъ, 1 торговый классъ и 8 курсовъ коммерческихъ знаній. По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ, число учащихся колеблется: въ училищахъ отъ 48 до 695; въ торговыхъ школахъ—отъ 27 до 967; въ классахъ—отъ 18 до 1,504 и на курсахъ отъ 13 до 185. Всѣ коммерческія учебныя заведенія содержатся почти исключительно на общественныя и частныя средства.

На содержаніе 56 коммерческихъ учебныхъ заведеній расходуется обществами и частными лицами 1,300,000 руб. Средняя стоимость содержанія семиклассnаго коммерческаго училища опредѣляется въ 35,000 рублей, но въ нѣкоторыхъ училищахъ она превышаетъ 100,000 рублей. Ежегодное содержаніе торговой школы обходится около 10,000 р. Расходы по содержанію торговыхъ классовъ и курсовъ коммерческихъ знаній весьма различны, находясь въ зависимости отъ числа слушателей, и колеблются отъ 300 рублей до 15,000 рублей.

Кромѣ указанныхъ коммерческихъ учебныхъ заведеній, существуютъ еще двухклассныя коммерческія отдѣленія при 25 реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, при 4 реальныхъ училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и при 3 частныхъ реальныхъ училищахъ, а также имѣются коммерческіе курсы для женщинъ при Демидовскомъ домѣ призрѣнія.

V. Медицинскія учебныя заведенія. Къ нимъ относятся, кромѣ Военно-Медицинской академіи и медицинскихъ факультетовъ, учрежденные для врачей въ Петербургѣ Императорскій Клиническій институтъ Великой Княгини Елены Павловны и въ Москвѣ Бактеріологическій и Гинекологическій институты, ветеринарные институты съ 4-лѣтнимъ курсомъ въ Харьковѣ, Казани, Юрьевѣ и Варшавѣ, 6 гражданскихъ фельдшерскихъ школъ и для женщинъ 4 повивальныхъ института (1 въ Москвѣ) и школы для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерицъ.

VI. Художественныя и музыкальныя учебныя заведенія съ характеромъ профессіональныхъ заведеній. Важнѣйшія изъ нихъ: 1) Высшее художественное училище въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Художествъ (осн. въ 1757 г.) съ двумя отдѣленіями: а) живописи и скульптуры и б) архитектуры; при Академіи имѣются педагогическіе курсы для приготовленія учителей рисованія. 2) Училище живописи, ваянія и зодчества въ Москвѣ. 3) Строгоновское училище техническаго рисованія въ Москвѣ (осн. въ 1825 г.). 4) Центральное училище техническаго рисованія Бар. Штиглица въ С.-Петербургѣ съ нормальною школою и съ рисовальными классами (до 2,000 учащихся). 5) Рисовальная школа Императорскаго Общества поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ (осн. въ 1839 г.). 6) Художественно-промышленная школа имени Н. В. Гоголя съ отдѣломъ керамиче-

скихъ производствъ (около 700 учащ.). Существуютъ также 10 художественныхъ и рисовальныхъ школъ въ различныхъ провинціальныхъ городахъ—въ Одессѣ, Воронежѣ, Пензѣ, Вильнѣ, Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ 2, Казани и Иваново-Вознесенскѣ. Въ послѣдней подготовляются рисовальщики для ситценабивныхъ и ситцепечатныхъ фабрикъ (50 учащ.). Въ селѣ Красномъ на Волгѣ, центрѣ значительнаго кустарнаго производства издѣлій изъ серебра, съ 1897 г. учрежденъ рисовальный классъ, который постепенно преобразованъ въ школу серебрянаго дѣла. Большинство этихъ училищъ открыто въ послѣдніе годы. Низшую ступень художественно-учебныхъ заведеній составляютъ вечерніе и воскресные классы, посѣщаемые преимущественно ремесленниками. Они существуютъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Томскѣ и др. городахъ и селеніяхъ.

Музыкальное образованіе дается въ слѣдующихъ заведеніяхъ: въ С.-Петербургской и Московской консерваторіяхъ, Варшавскомъ музыкальномъ институтѣ, Придворной пѣвческой капеллѣ, Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія въ Москвѣ, въ музыкальныхъ училищахъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества (въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Тифлисѣ) и цѣломъ рядѣ частныхъ музыкальныхъ школъ и курсовъ (въ С.-Петербургѣ—24, Москвѣ—23 и въ прочихъ городахъ Имперіи—108).

VII. Военныя и морскія учебныя заведенія. Для высшаго военнаго образованія служатъ военныя академіи: Николаевская академія генеральнаго штаба, Михайловская артиллерійская академія, Николаевская инженерная академія и Александровская военно-юридическая академія. Затѣмъ слѣдуютъ военныя училища: 4 пѣхотныхъ, одно кавалерійское, одно инженерное и два артиллерійскихъ.—Средними военными учебными заведеніями являются кадетскіе корпуса (ихъ 23) и юнкерскія училища (7 пѣхотныхъ, 2 кавалерійскихъ и 2 казачьихъ).

Высшее морское образованіе даетъ Николаевская морская академія, съ четырьмя отдѣленіями (гидрографическое, механическое, кораблестроительное и военно-морское), и Морское инженерное училище въ Кронштадтѣ съ двумя отдѣленіями—кораблестроительнымъ и техническимъ. Существуютъ еще офицерскіе классы—минный и артиллерійскій. Среднимъ учебнымъ заведеніемъ, подготовляющимъ офицеровъ флота, является Морской кадетскій корпусъ, представляющій собою закрытое заведеніе съ тремя общеобразовательными и тремя спеціальными классами.

Для нуждъ торговаго флота учреждаются такъ называемые мореходные классы, съ 1898 г. перешедшіе въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Въ настоящее время имѣется 44 мореходныхъ классовъ, для приготовленія на званіе шкиперовъ дальняго и каботажнаго плаванія и штурмановъ дальняго и каботажнаго плаванія. Сверхъ того, для подготовленія на званіе шкипера дальняго плаванія на судахъ торговаго флота открыты классы торговаго мореплаванія съ трехлѣтнимъ курсомъ при Одесскомъ коммерческомъ училищѣ и Архангельское торгово-мореходное училище (на мореходномъ отдѣленіи 5-ти лѣтній курсъ), а также шкиперскіе курсы въ городахъ Архангельскѣ и Кеми—по два пятимѣсячныхъ зимнихъ курса.

Ученыя учрежденія.

Подъ названіемъ „ученыхъ учрежденій“ разумѣются такія установленія, которыя имѣютъ своими задачами или спеціальную разработку тѣхъ или другихъ отраслей науки (академіи наукъ, ученыя общества, съѣзды ученыхъ), или содѣйствіе развитію наукъ и образованію путемъ предоставленія занимающимся и интересующимся ими необходимыхъ пособій, матеріаловъ и коллекцій (публичныя библіотеки, музеи).

Академія наукъ. Высшимъ ученымъ установленіемъ въ Россіи является Императорская Академія наукъ. Она учреждена была по мысли Петра Великаго въ 1724 г., а открыта уже послѣ его смерти Екатериною I въ 1725 г. Первоначально Академія предназначалась быть не только ученою корпораціею, но и учебнымъ заведеніемъ (при Академіи учреждена была гимназія). Въ настоящее время Академія наукъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: физико-математическихъ наукъ, русскаго языка и словесности и историче-

скихъ наукъ и филологіи. Въ составъ Академіи входятъ ординарные и экстраординарные академики, адъюнкты, почетные члены и члены-корреспонденты. Академики первыхъ трехъ категорій избираются изъ среды наиболѣе выдающихся русскихъ ученыхъ на соотвѣтственныя каѳедры, къ которымъ пріурочены та или другая спеціальность. Во главѣ Академіи находятся Президентъ и Вице-президентъ, назначаемые Высочайшею властью. Для завѣдыванія различными отраслями управленія Академіи, веденія сношеній Академіи съ правительственными установленіями, иностранными и русскими учеными учрежденіями и лицами и т. д. состоитъ непремѣнный секретарь, избираемый изъ среды академиковъ. При Академіи имѣются: библіотека, музеи: зоологическій, ботаническій, минералогическій, антропологическій, этнографическій и азіатскій, мюнцъ-кабинетъ, физическая и химическая лабораторіи. Музеи Академіи наукъ являются не только ученою принадлежностью ея, но и публичными учрежденіями, открытыми какъ для обозрѣнія публики, такъ и для занятій ученыхъ, не находящихся въ составѣ Академіи и желающихся пользоваться собранными въ нихъ коллекціями. Въ непосредственномъ вѣдѣніи Академіи находится главная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ. Кромѣ научныхъ занятій каждаго по своей спеціальности, на обязанности академиковъ лежитъ разсмотрѣніе и оцѣнка сочиненій, представляемыхъ въ Академію на конкурсы по присужденію медалей, почетныхъ отзывовъ и премій, учреждаемыхъ государственными и общественными учрежденіями и частными лицами, въ цѣляхъ поощренія научныхъ и литературныхъ работъ по разнымъ отдѣламъ знаній (важнѣйшія изъ премій—Уваровская, Макаріевская, Пушкинская, Петра Великаго).

Ученыя общества, группирующія въ своемъ составѣ представителей той или другой спеціальности, являются однимъ изъ главныхъ факторовъ разработки наукъ и распространенія научныхъ знаній. Первое ученое общество въ Россіи было основано еще въ XVIII ст. при Московскомъ университетѣ, подъ названіемъ „Вольное Россійское Собраніе“, съ цѣлью разработки русскаго языка и отечественной исторіи. Въ началѣ XIX ст. возникаютъ при томъ же университетѣ

существующія до сихъ поръ—Общество исторіи и древностей россійскихъ (въ 1804 г.), Общество испытателей природы (1805 г.), Общество любителей россійской словесности (1811 г.). Особенно успѣшно стали развиваться ученыя общества послѣ изданія университетскаго устава 1863 г., который предоставилъ университетамъ право учреждать, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, ученыя общества. Университеты широко воспользовались этимъ правомъ, и при каждомъ изъ нихъ въ послѣдующіе годы возникли ученыя общества по разнымъ спеціальностямъ (физическія, химическія, минералогическія, историческія, юридическія, медицинскія и др.). Изъ числа ученыхъ обществъ, не состоящихъ при университетахъ, особенно успѣшное и плодотворное развитіе получили Императорское Русское Географическое Общество (сущ. съ 1845 г.), Императорское Техническое Общество, Императорское Историческое Общество (съ 1873 г.); послѣднимъ издано большое количество очень цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Россіи.

Съѣзды ученыхъ. Въ тѣсной связи съ учеными обществами стоятъ съѣзды ученыхъ, устраиваемые періодически въ различныхъ научныхъ центрахъ, съ цѣлью дать представителямъ извѣстной отрасли знаній возможность непосредственнаго обмѣна мыслей и установленія болѣе тѣснаго общенія между собою. Иниціатива устройства въ Россіи перваго съѣзда ученыхъ принадлежитъ профессорамъ-натуралистамъ Кіевскаго университета; первый съѣздъ естествоиспытателей состоялся въ Кіевѣ 1861 г., но въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ 1867 г. издано было положеніе комитета министровъ объ устройствѣ въ университетскихъ городахъ періодическихъ съѣздовъ естествоиспытателей при содѣйствіи министерства народнаго просвѣщенія. Первый такой съѣздъ состоялся въ С.-Петербургѣ въ 1867—68 гг. Въ послѣдніе годы организуются періодическіе съѣзды археологовъ, а также русскихъ врачей въ память знаменитаго хирурга проф. Н. И. Пирогова. Въ 1875 году въ Москвѣ состоялся первый съѣздъ русскихъ юристовъ; до сихъ поръ онъ остается пока и единственнымъ, такъ какъ попытки организаціи второго такого съѣзда не получали разрѣшенія администраціи.

Публичныя библіотеки, какъ доступныя всѣмъ желающимъ собранія большого количества книгъ и другихъ печатныхъ, а нерѣдко и рукописныхъ матеріаловъ, являются однимъ изъ важныхъ научныхъ и образовательныхъ учрежденій. Первое мѣсто въ ряду такихъ учрежденій въ Россіи занимаетъ Императорская Публичная Библіотека въ С.-Петербургѣ. Она открыта для публики въ 1810 г., при чемъ основаніемъ для нея послужила взятая въ 1794 г., въ качествѣ военной добычи въ Варшавѣ, библіотека (въ количествѣ до 300.000 томовъ), основанная граф. Залусскимъ. Въ 1812 г., вслѣдствіе ожидавшагося нашествія на Петербургъ французскихъ войскъ, библіотека была поспѣшно увезена въ Олонецкую губернію, при чемъ многія книги были потеряны и расхищены. По возвращеніи библіотеки въ Петербургъ, она снова въ 1814 году сдѣлана публичною, но въ теченіе долгаго времени не представляла достаточныхъ удобствъ. Съ 1850 г., благодаря энергіи новаго директора, графа М. А. Корфа, Публичная библіотека вступаетъ въ блестящій періодъ своего развитія и мало-по-малу дѣлается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій этого рода въ Европѣ, какъ по богатству своихъ собраній, такъ и по удобствамъ, предоставляемымъ занимающимся въ ней. Въ настоящее время число печатныхъ книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ превышаетъ 1.500.000 томовъ. Особенно богатъ отдѣлъ русскихъ книгъ, что обезпечивается обязательнымъ по закону доставленіемъ въ публичную библіотеку всѣхъ печатающихся въ Россіи изданій. Весьма цѣннымъ является также отдѣлъ рукописей, постоянно пополняющійся новыми пріобрѣтеніями и пожертвованіями. Въ 1897 г. увеличены средства, отпускаемыя на библіотеку, какъ по пріобрѣтенію новыхъ книгъ, рукописей и пр., такъ и по вознагражденію служащихъ въ ней.

Богатая библіотека Академіи наукъ также должна быть отнесена къ числу публичныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ весьма богатая библіотека бывшаго II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а нынѣ—Государственной Канцеляріи. Въ ней особенною полнотою отличаются отдѣлы по законодательству русскому и иностранному, а также по разнымъ отраслямъ юридическихъ и политическихъ наукъ. Къ числу публичныхъ библіотекъ Петербурга можетъ быть отнесена также библіотека Главнаго штаба, открытая съ 1875 г. для пользованія всѣхъ военнослужащихъ и лицъ, занимающихся учеными трудами.

Въ Москвѣ наиболѣе богатою публичною библіотекою является библіотека Румянцевскаго музея (перевезенная въ Москву въ 1861 г.), образовавшаяся изъ библіотеки государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, пожертвовавшаго ее съ тѣмъ, чтобы она была сдѣлана публичною. Въ ней весьма богаты отдѣлы рукописей и русскихъ книгъ (послѣднія обязательно доставляются въ библіотеку).

Съ 1830-хъ годовъ возникаютъ публичныя библіотеки въ провинціальныхъ городахъ, главнымъ образомъ при губернскихъ статистическихъ комитетахъ. Въ послѣднія десятилѣтія, во многихъ крупныхъ городахъ возникли городскія общественныя библіотеки, изъ которыхъ нѣкоторыя (напр. въ Харьковѣ, Одессѣ) достигли весьма значительнаго развитія.

Музеи. Аналогичное съ публичными библіотеками значеніе для научнаго развитія и для распространенія народнаго образованія имѣютъ публичные музеи или открытыя для публики коллекціи замѣчательныхъ предметовъ по различнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Важнѣйшими изъ нихъ являются въ С.-Петербургѣ: — Императорскій Эрмитажъ, музей при Академіи художествъ, Музей Императора Александра III (открытый въ 1898 г. и представляющій богатое собраніе произведеній русскаго искусства), Сельскохозяйственный музей, Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній, упомянутые выше музеи при Академіи наукъ; въ Москвѣ: Румянцевскій публичный музей, Императорскій Историческій музей (имѣющій цѣлью служить наглядною исторіею главныхъ эпохъ русскаго государства и содѣйствовать распространенію свѣдѣній по русской исторіи), Политехническій музей прикладныхъ знаній, Художественно-Промышленный музей.

Въ провинціальныхъ городахъ въ послѣднія десятилѣтія возникло значительное число музеевъ, представляющихъ собою болѣе или менѣе цѣнныя собранія мѣстныхъ древностей.

VIII. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНІЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ [1].

Очеркъ развитія призрѣнія бѣдныхъ. — Право на помощь. — Роль государства въ области призрѣнія бѣдныхъ. — Частная благотворительность. — Мѣры государства. — Эпоха репрессивно-полицейскихъ мѣръ. — Зарожденіе общественнаго призрѣнія въ Англіи и во Франціи. — Основныя черты современнаго положенія общественнаго призрѣнія. — Обязательное и факультативное призрѣніе.

Эльберфельдская система.—Ея сущность, организація и результаты.— Рабочія колоніи и продовольственныя станціи въ Германіи. — Ихъ цѣль, устройство и значеніе. — Объединеніе частной благотворительности и ея взаимодѣйствіе съ общественнымъ призрѣніемъ. — Charity Organisation Society. — Office central des oeuvres charitables. — Der deutscher Verein für Armenpflege.

Историческій очеркъ призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи. — Древній періодъ.— Указъ царя Ѳеодора Алексѣевича.—Эпоха Петра Великаго.—Регламенты Главному Магистрату и Духовной Коллегіи. — Мѣры противъ нищенства. — Эпоха Екатерины II. — Воспитательные дома. — Приказы общественнаго призрѣнія.—Ихъ задачи, организація и дѣятельность.—Земство и общественное призрѣніе.—Пересмотръ законодательства объ общественномъ призрѣніи.—Призрѣніе бѣдныхъ у крестьянъ.—Современное состояніе его, его нужды.—Городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. — Организація ихъ и дѣятельность; значеніе попечительствъ.

Развитіе частной благотворительности въ Россіи. — Благотворительныя вѣдомства.—Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи.—Попечительство о слѣпыхъ.—Императорское Человѣколюбивое Общество.— Россійское Общество Краснаго Креста.—Попечительство о домахъ трудолюбія.

Очеркъ развитія призрѣнія бѣдныхъ.—Вопросъ о раціональномъ устройствѣ призрѣнія бѣдныхъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ вопросовъ общественной жизни и управленія. Длинный рядъ законодательныхъ предписаній и литературныхъ памятниковъ различныхъ эпохъ и разныхъ народовъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ усиліяхъ, которыя были направляемы къ отысканію лучшихъ способовъ борьбы съ бѣдностью.

Призрѣніе бѣдныхъ составляетъ, въ сущности, лишь часть общаго соціальнаго вопроса. Тогда какъ въ область этого послѣдняго входятъ основные вопросы самой общественной организаціи, подъ призрѣніемъ бѣдныхъ разумѣютъ обыкновенно систему мѣръ, имѣющихъ своею задачею организовать возможно лучшую помощь бѣднымъ при наличности данныхъ общественныхъ и экономическихъ условій. Но и въ этой болѣе простой формѣ вопросъ о мѣрахъ помощи бѣднымъ вызываетъ до сихъ поръ довольно сильныя разногласія. Что неимущіе заслуживаютъ помощи и что она должна быть оказываема, въ этомъ согласны болѣе или менѣе всѣ. Даже Мальтусъ, который такъ сильно нападалъ на законы о бѣдныхъ въ Англіи и выражалъ убѣжденіе, что, если бы этихъ законовъ не было вовсе, то „средній уровень народнаго благосостоянія въ Англіи былъ бы значительно выше“,—даже онъ находилъ всетаки, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, „гуманность и истинная политика повелительно требуютъ, чтобы бѣдные получили всю ту помощь, какую природа вещей позволяетъ имъ дать“. Вообще же это право бѣдняка на помощь признается болѣе категорически. Вотъ, напр., какъ формулируетъ его Д. С. Милль: „Независимо отъ всякихъ метафизическихъ взгля-

---

[1] E. Loening. Armenwesen (Schönberg's Handbuch der politischen Oekonomie, 4 Aufl., Tüb. 1898, т. III, стр. 394—470).—П. Ашроттъ. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Пер. съ нѣм. Спб. 1901.—Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Пер. съ англ. Спб. 1899.—E. Münsterberg. Die deutsche Armengesetzgebung. Lpzg. 1887.—F. Reitzenstein. Armengesetzgebung Frankreichs. Lpzg. 1884. — Gory, Dérouin et Worms. Traité théorique et pratique d'assistance publique. Par. 1900 (два тома).—В. Рошеръ. Система призрѣнія бѣдныхъ и мѣропріятій противъ бѣдности. Пер. съ нѣм. Черкасы, 1899.—Э. Мюнстербергъ. Призрѣніе бѣдныхъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1900.—П. И. Георгіевскій. Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. Спб. 1894. — П. Ганзенъ. Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Спб. 1899.—Поліанъ. Нищенствующій Парижъ. Спб. 1898. — Ульгорнъ. Христіанская благотворительность въ древней церкви. Пер. съ нѣм. Спб. 1899.—А. Горовцовъ. Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Спб. 1901.

довъ на сущность нравственности или общественнаго союза, каждый согласится, что люди должны помогать другъ другу, что обязанность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настоятельнѣе нужда; а никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода. Поэтому право на пособіе, проистекающее изъ крайней бѣдности, есть одно изъ сильнѣйшихъ правъ, какія только могутъ существовать, и вотъ почему для людей, столь сильно нуждающихся въ помощи, долженъ быть устроенъ самый вѣрный способъ полученія ея, какой только можетъ быть созданъ общественными мѣрами".

Но если право бѣдняка на помощь не вызываетъ особыхъ разногласій, то далеко нельзя сказать того же относительно способовъ оказанія этой помощи. Главный предметъ споровъ и пререканій въ этомъ отношеніи составляетъ роль государства въ области призрѣнія бѣдныхъ,—вопросъ о томъ, должно ли государство вмѣшиваться въ это дѣло и регулировать его, или же оно должно всецѣло предоставить его заботамъ частной иниціативы, частной благотворительности? Противники вмѣшательства государства отрицаютъ за нимъ способность, а слѣдовательно и право брать на себя регулированіе этихъ мѣръ. По ихъ убѣжденію, государственная система обязательнаго призрѣнія, развивая въ людяхъ увѣренность въ полученіи помощи, вмѣстѣ съ тѣмъ парализуетъ энергію труда и стремленіе къ самостоятельности, развиваетъ непредусмотрительность. Въ виду этого они признаютъ систему обязательнаго призрѣнія пагубною и находятъ, что заботы о бѣдныхъ должны быть предоставлены исключительно свободной дѣятельности частныхъ лицъ и церкви.

Однако, этимъ соображеніямъ основательно противопоставляютъ указаніе на то, что недостатки системы обязательнаго призрѣнія большею частью не присущи ей, какъ таковой, и говорятъ не противъ самаго принципа, а лишь противъ извѣстныхъ способовъ его примѣненія. Они могутъ быть устранены лучшей организаціей дѣла, при которой разумно и во-время оказанное пособіе можетъ не усыпить, а наоборотъ, возбудить энергію, укрѣпить ее, а не разслабить. Безнадежность часто бываетъ гибельнѣе для чело-

вѣка, чѣмъ расчетъ на вѣрную помощь въ трудную минуту. Къ тому же указаніе на частную и церковную благотворительность, какъ на единственно раціональную систему вспомоществованія бѣднымъ, находится въ явномъ противорѣчіи съ убѣдительными данными прошлой исторіи призрѣнія, которая свидѣтельствуетъ именно о недостаточности и неудовлетворительности исключительнаго господства системы частной благотворительности.

Въ теченіе многихъ вѣковъ и повсемѣстно дѣло призрѣнія бѣдныхъ всецѣло находилось въ рукахъ частной иниціативы и, главнымъ образомъ, церкви, духовенства, на помощь которому охотно приходило общество. Безъ малѣйшаго желанія умалить заслуги церкви въ этомъ дѣлѣ, нельзя—въ виду несомнѣнныхъ данныхъ исторіи—не признать того факта, что она оказалась безсильною въ борьбѣ съ нищетою. Мало того, средневѣковая церковная система призрѣнія, покоясь исключительно на религіозно-нравственныхъ началахъ и не принимая въ соображеніе общественнаго значенія многихъ условій, нерѣдко доводила до крайности практику безусловнаго милосердія и сама расположала нищенство путемъ поощренія разныхъ формъ праздности и тунеядства. Опираясь болѣе на букву, чѣмъ на внутренній смыслъ евангельскихъ предписаній о милосердіи, духовенство, а подъ его вліяніемъ и свѣтское общество того времени, были убѣждены, что существованіе бѣдности и нищеты на землѣ прямо даже входитъ въ планы Провидѣнія для того, чтобы доставить людямъ возможность смягчать гнѣвъ Божій добровольнымъ подаяніемъ. Нищенство въ теченіе долгаго времени считалось какъ бы соціальною необходимостью, и видъ бродящихъ по улицамъ и дорогамъ калѣкъ, слѣпыхъ, просящихъ подаяніе, ни въ комъ не вызывалъ смущенія. При желаніи они легко находили себѣ пріютъ въ массѣ монастырей, госпиталей и богадѣленъ, созданныхъ въ эпоху наибольшаго религіознаго одушевленія. Эта терпимость, въ связи съ легкостью пройти всюду въ костюмѣ нищаго, останавливаясь для ночлега въ богадѣльняхъ и монастыряхъ, въ концѣ концовъ породила массу злоупотребленій. Мало-по-малу начало создаваться профессіональное нищенство, явился какъ бы особый классъ

людей, предававшихся праздности и дѣлавшихъ нищенство регулярнымъ занятіемъ, подъ прикрытіемъ всевозможныхъ хитростей и уловокъ. Одни притворялись калѣками, употребляя различныя снадобья, вызывавшіе у нихъ признаки мнимыхъ болѣзней; другіе скитались въ качествѣ несчастныхъ паломниковъ, шедшихъ къ какому-нибудь святому для исцѣленія отъ какой-либо неизлѣчимой болѣзни; третьи подъ мантіей пилигрима скрывали свою лѣнь и бродили цѣлыми бандами, нагло требуя себѣ подаянія. Такимъ образомъ, частная благотворительность въ этой формѣ безразборчиваго милосердія сама являлась факторомъ развитія нищенства и бродяжничества. Въ этомъ признаются даже такіе изслѣдователи, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастномъ отношеніи къ роли церкви. Такъ, напр., англійскій писатель XVII в. Фуллеръ (Church History, 1656 г.), описавъ гостепріимство и милосердіе средневѣковыхъ аббатствъ, говоритъ: „Нѣкоторые замѣтятъ, что это гостепріимство было ложнымъ милосердіемъ, давая помощь безъ разбора тѣмъ, кто въ ней не нуждается, и тѣмъ, кто ея не заслуживаетъ. Да, эти аббатства дѣйствительно кормили тѣхъ бѣдныхъ, которыхъ они сами же создавали. И мы можемъ замѣтить, что именно тѣ мѣста, гдѣ расположены были большіе монастыри, были наиболѣе переполнены бѣднымъ людомъ, какъ будто нищенство есть неотъемлемая ихъ принадлежность“.

Крайности указанной системы призрѣнія вызвали противъ нея реакцію, выразителемъ которой явилось государство въ лицѣ правительствъ, а также и свѣтское общество въ лицѣ городскихъ общинъ. Они мало по малу сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ дѣло призрѣнія неимущихъ, которое становится понемногу однимъ изъ необходимыхъ предметовъ управленія. Но прежде чѣмъ правительства и городскія корпораціи выступаютъ съ положительными мѣрами призрѣнія, проходитъ значительный періодъ времени, характеризующійся преобладаніемъ и даже исключительнымъ господствомъ мѣръ отрицательныхъ. Это—эпоха борьбы съ нищенствомъ пріемами полицейско-репрессивными,—эпоха, которую западно-европейскія государства пережили въ XIV—XVI вѣкахъ. Если мы обратимся, напримѣръ, къ

Франціи и Англіи того времени, то увидимъ большую аналогію въ пріемахъ этой борьбы въ той и другой странѣ. Во Франціи наиболѣе раннимъ распоряженіемъ правительственной власти противъ нищихъ считаются мѣры, изложенныя въ ордонансѣ 1350 года. Нищимъ и бродягамъ, шатающимся по Парижу, этотъ ордонансъ предписываетъ въ теченіе трехъ дней найти себѣ какое-нибудь занятіе или же оставить городъ и его окрестности; тѣмъ, которые, по прошествіи этого срока, снова будутъ найдены безъ дѣла и просящими милостыню, угрожаетъ четырехдневное заключеніе въ тюрьмѣ; въ случаѣ вторичнаго неповиновенія предписаніямъ виновные выставляются къ позорному столбу; уличеннымъ въ третій разъ выжигаютъ на лбу клеймо раскаленнымъ желѣзомъ и затѣмъ подвергаютъ ихъ изгнанію. Около того же времени начинаются и въ Англіи мѣры борьбы съ нищенствомъ путемъ жестокаго преслѣдованія нищихъ тюремнымъ заключеніемъ, суровыми наказаніями, изгнаніемъ... Мало-по-малу, въ обѣихъ странахъ составилось обширное законодательство по преслѣдованію нищенства, но опытъ все болѣе убѣждалъ въ непригодности однѣхъ респрессивныхъ мѣръ и въ необходимости выступить съ мѣрами положительнаго характера.

Начало новой политики въ дѣлѣ призрѣнія слѣдуетъ отнести къ половинѣ XVI вѣка. Наиболѣе рѣшительно она сказалась въ Англіи, гдѣ уже къ началу XVII вѣка заложены были прочныя основы государственной системы призрѣнія бѣдныхъ. Первымъ шагомъ на этомъ пути было стремленіе регулировать нищенство съ установленіемъ строгаго различія между дѣйствительно нуждающимися въ помощи и ея не заслуживающими. Такъ, статутъ Генриха VIII 1531 г., возобновляя суровыя мѣры преслѣдованія бродягъ и нищихъ, способныхъ къ труду, съ другой стороны, даетъ шерифамъ и мировымъ судьямъ предписаніе — старательно розыскивать всѣхъ престарѣлыхъ и больныхъ бѣдныхъ, живущихъ милостынею, и выдавать имъ позволеніе просить милостыню въ опредѣленныхъ мѣстахъ, на основаніи особаго удостовѣренія. Далѣе, статутъ 1563 г. уже прямо возлагаетъ на приходы отвѣтственность за содержаніе ихъ бѣдныхъ и предписываетъ имъ наблюдать, чтобы неспособ-

ные къ труду получали изъ добровольныхъ подаяній достаточное вспомоществованіе и не были вынуждены жить бродяжничествомъ и прошеніемъ милостыни; съ другой стороны, приходъ обязанъ наблюдать, чтобы способные къ труду получали работу настолько достаточную, чтобы они могли жить своимъ трудомъ. Приходъ, не исполняющій этихъ предписаній, подвергается денежному штрафу. Этотъ же статутъ дѣлаетъ попытку упорядочить поступленіе „добровольныхъ подаяній". Мѣстныя власти, а также церковные старосты, должны ходить съ кружками каждое воскресенье и каждый праздникъ и собирать подаянія отъ жителей; священники же должны уговаривать прихожанъ быть щедрыми въ своихъ приношеніяхъ. Этотъ же статутъ воспрещаетъ также подаяніе милостыни нищимъ подъ угрозою штрафа въ размѣрѣ въ 10 разъ большемъ противъ поданнаго.

Указанныя постановленія акта 1536 г. заключаютъ въ себѣ зародыши основныхъ элементовъ будущей системы призрѣнія, окончательно сложившейся подъ дѣйствіемъ знаменитаго акта Елизаветы 1601 года. Въ промежуткѣ между этими двумя датами изданъ былъ рядъ новыхъ актовъ, обезпечившихъ послѣдовательное развитіе указанныхъ зародышей. Не вдаваясь въ детали, отмѣтимъ однако весьма любопытный процессъ постепеннаго превращенія „добровольныхъ подаяній" (актъ 1536 г.) въ налогъ въ пользу бѣдныхъ, установленный въ 1601 году. Заботясь объ усиленіи приходскаго фонда, законодательство (въ 1551 г.) повелѣваетъ назначить въ каждомъ приходѣ двухъ или болѣе сборщиковъ подаяній. На ихъ обязанность, кромѣ веденія записей приношеній и списковъ бѣдныхъ, возлагается — „учтиво побуждать и увѣщевать прихожанъ дѣлать взносы, смотря по ихъ средствамъ"; въ случаѣ же, если эти увѣщанія останутся безъ дѣйствія, сборщики подаяній должны обратиться къ мѣстному епископу, чтобы онъ оказалъ вліяніе на упрямцевъ, отказывающихся вносить свою лепту. Черезъ нѣсколько лѣтъ новая законодательная мѣра (1563 г.) предписываетъ, въ случаѣ безуспѣшности увѣщаній епископа, приглашать лицъ, „упорно отказывающихся дѣлать взносы", къ мировымъ судьямъ, которые, опять-таки послѣ „учтиваго убѣжденія", опредѣляютъ, по своему усмотрѣнію,

сумму, которую эти лица обязаны вносить въ приходскій фондъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ является новый законъ (1572 г.), который устраняетъ вмѣшательство епископа и даетъ мировымъ судьямъ непосредственно право назначать размѣръ еженедѣльныхъ взносовъ для лицъ, отказывающихся дѣлать „добровольныя приношенія". Послѣ этого оставалось сдѣлать еще новый шагъ на томъ же пути, и взамѣнъ „добровольныхъ подаяній" и принудительныхъ взносовъ появляется общеобязательный налогъ въ пользу бѣдныхъ, впервые установленный актомъ 1601 года. Такую же послѣдовательность можно было бы установить и по другимъ элементамъ будущей системы призрѣнія—относительно органовъ призрѣнія, запасовъ, необходимыхъ для работъ и пр.

Актъ 1601 г. окончательно создалъ въ Англіи систему организованнаго государственнаго призрѣнія, установивъ главныя ея основы: органы призрѣнія; средства, въ видѣ налога, идущаго на покрытіе расходовъ по призрѣнію; самые способы или мѣры призрѣнія. Послѣдующіе десятилѣтія и вѣка внесли много новаго въ англійское законодательство о бѣдныхъ, но въ основѣ его до сихъ поръ продолжаютъ лежать коренные принципы акта 1601 года.

Историки общественнаго быта Англіи съ большою убѣдительностью показали, что на такое развитіе ея законодательства о бѣдныхъ сильно повліяла реформація и, въ частности, секуляризація монастырскихъ имуществъ при Генрихѣ VIII: лишивъ церковь возможности продолжать свою дѣятельность въ области призрѣнія бѣдныхъ, государство силою вещей было вынуждено принять на себя заботы о нихъ. Это, конечно, вполнѣ основательное соображеніе, но не этимъ однимъ слѣдуетъ объяснять принятіе государствомъ болѣе дѣятельной роли въ области призрѣнія. Во Франціи реформація не получила торжества, католическая церковь сохранила свою силу и богатыя имущества ея не были конфискованы. Тѣмъ не менѣе, мы и тамъ видимъ переломъ въ строѣ призрѣнія, выразившійся въ замѣнѣ системы церковной системою свѣтскою и въ заботахъ государства о положительныхъ мѣрахъ призрѣнія, хотя онѣ и получили иное направленіе, чѣмъ въ Англіи, вслѣдствіе

глубокихъ различій въ учрежденіяхъ и нравахъ той и другой стороны.

Въ теченіе XVI вѣка и во Франціи въ дѣло призрѣнія все болѣе проникаетъ элементъ свѣтскій. Въ разныхъ мѣстахъ ея за это дѣло энергически принимаются органы городского управленія. Они издаютъ свои регламенты въ интересахъ борьбы съ нищенствомъ и создаютъ въ средѣ своей, при участіи городского населенія, особыя учрежденія, ставящія себѣ задачею болѣе или менѣе правильную организацію помощи бѣднымъ. Чуть не повсемѣстно органы городского управленія вступаютъ въ конфликты съ духовенствомъ и нерѣдко принимаютъ отъ него въ свои руки всю администрацію различныхъ благотворительныхъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи рука объ руку съ городскими управленіями дѣйствуетъ и королевское правительство. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка длинный рядъ эдиктовъ и ордонансовъ Франциска I имѣетъ въ виду произвести коренную реформу въ управленіи госпиталями, богадѣльнями и другими видами благотворительныхъ заведеній. Необходимость ея вызывалась злоупотребленіями духовенства въ безконтрольномъ завѣдываніи этими заведеніями: и вотъ королевская власть устанавливаетъ тщательный контроль, который ввѣряется свѣтскимъ лицамъ—представителямъ центральнаго правительства и мѣстныхъ органовъ городского управленія. Любопытно, что одновремено съ Англіей во Франціи также дѣлаются попытки къ устройству приходскаго призрѣнія и даже принимаются мѣры къ установленію регулярныхъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ (эдикты 1533, 1544 и 1551 г.). Но эти мѣры не привились во Франціи, что объясняется болѣе слабымъ развитіемъ въ ней зачатковъ мѣстнаго самоуправленія. Какъ-бы то ни было, съ XVI вѣка и во Франціи дѣло призрѣнія бѣдныхъ сосредоточивается въ рукахъ государства и становится одною изъ важныхъ отраслей управленія, особенно въ эпоху наибольшаго усиленія центральной власти при Людовикѣ XIV.

Съ тѣхъ поръ участіе государства сдѣлалось характерною чертою въ устройствѣ призрѣнія почти во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ. Предѣлы и формы этого участія подвергались съ теченіемъ времени различнымъ

модификаціямъ, болѣе или менѣе существеннымъ, въ зависимости отъ измѣнявшихся воззрѣній на задачи правительства и отъ успѣховъ въ изученіи и пониманіи общественныхъ явленій.

Общею характеристическою особенностью современнаго положенія общественнаго призрѣнія по сравненію съ предшествующими эпохами является преобладаніе болѣе ограниченнаго и болѣе опредѣленнаго взгляда на задачи общественнаго призрѣнія. Прежде въ мѣрахъ призрѣнія нерѣдко видѣли средство искоренить самое явленіе бѣдности; теперь же въ нихъ никто не усматриваетъ панацеи противъ нищеты, борьба съ которою возможна лишь при посредствѣ сложной системы мѣропріятій экономической политики, направленныхъ къ общему подъему матеріальнаго благосостоянія народа. Мѣры призрѣнія могутъ имѣть значеніе лишь палліатива въ сферѣ соціальныхъ невзгодъ. Отъ этого однако ни мало не уменьшается ихъ необходимость, которая оказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ медленнѣе идетъ процессъ поднятія общаго экономическаго уровня. Д-ръ Мюнстербергъ, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ писателей по вопросамъ общественнаго призрѣнія и видный практическій дѣятель въ этой сферѣ (онъ стоитъ во главѣ управленія призрѣніемъ въ Берлинѣ, а раньше управлялъ этимъ дѣломъ въ Гамбургѣ), говоря о соотношеніи между общественнымъ призрѣніемъ и общими мѣрами поднятія благосостоянія, замѣчаетъ: „призрѣніе бѣдныхъ между мѣрами попеченія о благосостояніи населенія занимаетъ безусловно послѣднее мѣсто, и этого не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ вида. Оно должно заниматься лишь тѣми, кого попечительныя мѣропріятія общаго характера не могли спасти отъ впаденія въ нужду и кто ни собственными силами, ни съ помощью семьи и другихъ близкихъ, обязанныхъ ему помочь лицъ, не можетъ предотвратить грозящую ему нищету. Само собою разумѣется, что мы въ настоящее время не можемъ даже предвидѣть наступленія того момента, когда призрѣніе стало бы излишнимъ. Поэтому-то во всѣхъ культурныхъ странахъ создалась цѣлая, болѣе или менѣе обширная система мѣръ по призрѣнію бѣдныхъ, при чемъ характернымъ для этого призрѣнія является въ настоящее

время то, что оно не опирается исключительно только на частную благотворительность, но привлекаетъ всѣ общественныя корпораціи, государство и общину".

Въ отношеніи къ устройству призрѣнія бѣдныхъ большинство культурныхъ государствъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Въ германскихъ и англо-саксонскихъ странахъ, въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, въ Германіи, въ Скандинавскихъ государствахъ и въ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи призрѣніе бѣдныхъ носитъ характеръ обязательный; въ основѣ лежитъ обязанность общинныхъ учрежденій предоставлять нуждающимся жителямъ необходимую помощь и поддержку. Въ противоположность этому въ романскихъ странахъ, во Франціи, въ Италіи, Бельгіи, въ большей части французской Швейцаріи и Эльзасѣ и Лотарингіи господствуетъ система такъ называемаго факультативнаго призрѣнія. Въ этихъ странахъ призрѣніе не составляетъ обязанности ни государства, ни общинъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ послѣднее время и государство, и общины начали принимать все большее участіе въ осуществленіи задачъ призрѣнія. Такъ, во Франціи уже признается обязательность призрѣнія въ отношеніи къ нѣкоторымъ категоріямъ нуждающихся—дѣтямъ, душевно-больнымъ, призрѣніе которыхъ составляетъ обязанность департаментовъ, а законъ 1893 года возложилъ и медицинское призрѣніе на общины, сдѣлавъ обязательною даровую медицинскую помощь. Съ другой стороны, въ Бельгіи, по закону 1891 г., на помощь благотворительнымъ учрежденіямъ и госпиталямъ, при недостаточности ихъ средствъ, должна приходить община; при этомъ въ Бельгіи для цѣлей призрѣнія созданъ особый фондъ (fond commun), который пополняется взносами государства и отдѣльныхъ провинцій.

Преобладающею чертою устройства призрѣнія бѣдныхъ является широкое примѣненіе принципа децентрализаціи. Главная дѣятельная роль принадлежитъ органамъ мѣстнаго управленія, коммунальнымъ учрежденіямъ, при чемъ однако все болѣе развивается сознаніе важности обезпечить средства наблюденія, контроля и руководительства надъ управленіемъ призрѣнія. Наиболѣе законченное и планомѣрное развитіе заботы о центральномъ управленіи призрѣнія получили въ Англіи. Первоначально органъ такого управленія былъ созданъ на-время, со спеціальною задачею озаботиться проведеніемъ въ жизнь реформы 1834 года въ области общественнаго призрѣнія. Назначенные для этого особые коммиссары („Poor Law Commissioners") превратились однако, въ 1847 г., въ настоящее центральное управленіе, которое въ 1867 году сдѣлалось постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ подъ названіемъ „Poor Law Board". Послѣднее въ 1871 году было преобразовано въ обширное вѣдомство мѣстнаго управленія (Local Government Board), въ которомъ сосредоточено также высшее завѣдываніе санитарною и медицинскою полиціей, строительнымъ и дорожнымъ дѣломъ и другими отраслями мѣстнаго управленія. Это вѣдомство организовано [1] бюрократически и имѣетъ во главѣ президента, состоящаго на правахъ министра; помощниками ему служатъ нѣсколько секретарей, но наиболѣе важными чиновниками управленія являются инспекторы и чиновники для контроля по смѣтной части: они являются соединительнымъ звеномъ между центральнымъ управленіемъ и мѣстными организаціями. Инспектора должны удостовѣряться въ томъ, что въ предѣлахъ подвѣдомственнаго имъ округа управленіе призрѣніемъ ведется согласно дѣйствующимъ законамъ и административнымъ предписаніямъ, издаваемымъ вѣдомствомъ мѣстнаго управленія; они должны въ извѣстные промежутки времени участвовать въ засѣданіяхъ мѣстнаго управленія призрѣніемъ, контролировать дѣятельность мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій и управленій призрѣніемъ и докладывать ежегодно о результатахъ произведенной ими ревизіи центральному управленію. Обязанностью втораго органа — инспекторовъ - счетоводовъ, является ревизія счетоводства мѣстныхъ управленій и удостовѣреніе въ томъ, что всѣ произведенные этими управленіями расходы согласны съ законами и размѣрами своими не переходятъ положеннаго предѣла. Эта задача предполагаетъ совершенно единообразное веденіе книгъ всѣми мѣстными управленіями, чтб въ дѣйствительности и установлено

[1] Э. Мюнстербергъ. Задачи и организація призрѣнія бѣдныхъ. «Трудовая помощь» 1899 г., Декабрь, стр. 427.

закономъ по отношенію ко всѣмъ органамъ мѣстнаго управленія въ Англіи. Благодаря этимъ личнымъ сношеніямъ инспекторовъ съ мѣстными управленіями и благодаря постоянному контролю надъ ихъ расходами и счетоводствомъ, центральное управленіе можетъ создать себѣ полное и ясное представленіе о положеніи призрѣнія во всемъ его объемѣ и принять цѣлесообразныя мѣры какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ и вообще. Такой организаціи англійская система призрѣнія обязана не только своею законченностью и единствомъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что она всегда доступна оплодотворенію новыми идеями, которое, конечно, можетъ исходить только отъ какого-либо органа центральнаго управленія.

Во Франціи въ 1886 году образовано, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, особое управленіе общественнаго призрѣнія (Direction de l'assistance publique et de l'hygiène publique), а въ 1888 году созданъ, кромѣ того, въ качествѣ высшаго совѣщательнаго органа, Conseil supérieur de l'assistance publique. Въ составъ управленія общественнымъ призрѣніемъ и во Франціи входятъ инспекторы для осуществленія надзора на мѣстахъ; для надзора же за призрѣніемъ дѣтей имѣются въ каждомъ департаментѣ спеціальные органы, inspecteurs des enfants.

Кромѣ указанныхъ чертъ характернымъ въ современномъ положеніи общественнаго призрѣнія является стремленіе обезпечить особыя средства на покрытіе расходовъ по призрѣнію. Въ нѣкоторыхъ государствахъ существуютъ спеціальные налоги въ пользу бѣдныхъ; такъ, въ Англіи такой налогъ созданъ еще статутомъ 1601 г., при чемъ въ дальнѣйшемъ развитіи онъ явился основаніемъ всей системы коммунальныхъ налоговъ въ этой странѣ; налогъ въ пользу бѣдныхъ существуетъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Въ большинствѣ государствъ необходимыя для общественнаго призрѣнія средства отчисляются изъ общаго бюджета государственныхъ или коммунальныхъ учрежденій.

Въ ряду особенностей современной постановки попеченія о бѣдныхъ широкое развитіе получили принципъ объединенія дѣятельности частныхъ благотворительныхъ

учрежденій и начало взаимодѣйствія органовъ частной благотворительности и учрежденій общественнаго призрѣнія. Наиболѣе характернымъ въ отношеніи къ этимъ стремленіямъ представляется дѣятельность англійскихъ обществъ организаціи благотворительности (Charity Organisation Societies), о которыхъ въ дальнѣйшемъ изложеніи даются подробныя свѣдѣнія.

Въ области современной разработки вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности можно отмѣтить важное явленіе—международные конгресы, созываемые для обсужденія этихъ вопросовъ. Первый такой конгресъ былъ созванъ въ Парижѣ въ 1889 году, второй происходилъ въ Женевѣ и третій состоялся въ Парижѣ въ 1900 году, во время послѣдней всемірной выставки. Работы третьяго конгресса по количеству представленныхъ делегатами разныхъ странъ свѣдѣній, по разнообразію затронутыхъ и выясненныхъ на немъ вопросовъ имѣютъ весьма важное значеніе (труды конгресса изданы въ шести томахъ подъ заглавіемъ „Recueil des travaux du Congrès international d'assistance publique et de bienfaisance privée, tenu du 30 juillet au 5 août 1900. Paris, 1900).

На почвѣ указанныхъ общихъ началъ въ разныхъ странахъ возникли весьма разнообразные способы призрѣнія. О нѣкоторыхъ изъ нихъ ниже сообщаются подробныя свѣдѣнія.

Эльберфельдская система. Названіе свое эта система, нынѣ столь популярная, получила отъ города Эльберфельда, въ Пруссіи, въ Дюссельдорфскомъ округѣ Рейнской провинціи. Это—одинъ изъ наиболѣе значительныхъ промышленныхъ центровъ, выросшій въ теченіе прошлаго столѣтія. Въ 1800 г. въ немъ было 12,000 жителей; въ 1850 г.—50,000, а въ 1888—1889 гг. уже около 120,000; собственно рабочее населеніе многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ Эльберфельда превышаетъ 35,000 человѣкъ.

Попытки организовать цѣлесообразную систему призрѣнія бѣдныхъ въ Эльберфельдѣ начинаются съ 1800 года, но въ теченіе долгаго времени онѣ не имѣли желательнаго

успѣха. Современная организація призрѣнія создана въ 1852 году, когда былъ выработанъ и понынѣ дѣйствующій регламентъ, подвергшійся несущественнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ въ 1861 и 1876 гг.

Въ основѣ эльберфельдской системы лежатъ принципы, отличающіеся чрезвычайною простотою и практичностью и стремящіеся къ индивидуализиціи дѣла общественнаго призрѣнія. Исходнымъ пунктомъ въ ея организаціи служитъ то соображеніе, что каждый неимущій, терпящій нужду и обращающійся за помощью, долженъ быть разсматриваемъ и изслѣдуемъ по отношенію къ его индивидуальнымъ особенностямъ. При этомъ изслѣдованіи тщательное вниманіе обращается на выясненіе какъ характера, причины и степени нужды, такъ индивидуальныхъ особенностей нуждающагося—степени физическаго и нравственнаго развитія его, занятій, образа жизни, привычекъ и склонностей и т. д. Оказываемая въ каждомъ данномъ случаѣ помощь должна соотвѣтствовать тѣмъ условіямъ, совокупность которыхъ составляетъ индивидуальность этого случая.

Какъ видно изъ этой основной черты разсматриваемой системы, практическое примѣненіе ея предполагаетъ участіе большого количества лицъ, которыя могли бы взять на себя трудъ собиранія необходимыхъ свѣдѣній о людяхъ, обращающихся за пособіемъ, объ ихъ жизни, занятіяхъ и т. д. Существо самой системы требуетъ широкаго участія общества въ устройствѣ призрѣнія.

Въ самомъ Эльберфельдѣ современное устройство ея представляется въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ организаціи находится центральный комитетъ подъ названіемъ „городское управленіе призрѣніемъ бѣдныхъ“ (Städtische Armen-Verwaltung). Онъ состоитъ изъ девяти лицъ: предсѣдателя, которымъ является оберъ-бургомистръ или его замѣститель, 4-хъ городскихъ гласныхъ и 4-хъ имѣющихъ право голоса гражданъ. И тѣ, и другіе избираются городскою думою на три года, при чемъ выходящіе члены могутъ быть избраны на новый срокъ. Какъ эти лица, такъ и другіе члены администраціи призрѣнія не могутъ уклоняться отъ принятія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей иначе, какъ при наличности уважительныхъ причинъ (болѣзни, преклоннаго возраста, занятій, требующихъ частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ изъ города, и т. п.). „Городскому управленію призрѣніемъ бѣдныхъ“ принадлежитъ общее наблюденіе какъ за органами, завѣдующими призрѣніемъ на дому, такъ и за администраціею закрытыхъ заведеній для призрѣнія, сосредоточенной въ рукахъ особой депутаціи, также избираемой думою. Въ частности на обязанность центральнаго комитета возлагается: 1) изслѣдованіе положенія бѣднѣйшихъ классовъ населенія и причинъ обѣднѣнія, изысканіе и выработка мѣръ, необходимыхъ къ удаленію этихъ причинъ; 2) представленіе городской думѣ ежегоднаго бюджета общественнаго призрѣнія; 3) завѣдываніе и употребленіе денежныхъ фондовъ, назначаемыхъ на дѣло призрѣнія; 4) предварительное разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ по приходу и расходу суммъ призрѣнія; 5) представленіе думѣ въ концѣ каждаго года отчета въ своемъ управленіи.

Ближайшее завѣдываніе дѣлами призрѣнія сосредоточивается въ 26-ти участковыхъ комиссіяхъ или попечительствахъ, по числу 26-ти округовъ, на которые раздѣленъ городъ въ отношеніи къ администраціи призрѣнія. Во главѣ каждаго округа находится „окружный старшина“ (Bezirks-Vorsteher), который представляетъ собою связующее звено между высшимъ центральнымъ управленіемъ и низшими исполнительными органами—„попечителями бѣдныхъ“ (Armenpfleger). Въ каждомъ округѣ — 14 попечителей. Какъ старшины, такъ и попечители избираются думою, по представленію „городского управленія призрѣніемъ“, на три года; каждый годъ треть ихъ выбываетъ, при чемъ выходящіе могутъ быть избраны вновь.

Вотъ эти-то старшины и особенно попечители, избираемые изъ мѣстныхъ обывателей, самыхъ разнообразныхъ профессій и состояній, являются главными дѣятельными органами эльберфельдской системы призрѣнія. Въ вѣдѣніе каждаго попечителя предоставляется извѣстный районъ (Quartier) въ предѣлахъ даннаго округа, — районъ, обыкновенно очень небольшой по своимъ размѣрамъ, чтобы попечители не были обременены работою и могли съ полною тщательностью выполнять свои обязанности. По § 13-му ин-

струкціи [1] для окружныхъ старшинъ и попечителей, въ видѣ общаго правила, каждый попечитель долженъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи не болѣе *четырехъ* бѣдныхъ (одинокихъ или имѣющихъ при себѣ семью). „Въ видахъ возможно лучшаго соблюденія этого важнаго положенія", инструкція рекомендуетъ, въ случаѣ переполненія какого-либо района бѣдными, часть ихъ причислять къ другимъ, менѣе обремененнымъ районамъ. Отступленія отъ этихъ общихъ правилъ допускаются лишь въ случаяхъ крайней нужды или по особымъ исключительнымъ обстоятельствамъ.

Всякій, обращающійся за пособіемъ, долженъ заявить объ этомъ непосредственно попечителю подлежащаго района. Попечитель же обязанъ немедленно собрать возможно полныя свѣдѣнія о положеніи просителя какъ путемъ опроса его, такъ и посредствомъ личнаго посѣщенія и осмотра его жилища, а также и при помощи другихъ подходящихъ средствъ. Справки эти касаются, главнымъ образомъ, слѣдующихъ вопросовъ: — дѣйствительно ли проситель находится въ нуждѣ; семейный ли онъ, каковъ составъ его семьи, какія средства проситель и члены его семьи имѣютъ отъ своего труда или изъ другихъ источниковъ; нѣтъ ли лицъ, на которыхъ лежитъ юридическая, закономъ или договоромъ предусмотрѣнная обязанность оказывать помощь просителю, т. е. родители или взрослыя дѣти, супруги или ближайшіе родственники, или же не состоитъ ли онъ членомъ какой-нибудь кассы или иной ассоціаціи, обязанной по статутамъ своимъ помогать своимъ членамъ.

Если въ результатѣ такого разслѣдованія попечитель убѣждается въ томъ, что пособіе не представляется необходимымъ, то онъ отказываетъ въ немъ, но объ этомъ отказѣ и основаніяхъ его онъ долженъ сообщить въ ближайшемъ очередномъ собраніи попечителей. Если же, напротивъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что просьба о пособіи должна быть удовлетворена и что при этомъ помощь требуется неотлагательно, то онъ немедленно распоряжается объ оказаніи необходимаго вспомоществованія или выдаетъ его самъ. Въ качествѣ же общаго правила, онъ представляетъ просьбу просителя и свое заключеніе о предполагаемомъ пособіи на разсмотрѣніе ближайшаго окружного собранія. Эти собранія, въ составъ которыхъ входятъ всѣ попечители даннаго округа, подъ предсѣдательствомъ окружного старшины, происходятъ регулярно разъ въ двѣ недѣли (могутъ быть созываемы, въ случаѣ необходимости, и экстраординарныя собранія). Главной задачей этихъ собраній и является рѣшеніе вопросовъ о выдачѣ пособій по представленіямъ попечителей. Они же опредѣляютъ, въ какой формѣ должно быть выдано пособіе — деньгами, платьемъ, бѣльемъ или съѣстными припасами. Въ видѣ общаго правила (§ 37 инструкціи) пособія выдаются не долѣе, какъ на 14 дней, а для продленія ихъ требуется новое постановленіе собранія на основаніи доклада подлежащихъ попечителей. Пособія выдаются обыкновенно деньгами (§ 39), при чемъ единовременно на руки бѣдному дается сумма по расчету на одну недѣлю, во избѣжаніе злоупотребленій; въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстно или есть основаніе предполагать, что денежное пособіе не получитъ требуемаго назначенія, помощь оказывается натурою — вещами или припасами.

Попечитель обязанъ, по возможности часто и никакъ не рѣже одного раза въ двѣ недѣли, посѣщать находящихся въ его районѣ бѣдныхъ и всѣ могущія произойти перемѣны въ положеніи каждаго бѣднаго и его семьи отмѣчать на особомъ бланкѣ, который заводится для каждаго, получающаго пособіе. Окружному старшинѣ также предписывается, въ цѣляхъ надзора за точнымъ соблюденіемъ требованій закона и инструкціи, обходить бѣдныхъ своего округа (одному или вмѣстѣ съ попечителями) такъ часто, насколько это представляется возможнымъ, и лично освѣдомляться о положеніи призрѣваемыхъ.

Таковы важнѣйшія черты эльберфельдской системы призрѣнія по отношенію къ такъ называемому открытому или наружному призрѣнію (offene Armenpflege). Организація его представляетъ важнѣйшую и наиболѣе любопытную

[1] Администрація призрѣнія въ Эльберфельдѣ регламентирована «Уставомъ о бѣдныхъ» (Armenordnung) 9-го іюля 1852 г. (пересмотрѣннымъ 4-го янв. 1861 г. и 21-го ноября 1876 г.) и указанной «Инструкціей» 4-го янв. 1861 г. (пересмотрѣнной 21-го ноября 1876 г.).

особенность разсматриваемой системы. Что же касается до закрытаго призрѣнія (geschlossene Armenpflege), то оно не отличается какими-либо рѣзкими особенностями. Но и оно поставлено значительно лучше, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ, благодаря тому живому участію, какое городское управленіе принимаетъ въ дѣлѣ устройства и содержанія различныхъ заведеній. Заведенія эти слѣдующія: богадѣльня, сиротскій домъ, пріютъ для покинутыхъ дѣтей, больница, домъ умалишенныхъ и особое заведеніе на случай эпидемическихъ болѣзней.

Практика эльберфельдской системы дала весьма удовлетворительные результаты и послужила образцомъ для устройства призрѣнія на тѣхъ же началахъ въ большинствѣ крупныхъ городовъ Германіи и частью Австріи. Въ большинствѣ центровъ, гдѣ она примѣняется, уличное нищенство совершенно неизвѣстно. Благодаря условіямъ самой организаціи, оказывается возможнымъ суммы, собираемыя частью путемъ налоговъ, частью изъ другихъ источниковъ, назначенныхъ на дѣло призрѣнія, тратить съ большею осмотрительностью и продуктивностью. Хорошіе результаты системы видны хотя бы изъ слѣдующихъ цифръ, касающихся Эльберфельда. Число призрѣваемыхъ значительно уменьшилось за время дѣйствія системы, установленной въ 1852 году: тогда какъ въ началѣ, а именно въ 1855 году, число призрѣваемыхъ на дому составляло $17_{,6}$ на каждую 1000 жителей, въ 1888—1889 году оно упало до $7_{,1}$, а въ 1873 году оно составляло даже $5_{,6}$. Съ другой стороны, расходы по призрѣнію хотя и увеличиваются съ годами, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ ростъ населенія. Такъ, въ 1856 году, при 51000 населенія, городскіе налоги на призрѣніе достигали 166,600 марокъ; черезъ тридцать лѣтъ, въ 1886—1887 гг. населеніе удвоилось, дойдя до 110,000 жителей, между тѣмъ общая сумма налоговъ поднялась лишь до 234,556 марокъ. По сравненію съ 1856 годомъ, налоги на призрѣніе, падающіе на каждаго жителя, понизились съ $3_{,23}$ до $2_{,14}$ марокъ въ 1886 — 1887 гг. Любопытно однако, что вмѣстѣ съ тѣмъ средняя величина самыхъ пособій бѣднымъ поднялась съ 35 мар. 37 пф. до 54 мар. 49 пф. Интересенъ также слѣдующій расчетъ: при дѣйствіи старой системы (до 1852 года) городъ за 1853—1886 гг. израсходовалъ бы $8^1/_2$ милл. марокъ; между тѣмъ, благодаря новой системѣ, израсходовано за этотъ періодъ немногимъ больше 4-хъ милл., такъ что примѣненіе новой системы дало городу за 1853—1886 гг. огромную экономію, почти въ $4^1/_2$ милл.

Эльберфельдская система обратила на себя вниманіе и въ Россіи. Существеннѣйшія началы ея были примѣнены при выработкѣ новой организаціи общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, гдѣ съ 1894 года дѣйствуютъ „Городскія попечительства о бѣдныхъ“, послужившія образцомъ для устройства призрѣнія и въ нѣсколькихъ другихъ городахъ Россіи.

Рабочія колоніи и продовольственныя станціи въ Германіи представляютъ собою учрежденія, возникшія въ послѣднее время въ Германіи въ интересахъ раціональной борьбы съ нищенствомъ и бродяжничествомъ.

Задача рабочихъ колоній (Arbeiter-Kolonien) состоитъ въ томъ, чтобы дать пріютъ и работу такимъ людямъ, которые, будучи способны къ труду и желая трудиться, не имѣютъ однако занятій и заработка, вслѣдствіе чего вынуждены искать себѣ пропитанія въ прошеніи милостыни и бродяжничествѣ. Давая имъ пріютъ и работу, колоніи стремятся оказать на нихъ и нравственное вліяніе, пріучить ихъ къ добропорядочной и трудовой жизни и по возможности отучить отъ праздныхъ и бродяжническихъ склонностей. Въ настоящемъ своемъ видѣ колоніи представляютъ собою проявленія частной иниціативы, частной благотворительной дѣятельности, однако нерѣдко съ весьма существенной поддержкою правительственныхъ и коммунальныхъ учрежденій.

Первая такая колонія „Вильгельмсдорфъ“ въ Германіи была открыта 17-го августа 1882 года, по иниціативѣ пастора фонъ-Бодельшвинга, въ прусской провинціи Вестфаліи, близъ Билефельда. Мысль объ устройствѣ колоніи для нуждающихся въ работѣ лицъ встрѣтила сочувствіе, и Бодельшвингу удалось собрать по частной подпискѣ значительныя средства, къ которымъ присоединилась сумма въ 40.000 марокъ, данная провинціальнымъ собраніемъ въ видѣ безпроцентнаго займа. На эти средства организаціонный

комитетъ пріобрѣлъ участокъ земли съ нѣсколькими постройками, на которомъ и открыта была первая земледѣльческая рабочая колонія. Она тотчасъ же начала привлекать къ себѣ искавшихъ работы, дѣла ея пошли хорошо, и примѣръ ея вскорѣ же вызвалъ подражаніе. Въ теченіе 1883 года въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи было открыто 5 новыхъ колоній; въ 1884 году—также 5; въ 1885 году—2; въ 1886 году—3; въ 1888 г.—4; въ 1889 г.—2; въ 1891 г.—тоже 2. Такимъ образомъ, къ началу 1892 года (т. е. въ десятилѣтній періодъ) создано было всего 24 рабочихъ колоніи. Въ 1900 году общее число рабочихъ колоній составляло 32.

Всѣ эти колоніи [1] въ совокупности своей представляютъ единый союзъ (Verband), во главѣ котораго стоитъ „Центральное управленіе германскихъ рабочихъ колоній“ (Central-Vorstand deutscher Abreiterkolonien), находящееся въ Берлинѣ. Завѣдываніе отдѣльными колоніями сосредоточивается въ рукахъ мѣстныхъ комитетовъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ управляютъ колоніей особыя довѣренныя лица. Представители колоній періодически съѣзжаются на совѣщанія, устраиваемыя при центральномъ управленіи [2] съ цѣлью обсужденія и рѣшенія вопросовъ, касающихся общихъ интересовъ колоній. До 1891 г. такіе съѣзды устраивались жегодно, но въ 1891 году рѣшено собирать ихъ одинъ разъ въ два года.

Въ основѣ управленія колоніями лежатъ общія имъ всѣмъ руководящія начала. Важнѣйшимъ изъ нихъ является добровольный характеръ поступленія въ колонію и выхода изъ нея. Принимаются въ колонію всѣ желающіе, за исключеніемъ лишь больныхъ заразительными болѣзнями и лицъ, прибывающихъ изъ мѣстностей, гдѣ свирѣпствуетъ какая-нибудь эпидемія. Такъ, § 2 статутовъ общества берлинской

[1] Идея рабочихъ колоній не нова: такъ, въ Голландіи уже съ начала XIX ст. сдѣланы были опыты устройства ихъ, но современныя нѣмецкія колоніи шли въ своемъ развитіи самостоятельнымъ путемъ и представляютъ не мало своеобразныхъ особенностей.

[2] При центральномъ управленіи издается спеціальный періодическій органъ «Die Arbeiterkolonie» (съ 1883 года), переименованный съ 1897 г. въ «Der Wanderer».

колоніи говоритъ: „Цѣль общества—дать пріютъ несчастнымъ рабочимъ, пока не найдется имъ занятій въ другомъ мѣстѣ. Въ нее принимаются всѣ, безъ различія возраста и религіи. Желаніе общества—улучшить ихъ положеніе и поднять ихъ нравственность предоставленіемъ имъ временнаго занятія“. Аналогичныя этому постановленія встрѣчаемъ въ регламентѣ колоніи Фридрихсвилле: § 1—„Цѣль—противодѣйствовать бродяжничеству и дать временное содержаніе и работу лицамъ, не имѣющимъ занятія, но могущимъ и желающимъ трудиться“. § 2—„Принимаются всѣ являющіеся, безъ различія положеній и вѣроисповѣданій; преимущество дается уроженцамъ провинціи Бранденбурга или Берлина“; далѣе указывается на ограниченіе по отношенію къ больнымъ.

По даннымъ о дѣятельности колоній видно, что число обращающихся къ нимъ весьма значительно. Такъ, съ открытія первой колоніи и до 1901 года въ нихъ принято было свыше 120.000 чел. Наличное число рабочихъ колоній видимо еще недостаточно для того, чтобы удовлетворить потребности въ нихъ: нерѣдко администраціи ихъ приходится отказывать въ пріемѣ за неимѣніемъ свободнаго мѣста, при чемъ и безъ того принимается лицъ гораздо больше количества штатныхъ мѣстъ.

Насколько свободенъ доступъ въ колоніи, настолько же свободенъ и выходъ изъ нихъ. Обыкновенно лишь требуется, чтобы о желаніи оставить колонію было заявлено заблаговременно. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ указаній, колоніи и не имѣютъ въ виду давать постоянный пріютъ, а ставятъ себѣ главною задачею оказывать временную поддержку неимѣющимъ заработка, съ цѣлью помочь имъ въ трудную минуту отправиться и стать на ноги. Время пребыванія въ колоніяхъ значительно варьируется. По даннымъ о ихъ дѣятельности, наиболѣе продолжительнымъ срокомъ пребыванія является время отъ 106—147 дней (этотъ срокъ пробыли 17,6% лицъ), далѣе отъ 78—105 дней (14,8%) и отъ 148—203 дней (9,8%).

Интересны свѣдѣнія о мотивахъ выхода изъ колоніи. По даннымъ за періодъ 1887—1889 гг., наибольшее число случаевъ оставленія колоніи (60,4%) вызвано собственнымъ желаніемъ колонистовъ; слѣдующее мѣсто занимаетъ уходъ

вслѣдствіе пріисканія какого-нибудь занятія (20,8%). Рядомъ съ этою послѣднею цифрою, свидѣтельствующею о томъ, что колоніи еще слабо достигаютъ одной изъ своихъ естественныхъ цѣлей—устройства своихъ кліентовъ на какой-нибудь работѣ, любопытно отмѣтить весьма ничтожный процентъ случаевъ увольненія за дурное поведеніе и пьянство; за первое уволено 4,4%, за второе—только 0,5%.

Что касается до состава обитателей колоній по возрасту ихъ, то наибольшая доля ихъ приходится на возрастъ отъ 30—40 лѣтъ (30,1%); наименьшее число представителей даютъ возрастныя категоріи свыше 60 лѣтъ (3%) и моложе 20 лѣтъ (5,6%).

Необходимо отмѣтить также еще слѣдующій фактъ, констатируемый данными о дѣятельности колоній: весьма значительный контингентъ ихъ обитателей приходится на долю людей, подвергавшихся обвинительнымъ судебнымъ приговорамъ. Такъ, за 1887—1889 годъ изъ 10.403 лицъ, принятыхъ въ колоніи, только 2.318 чел., или 23,1% не подвергались уголовнымъ карамъ, тогда какъ 76,9% приходится на долю лицъ, испытавшихъ какое-нибудь уголовное наказаніе, большею частью арестъ.

Но за то въ несомнѣнной связи съ этимъ явленіемъ стоитъ фактъ отрадный, который обыкновенно указывается, какъ одно изъ доказательствъ пользы рабочихъ колоній, а именно, что въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ онѣ устроены, число преступленій и проступковъ уменьшилось на 25 и даже на 30%. Это наблюденіе можетъ быть причислено къ числу доказательствъ той истины, которая сдѣлалась уже почти банальной, но которая отъ этого нимало не теряетъ въ своемъ вѣрномъ значеніи,—что одно изъ лучшихъ средствъ борьбы съ преступленіемъ состоитъ въ матеріальномъ обезпеченіи наиболѣе нуждающихся классовъ.

Въ заключеніе этого краткаго очерка нѣмецкихъ рабочихъ колоній отмѣтимъ, что огромное большинство ихъ представляютъ собою колоніи земледѣльческія; только въ берлинской колоніи (помѣщающейся въ одномъ изъ предмѣстій Берлина) кліенты ея занимаются трудомъ промышленнымъ; есть одна колонія (магдебургская) смѣшаннаго характера; въ ней комбинируются занятія различными ремеслами съ занятіями садоводствомъ и огородничествомъ.

Въ первое время по вступленіи въ колонію (обыкновенно, двѣ недѣли, иногда мѣсяцъ) рабочіе не получаютъ никакого вознагражденія за свой трудъ. По прошествіи же этого срока имъ удѣляется часть заработка (40 пфен. лѣтомъ и 30 пфен. зимою въ день), которая однако не выдается имъ тотчасъ на руки изъ опасенія непроизводительной траты его, а накопляется до времени ихъ выхода изъ колоніи; изъ этой суммы дѣлается вычетъ за платье и обувь, которыя колонія даетъ рабочему.

Таковы важнѣйшія черты устройства нѣмецкихъ рабочихъ колоній. О дѣятельности ихъ преждевременно было бы дѣлать окончательное и вполнѣ опредѣленное сужденіе. Но и имѣющагося опыта достаточно, чтобы признать основную мысль ихъ разумною, а задачи, которыя онѣ ставятъ себѣ, заслуживающими полнаго сочувствія. Устройствомъ колоній далеко не разрѣшается вопросъ о мѣрахъ предупрежденія нищенства и помощи нуждающемуся населенію. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ ряду другихъ мѣропріятій болѣе общаго характера онѣ могутъ имѣть значеніе, какъ вспомогательныя средства общественнаго призрѣнія. Въ литературѣ о колоніяхъ была высказываема, между прочимъ, надежда на то, что современемъ коммунальныя учрежденія примутъ ихъ въ свои руки. Отъ этого дѣло, конечно, можетъ получить болѣе широкое развитіе, и тогда колоніи, сдѣлавшись болѣе многочисленными, въ состояніи будутъ полнѣе удовлетворить существующей въ нихъ потребности.

Въ тѣсной связи съ рабочими колоніями находятся такъ называемыя продовольственныя станціи или, точнѣе—„станціи для вспомоществованія натурою“ (Naturalverpflegungsstation). По задачамъ своимъ эти учрежденія составляютъ необходимую основу въ борьбѣ съ бродяжничествомъ. Онѣ устраиваются для того чтобы дать пріютъ и пищу тѣмъ людямъ, которые находятся въ пути, перебираясь изъ одной мѣстности въ другую въ поискахъ за заработкомъ. Весьма часто бѣднымъ людямъ, находящимся въ такомъ положеніи, нѣтъ другого средства перебиться въ пути, какъ обратившись къ нищенству, а кровомъ для нихъ служитъ открытое небо. На помощь имъ приходятъ упомянутыя станціи.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ устроены онѣ, у входа въ предѣлы общины выставляются предупредительныя объявленія о томъ, что здѣсь нищенство строго воспрещается, но что лица нуждающіяся могутъ обратиться за вспоможеніемъ на станцію, которая находится въ такомъ-то мѣстѣ. Принятіе путника совершается безъ всякихъ затрудненій (не принимаютъ только пьяныхъ), и ему дается ночлегъ и пропитаніе—завтракъ, обѣдъ или ужинъ, большею частью лишь подъ условіемъ исполненія имъ какой-нибудь работы, обыкновенно простой (наколоть дровъ, вымести улицу и т. п.). Пребываніе на станціи ограничивается чаще всего очень короткимъ срокомъ, послѣ чего путникъ продолжаетъ свой путь въ увѣренности, что и далѣе онъ найдетъ себѣ кровъ и пропитаніе.

Мысль объ устройствѣ такихъ учрежденій возникла еще въ 40-хъ годахъ и первоначально выразилась въ организаціи (различными благотворительными обществами) дешевыхъ филантропическихъ пріютовъ или постоялыхъ дворовъ, которые получили названіе „Herberge zur Heimath“. Но они все таки оплачивались, хотя и не дорого, такъ что были недоступны людямъ, не имѣющимъ ничего. Въ виду этого около 1865 года начали устраивать такіе пункты, въ которыхъ кровъ и пропитаніе давались бы даромъ, лишь подъ условіемъ извѣстной работы. Цѣлесообразность такихъ станцій вызвала вскорѣ успѣшное развитіе ихъ; вслѣдъ за частными иниціаторами за дѣло устройства принялись и коммунальныя учрежденія, такъ что число ихъ стало быстро увеличиваться.

Въ 1900 г. въ Германіи насчитывали 1.957 продовольственныхъ станцій, разсѣянныхъ почти по всей площади Имперіи; въ нихъ ночлегомъ воспользовались въ теченіе года 1.936.091 человѣкъ; содержаніе станцій обошлось въ 1.317.072 марки, изъ которыхъ только незначительная доля (67.610 мар.) была покрыта работою. При многихъ станціяхъ имѣются конторы для пріисканія занятій.

Объединеніе частной благотворительности и ея взаимодѣйствіе съ общественнымъ призрѣніемъ.—Существованіе организованной системы общественнаго призрѣнія ничуть не исключаетъ ни возможности, ни желательности широкаго развитія частной благотворительности. Опытъ показываетъ, что какъ бы ни была хорошо организована помощь бѣднымъ со стороны государственныхъ и общественныхъ учрежденій, они не въ силахъ удовлетворить вполнѣ той потребности, какая существуетъ въ этой помощи. Для частной благотворительности, во всякомъ случаѣ, остается широкое поле дѣятельности. Въ этомъ убѣждаетъ въ особенности примѣръ Англіи.

Несмотря на то, что въ этой странѣ ранѣе, чѣмъ гдѣ либо, развилась государственная система обязательнаго призрѣнія, получившая очень широкую организацію, частная благотворительность развита въ ней ничуть не менѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ [1]. Она является тамъ естественнымъ дополненіемъ, а иногда и весьма полезнымъ коррективомъ государственной системы призрѣнія. Эти двѣ формы вспомоществованія нуждающимся не мѣшаютъ, а напротивъ, помогаютъ одна другой, служа одной общей цѣли, хотя и нѣсколько различными средствами. Различіе это вызывается нѣкоторою разницею въ исходныхъ точкахъ зрѣнія обѣихъ формъ призрѣнія. Въ устройствѣ государственнаго призрѣнія болѣе преобладаетъ точка зрѣнія государственныхъ интересовъ, отношеніе къ нуждѣ, какъ явленію общественному; въ частной благотворительной дѣятельности на первый планъ выступаютъ индивидуальныя особенности каждаго нуждающагося. Въ основѣ государственнаго призрѣнія лежитъ

[1] Широкое и постоянно прогрессирующее развитіе частной благотворительности въ Англіи служитъ лучшимъ аргументомъ противъ утвержденія противниковъ обязательнаго призрѣнія, что оно парализуетъ усилія добровольныхъ дѣятелей на пользу бѣдныхъ и подрываетъ притокъ пожертвованій со стороны частныхъ благотворителей. Въ этомъ отношеніи интересны также цифры, приведенные Анри Моно на конгрессѣ 1900 г. Оказывается, что развитіе общественнаго призрѣнія во Франціи въ послѣднія десятилѣтія не только не сопровождалось уменьшеніемъ частныхъ пожертвованій въ пользу богадѣленъ, больницъ, благотворительныхъ бюро и въ коммунальныя управленія, но ознаменовалось увеличеніемъ этихъ пожертвованій. Съ 1800 по 1878 г. средняя годовая цифра ихъ составляла около 5½ милліоновъ франковъ. Въ 1878—1889 гг. эта цифра поднялась до 14½ милл. фр., а въ 1889—1899 г. она составляла болѣе 16 милл. фр. Recueil des travaux du Congrés international d'assistance publique (Par. 1900)., стр. 21.

принципъ его обязательности для всѣхъ случаевъ, подходящихъ подъ установленные признаки нужды; въ основѣ же частной благотворительной дѣятельности лежитъ начало факультативности, открывающей возможность направлять помощь туда, гдѣ она признается почему-либо болѣе необходимой или цѣлесообразной. Одностороннее преслѣдованіе той или другой формы сопряжено съ неизбѣжными недочетами; параллельное же ихъ существованіе и гармоническая дѣятельность одной рядомъ съ другой способно обезпечить болѣе полное достиженіе общей цѣли, болѣе дѣйствительную помощь въ нуждѣ. Наличность государственнаго обязательнаго призрѣнія въ Англіи порождаетъ въ обществѣ увѣренность, что неотложная и безусловно необходимая помощь обезпечена за всякимъ нуждающимся, и вслѣдствіе этого частная благотворительность получаетъ возможность направлять свою дѣятельность туда, гдѣ желательна помощь сверхъ того minimum'а, который обезпечивается государствомъ, и гдѣ благодаря этому можетъ быть достигнуто не только устраненіе нужды въ настоящемъ, но и возможное предупрежденіе ея въ будущемъ.

Эти замѣчанія вовсе не имѣютъ въ виду признать, что помощь бѣднымъ въ Англіи стоитъ на высотѣ совершенства. На дѣлѣ она оставляетъ желать еще очень многаго. Но принципіальныя основы ея устройства представляются вполнѣ разумными, благодаря комбинированію двухъ началъ—государственнаго обязательнаго призрѣнія и частной благотворительной дѣятельности. Вѣрность этихъ принципіальныхъ основъ служитъ порукою въ томъ, что развитіе мѣръ призрѣнія стоитъ въ Англіи на правильномъ пути и обѣщаетъ въ будущемъ весьма благотворные результаты.

Достиженію ихъ много поможетъ развитіе того направленія въ области частной благотворительности, которое обнаружилось въ Англіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Характерною чертою этого направленія является сознаніе необходимости *организаціи* благотворительной дѣятельности,—сознаніе, порожденное долгимъ опытомъ, убѣдившимъ, что тѣ обширныя средства, которыми располагаютъ всевозможныя филантропическія общества, могутъ быть расходуемы съ гораздо большею пользою для дѣла, если въ него будетъ

внесена извѣстная планомѣрность и общества эти будутъ дѣйствовать на основаніи твердыхъ руководящихъ началъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было желательнымъ установить извѣстное взаимодѣйствіе между частною благотворительностью и государственными органами призрѣнія. Практическое осуществленіе этихъ идей началось сравнительно недавно, въ 1869 году, когда основано было „Общество для организаціи благотворительности“ (Charity Organisation Society), открывшее свои дѣйствія въ 1870 году.

Главными задачами этого общества поставлены были слѣдующія: 1) развитіе взаимодѣйствія между частными благотворительными предріятіями другъ съ другомъ, съ одной стороны, и между ними и государственнымъ призрѣніемъ, съ другой; 2) обезпеченіе тщательнаго изслѣдованія всѣхъ случаевъ призрѣнія и принятіе въ каждомъ изъ нихъ наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ; 3) пресѣченіе обмановъ и нищенства. Новое общество встрѣтило большое сочувствіе и поддержку и стало съ успѣхомъ развивать свою дѣятельность. По примѣру лондонскаго, такія же общества образовались и въ другихъ городахъ, такъ что въ послѣднее время въ Англіи и Шотландіи насчитывали 68 „Charity Organisation Societies“ и, кромѣ того нѣсколько такихъ же Обществъ въ Аделаидѣ, Мельбурнѣ и Сиднеѣ.

Устройство главнаго лондонскаго общества, находящагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ провинціальными и колоніальными обществами, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ его стоитъ совѣтъ (Council) въ качествѣ центральнаго учрежденія, которому принадлежитъ руководительство всею дѣятельностью общества. Въ составъ совѣта входятъ представители „окружныхъ комитетовъ“ (District Committees); ихъ въ Лондонѣ 40, а районъ ихъ дѣятельности по большей части совпадаетъ съ административными дѣленіями государственнаго призрѣнія (Poor Law Unions or Parishes). Окружные комитеты дѣйствуютъ самостоятельно на основаніи, однако, общихъ началъ и единообразныхъ инструкцій, одобренныхъ совѣтомъ. Въ большинствѣ окружныхъ комитетовъ участвуютъ по одному или по нѣсколько членовъ бюро попечителей (главные органы государственнаго призрѣнія). При совѣтѣ имѣется особый исполнитель-

ный органъ — „административный комитетъ“, избираемый совѣтомъ изъ представителей, посылаемыхъ окружными комитетами.

Что касается собственно дѣятельности общества, то оно, прежде всего, стремится образовать собою центральное мѣсто для существующихъ благотворительныхъ учрежденій. Въ этихъ видахъ оно ведетъ, подъ названіемъ „Charities Register and Digest“, періодически публикуемый подробный списокъ лондонскихъ благотворительныхъ учрежденій. Въ этомъ спискѣ, составляемомъ по извѣстной системѣ, приводятся свѣдѣнія о томъ, какого рода пособія оказываются тѣмъ или другимъ учрежденіемъ, каковы его средства и какое число воспользовалось его помощью въ теченіе предшествующаго года. Благодаря этому, каждый имѣетъ возможность получить указаніе, куда слѣдуетъ обратиться въ томъ или другомъ случаѣ. Кромѣ того, общество вступаетъ въ случаѣ необходимости, въ интересахъ просителя, въ переписку съ подлежащимъ благотворительнымъ учрежденіемъ и стремится оказать содѣйствіе въ полученіи желаемаго пособія. Далѣе, общество тщательно слѣдитъ за возникновеніемъ всякаго рода новыхъ филантропическихъ предпріятій и, въ случаѣ признанія ихъ полезными, оказываетъ имъ поддержку при посредствѣ своего ежемѣсячнаго органа „Charity Organisation Review“.

Важнѣйшею своею задачею общество считаетъ устраненіе всякой случайности въ оказаніи благотворительной помощи и замѣну безразборчивой помощи тщательнымъ взвѣшиваніемъ каждаго случая. Въ этихъ видахъ на первый планъ выдвигается опредѣленіе характера нужды, степени ея и отысканіе наиболѣе подходящей для каждаго даннаго случая формы вспомоществованія. Въ этомъ отношеніи стремленія лондонскаго общества напоминаютъ нѣкоторыя черты эльберфельдской системы. Для того чтобы полнѣе осуществить эту идею организаціи благотворительности, общество старается возможно тѣснѣе связать свою дѣятельность съ органами государственнаго призрѣнія. Благодаря присутствію попечителей въ составѣ окружныхъ комитетовъ, это въ значительной степени достигается, такъ какъ при ихъ посредствѣ оказывается возможнымъ своевременно узнавать

о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, по ихъ свойствамъ, особенно желательно участіе частной благотворительности; благодаря этому общенію съ органами призрѣнія, возможно и предупрежденіе случаевъ обмана со стороны лицъ, которыя уже получаютъ вспомоществованіе.

Таковы важнѣйшія черты устройства и дѣятельности лондонскаго общества организаціи благотворительности. Оно успѣло уже оказать значительное вліяніе, какъ непосредственно своею дѣятельностью, такъ и тѣмъ оживленіемъ вопроса о лучшихъ способахъ оказанія помощи бѣднымъ, которое возникло со времени созданія этого общества.

Интересное учрежденіе въ томъ же родѣ, но съ значительно болѣе широкими задачами, возникло въ Парижѣ въ концѣ 1890 года—Office central des oeuvres charitables. По опредѣленію Лефебюра, организатора и руководителя этого учрежденія, оно имѣетъ слѣдующія задачи [1]. Центральное бюро должно являться связующимъ звеномъ между благотворительными обществами, должно объединять ихъ, не нарушая при этомъ ихъ самостоятельности. Оно должно вносить извѣстный порядокъ въ дѣятельность отдѣльныхъ благотворителей и знакомить съ нею нуждающихся; давать свѣдѣнія и справки благотворителямъ и бѣднякамъ,—первымъ о бѣднякахъ, которые просятъ помощи, вторымъ о тѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, въ которыя имъ нужно получить доступъ, при чемъ оно должно само содѣйствовать тѣмъ, которые по той или другой причинѣ не могутъ получить доступъ въ эти учрежденія. Оно должно собирать и группировать статистическія данныя какъ относительно благотворительныхъ обществъ и учрежденій, такъ и относительно бѣдныхъ; оно должно заставлять дѣйствовать, смотря по особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая, благотворительное общество, созданное для удовлетворенія нужды того или другого рода. Оно должно облегчать бѣднымъ какъ пользованіе благотворительными средствами, находящимися въ различныхъ мѣстностяхъ страны, такъ и доступъ къ учрежденіямъ, находящимся въ распоряженіи

[1] Léon Lefébure. L'organisation de la charité privée en France. Histoire d'une oeuvre. Paris 1900.

органовъ общественнаго призрѣнія. Оно должно стараться вывести нуждающагося изъ состоянія бѣдности вмѣсто того, чтобы держать его въ этомъ состояніи, оказывая недостаточную помощь: направлять трудоспособнаго рабочаго, оставшагося безъ работы, туда, гдѣ есть работа; отсылать на родину тѣхъ бѣдняковъ, которые легкомысленно покинули ее, тогда какъ они могли бы жить тамъ не бѣдствуя.

За первые десять лѣтъ Центральному бюро удалось проявить разнообразную и полезную дѣятельность. Благодаря ему изданы были два прекрасныхъ справочныхъ изданія по благотворительности: одно — La France charitable et prévoyante—даетъ полную картину положенія благотворительности во Франціи, другое — Paris charitable et prévoyant—заключаетъ въ себѣ описаніе всѣхъ благотворительныхъ учрежденій Парижа. За десятилѣтній періодъ въ распоряженіе Office central поступило на цѣли благотворенія около 2,350,000 франк.; израсходовано было на эти цѣли болѣе 2,200,000 франковъ. Услугами бюро воспользовались болѣе 135.000 чел. Непосредственно отъ него получили помощь 43.148 чел., а 43.276 челов. получили ее благодаря посредничеству бюро. Болѣе 4.000 сиротъ были помѣщены въ пріюты, 2.535 стариковъ—въ богадѣльни, а 10.348 чел. были отправлены на родину.

Учрежденія, подобныя лондонскому и парижскому, возникаютъ и въ другихъ странахъ Западной Европы; широкое развитіе получили они и въ Америкѣ, гдѣ существуетъ болѣе 90 организаціонныхъ обществъ, подобныхъ лондонскому.

Съ точки зрѣнія развитія планомѣрности и системы въ благотворительной дѣятельности важное значеніе должно быть признано за ассоціаціями въ родѣ „Германскаго союза для призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности“ (Der deutscher Verein für Armenpflege und Wohlthätigkeit). Союзъ этотъ основанъ въ 1880 г., при чемъ задачи его были выражены слѣдующимъ образомъ: объединеніе разрозненныхъ стремленій къ реформамъ въ области призрѣнія и благотворительности и установленіе постояннаго обмѣна мнѣній между лицами, работающими на этомъ поприщѣ. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли служатъ ежегодныя

публичныя собранія Союза, для обсужденія болѣе важныхъ и очередныхъ вопросовъ благотворительности. Богатымъ матеріаломъ для выясненія ихъ являются многочисленные выпуски изданія этого Союза (Schriften des deut. Ver. für Armenpfl. und Wohlthät.).

Заслуживаетъ вниманія также образовавшееся въ 1898 г. въ Берлинѣ при „Центральномъ бюро учрежденій съ цѣлью улучшить положеніе трудящихся“ (Centralstelle für Arbeiter—Wohlfahrtseinrichtungen) — особое отдѣленіе для общественнаго призрѣнія и благотворительности. Это отдѣленіе имѣетъ своею задачею давать справки различнымъ частнымъ благотворительнымъ обществамъ и учрежденіямъ, и въ связи съ этимъ—сосредоточить въ одномъ мѣстѣ свѣдѣнія и данныя, касающіяся различныхъ вопросовъ благотворительности и заключающіяся въ печатныхъ отчетахъ, докладахъ, уставахъ и т. д. Весь огромный матеріалъ по этимъ вопросамъ отдѣленіе подвергаетъ систематизаціи по извѣстному плану, обнимающему слѣдующія рубрики: Общая часть—I. А. Призрѣніе бѣдныхъ вообще; Б. Призрѣніе бѣдныхъ въ отдѣльныхъ станахъ. II. А. Общественное призрѣніе бѣдныхъ; Б. Частная благотворительность.—Особенная часть: III. Призрѣніе взрослыхъ бѣдныхъ (оказаніе помощи на дому, оказаніе помощи въ закрытыхъ заведеніяхъ, нищенство и бродяжество, попеченіе объ отдѣльныхъ классахъ населенія). IV. Попеченіе о больныхъ. V. Попеченіе объ увѣчныхъ. VI. Попеченіе о дѣтяхъ. VII. Попеченіе о подросткахъ. VIII. Мѣры предупредительнаго характера.

Историческій очеркъ призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи.

Исторія призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи показываетъ, что, несмотря на свои племенныя, религіозныя и политическія особенности, русскій народъ пережилъ въ этомъ отношеніи много общаго съ западно-европейскими народами. Наибольшее сходство выступаетъ на болѣе раннихъ стадіяхъ нашей государственной и общественной жизни.

Въ древней Руси, какъ и повсемѣстно, призрѣніе бѣдныхъ всецѣло покоилось на началахъ нравственно-религіоз-

ныхъ, которыя и опредѣляли отношеніе общества къ бѣднымъ и нищимъ, порождая въ немъ взгляды на нищихъ, вполнѣ аналогичные господствовавшимъ въ западной Европѣ. Существо ихъ весьма удачно отмѣчено въ статьѣ проф. В. О. Ключевскаго: „Добрые люди древней Руси“. „Древнерусское общество—говоритъ онъ—подъ руководствомъ церкви въ продолженіе вѣковъ прилежно училось понимать и исполнять заповѣдь о любви къ ближнему. При общественной безурядицѣ, при недостаткѣ безопасности для слабаго и защиты для обижаемаго, практика этой заповѣди направлялась, преимущественно, въ одну сторону: любовь къ ближнему полагали, прежде всего, въ подвигѣ состраданія къ страждущему, ея первымъ требованіемъ признавали личную милостыню. Идея этой милостыни полагалась въ основаніе практическаго нравоученія, потребность въ этомъ подвигѣ воспитывалась всѣми тогдашними средствами духовно-нравственной педагогики. Любить ближняго—это, прежде всего, накормить голоднаго, напоить жаждущаго, посѣтить заключеннаго въ темницѣ. Человѣколюбіе на дѣлѣ значило—*нищелюбіе*. Благотворительность была не столько вспомогательнымъ средствомъ общественнаго благоустройства, сколько необходимымъ условіемъ личнаго нравственнаго здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чѣмъ нищему... Древне-русскій благотворитель, „христолюбецъ“, менѣе помышлялъ о томъ, чтобы добрымъ дѣломъ поднять уровень общественнаго благосостоянія, чѣмъ о томъ, чтобы возвысить уровень собственнаго духовнаго совершенствованія... Нищій былъ для благотворителя лучшій богомолецъ, молитвенный ходатай, душевный благодѣтель. „Въ рай входятъ святой милостыней,—говорили въ старину—нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвою спасается“... Въ силу того же взгляда на значеніе благотворительнаго дѣла, нищенство считалось въ древней Руси не экономическимъ бременемъ для народа, не язвой общественнаго порядка, а однимъ изъ главныхъ средствъ нравственнаго воспитанія народа, состоящимъ при церкви практическимъ институтомъ общественнаго благонравія“...

„Трудно сказать,—прибавляетъ послѣ этихъ замѣчаній г. Ключевскій,—въ какой степени такой взглядъ на благотворительность содѣйствовалъ улучшенію древне-русскаго общежитія“. Въ нравственно-воспитательномъ отношеніи онъ, можетъ быть, и имѣлъ нѣкоторое благотворное вліяніе на тогдашнее общество, но съ точки зрѣнія интересовъ государственнаго порядка онъ, какъ и въ другихъ странахъ, оказался, въ связи съ другими причинами [1], факторомъ развитія печальнаго явленія—профессіональнаго нищенства. Съ теченіемъ времени оно приняло размѣры настоящаго бѣдствія, съ которымъ находила нужнымъ бороться все болѣе усиливавшаяся правительственная власть. Англичанинъ Флетчеръ, посѣтившій Москву въ концѣ XVI в., заноситъ въ свои записки, что нищихъ въ это время было „несчетное множество“, что „отъ этого множества бродягъ и нищихъ, неотступно просившихъ милостыни, говоря: *дай мнѣ или убей меня*, по ночамъ происходили воровства и грабежи, и осторожные не выходили по вечерамъ изъ домовъ своихъ“. О широкомъ развитіи нищенства въ XVI в. говорится и въ актахъ Стоглаваго Собора (1551 г.), при чемъ указывается на отсутствіе надлежащихъ мѣръ призрѣнія; „а нищіе и клосные, и гнилые, и престарѣвшіеся въ убожествѣ гладъ, и мразъ, и зной, и наготу, и всякую скорбь терпятъ, и не имѣютъ, гдѣ главы подклонити; по міру скитаются, вездѣ ихъ гнушаются, отъ глада и отъ мраза въ недозорѣ умираютъ и безъ покаянія, и безъ причастія, никимъ не брегомы“. По этому поводу Соборъ рекомендуетъ принять слѣдующія мѣры: „да повелитъ благочестивый царь всѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихся описати по всѣмъ градомъ опрочѣ здравыхъ строевъ, да въ коемждо градѣ устроити богадѣльни мужскія и женскія, и тѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихся, не могущихъ нигдѣ же главы подклонити,

[1] Ихъ намѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, говоря объ эпохѣ XVII в. въ слѣдующихъ словахъ: «Всѣ обстоятельства тогдашней жизни такъ слагались, чтобы плодить нищую братію: ихъ плодили и воеводы, и дьяки, и приказчики, и помѣщики, и ратные люди, и татары. Какъ набѣжитъ ногайская орда изъ степей, да пожгетъ хлѣбъ на поляхъ, а въ селеніяхъ избы, жители, успѣвъ спастись отъ татарскаго аркана въ болотахъ и лѣсахъ и очутившись безъ крова и хлѣба, расходились по Руси просить милостыню. Христовы слова «нищіе всегда имате» запечатлѣлись надъ всею исторіею Россіи».

устроити въ богадѣльняхъ пищею и одеждою“; это — для больныхъ и дряхлыхъ, а что касается „здравыхъ“, то они „питалися бы по дворомъ ходячи отъ боголюбцовъ, якоже и доднесь, а которые возмогутъ работати, и они бы страды подлежали“.

Въ какой мѣрѣ эти совѣты были примѣнены на практикѣ, судить трудно за неимѣніемъ достаточныхъ для этого данныхъ. Важно отмѣтить хотя бы тотъ фактъ, что уже въ половинѣ XVI вѣка высказывалось сознаніе необходимости государственныхъ мѣръ по отношенію къ призрѣнію.

Въ теченіе слѣдующаго столѣтія мы не встрѣчаемъ ничего существеннаго въ области мѣръ противъ нищенства и съ цѣлью призрѣнія бѣдныхъ; даже Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, коснувшееся многихъ сторонъ нашей жизни, не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій относительно нищихъ и бѣдныхъ. Но въ концѣ XVII в. появляется очень интересный законодательный актъ—указъ царя Ѳеодора Алексѣевича 1682 г., изданный, какъ думаютъ, подъ вліяніемъ занятій Земскаго Собора 1681 г., на которомъ между прочимъ разсуждали о нищенствѣ. Въ этомъ указѣ предписывается произвести разборку московскихъ нищихъ: дѣйствительно безпомощныхъ помѣстить въ „двухъ шпитальняхъ или богадѣльняхъ“, которыя велѣно построить въ Москвѣ, а здоровымъ лѣнтяямъ—дать работу, „чтобы впредь по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ (межъ которыми многіе притворные воры и всѣмъ здоровы и работать могутъ) не было“. Любопытно, что на этомъ указѣ весьма сильно отражается вліяніе западно-европейскаго законодательства. Въ немъ неоднократно упоминается объ „Европскихъ странахъ“ и указывается, что „въ государствахъ и во градѣхъ, гдѣ такіе домы нищимъ построены, великая отъ того польза“.

Въ виду большого интереса этого указа, приводимъ ту часть его, въ которой говорится о мотивахъ предписаній и предполагаемыхъ результатахъ ихъ: „А когда такіе увѣчные люди будутъ отъ бродящихъ притворныхъ нищихъ разобраны и ходить имъ по улицамъ возбранится, тогда тѣ здоровые нищіе, также и дѣти ихъ, которыхъ множество великое по улицамъ бродятъ, и ничему ихъ не учатъ, а

возрастя, кромѣ воровства отъ такихъ бродящихъ людей невозможно быти, принуждены будутъ хлѣбъ свой зарабатывать работою или какимъ ремесломъ къ общенародной пользѣ. Потому что всякая праздность не приводитъ человѣка ко иному, точію къ злымъ дѣламъ и воровству. Когда такимъ людямъ по улицамъ возбранено будетъ ходити и подъ окнами милостыни просить, тогда и воровства такова не будетъ. Для того, что такіе воры, по дворамъ ходя, только примѣчаютъ, кто какъ живетъ, и какъ его домъ, какъ бы исплоша, гдѣ малолюдство, ково днемъ, или ночью покрасть. А иные такіе же воры, какъ о томъ повѣтствуется, малыхъ робятъ съ улицъ крадутъ; и руки и ноги имъ ломаютъ и на улицы ихъ кладутъ, чтобы на нихъ люди смотря умилились и больше имъ милостыни давали. Еще же многіе отъ такихъ нищихъ, которые странными болѣзнями и прилипчивыми одержимы, какъ-то: франками, ракомъ, волкомъ на лицѣ и по рукамъ, и тѣ садятся просить во многонародныхъ мѣстѣхъ. И такова нищего, когда-бъ жена чревата усмотря, испужалась, могла бы такова-жъ поврежденнаго младенца родити. И для такой причины во всѣхъ странахъ Еуропскихъ такимъ людемъ отнюдь не позволяютъ по улицамъ ходити, не токмо что во многонародныхъ мѣстѣхъ сидѣть; а взявъ ихъ лѣчатъ, буде исцѣльны; а буде не исцѣльны и конечно скудны, поятъ и кормятъ по смерть въ особыхъ отдѣленныхъ мѣстѣхъ“.

Составители указа 1682 г. посмотрѣли на свою задачу довольно широко и нашли нужнымъ упомянуть въ немъ и о мѣрахъ предупредительныхъ. По примѣру того, что дѣлается „въ иныхъ государствахъ“, указъ говоритъ о необходимости созданія такихъ школъ и заведеній, гдѣ бы подростки („нищенскія дѣти, робята и дѣвки“) могли обучаться разнымъ наукамъ и ремесламъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, разсчитываетъ указъ, „многія тысячи людей могли бъ хлѣбъ свой тѣмъ заживать, которые нынѣ по улицамъ бродятъ, ничего не вымышляютъ, какъ бы и что своровать? И тѣ бы статьи, которыя нынѣ привозятъ изъ иныхъ государствъ, учали бъ дѣлать въ Московскомъ государствѣ. И отъ того бъ родилось, что за московскіе товары учали бъ платить вмѣсто товаровъ иноземныхъ золотомъ и серебромъ.

И такъ бы богатство множилось". Вообще указъ этотъ проникнутъ большимъ оптимизмомъ: составители его твердо вѣрятъ, что, благодаря его мѣрамъ — „такимъ поведеніемъ учинится, что не токмо на Москвѣ, но и въ городѣхъ всего Московскаго государства никакого нищаго, по улицамъ бродящаго, не будетъ".

Ѳеодоръ Алексѣевичъ умеръ въ годъ изданія этого указа, и едва ли онъ былъ приведенъ въ исполненіе, хотя есть основаніе утверждать, что „шпитальня" дѣйствительно была учреждена въ Москвѣ на средства аптекарскаго приказа. Что же касается до общихъ идей, выраженныхъ въ указѣ 1682 г., то онѣ получили дальнѣйшее свое развитіе и практическое приложеніе въ царствованіе Петра Великаго.

Въ петровскомъ законодательствѣ вопросъ о нищенствѣ и мѣрахъ призрѣнія занимаетъ очень видное мѣсто. Съ нимъ исторія этого дѣла вступаетъ въ новый періодъ, отличающійся большею энергіей, разносторонностью и послѣдовательностью мѣропріятій. По отношенію къ нищимъ они, правда, характеризуются чрезвычайною суровостью, чѣмъ близко напоминаютъ политику репрессіи нищенства въ Англіи и Франціи XIV и XV вѣковъ. Но рядомъ съ ними видны заботы о созданіи положительныхъ мѣръ призрѣнія. Наиболѣе существенныя законодательныя предписанія въ этой области относятся ко второй половинѣ царствованія Петра; но уже и въ то время, когда онъ еще раздѣлялъ царскую власть съ братомъ своимъ Іоанномъ, мы видимъ рѣшительныя мѣры по отношенію къ нищимъ. Таковъ указъ 30-го ноября 1691 г. „Извѣстно имъ Великимъ Государямъ,—читаемъ въ этомъ указѣ,—что на Москвѣ гуляющіе люди, подвязавъ руки, такъ же и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣ здоровы". Въ виду этого, указъ предписываетъ— „тѣхъ людей имать и распрашивать... и по распроснымъ рѣчамъ ссылать посадскихъ людей въ тѣ жь посады, изъ коихъ они пришли, а дворцовыхъ крестьянъ въ дворцовыя волости, а помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ, а буде тѣ люди съ сего Великихъ Государей указу впредь объявятся на Москвѣ, въ томъ же нищенскомъ образѣ и въ притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ за то притворное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ дальніе сибирскіе города". Мѣры эти оказались однако недѣйствительными, и менѣе чѣмъ черезъ три года (указомъ 14-го марта 1694 г.) нашли нужнымъ снова подтвердить ихъ, при чемъ онѣ были распространены и на лицъ духовныхъ: „безмѣстныхъ черноцовъ и черницъ, поповъ и дьяконовъ", бродившихъ по Москвѣ, также велѣно „имать и приводить ихъ въ Стрѣлецкій приказъ, а изъ Стрѣлецкаго приказа отсылать въ Патріаршъ приказъ, чтобъ отнюдь черницы и черницы и безмѣстные попы и дьяконы по улицамъ нигдѣ не бродили и по кабакамъ не водились"...

За этими мѣрами, существо которыхъ сводится къ репрессіи, слѣдуетъ (уже черезъ значительный промежутокъ времени) рядъ любопытныхъ распоряженій, проникнутыхъ стремленіемъ отчасти—дать дѣйствительное призрѣніе нуждающимся, отчасти—предупредить и устранить самую возможность нищенства. Нищихъ, способныхъ къ труду, стремятся привлечь къ работѣ; больнымъ и увѣчнымъ предписывается давать пріютъ въ богадѣльняхъ. Вотъ наприм., что гласитъ указъ 20-го іюня 1718 г.: „Нынѣ Его Величеству учинилось извѣстно, что нищихъ паки умножилось: и для того симъ Его Царскаго Величества указомъ паки подтверждается, дабы такихъ нищихъ, которые въ богадѣльни не записаны, а паче которые неувѣчные и не старые, имать за караулъ—и допрося, чьи они и откуда и какой ради причины помимо указа по міру бродятъ? и ежели который впервые будетъ пойманъ, такихъ бить нещадно батожьемъ и отдавать или отсылать по прежнему указу въ прежнія ихъ мѣста, гдѣ они жили.... А буде такіе въ другой разъ или въ третій пойманы будутъ, и такихъ, бивъ на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаусъ, а ребятъ бивъ батоги посылать на суконный дворъ и къ прочимъ мануфактурамъ; а на помѣщикахъ и на хозяевахъ и властяхъ, также на старостахъ и прикащикахъ брать штрафу за каждаго человѣка за неусмотрѣніе по пяти рублей".

Къ тому же году относится и совершенно новая у насъ

мѣра о запрещеніи по улицамъ и въ церквахъ подавать милостыню. Въ Англіи къ этой мѣрѣ пробовали прибѣгать уже въ XIV ст., во Франціи она была установлена при Людовикѣ XIV, и весьма вѣроятно, что именно французское законодательство по этому предмету навѣяло на Петра мысль о запрещеніи подавать милостыню. Мотивомъ этого было убѣжденіе, что безразборчивая подача милостыни способна только развивать нищество, обращая его въ легкій и подчасъ доходный промыселъ. Указъ 25-го февраля 1718 г. велитъ монаховъ и нищихъ, которые являются въ Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ на перекресткахъ, забирать и приводить въ Монастырскій приказъ, а „милостыни отнюдь имъ не давать“, подъ страхомъ штрафа въ первый разъ въ 5, а во второй въ 10 рублей, при чемъ для присмотра за этимъ приказывается опредѣлить „нарочныхъ поимщиковъ“. Лицамъ, желающимъ подать милостыню, рекомендуется отсылать ее въ богадѣльню. Впослѣдствіи это запрещеніе милостыни было снова подтверждено [1].

До сихъ поръ это были все болѣе или менѣе частичныя мѣры, отдѣльныя распоряженія, не обнимавшія вопроса о

[1] Указы Петра Великаго о воспрещеніи подавать милостыню вызвали рѣзкое осужденіе со стороны Ивана Посошкова, автора книги «О скудости и богатствѣ»: «А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кои милостыню подаютъ. И тѣмъ никогда не унять, да не возможно унять, и то положеніе и Богу не безъ противности: Богъ положилъ предѣлъ, что давать милостыни, а судьи наши за то штрафуютъ; а имъ штрафовать давальцовъ не надлежитъ». Съ своей стороны Посошковъ рекомендуетъ слѣдующія мѣры. «И сію статью правильнѣе-бы такъ учинить: кои хворы и увѣчны и престарѣлые, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходятъ здоровые крестьяне и крестьянки и дѣти ихъ и тѣхъ, если повелѣно будетъ, всякого чина людямъ хватать хотя въ городахъ, хотя въ деревнѣ; какой человѣкъ ни увидитъ нищаго здороваго, то хватя бы его, привелъ въ приказную палату, и записалъ, гдѣ его взялъ, и записавъ, отдалъ бы ихъ изъ приказу тому, кто его привелъ. А буде онъ не возьметъ, то кто его востребуетъ, отдавалъ бы вовсе, чей бы онъ ни былъ. А буде никто не возьметъ, то отсылалъ бы ихъ къ каковымъ дѣламъ Государевымъ. То дворяне лише заслышутъ, часу не будутъ мѣшкать—заберутъ къ себѣ, и по міру ходить уже не будутъ пускать. И такимъ способомъ однимъ годомъ или меньше нищіе бродить не будутъ, и по улицамъ ходить не станутъ».—Сочиненія Ивана Посошкова, изд. М. Погодинымъ, М. 1842 г. Стр. 103—104.

нищенствѣ и призрѣніи въ его цѣломъ. Онѣ однако подготовили почву для болѣе общихъ мѣропріятій, въ которыхъ выступаетъ уже извѣстная система, цѣльная организація призрѣнія. Систему эту стремились создать два важные акта петровскаго царствованія, изданные одинъ вслѣдъ за другимъ на разстояніи нѣсколькихъ дней: регламентъ Главному Магистрату (16-го января 1721 г.) и регламентъ Духовной Коллегіи (25-го янв. 1721 г.). Въ первомъ имѣются въ виду мѣры призрѣнія со стороны органовъ свѣтской власти, во второмъ—духовной власти.

Въ качествѣ общаго положенія, призрѣніе бѣдныхъ было поставлено въ числѣ главныхъ задачъ полиціи: въ перечнѣ функцій полиціи въ регламентѣ Главному Магистрату между прочимъ сказано, что она „призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ, защищаетъ вдовицъ, сирыхъ“. Въ томъ же регламентѣ изложены и подробности мѣръ, предписываемыхъ въ области призрѣнія. Должны быть созданы троякаго рода заведенія, предназначаемыя для призрѣнія различныхъ категорій нуждающихся. Во 1-хъ, *Смирительные домы*—для „здоровыхъ нищихъ и гулякъ“; въ перечнѣ лицъ, для которыхъ создаются такіе дома, упомянуты „еще же лѣнивые здоровые нищіе и гуляки, которые, нехотя трудитися о своемъ пропитаніи, ѣдятъ хлѣбъ вотще, и прочіе симъ подобные; таковыхъ всѣхъ надлежитъ сажать въ смирительные домы... и посылать ихъ на работу, чѣмъ бы они могли пропитаніе свое заработать, чтобъ никогда праздны не были“. Во 2-хъ, *Предильные домы*—для женщинъ: „для непотребнаго-жъ и непстоваго женскаго пола, которыхъ должно наказывать такимъ же образомъ“ (т. е. забирать и, сажая въ эти дома, принуждать въ работѣ). Наконецъ въ 3-хъ, *Госпитали*: имъ „быть ради призрѣнія сирыхъ, убогихъ, больныхъ и увѣчныхъ и для самыхъ престарѣлыхъ людей обоего пола“.

Такія заведенія регламентъ предписываетъ „построить магистратамъ земскимъ иждивеніемъ, впредь со временемъ сыскавъ къ тому такожъ и на пропитаніе оныхъ людей средство и по состоянію мѣста, чтобы гражданамъ было безобидно“ (т. е. не обременительно). Желательность этихъ мѣръ регламентъ подкрѣпляетъ ссылкою на примѣръ за-

падно-европейскихъ странъ: „понеже въ другихъ государствахъ такіе дома не токмо въ большихъ, но и въ малыхъ городахъ обрѣтаются и имѣютъ первое свое начало отъ фундаціи земскаго начальства, такожде и отъ подаянія такихъ людей, которые во имѣніи суть свободны"; „еще-жъ и кромѣ гошпиталей есть въ тамошнихъ большихъ и знатныхъ городахъ особливо сиротскіе домы, въ которыхъ опредѣленное число убогихъ и послѣ родителей оставшія дѣти содержатся и воспитаны бываютъ, такожде и другіе есть домы, въ которыхъ болѣзней бѣдныхъ людей лечатъ и въ призрѣніи имѣютъ, и всѣ такіе домы градскимъ тщаніемъ съ потребными покоями каменные строятся, и для того Главному Магистрату имѣть въ томъ стараніе, чтобъ оное исправить со временемъ безъ отягченія народнаго".

Эти задачи въ области призрѣнія, возложенныя на свѣтскую власть, черезъ три года были снова подтверждены въ инструкціи Городовымъ Магистратамъ (1724 г.). Одинъ изъ пунктовъ ея говоритъ: „весьма потребно есть призрѣніе бѣдныхъ: того ради стараться, чтобъ обѣднѣлые, а наипаче престарѣлые и дряхлые граждане какъ мужеска, такъ и женска полу, которые пропитанія себѣ не имѣютъ и работать не могутъ, въ богадѣльни были пристроены и пропитаніемъ отъ гражданъ съ прилежнымъ присмотромъ оставлены не были". Другой пунктъ той же инструкціи подтверждаетъ необходимость преслѣдовать профессіональное нищенство понужденіемъ къ труду: „понеже извѣстно, что многіе люди, не имѣя и не желая никакихъ промысловъ, отчего пропитаніе себѣ могли имѣть, подати платить, и того ради нѣкоторые въ самой бѣдности пребываютъ, нѣкоторые же или наибольшее число въ гулякахъ обрѣтаются, отчего не другое, что лучше отъ нихъ быть можетъ, токмо пьянство и всякія непотребности, а потомъ воровство и разбои: того ради этакихъ весьма усматривать и какимъ возможно художествамъ и ремесламъ или работамъ понуждать, а ремесла или художества умножить, и чтобы такіе гуляки подъ подъ именемъ нищихъ весьма не шатались и праздны не были".

Считая призрѣніе бѣдныхъ и мѣры противъ нищенства задачами свѣтскаго управленія, Петръ признавалъ

вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ осуществленіи ихъ съ нимъ должна гармонировать и дѣятельность духовнаго управленія, поскольку оно касается этихъ вопросовъ. Создавая регламентъ, долженствующій раководить дѣятельностью Духовной Коллегіи, законодатель и въ немъ трактуетъ о вопросахъ призрѣнія, удѣляя особый пунктъ пространнымъ замѣчаніямъ „о подаяніи милостыни". „О подаяніи милостыни,—говоритъ регламентъ,—должно коллегіумъ духовное сочинить наставленіе, ибо въ семъ не мало погрѣшаемъ". Какъ на главное погрѣшеніе, опять-таки указывается на сильное развитіе профессіональнаго нищенства, „что есть Богопротивное и всему отечеству вредное". Приведя тексты Священнаго Писанія о томъ, что „повелѣваетъ намъ Богъ отъ пота лица нашего, сіе есть отъ промысловъ праведныхъ и разумныхъ трудовъ, ясти хлѣбъ", регламентъ заключаетъ: „и потому здравіи, а лѣнивіи прошаки Богу противны суть". Богопротивное дѣло совершаютъ не только просящіе милостыню лѣнтяи, но и дающіе ее такимъ людямъ: „и аще кто снабдѣваетъ оныхъ, и той есть яко помощникъ, тако и участникъ оныхъ же грѣха, и что-либо на таковую суетную милостыню издерживаетъ, все то вотще ему, а не въ пользу духовную". Далѣе подробно исчисляется тотъ „великій вредъ", который „изъ таковой дурной милостыни отчеству дѣется". „Отъ сего бо въ первыхъ скудость и дорогъ бываетъ хлѣбъ. Разсуди всякъ благоразумный,—восклицаетъ регламентъ,—сколько тысящъ въ Россіи обрѣтаются лѣнивыхъ таковыхъ прошаковъ, толикожъ тысящъ не дѣлаютъ хлѣба, и потому нѣтъ отъ нихъ приходу хлѣбнаго, а обаче нахальствомъ и лукавымъ смиреніемъ чуждые труды поядаютъ, и потому великій хлѣба расходъ вотще. Хватать бы таковыхъ всюду и къ дѣламъ общимъ приставлять". Указавъ далѣе на то, что эти „прошаки" отнимаютъ хлѣбъ отъ дѣйствительно нуждающихся „убогихъ истинныхъ", тѣмъ болѣе, что „бездѣльники оные, понеже здравы суть, скоро до милостыни прибѣгаютъ, когда немощные нищіе остаются, иные же полумертвы почитай на улицахъ лежатъ и при своей болѣзни и гладомъ истаеваютъ", регламентъ спрашиваетъ: „и кто вкратцѣ исчислитъ вреды, отъ таковыхъ бездѣльниковъ дѣемыя? По дорогамъ, гдѣ угодно водятъ, разбиваютъ; за-

жигатели суть; на шпіонство отъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ подряжаются; клевещутъ на властей высокихъ, и самую власть верховную злѣ обносятъ, и простой народъ къ презорству властей преклоняютъ. Сами никіихъ же христіанскихъ должностей касаются; въ церковь входить не свое дѣло быти помышляютъ, только бъ имъ предъ церковью непрестанно вопить. И что еще вѣру превосходитъ безсовѣствіе и безчеловѣчіе оныхъ: младенцамъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ и иные члены развращаютъ, чтобъ были прямые нищіе и милосердія достойные. Во-истину нѣтъ беззаконнѣйшаго чина людей!“ — Такъ заключаетъ регламентъ мрачную картину нищенства, питаемаго неразборчивымъ поданіемъ милостыни. Въ виду этого Духовной Коллегіи рекомендуется обратить на это серьезное вниманіе и придумать мѣры къ искорененію зла. „Надлежитъ убо великая должность духовному коллегіумъ прилежно о семъ думать и совѣтовать, каковымъ бы лучшимъ способомъ зло сіе искоренить и добрый чинъ милостыни опредѣлить. А опредѣливъ просить Царскаго Величества, дабы изволилъ указомъ своимъ Монаршимъ утвердить“.

Къ 1724 г. относится новая интересная мѣра—изданъ указъ о производствѣ единовременно повсемѣстной переписи нищихъ въ тѣхъ видахъ, чтобы затѣмъ росписать ихъ по монастырямъ. Вотъ что читаемъ мы въ сенатскомъ указѣ 3 іюня 1724 г.: „Всѣхъ губерній и провинцій, кромѣ Сибирской, въ городахъ, гдѣ есть старые, больные и увѣчные нищіе и сироты какъ мужска, такъ и женска полу, которые были въ богадѣльняхъ, гошпиталяхъ, и сверхъ тѣхъ, которые явятся такіе же больные и увѣчные, которые работами себя пропитать не могутъ, а ни къ кому не приписаны и въ подушный окладъ не положены, переписать губернаторамъ и воеводамъ, а гдѣ воеводы нѣтъ, въ тѣхъ мѣстахъ управителямъ, и для того написать указы во всѣ города разные, и запечатавъ послать ихъ къ нимъ губернаторамъ и воеводамъ и прочимъ управителямъ при особливыхъ указахъ, въ которыхъ указать, дабы они тѣ запечатанные указы разослали во всѣ города, и тѣ бъ управители оные указы распечатали во всѣхъ мѣстахъ въ одинъ день публично, а именно октября 1 числа 1724 года, а до того

числа отднюдь подъ жестокимъ штрафомъ тѣхъ указовъ не распечатывать, а при комъ тѣ указы распечатаны будутъ, о томъ, съ подписаніемъ, рапортовать; а переписывать бы начали всѣ вдругъ, а переписавъ прислать имъ тѣ вѣдомости въ Сенатъ конечно къ ноябрю мѣсяцу, дабы, зная число ихъ и число доходовъ, можно было росписать ихъ по монастырямъ“. Относительно результатовъ этого распоряженія свѣдѣній, къ сожалѣнію, не имѣется.

Таковы важнѣйшія изъ мѣръ, принимавшихся въ отношеніи къ призрѣнію петровскимъ законодательствомъ. Оно стало на вѣрный путь, обѣщавшій при неуклонномъ слѣдованіи ему сдѣлать многое для упорядоченія или, вѣрнѣе, созданія болѣе или менѣе цѣльной системы общественнаго призрѣнія. Къ сожалѣнію, однако, большинство изъ плановъ Петра въ этомъ дѣлѣ не получило осуществленія при его жизни; даже Духовная Коллегія такъ и не сочинила порученнаго ей наставленія. А послѣ смерти Петра наступилъ періодъ, мало благопріятствовавшій какимъ-либо творческимъ законодательнымъ актамъ. При его ближайшихъ преемникахъ дѣло ограничивалось повтореніемъ петровскихъ указовъ о преслѣдованіи нищенства, при чемъ нерѣдко прибавлялись слова: „паки нищихъ умножилось, а паче при церквахъ и въ рядахъ“.

Новый періодъ законодательныхъ мѣръ въ области призрѣнія открывается лишь съ царствованіемъ Екатерины II.

Царствованіе Екатерины II оставило замѣтный слѣдъ въ исторіи общественнаго призрѣнія въ Россіи. На первыхъ порахъ особенное вниманіе было обращено на мѣры призрѣнія младенцевъ, преимущественно незаконнорожденныхъ. Уже и прежде предпринимались нѣкоторыя мѣры въ этомъ отношеніи: такъ, первый въ Россіи пріютъ незаконнорожденныхъ (или, какъ ихъ называли тогда, „зазорныхъ“) младенцевъ основанъ былъ въ 1706 г. близъ Новгорода митрополитомъ Іовомъ, при чемъ на содержаніе его Петръ опредѣлилъ доходы съ нѣкоторыхъ монастырскихъ вотчинъ. Затѣмъ, въ 1715 г. Петръ приказалъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ устроить подлѣ церковныхъ оградъ госпитали (въ Москвѣ каменные, а въ другихъ городахъ деревянные) и „объявить указъ, чтобы зазорныхъ младенцевъ

въ непристойныя мѣста не отметывали, но приносили бы къ вышеозначеннымъ гошпиталямъ и клали тайно въ окно чрезъ какое закрытіе, дабы приносимыхъ лицъ не было видно". Но эти мѣры не дали ожидавшихся отъ нихъ результатовъ, и положеніе незаконнорожденныхъ дѣтей было предоставлено всецѣло на произволъ судьбы. Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II вопросъ объ этомъ былъ серьезно разработанъ, подъ руководствомъ извѣстнаго филантропа И. И. Бецкаго, и въ результатѣ основанъ былъ Воспитательный домъ въ Москвѣ въ 1763 г.; съ 1770 г. открыто было такое же учрежденіе и въ Петербургѣ, сначала въ качествѣ отдѣленія московскаго дома, а съ 1780 г.—въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія. Созданіе этихъ домовъ впервые поставило на прочную почву призрѣніе незаконнорожденныхъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, для обѣихъ столицъ и ближайшихъ губерній.

Въ области общихъ мѣръ призрѣнія эпоха Екатерины II ознаменовалась изданіемъ многихъ законодательныхъ актовъ и административныхъ распоряженій. Сначала это были все частныя мѣры—относительно устройства въ 26 епархіяхъ 26 богадѣленъ, о воспрещеніи уличнаго нищенства въ Москвѣ, объ устроеніи при монастыряхъ особенныхъ домовъ для безумныхъ и сумасшедшихъ и т. п. Новой характерной чертой этихъ мѣропріятій является болѣе гуманное отношеніе къ нищимъ, въ которыхъ перестаютъ видѣть одинъ преступный элементъ и въ которыхъ начинаютъ усматривать несчастныхъ жертвъ неблагопріятныхъ условій жизни.

За этими частными мѣрами послѣдовала мѣра болѣе общаго характера, любопытная въ этомъ отношеніи, что эта была первая у насъ серьезная попытка создать извѣстную систему, организацію общественнаго призрѣнія. Она выразилась въ устройствѣ цѣлой сѣти спеціальныхъ учрежденій, подъ названіемъ „Приказовъ общественнаго призрѣнія", созданныхъ „Учрежденіемъ о губерніяхъ" 1775 года. Эти приказы повелѣно учредить повсемѣстно, въ каждой губерніи по одному. На нихъ возложены были многочисленныя и довольно разнообразныя задачи. „Приказу общественнаго призрѣнія,—гласитъ ст. 380 Учрежденія о губерніяхъ,—поручается попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи: 1) *народныхъ школъ*, 2) установленіе и надзираніе *сиротскихъ домовъ* для призрѣнія и воспитанія сиротъ мужескаго и женскаго пола, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія, 3) установленіе и надзираніе *госпиталей*, или больницъ для излеченія больныхъ, 4) установленіе и надзираніе *богадѣленъ* для мужескаго и женскаго пола убогихъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, кои пропитанія не имѣютъ, 5) установленіе и надзираніе особаго *дома для неизлечимо больныхъ*, кои пропитанія не имѣютъ, 6) установленіе и надзираніе *работныхъ домовъ* для обоего пола, 8) установленіе и надзираніе *смирительныхъ домовъ* для обоего же пола людей". По отношенію къ „работнымъ домамъ" слѣдуетъ замѣтить, что цѣль ихъ устройства состояла въ слѣдующемъ (ст. 390): „дабы работою доставить прокормленіе неимущимъ; какою же работою, сіе отдается на усмотрѣніе приказа общественнаго призрѣнія (ибо не вездѣ одинакія удобности бываютъ, въ Москвѣ каменья пилить, въ другихъ мѣстахъ приготовлять ленъ, или прясть, и тому подобное) и понеже въ работныхъ домахъ всякій кормится своею работою, то и принимаютъ во оные совершенно убогихъ (т. е. бѣдныхъ) обоего пола людей, кои работать могутъ и сами добровольно туда приходятъ (и кои не привязаны къ иной работѣ). Во оныхъ домахъ даютъ имъ работу, а по мѣрѣ работы пищу, покровъ, одежду, или деньги, или же въ работные дома принимаютъ пристанища не имѣющихъ, кои присланы будутъ на время, или навсегда изъ какого нинаесть мѣста, на то власть имѣющаго въ той губерніи".

Въ составъ приказа входили, подъ предсѣдательствомъ губернатора, два засѣдателя верхняго земскаго суда, два засѣдателя губернскаго магистрата и два засѣдателя верхней расправы; при этомъ приказу предоставлялось приглашать въ свои засѣданія, „буде случится надобность для свѣдѣнія подробнаго или мѣстнаго", предводителя дворянства и городского голову.

Вопросъ о матеріальныхъ средствахъ для выполненія задачъ приказа былъ рѣшенъ слѣдующимъ образомъ. Каждому приказу предписано было (ст. 382) отпустить 15.000 р. изъ доходовъ данной губерніи. Эта сумма являлась какъ бы основнымъ капиталомъ новаго учрежденія, которому при

этомъ дозволено было деньги это отдавать за узаконенные проценты на вѣрные заклады съ тѣмъ условіемъ, чтобы заложенныя имѣнія находились дѣйствительно въ той губерніи.

Таковы, въ краткихъ чертахъ, устройство и функціи приказовъ общественнаго призрѣнія, созданныхъ въ 1775 г. Учрежденія эти надолго сдѣлались главнымъ органомъ общественнаго призрѣнія. До введенія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ они существовали во всѣхъ губерніяхъ, но съ введеніемъ его они были упразднены въ земскихъ губерніяхъ; въ губерніяхъ же не-земскихъ они продолжаютъ существовать и понынѣ. Правда, съ теченіемъ времени они подвергались болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ въ личномъ составѣ ихъ, но въ существенныхъ чертахъ они сохраняли свою физіономію.

Оцѣнивая дѣятельность приказовъ за большой періодъ времени, нельзя не прійти къ заключѣнію, что итоги ея оказались весьма незначительными. Такъ, по даннымъ 1816 г., слѣдовательно, уже по прошествіи 40-лѣтняго періода, общее число заведеній приказовъ (57) составляло только 331 съ 43,023 призрѣваемыхъ. Затѣмъ, черезъ 25 лѣтъ, а именно по даннымъ 1842 г. число заведеній составляло 793 съ 156,744 призрѣваемыхъ. Наконецъ, въ 1862 г. насчитывали заведеній еще меньше, всего 768, но съ нѣсколько большимъ числомъ призрѣваемыхъ—181,553 человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что это число обнимаетъ лишь весьма незначительную долю тѣхъ лицъ, которыя дѣйствительно нуждались въ призрѣніи. Изъ указаннаго числа заведеній наибольшая часть приходилась на долю больницъ: ихъ было всего 524 въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ; затѣмъ 111 богадѣленъ, въ томъ числѣ 7 инвалидныхъ домовъ, и 39 домовъ для умалишенныхъ. Что касается работныхъ домовъ, которые, казалось, должны были сосредоточить на себѣ большое вниманіе, какъ средство помощи людямъ неимущимъ и способнымъ къ труду, то они не получили надлежащаго развитія. Въ примѣчаніи къ ст. 690 Устава общественнаго призрѣнія (Свод. Зак. т. XIII, изд. 1857 г.) читаемъ: „въ настоящее время (въ 1857 г., существуетъ только одинъ работный домъ въ Москвѣ,

состоящій, впрочемъ, въ вѣдѣніи не московскаго приказа, а тамошняго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія. Прежде существовали подобныя заведенія еще въ Иркутскѣ и Красноярскѣ, но оба сіи заведенія закрыты въ 1853 году“.

Дѣятельность приказовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ опытъ устройства у насъ общественнаго призрѣнія оказался неудачнымъ. Причины этого чрезвычайно сложны. Ихъ слѣдуетъ искать и въ общихъ условіяхъ нашего административнаго быта въ ту эпоху, когда возникли и начали дѣйствовать приказы, и въ тѣхъ частныхъ условіяхъ, въ какія они были поставлены своею организаціею. Она, прежде всего, отличалась бюрократическимъ характеромъ, при которомъ не было мѣста проявленіямъ иниціативы и участію общества въ забогахъ объ общественномъ призрѣнія. Кромѣ того, личныя силы приказовъ были весьма недостаточны: они состояли изъ людей, занятыхъ совершенно другимъ дѣломъ и естественно смотрѣвшихъ на свою дѣятельность въ приказахъ, какъ на занятіе побочное, второстепенное. Этому не мало содѣйствовало и то, что по самому закону дѣятельность приказовъ не была постоянною: по ст. 393 Учр. о губ., приказъ общественнаго призрѣнія засѣдаетъ лишь отъ 8-го января до страстной недѣли, т. е. менѣе трехъ мѣсяцевъ въ году.

Дѣло общественнаго призрѣнія не могло не страдать и вслѣдствіе того, что на приказы возложены были слишкомъ широкія и къ этому дѣлу не совсѣмъ подходящія задачи. Такъ, въ числѣ ихъ находимъ попеченіе о народныхъ школахъ. Заботы объ устройствѣ ихъ, конечно, заслуживали въ то время большого сочувствія, но по существу онѣ едва ли должны были быть возложены на приказы. Опытъ, впрочемъ, и показалъ, что приказы не могли сдѣлать здѣсь что нибудь существенное; въ концѣ концовъ дѣло свелось къ содержанію приказами нѣсколькихъ училищъ дѣтей канцелярскихъ служителей (въ 1842 г. такихъ училищъ было 16 съ 640 воспитанниками). Столь же далеко отъ ближайшихъ задачъ общественнаго призрѣнія стоитъ порученное приказамъ устройство смирительныхъ домовъ, которые должны „ограждать общество отъ многихъ про-

дерзостей, добронравіе повреждающихъ“ и куда должны быть помѣщаемы люди „непотребнаго и невоздержнаго житія, какъ-то: 1) сыновья или дочери, кои родителямъ своимъ не послушны, или пребываютъ злаго житія, или ни къ чему доброму не склонны, 2) люди, которые впадутъ въ непотребное житіе, начнутъ расточать имѣніе, долги накоплять вдвое противъ имѣнія, домъ разорять, и чинить непотребности, противныя чести, 3) люди, которые начнутъ безъ стыда и зазора имѣть явное поведеніе добронравію и благочинію противное, 4) рабы непотребные, которыхъ никто въ службу не принимаетъ, 5) рабы лѣнивые и гуляки, кои все пропиваютъ или проматываютъ, 6) люди, которые, не хотя трудиться для своего пропитанія, ѣдятъ хлѣбъ воотще, и симъ подобные, 7) непотребнаго, неистоваго и соблазнительнаго житія женскаго пола“. Большая часть перечисленныхъ категорій ничего общаго съ областью собственно общественнаго призрѣнія не имѣютъ, такъ что заботы о нихъ неизбѣжно должны были отражаться невыгодно на выполненіи другихъ задачъ приказовъ.

Успѣшность дѣятельности приказовъ не могла также не пострадать отъ того оригинальнаго полномочія, какое они получили по отношенію къ своимъ капиталамъ. Разрѣшеніе пускать эти капиталы въ оборотъ имѣло благую цѣль — увеличить матеріальныя средства на дѣло общественнаго призрѣнія; но оно, въ значительной степени достигая этой цѣли, не могло не породить и другого послѣдствія, для дѣла неблагопріятнаго. Мало-по-малу, приказы сдѣлались гораздо болѣе кредитными установленіями, чѣмъ органами общественнаго призрѣнія. Право приказовъ производить кредитныя операціи уничтожено лишь въ 1860 г., и взамѣнъ доходовъ по этой статьѣ имъ стали отпускать изъ государственнаго казначейства 850.000 руб. въ годъ.

Таковы ближайшія причины, по которымъ устройство приказовъ общественнаго призрѣнія не привело къ желательному рѣшенію вопроса о цѣлесообразной организаціи этого дѣла. Вопросъ этотъ остается открытымъ и до сихъ поръ, несмотря на тѣ законодательныя мѣры въ отношеніи къ призрѣнію, которыя были предприняты въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій.

Въ ряду этихъ мѣръ важнѣйшія состоятъ въ предоставленіи обязанностей по общественному призрѣнію органамъ земскихъ учрежденій и городского управленія. Въ законодательствѣ находимъ, между прочимъ, такую формулировку этого положенія: „тамъ, гдѣ введены земскія учрежденія и городское общественное управленіе на основаніи Городового Положенія 1870 г., мѣры общественнаго призрѣнія и способы прекращенія нищенства подлежатъ вѣдѣнію сихъ общественныхъ учрежденій“ (прим. къ ст. 162 Уст. о предупр. и прес. преступ., изд. 1890 г.). Но на практикѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ сколько-нибудь полнаго осуществленія этого требованія закона. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ни Земское Положеніе, ни Городовое Положеніе не пошли дальше общей формулировки этого требованія и не указали даже на источники, изъ которыхъ эти учрежденія могли бы брать средства на дѣло общественнаго призрѣнія. Умолчаніе же объ этомъ въ перечнѣ обязательныхъ для города расходовъ дало поводъ Сенату истолковать, что устройство заведеній общественнаго призрѣнія составляетъ лишь право, но не обязанность городского общественнаго управленія. Такое толкованіе и послужило основаніемъ къ тому, что наши городскія управленія признаютъ для себя необязательнымъ принимать какія-либо мѣры общественнаго призрѣнія. Что касается до земствъ, то и по отношенію къ нимъ отсутствіе въ законѣ какихъ-либо точныхъ указаній объ обязанностяхъ по призрѣнію привело къ тому результату, что эти учрежденія не считали для себя обязательнымъ попеченіе о нуждахъ общественнаго призрѣнія. Рядомъ съ этимъ недостатокъ заботъ земства въ этомъ отношеніи слѣдуетъ объяснить обремененностью земскихъ бюджетовъ массою другихъ обязанностей.

Однако, несмотря на неблагопріятныя условія, нашими земствами сдѣлано очень многое въ области общественнаго призрѣнія.

По оффиціальнымъ даннымъ [1], земства 34-хъ губерній

[1] Они приведены и разработаны въ статьѣ г. Е. Максимова «Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія» (въ «Журналѣ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества» за 1895 годъ).

израсходовали въ 1890 году на общественное призрѣніе около 2.800,000 р.—сумму, составляющую свыше 9,78% всего необязательнаго бюджета. Этою цифрою не исчерпываются всѣ денежныя жертвы земства на нужды призрѣнія: къ ней слѣдовало бы прибавить расходы по нѣкоторымъ предметамъ, отнесеннымъ къ другимъ категоріямъ смѣтныхъ расходовъ, но по существу своему принадлежащимъ къ сферѣ общественнаго призрѣнія, какъ, напр., пособія пенсіоннымъ и эмеритальнымъ кассамъ, помощь переселенцамъ, выдачи стипендій, содержаніе пріютовъ и колоній для заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей, пособія пострадавшимъ отъ наводненія и т. под. Съ другой стороны, къ сферѣ общественнаго призрѣнія должна быть отнесена значительная часть расходовъ на медицинскую помощь населенію, постановка которой находится въ самой тѣсной связи съ заботами собственно о призрѣніи. Если же взять обѣ эти области вмѣстѣ и принять во вниманіе, что расходъ земствъ на народное здравіе составлялъ въ 1890 г. свыше 10 милліоновъ руб. (или 36,3% необязательныхъ расходовъ), то окажется, что по этимъ двумъ предметамъ земства 34-хъ губерній израсходовали свыше 13 мил. руб., что составляетъ около 46% всего необязательнаго бюджета.

Изъ данныхъ за двадцатилѣтній періодъ, съ 1871 по 1890 годъ, видно, что въ земскихъ учрежденіяхъ послѣдовательно крѣпло и росло сознаніе необходимости развитія дѣла общественнаго призрѣнія. Въ 1871 году земствами 31 губ. израсходовано было на общественное призрѣніе 484.995 руб., въ 1876 г. въ 33-хъ губ. — 1.215.565 руб., въ 1886 году въ 34-хъ губ. — 2.221.440 руб. и въ 1890 году — 2.786.982 руб.

Съ передачею въ руки земства завѣдыванія общественнымъ призрѣніемъ, принадлежавшаго прежде приказамъ общественнаго призрѣнія, къ земскимъ учрежденіямъ перешли и капиталы приказовъ. Въ распоряженіи этими капиталами земства проявили большую осмотрительность и заботливость и не только не уменьшили ихъ, но напротивъ — пріумножили ихъ. Въ 1869 г. земствамъ 28-ми губерній было выдано до 6.500.000 рублей, а въ 1890 году благотворительные капиталы въ этихъ губерніяхъ составляли болѣе 8.500.000 руб., при чемъ нигдѣ не замѣчалось уменьшенія ихъ. Въ нѣкоторыхъ же губерніяхъ капиталы эти значительно возросли за указанный періодъ времени: тверское земство довело свой капиталъ съ 210.000 руб. до 397.000 руб., тамбовское—съ 470.000 руб. до 607.000 руб., вологодское — съ 30.000 руб. до 134.000 руб. и т. п. Если же принять во вниманіе образованіе земствами важныхъ для интересовъ общественнаго призрѣнія капиталовъ пенсіоннаго и эмеритальнаго, то окажется, что земства увеличили постоянныя средства общественнаго призрѣнія почти на 4 милліона рублей.

Не менѣе рельефно выступаетъ благотворная роль земскихъ (и городскихъ) учрежденій въ сферѣ общественнаго призрѣнія, если принять во вниманіе число заведеній для призрѣнія различныхъ категорій нуждающихся и количество лицъ, въ нихъ призрѣваемыхъ. Со времени созданія земства число такихъ учрежденій значительно возросло: въ шестидесятыхъ годахъ ихъ было (вмѣстѣ съ больницами и другими медицинскими заведеніями, въ значительной степени служащими дѣлу призрѣнія) — 784 въ 55 губерніяхъ, а по даннымъ 1891 года число ихъ возросло до 4.500 и притомъ не во всѣхъ 55, а только въ 44 губерніяхъ. Очень наглядно выступаетъ роль земства при сравненіи числа заведеній и особенно числа призрѣваемыхъ въ губерніяхъ земскихъ и не-земскихъ, въ которыхъ дѣйствуютъ приказы общественнаго призрѣнія. Оказывается, что въ 28 земскихъ губерніяхъ въ 1891 году было 1090 установленій собственно для призрѣнія (безъ медицинскихъ заведеній), въ которыхъ получали призрѣніе 1.072.146 чел., а въ 16 не-земскихъ губерніяхъ было 817 заведеній, въ которыхъ призрѣвалось только 60.522 чел. Хотя, такимъ образомъ, по числу заведеній не-земскія губерніи даютъ лучшій результатъ (въ земскихъ губ. на 1 губернію приходится 39 заведеній, а въ не-земскихъ — 54,5), но по количеству призрѣваемыхъ земскія губерніи стоятъ много выше не-земскихъ (на 1 земскую губ. приходится 38.291 призрѣваемыхъ, а на 1 не-земскую—только 4.034). Численный перевѣсъ установленій въ не-земскихъ губерніяхъ даютъ приходскія попечительства, которыхъ насчитывалось въ нихъ до 536.

Въ виду такихъ результатовъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и дальнѣйшее развитіе этого дѣла должно быть ввѣрено органамъ самоуправленія, земству и городскимъ общественнымъ учрежденіямъ, которыя въ достаточной степени доказали свою способность къ созданію различныхъ условій благоустройства. И есть основаніе думать, что давно ожидаемая реформа нашего законодательства о призрѣніи бѣдныхъ будетъ построена именно на началѣ сосредоточенія общественнаго призрѣнія въ рукахъ органовъ самоуправленія — земскихъ учрежденій и городскихъ управленій.

Не входя въ подробности развитія вопроса о пересмотрѣ законовъ о призрѣніи, нельзя однако не упомянуть о послѣднихъ по времени проявленіяхъ въ разработкѣ этого вопроса. Въ концѣ 1892 г., по Высочайшему повелѣнію, была учреждена, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота, особая комиссія, на которую возложены были пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ законовъ о призрѣніи бѣдныхъ и „составленіе проекта законодательныхъ мѣръ, обнимающихъ дѣло призрѣнія во всѣхъ его частностяхъ“. Въ теченіе 4½ лѣтъ существованія этой комиссіи ею собраны были многочисленные и важные матеріалы о современномъ положеніи призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности въ Россіи, при чемъ особою подкомиссіею и затѣмъ нѣкоторыми членами комиссіи выработано было нѣсколько проектовъ положенія объ общественномъ призрѣніи. Проекты эти не могли быть, однако, подвергнуты окончательному обсужденію, такъ какъ, вслѣдствіе болѣзни предсѣдателя комиссіи, послѣдняя была закрыта въ мартѣ 1897 г. При этомъ всѣ матеріалы ея были переданы, для дальнѣйшаго производства и направленія, въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1898 г. этимъ учрежденіемъ былъ изготовленъ проектъ измѣненій и дополненій дѣйствующихъ законовъ объ общественномъ призрѣніи и благотворительности.

Сущность этого законопроекта заключается въ слѣдующемъ. Общее наблюденіе за общественнымъ призрѣніемъ во всемъ его объемѣ возлагается на губернскія земскія

собранія, завѣдываніе же мѣрами призрѣнія и принятіе ихъ по отношенію къ лицамъ, проживающимъ въ уѣздахъ, вмѣняется въ обязанность уѣздныхъ земскихъ собраній, а по отношенію къ лицамъ, проживающимъ въ предѣлахъ городскихъ поселеній, — городскихъ думъ. При этомъ исполнительная часть по принятію мѣръ призрѣнія возлагается на земскія и городскія управы. Ближайшимъ образомъ на обязанность земскихъ и городскихъ учрежденій возлагаются: а) оказаніе всякаго рода помощи всѣмъ дѣйствительно нуждающимся; б) учрежденіе, содержаніе и управленіе благотворительныхъ заведеній и завѣдываніе ими; в) сосредоточеніе всѣхъ свѣдѣній, относящихся къ населенію, нуждающемуся въ призрѣніи, къ мѣрамъ послѣдняго и къ дѣлопроизводству по нимъ, и г) управленіе имуществами и капиталами, предназначенными на призрѣніе.

Призрѣніе лицъ крестьянскаго сословія отнесено къ обязанностямъ сельскихъ и волостныхъ общественныхъ управленій, при чемъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, крестьянскія общества освобождаются отъ призрѣнія, во-первыхъ, тѣхъ нуждающихся членовъ своихъ, которые требуютъ спеціальнаго попеченія въ лечебныхъ, воспитательныхъ, исправительныхъ и т. п. заведеніяхъ, во вторыхъ, тѣхъ, которые въ теченіе десяти лѣтъ пребываютъ въ иномъ мѣстѣ, внѣ предѣловъ ихъ сословнаго общества, и въ-третьихъ, тѣхъ, которые приписаны къ обществамъ безъ пріемныхъ приговоровъ. Такія же обязанности и съ тѣми же исключеніями возлагаются на сословныя общества мѣщанъ и ремесленниковъ, если они имѣютъ свои сословныя учрежденія; если же таковыя не учреждены, то тѣ же обязанности переходятъ къ городскимъ общественнымъ управленіямъ. Призрѣніе же лицъ, не принадлежащихъ къ означеннымъ выше сословіямъ, а равно хотя и принадлежащихъ къ нимъ, но не пользующихся, согласно изложеннымъ правиламъ, призрѣніемъ отъ нихъ, относится къ обязанности земскихъ и городскихъ учрежденій по принадлежности. При этомъ всѣ издержки по призрѣнію, содержанію въ больницахъ и т. п. взыскиваются съ родственниковъ призрѣваемыхъ, если они состоятельны къ уплатѣ издержекъ.

Для большаго успѣха дѣла земскимъ собраніямъ и го-

родскимъ думамъ предоставляется, въ помощь управамъ, учреждать особые коллегіальные совѣты или комитеты или же возлагать обязанности по призрѣнію на отдѣльное избираемое для этого лицо, которому въ такихъ случаяхъ предоставляется право голоса въ засѣданіяхъ управы по дѣламъ, относящимся къ общественному призрѣнію. Затѣмъ, для приведенія въ исполненіе законовъ о призрѣніи на мѣстахъ, а равно для принятія непосредственныхъ мѣръ помощи, уѣздныя земскія собранія и городскія думы учреждаютъ, въ качествѣ мѣстныхъ органовъ призрѣнія, участковыя попечительства по призрѣнію или участковыхъ попечителей, раздѣляя для этого уѣздъ и городъ на территоріальные участки. Обязанность попечительствъ заключается въ своевременномъ оказаніи помощи нуждающимся въ ней лицамъ и семьямъ, соотвѣтственно чему они должны: а) обнаруживать всѣ случаи нужды и принимать всѣ письменныя и устныя заявленія о помощи, немедленно производить по нимъ разслѣдованія, устанавливать размѣръ и родъ помощи; б) оказывать содѣйствіе, чтобы лица, имѣющія право на призрѣніе отъ сословныхъ обществъ, получили таковое и чтобы указанные закономъ родственники нуждающихся принимали на себя издержки по призрѣнію ихъ, если имѣютъ къ тому средства; в) содѣйствовать административнымъ властямъ въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы нищенство не происходило, и доводить до свѣдѣнія ихъ о всѣхъ извѣстныхъ попечительствамъ случаяхъ нищенства; г) наблюдать за употребленіемъ нуждающимися выданныхъ имъ пособій; д) стараться умножать денежныя и другія средства попечительства путемъ сбора пожертвованій, подписокъ, устройства, съ надлежащаго разрѣшенія, чтеній, зрѣлищъ, увеселеній и другими способами, разрѣшаемыми частнымъ благотворительнымъ обществамъ; е) вести дѣлопроизводство и счетоводство попечительствъ, составлять и представлять управамъ отчеты по нимъ и ж) вступать въ сношеніе съ другими попечительствами своего уѣзда или города по дѣламъ призрѣнія.

Существенное значеніе для упорядоченія дѣла призрѣнія имѣютъ постановленія проекта о мѣстѣ призрѣнія. По этому предмету въ проектѣ постановлено, что впавшій въ

крайнюю нужду подлежитъ призрѣнію того земства или городского управленія, въ предѣлахъ территоріи которыхъ его настигла нужда. Но это призрѣніе оказывается ему лишь предварительно, если у него иное мѣстопризрѣніе, т. е. если онъ подлежитъ призрѣнію другого земскаго, городского или сословнаго управленія. Мѣстопризрѣніе опредѣляется на слѣдующихъ основаніяхъ: мѣстомъ призрѣнія лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскимъ, мѣщанскимъ, ремесленнымъ обществамъ, служатъ эти общества. Крестьяне, мѣщане и ремесленники, пребывающіе внѣ предѣловъ своего общества десять или болѣе лѣтъ, пріобрѣтаютъ мѣстопризрѣніе тамъ, гдѣ прожили два года; мѣстопризрѣніе прочихъ лицъ опредѣляется непрерывнымъ двухлѣтнимъ пребываніемъ ихъ въ предѣлахъ уѣзда или города. Мѣстопризрѣніе, пріобрѣтенное двухлѣтнею давностью, распространяется на женъ и дѣтей въ томъ случаѣ, если жена и дѣти жили при мужѣ или отцѣ и содержались его заработкомъ. Пріобрѣтенное такимъ способомъ мѣстопризрѣніе продолжается для дѣтей до 16 лѣтъ, а въ томъ случаѣ, когда они по состоянію своего здоровья къ работѣ неспособны, пожизненно. Незамужнія женщины или жены, не живущія при мужьяхъ и содержащія себя и дѣтей своихъ самостоятельнымъ трудомъ, пріобрѣтаютъ самостоятельно мѣстопризрѣніе на общихъ основаніяхъ. Жены, покинутыя мужьями или получившія разводъ, или мужья которыхъ находятся въ заключеніи или сосланы, сохраняютъ для себя и для своихъ дѣтей прежнее мѣстопризрѣніе мужа. Теченіе двухлѣтней давности не прерывается временными отлучками и выѣздами по дѣламъ, а теченіе десятилѣтней давности не прекращается временными и непродолжительными пребываніями на мѣстѣ родины или приписки.

Призрѣніе лицъ, для которыхъ не можетъ быть установлено мѣстопризрѣніе, возлагается на тѣ городскія общественныя или уѣздныя земскія управленія, въ предѣлахъ территорій которыхъ ихъ настигла нужда. Если земскія и городскія управленія, оказывающія предварительное призрѣніе, желаютъ, чтобы имъ были возмѣщаемы подлежащими управленіями расходы за время призрѣнія лица, имѣющаго другое мѣстопризрѣніе, то они должны извѣстить

объ этомъ въ теченіе мѣсяца съ начала призрѣнія то управленіе, за счетъ котораго они призрѣваютъ. Требованія о возмѣщеніи расходовъ на призрѣніе, произведенныхъ за счетъ другихъ управленій, направляются для удовлетворенія ихъ въ городскія и уѣздныя управы, которыя, удовлетворивъ эти требованія, взыскиваютъ ихъ, по своему усмотрѣнію, съ тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя обязаны содержать призрѣваемаго. Расходы на призрѣніе высчитываются по особому тарифу, утверждаемому министромъ внутреннихъ дѣлъ. Земскія и городскія учрежденія, за счетъ которыхъ производится призрѣніе въ другихъ учрежденіяхъ, могутъ потребовать возвращенія призрѣваемаго по его мѣстопризрѣнію, если онъ способенъ перенести переходъ или переѣздъ безъ вреда для себя и находящагося при немъ ребенка. Издержки на переѣздъ падаютъ на учрежденія, вызывающія къ себѣ призрѣваемаго. Земскія и городскія учрежденія, призрѣвающія кого-либо вмѣсто другихъ учрежденій, могутъ также потребовать водворенія призрѣваемаго по мѣстопризрѣнію.

Изложенный проектъ ввѣряетъ дѣло общественнаго призрѣнія земскимъ учрежденіямъ и городскимъ управленіямъ, при чемъ регулируетъ ихъ функціи въ этой сферѣ съ гораздо большею опредѣленностью, чѣмъ нынѣ дѣйствующій законъ. И въ этомъ заключается наиболѣе сильная сторона проекта, въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ не отвѣчающаго дѣйствительнымъ потребностямъ реформы. Особенно слабыми сторонами проекта слѣдуетъ признать, во 1-хъ, сохраненіе въ системѣ призрѣнія сословныхъ началъ, утратившихъ въ жизни свое значеніе и способныхъ лишь усложнить, затруднить и сдѣлать неравномѣрнымъ оказаніе помощи бѣднымъ, и во 2-хъ, умолчаніе объ источникахъ средствъ на покрытіе расходовъ по призрѣнію. Послѣднее представляется особенно существеннымъ, такъ какъ изъ обычнаго своего бюджета земства и города не въ состояніи были бы отчислять средства, достаточныя для широкой и успѣшной постановки дѣла призрѣнія, развитіе котораго и до сихъ поръ шло медленно въ значительной степени именно вслѣдствіе недостатка средствъ.

Проектъ не обратился въ законъ и даже не сдѣлался

предметомъ обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ. Такимъ образомъ реформа законодательства объ общественномъ призрѣніи осталась незавершенною, и потребность въ этой реформѣ, быть можетъ еще многіе годы, не получитъ надлежащаго удовлетворенія. А между тѣмъ указанная потребность достаточно выяснена. Въ частности она особенно опредѣленно выступаетъ въ отношеніи къ общественному призрѣнію у крестьянъ.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ принято было рѣшеніе приступить къ пересмотру законодательства о крестьянахъ, повсемѣстно образованы были особыя „губернскія совѣщанія“. Эти совѣщанія призваны были высказать свои соображенія и заключенія по всѣмъ существеннымъ вопросамъ крестьянскаго законодательства. Въ программу вопросовъ, предложенную министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, внесено было и нѣсколько вопросовъ объ общественномъ призрѣніи у крестьянъ. Какъ видно изъ редакціи этихъ вопросовъ, постановкою ихъ имѣлось въ виду выяснить существенныя стороны названной отрасли и получить отъ представителей мѣстной администраціи свѣдѣнія, во-первыхъ, о томъ, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время общественное призрѣніе въ селеніяхъ, и, во-вторыхъ, о томъ, какія измѣненія и дополненія желательно было-бы внести въ дѣйствующія законодательныя постановленія по этому предмету. Изложенныя въ заключеніяхъ совѣщаній данныя и соображенія [1] позволяютъ съ достаточною опредѣлительностью установить, въ чемъ состоитъ дѣйствующій порядокъ призрѣнія у крестьянъ и въ чемъ заключаются наиболѣе слабыя стороны существующихъ законодательныхъ постановленій по этому предмету.

Постановленія эти заключаются главнымъ образомъ въ нѣсколькихъ статьяхъ (ст. 580—584) устава объ общественномъ призрѣніи (изд. 1892 г.), объединенныхъ заголовкомъ: „О мірскомъ призрѣніи въ селеніяхъ вообще“. Въ силу этихъ статей, „престарѣлые, дряхлые и увѣчные члены сель-

[1] Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. Изданіе Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1897. 3 тома.

скихъ обществъ, не могущіе трудомъ пріобрѣтать пропитанія, содержатся родственниками"; „тѣ изъ нихъ, у которыхъ нѣтъ родственниковъ или же у которыхъ и сами родственники бѣдны, призрѣваются на счетъ крестьянскихъ обществъ". При этомъ призрѣніе такихъ лицъ, а равно круглыхъ сиротъ, „составляетъ обязательную повинность крестьянскихъ обществъ". Въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ, вошедшимъ въ уст. общ. призр. изъ общаго положенія о крестьянахъ (ст. 179, п. 6), можно указать въ этомъ послѣднемъ еще нѣкоторыя статьи, имѣющія отношеніе къ дѣлу общественнаго призрѣнія. Въ перечнѣ предметовъ вѣдѣнія сельскаго схода ст. 51 общаго положенія указываетъ — „совѣщанія и ходатайства... о призрѣніи" (п. 8), а также „назначеніе... всякаго рода вспомоществованій" (п. 16); по ст. 78, вѣдѣнію волостного схода подлежатъ „мѣры общественнаго призрѣнія" (п. 3). Кромѣ того изъ общихъ указаній закона относительно мірскихъ повинностей слѣдуетъ имѣть въ виду указаніе на то, что мірскія повинности (а слѣдовательно и общественное призрѣніе), смотря по свойству ихъ и усмотрѣнію общества, могутъ быть отправляемы или посредствомъ денежныхъ сборовъ, или натурою (ст. 180); съ другой стороны, „мірскія повинности отправляются тѣмъ волостнымъ или сельскимъ обществомъ, къ нуждамъ котораго принадлежитъ предметъ повинности (ст. 181). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о постановленіи, въ силу котораго „за пользованіе въ больницахъ неимущихъ больныхъ, принадлежащихъ къ... сельскимъ обществамъ, взыскивается плата съ означенныхъ... обществъ, вѣдѣнію коихъ принадлежатъ призрѣваемые" (ст. 200 уст. общ. призр.).

Таковы тѣ законодательныя нормы, которыми должно регулироваться общественное призрѣніе у крестьянъ и которыя слѣдуетъ имѣть въ виду для уясненія значенія отвѣтовъ, сообщенныхъ губернскими совѣщаніями на предложенные имъ вопросы. Первый изъ нихъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: „Какъ выполняются сельскими обществами лежащія на нихъ обязанности общественнаго призрѣнія и какъ распредѣляются онѣ между сельскими и волостными обществами? Бываютъ ли случаи перенесенія обязанности призрѣнія на всю волость по отношенію къ членамъ сельскихъ обществъ? Не существуетъ ли опредѣленной организаціи (сельской и волостной) въ отношеніи сиротъ, больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ членовъ и, если существуетъ, то въ чемъ она выражается?"

Въ отвѣтахъ на эти вопросы большинство совѣщаній удостовѣряютъ, что обязанности общественнаго призрѣнія крестьянскими обществами не выполняются или выполняются совершенно неудовлетворительно. Нѣкоторые отвѣты, не ограничиваясь этимъ утвержденіемъ, указываютъ и на причины отмѣченнаго явленія. Послѣднія усматриваются отчасти въ неопредѣленности и неполнотѣ закона, отчасти въ бѣдности, въ необезпеченности большинства населенія.

По словамъ виленскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, „призрѣніе въ отношеніи сиротъ, больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ членовъ не получило опредѣленной организаціи ни сельской, ни волостной за отсутствіемъ правилъ, точно опредѣляющихъ обязанности призрѣнія у крестьянъ". По замѣчанію воронежскаго губернскаго совѣщанія, „дѣло призрѣнія не организовано какъ бы слѣдовало, и не всегда соблюдается п. 6 ст. 179 общ. пол., потому что нѣтъ закона, карающаго за неисполненіе этого правила". „Отсутствіе регламентаціи законом и инструкціями общественнаго призрѣнія немало способствовало неудовлетворительному положенію этого дѣла" (заключеніе екатеринославскаго совѣщанія). „Хотя законъ, — говоритъ подольское губернское совѣщаніе,—относитъ къ предметамъ вѣдѣнія крестьянскихъ обществъ и волостей призрѣніе бѣдныхъ и убогихъ, но исполненіе этой обязанности ничѣмъ не обезпечено".

Съ другой стороны, изъ разныхъ мѣстъ идутъ указанія на общую бѣдность населенія, какъ на главную причину неудовлетворительной постановки дѣла призрѣнія у крестьянъ. Вологодское совѣщаніе указываетъ на „общую необезпеченность крестьянскаго населенія". Казанское совѣщаніе говоритъ: „Такая постановка дѣла призрѣнія, по объясненію земскихъ начальниковъ, зависитъ отъ общей бѣдности населенія... Только одинъ земскій начальникъ отсутствіе какихъ-либо опредѣленныхъ мѣръ со стороны крестьянства въ дѣлѣ призрѣнія объясняетъ въ значительной степени

неясностью и неопредѣленностью существующихъ въ этомъ отношеніи требованій закона (ст. 179 общ. пол.)". По заключенію самарскаго совѣщанія, главнымъ препятствіемъ къ удовлетворительной постановкѣ призрѣнія въ селеніяхъ является „крайняя недостаточность матеріальныхъ средствъ значительнаго большинства сельскихъ обществъ. Съ трудомъ собираются теперь деньги на уплату податей, на расходы по содержанію церквей и школъ, волостнаго и сельскаго управленія, ремонтъ общественныхъ зданій и проч. Отчислять что-либо на потребности общественнаго призрѣнія почти совершенно невозможно". Въ томъ же смыслѣ высказались и многія другія совѣщанія.

Въ законѣ нѣтъ прямыхъ указаній на возможность распредѣленія обязанностей по призрѣнію между сельскими обществами и волостными обществами. Но можно было предполагать, что практика выработаетъ ту или иную форму этого распредѣленія обязанностей, что волость, располагая бо́льшими средствами, можетъ приходить на помощь менѣе состоятельнымъ сельскимъ обществамъ и что по отношенію къ членамъ этихъ послѣднихъ обязанности призрѣнія могутъ быть переносимы на всю волость. Изъ отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній обнаруживается однако, что никакого распредѣленія обязанностей по призрѣнію между сельскими и волостными обществами не существуетъ; огромное большинство отвѣтовъ констатируетъ также, что случаевъ перенесенія обязанности призрѣнія на всю волость по отношенію къ членамъ сельскихъ обществъ не бываетъ. Лишь въ видѣ исключенія въ немногихъ мѣстностяхъ въ волостяхъ принимаются нѣкоторыя мѣры призрѣнія.

При такихъ условіяхъ совершенно естественнымъ представляется, что на упомянутый выше вопросъ—о существованіи опредѣленной организаціи призрѣнія—губернскія совѣщанія дали безусловно отрицательный отвѣтъ: „общественное призрѣніе въ селахъ правильно не организовано", „опредѣленной организаціи общественнаго призрѣнія вовсе не существуетъ",—эти заявленія повторяются отовсюду.

Но изъ указаннаго отсутствія опредѣленной организаціи призрѣнія было бы рискованнымъ выводить заключеніе, что въ нашихъ деревняхъ бѣдняки, нуждающіеся въ помощи, остаются совершенно безъ нея. Они получаютъ поддержку въ нуждѣ, поскольку эта поддержка можетъ быть оказываема тѣмъ, кто самъ едва перебивается. И это нашли нужнымъ особенно подчеркнуть нѣкоторыя совѣщанія. Упомянувъ о томъ, что „за весьма рѣдкими исключеніями общественное призрѣніе въ сельскихъ обществахъ Самарской губерніи совсѣмъ не организовано", мѣстное совѣщаніе прибавляетъ: „но это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что общества совсѣмъ не призрѣваютъ своихъ сиротъ, убогихъ и престарѣлыхъ. Напротивъ, быть можетъ, нигдѣ существованіе неспособныхъ къ труду членовъ общества не обезпечено въ такой мѣрѣ, какъ въ нашей крестьянской средѣ". „До сихъ поръ, — читаемъ мы въ заключеніи саратовскаго совѣщанія,—неизвѣстенъ ни одинъ случай, когда бы дѣйствительно нуждающійся членъ общества не пользовался въ крайности участіемъ и содѣйствіемъ своего общества.

Участіе къ бѣднымъ односельчанамъ выражается въ крестьянскихъ обществахъ разнообразными способами. Наиболѣе распространенною формою его является поочередное кормленіе по домамъ. Объ этомъ способѣ призрѣнія говорятъ почти всѣ сообщенія: „призрѣваемый проводитъ сутки на полномъ содержаніи домохозяина, переходя ежедневно изъ хаты въ хату" (бессарабское совѣщаніе); „лежащая на сельскихъ обществахъ обязанность общественнаго призрѣнія выполняется... кормленіемъ неспособныхъ къ труду поочередно въ каждомъ дворѣ опредѣленное приговорами сельскихъ сходовъ время" (виленское); „призрѣваемые, по установившемуся обычаю, переходятъ изъ дома въ домъ и продовольствуются отдѣльными членами общества понедѣльно" (витебское); въ Вятской губерніи призрѣваемыхъ „кормятъ всѣ домохозяева поочередно, поденно или понедѣльно"; въ Казанской губерніи „чаще призрѣваемыя лица получаютъ содержаніе и пособіе натурой отъ всего общества, переходя поочереди и кормясь у всѣхъ жителей селенія"; въ Минской губерніи „первымъ правиломъ, которымъ руководствуются деревни въ подобнаго рода случаяхъ, является поочередное кормленіе нуждающихся каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ съ временнымъ принятіемъ въ домъ на жительство"; въ Смоленской губерніи призрѣніе также „выра-

жалось въ поочередномъ кормленіи ихъ по приговорамъ общества съ переходомъ изъ двора во дворъ ежедневно или еженедѣльно"; тверское совѣщаніе также говоритъ о „доставленіи нуждающимся односельцами пріюта съ пропитаніемъ въ своихъ домахъ (проживъ день, два, недѣлю, призрѣваемый переходитъ изъ двора въ другой, и такъ, пока не обойдетъ все селеніе или общество)", прибавляя — „эта форма обезпеченія наиболѣе принята".

Однообразіе этихъ почти тождественныхъ заявленій изъ различныхъ мѣстностей служитъ лучшимъ доказательствомъ широкаго распространенія этой первичной формы общественной помощи нуждающимся—поочереднаго кормленія. Въ связи съ нею можно отмѣтить менѣе распространенный, но упоминаемый во многихъ отвѣтахъ способъ призрѣнія, а именно—отдачу призрѣваемаго на полное содержаніе одного изъ членовъ общества либо за извѣстную плату отъ общества, либо съ освобожденіемъ призрѣвающаго отъ уплаты мірскихъ повинностей, а иногда и отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей, а также за отводъ части мірской земли или за надѣлъ неимущихъ.

Значительное распространеніе въ числѣ способовъ вспомоществованія бѣднымъ имѣетъ выдача пособій хлѣбомъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, а иногда и выдача нуждающимся денежныхъ пособій. Въ большинствѣ отвѣтовъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ о размѣрѣ этихъ пособій, а изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя приводятся объ этомъ нѣкоторыми совѣщаніями, видно, что размѣры денежныхъ пособій вообще очень незначительны. Только въ одной Астраханской губ. встрѣчаются пособія въ размѣрѣ до 5 р. въ мѣсяцъ; въ Саратовской губ. они выдаются въ размѣрѣ до 2 р. въ мѣсяцъ, въ Пензенской—1½ р., Калужской—до 1 р. въ мѣсяцъ, въ Минской губ. — 10 р. въ годъ, въ Тамбовской — отъ 5 до 20 р. въ годъ или по 50 к. въ мѣсяцъ. Большинство совѣщаній прибавляютъ, что денежныя пособія оказываются въ рѣдкихъ случаяхъ.

Самою распространенною формою помощи бѣднымъ является простая подача милостыни. Не всѣ совѣщанія упоминаютъ о ней, но, разумѣется, не потому, что въ той или другой мѣстности не существуетъ нищенства, а потому, что

оно представляется слишкомъ обычнымъ явленіемъ, наличность котораго сама собою предполагается при указаніяхъ, повторяющихся во всѣхъ сообщеніяхъ, относительно отсутствія какой-либо организаціи призрѣнія. Вотъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ совѣщаній по этому предмету, свидѣтельствующіе о томъ, какую роль прошеніе милостыни играетъ какъ обычный способъ удовлетворенія потребностей нуждающихся. „Сирые, дряхлые и неимущіе ходятъ по дворамъ и собираютъ милостыню, при чемъ почти ни въ одномъ домѣ имъ не отказываютъ" (архангельское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе). Упомянувъ о поочередномъ кормленіи призрѣваемыхъ, витебское совѣщаніе прибавляетъ: „большинство изъ нихъ находитъ для себя болѣе удобнымъ, если позволяютъ физическія силы, снискивать пропитаніе путемъ подаянія, т. е. нищенствовать, нежели обращаться къ обществу съ ходатайствомъ о призрѣніи". Относительно призрѣнія увѣчныхъ, немощныхъ и сиротъ,—читаемъ въ заключеніи вятскаго совѣщанія,—со стороны крестьянскихъ обществъ почти ничего не сдѣлано, и такія лица перебиваются лишь нищенствомъ". „Нуждающіеся въ призрѣніи почти всегда нищенствуютъ" (курское совѣщаніе). „Неимущіе и неспособные къ работѣ кормятся подаяніемъ" (нижегородское совѣщаніе). „Неимущіе, неспособные къ работѣ и сироты ходятъ по-міру" (рязанское совѣщаніе). „Неимущіе и калѣки питаются большею частію подаяніемъ" (симбирское совѣщаніе).

Любопытно заключеніе одного изъ совѣщаній, а именно—самарскаго. Въ немъ не только констатируется тотъ фактъ, что подаяніе милостыни является самымъ распространеннымъ способомъ призрѣнія, но и указывается, чѣмъ оно обусловливается и какое значеніе оно имѣетъ въ жизни нашего крестьянскаго населенія. „Народъ,—читаемъ въ названномъ заключеніи,—не считаетъ нищенство за позорное занятіе, и не дать просящему кусокъ хлѣба считается тяжкимъ грѣхомъ. Не будь этого вѣками освященнаго взгляда народа на обязательность помощи,—въ тяжелый 1891—92 г. сотни и тысячи народа умерли бы голодной смертью. Члены совѣщанія были очевидцами такихъ явленій, что въ избу большой семьи, доѣдавшей свои послѣдніе караваи испеченнаго съ мякиной и лебедой хлѣба, съ утра до ночи вхо-

дили нищіе односельцы, и ни одного изъ нихъ не отпускали, не отрѣзавъ ему куска хлѣба".

Чтобы дополнить картину положенія общественнаго призрѣнія въ селеніяхъ, остается коснуться сообщеній объ особыхъ заведеніяхъ для призрѣваемыхъ, какъ, напримѣръ, богадѣльняхъ, домахъ призрѣнія, пріютахъ для дѣтей. Такихъ сообщеній немного: изъ 44-хъ совѣщаній только 12 упоминаютъ о названныхъ заведеніяхъ, число которыхъ при томъ крайне ограничено. Въ Вятской губерніи совѣщаніе насчитываетъ 17 богадѣленъ (въ каждой призрѣвается до 4-хъ, до 32-хъ чел.), въ Смоленской губ. — 9 богадѣленъ, способныхъ вмѣстить около 600 лицъ; въ другихъ же мѣстностяхъ число богадѣленъ значительно меньше: въ Костромской губ. указывается 1 богадѣльня на 8 чел., въ Нижегородской губ.—2, въ Тульской губ.—1, въ Харьковской — 2. Пріютовъ для дѣтей встрѣчается еще меньше; о нихъ упоминаютъ только три совѣщанія: въ Казанской губ.—1 пріютъ на 25 дѣтей; въ Тульской—1 пріютъ для сиротъ; въ Саратовской—4 пріюта, при чемъ совѣщаніе прибавляетъ—„организація этихъ пріютовъ на практикѣ не выдерживаетъ критики".

Въ отношеніи къ заведеніямъ для призрѣваемыхъ въ заключеніяхъ многихъ совѣщаній указывается на крайнюю непопулярность такихъ учрежденій среди крестьянъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ замѣчено, что крестьяне неохотно поступаютъ въ нихъ, и нерѣдко богадѣльни и пріюты остаются пустыми, а нуждающіеся предпочитаютъ либо жить у родственниковъ и постороннихъ, либо побираться христовымъ именемъ.

Отвѣты губернскихъ совѣщаній, констатируя отсутствіе какой либо организаціи общественнаго призрѣнія сельскаго населенія, единодушно признали желательность такихъ измѣненій и дополненій дѣйствующаго законодательства, которыя могли бы обезпечить удовлетворительную постановку этого дѣла. Однако возможность созданія системы сельскаго призрѣнія, при наличности настоящихъ условій, подвергается нѣкоторыми совѣщаніями сильному сомнѣнію и даже прямо отрицается. Препятствіемъ въ данномъ случаѣ являются крайне неблагопріятныя условія матеріальнаго

положенія населенія, при которыхъ нѣтъ возможности изыскать потребныя для этого значительныя средства. Но и тѣ совѣщанія, которыя признали возможность упорядочить общественное призрѣніе у крестьянъ, находятъ, что заботы о немъ не могутъ быть возлагаемы на сельскія общества, а должны быть перенесены на волости или еще болѣе крупныя административныя единицы.

Высказываясь въ пользу перенесенія обязанности общественнаго призрѣнія съ сельскихъ обществъ на волости, значительное число совѣщаній говорятъ и о необходимости образовать *особые органы призрѣнія*. Такими органами, по мнѣнію большинства совѣщаній, должны быть мѣстныя или волостныя попечительства, состоящія изъ нѣсколькихъ лицъ, избираемыхъ волостнымъ сходомъ, подъ предсѣдательствомъ волостнаго старшины или, по мнѣнію другихъ, земскаго начальника; на эти попечительства должны быть возложены всѣ заботы по призрѣнію нуждающихся въ немъ.

Большинство совѣщаній высказались также и въ пользу необходимости обезпечить средства для постановки дѣла призрѣнія, рекомендуя для этого образованіе особыхъ „волостныхъ капиталовъ". Многія совѣщанія (23 изъ 44-хъ) признаютъ возможнымъ установить особые обязательные денежные сборы на нужды призрѣнія, такъ сказать,—спеціальный налогъ въ пользу бѣдныхъ. Большинство не указываетъ ни характера, ни размѣровъ такихъ сборовъ, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что они должны быть незначительны; по мнѣнію нѣкоторыхъ, такіе сборы могли бы выразиться во взиманіи 2% съ доходности земли, или 2 к. съ ревизской души, или 1 к. съ душевого надѣла. Кромѣ спеціальныхъ сборовъ на нужды призрѣнія совѣщанія указываютъ и на другіе источники для образованія капиталовъ. Чаще всего въ отвѣтахъ упоминаются, въ качествѣ такихъ источниковъ, штрафы, налагаемые на крестьянъ какъ путемъ административнымъ (сельскими старостами, волостными старшинами и земскими начальниками), такъ и судебнымъ (по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ); по словамъ вятскаго совѣщанія, штрафныя суммы по губерніи достигаютъ довольно солидной цифры: такъ, въ 1894 г. онѣ составили сумму въ 23,811 р. 11 к.

Ближайшихъ указаній по вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ поставить дѣло общественнаго призрѣнія у крестьянъ, совѣщанія не даютъ, ограничиваясь лишь самыми общими соображеніями.

Въ вопросныхъ пунктахъ, предложенныхъ на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, особо выдѣленъ былъ вопросъ о призрѣніи отсутствующихъ членовъ общества: „Какія мѣры возможно было бы принять для облегченія лежащихъ на обществахъ обязанностей по призрѣнію (и по уплатѣ издержекъ за леченіе) отсутствующихъ членовъ общества?“

Изъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ съ полною убѣдительностью обнаруживается чрезвычайная обременительность требованія закона (ст. 200 уст. общ. призр.), въ силу котораго съ сельскихъ обществъ взыскивается плата за пользованіе въ больницахъ неимущихъ больныхъ, принадлежащихъ къ этимъ обществамъ. Эту обременительность удостовѣряютъ почти всѣ совѣщанія, а многія изъ нихъ, не ограничиваясь общимъ указаніемъ ея, приводятъ весьма знаменательные примѣры. По словамъ бессарабскаго совѣщанія, въ практикѣ бывали случаи, когда за леченіе одного больнаго обществу приходилось платить 100—200 и болѣе рублей. Въ Витебской губерніи указанная повинность вызываетъ для нѣкоторыхъ обществъ расходъ до 1,000 руб. Въ Воронежской губерніи бывали случаи, когда больничная недоимка ложилась на каждый дворъ въ суммѣ болѣе 20 р. По словамъ курскаго совѣщанія, „одно изъ сельскихъ обществъ, очень малочисленное и бѣдное, было побуждаемо къ уплатѣ 120 р. за леченіе проститутки отъ сифилиса въ больницѣ одного изъ южныхъ городовъ только потому, что ушедшій изъ села и 20 лѣтъ не возвращавшійся въ общество крестьянинъ имѣлъ несчастіе незадолго передъ тѣмъ на ней жениться“. Въ Минской губерніи съ одного общества взыскано было болѣе 300 р. за леченіе умалишеннаго крестьянина, котораго въ волости никто не зналъ. Оренбургское совѣщаніе говоритъ о „нерѣдко совершающихся за больничные долги продажахъ имущества всего селенія“. Въ Псковской губерніи съ одного общества „взыскано было до 300 р. за леченіе однообщественника, отсутствовавшаго изъ общества около 25-ти лѣтъ, а эта сумма равна почти

всему годовому расходу на всѣ общественныя потребности“. Саратовское совѣщаніе приводитъ „случай взысканія съ общества 3,000 руб. за леченіе одного изъ его членовъ въ лечебницѣ для душевно-больныхъ“.

Изъ этихъ примѣровъ ясно видно, какъ тяжела, и притомъ повсемѣстно, возлагаемая закономъ на сельскія общества обязанность относительно медицинскаго призрѣнія отсутствующихъ членовъ общества. Вполнѣ понятнымъ представляется поэтому категорическое заявленіе совѣщаній о безусловной необходимости освободить сельскія общества отъ этой обязанности, совершенно для нихъ непосильной.

Изложенныя данныя объ общественномъ призрѣніи у крестьянъ выясняютъ многія существенныя стороны этого вопроса. Они вполнѣ убѣдительно показываютъ, что теперешнее положеніе общественнаго призрѣнія у крестьянъ совершенно неудовлетворительно и что невозможно сколько-нибудь улучшить это положеніе при наличности существующаго по этому предмету законодательства. Въ послѣднемъ необходимы рѣшительныя измѣненія, и прежде всего обязанность призрѣнія должна быть снята съ сельскихъ обществъ и перенесена на болѣе крупную единицу, которою, по мнѣнію большинства совѣщаній, можетъ явиться волость. При этомъ въ сообщаемыхъ заключеніями свѣдѣніяхъ содержится обильный матеріалъ для доказательства невозможности поставить общественное призрѣніе на узко-сословныхъ основаніяхъ. Вполнѣ выясненною слѣдуетъ далѣе признать потребность въ особыхъ органахъ призрѣнія—мѣстныхъ попечительствахъ, члены которыхъ дѣлили бы между собою заботы объ устройствѣ призрѣнія. Не менѣе настоятельною рисуется въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній потребность въ обезпеченіи дѣла общественнаго призрѣнія денежными средствами.—Выраженное многими совѣщаніями убѣжденіе въ невозможности осуществить организацію призрѣнія у крестьянъ средствами самихъ крестьянскихъ обществъ служитъ лишнимъ доказательствомъ предпочтительности построить эту организацію на началахъ всесословности. Въ пользу этого особенно сильно говорятъ указанія на желательность возложить заботы по леченію отсут-

ствующихъ членовъ обществъ на всесословное учрежденіе—на земство.

Неудача изложенной попытки общаго пересмотра дѣйствующаго законодательства объ общественномъ призрѣніи побуждаетъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ отдѣльнымъ опытамъ обезпечить раціональную организацію помощи нуждающимся, такъ какъ они, при широкомъ развитіи, могутъ намѣтить пути къ общей реформѣ. Наиболѣе значительнымъ изъ такихъ опытовъ является новая организація призрѣнія бѣдныхъ въ Москвѣ, дѣйствующая съ конца 1894 года.

Въ Москвѣ давно уже сознавалась потребность въ созданіи такой системы мѣръ призрѣнія бѣдныхъ, которая давала бы лучшія средства, съ одной стороны, въ оказаніи помощи нуждающимся, съ другой, въ борьбѣ съ профессіональнымъ уличнымъ нищенствомъ, получившимъ очень широкое развитіе. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ вопросъ объ организаціи призрѣнія въ столицахъ былъ выдвинутъ на ближайшую очередь. Поводомъ къ этому послужило предложеніе правительства о передачѣ въ вѣдѣніе городского общественнаго управленія обѣихъ столицъ дѣла призрѣнія, находившагося въ рукахъ особыхъ комитетовъ. Эти „Комитеты для разбора и призрѣнія нищихъ“ учреждены были временно, въ видѣ опыта: Петербургскій—въ 1837 г., Московскій—въ 1838 году, при чемъ имъ были даны для руководства временныя же положенія и правила. Эти „временныя“ учрежденія прожили гораздо дольше, чѣмъ многія постоянныя учрежденія, но результаты ихъ дѣятельности оказались весьма ничтожными. Причинъ этого много; лица, изучавшія развитіе общественнаго призрѣнія у насъ, важнѣйшія изъ нихъ видятъ въ слѣдующемъ. Комитеты были слишкомъ бюрократически организованы, чтобы имѣть въ себѣ духъ живой иниціативы, горячей преданности дѣлу и примѣненія помощи къ лицамъ и обстоятельствамъ, безъ чего немыслимы открытое призрѣніе и предотвращеніе нищенства. Комитеты были снабжены очень незначительными денежными средствами. Они были поставлены внѣ всякой связи съ городскимъ управленіемъ. Послѣдовавшія въ царствованіе Александра II реформы, внесшія глубокія измѣненія въ нашъ общественный и административный строй, ни въ чемъ не коснулись старой организаціи Комитетовъ, которыя являлись какъ общественный анахронизмъ. Однако, лишь въ 1885 году обращено было вниманіе на ненормальное положеніе этихъ учрежденій. Въ этомъ году Комитетъ Министровъ, при разсмотрѣніи отчетовъ объ ихъ дѣйствіяхъ, нашелъ необходимымъ поднять вопросъ о передачѣ дѣла призрѣнія нищихъ въ Петербургѣ и Москвѣ въ подлежащія городскія управленія. Вотъ это-то положеніе Комитета Министровъ и послужило толчкомъ къ движенію вопроса, завершившемуся въ Москвѣ созданіемъ новой организаціи призрѣнія бѣдныхъ.

Означенное положеніе Комитета Министровъ, удостоившееся 27-го декабря 1885 года Высочайшаго утвержденія, было сообщено для исполненія министру внутреннихъ дѣлъ, по распоряженію котораго было образовано для разработки вопроса особое совѣщаніе изъ представителей какъ Комитетовъ о нищихъ, такъ и столичныхъ городскихъ управленій. Въ концѣ 1886 года это совѣщаніе признало, что никакихъ препятствій къ передачѣ дѣла призрѣнія нищихъ въ вѣдѣніе городскихъ управленій не имѣется; но участвовавшіе въ совѣщаніи представители Комитетовъ заявили, что „Комитеты желали бы предпочительно продолжать свою дѣятельность, признавая ее возможною, если столичныя общественныя управленія окажутъ Комитетамъ матеріальное пособіе въ соотвѣтствующемъ современнымъ потребностямъ размѣрѣ“. Въ виду такого заявленія министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ необходимымъ предложить столичнымъ думамъ вопросъ о томъ, „что именно признается ими предпочтительнѣе для себя: отпускъ ли указанныхъ Комитетами пособій съ оставленіемъ ихъ существующей дѣятельности или же принятіе въ свое вѣдѣніе всего дѣла призрѣнія нищихъ?“ Петербургская дума предпочла выдавать Комитету пособіе въ усиленномъ размѣрѣ, отказавшись отъ принятія дѣла призрѣнія въ свое вѣдѣніе. Въ Москвѣ же вопросъ получилъ иное рѣшеніе: дума нашла болѣе удобнымъ взять въ свои руки вѣдѣніе дѣла призрѣнія въ столицѣ.

Поставленный правительствомъ вопросъ Московская

дума въ іюнѣ 1887 года передала на разсмотрѣніе комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, поручивъ ей изготовить по этому предмету особый докладъ. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ тщательному обсужденію въ означенной комиссіи, (сначала подъ предсѣдательствомъ И. Н. Мамонтова, а съ начала 1890 года—проф. В. И. Герье), которою и былъ разработанъ проектъ новой организаціи призрѣнія въ Москвѣ. Въ концѣ 1891 года Московская дума постановила выразить согласіе на принятіе въ свое вѣдѣніе дѣла призрѣнія, при чемъ думою были установлены и тѣ основныя условія, на которыхъ предположено создать систему мѣръ съ цѣлью раціональной организаціи помощи бѣднымъ и болѣе дѣятельной борьбы съ нищенствомъ въ столицѣ.

Въ 1893 году былъ упраздненъ Комитетъ по разбору и призрѣнію нищихъ въ Москвѣ и его обязанности возложены на учрежденное при городскомъ управленіи „Городское присутствіе по разбору и призрѣнію нищихъ“, состоящее изъ нѣсколькихъ представителей отъ города и губернскаго земства и одного отъ мѣстной столичной полиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ отвѣтъ на ходатайство думы положеніемъ Комитета Министровъ, въ томъ же 1893 году, городу предоставлялось право учредить въ Москвѣ участковыя попечительства о бѣдныхъ „для сбора пожертвованій, раздачи пособій и постояннаго наблюденія надъ призрѣваемыми“.

Въ мартѣ 1894 года думою былъ одобренъ планъ организаціи и дѣйствій городскихъ участковыхъ попечительствъ. Въ виду важнаго значенія этого акта въ исторіи развитія общественнаго призрѣнія у насъ, подробности новой организаціи заслуживаютъ полнаго вниманія.

Городское управленіе учреждаетъ по мѣрѣ возможности и средствъ городскія участковыя попечительства о бѣдныхъ изъ лицъ обоего пола, принявшихъ на себя обязанность опредѣленными ими самими ежегодными денежными взносами или личнымъ трудомъ содѣйствовать дѣлу призрѣнія бѣдныхъ.

Во главѣ каждаго попечительства стоитъ участковый попечитель, избираемый на 4 года городскою думою, по предложенію городского головы; онъ имѣетъ товарища, избираемаго тѣмъ же порядкомъ. Всѣ дѣла попечительства разсматриваются и разрѣшаются совѣтомъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ участковый попечитель: члены совѣта, въ числѣ отъ 5 до 10, утверждаются въ своемъ званіи городскою думою по предложенію предсѣдателя попечительства.

Члены попечительства дѣлятся: а) на членовъ, дѣлающихъ ежегодно въ пользу попечительства извѣстное, ими самими опредѣленное, пожертвованіе; б) на сотрудниковъ, которые, кромѣ этого пожертвованія или помимо его, выразили желаніе служить попечительству личнымъ трудомъ въ видѣ сбора пожертвованій, или посѣщенія бѣдныхъ, или ухода за больными, или леченія ихъ (врачи, фельдшерицы и т. п.) и в) почетныхъ членовъ, избираемыхъ попечительствомъ за особо важныя услуги, оказанныя дѣлу благотворительности.

Всѣ члены пепечительства періодически созываются попечителемъ въ общія собранія для выслушанія и обсужденія отчета о дѣятельности попечительства, а также для избранія почетныхъ членовъ. Кромѣ того, члены-сотрудники могутъ быть приглашаемы попечителемъ въ текущія засѣданія совѣта съ правомъ голоса по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ проявилось ихъ личное участіе.

Обязанности попечительства состоятъ: а) въ сборѣ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій на дѣло призрѣнія; б) въ исполненіи порученій городского присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ въ дѣлѣ наведенія справокъ о препровождаемыхъ въ присутствіе нищихъ и оказанія имъ помощи; в) въ исполненіи порученій городской управы по дѣламъ благотворительности и въ завѣдываніи благотворительными учрежденіями, находящимися въ участкѣ попечительства; г) въ оказаніи помощи бѣднымъ какъ непосредственно обратившимся въ попечительство, такъ и направленнымъ къ нему городскою управою, городскимъ присутствіемъ по разбору нищихъ или частными лицами, какъ членами попечительства, такъ и посторонними лицами.

Попечительство оказываетъ помощь временную или постоянную. Временная помощь заключается въ помѣщеніи нуждающагося въ больницу съ платою за него, или въ леченіи его на дому, въ обезпеченіи его квартирою, топливомъ, одеждою и т. под. Постоянная помощь заключается

въ заботахъ о малолѣтнихъ, о дряхлыхъ старикахъ и лицахъ, къ работѣ неспособныхъ; имъ могутъ быть назначаемы денежныя пособія или они могутъ быть помѣщаемы въ благотворительныя заведенія.

Каждое лицо, получающее пособіе, находится подъ наблюденіемъ члена совѣта или сотрудника. Во избѣжаніе наплыва неимущихъ въ Москву въ расчетѣ на помощь со стороны попечительствъ, — послѣднимъ, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, предоставлено право выдавать пособія лишь московскимъ уроженцамъ и лицамъ, прожившимъ въ Москвѣ не менѣе двухъ лѣтъ.

При попечительствѣ имѣется канцелярія для пріема прошеній и личныхъ заявленій, для производства различныхъ справокъ и т. п. Заявленія о пособіи заносятся на особые опросные листы, съ обозначеніемъ адреса нуждающагося лица. Сотрудникъ отправляется по указанному адресу, заполняетъ со словъ просителя опросный листъ и лично удостовѣряется въ степени нужды и опредѣляетъ видъ необходимаго пособія. По разсмотрѣніи опроснаго листа совѣтомъ попечительства на листѣ отмѣчается состоявшееся по нему постановленіе. Въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ попечитель имѣетъ право немедленно оказать помощь, не ожидая постановленія совѣта.

Всѣмъ получающимъ пособіе въ той или другой формѣ ведется списокъ, который сообщается управѣ и попечительствамъ. Изъ получаемыхъ списковъ городская управа составляетъ общій сводъ, разсылаемый по всѣмъ попечительствамъ, городскимъ и приходскимъ, и различнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ.

Общее завѣдываніе дѣлами всѣхъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ сосредоточено въ собраніи попечителей подъ предсѣдательствомъ городского головы. Засѣданія этого собранія попечителей созываются ежемѣсячно и экстренно, по мѣрѣ надобности.

Средства городскихъ попечительствъ составляются изъ 40.000 руб., ежегодно ассигнуемыхъ городскою думою (по одной тысячѣ рублей на каждое изъ предположенныхъ къ открытію 40 попечительствъ), изъ членскихъ взносовъ и сборовъ, доходовъ съ благотворительныхъ концертовъ и пр.

нія за лицами, получающими призрѣніе. Опытъ эльберфельдской системы далъ, какъ указано выше, очень хорошіе результаты. Есть основаніе ожидать успѣшнаго развитія и московскихъ попечительствъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ со времени ихъ возникновенія дѣло оказанія помощи бѣднымъ въ Москвѣ значительно упорядочилось и сдѣлалось въ большей степени общественнымъ дѣломъ, привлекающимъ къ себѣ многихъ членовъ мѣстной интеллигенціи (въ качествѣ членовъ попечительствъ и сотрудниковъ въ немъ принимаютъ живое участіе до 2.000 лицъ). По даннымъ за 1900 годъ услугами попечительствъ воспользовалось, включая членовъ семей просителей, около 38.000 человѣкъ. Въ кассы попечительствъ поступило въ этомъ году болѣе 400.000 руб. (вмѣстѣ съ пожертвованіями); израсходовано было на нужды призрѣнія болѣе 300.000 руб. Къ 1 января 1901 г., московскія попечительства содержали: 1) 37 богадѣленъ (въ нихъ призрѣвалось 1.463 престарѣлыхъ, преимущественно женщинъ); 2) 38 дѣтскихъ пріютовъ (въ нихъ оказана помощь болѣе 1.100 дѣтямъ; 3) 7 коечныхъ квартиръ; 4) 4 учебно-швейныхъ мастерскихъ; 5) 4 мастерскихъ для выдачи работы взрослымъ женщинамъ, и 6) 6 столовыхъ для выдачи безплатныхъ обѣдовъ бѣднымъ.

Для характеристики общаго значенія опыта московскихъ городскихъ попечительствъ интересными представляются слѣдующія замѣчанія проф. В. И. Герье, высказанныя имъ въ брошюрѣ о попечительствахъ, изданной по поводу всемірной выставки 1900 г. въ Парижѣ [1]:

Московскія попечительства „являются очень знаменательнымъ соціальнымъ симптомомъ и, въ то же время, первымъ шагомъ на новомъ пути общественнаго призрѣнія. Чрезъ ихъ посредство выражается проявившаяся въ русскомъ обществѣ новая потребность серьезнаго и осмысленнаго отношенія къ великой проблемѣ нужды и способовъ борьбы съ нею. Прошло время, когда можно было въ этомъ отношеніи довольствоваться примитивною формою подачи милостыни. Безразборчивая милостыня въ большинствѣ

[1] W. Guerrier. Les bureaux de l'assistance communale de la ville de Moscou. M. 1900.

случаевъ порождаетъ лишь зло, не обезпечивая пособіями наиболѣе нуждающихся и развивая профессіональное нищенство. Но въ настоящее время нельзя довольствоваться милостынею не только въ виду формальной неудовлетворительности этого способа помощи: для этого существуетъ мотивъ еще болѣе серьезный, а именно, что на помощь бѣднымъ въ наши дни нельзя уже смотрѣть лишь какъ на индивидуальное дѣло. Развитое культурное общество не можетъ не признавать своей обязанности приходить на помощь нуждающимся собратьямъ, основывающейся на принципѣ общественной солидарности, помимо интересовъ городскаго благоустройства и соображеній нравственныхъ и гуманитарныхъ. Московскія городскія попечительства являются органами, понимаемыми именно въ такомъ широкомъ значеніи, покоящимися на принципѣ коммунальнаго призрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они становятся органомъ, наиболѣе подходящимъ для этой цѣли по своему составу и способамъ дѣятельности.

„Уже давно, въ виду недостаточности случайной милостыни, стали устраивать обширныя учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ, всякаго рода пріюты и богадѣльни. Учрежденія эти управляются бюрократически, что представляетъ большія неудобства въ живомъ дѣлѣ благотворенія и борьбы съ нуждою. Благотворитель не долженъ быть невидимъ для нуждающихся, но долженъ быть среди нихъ и знать ихъ лично. Онъ долженъ оказывать помощь тамъ, гдѣ она нужна, и не дожидаться, пока проситель обратится въ его канцелярію, съ прошеніемъ въ рукѣ. Онъ долженъ оказывать помощь не путемъ писанія резолюцій на кучкѣ прошеній, которыя представитъ ему секретарь, а принимать во вниманіе дѣйствительную нужду и степень ея, руководствоваться мотивами, почерпнутыми изъ самой жизни.

„Попечительства представляютъ въ этомъ отношеніи два очень важныя преимущества. Находясь ближе къ жизни, они не ставятъ бюрократической процедуры выше жизни и они привлекаютъ къ дѣлу призрѣнія людей, для которыхъ благотворительность не есть служба или карьера, а личное и соціальное призваніе.

„Московскія городскія попечительства являются первымъ въ Россіи опытомъ организованной добровольной общественной дѣятельности въ области благотворительности и борьбы съ нуждою,—и опытомъ удавшимся. Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ спеціальное значеніе. Они показываютъ, до какой степени благотворно и существенно, чтобы общественныя силы принимали въ этой сферѣ непосредственное и дѣятельное участіе. Было время, хотя едва можно повѣрить этому, когда находили возможнымъ лечить людей по теоріи, не изучивъ ихъ болѣзней. Лишь начиная съ XVIII ст. врачи оставили Гиппократа и Галена и принялись изучать свою науку въ операціонныхъ залахъ и въ клиникѣ, у постели больного. Подобная эволюція, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, совершается въ нашъ вѣкъ въ сферѣ соціальной. Врачевать недуги общества, удовлетворять его потребности, вести его впередъ по пути благополучія и прогресса—все это сдѣлается возможнымъ только тогда, когда его ближе узнаютъ, а этой цѣли можно достигнуть лишь путемъ постояннаго общенія съ самимъ обществомъ и при условіи, чтобы оно само принимало участіе въ этой великой работѣ“.

Подъ вліяніемъ и по примѣру московской организаціи созданы попечительства о бѣдныхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ: Харьковѣ, Саратовѣ, Пензѣ, Тулѣ, Ставрополѣ и др. Въ С.-Петербургской городской думѣ также былъ разработанъ вопросъ объ учрежденіи городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ и въ 1898 году изготовленъ былъ проектъ устройства ихъ, но окончательное обсужденіе его затормозилось.

Предшествующее изложеніе касается главнымъ образомъ *общественнаго призрѣнія*, какъ проявленія заботъ о неимущихъ со стороны государства и организованныхъ союзовъ общественнаго управленія. Это изложеніе необходимо дополнить данными о *частной благотворительности* въ Россіи.

Частная благотворительность долгое время продолжала сохранять свой первоначальный характеръ, выражаясь въ формѣ милостыни въ различныхъ ея видахъ. Съ начала XIX ст. впервые проявляется стремленіе объединить разроз-

ненныя усилія отдѣльныхъ благотворителей путемъ образованія союзовъ такихъ лицъ—благотворительныхъ обществъ. Особенное значеніе въ средѣ ихъ получило образованное въ 1802 г. нѣсколькими частными лицами „Филантропическое общество", которое въ 1816 г. получило законченную организацію подъ названіемъ „Императорское Человѣколюбивое общество". Цѣлью его было доставленіе бѣднымъ людямъ пособій всякаго рода какъ въ столицахъ, токъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Для этого оно озабочивалось устройствомъ заведеній: 1) „для призрѣнія дряхлыхъ, увѣчныхъ, неизлечимыхъ и вообще къ работамъ неспособныхъ; 2) для доставленія неимущимъ, кои въ состояніи работать, приличныхъ упражненій, снабжая ихъ матеріалами, собирая обработанныя ими издѣлія и сбывая оныя въ ихъ пользу, и 3) для воспитанія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей". Человѣколюбивое общество является до сихъ поръ однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ въ системѣ частной благотворительности у насъ. Къ царствованію Александра I относится образованіе еще нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ и отдѣльныхъ учрежденій какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи (въ 1803 г. въ Москвѣ графъ Шереметевъ устроилъ обширный Странноприимный домъ на 100 чел. и при немъ больницу на 50 чел.; въ 1807 г. основано было Виленское человѣколюбивое общество, въ 1812 г.—Харьковское общество благотворенія, въ 1822 г.—Дерптское общество помощи и друг.).

Развитіе частной благотворительности шло однако медленно, будучи обставлено весьма затруднительными условіями. Характерною во многихъ отношеніяхъ представляется судьба „Общества посѣщенія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ". Это общество возникло въ 1846 году, по иниціативѣ графа В. Ѳ. Соллогуба и князя В. Ѳ. Одоевскаго, которые руководились стремленіемъ упорядочить благотворительную помощь и по возможности парализовать безразборчивую подачу милостыни. Въ основу дѣятельности общества положено было сознаніе необходимости разслѣдованія нуждающихся для установленія степени и характера нужды, при посредствѣ личнаго посѣщенія бѣдныхъ членами Общества. Успѣхъ Общества далеко превысилъ скромныя ожиданія его иниціаторовъ,

которые на первыхъ порахъ задавались лишь цѣлью сдѣлать общество посредникомъ между благотворителями и нуждающимися. „Общество посѣщенія бѣдныхъ" очень скоро завоевало себѣ симпатію, выразившуюся въ притокѣ значительныхъ пожертвованій и вступленіи въ Общество многихъ дѣятелей изъ разныхъ слоевъ населенія. Расширивъ первоначальныя задачи свои, общество организовало рядъ благотворительныхъ учрежденій, въ томъ числѣ существующую до настоящаго времени „Максиміліановскую лечебницу" (названную такъ по имени Герцога Максиміліана Лейхтенбергскаго, принявшаго званіе попечителя Общества). Вскорѣ однако благопріятныя условія смѣнились тягостными затрудненіями, которыя привели къ закрытію Общества. Затрудненія эти явились на почвѣ той реакціи, которую вызвали революціонныя броженія въ западной Европѣ. По словамъ одного изъ дѣятелей Общества, „начались разговоры о томъ, что подъ покровомъ благотворительности во многихъ обществахъ прежде таились политическіе замыслы и заговоры; что трудно повѣрить, чтобы столько людей, большею частью занятыхъ службою или имѣющихъ иныя обязанности, употребляли свое свободное время на отысканіе и посѣщеніе бѣдныхъ по разнымъ трущобамъ, въ отдаленныхъ кварталахъ столицы, или просиживали до глубокой ночи въ душной конторѣ, для распредѣленія и раздачи имъ чужихъ денегъ и пріисканія къ тому средствъ, единственно изъ какой-то человѣколюбивой цѣли, безъ всякой задней мысли; что значительныя средства, коими располагаетъ общество, не имѣя никакихъ основныхъ капиталовъ, представляютъ также что-то загадочное... Многіе видѣли даже что-то угрожающее въ томъ, что Общество имѣло у себя болѣе восьми тысячъ адресовъ бѣдныхъ" [1]. Общество было заподозрѣно, и уже въ мартѣ 1848 года парализовано было самостоятельное его существованіе, и оно было присоединено къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу. Характерные для послѣдняго бюрократизмъ и формальное отношеніе къ дѣлу создали для Общества многочисленныя

[1] В. Боцяновскій. Князь В. Ѳ. Одоевскій и Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ. «Трудовая Помощь», Апрѣль—Май 1899 года.

затрудненія, приведшія мало по малу къ выходу изъ состава его многихъ дѣятелей и къ окончательной ликвидаціи его въ 1855 г.

Болѣе успѣшное развитіе частная благотворительность получила съ 60 годовъ. Этому въ значительной мѣрѣ содѣйствовало измѣненіе порядка образованія благотворительныхъ обществъ. До 1862 г. для учрежденія ихъ требовалось Высочайшее соизволеніе, что въ сильной степени осложняло порядокъ образованія ихъ. По сознанію самой администраціи, испрошеніе Высочайшаго разрѣшенія черезъ Комитетъ Министровъ, „съ одной стороны, обременяло правительство разсмотрѣніемъ дѣлъ излишнихъ, а съ другой—замедляло открытіе такихъ учрежденій, которыя должны быть всемѣрно поощряемы правительствомъ, такъ какъ цѣль ихъ самая благодѣтельная“. Въ результатѣ этого развитіе частной благотворительности шло медленно, такъ что до 1862 г. въ Россіи существовало и болѣе или менѣе правильно функціонировало только 6 благотворительныхъ обществъ. Въ 1862 г., въ измѣненіе указаннаго порядка, учрежденіе обществъ для взаимнаго вспомоществованія или съ другою благотворительною цѣлью предоставлено министерству внутреннихъ дѣлъ. При этомъ болѣе упрощенномъ порядкѣ частная благотворительность стала развиваться быстрѣе. Это было однимъ изъ многихъ выраженій того оживленія, которое наступило въ нашей общественной жизни въ эпоху Александра II. Въ 1897 г. созданы еще большія удобства для открытія благотворительныхъ обществъ: изданъ нормальный уставъ для Обществъ пособія бѣднымъ, преслѣдующихъ общеблаготворительныя цѣли; общества, принимающія этотъ уставъ, разрѣшаются къ открытію губернаторами.

Благотворительныя общества и учрежденія частной благотворительности находятся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Но и другія вѣдомства, какъ министерство военное, духовное вѣдомство, министерство юстиціи и другія также имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи различныя учрежденія, возникшія въ средѣ подвѣдомственныхъ этимъ органамъ управленій.

Кромѣ того, существуютъ самостоятельныя благотворительныя вѣдомства, имѣющія свою особую организацію и распространяющія свою дѣятельность по всей Россіи.

Важнѣйшимъ изъ нихъ является *Вѣдомство Учрежденій Императрицы Маріи*, начало образованія которому было положено въ 1797 г., когда Павелъ I поручилъ супругѣ своей, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, главное начальство надъ Петербургскимъ и Московскимъ Воспитательными Домами. Благодаря теплому участію Императрицы, дѣятельность этого вѣдомства постоянно расширялась, охвативъ мало-помалу всевозможные виды благотворенія. Въ настоящее время его дѣятельность распадается на слѣдующія отрасли: 1) Призрѣніе младенцевъ. Оба названные выше Воспитательные Дома принимаютъ ежегодно на свое попеченіе болѣе 20.000 незаконнорожденныхъ и до 500 законныхъ младенцевъ и призрѣваютъ въ округахъ до 80.000 питомцевъ, остающихся на попеченіи домовъ до 21-лѣтняго возраста. Для питомцевъ содержится болѣе 100 школъ, и въ послѣдніе годы, въ видахъ децентрализаціи дѣла, въ 10 городахъ учреждены ясли. 2) Призрѣніе бѣдныхъ дѣтей дается въ дѣтскихъ пріютахъ, существующихъ во многихъ городахъ. Въ нихъ призрѣвается до 14.000 дѣтей, при чемъ они обучаются грамотѣ по программамъ начальныхъ школъ и разнымъ мастерствамъ. 3) Призрѣніе глухонѣмыхъ: въ спеціальномъ для нихъ училищѣ воспитывается до 250 дѣтей обоего пола, при чемъ они также обучаются грамотѣ и разнымъ мастерствамъ. 4) Призрѣніе взрослыхъ: въ 36 богадѣльныхъ домахъ (въ томъ числѣ 2 вдовьихъ дома) ежегодно призрѣвается до 4.000 чел. престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ. 5) Подача врачебной помощи: въ 40 больницахъ вѣдомства, съ 4.200 кроватями, пользуются стаціонарно до 24.000 и амбулаторно до 400.000 больныхъ въ годъ.

Изъ отдѣльныхъ учрежденій, принадлежащихъ къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, особеннаго вниманія заслуживаетъ общество, имѣющее своею задачею призрѣніе слѣпыхъ въ Россіи. Это—*Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ*, возникшее стараніями К. К. Грота изъ главнаго попечительства для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ, открытаго послѣ войны 1877 г. Въ 1897 г. попечительство имѣло въ разныхъ мѣ-

стахъ Россіи 23 отдѣленія, 4 комитета и 58 уполномоченныхъ. Общее число членовъ попечительства—5.760 челов. Къ 1 Января 1900 года попечительство имѣло въ своихъ кассахъ болѣе 3.700.000 руб. Дѣятельность его выражается: 1) въ устройствѣ и веденіи училищъ для слѣпыхъ дѣтей; такихъ училищъ было въ 1897 г.—23, въ нихъ воспитывалось 655 дѣтей; 2) въ устройствѣ и содержаніи ремесленныхъ мастерскихъ для взрослыхъ слѣпыхъ (такихъ заведеній 2) и убѣжищъ для престарѣлыхъ слѣпыхъ (3); 3) въ печатаніи книгъ для слѣпыхъ выпуклымъ шрифтомъ; съ 1898 г. издается также ежемѣсячный журналъ для слѣпыхъ: „Досугъ слѣпыхъ"; 4) въ изданіи спеціальнаго журнала по вопросамъ, касающимся слѣпыхъ, подъ названіемъ „Слѣпецъ"; 5) въ мѣрахъ предупрежденія и леченія слѣпоты: съ 1893 г. попечительство командируетъ ежегодно въ разныя мѣстности глазные отряды для поданія безплатной медицинской помощи больнымъ глазами; въ 1899 г. снаряжено было 38 окулистическихъ отряда, при чемъ ими было принято болѣе 56.000 больныхъ и сдѣлано болѣе 16.000 операцій; попечительство имѣетъ 11 глазныхъ лечебницъ, содержитъ кровати въ лечебницахъ другихъ вѣдомствъ и 70 постоянныхъ пунктовъ для подачи помощи больнымъ глазами (въ 1899 г. было принято въ лечебницахъ и на пунктахъ болѣе 80.000 больныхъ, операцій произведено болѣе 16.000).

Второе мѣсто въ ряду особыхъ благотворительныхъ вѣдомствъ занимаетъ *Императорское Человѣколюбивое Общество*, о возникновеніи котораго сказано выше. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ 1902 г. (по поводу столѣтія Общества), Человѣколюбивое Общество имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи 221 благотворительныхъ заведенія, изъ нихъ: 63 учебно-воспитательныхъ, 63 богадѣльни, 32 дома безплатныхъ и дешевыхъ квартиръ, 3 ночлежныхъ пріюта, 8 народныхъ столовыхъ, 4 швейныхъ мастерскихъ, 29 комитетовъ общества и другихъ учрежденій и 20 медицинскихъ учрежденій. На содержаніе всѣхъ благотворительныхъ заведеній Общества, въ которыхъ получаютъ помощь болѣе 200.000 бѣдныхъ, ежегодно расходуется болѣе 1.500.000 р. Къ 1 января 1902 г. Общество располагало средствами въ размѣрѣ до

24 милліоновъ рублей (изъ нихъ болѣе 16 милл. руб., составляетъ стоимость недвижимыхъ имуществъ Общества). Со времени образованія Совѣта Общества въ 1816 года до 1902 г. въ распоряженіе его поступило на дѣла благотворенія, кромѣ недвижимой собственности, до 65.000.000 руб. Израсходовано было на помощь бѣднымъ до 60.000.000 руб., при чемъ благотворительною помощью Общество воспользовалось около 6.000.000 нуждающихся.

Видное и самостоятельное положеніе въ ряду благотворительныхъ обществъ занимаетъ *Россійское Общество Краснаго Креста*. Образованіе этого общества явилось результатомъ международной конвенціи, выработанной на конгрессѣ въ Женевѣ (въ 1864 г.)—конвенціи, въ силу которой больные и раненые воины, къ какой бы національности они ни принадлежали, пользуются покровительствомъ и помощью Краснаго Креста. Въ числѣ примкнувшихъ къ этой конвенціи государствъ была и Россія. Въ маѣ 1867 г. въ Петербургѣ учреждено было общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, переименованное впослѣдствіи въ общество Краснаго Креста подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Александровны. Въ первые годы дѣятельность этого общества не выходила изъ рамокъ непосредственныхъ задачъ по оказанію помощи на войнѣ; но затѣмъ, благодаря обильнымъ пожертвованіямъ, общество это расширило свои задачи, внеся въ нихъ и помощь въ общественныхъ бѣдствіяхъ разнаго рода. Много разъ оно приходило на помощь погорѣльцамъ, организовывало въ широкихъ размѣрахъ помощь въ случаяхъ эпидеміи, наводненій, неоднократно оказывало помощь переселенцамъ, пострадавшимъ отъ неурожая и т. д. Особенно значительна была помощь Краснаго Креста въ эпоху голода 1891—92 г. г. и холерной эпидеміи въ 1892—93 г. Повсемѣстно въ раіонѣ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей организованы были попечительства, проявившія большую энергію въ дѣлѣ помощи голодающимъ; о размѣрахъ ея можно судить по тому, что обществомъ собрано было и передано нуждающимся около 5.000.000 руб. Всего въ 22 губерніяхъ работало 22 попечительства Краснаго Креста, 145 уѣздныхъ, 1,279 участковыхъ и 352 сельскихъ попечительства. Обществомъ Краснаго Кре-

ста оказана весьма дѣятельная помощь и по случаю неурожая 1897 г., при чемъ въ его распоряженіе въ іюлѣ 1898 г. Государемъ Императоромъ пожертвована для этой цѣли сумма въ 500.000 руб. Общество Краснаго Креста, дѣйствуя подъ руководствомъ Главнаго Управленія, имѣетъ обширную сѣть постоянныхъ мѣстныхъ учрежденій: 6 окружныхъ и 80 мѣстныхъ управленій, 187 мѣстныхъ комитетовъ, 65 общинъ сестеръ милосердія, 2 общежитія для сестеръ, 2 учрежденія для фельдшерицъ, 2 убѣжища для бывшихъ сестеръ милосердія, 2 инвалидныхъ дома, нѣсколько лечебницъ, пріютовъ и т. под. учрежденій. Капиталъ общества составляетъ свыше 9 милліоновъ руб. (въ томъ числѣ около 4½ милл. запаснаго капитала на надобности военнаго времени).

Весьма важнымъ и также самостоятельнымъ благотворительнымъ учрежденіемъ является *Попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ*, состоящее подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Оно создано Именнымъ указомъ 1-го сентября 1895 года въ цѣляхъ поддержанія и дальнѣйшаго развитія учрежденій трудовой помощи бѣднымъ, какими являются возникшіе въ послѣднія десятилѣтія дома трудолюбія.

За время дѣятельности Попечительства число такихъ учрежденій возросло съ 43 до 135 (въ 1902 г.). Главною задачею домовъ трудолюбія является доставленіе возможности людямъ, почему либо не имѣющимъ работы, поддержать свое существованіе какимъ либо трудомъ. Большинство домовъ трудолюбія предоставляютъ своимъ кліентамъ не только работу, но и кровъ въ имѣющихся при нихъ ночлежныхъ пріютахъ. Кромѣ домовъ трудолюбія при содѣйствіи Попечительства возникли Ольгинскіе дѣтскіе пріюты, имѣющіе своею задачею дать трудовую подготовку нуждающимся дѣтямъ, которыхъ обучаютъ въ такихъ пріютахъ грамотѣ и различнымъ ремесламъ. Въ 1899 г. Попечительство сдѣлало первый опытъ примѣненія трудовой помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. Съ этою цѣлью въ приволжскія губерніи были командированы два отряда, организовавшіе на мѣстахъ общественныя работы, оказавшіе помощь кустарямъ и устроившіе во многихъ пунктахъ ясли для дѣтей.

Удачный опытъ, получившій довольно широкіе размѣры въ губерніяхъ Казанской, Вятской и Симбирской, былъ повторенъ и въ слѣдующіе годы на югѣ Россіи и особенно въ Сибири (въ 1900—1902 гг.). Дѣятельностью Попечительства о домахъ трудолюбія руководитъ Комитетъ изъ десяти членовъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Къ 1 января 1902 г. средства Попечительства составляли болѣе 1.126.000 рублей. Съ конца 1897 г. Попечительство предприняло изданіе журнала „Трудовая Помощь“, посвященнаго разработкѣ вопросовъ трудовой помощи бѣднымъ, а также и вообще вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. При Попечительствѣ создана и постоянно пополняется библіотека, имѣющая цѣлью собраніе сочиненій и различныхъ изданій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ по вопросамъ общественнаго призрѣнія, благотворительности и соприкасающимся съ ними соціальнымъ вопросамъ (мѣры помощи трудящимся, борьба съ алкоголизмомъ и т. д.). Библіотека, представляющая уже теперь очень богатую коллекцію спеціальныхъ работъ, обезпечена и на будущее время щедрымъ пожертвованіемъ капитала (въ 50.000 руб.) Государынею Императрицею Александрою Ѳеодоровною. Августѣйшею Покровительницею Попечительства пожертвованъ также значительный капиталъ (въ 70.000 руб.) для выдачи изъ процентовъ съ него премій, имѣющихъ цѣлью поощрить появленіе на русскомъ языкѣ сочиненій „по вопросамъ о призрѣніи бѣдныхъ, о благотворительности и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся“. Преміи Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны присуждаются Комитетомъ Попечительства черезъ каждые три года (большая премія въ размѣрѣ 2.000 руб. и три малыхъ — одна въ 1.000 руб. и двѣ по 750 руб.). Къ соисканію премій допускаются какъ сочиненія на предложенныя Комитетомъ темы, такъ и на темы, избранныя самими авторами. Въ числѣ темъ, предложенныхъ для соисканія 1904 г., имѣются слѣдующія: „историческій обзоръ мѣръ общественнаго призрѣнія и благотворительности въ Россіи“, „современная система призрѣнія бѣдныхъ въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ“, „объ источникахъ средствъ

на мѣропріятія въ пользу бѣдныхъ", „посредничество въ пріисканіи работъ, какъ одна изъ формъ трудовой помощи", „трудовая помощь въ случаяхъ неурожая и другихъ народныхъ бѣдствій".

Общее количество благотворительныхъ обществъ и учрежденій въ Россіи не поддается точному подсчету за отсутствіемъ полной и регулярной статистической регистраціи. Въ послѣдніе годы предпринята была Вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи работа по собранію свѣдѣній о русской благотворительности. Опубликованный сборникъ насчитываетъ къ началу 1899 г. всего 14.854 благотворительныхъ учрежденій; въ это число входятъ какъ благотворительныя общества (7.349), такъ и благотворительныя заведенія (7.505). Они владѣютъ капиталами въ 405 милліоновъ рублей (около 35% этой суммы вложены въ недвижимыя имущества). Годовой доходъ всѣхъ русскихъ благотворительныхъ учрежденій исчисленъ въ 59 милл. руб., а общій итогъ расходовъ въ 1899 г. опредѣленъ въ суммѣ 48½ мил. рублей.

IX. ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО [1].

Понятіе фабричнаго законодательства.—Развитіе фабрично-заводской промышленности въ Россіи.—Эпоха Петра Великаго.—Преемники Петра.—Работныя регулы 1741 г.—Эпоха Екатерины II.—Начало XIX вѣка.—Законъ 1835 г.—Позднѣйшія отдѣльныя мѣропріятія.—Начало развитія мѣръ охраны труда.—Законы 1882, 1884, 1885, 1886, 1897 и 1899 гг. ~ 1903 г.

Порядокъ и условія найма рабочихъ. — Заключеніе договора, его прекращеніе и расторженіе. — Регулированіе взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ. — Правила внутренняго распорядка. — Денежныя взысканія съ рабочихъ и нормы, ихъ регулирующія.

Рабочее время.—Работа малолѣтнихъ, подростковъ, женщинъ, взрослыхъ рабочихъ.—Продолжительность работы.—Ночная работа.—Сверхурочныя работы.

Фабричная инспекція. — Ея обязанности. — Губернскія и Главное присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ.—Школьное обученіе малолѣтнихъ.—Врачебная помощь рабочимъ.

Подъ терминомъ „фабричное законодательство" въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣются въ виду главнымъ образомъ тѣ законодательныя нормы, которыя направлены къ

[1] Обстоятельныя свѣдѣнія о развитіи и современномъ положеніи фабричнаго законодательства въ различныхъ государствахъ см. въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ изданіи «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» и переведенныхъ на русскій языкъ въ книгѣ: «Законодательная охрана труда». Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1901 г. См. также: А. Федоровъ. Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ. Спб. 1884. — В. Андреевъ. Работа малолѣтнихъ въ Россіи и Западной Европѣ. Спб. 1884.—Л. Нисселовичъ. Исторія фабрично-заводскаго законодательства Россійской Имперіи. Спб. 1883 — 1884 (двѣ части). — М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Спб. 1900. — Е. М. Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. М. 1897. — В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. Спб. 1900.

установленію порядка и благоустройства въ заведеніяхъ крупной промышленности и которыя, ближайшимъ образомъ, регулируютъ взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ и ограждаютъ интересы послѣднихъ отъ неблагопріятнаго вліянія современныхъ условій крупнаго производства. Въ Россіи это законодательство развилось въ послѣднія десятилѣтія подъ воздѣйствіемъ потребностей, обнаруженныхъ развитіемъ крупной промышленности, и по примѣру и подъ вліяніемъ законодательства западно-европейскихъ государствъ. Изъ этихъ государствъ наибольшее развитіе фабричное законодательство получило въ Англіи, гдѣ оно возникло ранѣе другихъ странъ (первый законъ о работѣ малолѣтнихъ былъ изданъ въ 1802 г.), и въ Германіи, которая создала цѣлую систему соціально-политическихъ мѣръ по охранѣ труда (Arbeiterschutzgesetzgebung). Ограничиваясь, въ настоящее время, въ отношеніи къ западно-европейскому фабричному законодательству указаніемъ на нѣкоторыя литературныя пособія, мы представимъ краткій историческій обзоръ развитія русскаго законодательства по фабричному дѣлу и изложимъ важнѣйшія постановленія дѣйствующихъ законодательныхъ нормъ въ отношеніи къ отмѣченнымъ сторонамъ фабрично-заводской промышленности.

Прочное начало развитію фабрично-заводской промышленности въ Россіи положено было Петромъ Великимъ. Отдѣльные заводы и фабрики устраивались и ранѣе, начиная съ XVI вѣка, но систематическія мѣры къ насажденію крупной промышленности предприняты были Петромъ, къ царствованію котораго относятся и первыя зачатки фабричнаго законодательства. Главное содержаніе этого законодательства въ то время составляли разнообразныя мѣры поощренія къ устройству фабрикъ и заводовъ. Первоначально различныя льготы и привилегіи предоставлялись особыми указами отдѣльнымъ лицамъ, но затѣмъ онѣ присвоены были всѣмъ вообще учредителямъ новыхъ фабрикъ. Такъ, они, а также ихъ товарищи или „компанейщики“, ихъ дѣти и мастеровые освобождались отъ всякой службы; въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени они освобождались отъ всякихъ податей и избавлялись отъ таможенныхъ пошлинъ какъ при выпискѣ матеріаловъ и инструментовъ, такъ и при продажѣ своихъ издѣлій; имъ, далѣе, выдавались безпроцентныя денежныя ссуды; наконецъ, въ интересахъ обезпеченія фабрикъ рабочими, всѣмъ фабрикантамъ даровано было право, составлявшее прежде привилегію однихъ дворянъ,—покупать къ своимъ фабрикамъ деревни вмѣстѣ съ крестьянами.

Постановленія объ этихъ льготахъ были изложены въ Регламентѣ 1723 года Мануфактуръ-Коллегіи, которая была создана въ качествѣ органа главнаго управленія и надзора за всѣми фабриками, при чемъ на нее были возложены и заботы объ учрежденіи новыхъ фабрикъ, „а особливо такихъ, для которыхъ въ Россійской Имперіи матеріалы найтися могутъ“. Регламентъ предписываетъ Коллегіи принимать и иныя различныя мѣры для обезпеченія успѣшнаго развитія фабрикъ. Взамѣнъ прежняго порядка учрежденія фабрикъ путемъ испрошенія особаго Высочайшаго разрѣшенія устанавливается новый: „дозволяется всѣмъ, какого-бъ чина и достоинства кто ни былъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ за благо обрящетъ, мануфактуры и фабрики заводитъ“, о чемъ велѣно было публиковать во всеобщее свѣдѣніе, „и кто такіе явятся, о тѣхъ Коллегіи въ началѣ смотрѣть о пожиткахъ и достоинствѣ и потомъ не токмо скорсе рѣшеніе учинить, но и всякіе способы показать, коимъ образомъ съ тою мануфактурою наилучше ему поступать, и въ доброе и неубыточное состояніе провести“.

Хотя главною задачею постановленій Регламента было содѣйствіе устроителямъ фабрикъ, но въ немъ встрѣчается и мѣра, проникнутая заботливостью объ интересахъ рабочихъ: Коллегіи предписывается „накрѣпко“ смотрѣть, чтобы фабриканты „порядочно содержали мастеровыхъ и учениковъ и чинили имъ награжденіе по достоинству“.

При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго широкое развитіе получила концессіонная система привилегій и казенныхъ и частныхъ монополій. Льготы, которыя Петръ предоставлялъ фабрикантамъ въ виду новизны дѣла, возведены были въ систему и считались непремѣнною принадлежностью промышленныхъ предпріятій. Съ другой стороны быстро совершался процессъ закрѣпощенія на фабрикахъ

крестьянъ, что порождало многочисленныя злоупотребленія. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ законодательныхъ актовъ этой эпохи является „Генеральный указъ о всѣхъ фабрикахъ“ 7 января 1736 года. Этотъ указъ окончательно закрѣпостилъ при фабрикахъ „всѣхъ, которые при фабрикахъ обрѣтались и обучались какому-нибудь мастерству, принадлежащему къ фабрикамъ и мануфактурамъ, а не обрѣтались въ простыхъ работахъ“ — „тѣмъ велѣно быть вѣчно при фабрикахъ“; указъ предоставляетъ фабрикантамъ покупать крестьянъ, но безъ земли и не цѣлыми деревнями; кромѣ того повелѣно было отсылать на фабрики „тѣхъ, кои въ ссорахъ или дракахъ или пьяные взяты будутъ“, а также праздношатающихся по городамъ и слободамъ и по уѣздамъ; наконецъ, фабрикантамъ предоставлена была почти неограниченная власть надъ ихъ рабочими „для того, что тѣ мастеровые люди будутъ за ними крѣпостные“.

Къ кратковременному царствованію Іоанна Антоновича, въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны, относится весьма интересный законодательный актъ — „Работныя регулы на суконныя и карозейныя фабрики“ 2 сентября 1741 года. Этотъ актъ былъ изданъ съ цѣлью упорядоченія дѣла на суконныхъ фабрикахъ, при чемъ онъ впервые коснулся многихъ сторонъ фабричнаго быта. „Работныя регулы“ устанавливаютъ размѣръ заработной платы, регулируютъ время уплаты, продолжительность рабочаго дня (около 14 часовъ въ сутки), предписываютъ нѣкоторыя правила относительно санитарнаго состоянія фабрикъ. Работа женщинъ (женъ и дочерей рабочихъ) была признана необязательной, а тѣ, которыя сами пожелаютъ работать, должны получать плату наравнѣ съ рабочими-мужчинами. Фабрикантамъ предписано было часть штрафныхъ денегъ употреблять на призрѣніе больныхъ въ госпиталѣ. Съ точки зрѣнія заботъ объ интересахъ рабочихъ, интересны слѣдующія постановленія „Работныхъ регулъ“: „Такожъ и фабричный содержатель долженъ фабричныхъ людей своихъ, когда по должности своей надлежаще исполняютъ, ни въ чемъ не обижать и не оскорблять; но по всякому христіанскому достоинству добро и хорошо содержать, а особливо имъ заслуженную плату, когда ни въ какую вину не впали, немедленно исправно платить“. „И понеже понынѣ очень срамно было видѣть, что большее число мастеровыхъ и работныхъ людей такъ ободранно и плохо одѣты находятся, что нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ, того ради фабрикантамъ накрѣпко повелѣвается той некрасотѣ народа упредить, и вышеупомянутымъ людямъ всѣхъ суконныхъ фабрикъ, всѣмъ сплошь ровную одежду на извѣстное число годовъ, для различенія отъ другихъ по усмотрѣнію своему скоро сдѣлать: а деньги за оную, во что стало, у нихъ изъ заслуженной платы по малу вычесть“. Право фабрикантовъ наказывать своихъ рабочихъ было ограничено, и размѣръ денежныхъ штрафовъ, которымъ могли подлежать рабочіе, былъ болѣе или менѣе точно опредѣленъ.

Изъ позднѣйшихъ, до Екатерины II, законовъ наиболѣе существеннымъ является указъ Петра III, 29 марта 1762 г., которымъ совершенно запрещена была покупка къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ съ землями и безъ земель; указомъ было, съ другой стороны, предписано „въ заведеніи вновь фабрикъ и заводовъ никому воспрещенія не чинить“.

Эпоха Екатерины II въ отношеніи къ фабричному законодательству распадается на два періода. Въ теченіе перваго проводятся начала свободной конкурренціи, выразившіяся въ уничтоженіи многихъ привилегій, ограниченій и полномъ уничтоженіи частныхъ и казенныхъ монополій. Въ 1775 г. возвѣщена „безпредѣльная свобода“ устройства промышленныхъ заведеній всѣми и каждымъ безъ какого-либо испрошенія на то дозволенія. Но эта свобода въ 1785 г. была съужена грамотами дворянству и городамъ. Право устройства фабрикъ и заводовъ было ограничено. За дворянами право свободнаго открытія ихъ осталось лишь въ деревняхъ; изъ другихъ сословій оно предоставлялось лишь купцамъ 1-й и 2-й гильдіи. При такихъ условіяхъ фабрично-заводская промышленность сдѣлалась монополіею дворянъ и крупныхъ капиталистовъ изъ среды городскихъ обывателей.

Въ царствованіе Александра I право устройства фабрикъ было предоставлено крестьянамъ, не исключая и по-

мѣщичьихъ крѣпостныхъ, и мѣщанамъ подъ условіемъ уплаты гильдейскихъ пошлинъ. Для открытія фабрикъ установлено было разрѣшеніе мѣстнаго губернскаго начальства, которое должно доводить о томъ до свѣдѣнія министерства финансовъ. Съ образованіемъ министерствъ въ 1802 году дѣла фабрично-заводской промышленности первоначально были сосредоточены въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ особой экспедиціи государственнаго хозяйства. Послѣ ряда преобразованій эта отрасль была, наконецъ, въ 1819 г. передана въ вѣдѣніе министерства финансовъ, въ департаментъ мануфактуръ и внѣшней торговли.

Значительное развитіе фабрично-заводской дѣятельности, особенно въ столичныхъ губерніяхъ, въ связи съ увеличеніемъ случаевъ взаимнаго неудовольствія между фабрикантами и рабочими, вызвало появленіе въ 1835 году закона, главною задачею которою было регулированіе договорныхъ отношеній между фабрикантаии и рабочими. Этотъ законъ, имѣя въ основѣ своей принципъ обязательности для обѣихъ сторонъ заключеннаго договора до истеченія его срока, въ отдѣльныхъ постановленіяхъ своихъ направленъ былъ главнымъ образомъ на обезпеченіе интересовъ фабрикантовъ. Порядившійся для работы на фабрикѣ не могъ оставить ее безъ согласія хозяина до истеченія договорнаго срока или же просить прибавки заработной платы; хозяинъ же могъ и до истеченія срока найма уволить рабочаго за неисполненіе имъ своихъ обязанностей или за дурное поведеніе, однако съ условіемъ предупрежденія за двѣ недѣли до дня увольненія. Въ огражденіе интересовъ рабочихъ запрещено было произвольно понижать заработную плату и выдавать ее какими либо товарами и припасами вмѣсто денегъ.

Правила 1835 г. изданы были въ видѣ опыта для обѣихъ столицъ и лишь впослѣдствіи были распространяемы на другія мѣстности Россіи, при чемъ многія постановленія ихъ сохраняли свое дѣйствіе до изданія закона 3 іюня 1886 года о наймѣ рабочихъ на фабрики.

Недостаточность закона 1835 г. обнаружилась въ очень скоромъ времени, жизнь выдвигала все новые вопросы, не находившіе себѣ отвѣта въ нормахъ закона; частыя столкновенія между фабрикантами и рабочими, вызывавшія безпорядки и волненія въ средѣ ихъ, постоянныя жалобы и обращенія рабочихъ къ властямъ обнаруживали потребность въ надлежащемъ регулированіи фабричныхъ отношеній. Но въ теченіе долгаго времени потребность эта получала удовлетвореніе лишь въ мѣрахъ административно-полицейскаго характера и въ изданіи распоряженій для упорядоченія отдѣльныхъ частностей. Такъ, въ виду обнаружившагося неудобства существующаго порядка разбора жалобъ и взаимныхъ претензій между фабрикантами и рабочими большихъ промышленныхъ центровъ, въ 1858 г. въ Петербургѣ при управѣ благочинія была создана особая временная коммисія для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми; въ слѣдующемъ году такая же коммисія была учреждена въ Москвѣ. Затѣмъ въ 1860 г., вслѣдствіе безпорядковъ среди рабочихъ на одной изъ желѣзныхъ дорогъ, были изданы особыя правила о наймѣ рабочихъ для исполненія казенныхъ и общественныхъ работъ. Въ 1866 г. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ на содержателей фабрикъ и заводовъ возложена обязанность завести для рабочихъ больницы, по разсчету 1 кровати на 100 рабочихъ. Въ 1869 г. произведены были нѣкоторыя законодательныя измѣненія въ порядкѣ найма и содержанія горнозаводскихъ рабочихъ. Въ 1870 году губернаторамъ предоставлены были особыя полномочія для своевременнаго предупрежденія и прекращенія административными мѣрами стачекъ рабочихъ.

Наряду съ изданіемъ этихъ отдѣльнымъ мѣропріятій дѣлались опыты разработки болѣе общихъ законодательныхъ нормъ по вопросамъ фабричнаго быта. Въ числѣ этихъ опытовъ наибольшее значеніе имѣли проектъ правилъ 1860 г. и проекты коммисій гр. Игнатьева 1870 г. и коммисіи гр. Валуева 1875 г. Въ проектѣ правилъ 1860 г., между прочимъ, были намѣчены нѣкоторыя изъ позднѣе принятыхъ мѣръ, какъ воспрещеніе работы малолѣтнихъ до 12 лѣтъ, ограниченіе работы малолѣтнихъ отъ 12 до 16 лѣтъ, установленіе фабричной инспекціи. Проекты двухъ названныхъ коммисій имѣли въ виду подробное регулированіе договорныхъ отношеній между нанимателями и рабочими.

При разсмотрѣніи, въ 1880 г., проекта коммисіи гр. Валуева Государственный Совѣтъ призналъ однако, что изданіе систематическаго законоположенія о наймѣ рабочихъ было бы несвоевременно и что устраненіе существующихъ недостатковъ всего удобнѣе могло бы быть достигнуто путемъ отдѣльнаго разрѣшенія, въ законодательномъ порядкѣ, тѣхъ вопросовъ, которые по указаніямъ практики окажутся имѣющими наиболѣе важное и настоятельное значеніе.

Это рѣшеніе Государственнаго Совѣта опредѣлило направленіе дальнѣйшихъ мѣропріятій въ области фабричнаго законодательства. Въ послѣдующіе годы изданъ былъ рядъ отдѣльныхъ законовъ, внесшихъ весьма существенныя измѣненія и нововведенія въ нормы, регулирующія фабричныя отношенія и фабричный бытъ въ Россіи. Этими законами нормированы были нѣкоторыя изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ фабричной жизни, а именно рабочее время различныхъ категорій рабочихъ (малолѣтнихъ, подростковъ, женщинъ и взрослыхъ рабочихъ мужчинъ), порядокъ и условія найма рабочихъ, взаимныя отношенія между хозяевыми и рабочими; кромѣ того, установлена система надзора за точнымъ исполненіемъ фабричнаго законодательства. Относящіяся сюда нормы излагаются ниже въ систематическомъ порядкѣ; цредварительно же не лишнимъ будетъ слѣдующій хронологическій перечень новѣйшихъ фабричныхъ законовъ.

1) Первымъ изъ нихъ по времени изданія является законъ 1 іюня 1882 года о работѣ малолѣтнихъ рабочихъ. Онъ былъ изданъ по почину министра финансовъ Н. Х. Бунге въ цѣляхъ удовлетворенія давно обнаружившейся потребности оградить здоровье подростающихъ поколѣній отъ вреднаго вліянія условій фабричнаго труда. Этимъ закономъ воспрещена была работа малолѣтнихъ до 12 лѣтъ и ограничена работа малолѣтнихъ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ.— Для наблюденія за выполненіемъ закона создана была фабричная инспекція.

2) Законъ 12 іюня 1884 г., устанавливавшій нѣкоторыя мѣры въ отношеніи къ школьному обученію малолѣтнихъ и увеличивавшій составъ фабричной инспекціи.

3) Законъ 3 іюня 1885 г. о воспрещеніи для женщинъ

и подростковъ, не достигшихъ 17-ти лѣтъ, ночныхъ работъ на хлопчато-бумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ.

4) Законы 1882 и 1885 г. были изданы въ качествѣ временныхъ мѣръ. Постановленія ихъ были пересмотрѣны въ 1900 г. и, подвергнутыя нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, сдѣланы постоянными въ законѣ 24 апрѣля 1900 г. о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ.

4) Законъ 3 іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ. Этотъ законъ былъ вызванъ значительными волненіями и безпорядками (въ 1884 и 1885 г.), возникшими въ Московскомъ и Владимірскомъ раіонахъ вслѣдствіе сокращенія производства и пониженія заработной платы. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ этихъ волненій правительство рѣшило проявить энергичное вмѣшательство въ отношенія фабрикантовъ къ рабочимъ. Для характеристики мотивовъ, побудившихъ правительство къ изданію закона 1886 г., большой интересъ представляетъ письмо министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого къ министру финансовъ Н. Х. Бунге (4 февраля 1885 г.). Въ письмѣ этомъ указывалось, „что изслѣдованіе мѣстными властями причинъ означенныхъ стачекъ рабочихъ обнаружило, что онѣ грозили принять размѣры серьезныхъ волненій и произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ законодательствѣ общихъ постановленій, на основаніи коихъ могли быть опредѣлены взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Такой пробѣлъ въ законодательствѣ открывалъ широкій просторъ произвольнымъ, клонящимся къ ущербу рабочихъ распоряженіямъ фабрикантовъ и ставилъ первыхъ въ крайне тяжелое положеніе: несоразмѣрно высокіе штрафы часто служили въ рукахъ фабрикантовъ способомъ искусственнаго пониженія заработной платы, высокія цѣны въ фабричныхъ лавкахъ вызывали ропотъ и недовольство рабочихъ, а недостатокъ точности при составленіи условій съ малограмотными людьми порождалъ постоянные споры въ разсчетахъ задѣльной платы. Совокупность всѣхъ изложенныхъ и многихъ другихъ причинъ влекла за собою, какъ показалъ опытъ, возникновеніе безпорядковъ, а необходимость для прекращенія ихъ при-

бѣгать къ содѣйствію войска въ достаточной степени свидѣтельствуетъ о настоятельности приступить къ составленію такихъ правилъ, которыя, ограничивая въ извѣстной степени произволъ фабрикантовъ, способствовали бы устраненію въ будущемъ прискорбныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ Московской и Владимірской губерніяхъ".

5) Законъ 2 іюня 1897 г. о нормировкѣ рабочаго времени былъ вызванъ отчасти ходатайствами представителей промышленности Петербургскаго и Лодзинскаго раіоновъ, отчасти соображеніями административно-полицейскаго характера (подъ вліяніемъ безпорядковъ на петербургскихъ фабрикахъ въ 1896 г., на почвѣ недовольства значительною продолжительностью работъ). Закономъ 1897 г. установлена норма продолжительности рабочаго дня въ $11^1/_2$ часовъ; для рабочихъ, занятыхъ хотя бы отчасти ночью, рабочее время уменьшено до 10 час. Законъ проводитъ также росписаніе праздниковъ, въ которые работъ не полагается, и опредѣляетъ понятіе сверхурочной работы.

6) Законъ 7 іюня 1899 г., завершившій организацію фабричнаго надзора, установившій фабричные округа и главное фабричное присутствіе для высшаго руководства дѣятельностью органовъ фабричнаго надзора.

Порядокъ и условія найма рабочихъ. Взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ.—Въ основѣ наемныхъ отношеній по дѣйствующему законодательству лежатъ общія начала договорнаго права. При этомъ однако свобода рабочаго договора въ значительной степени ограничивается главнымъ образомъ въ огражденіе интересовъ рабочихъ.

Договоръ о наймѣ рабочаго заключается выдачею ему разсчетной книжки, въ которой означаются условія найма и отмѣчаются всѣ производимые съ рабочимъ разсчеты и дѣлаемыя съ него денежныя взысканія за прогулъ и неисправную работу. Весьма важнымъ для предупрежденія невыгодныхъ для рабочаго сдѣлокъ постановленіемъ является требованіе закона (ст. 92 уст. о промышл.), въ силу котораго въ договоры, заключаемые между заводскими и фабричными управленіями и рабочими, воспрещается вносить условія, клонящіяся къ ограниченію сторонъ въ пользованіи правомъ судебной защиты. Разсчетная книжка должна

быть выдана рабочему не позднѣе семи дней по допущеніи его къ работѣ; она хранится у рабочаго и передается имъ въ контору фабрики или завода для необходимыхъ въ ней записей.

Наемъ рабочихъ производится или 1) на опредѣленный срокъ, или 2) на срокъ неопредѣленный, или 3) на время исполненія какой либо работы. При наймѣ на неопредѣленный срокъ каждая изъ договаривающихся сторонъ можетъ отказаться отъ договора, предупредивъ другую сторону о своемъ намѣреніи за двѣ недѣли. Прежде окончанія заключеннаго съ рабочими срочнаго договора, или безъ предупрежденія за двѣ недѣли рабочихъ, нанятыхъ на срокъ неопредѣленный, воспрещается понижать заработную ихъ плату установленіемъ новыхъ основаній для ея исчисленія, сокращеніемъ числа рабочихъ дней въ недѣлю, или числа рабочихъ часовъ въ сутки, измѣненіемъ правилъ урочной работы и т. п. Съ другой стороны, и рабочіе не въ правѣ, до окончанія договора, требовать какихъ либо измѣненій въ условіяхъ договора.

Выдача заработной платы рабочимъ должна производиться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца, и не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ, при наймѣ на срокъ неопредѣленный. При наймѣ на время исполненія какой либо опредѣленной работы, за исключеніемъ поштучной, плата выдается въ сроки, опредѣленные условіями договора, а если въ немъ нѣтъ никакихъ объ этомъ условій, то плата производится по окончаніи работы. Счетамъ съ рабочими ведется особая книга.—Рабочій, не получившій въ срокъ причитающейся ему платы, не по собственной винѣ, имѣетъ право требовать судебнымъ порядкомъ расторженія заключеннаго съ нимъ договора.

По заявленному на этомъ основаніи, въ теченіе мѣсяца, иску рабочаго, если просьба его будетъ признана уважительною, въ его пользу присуждается, сверхъ должной ему фабрикантомъ суммы, особое вознагражденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ: при срочномъ договорѣ—двухмѣсячнаго его заработка, а при договорѣ на срокъ неопредѣленный—двухнедѣльнаго заработка. Расплата съ рабочими, вмѣсто денегъ, купонами, условными знаками, товаромъ и иными предметами воспрещается.

При производствѣ рабочимъ платежей не дозволяется дѣлать вычеты въ уплату ихъ долговъ. Къ числу такихъ долговъ не относятся однако разсчеты, производимые фабричнымъ управленіемъ за выданныя рабочимъ впередъ деньги, за продовольствіе рабочихъ и снабженіе ихъ необходимыми предметами потребленія изъ фабричныхъ лавокъ. Завѣдывающимъ фабриками или заводами воспрещается взимать проценты на деньги, выдаваемыя рабочимъ заимообразно, и вознагражденіе за ручательство по ихъ денежнымъ обязательствамъ. Воспрещается взиманіе съ рабочихъ платы за врачебную помощь, за освѣщеніе мастерскихъ и за пользованіе при работахъ для фабрики орудіями производства.

Договоръ найма рабочаго съ фабричнымъ или заводскимъ управленіемъ прекращается: по взаимному соглашенію сторонъ; по истеченіи срока найма; по окончаніи той работы, исполненіемъ которой былъ обусловленъ срокъ найма; по истеченіи двухъ недѣль со дня заявленія одною изъ сторонъ желанія расторгнуть договоръ, если онъ былъ заключенъ на срокъ неопредѣленный; за высылкою рабочаго, по распоряженію подлежащей власти, изъ мѣста исполненія договора или присужденіемъ его къ заключенію на срокъ, дѣлающій исполненіе договора невозможнымъ; за обязательнымъ поступленіемъ рабочаго въ военную или общественную службу; за отказомъ со стороны установленія, выдающаго рабочему срочный видъ на жительство, возобновить этотъ видъ; за пріостановленіемъ въ теченіе болѣе семи дней работъ на фабрикѣ или заводѣ, вслѣдствіе пожара, наводненія, взрыва паровика и т. п. случая.

Расторженіе договора завѣдывающимъ фабрикою или заводомъ можетъ имѣть мѣсто: вслѣдствіе неявки рабочаго на работу болѣе трехъ дней сряду или въ сложности болѣе шести дней въ мѣсяцъ, безъ уважительныхъ причинъ; вслѣдствіе неявки рабочаго на работу болѣе двухъ недѣлъ сряду по уважительнымъ причинамъ; вслѣдствіе привлеченія рабочаго къ слѣдствію и суду по обвиненію въ преступномъ дѣйствіи, влекущемъ за собою наказаніе не ниже заключенія въ тюрьмѣ, вслѣдствіе дерзости или дурнаго поведенія рабочаго, если оно угрожаетъ имущественнымъ интересамъ фабрики или личной безопасности кого либо изъ лицъ фабричнаго управленія или наблюдающихъ за работами, и вслѣдствіе обнаруженія у рабочаго заразительной болѣзни. Рабочему, уволенному съ фабрики на основаніи изложеннаго постановленія, предоставляется въ теченіе мѣсяца обжаловать расторженіе договора суду, который, если признаетъ жалобу основательною, постановляетъ о вознагражденіи рабочаго за понесенные убытки.

Рабочему предоставляется требовать расторженія договора (кромѣ упомянутаго случая неполученія въ срокъ причитающейся платы, не по его винѣ): вслѣдствіе побоевъ, тяжкихъ оскорбленій и вообще дурного обращенія со стороны хозяина, его семейства или лицъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за рабочими; вслѣдствіе нарушенія условій по снабженію рабочихъ пищею и помѣщеніемъ; вслѣдствіе работы, разрушительно дѣйствующей на его здоровье; вслѣдствіе смерти мужа или жены, а равно другихъ членовъ семейства, если эти послѣдніе доставляли ему средства къ существованію, вслѣдствіе обязательнаго поступленія на военную службу члена его семейства, доставлявшаго послѣднему средства къ существованію.

Въ цѣляхъ урегулированія взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ законъ устанавливаетъ детальныя нормы по исполненію хозяевами и ихъ довѣренными всякаго рода разсчетовъ съ рабочими какъ по непосредственному предмету договорнаго отношенія (работѣ), такъ и по различнымъ отношеніямъ, возникающимъ вслѣдствіе доставленія фабрикою рабочимъ тѣхъ или иныхъ удобствъ (квартиръ, бань, фабричныхъ лавокъ и т. п.).

Въ законѣ изложены правила, на основаніи которыхъ владѣльцы заведеній фабричной промышленности принимаютъ мѣры къ охраненію благоустройства и порядка на фабрикахъ; за предъявленіе къ рабочимъ несогласныхъ съ этими правилами требованій, они подвергаются отвѣтственности.

Заводское или фабричное управленіе составляетъ правила внутренняго распорядка, который долженъ быть соблюдаемъ рабочими на заводѣ или фабрикѣ. Правила эти утверждаются фабричнымъ инспекторомъ и должны быть

выставлены во всѣхъ мастерскихъ. Они должны заключать въ себѣ: росписаніе (отдѣльное для взрослыхъ и малолѣтнихъ) часовъ начала и окончанія работъ, количество и продолжительность перерывовъ работъ для отдыха, завтрака и обѣда, а также времени окончанія работъ предъ воскресными и праздничными днями; росписаніе праздниковъ, въ которые не полагается работы; порядокъ и продолжительность отлучекъ съ работъ, а для рабочихъ, живущихъ въ заводскихъ или фабричныхъ помѣщеніяхъ, и изъ этихъ помѣщеній; условія пользованія устроенными для рабочихъ при фабрикѣ квартирами, банями и т. п.: указаніе времени чистки машинъ и аппаратовъ, а также уборки мастерскихъ, если по условіямъ найма эти обязанности лежатъ на рабочихъ; опредѣленіе обязанностей рабочихъ по соблюденію порядка и благочинія на фабрикѣ; требованія предосторожности при обращеніи съ машинами, огнемъ и т. п.

Въ видахъ поддержанія на фабрикахъ должнаго порядка, завѣдывающимъ ими предоставляется налагать на рабочихъ собственною властью денежныя взысканія: 1) за неисправную работу; 2) за прогулъ и 3) за нарушеніе порядка. Никакія взысканія не могутъ быть налагаемы по другимъ поводамъ. Вознагражденіе за убытокъ, причиненный фабриканту, можетъ быть присуждено съ рабочаго лишь въ судебномъ порядкѣ.

Распоряженія завѣдывающаго фабрикою о наложеніи на рабочихъ взысканій обжалованію не подлежатъ. Въ устраненіе злоупотребленій по этому предмету, имѣвшихъ мѣсто очень часто до изданія закона 3 іюня 1886 г., установлены слѣдующія мѣры. Если при посѣщеніи фабрики чинами фабричной инспекціи будетъ обнаружено изъ заявленій, сдѣланныхъ рабочими, несогласное съ требованіями закона наложеніе на нихъ взысканій, то завѣдывающій привлекается къ отвѣтственности. Только-что упомянутыя требованія закона выражаются прежде всего въ опредѣленіи понятія нарушеній и основаній къ наложенію взысканій, а также въ указаніи размѣра ихъ.

„Неисправною работою“ считается производство рабочимъ, по небрежности, недоброкачественныхъ издѣлій, порча имъ при работѣ матеріаловъ, машинъ и иныхъ орудій производства. Взысканія за неисправную работу опредѣляются соотвѣтственно свойству неисправности.

„Прогуломъ“, въ отличіе отъ несвоевременной явки на работу или самовольной отлучки съ нея, считается неявка на работу въ теченіе не менѣе половины рабочаго дня. Взысканіе за прогулъ налагается соотвѣтственно заработной платѣ рабочаго и количеству прогульнаго времени въ теченіе одного мѣсяца, въ размѣрѣ, не превышающемъ однако суммы шестидневнаго его заработка. Сверхъ того, у рабочаго удерживается заработная плата за все прогульное время. Для рабочихъ, получающихъ задѣльную плату, взысканіе за прогулъ опредѣляется въ размѣрѣ не свыше одного рубля за прогульный день и не свыше трехъ рублей въ общей сложности. Взысканіе за прогулъ не налагается, если неявка на работу произошла вслѣдствіе лишенія рабочаго свободы, по внезапному разоренію отъ несчастнаго случая, вслѣдствіе пожара, разлива рѣкъ, болѣзни, лишающей возможности отлучиться изъ дому, и смерти или тяжкой болѣзни родителей, мужа, жены и дѣтей.

„Нарушеніемъ порядка“ признаются: несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка съ нея; несоблюденіе въ заводскихъ или фабричныхъ помѣщеніяхъ установленныхъ правилъ осторожности при обращеніи съ огнемъ; несоблюденіе въ этихъ помѣщеніяхъ чистоты и опрятности; нарушеніе тишины при работахъ шумомъ, крикомъ, бранью, ссорою или дракою; непослушаніе; приходъ на работу въ пьяномъ видѣ; устройство недозволенныхъ игръ на деньги; несоблюденіе правилъ внутренняго на фабрикахъ распорядка. Взысканіе за отдѣльное нарушеніе порядка не можетъ превышать одного рубля.

Взысканія, налагаемыя за неисправную работу, за прогулъ и за нарушеніе порядка, въ общей ихъ сложности, не должны превышать одной трети заработка, дѣйствительно причитающагося рабочему къ установленному сроку. Въ случаѣ превышенія этой нормы завѣдывающему фабрикою предоставляется расторгнуть заключенный съ рабочимъ договоръ найма, при чемъ уволенному на такомъ основаніи рабочему предоставляется въ теченіе одного мѣсяца обжаловать расторженіе договора суду, который, если признаетъ

жалобу основательною, постановляетъ о вознагражденіи рабочаго за понесенные имъ убытки.

Взысканія съ рабочихъ обращаются на составленіе особаго при каждой фабрикѣ капитала [1], состоящаго въ завѣдываніи фабричнаго управленія. Капиталъ этотъ можетъ быть употребляемъ, съ разрѣшенія инспектора, только на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабочихъ, согласно правиламъ, издаваемымъ министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Рабочее время.—Дѣти, не достигшія 12 лѣтъ, къ работамъ не допускаются. Малолѣтніе въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы работою болѣе 8-ми часовъ въ сутки, не включая времени, потребнаго на завтракъ, обѣдъ, ужинъ, посѣщеніе школы и на отдыхъ. При этомъ работа не должна продолжаться долѣе 4-хъ часовъ сряду. Въ изъятіе изъ этого общаго правила, законъ 1900 г. допустилъ непрерывную работу малолѣтнихъ до 6 часовъ, когда по роду производства это представляется необходимымъ; при этомъ общая продолжительность работъ въ сутки для малолѣтнихъ не должна превышать 6-ти часовъ. Законъ 1900 г. разрѣшилъ также въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ введена 18-тичасовая непрерывная дневная работа двумя смѣнами, занимать работой малолѣтнихъ въ теченіе 9 часовъ въ сутки, при чемъ работа ихъ не должна продолжаться долѣе 4½ часовъ сряду. Ночная работа (отъ 9 час. вечера до 5 час. утра) воспрещена малолѣтнимъ; въ видѣ изъятія, въ стеклянномъ производствѣ допускается ночная работа малолѣтнихъ до 6 часовъ въ сутки, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе слѣдующаго рабочаго дня малолѣтній не былъ допускаемъ къ работѣ ранѣе истеченія 12 часовъ со времени освобожденія его отъ работы, производившейся въ ночное время. Малолѣтнихъ воспрещается занимать работою въ воскресенье и высокоторжественные дни (допускается однако изъятіе, съ разрѣшенія инспекціи, на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ въ названные дни производятся работы взрослыми). Малолѣтнихъ воспрещается допускать къ такимъ производствамъ или отдѣльнымъ работамъ, которыя по свойствамъ своимъ вредны для здоровья малолѣтнихъ или должны быть признаваемы для нихъ изнурительными. Указаніе такихъ производствъ и работъ предоставляется взаимному соглашенію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; списокъ такихъ заведеній и работъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе чрезъ Правительствующій Сенатъ.

[1] Къ 1 Января 1901 г. наличность такихъ капиталовъ составляла около 2,600,000 руб. Въ теченіе 1900 г. поступило штрафныхъ взысканій около 872,000 руб., израсходовано около 690,000 руб.

Подросткамъ въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ и женщинамъ ночная работа (между 9 час. веч. и 5 час. утра) воспрещена въ производствахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Въ особо уважительныхъ случаяхъ (какъ то: послѣ продолжительной, вызванной несчастіемъ остановки работъ на фабрикѣ или при усиленномъ поступленіи заказовъ передъ ярмарками) можетъ быть разрѣшаема ночная работа подросткамъ и женщинамъ съ тѣмъ, чтобы въ теченіе каждаго слѣдующаго за ночною работою дня они не были допускаемы къ работѣ ранѣе полудня.

По отношенію къ взрослымъ рабочимъ предѣльная продолжительность рабочаго времени была установлена закономъ 2 іюня 1897 г. По опредѣленію этого закона, рабочимъ временемъ или числомъ рабочихъ часовъ въ сутки для каждаго взрослаго рабочаго считается то время, въ теченіе котораго, согласно договору найма, рабочій обязанъ находиться въ промышленномъ заведеніи и въ распоряженіи завѣдывающаго имъ для исполненія работы. При рудничныхъ работахъ время, употребляемое рабочимъ на спускъ въ рудникъ и на подъемъ изъ рудника, считается рабочимъ временемъ. Ночнымъ временемъ считается: при работѣ одною смѣною—время между 9 час. веч. и 5 час. у., а при работѣ двумя и болѣе смѣнами—время между 10 час. веч. и 4 час. у. Для рабочихъ, занятыхъ исключительно въ дневное время, рабочее время не должно превышать 11½ часовъ въ сутки, а по субботамъ и въ кануны двунадесятыхъ праздниковъ—10-ти часовъ (въ канунъ праздника Рождества Христова работы должны быть окончены не позже полудня). Для рабочихъ, занятыхъ хотя бы отчасти въ ночное время, рабочее время не должно превышать 10-ти часовъ въ сутки. Работа въ воскресные и особо поименован-

ные праздничные дни (такихъ дней 14) воспрещается. По взаимному соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ и рабочихъ, послѣдніе могутъ быть занимаемы работою въ воскресный день взамѣнъ будничнаго. О такомъ соглашеніи должно быть доведено до свѣдѣнія подлежащихъ должностныхъ лицъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за исполненіемъ этого закона (т. е. въ большинствѣ случаевъ—чиновъ фабричнаго надзора). Сверхурочною считается работа, производимая рабочимъ въ промышленномъ заведеніи въ такое время, когда, по правиламъ внутренняго распорядка, ему не полагается работы. Сверхурочныя работы допускаются не иначе, какъ по особому соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочимъ. Въ договоръ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства. Подробности примѣненія изложенныхъ положеній законъ предоставляетъ регулировать подлежащимъ министрамъ въ особыхъ правилахъ и инструкціяхъ. Правилами и циркулярами о сверхурочныхъ работахъ примѣненію послѣднихъ предоставленъ широкій просторъ.

Фабричная инспекція. Ближайшій надзоръ за исполненіемъ требованій фабричныхъ законовъ и вообще за всѣмъ внутреннимъ бытомъ на фабрикахъ и заводахъ принадлежитъ чинамъ фабричной инспекціи. По закону 7 іюня 1899 г. составъ послѣдней былъ значительно увеличенъ и доведенъ до 257 инспекторовъ (6 окружныхъ, 61 старшихъ и 190 фабричныхъ инспекторовъ); между тѣмъ по штату 1884 г. полагалось всего 20 инспекторовъ (главный инспекторъ, 9 окружныхъ и 10 помощниковъ ихъ). Въ промежуткѣ между указанными датами составъ инспекціи постепенно увеличивался по мѣрѣ распространенія на новыя раіоны правилъ о надзорѣ за фабриками и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ.

Обязанности фабричной инспекціи представляются чрезвычайно многочисленными, сложными и по существу весьма важными. Она наблюдаетъ за исполненіемъ правилъ о работѣ различныхъ категорій рабочихъ; разслѣдуетъ и выясняетъ причины несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и

заводахъ; на ней лежитъ наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ правилъ о наймѣ рабочихъ и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, а въ случаѣ споровъ и недоразумѣній она озабочивается предупрежденіемъ столкновеній и неудовольствій и, путемъ разслѣдованія на мѣстѣ, принимаетъ мѣры къ приведенію сторонъ къ миролюбивому соглашенію; на инспекціи, далѣе, лежитъ возбужденіе преслѣдованія, а въ подлежащихъ случаяхъ и обвиненіе на судѣ виновныхъ въ нарушеніи различныхъ правилъ. На чиновъ инспекціи возложена также забота объ учрежденіи особыхъ или приспособленіи существующихъ школъ для обученія малолѣтнихъ, наблюденіе за исполненіемъ правилъ о врачебной помощи рабочимъ и обязательныхъ постановленій главнаго и мѣстныхъ присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, издаваемыхъ въ огражденіе жизни и здоровья рабочихъ. На инспекціи лежитъ также собираніе, провѣрка и отчасти обработка статистическихъ данныхъ о промышленныхъ заведеніяхъ, надзоръ за исполненіемъ правилъ о паровыхъ котлахъ и производство періодическихъ освидѣтельствованій и испытаній ихъ.

Въ каждой изъ 61 губерній, въ которыхъ организованъ фабричный надзоръ, учреждены присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. Они состоятъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ старшаго фабричнаго инспектора губерніи, окружнаго горнаго инженера и представителей прокурорскаго надзора, полиціи и мѣстныхъ фабрикантовъ и горнопромышленниковъ. Присутствіямъ предоставляется издавать обязательныя постановленія, въ развитіе и примѣненіе къ мѣстнымъ условіямъ или частнымъ случаямъ правилъ, установленныхъ главнымъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіемъ. Послѣднее было учреждено по закону 7 іюня 1899 г. при министерствѣ финансовъ „для высшаго наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законоположеній, касающихся соблюденія на фабрикахъ, заводахъ и въ горныхъ промыслахъ должнаго порядка и благоустройства“. Оно состоитъ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, изъ членовъ отъ министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, военнаго и юстиціи и пред-

ставителей промышленности. Главное присутствіе издаетъ инструкціи, наказы и правила въ развитіе дѣйствующихъ законовъ по обезпеченію порядка и благоустройства въ промышленныхъ заведеніяхъ, разрѣшаетъ жалобы на постановленія мѣстныхъ присутствій, отмѣняетъ постановленія послѣднихъ, несогласныя съ закономъ, разъясняетъ сомнѣнія, встрѣчаемыя мѣстными присутствіями при примѣненіи законовъ и административныхъ распоряженій.

Школьное обученіе малолѣтнихъ [1]. Дѣйствующій законъ не обязываетъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній ни къ устройству школъ для обученія работающихъ у нихъ малолѣтнихъ, ни къ понужденію послѣднихъ посѣщать школы или ихъ родителей—къ посылкѣ дѣтей въ школы. Законъ ограничивается лишь требованіемъ, чтобы тѣмъ изъ малолѣтнихъ, которые не имѣютъ свидѣтельствъ одноклассныхъ народныхъ училищъ, владѣльцы фабрикъ предоставляли возможность посѣщать школу не менѣе 3-хъ часовъ ежедневно или 18 часовъ въ недѣлю. На подчиненныхъ надзору фабрикахъ въ 1898 г. было 446 школъ, на которыя владѣльцы фабрикъ расходовали 732.000 руб.; эти школы посѣщали около 40,000 не работающихъ на фабрикахъ дѣтей изъ семействъ рабочихъ и 4.300 малолѣтнихъ, работавшихъ на фабрикахъ.

Врачебная помощь рабочимъ регулируется закономъ 1866 г., обязывающимъ фабрикантовъ устраивать при фабрикахъ больницы для рабочихъ. Фактически это правило выполняется лишь болѣе крупными фабриками, имѣющими болѣе 100 рабочихъ. Какъ показываютъ статистическія данныя за 1898 г., изъ 19.292 подчиненныхъ надзору инспекціи промышленныхъ заведеній безплатная врачебная помощь оказывалась рабочимъ только на 3.488 фабрикахъ, т. е. лишь на 18% всего ихъ числа; но такъ какъ эти именно наиболѣе крупныя фабрики, то численность рабочихъ, пользующихся этою помощью, достигаетъ 70% общаго числа рабочихъ на фабрикахъ (1.454.000). Въ общей суммѣ всѣ упомянутыя 3.488 фабрикъ израсходовали въ 1898 г.

[1] Е. Дементьевъ. Фабричное законодательство (статья въ сборникѣ «Россія въ концѣ XIX вѣка». Спб. 1900 г. стр. 457).

на этотъ предметъ 3.980.000 руб., что составляетъ по 3 р. 91 к. въ среднемъ на каждаго рабочаго.

Русское фабричное законодательство, достигшее въ 20-лѣтній періодъ времени значительнаго развитія, оставляетъ однако еще неразрѣшенными многіе важные вопросы, получившіе регламентацію въ нѣкоторыхъ другихъ законодательствахъ, какъ напримѣръ надлежащее регулированіе мѣръ огражденія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, мѣръ обезпеченія рабочихъ, временно или навсегда потерявшихъ трудоспособность, а также семействъ рабочихъ, погибшихъ на работѣ, мѣръ обезпеченія рабочихъ во время безработицы и т. п. Въ послѣдніе годы многіе изъ очередныхъ вопросовъ фабричнаго законодательства были подвергнуты тщательному обсужденію въ печати и разработкѣ въ правительственныхъ сферахъ, и въ недалекомъ будущемъ можно ожидать дальнѣйшаго развитія законодательства по этой существенной отрасли нашей соціально-экономической жизни.

